

Леонид Влодавец

Адская рулетка

Часть первая. ЭХ, ЗАЛЕТНЫЕ!

МЕРЗНИ, МЕРЗНИ, ВОЛЧИЙ ХВОСТ!

Пи-пи! — ух ты, ну и крысяра пробежала! Серая, скользкая, с хвостом сантиметров на тридцать. Всего в метре от меня проскочила, гадина! Обдала помоечной вонью, простучала коготками по сырой доске, плавающей в грязюке, и усвистала куда-то в темный угол из полосы тусклого серого света, проникающего в подпол через отдушину в фундаменте. А ведь еще не вечер, простите за пошлость. Что ж тут ночью-то будет? Если эта лысохвостая сообщит подружкам о результатах разведки, мне nepоздоровится. Ведь и сожрать могут, прости Господи!

А что? Мясо, поди-ка, свежее. Почти деликатес импортный. В подвале этом небось никаких продуктов давно уже не держали. Правда, проросшая белыми плетями, похожими на полиэтиленовые «кембрики», картошка еще гниет в одном углу, но кто ж откажется оттого, что повкуснее?

Ну, блин! Пули не попали, гранаты не достали, а крысы сожрали — веселая судьба! Дурее не придумаешь! Нет, есть еще одна глупая смерть — замерзнуть тут на хрен. Я ведь два года в прохладных краях не бывал. Организм на карибский климат настроился, потом — на эмиратский. А тут уже почти октябрь. Заморозки по ночам. Вполне можно с непривычки дуба врезать.

И поделом! Мерзни, мерзни, волчий хвост! Сам виноват, сукин сын, сам дурака свалял, так тебе и надо, гражданин Баринов. Потому что ни один осел в такое дерьмо не влип бы. А ты, Дмитрий Сергеич, влип, и капитально.

Нет, это надо же! Рассказать кому из знакомых — не поверят... Открутиться от кучи неприятностей в закордонных вояжах и оказаться таким лохом на земле Российской. Точно, отвыкать от Отечества — вредно для здоровья. Расслабляешься, о сложностях жизни забываешь. А она, эта засранка жизнь, всегда готова вмочить тебе по голове.

Нет, меня по голове не били. И вообще пальцем не тронули. Но ощущение полного и прогрессирующего обалдения присутствует. Черт побери, час назад, всего лишь час назад — это в башке не укладывается! — я еще сидел в самолете, заходившем на глиссаду Шереметьева-2, и любовался в иллюминатор цепью московских водохранилищ, обрамленных уже желтеющими лесами и посадками. Вспоминались всякие стихи из классики типа: «Когда ж постранствуешь, воротись домой — и дым Отечества нам сладок и приятен...» Из «Горя от ума». В школе проходили.

«Горе от ума» — это как раз мой клинический случай. Точнее, от того, что посчитал себя шибко умным и опытным. И еще — оттого, что поверил, будто все передрыги уже позади. Наверно, человек, с которого снимают ондатровую шапку перед дверями родного подъезда на Пушкинской после успешной ночной поездки в Коптево, ощущает ту же досаду.

Да, расслабился. Просто не думал, что может получиться что-то похожее. Голова была занята совсем другими мыслями.

Можно ли было предположить, что вместо «дворца» Чуда-юда, до которого от аэропорта всего полчаса, максимум — сорок пять минут езды, я попаду в сырой подвал?

Впрочем, утром я еще не знал, что к вечеру окажусь в России, а не в Швейцарии. Все, как это обыкновенно бывает у моего отца, решилось в самый последний момент.

«Труба зовет!» — кликнул он меня и Танечку, которая вдруг объявила себя Хавроньей Премудрой «в лягушачьей шкурке».

Именно с этого момента все и закрутилось.

«Вот что, господа, — сказал отец с очень пасмурным лицом, — в Швейцарию вы сегодня не полетите».

Я посмотрел на Таню, объявившую себя Хрюшкой. Мне еще предстояло решить, верить или не верить ее сообщению, а тут Чудо-юдо с новой вводной вылезает. Подумал: сейчас скажет, что надо лететь в какие-нибудь джунгли Амазонки, африканскую саванну или не приведи Бог на Кавказ. Мол, там где-нибудь какие-то запчасти от Black Box`а или перстни Аль-Мохадов в продажу выбросили.

«В Москву придется заехать», — произнес он так, будто сообщал нечто ужасное и совершенно для нас неприемлемое.

У меня тогда появилось на роже недоуменное выражение. Я, правда, в зеркало не смотрел, но вполне мог себе представить, как выглядела моя морда. Должно быть, на ней отразилось полное непонимание ситуации. Таня-Лена, наоборот, просияла. Именно в этот момент я почти поверил в то, что она действительно Хрюшка. Потому что у нее тогда вырвалось: «И Кольку с Катькой сможем увидеть?» Настоящая Танечка это сыграть не смогла бы, даже если б получила такой приказ. Я только успел подумать, что в отличие от нее Колька с Катькой радости от встречи не испытают. Маму они хорошо помнили, хотя бы по тете Зине.

«Да, сможете, — кивнул Чудо-юдо. — Но сначала вам придется немного поработать. С нашим Лопухиным плохо. Рана нагноилась, но это не самое страшное».

Я сразу понял, о ком речь, хотя фамилию Лопухин не слышал давненько. Вася, оператор ГВЭП, которого ранило осколком мины, выпущенной духами Ахмад-хана.

«А что, тут подходящего госпиталя нет?» — спросил я.

Чудо-юдо поглядел на меня, как на неразумного ребенка, и растолковал, что в госпитале, а возможно, и в более неприятных инстанциях, нам всем (а шейху Абу Рустему в особенности) придется долго и нудно объяснять, каким образом гражданский инженер-программист, мирно въехавший в ОАЭ по приглашению Абу Рустема для разработки усовершенствованных систем защиты информации банковских компьютеров шейха от несанкционированного проникновения, получил осколочное ранение. Само по себе ранение в бедро, конечно, можно было бы излечить, и не отправляя Васю в госпиталь. У Абу Рустема своя, домашняя медицина на весьма высоком уровне. Но, к сожалению, главную опасность для Васиной жизни представляет не рана, а некие странные явления в мозгу, природу которых могут

выяснить только в Москве, в нашем ЦТМО.

Тут уже Ленка-Танька зашевелилась и сказала, что гораздо лучше будет, если Сергей Сергеевич сам сопроводит Васю до столицы, потому что медик из нее хреновый, а из меня — вообще никакой. Сергей Сергеевич довольно грубо заметил: «Я это без тебя знаю. Но у меня сегодня очень важные переговоры, которые я отложить не могу. Постарайся удержать Васю хотя бы сутки. Я верю, что у тебя это получится».

Так или иначе, мы полетели. На личном самолете Абу Рустема. Как летели, я толком не помню, потому что мне пришлось вкалывать не то за стюарда, не то за медбрата. Короче, «подай-принеси». Доктор Сулейман, которого командировал с нами Абу Рустем, занимался исключительно Васиной ногой, а Лена-Таня — мозгами.

С ногой было относительно просто. Сулейман колол Васе препараты, которыми намеревался предотвратить сепсис, столбняк и гангрену, — я профан, а потому и не интересовался толком, что от чего.

А вот с головой у него было действительно плохо. Сулейману при всем его лумумбовском образовании там было нечего ловить. Он был обычным врачом. Хавронья тут соображала много круче, но ей тоже еще врубиться надо было.

Конкретно с Васиным мозгом творилось вот что. У него, как объяснила мне Премудрая, спонтанно возбуждались и проявляли какую-то там гиперактивность, а потом опять же неизвестно почему наглухо затухали на время отдельные участки коры и подкорки, разрывались нейронные цепи, возникали какие-то неустойчивые связи и творилось еще хрен знает что. Вася при этом то полностью вырубался — у него несколько раз на две-три минуты дыхание прекращалось, сердце останавливалось и исчезала болевая чувствительность, — то, наоборот, начинал дергаться и буйствовать. Он то терял речь, то она возвращалась, то начинал говорить по-арабски, то по-русски, а иногда издавал серии звуков, ни к какому из живых или мертвых языков не относящихся.

Где-то уже над территорией России — маршрут полета так и остался для меня загадкой, помню только, что была одна промежуточная посадка для дозаправки, но в каком месте, не усек — Ленка-Таня доискалась первопричины. Васин мозг был поражен чем-то вроде компьютерного вируса. Каким-то образом ему в башку влетела нейролингвистическая программа, дезорганизовавшая деятельность мозга. Соответственно, ее надо было вычислить и подавить. Но это было не очень просто сделать. Во-первых, программа-вирус, оказывается, могла представлять собой набор самых разных сигналов-импульсов. Это могла быть цепь каких-то графических, визуально воспринимаемых символов. Могла быть группа звуковых сигналов, мог быть набор микровибраций или иных осязательных воздействий, наконец, даже некий букет запахов или вкусовых ощущений. Больше того, могла быть какая-нибудь сложная комбинация сигналов-импульсов, для восприятия которой требовалось задействовать все пять групп органов чувств. Например, для «запуска» «программы-вируса» в Васину черепушку ему могло понадобиться увидеть, скажем, красный треугольник, услышать звуки «у» и «ф», ощутить удар током в три вольта, унюхать запах духов «Шанель j 5» и попробовать на вкус лягушку в солидоле. То есть, прежде чем отловить «вирус», надо было знать, как он попал к Васе в башку. А во-вторых — и это было еще сложнее, — требовалось разобраться, какой набор знаков составлял эту программу. Наконец, нужно было вычислить, каким способом подавить зловредную программу и стереть ее из Васиной памяти.

При этом Ленка-Танька постоянно задавала вопросы, как и при каких обстоятельствах что происходило. Там, в заброшенном кишлаке. Естественно, что мне там было больше делать нечего, кроме как наблюдать за природой, погодой и пением птиц. Вместе с тем многое из того, на что я не обращал внимания — и не мог обратить, если уж честно! — могло,

оказывается, иметь самые серьезные последствия для Васи. Хрюшка ругалась, называла меня остолопом, но вспомнить те мелкие подробности, какие ее интересовали, я так и не смог.

Кое-что она, конечно, сумела. Прежде всего установить, что Вася, похоже, пострадал от того самого оружия, которое обслуживал. То есть, от ГВЭПа. Я в принципах работы генератора вихревых электромагнитных полей не разбирался. Правда, Чудо-юдо мне наскоро показал, какие кнопки нажимать, и объяснил, чем один режим отличается от другого, но это было каплей в море по сравнению с тем, что надо было знать. Оказывается, у ГВЭПов, кроме режимов работы, имелись всякие там частоты, мощности, фокусировки, амплитуды и хрен знает что еще. Нормальному дураку вроде меня с гуманитарно-бандитско-военным образованием и не выговорить. После того как я рассказал, как Вася раздолбал вертолет «джикеев», тоже оснащенный ГВЭПом, Хрюшка хлопнула меня по брюху своей ручкой, доставшейся ей от Танечки. Ее-то идея осенила, а я две минуты не мог дыхание восстановить, потому что у пани Кармелюк этот прием был, видимо, рассчитан совсем на другие задачи.

Не знаю, правильно ли я понял ее объяснения, пытаюсь сделать вдох, но уловил следующее. Когда вертолет навел на нас осевой вектор — Хрюшка сказала, что это некая условная линия, вокруг которой крутится спираль из вихревых электромагнитных токов, — и попробовал долбануть нас чем-то типа энергетического луча, Вася встретил этот удар таким же лучом, только вектор его был диаметрально противоположен «джикейскому». Но главная беда для вертолетчиков была в том, что их ГВЭП работал в автоматическом режиме перезарядки, а наш — в ручном. Иными словами, израсходовав энергию на выстрел в режиме «О» (огневом), «джикейский» ГВЭП автоматически переключался на поглощение энергии в режиме «Д» (деструкционном), то есть таком, при котором вражеский объект разрушался на атомы, а энергия втягивалась ГВЭПом. Но Васин ГВЭП не переключился на аналогичный с противоположным знаком, а, наоборот, вбросил своему оппоненту в «глотку» какие-то там лишние кило— или мегаджоули. От них-то и пришел конец вертолету. Но при этом с тыльной части нашего ГВЭПа образовалось какое-то наведенное поле вроде воронки, которая и закрутила Васе мозги.

Конечно, это все были догадки. И главное достижение Ленки-Таньки состояло в том, что Вася все-таки долетел до Москвы в живом виде.

В Шереметьеве нас ждали. Ни с погранцами, ни с таможней, ни с какими иными инстанциями проблем не было. Васю на носилках погрузили в «рафик» с эмблемами ЦТМО, куда влезли Ленка-Таня и доктор Сулейман, а также незнакомые мне врач и медсестра. Наверно, если б я тоже влез с ними, то сейчас не сидел бы в подполе и не слышал крысиного шуршания...

Но получилось именно так, как получилось.

Мне захотелось маленько отдохнуть от обязанностей, взваленных на меня во время перелета. К тому же ехать в «Чероки» — им, конечно, управлял Юрка Лосенок — мне показалось более приятным. Очень желательно было потрепаться с ним о нынешней московской жизни, которая за два года моего отсутствия наверняка сильно шагнула вперед, в светлое рыночное будущее. В машине сидели два бойца из службы безопасности ЦТМ (их Чудо-юдо обычно именовал «службой быта»). Чего бояться? Время дневное — начало пятого, в конце сентября еще светло.

Ничего с нами не стряслось бы, не позвони Игорь Чебаков. По сотовому. Он вообще-то хотел пригласить Лосенка, как старого друга, на одну небольшую пьянку. Про меня Игоряша, конечно, и в мыслях не имел. Старшему братцу сестер Чебаковых, разумеется, не следовало знать, что мы с Ленкой вернулись в Москву. Тем более что в Москву прилетела лишь «сущность» Хавроньи Премудрой, а отнюдь не ее внешность. Если б его и пригласили

встречать, он бы ни за что не узнал сестричку в облике Танечки Кармелюк. Нашему шампиньонщику незачем было перегружать мозги лишней информацией.

Но я-то, болван, пребывал в приподнятом настроении, хотя еще ни грамма не

выпил. Мне приятно было увидеть Лосенка, а когда позвонил Игорь, то сразу вспомнился наш давний дембель, когда мы трое, случайно оказавшись в одном вагоне, поехали в гости к Чебакову. Как подрались в электричке с «афганцами», как познакомились с Ленкой и Зинкой... В конце концов, если б не Чебаков, я и не узнал бы, что такое Чудо-юдо.

В общем, несмотря на то, что службист Лосенок заявил, будто шибко занят, даже не намекнув, что я сижу у него в машине, какой-то бес дернул меня отобрать у Юрки трубку и лично поприветствовать шампиньонного босса. Оказалось, правда, что с шампиньонами покончено и теперь он втиснулся в банкиры, ворочает большими тугриками и новую дачу сооружает.

Наверно, и тут еще мог быть обратный ход. Например, вволю наболтавшись по телефону, сказать, что сегодня надо помыться после дальней дороги, детишек посмотреть, а вот завтра или послезавтра — гульнуть по полной форме. Но оказалось, что Игорек гудит не где-нибудь, а всего в двух шагах от нас, еще не выбравшихся, по сути дела, из аэропорта. В «Олимпийце». И тот же бес, пакостник эдакий, повелел мне отдать команду: «Сворачиваем!» Прокатившись по дорожке мимо нескольких десятков недостроенных коттеджей, а потом свернув налево, под шлагбаум, проехали мимо пустующих теннисных кортов, баскетбольных и волейбольных площадок и очутились перед зданием оригинальной архитектуры, больше всего напоминающим чудовищных размеров сарай с односкатной крышей вроде того, в котором мы с Лосенком и Игорем ночевали в первую ночь по приезде к Чебаковым. Конечно, я об этом вспомнил. И Лосенок, который колебался, махнул рукой. А что? Чудо-юдо прилетит дай Бог завтра. Не Мишку же бояться, в самом деле? Тем более что он, по конфиденциальным сведениям Лосенка, сам гуляет. Ему можно, а нам нельзя? Несправедливо же, биомать!

Игорь нас встретил перед дверями «Олимпийца», облобызал и потянул в заведение. Мне стало ясно, что на своих ногах нам отсюда не уйти. Нормальный хозяин, само собой, шофера не поит. Но ведь я ж не эксплуататор трудового народа? Тем более что Игоряша клятвенно заверял, будто найдет нам в этой гостинице и ночлег, и все остальное. В принципе он никогда треплом не был. Короче, мы с Лосенком ему поверили. Я приказал бойцам из охраны, чтоб не скучали, отправляться домой. Мол, позвоним, когда за нами подъехать надо будет. На всякий случай назначили контрольный срок — десять утра. Тогда, дескать, приезжайте и ищите. Само собой, если Чудо-юдо появится — заехать за нами по дороге в аэропорт. Мол, все путем, батя, я — орел, тебя встречать приехал. Игоряша даже обещал импортное средство от похмелья, которое по телевизору рекламируют.

Ребята посомневались, но уехали. А мы пошли в ресторан. Там два зала было... Красивых таких, больших, расписных. В одном Игорь со своей конторой и приглашенными должен был отмечать пятилетие фирмы, а другой еще пустовал. Время-то детское, пяти часов не проникало. Официально у них все в 17.30 стартовало, народ еще не собрался. Игорек нам быстренько организовал малый столик в стороне от большого банкетного, где мы и квакнули по маленькой. Для разминки, так сказать. В этом заведении, помнится, нас все время на спортивную терминологию тянуло. Должно быть, название «Олимпиец» сказывалось.

До начала главного сабантуя оставалось еще минут десять, а мы уже разогрелись и решили выйти на площадку перед зданием, свежим воздухом подышать. Там лесок неподалеку, осенней природой веяло... Покурили. Игорь вышел, оказывается, по делу: какого-то важного друга надо было лично встретить. Когда этот друг подъехал — и не хило подъехал, между прочим, на «Линкольне»! — Игорек, напрягшись, как ефрейтор перед генералом, побежал

встречать. Лосенок решил подготовиться к обязательной программе и пошел в сортир по малой нужде. А у меня как назло еще полбычка недокурено было. Не бросать же?! Знал бы, не закуривал его вовсе.

Откуда эти трое вынырнули? Был бы трезвый, наверняка углядел бы пораньше. Должно быть, они как-то тихо из-за столба вышли — у входа столбы такие угловатые — или из-за угла. Там два выступа у здания, в плане — как коротконогая буква П. В общем, проморгал я их. Проморгал от расслабухи, а не от их жуткого профессионализма.

Но кое-что у них вышло клево. Сам подход отлично вышел, это прежде всего.

Конечно, они у меня не закурить спросили. И не стали орать: «Э, братан, пди сда!» Никакой приклатненности не просвечивало, ни в словах, ни во внешнем виде. А вот службой от них пахло, причем неприметность этих мужиков и просчитанность скорости перемещений — не дергаясь, но быстро — явно тянула на комитетскую. Сразу заблокировали, отжали, отодвинули от тех направлений, с которых меня могли бы увидеть ненужные для них люди. Четко, как в кино, блин!

Поэтому, когда один из них спокойным служебным голосом спросил: «Гражданин Баринов Дмитрий Сергеевич?» — моя подтуманенная хмельком голова не нашла ничего лучше, как дать языку приказ ответить: «Да, а в чем дело?» Мужик достал ксивку, даже открыл, по-моему, на пару секунд и вежливо представился: «Майор Агафонов, Федеральная служба безопасности. Прошу пройти с нами к машине».

Ей-богу, я не то чтобы дернуться, подумать о сопротивлении не успел, как они меня крепко взяли за локти — не заламывая, между прочим! — и легким полубегом поднесли к машине, за рулем которой сидел четвертый. Браслетки надели только в автомобиле, когда посадили в серединку на заднее сиденье. Черные очки на глаза — ничего не вижу. И ходу!

Повертелись-повертелись — раза четыре меняли направление движения — и погнали по какой-то солидной дороге. Скорее всего по Ленинградке в сторону от Москвы. Но это я потом усек, потому что воздух стал меньше бензином пахнуть. Но даже тогда, когда я понял, что меня не на Лубянку и не в Лефортово везут, у меня еще сомнений не появилось. Я четко знал, что ФСБ меня продержит ровно столько, сколько потребуется Чуду-юду, чтоб долететь до Москвы и навести все нужные справки, а потом еще какое-то время, по его личному усмотрению. Максимум — трое-четверо суток. Такие случаи бывали в прошлом, когда старые друзья хотели напомнить Сергею Сергеевичу о своем существовании, пригласить его к сотрудничеству, напомнить о том, что Христос и товарищи по партии завещали делиться... При всех тогдашних задержаниях меня пристраивали в какое-нибудь комфортное помещение, где находились тихие и интеллигентные люди, как правило — профессиональные подсадные, которые без особого успеха пытались узнать что-нибудь лишнее. Должно быть, раньше их куратором была «пятерка». Что-то уж очень часто они заводились на политические темы. Но нынче, при полной и беспардонной свободе слова, самая лихая раскрутка на эту тему годилась только на то, чтоб задницу подтереть. Даже если эта раскрутка упиралась каким-то концом аж в подготовку насильственного свержения нынешней власти, оскорбление чести и достоинства Президента (говорят, целая куча юристов и филологов заседала, чтоб определить, какими словами можно выразаться по его адресу, а какими нельзя) или разжигание национальной розни, доказать, что гражданин не просто высказывал свою точку зрения, а имел в виду конкретные деяния, не смог бы ни один прокурор.

Но весь опыт прошлого оказался по фигу. Меня привезли в какой-то явно не привилегированный зачуханный дачный поселок, на какую-то покосившуюся дачку, где наскоро обыскали, изъяв все содержимое карманов. После этого попросту сунули в подпол, провонявший плесенью и крысами. Ничего не объяснив и не задав ни одного вопроса.

ЧЕМ ПОРАДУЕШЬ, ХОЗЯИН?

Размышляя над печальными последствиями собственной дури и недалёковидности, я не заметил, как прошло несколько часов и световая полоса от фундаментной отдушины полностью растворилась в наступившей темноте. Подогретость организма — единственное положительное следствие встречи с Чебаковым — тоже сошла на нет. Сырость и вечерний, точнее уже ночной, холод стали ощущаться нешуточно. Именно из-за этого меня оставили досада и злость

— плохие советчики в серьёзных делах. Появились более спокойные и трезвые мысли. Правда, ничего утешительного в них не было. Наоборот, чем дольше я сидел, тем больше сомневался в том, что угодил к ФСБ. Ведь если они хотели выдернуть что-то из меня, то должны были уже начать разговор. Конечно, для улучшения эмоционального настроения, может, мне и следовало посидеть в гостях у крыс, но не столько же времени, в конце концов?! Кроме того, если чекисты затеяли какую-то маленькую игру в бадминтон, где мне отводится роль воланчика, то пора набирать очки, пока на поле не вышел Чудо-юдо. То есть нажимать, допрашивать, капать на мозги. Интенсивнее разрабатывать, одним словом. А они тянут, будто позабыли, что сцапали меня среди бела дня и в людном месте. Даже Игорь или Лосенок могли видеть, как меня увозили. Вмешаться, правда, не смогли, но наверняка имели возможность запомнить машину, ее номер и, частично, рожи похитителей. А также сообщить «службе быта» ЦТМО. Неизвестно, достаточно ли хвостиков попадет в ее руки, но в том, что Чудо-юдо начнет искать меня не с пустого места, можно не сомневаться. При его-то связях в конторе он очень быстро все узнает. Само собой разумеется, если тут, в Москве, за два года не слишком многое изменилось.

То, что меня не заперли в Лефортове, а утащили хрен знает куда, сомневаться в фээсбэшном «следе» не заставляло. В любом официальном заведении такого рода Чудо-юдо нашел бы меня через четверть часа. Городские конспиративные «точки» он «прозванивал» бы гораздо дольше, а загородные — не менее двух суток. Поэтому товарищи чекисты, учитывая эти обстоятельства, и решили утащить меня в такое место, которое ни по каким конторским ведомостям не проходит. Это не могло дать гарантии, что товарищ Баринов-старший туда не доберется, но давало более солидный запас времени.

Но если ты хотел выиграть время, на хрена его теперь тянуть? Вот это и смущало. Кроме того, я вдруг подумал: а с чего это ФСБ надумала хватать меня в «Олимпийце»?

Отрешившись от всяких самобичевательных рассуждений по поводу дури и расслабухи, проявленных мной перед похищением, я стал не спеша прокручивать память в обратную сторону. И вот тут-то допер своим скудным умишком, что ни

ФСБ, и никакая другая казенная контора здесь ни при чем. Начнем с того, что проще всего было меня прибрать, не выпуская из аэропорта. Придраться к паспорту, отвести в какое-нибудь помещение с двумя дверцами, в одну ввести, предложив сопровождающим лицам немного подождать, а через другую вывести и, скоренько усадив в машину, доставить куда следует. Однако мне дали возможность отправиться в «Олимпиец», хотя туда я вполне мог и не поехать. Прижать где-нибудь на дороге тоже было удобнее, чем хватать на площадке, где было не меньше полудесяток свидетелей. Тем более что мы могли бы и не выходить на перекур, во всяком случае, загодя планировать захват на такой момент, при двух перечисленных возможностях взять меня в более удобной обстановке, никто бы не стал. Даже в том гипотетическом случае, если бы Игорь Чебаков и Лосенок вдруг заделались гнусными суками и специально заманили меня в «Олимпиец», чтобы подставить операм.

Такая идея меня сгоряча кусанула. Лосенка я, конечно, зря приплел, слишком уж надежный мужичок. Да и не дурак, хорошо понимает, что, подставив меня, заполучит для себя и своего семейства массу неприятностей. Он и сейчас-то небось боится, что его Чудо-юдо в измене заподозрит. К тому же Лосенок повез меня в «Олимпиец» только после моих уговоров.

Игорь вызывал больше подозрений. Хоть и стоял под крышей Чуда-юда, за ним водилась любовь к самодеятельности. Пожалуй, не меньшая, чем у моего братца Мишки. Пользовался, поросенок, тем, что его сестры были самыми толковыми и усердными сотрудницами Сергея Сергеевича. При определенных благоприятных обстоятельствах — это было личное мнение самого Чуда-юда! — он мог «сойти с рельсов» и пойти на подлянку. Вообще-то в наших кругах такая характеристика равна приговору к вышке. Любого другого, не дожидаясь, когда готовность к заподлянке выльется в конкретное деяние, от греха подальше вывели бы из дела. Пожалуй, даже через кочегарку. Но желание не огорчать невесток способствовало тому, что Чудо-юдо продолжал курить Чебакова, милостиво позволяя ему жить под плотным и неусыпным контролем.

Но тем не менее, даже если вообразить, будто Игорь сумел проявить чудеса конспирации и навести какие-то контакты, не попавшие в поле зрения наших эсбэшников, не боясь при этом, что его вычислят и оприходуют, слишком уж хлипким выглядел план «заманить и взять». И для чекистов, и для ментов, и для разных негосударственных контор. Потому что такой план летел под откос от одного-единственного «нет», которое я вполне мог бы сказать Игорю, если б был чуточку собраннее. Уж заманивать, так не простым «Пойдем, выпьем!», а чем покруче. Чем-то таким, от чего я никак не смог бы отказаться. По правде сказать, найти «что-то такое» было трудно. То, что я загорелся мыслью встретиться и поговорить за жизнь, было чистой случайностью. Даже если б Игорь сообщил мне, что есть возможность переспать с Мадонной или Чиччолиной, я б, наверно, не заторопился. И перспектива хапнуть денежный куш на какой-нибудь аванюре была для меня не более привлекательна, чем выпивка в хорошей компании.

В общем, не стоило подозревать Чебакова. Я ему ничем не насолил. Был, правда, случай, когда он возомнил себя заступником за честь сестер и порывался набить мне морду. Этот порыв закончился для него фингалом под глазом и небольшим вывихом челюсти. Но после того, как сестер Чебаковых официально выдали замуж за братьев Бариновых, инцидент был исчерпан и забыт. Во всяком случае, выгоды от того, что Зинка и Ленка стали Бариновыми, вполне компенсировали для Игоря и фингал, и вывих.

После того, как я отвел обвинения от старых друзей, все на какое-то время стало совсем непонятно, но тут же прояснилось. Как все гениальное, эта догадка была совсем простая.

А что, если граждане, которые меня так задешево сцапали, вообще не представляли себе, с кем имели дело? Очень может быть, увидели человека в приличном костюмчике и решили, что у него, наверно, деньжата водятся. Помимо того, что в карманах найдется, он и выкуп кое-какой за себя заплатит сумеет.

И вообще у таких ухарей вся идея могла развернуться уже по ходу дела. Увидели, что я отпустил охрану, оставив только Лосенка. Подслушали наш разговор и узнали мою фамилию, имя и отчество. Единственное, что у них было придумано загодя, — ксивы ФСБ. Почти безотказно. Громадное большинство народу удостоверений нынешних чекистов в глаза не видело. При обилии частных типографий соорудить липовые корочки не проблема. Задержись вместо меня Игорь — увезли бы его. Хотя, конечно, тут были его сослуживцы, охранники, и они б шефа так просто не отпустили.

Неприятно было сознавать, что оказался в роли элементарного лоха, но что делать. Теперь следовало подумать, что может прокрутиться в самом ближайшем будущем.

В кармане у меня от щедрот Чуда-юда лежало сто долларов и тысяч двести рублями. При костюме, который по первому прикиду смотрелся на три «лимона», это немного. Наверно, оттого главные устремления похитителей были направлены на выкуп. Сейчас, пока я сидел в подполе, отгоняя от себя наглых крыс, добры молодцы, должно быть, решали, какую назначить сумму за мое освобождение и как ее получить, чтоб при этом самим благополучно смыться. Вот на эти теоретические вопросы они сейчас и изводили драгоценное время.

О том, что похитители проводят производственное совещание, я знал наверняка. Дача была не настолько большая, чтобы звуки голосов не доносились в подпол из комнаты. Но, конечно, они лишь изредка орали во весь голос, и понять, по какому поводу было произнесено то или иное матерное выражение — а иных громко не произносили, — я не мог. Остальное время говорили полупшепотом. Если б Чудо-юдо мог установить со мной связь и усилить слух... Включил бы ту самую РНС — «руководящую и направляющую силу», — и я бы уже сейчас примерно знал, что день грядущий (или хотя бы ночь грядущая) мне готовит. Впрочем, он небось сейчас был в полной уверенности, что со мной все в порядке. Или просто занят переговорами — они могли и весь день продлиться. Иначе давно бы глянул на трофейный «джикейский» индикатор и обнаружил, что я нахожусь не там, где нужно. Так что пока на него надежда была слабая. Следовало самому думать.

Можно было сказать со стопроцентной уверенностью: ребята не московские.

Почему так уверенно? Да потому, что московские брали бы в заложники того, кого хорошо знают. Человека, с которого можно прилично слупить и самим не нарваться на проблемы. Москвичам не надо спешить, можно как следует все обсмотреть, обдумать и просчитать. Прежде всего — сумму. Если у потенциального клиента нет хотя бы сотни тысяч баксов и нет друзей, у которых он бы мог их занять ради своей жизни и свободы, — не фига корячиться. И брать желательно человека с неполадками по части налогов — чтоб его родня не побежала милицию звать, по следам которой налоговая полиция наехать может. Ну и, конечно, надо знать, стоит ли гражданин под чьей-то «крышей» или так, сам перебивается. Понятно, того, кто сам перебивается, можно брать без особых волнений. С «покрытым» надо, естественно, обходиться аккуратно, даже отступить от него, если нет возможности договориться с патронирующей организацией. Особенно, если фирма солидная и строгая, а клиент у нее на хорошем счету. Возможности для договора имеются, если существуют товарищеские отношения и взаимное понимание. Например, если кандидат в похищенные нерегулярно оплачивает услуги «крыши» и утаивает реальные доходы не только от налоговой службы, но и от родных бандитов. Такого следует похищать исключительно в воспитательных целях и делиться по коэффициенту трудового участия (КТУ).

Так или иначе, москвичи провели бы достаточный объем подготовительной работы, а потому ни при каких обстоятельствах не стали заниматься киднеппингом, имея в виду разборки с Чудом-юдом. Самоубийц и мазохистов в их среде не наблюдалось.

В общем, у меня сложилось впечатление, что те, кто меня уволок, все прикидки делали в последний момент и понятия не имели, кто я. Выбрали они меня только по одной причине: одет был нормально, по-западному, чисто выбрит

— Хрюшка уговорила незадолго до посадки соскрести эмиратскую щетину. Ну, наверно, еще и потому, что приехал в «Олимпиец» с охраной и на джипе, общался там с Игоряшей, который выглядел еще более богатеньким. Ясно: если у меня не найдется, то друг заплатит. Вот и вся логика, простая и серая, как русская провинция. Сделать-то сделали, а теперь задумались. Вот и спорят, кретины, каким образом требовать выкупа, чтоб не засветиться и не подставиться. Нормальные люди о таких вещах загодя беспокоятся, но нормальные люди и не будут хватать неведомо кого лишь потому, что тот приехал на «Чероки» с шофером и охраной, был прилично одет и курил в компании такого же прилично одетого человека? Да еще потому, что сумели подслушать мою фамилию, имя и отчество. Идиотизм! Такую шпану

надо поганой метлой гнать из рядов криминальных структур!

Очень трудно представить себя на месте таких обормотов, но мне пришлось напрячь последнюю извилину, чтобы вообразить себе логику их мыслей.

Конечно, послать кого-то к Игорю — единственному потенциальному Плательщику выкупа, которого они знают, — они, при всей своей дурости, не решатся. Все-таки какой-то интеллект у этих козлов есть, раз они сумели меня хотя бы на часок убедить в своей принадлежности к славному чекистскому племени» И надеяться на то, что они сдуру отправят к Чебакову какого-то посла, не стоило. Им еще надо будет найти дорожку к нему, а затем гробы и белые тапочки станут для них предметами первой необходимости. Посланцу крепко сядет на хвост СБ ЦТМО, а там полно профессионалов, работавших в «семерке» Комитета. Провинциалы об этом не знают, но все-таки, наверно, не рискнут испытывать судьбу. Значительно проще заставить меня написать письмишко без обратного адреса, указать жесткий срок, подобрать местечко, достаточно удаленное от цивилизации, но в то же время такое, чтоб нельзя было поставить в кусты Засадный полк, как сделал мой тезка на Куликовом поле.

Потом, надо думать, гости столицы рассчитывают взять собранную для них сумму и тихо слинять в какой-либо теплый район земного шара, под сень пальм.

В общем, мне стало ясно, что жизнь дала трещину. Самое опасное теперь — если оболтусы перепугаются. Могут со страху зарезать и сбежать, не дождавшись выкупа. Холодно стало, очень холодно. И физически, и морально. Отчетливо представилось, что эти недоделки и убить как следует не сумеют. Истыкают ножиком и бросят в подвале еще живым. После чего мне придется несколько часов помирать, а крысы, почуяв свежатинку, начнут меня помаленьку хавать...

Только я успел об этом подумать, как у меня над головой загрохотала передвигаемая мебель, со скрипом открылась деревянная крышка люка. Меня высветили фонарем и опустили лестницу.

— Вылазь, зема! — произнес тот, кто представлялся мне как «майор Агафонов». Обращение показывало, что граждане не собираются пудрить мне мозги и прекращают игру в чекистов.

Они ловко и без лишней грубости выдернули меня из подвала. Даже пиджак не порвали. Мне б его очень жалко было.

— Не замерзли, Дмитрий Сергеич? — осведомился «Агафонов». — У нас есть, чем погреть, Луза?

— Утюгом или паяльником? — пробасил жлобина, который, как мне помнилось, сидел за рулем авто, на котором меня сюда привезли. — Может, сигареткой?

Точно таким же инструментарием и мы пользовались. Правда, начинали не с этого.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил я. — Вполне обойдусь. Мне вашего душевного тепла хватило. Не замерзну. Разве вот наручники немного холодят.

— Ничего, — сказал «Агафонов», — потерпишь. Недолго осталось.

— Мне один покойник рассказывал, — осклабился Луза, — что ему в морге совсем не холодно было.

— Стало быть, у тебя пропуск на тот свет уже имеется? — спросил я. — Раз с покойниками общаешься...

Замечание прозвучало странновато. Луза недоуменно поморгал, соображая, надо ли мне

бить по морде или нет. Потом решил, что не надо. Спасибо и на том.

— Не будем о грустном, — вежливо произнес «Агафонов». — У нас, корефан, деловое предложение есть. Может, не очень в масть, но это не мы такие, это жизнь такая. Сразу выслушаешь или тебя сначала подготовить нужно?

— Нет, зачем же время тянуть? — Никакая подготовка мне была не нужна. Тем более с применением всяких там утюгов, паяльников и сигареток в ладонь. — Я ж так понимаю, что вы меня Звонить я решил прямо домой. В конце концов, пора бы уже доложить, что жив и пока здоров.

Длинные гудки длились почти минуту. Неужели никого нет? Время-то позднее, десятый час уже. Но нет, трубку сняли, и я услышал голосок Кольки:

— Але!

— Колюха! Привет! — позвал я с преувеличенной бодростью в голосе.

— Папка! — восторженно пискнул поросенок. — Ты чего не приезжаешь? А то тетка Танька приехала и врет, что она теперь наша мамка. Катька от нее к тете Зине убежала. А я остался.

— Ладно, — перебил я, — позови кого-нибудь из взрослых. Лучше тетю Таню или тетю Зину.

— Они на работу ушли. Там один дядька заболел и его лечить надо. Тут бабушка есть. А ты когда приедешь?

— Не знаю, как освобожусь, наверно, — сказал я и повесил трубку. Не так, совсем не так мне хотелось поговорить с сынишкой, но куда ж денешься от чертовых обстоятельств? Пришлось набрать номер лаборатории.

Ответил голос Хрюшки, но не нынешней, а прежней. То есть, Зинки.

— Слушаю.

— Зина, это я, узнаешь?

— Откуда ты?

— Условно говоря, из гостей. Но хозяева ужас какие радушные. Говорят, не отпустят, пока миллион баксов не заплачу.

— Это серьезно?

— А что, тебе Игорь еще не звонил?

— Он сказал, что тебя вроде бы арестовали. Наша СБ уже связалась со всеми конторами, но никто из них тебя не задерживал.

— Так и есть. Это, извиняюсь, частники.

— А ты нас не разыгрываешь? Игоряшка пьяный, Юрка тоже не как стеклышко... — Зинуля меня удивила, но ответить ей я не успел — трубку выдернули из моих рук. Сделал это сам «Агафонов», я за нее не цеплялся, отдал спокойно.

— Алло! Привет, девушка! Вас Зина зовут, да? Очень приятно. А меня Витя. Жалко, что времени мало, а то бы поболтали. Вы Диме кем доводитеесь? Как это «считайте, что женой»? Мне надо точно знать. А, сестра жены, понятно. Так вот, Зиночка, передайте своей сестре, что если она не хочет овдоветь раньше времени, то пусть наберет один миллион баксов

новыми сотенными купюрами, упакует в чемодан и подъедет на вашем «Чероки» — можно даже с шофером — на Волгоградский проспект. Свернете на Ташкентскую улицу. Там, сразу за поворотом, небольшой бульварчик. Остановитесь где-нибудь поблизости. Номер вашего джипа мы знаем, не перепутаем. Встреча должна состояться через три дня, не позже. Если привезете все завтра — получите Диму целехоньким. Послезавтра — будем возвращать с синяками. Если проканителитесь до крайнего срока — ему придется пару недель в Склифосовском полежать. На четвертый день можете его в поминание записывать. Думайте. Завтра днем позвоню, если будете готовы — назначу точное время встречи. «Майор» закрыл крышку телефона.

— Ну что, все слышал, гражданин Баринов?

— Слухом не обижен. Мне все ясно.

— Как ты думаешь, постараются они до завтра насобирать?

— Не знаю. Наверно, постараются. Хотя как они это сделают — ума не приложу.

— А ты подумай, может, подскажешь им что-нибудь толковое. Что продать, у кого одолжить. Мы ведь все условия честно исполним. Если завтра встречи не будет — маленько побьем. Послезавтра — уже больно и даже ногами. Поэтому насчет двух недель у Склифа я сказал прикидочно — может, и пару месяцев валяться придется. И вообще всю оставшуюся жизнь работать на лекарства. Насчет остального — тоже не шутим. Если у тебя родня такая неповоротливая — пусть похороны оплачивает. Но ты-то сам тоже кумекать должен...

С улицы — окна, напоминаю, были закрыты ставнями — послышался шум приближающегося автомобиля.

— Хозяин едет, похоже, — прислушался «Агафонов». — Налим, глянь на всякий пожарный.

Один из парней, сидевших на диване, встал, выдернул из-под ветровки «пушку» — «тэтэшник», по-моему, — и вышел. Урчание мотора приблизилось, через щель в ставнях по рваным обоям на стенах побежали полосы света от фар. Потом мотор заглушили, свет погас, послышалось хлопанье дверцы.

— Ну как? — спросил незнакомый, но очень уверенный в себе голос.

— Работаем... — отозвался Налим.

Прошуршали шаги по траве, проскрипели по крыльцу, протопали по полу. «Агафонов» повернулся в сторону вошедших. Куртка на нем была распахнута, и при свечном пламени я разглядел, что подплечная кобура у лжемайора выпятилась вперед намного больше, чем нужно. Рукоять какой-то тяжелой «пушечки» — «глок-17», не иначе — оказалась доступна моему обозрению. Более того, буквально на расстоянии вытянутой руки. Соблазн был велик, но я не рискнул, хотя голова «Агафонова» была повернута не в мою сторону, а Луза вряд ли успел бы со своей точки цапнуть меня за локоть.

— Привет честной компании! — сказал некий весьма облезлый и помятый гражданин, которого Налим почтительно пропустил вперед. Звякнуло бутылочное стекло, вошедший поставил на стол пластиковый пакет, загруженный, поди-ка, закуской и выпивкой.

— Привет-привет, — отозвался «Агафонов». — Чем порадуешь, хозяин?

— Да вот, бутылочку «Привета» взял и так, по мелочи — колбаски, сырку, соленых огурцов, консервы кой-какие. А вышло — за сто тысяч... Обалдеть, ей-богу!

Внешность мужичка мне ничего не говорила. Я его сто лет не видал и на будущее с ним

встреч не планировал. Однако, когда он начал выкладывать на

стол снедь, взгляд его уперся в меня. И чем больше он приглядывался, тем шире становились у него зенки. Глазки, поначалу совсем узенькие, распахивались, и в них Проглядывало очень неприятное для меня выражение испуга и ненависти. Наконец, когда разгрузка была закончена, дачевладелец — не зря ж его «Агафонов» хозяином назвал — наставил на меня грязный палец и сипло спросил у «майора»:

— Ты знаешь, кого взял?

— «Нового», как заказывали... — пробормотал «Агафонов».

— Удила ты грешный, бля! — просипел хозяин.

— В чем дело, блин? — рыпнулся на своем месте Луза.

— А в том... — Мужик одним движением свинтил пробку с бутылки «Привета» и, плеснув из нее сто граммов в залапанный сальными пальцами большой граненый стакан, единым духом перелил себе в глотку. Занюхав рукавом пойло, он интенсивно выматерился, а потом произнес:

— Я вас, козлов, на кого наводил? На этого?

— Да этот сам в руки шел, — борзо огрызнулся «майор». — Два года по Европам таскался, клифт один три «лимона» стоит...

Продолжить перечисление моих достоинств «Агафонову» помешала длинная очередь матюков, посыпавшаяся из глотки хозяина дачи.

— Вы, халявщики траханые, с дури на большую контору наехали! За этого мальчика вас под землей найдут, поняли?! Во дела-то! На час одних оставить нельзя! Оглоеды, блин! Ой, бля, связался я с чуханами! Гнать вас надо было, а я пожалел!

— Дядь Сань, — оторопело пробормотал Луза, — чо за контора-то?

— А хрен его знает, — ответил хозяин, — только теперь надо срочно думать, как из всего этого вылезть... Звонили к нему уже?

— Ага, — озабоченно сказал «майор», — прямо перед тем, как ты пришел.

— Совсем хорошо, — дядя Саня сердито плюнул в угол. — Чего теперь делать

— ума не приложу! Отпустишь живым — через два часа всех нас покрошат, замочишь — через сутки живьем сожгут.

— За сутки далеко уйти можно, — помечтал Луза.

— Пришей язык! — рявкнул «майор». — Без сопливых разберемся! Куда уходить-то? Дома нас ждут? Ждут! Один с топором и двое с носилками. А все ты, падла! Кто в казино полез? «Я фартовый, систему знаю!»

— А чо, не знал, что ли? Четыре кона на двадцать тысяч сняли! Это ты завелся: «Игранем пятый на все фишки!» Вот и сыграл, позорник!

Обозленный Луза привстал, явно готовый в азарте двинуть по мозгам своему командиру. Находиться между этими суровыми ребятами было небезопасно, и я подумал, что пора сказать слово:

— Не ссорьтесь, господа. Если вы меня сейчас нормально и без синяков

довезете до ближайшей станции метро — пока оно еще не закрыто, — то даю честное пионерское — ни хрена вам не будет.

— То-то и оно, что ни хрена! — прошипел «Агафонов». — Нам бабки нужны, понял? Иначе нам от своих кранты придут.

— Только не говори, что ты миллион баксов в казино просадил, — сказал я уверенно, хотя в казино в отличие от братца Миши практически не бывал и не знал доподлинно, сколько там проиграть можно. — У вас в тундре такие бабки еще не водятся.

— Ты жить хочешь? — заорал Луза, вскакивая с места с явным намерением нанести мне телесные повреждения. Но очень вовремя вмешался дядя Саня:

— Сядь на место, шпана! Твой номер шышнадцатый!

— А хрена ли он тундрой обзывается? Москва гребаная! — прорычал Луза, но все-таки приземлил свой зад обратно на ящик.

— Короче, Дима, — придав голосу деловой тон, сказал «Агафонов». — Нам терять нечего. Хрен с тобой — насчет «лимона» в «зелени» мы переборщили. Сколько ты можешь дать сразу и без проблем?

— Я ж говорил: двести пятьдесят. Но это раньше было. Сейчас вы сами все изменили. Ребята уже вычислили, где я. Радиотелефон, между прочим, запеленгован. Так что спокойнее будет, если вы с этой дачи уедете, а меня тихо и бесплатно отпустите.

Насчет того, что телефон запеленгован, я сам придумал. Да и вообще все, что говорилось в моей краткой речи, было блефом, который ничем конкретным не подкреплялся.

— Артист! — саркастически произнес дядя Саня. — Ищи дурачков, Барин! Они-то, допустим (он показал на иногородних гостей), и рванут когти. А мне-то здесь жить. Мне только-только за полтинник перевалило, я еще и баб иметь могу. Это что ж я, совсем сявка, чтоб поверить, будто твой пахан мне амнистию выпишет?

— Я ж сказал: если мирно разойдемся, ни к кому претензий не будет. Даже за пиджак испачканный и за крыс в подвале.

— Знаем, это ты тут, пока тебе решка светит, нежный и добрый. А как придешь к своим волкам, зубки казать станешь. Это ж, мужики, беспредельная контора. Мне деваться некуда — они меня в любом бомжатнике найдут.

— Какие тебе гарантии нужны? — спросил я. — На фиг ты кому нужен с этой дрюшлой дачкой! Делать нам больше нечего, кроме как с тобой разбираться, тем более, что вы меня еще и пальцем не трогали. Так, подурачились, можно считать, пошутили. Кстати, если у вас какие проблемы по денежной части, могу уладить. И даже место могу в нашей системе подыскать.

— Банком заведовать поставишь? — сыронизировал «майор».

— Для банка у вас образования не хватит, но соответственно квалификации работенка найдется. Здоровье еще есть, не все пропили, может, и пригодитесь.

— Сладко поешь... — прошипел дядя Саня. — А вы небось и уши развесили? В печке он вам работу найдет, на должности Дров!

— Не капай на мозги, старый! — оборвал его «Агафонов». — Сам-то что предложишь? Мочить? А потом, через сутки — в печку?

— Почему? — Этот гадский дядя аж просиял, видимо, клюнутый в свои проспиртованные мозги некой гениальной идеей. — Надо так замочить, чтоб на нас не подумали, вот что...

— Во вумный, а? — прогудел Луза. — Да за подставу знаешь что бывает?

— Сейчас много чего бывает, все понятия побоку, если перо у горла, — просипел дачевладелец. — Западло не западло — шкуренка своя теплее, понял? Тут, через два забора от меня, один корефан кантуется. Алкаш, московскую прописку пропил, а дачу еще нет. Знаю точно, у него какие-то чурки маячат. Барыжит он на них или просто товар притыривает — не знаю. Если мы этого, — вредный дядя показал на меня пальцем, — тихарем отведем туда и уроем, а потом в ментуру через какого-нибудь чудика стукнем, то жмура точно на чурок запишут. А ихняя контора, — опять палец в мою сторону, — в ментовке свояков до хрена имеет. Пока с чурками разберутся — до нас дело не дойдет.

Дядя Саня довольно хохотнул, и хотя весь его расклад при более тщательном рассмотрении выглядел очень и очень наивно, для моей судьбы он чуть было не сыграл роковую роль. Луза, только что опасавшийся, что придется нести ответственность за «подставу», отчего-то резко поменял мнение. Да и в глазках у «Агафопова» засветилось что-то обещающее мне свидание с тем светом в самое ближайшее время. Вряд ли они на чужом дворе применяют что-то стреляющее, даже с глушаком. Скорее всего зажмут оральный и поколют перышком. А это у них выйдет не с первого раза, то есть будет очень больно.

До меня дошло, что дальнейшие переговоры могут представлять серьезную опасность для моего здоровья. Промедление было буквально смерти подобно. Если б я прождал еще пару секунд, то «майор» и Луза сцапали бы меня за локти, закрутили руки назад, завалили животом на стол и защелкнули браслетки. Они тут же на столе лежали. Тогда со мной можно было делать все, что нарисовала бы больная фантазия этих ублюдков.

Но я этой пары секунд ждать не стал.

Резко схватил бутылку со свечкой правой рукой, а левой вертанул на ребро столешницу, отгородив ею тех, кто сидел на диване. Дальше все поехало на автопилоте, где разума и расчета было процентов сорок, а остальное делали наглость, внезапность, везение.

То, что, отпрыгивая от опрокинутого стола с бутылкой в руке, я невзначай потушил свечку о морду подавшегося вперед Лузы, было чистым везением. Детина взвыл от боли — по-моему, фитилек ему даже в глаз угодил — и шатнулся назад, запнувшись за ящик, на котором сидел. Бу-бух! — и он уже дрыгался в темноте у меня за спиной. В этот момент бутылка, перехваченная мной за горлышко и огарок свечки, обрушилась на башку «майора». Дзынь-ля-ля! Товарищ «Агафонов» полетел со своего ящика на пол, причем в хорошо вырубленном состоянии, потому что я, нырнув на него сверху, не почувствовал сопротивления, когда выдергивал у него из-под мышки «глок-17». Сделал я это левой рукой, поскольку в правой сжимал горлышко от разбитой бутылки — очень пригодную для ближнего боя колючую «розочку». Нырок был еще и спасителен для меня, ибо Налим или его товарищ, отбросив с ног столешницу и выдернув «пушку», располосовал тьму вспышками выстрелов: бах! бах! Как ни странно, эти выстрелы принесли мне только пользу. Гнусный дядя Саня, выдернув выкидуху из кармана, ринулся было на помощь «Агафонову» и вполне мог бы засадить мне перо под лопатку, но подвернулся под пулю. Это уж было не везение, а целая удача!

— Уй-я-а-а! — завыл он, скорчился и свалился куда-то в темноту.

Чуя, что «Агафонов» может очухаться, я с размаху ткнул его «розочкой» в шею, ощутил, как

на кисть руки брызнуло горячее и липкое — кровянка, естественно! — после чего перекатился на спину, обеими руками ухватив рукоять пистолета.

Хорошо, что у «майора» был именно «глок-17», а не «Макаров», «стечкин» или «ТТ», которые в темноте не враз снимешь с предохранителя. У «глока» проще: нажал раз на крючок — снял с предохранителя, нажал другой — он уже стреляет.

Я очень вовремя успел произвести эти нажатия. Луза, вскочивший на ноги и пинком отшвырнувший с дороги злополучный ящик, а затем и покинутый мной трухлявый стул, уже нависал надо мной, когда пуля в упор долбанула его под ребра. Самое место, если без брони. Выстрелив в громилу, я не пожалел еще трех пуль, чтоб заставить Налима и того, которого мне так и не представили, шарахнуть за диван и прижаться к полу. Воспользовавшись этим, я сиганул через половину комнаты к двери, выскочил в сени. Бах! Бах! — вслед дважды долбанули из «ТТ», щепки посыпались мне на макушку с притолоки. Не жалея трехлимонного — по оценкам Лузы — костюмчика, я рыбкой вылетел с крылечка, сгруппировавшись и повалившись на бок где-то в районе поленицы. Слава Богу, что не долетел и не впаялся лбом в дрова, не напоролся ни на какой сучок, колышек или на лезвие топора, прислоненного к козлам.

Именно в эти козлы угодила следующая пуля, наугад посланная из сеней. Мне не захотелось дожидаться, пока Налим сможет прицелиться, и я еще пару раз бабахнул по смутно различимому дверному проему. На дворе было светлее, чем в доме, потому что на некоторых соседних дачах светились огоньки, да и за забором в конце улицы болтался какой-то тусклый фонарь. Поэтому я сумел увидеть, как нечто бесформенное выпадает из дверного проема и скатывается с крыльца. Разглядывать не стал, потому что мне надо было успеть перескочить от поленицы к «Волге» похитителей, а потом — к хозяйскому «Запорожцу». От «Запорожца» до ворот было всего два шага, и я, изобразив нечто среднее между «перекидным» и «фосбюри», перемахнул через полутораметровые створочки, приземлившись боком на шлак. Хозяин, сооружая, переезд через кювет, положил туда цементную трубу, а сверху засыпал шлаком. Хорошо, что у него не хватило средств асфальт положить, но все равно не очень мягко.

Впрочем, бежать мне эта спортивная травма не помешала. Я дунул вдоль по улице, под лай переполошившихся от стрельбы собак. В том, что на территории поселка не найдется ни одного отважного, кто пойдет разбираться в причинах стрельбы, сомневаться не приходилось. Да и народу по осени тут мало. Картошку уже давно выкопали, капусту срубили.

Бояться надо было только пули в спину, а потому скорость, скорость, скорость!

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Больше всего я опасался, что у кого-то из тех, с кем я разбирался на даче, мозги допетрят сесть за руль. От «Волги» и даже от «Запорожца» по асфальтированной дорожке далеко не убежишь. Все знают, как славно охотиться на зайцев и сайгаков при свете фар. Конечно, человек — особенно вооруженный

— дичь позубастей, но у того, кто сидит в машине и палит по ослепленному фарами пешеходу, шансов побольше. Промазал — можно и бампером.

Но погони не было. То ли не осталось способных водить машину, то ли просто не имелось желаний нарываться на приключения. Кто из моих новых знакомых получил какие ранения,

меня особо не беспокоило. Это Богу решать, кому жить дальше, а кому пора завязывать.

Пробежав в хорошем темпе метров сто, я оказался на Т-образном перекрестке. Надо было выбирать, куда направиться, и я притормозил. Шум электрички слышался где-то справа. «Значит, нам туда дорога...» — как пел Утесов. Собаки гавкали, но уже не так интенсивно. Я перешел на шаг, поскольку запыхался, а кроме того, за собственным топотом недолго было прослушать что-нибудь существенное.

Постепенно собаки унялись, и над поселком воцарилась тишина. Хотя, где-то еще смотрели телевизор и слышались невнятные голоса. Под одним из редких фонарей я остановился, глянул на часы, обнаружил, что времени 0.12 и у меня есть шанс добраться до города на электричке. Правда, денег не было ни шиша. Даже жетона не было, чтоб из автомата позвонить. Конечно, на электричке в полночный час вряд ли налетишь на контролера, но зато можно с поездным ОМОНОм познакомиться. А я без документов, но при «пушке». Кстати сказать, в таком положении очень неприятно будет попасть на глаза и здешним ментам. Если в поселке есть милиция, она могла проснуться от стрельбы и даже вызвать какую-нибудь группу быстрого реагирования. В то, что они сами наличными силами бросятся наводить порядок, не очень верилось, но все же появление машины с мигалкой не исключалось. Поскольку мерцающий свет лампы-«синеглазки» можно было заметить загодя, я даже разработал программу действий на этот случай. Пистолет зашвырнуть через ближайший забор прежде, чем стражи порядка это смогут разглядеть, и бежать навстречу милиционерам, как население временно оккупированных территорий бежало встречать Красную Армию. Мол, меня, честного референта фирмы «Барма», вернувшегося из зарубежной поездки, нагло похитили бандиты. Могу и место показать! А вы, дорогие товарищи милиционеры, позвольте мне связаться с родней, там небось все очи проплакали... Разумеется, домой бы я попал не сразу, но, вероятно, все-таки быстрее, чем это получилось на самом деле.

Однако никакие «синеглазки» на этой улице мне не попались. Да и сама улица вскоре превратилась в грязную проселочную дорогу. Но ведь где-то ж электричка шумела? Теперь мне подумалось, что я ошибся. А сверху, между прочим, начал накрапывать холодный дождик. В костюмчике и рубашечке показалось очень даже свежо. Плащ же я оставил на сиденье в «Чероки», когда отправился к Игорю Чебакову.

Итак, я очутился на краю дачного поселка, на разъезженной грунтовой дороге, тянущейся куда-то в поле, распаханное под зябь. Где-то на другом краю поля, во мраке, светилось несколько слабых огоньков, но вряд ли это была станция.

Топать под дождем по грязюке? Ну уж на фиг! Я повернул назад. Надо бы добраться до какой-нибудь пустой дачи, перелезть через забор и, по возможности не поднимая шума, устроиться на ночлег на чердаке.

Но как назло, то заборы попадались слишком высокие, то собаки брякали цепями, то огоньки светились. Наконец одна дачка показалась мне подходящей. На калитке висел замок, демонстрирующий всем желающим, что хозяев дома нет. Другого назначения у этого замка не было, потому что заборчик был чисто символический. Перелезть через него было просто, но я и того делать не стал, а протиснулся через дыру, образовавшуюся на месте двух давно выломанных штакетин. Правда, неподалеку висел фонарь, и я побаивался, что кто-нибудь из соседних дач может засечь мой визит, но лучшего места я бы, пожалуй, все равно не нашел.

Грабить тут, с точки зрения нормального человека, было нечего. Хозяева выкопали все, что росло на огороде и в теплице. С последней сняли полиэтиленовую пленку, оставив только голые металлические дуги. В маленькой песочнице дождь мочил голого безрукого пупса и треснувшую формочку, они тускло поблескивали в отсветах фонаря. К двери я не пошел, здесь было слишком светло, и поскорее проскользнул за дом, в тень.

Там обнаружилась не то сараюшка, не то гараж, в который можно было поставить максимум «Запорожец» или мотоцикл с коляской. Но, разумеется, я не надеялся, что там специально для меня оставили транспортное средство с ключами и доверенностью на право управления. Поэтому лезть внутрь не стал. Зато, взобравшись на толевую крышу этой хлипкой конструкции, я смог уцепиться за угол крыши самой дачки, повиснуть на нем, сделать мах обеими ногами и взобраться на небольшой карниз под слуховым окном чердака. Наверно, можно было обойтись и без этой акробатики, вскарабкаться по стене, но так получилось быстрее.

Слуховое окно было заделано квадратной рамой с четырьмя небольшими стеклами, но одно из них было разбито, и это упростило мне задачу.

Сидя на корточках под коньком крыши и удерживаясь одной рукой за коньковый брус, чтоб не сверзиться с карниза шириной двадцать сантиметров, я осторожно, обернув пальцы носовым платком, выковырял из разбитой четвертушки окна все оставшиеся стекляшки и просунул руку по локоть. Предчувствие меня не обмануло: рама держалась лишь на двух загнутых гвоздях, вбитых в стену и прижимавших ее к оконному проему изнутри. Развернув один из гвоздей, я легко выставил раму и пролез на чердак.

Нельзя сказать, чтоб тут было шибко тепло. Раму я сразу же поставил на место, но сквознячок через выбитое стекло сифонил еще как. Сперва я даже хотел пожертвовать сырым пиджаком, чтоб заткнуть дыру, но потом обнаружил, что это излишне.

Как и на всех чердаках, здесь несколько лет скапливался всякий хлам. Ни фонаря, ни зажигалки, ни спичек у меня не было, поэтому толком разглядеть я ничего не сумел, но на ощупь нашел сперва какой-то рваный тюфяк, потом дырявый мешок из-под картошки, затем мягкое сиденье от сломанного стула. Тюфяк был слишком большой, чтоб использовать его на затычку, мешок слишком неплотный, а вот сиденье в смятом состоянии подошло отлично. Сразу стало теплее, хотя сырости в моем пиджаке не убавилось. Пришлось снова пошуровать, и обнаружилось еще несколько полезных вещей. Во-первых, две рваные, но достаточно сухие телогрейки-стеганки, а во-вторых, ворох каких-то мягких тряпок, судя по всему, детской одежки — колготок, пеленок, распашонок, ползунков, засунутых в старую наволочку.

Сняв сырой пиджак, я повесил его на бельевую веревку, протянутую поперек чердака, а сам влез в одну из телогреек, на которой сохранились верхняя и нижняя пуговицы. Наволочка с детским бельем вполне могла заменить подушку. Ноги я намеревался закутать второй телогрейкой, а накрыться драным ковриком, засунутым в эмалированное ведро с отломанной ручкой. Пистолет я пристроил под подушку. Ночь можно было провести вполне комфортно, если б не очередное стечение обстоятельств.

Укутавшись, я стал помаленьку согреваться, нервы немного успокоились. Я лежал и размышлял. Над тем, что судьба у меня явно кретиническая, и удивительно, что я до сих пор не сбрендил.

Четыре дня назад я еще находился в Западном полушарии, на острове

Гран-Кальмаро, и милашка Марсела посадила меня в свой личный вертолетик вместе с вполне натуральной Ленкой. Всего-то для того, чтоб побыстрее добраться до гидроаэропорта и успеть на туристский самолет, летящий в Пуэрто-Рико. А что вышло? За нами увязался «ирокез» гран-кальмарской полиции, нас обстреляли и убили пилота. Потом я по собственной дури чуть было не вывалился из вертолета. Голова моя уже висела над пропастью, и если б не Ленка... Страшно подумать! Ни один врач не склеил бы...

Ладно, повезло — не умея толком управлять вертолетом, заставил полицейских врезаться в гору, а сам долетел до гидроаэропорта и сел. Несколько часов чувствовал себя нормальным

человеком, отдыхающим в райских местах — на Малых Антилах. Но уже вечером, на Роса-Негро — перестрелка с «джикейми», которая чудом закончилась в мою пользу. А потом — нервотрепка с арестом лжеполицейскими и переброской по воздуху через четверть экватора — Атлантический океан, Африку и Аравию — в Эмираты. Бог ты мой, да ведь я два дня назад был в Афганистане! То, что там происходило, — вообще кошмарный сон или кадры из фантастического боевика. Инфракрасное зрение, переговоры на пушту (которого я и сейчас не знаю) с Ахмад-ханом, бой с применением ГВЭПа в разных режимах, наконец, перемещение в пространстве из Афгана в Эмираты с помощью Black Vox`а... В это никто не поверит.

А в то, что оболочка Танечки Кармелюк теперь стала вместилищем для Хрюшки Чебаковой, я и сейчас не очень верил. То есть умом верил, а сердцем — нет. Тем более что нам и часа спокойно посидеть не дали, чтоб разобраться во всех этих делах. Очень непривычно: Ленка — и вдруг в теле той самой девицы, которую на дух не переносила. Но еще страннее и даже страшнее что где-то во Франции или в ее заморских владениях — куда ее спровадил Чудо-юдо, я точно не знал — разгуливает лже-Ленка с начинкой из террористки Тани Кармелюк, шлюхи Кармелы О`Брайен и каких-то остатков от идиотки Вик Мэллори! Впрочем, самое ужасное, что у них по воле Чуда-юда, или как-нибудь спонтанно, произошло смешивание сознания и памяти. Я помню, как мы с Брауном в одной черепашке проживали, но у нас друг к другу никаких претензий не было. А тут, извиняюсь, четыре, ну, если не считать дурочку Вик, три бабы в одной упаковке! Свихнуться можно! Очень трудно во все это поверить, хотя и надо, никуда не денешься.

Ведь Васю-то, Лопухина Василия Васильевича, мы с Ленкой-Танькой до Москвы довели. Живого, хотя и не совсем. И сейчас Чудо-юдо, возможно, уже летит в Москву, чтобы разобраться в его мозгах. А ему скажут, что звонил ваш старший сын и просил за себя выкуп заплатить. В размере одного «зеленого лимона». Очень вовремя!

Мне захотелось выскочить из-под накутанного на себя хлама, слезть с чердака и бегом бежать в Москву. Так неприятно стало, что я столько хлопот доставлю. Но никуда я не побежал и даже не стал раскутываться из тряпья, потому что уж больно хорошо в него закуклился и нагрел вокруг себя пространство. Дождик очень уютно накрапывал по крыше, и сон постепенно меня прибрал. Хороший такой, глухой и темный, без всяких дурацких вкраплений.

Но проспал я, похоже, не так уж и много. Во всяком случае, когда проснулся, еще не рассвело.

А проснулся оттого, что совсем рядом профырчала машина. Как она въезжала во двор дачи, я проспал, но в момент остановки мой слух все-таки сработал и дал команду: «Подъем! Тревога!»

Вариантов было два. Первый: приехал хозяин. Столь ранний визит обладателя этих шести соток выглядел странным. День будний, все уже выкопано, чего он тут забыл? Разве только хочет взять отсюда что-то и отвезти на работу... Второй вариант: приехали грабить дачника. Тоже странно. Ничего путевого тут не возьмешь и не обязательно ради этого автомобиль подгонять. Да и можно было пораньше приехать, среди ночи, а не под утро. Рассвет хоть и слабо, но брезжит.

Хлопнули дверцы, судя по всему, две сразу. Глуховато прошуршали по траве и земле шаги. Долетели негромкие голоса, слов разобрать я не мог, но уловил

— разговаривали два мужика.

Я потихоньку раскутался, встал, стараясь не топтать и не скрипеть, снял с веревки не просохший пиджак, надел на себя. Полуботинки обувать пока не стал. Они производили

много шума, он не остался бы неслышанным теми, кто находился внизу.

Приехавшие на машине тем временем отпирали входную дверь. Не ломали фомкой, а мирно отпирали ключиком. Внизу в комнате заскрипел пол, шаги протопали гулко. И голоса сразу же стали долетать до меня.

— Проходи, — сказал тот, кто был здесь, видимо, хозяином. — Свет включать не буду, и так не оплачивал с мая. Нечем. Мебель Лариска увезла, зараза. Вон лавка, присядем...

— Да, ложился ты, Родион. Впору, как твой тезка Раскольников, с топором за процентщицами охотиться.

— Да-а, сейчас поохотишься. Процентщиков хоть и валят помаленьку, но не топорами. Самый паршивый пистолет, на семи делах запачканный, — не меньше полтыщи баксов. И потом — это не для меня. Не сумею. Неврастеник-интеллигент. И вообще — неудачник от рождения.

— Брось ты, Родя, не втапывай себя в грязь. Тебе ж сорока еще нет.

— То-то и оно, что уже почти есть. А ты объявления о приеме на работу видел? Кого фирмачи приглашают? «До 35 лет, в совершенстве владеющих английским языком». И, заметь, никому не нужны инженеры. В лучшем случае — сантехников ищут.

— Наштамповали вас при Советской власти с избытком, это правда.

— Каких с избытком, а каких и нет. У меня, между прочим, двенадцать авторских свидетельств. Диссер до сих пор под грифом «секретно». Сунься я в ОВИР — завернут тут же.

— Фигово. Я думаю, на Западе ты бы пошел.

— Раньше бы! Было б лет двадцать пять, ну, тридцать... Знать бы, как оно повернется — в евреи бы записался, честное слово! А сейчас, даже если и выпустят, мне там не прижиться. Дворником или садовником возьмут, мусорщиком, может быть. Говорить без акцента меня уже не научишь, а там на человека с ломаным языком и без больших денег ни одна фирма не станет смотреть.

— Да, положение... Дачу эту тебе будет туго продать, прямо скажу. Поселок неохранный — раз. Участок всего шесть соток — два. Вода далеко — три. В этом месте если за сотку тысячу баксов дадут — радоваться надо. Только вот кто даст, не знаю. Я лично — пас. Не куплю, извини. И сама постройка, скажем так, на живую нитку склеена. Сейчас под словом «дача» понимается уже совсем другое. То, что у тебя, — это садовый домик. Ты не обижайся, но у тебя ее смог бы купить только такой же пролетарий, как ты. А они сейчас все без зарплаты и без работы. Разве вот соседи расширяться захотят. Не интересовался?

— Соседи... Анна Григорьевна сама предлагала мне ее участок купить. А Виктор, который слева, свой участок уже кому-то загнал. Но этот мужик, которому он продал, только весной из загранки приедет. А я до весны не дотяну — с голоду сдохну или повешусь.

— Ну, это ты брось, Родя! Что, ты один такой? Народ крутится, вертится, зарплату не получает, но живет. Неужели ничего нельзя найти?

— Наверно, можно... Только так это похабно, я тебе скажу. И потом, я ж на работе числюсь все-таки. На биржу труда не запишешься. А уходить — боязно, кто его знает, как еще повернется.

— Короче, тебе и птичку съесть, и в кресло сесть хочется. Прав ты, конечно, насчет

интеллекта. Самое вредное, что у нас есть, — это интеллигенция. Поваляться на диване, размышляя о страданиях народа, потрепаться на кухне, побрюзжать — это она может. А зад от дивана оторвать, повертеться хотя бы ради собственного выживания — лень. Но мало того, что они сами себя устроить не могут, так еще и другим на мозги капают: «Ах-ах! Это аморально! Ах-ах! Это неблагородно! Ах-ах! Это против исторических традиций!»

— Ладно, — произнес со вздохом Родион, — что ты мне лекции читаешь? Я сам все это сто раз в голове проговаривал. Но себя переломить не могу. Мне вон Ларион Корнеев предлагал к нему в ресторан официантом устроиться...

— А ты отказался, конечно?

— Почти согласился. Даже пришел туда, поглядеть. Но как увидел издали клиентов и как перед ними все эти официанты гнутся, когда услышал, как один «бык» Ларику сквозь зубы цедит: «Сегодня в долг отпустишь, понял? Иначе до вечера не доживешь!» — ушел.

— Понятно. В общем, не можешь через свою социалистическую мораль переступить. И не приемлешь чуждых нравов. Тогда, извини, чего ты от меня хочешь? Дачу я у тебя не куплю — однозначно. Даже за полцены. Работу, которую я предлагал, — отвергаешь. Детство и юность, «школьные годы чудесные» мы с тобой повспоминали достаточно. Покатались на машине от души, до шести утра. У меня супруга уже с ума сходит, наверное. Тебе-то проще, ты опять холостой. Может, поедем, а то тут неуютно как-то? Правда, ты говорил, что хочешь мне показать кое-что ценное, но я ведь этого пока не видел. Или ты только дачу имел в виду?

— Нет. Про это я хотел напоследок сказать. Точнее, даже посоветоваться. Ты только не смейся, ладно?

— С чего ты взял, что я буду смеяться? Может, я, наоборот, зарыдаю в три ручья.

— Понимаешь, у меня тут, на чердаке, лежит старый чемодан.

— А в нем — миллион пиастров керенками...

— Я ж говорил, что ты смеяться будешь.

— Просто ты кота за хвост тянешь. Надо все быстро и четко объяснить. Что за чемодан, откуда взялся, что внутри? Иконы, бриллианты, семейные фотографии времен Николая Второго?

— Нет. Быстро объяснить я не смогу.

— Ну, хоть суть скажи.

— Понимаешь, это материалы об НЛО. О неопознанных летающих объектах. Полный чемодан. Ну вот, ты опять улыбаешься...

— Ну а что с тобой прикажешь делать? Сказать: «Родь, ты с этим чемоданом запоздал лет на десять?» Ну, на восемь минимум. Кого сейчас этим удивишь? Да и на самом пике увлечения, если на то пошло, народ особо на все эти потусторонние дела не клевал. Не заработаешь на этом. Сам, понимаешь, все эти сказки читают между делом, на страницах под рубрикой «Занимательная чепуха» или что-нибудь в этом роде. Для развлечения, чтоб нервишки пощекотать. Есть, конечно, целые издания, этой фигне посвященные, телепередача Мягченкова была, только я ее что-то давно не видел. Еще есть фанаты которые следы пришельцев ищут, ездят по свету, свихиваются на этом деле. Но если ты думаешь, что я тебе помогу это продать за хорошие бабки, — сразу разочаровывайся. Это не товар.

— Ты не дослушал, Федот. Понимаешь, это не бредни, не фантастика, не треп. Это документы. С грифами, печатями и так далее. Даже киноплёнка есть в коробке. Я ее, правда, не смотрел, не на чем было. Она широкая, а у меня даже восьмимиллиметрового проектора нет. Но там есть покадровое описание в отдельной тетрадке...

— Как к тебе все это попало? — перебил Федот, немного изменив тон. Похоже, его это дело заинтересовало.

— Вот тут и загвоздка. Я их, можно сказать, украл.

— Уже интересно! — В голосе невидимого мне Федота послышалась веселая издевка. — Стало быть, бывали случаи, когда Родион Соколов все-таки поступался принципами?! И какую же старушку ты пришел ради этих бумаг?

— Ты опять смеешься? Нет, старушек я не трогал. Понимаешь, два года назад в нашем институте решили часть площади сдать частникам, под офис. Срочно стали освобождать полуподвал. Директор, конечно, объявил аврал, велел от каждого подразделения выделить по мужику для переноски тяжестей. Завлаб послал меня. А там, в этом полуподвале, лежал институтский архив. Не те дела, что для повседневного пользования, а старые, еще с тридцатых годов. Там и отчеты, и копии приказов, и всяческая бухгалтерия с помесечными ведомостями на зарплату, акты инвентаризации того, что уже полвека списано. Говорят, что-то надо было сдавать на госхранение, что-то выбрасывать, но у нас ведь все сам знаешь как соблюдается. А тут нужно поторапливаться, коммерсанты назавтра уже собираются начинать ремонт. Соответственно, вали кулем — потом разберем. Решили перетащить все, явно ненужное, прямо в котельную, а то, в чем есть сомнение, сложить у нас на этаже и позже разобрать, составить акты и все, что положено.

— Ты побыстрее, — поторопил Федот, — мне, между прочим, через три часа надо быть на работе.

— В общем, мы все перетащили. Уже стали вытаскивать стеллажи. И тут я вижу чемодан. На ручке картонная бирка с каким-то номером и печатью. Спрашиваю у нашей Антонины Евдокимовны, это пенсионерка, которая архивом заведовала, мол, куда это нести? Она говорит: «Знаете, это, по-моему, не наше...» Я спрашиваю: «А чье же?» — «Да тут до пятидесятых годов размещалась какая-то геологоразведочная организация, а потом выехала. Архив свой временно оставили, на новом месте хранить было негде. Помню, году в шестьдесят втором они приезжали, что-то забрали. Но я тогда еще с архивом дела не имела. А сейчас точно знаю, что в наших описях он не числится». Ну я взял этот чемодан, потащил на наш этаж. По дороге рассмотрел — на нем ушко с пломбой, опечатанный. Навстречу директор попался, я ему рассказал про чемодан. Он сразу спросил: «Числится в описи?» — «Антонина Евдокимовна, — говорю, — сказала, что нет». — «Выбрасывайте! На нас не висит — и ладно!» В общем, я подумал, что если чемодан никому не нужен, то почему бы мне его не унести?

— Небось надеялся, что там геологи образцы золота забыли? — усмехнулся Федот.

— Ты знаешь, немного надеялся. Это ж ведь одно название, что чемодан. На самом деле это не то сундук, не то вьюк, там с одной стороны ремни есть, чтоб крепить на лошадь. Он из проклеенного брезента, сверху обшит дерматином. Внутри прорезиненная ткань, чтоб не промокло.

— А как ты его из вашего заведения вынес? У вас же там вневедомственная стоит, чуть ли не из ГУО?

— Вспомнил! У нас еще с девяносто третьего заменили мальчиков на бабушек. А потом у нас то и дело народ ходит с сумками, баулами и чемоданами. И коммерческие агенты какие-то

товары приносят, и наши сотрудники на базар бегают. Так что никто и внимания не обратил. У меня тогда еще был «Запорожец», привез прямо сюда. Забросил на чердак. Открыл: одни бумаги, фотопластинки в конвертах, проявленные. Несколько готовых фотоотпечатков было, ну и коробка с черно-белой киноплёнкой. Золота, конечно, нет. Хотел сразу прочитать, но в тот день не сумел, Лариска помешала. Потом как-то закрутился, то машину продавал, то книги, потом разводился. В общем, только когда один остался, этим летом, от нечего делать взялся смотреть.

— Понятно. Стало быть, прочел и обалдел?

— Почти так. Понимаешь, там...

— Ладно, — перебил Федот, — ты мне его показать можешь? Просто так, как говорится, без всяких предварительных условий?

— Конечно. Какие там условия? Я ж понимаю, что кота в мешке никто не покупает.

— Правильно. Я это к тому, что вообще не обещаю, что куплю, понимаешь? Даже если увижу, что это чего-нибудь да стоит. Просто посмотрю, может быть, посоветую что-то.

— Хорошо, я сейчас на чердак слезаю...

Это уже касалось непосредственно меня. Внизу завозились, видимо, Родион устанавливал приставную лестницу. За несколько секунд я прокрутил все возможные варианты развития событий. В принципе, если не будет другого выхода, я могу их обоих грохнуть. Если проявят борзость и будут угрожать моему здоровью. Бестолковщина, конечно, получится. Наверное, другой бы гад с пистолетом уже сейчас забрал бы у них машину с ключами. Но мне эти мужики пока ничего не сделали. Зачем им пакостить? Особенно Родиону. И так у чувака одни напряги и никакой жизни.

На улице уже здорово посветало, поэтому надеяться на чердачную темноту особенно не приходилось. Зато разглядеть, что тут и как, оказалось вполне сподручно. Например, я увидел, что чемодан, очень похожий на тот, о котором говорил Родион Соколов, стоит почти в ногах моего лежбища. Еще дальше просматривался люк, через который Родион собирался подняться на чердак. Он бы сразу меня увидел, и мне пришлось бы вести с ним неприятные переговоры, которые при недостатке понимания могли закончиться стрельбой. Очень хотелось этого избежать, и способ был один — переместиться за груды хлама, лежавшую неподалеку от окна, через которое я сюда влез. Оставив тюфяк на месте, я прихватил телогрейки, наволочку с детским бельем и собственные штиблеты, после чего бесшумно перебазировался туда, куда хотел. Телогрейки и наволочки я навалил поверх остального хлама, потихоньку надел ботинки и, на всякий пожарный, достал пистолет.

Однако Родиону нужен был лишь его чемодан. И он сразу потянулся к тому, что стоял в ногах у тюфяка, на котором я переночевал. Я наблюдал за действиями Соколова только через маленькую щелку, оставленную под рукавом одной из телогреек, но смог проконтролировать все, что он делал на чердаке, вплоть до того момента, когда он, придерживая чемодан, спустился обратно в комнату.

— Пылюки-то! Апчи! — сказал Федот, видимо, в тот момент, когда они открывали чемодан.

— Пыль веков!

— Вот видишь, папки: «НКВД СССР. Главное управление геодезии и картографии. Сов. секретно».

— Не слабо... Не боишься за эти папки в тюрьму сесть? — полушутя произнес Федот. — Разглашение государственной тайны и все такое прочее?

— Да там дата стоит, «1936». Во всем мире через пятьдесят лет все рассекречивают... А тут уже целых шестьдесят прошло.

— О-о, не скажи. Есть такие материалы, которые и через сто лет не рассекречивают.

— Да я что, расписывался за них, принимал на хранение? Их даже сами хозяева забыли и бросили. Они вообще как бы и не существуют...

— То-то и непонятно, что они существуют. Может быть, они должны были еще шестьдесят лет назад сгореть дотла, а почему-то не сгорели. Ну ладно, давай глянем...

Некоторое время из дыры люка до меня долетали только неровное дыхание приятелей да шорох переворачиваемых листов, перемежавшиеся отдельными возгласами.

— Смотри, доклад на имя самого Ежова написан...

— Будто он в этом понимал...

— Ага, вот фотопластинки.

— Ух ты, их три десятка, не меньше!

— А вот отпечатки, ты видишь?

— Да-а... — этот вздох явного восторга вылетел из глотки Федота.

— Видишь, это не монтаж? Ты ведь журналист, больше моего в этих тонкостях понимаешь.

— Похоже, точно. Это вот с этой пластинки отпечаток. Явно один кадр, без впечатков. — Интересно, откуда была эта штука?

— Это мы потом узнаем. Сейчас вот что. Давай мне этот клад. Мне уже надо на работу ехать, я его завезу в свой офис, поставлю в хороший сейф, будет цел и невредим. А у тебя тут на чердаке ему не место. Бомжи на раскурку и подтирку растащат, а пленкой сдуру дачу сожгут.

— Ладно, — видимо, что-то соображая, произнес Родя, — но мне, понимаешь, деньги нужны... Сейчас. У меня одних долгов — на два «лимона». Чисто на жратву, квартиру — без излишеств. Я у своих ребят брал, без процентов. Но если не отдам — закроют кредит, как говорится.

— Когда отдавать?

— Считай, что сегодня. Очень нужно, Федот. Ты ж богатый.

— Я? Чуть-чуть богаче церковной крысы. Двух миллионов у меня на сегодня нет, понимаешь? Кое-что крутится, но в нале — тысяч пятьсот на руках. И мне еще на них жить да жить. Улавливаешь?

— Улавливаю! — глухо произнес Родион. — Дай хоть полтинник!

— Зачем? Нажраться?! Не дам. Пропьешь быстро, а на отходняке помереть можешь. Подожди немного.

— Тогда я на хрен сожгу все это! — с неожиданной яростью выкрикнул Родион. — Начисто! Вместе с дачей! И сам сгорю!

— Не дури!

Послышалась возня, мат, потом хряские звуки ударов. Было непонятно, чья берет, но мне показалось, что старые друзья дрались вовсе не в шутку. Мне было как-то все равно, чем дело закончится, лишь бы не слишком большим шумом. Могла появиться милиция. Задержав драчунов, она заодно обшарила бы дачу и забрала меня вместе с пистолетом. Это создало бы кучу неприятностей для Чуда-юда, поскольку мне пришлось бы давать объяснения по факту стрельбы на другом конце поселка.

Минуты через две схватка завершилась. Судя по всему, одолел Федот.

— Ты понял? — рычал он.

— Н-нет! — хрипел Родя и тут же мощно шмякал удар.

— Понял, падла?

— Н-нет! — и снова удар.

Не знаю, с каких рыжиков я решил вмешаться. Вполне мог удалиться, не привлекая внимания. Выставить чердачное окошко, перелезть на сараюшку и тихо спрыгнуть на грядки. Найти дорогу до электрички поутру, наверно, было бы попроще, чем ночью.

Тем не менее, держа «глок» в правой руке и опершись локтями на края люка, я опустил ноги на одну из ступенек лестницы, а затем, оттолкнувшись, спрыгнул на пол.

Картинка была примерно та, что можно было себе представить по звуку. В углу почти пустой комнаты — кроме самодельной, грубо сколоченной лавки да злополучного чемодана, лежавшего на полу в раскрытом виде, никакой обстановки не было — на полу лежал Родион, закрыв лицо руками и подогнув ноги к животу. Из разбитого носа на пол натекала кровавая лужица, кровь была и на обоях, и на потертой синтетической куртке, и на джинсах. Федот — я еще не знал, имя это или кличка — здоровый, быковатый, в мягкой, по первому прикиду, натуральной кожанке, черных широких брюках и крепких ботиночках 44-го размера, как раз в очередной раз пнул друга детства. На шум, происшедший от моего прыжка, он, конечно, обернулся.

— Стоять! — скомандовал я, наводя «глок». Федот изменился в лице. Вид у меня был не милицейский, и потому шансы получить пулю за резкое движение он оценивал как весьма высокие. Бледность медленно напознала на его упитанную рожу, украшенную бородкой а-ля купец. Глазки испуганно бегали, он глядел то на меня, то на угол, из которого, охая, кряхтя и даже, кажется, всхлипывая, выползал побитый Родя. Похоже, Федот пытался сообразить, что означает мое появление. То ли я сам по себе, то ли являюсь домашней заготовкой Родиона. Последнее мог предположить только человек сильно подозрительный, но перед дулом такой мощной волынки, как «глок», пожалуй, кто хошь потерял бы сообразительность. Впрочем, кое-какая логика просматривалась: Родя лазил на чердак за чемоданом, а я тоже спрыгнул с чердака — стало быть, заговор. Родя спровоцировал на драку — специально.

Руки у Федота тряслись. Он их поднял вверх без команды.

— Правую руку держи наверху, левой медленно расстегни куртку. — Голосок у меня звучал несколько хрипловато и даже мне самому на нервы действовал. Он повиновался, причем повел «молнию» вниз так медленно, как это делают кокетливые шлюхи. Но, конечно, не потому, что намеревался меня соблазнить, а потому, что всерьез боялся, как бы за превышение скорости я его не грохнул.

— Молодец, — похвалил я без особой теплоты в голосе. — Родя, снимай с него куртку. Заходи сзади и дергай вниз за рукава.

Тезка Раскольников, кое-как поднявшийся на ноги, но все-таки, кажется, врубившийся в изменившуюся обстановку, довольно точно выполнил мое распоряжение.

Под курткой у Федота ничего стреляющего не висело.

— Руки на стену! Упрись и стой! — сказал я. — Родион, выгружай все из куртки на подоконник.

— Там один бумажник. — Родя выложил представительное портмоне с записной книжкой, микрокалькулятором и шариковой авторучкой. — И еще ключи от машины в боковом кармане.

— Деньги, паспорт, права — вынимай. Калькулятор, ручку и корочки — оставь. Ключи забери. Сделал? Молодец. Теперь пересчитывай деньги.

Федот стоял у стены, уперев лапы в серые, давно выгоревшие обои. Его била хорошо заметная дрожь. Перспектива получить промеж лопаток его пугала, как и любого другого нормального человека.

— Так. Федот, слушай и запоминай. Поскольку ты со своим другом обошелся по-скотски, придется тебя наказать. Считай, что эту дачу ты у Роди купил. Он тебе ключик оставит, будешь ее облагораживать. Если заявишь об угоне машины, ограблении или вымогательстве — жив не будешь. Деньги ты по-дружески пожертвовал Роде. А за машиной, паспортом, правами и ключами зайдешь позже. Когда и куда — узнаешь, если напишешь телефон и адрес, по которому тебя можно найти...

— А тут визитка есть, — сообщил Родя, мусоля бумажки. Там было не пятьсот тысяч, а побольше. Я лично пять бумажек с Франклином рассмотрел и десяток сотысячных, а еще стопочку купюр помельче.

— Отлично. Забирай чемодан, Родион. Будем грузиться.

У МОРФЛОТА

Все-таки ехать на «девятке», пусть и не очень новой, это не идти пешком и даже не на электричке ехать. Пусть и со спутником, у которого разбита рожа и которого толком не знаешь.

Впрочем, разбитая морда Родиона особо не светилась. Я усадил его на заднее сиденье вместе с чемоданом, а стекла у «девятки» были тонированные.

То, как поведет себя Федот, меня особо не волновало. Сотового телефона у него не было, видимо, еще не заработал на такой атрибут капитализма. Стало быть, даже если я его напугал не слишком сильно и он все-таки надумает заявить в милицию, то сразу этого сделать не сможет. Либо побежит искать телефоны по дачам и вряд ли в этом поселке найдет, либо будет разыскивать поселковое отделение милиции или участкового, что тоже потребует не меньше получаса. Даже если ему жутко повезет и он случайно выскочит на каких-нибудь ментов. Во всех остальных случаях время, потребное на то, чтобы связаться с городом, дать описание злодея и объяснить, в чем суть преступления, сильно увеличится.

Главное было соблюдать правила уличного движения и не попасться случайным гаишникам. Правда, можно было пожертвовать одну из стодолларовых бумажек или даже две, поскольку у меня имелись только чужие документы, а собственных водительских прав не было. Но кто

его знает, вдруг нарвешься на честных и неподкупных? Говорят, и такие встречаются.

Родион довольно толково объяснил мне, как выехать на московскую трассу,

поскольку в прошлом был обладателем «Запорожца». Никаких вопросов он мне не задавал, как будто уже был в курсе всех моих задумок. Он понимал, что даже с робин гудами надо держать ухо востро, а потому, наверно, немного беспокоился, не шлепну ли я его где-нибудь на дороге. Я и сам уже жалел, что усадил его сзади. Бывают, знаете ли, такие неврастеники, которые от общего смятения чувств набрасывают доброму дяде ремень на шею. В конце концов, Федот был ему другом, и если на даче их отношения несколько обострились, то по мере удаления от поселка Родя мог испытать свойственные интеллигенции угрызения совести. На драку он нарвался сам, повел себя, как выражаются психологи, неадекватно ситуации, принял сгоряча неожиданную помощь от какого-то таинственного бандюги, неизвестно почему оказавшегося на чердаке его дома, но сейчас, возможно, ужаснулся и раскаялся. Тезка-то его из «Преступления и наказания», почикав топориком бабу-процентщицу и ее приживалку, в течение всего романа только и знал, что терзался да угрызался.

Я, конечно, выработал порядок действий на случай, если Родион опять поведет себя неадекватно, — поглядывал за ним в зеркальце заднего вида, висевшее над лобовым стеклом, и держал «глок» близко к руке, за поясом брюк, прикрыв полый пиджака. Но самое главное, я постарался предотвратить это самое неадекватное поведение несколькими успокаивающими фразами.

— У Речного вокзала я тебя высажу. Устроит?

— Да, — пробормотал Родя.

— Оставишь мне свой телефон и адрес. Не возражаешь?

— Зачем? — спросил он, немного испугавшись.

— Можешь не давать, если не хочешь, — сказал я. — Попросим твоего друга, чтоб он сам организовал тебе всю оплату. За дачу, за машину и прочее. Но тогда получишь меньше.

— Мне ничего не надо, — Родя был явно не рад, что влип в такую историю. — Высадите меня и все.

— Как хочешь. Между прочим, ты вообще-то кто по специальности?

— Инженер-технолог. Кандидат технических наук.

— Двенадцать авторских свидетельств... Это я слышал. В какой области знания, вот что интересно?

— В закрытой, — по-моему, мужик подумал в этот момент, что я еще и на ЦРУ подрабатываю.

— В закрытой — это в смысле секретной или в смысле того, что за нее больше не платят?

— В обоих, — проворчал Родя.

— Ладно, — сказал я, решив перейти на «вы», — можете не сообщать о себе ничего, если страдаете от скромности и нежелания зарабатывать деньги. В принципе работу, соответствующую вашей квалификации, вам помогли бы подобрать. Или здесь, или за рубежом.

— Спасибо, я не нуждаюсь. Нам обещают скоро выплатить за июль... И деньги Федоту обязательно верну.

— Это ваше право, — сказал я. — Но вот с вашим сундучком как быть? Он дорого стоит, по-моему. И вы его продать хотели.

— Забирайте себе. Все равно это никому не нужно.

— Нет, я все хорошо понял. Федот ваш, точнее, Федотов Кирилл Матвеевич, исходя из паспортных данных, ценность его сразу уяснил, раз собирался у вас его тихо заиграть. Нет, может, он вас и не хотел совсем кинуть, но по его поведению что-то не видно, чтоб он намерен был с вами честно делиться. Даже пополам, из расчета «фифти-фифти», хотя, если по совести, ему и трети за

комиссию хватило бы с избытком. Скорее всего он бы вам отстегнул немножко, чтоб успокоить, а львиную долю прикарманил. Неважный у вас друг детства. Когда он вас лупил, мне это стало ясно как дважды два. Он, кстати, вас здорово изукрасил. Сходите в травмпункт, проверьте, все ли кости целы.

Нет, и это не прорвало. В голове Соколова, видимо, еще сидели какие-то нравственные сдерживающие, которые диктовали ему линию поведения. Меня она не устраивала, но и не вынуждала к каким-то радикальным действиям, тем более, что мы уже переехали через мост, соединявший берега Канала имени Москвы, и по правому борту показался помпезный шпиль Северного речного вокзала.

Я притормозил, и Родя, не дожидаясь команды, выскочил из «девятки». Прежде чем тронуться с места, я поглядел ему вслед. Кутая украшенное синяками лицо в воротник куртки, он заспешил в подземный переход. Бог его знает, странными людьми Русь была всегда богата.

Надо было решать, куда ехать. Вертеться по городу на угнанной машине, отпустив двух живых граждан, которые могут сдуру обратиться к правоохранителям, — это нездорово. Вообще-то замочить их там, на даче, было бы проще — прежде чем соседи (если таковые имелись в наличии), преодолев страх, поинтересовались бы причинами столь ранней утренней стрельбы, я б уехал из поселка и спокойно добрался до «дворца» Чуда-юда еще до того, как милиция стала бы интересоваться «девяткой». Если б это был «мере» или «БМВ»,

то автомобиль запомнить было бы легче, но «девятка» так в глаза не бросалась.

Поскольку исключить возможность того, что Федот или Родя заявят в милицию, я не мог (Родион, как ни странно, после разговора в машине вызывал у меня наибольшие сомнения), ехать прямо домой показалось рискованным. Просто так бросать «девятку» не хотелось. Во-первых, лишний след — перчаток я не имел и оставил в машине немало «пальчиков», — а во-вторых, топтать пешком с тяжеленным чемоданом-вьюком, мне показалось утомительным. Поэтому я решил, что благоразумнее всего будет поехать на «точку» Джека.

Тут тоже был некоторый риск. За два года, прошедшие с тех пор, как я тут был последний раз, в Москве могли произойти разные изменения в дислокации подразделений фирмы Чуда-юда. К тому же буквально за пару недель до моего отъезда из России та самая милая Танечка Кармелюк, в чьем теле теперь проживала Ленка, перестреляла Джека, Кота и еще нескольких человек из этой бригады вместе с девочками, которых они пригласили скрасить свой досуг. Я не нес за это ответственности, но некоторое неудобство чувствовал. Наконец, перед отъездом я знал, что в бригаде оставалось еще восемь человек, но за два года ее состав мог смениться полностью. Вон, Кубик-Рубик — уже до шейха дорости успел. Молодежь вообще может сказать: «Мы тебя не знаем и знать не хотим...»

Тем не менее до «точки» Джека было ближе всего. Уже через десять минут я вкатил в подворотню с надписью «Ремонт и покраска кузовов. Шиномонтаж» и очутился в узком дворике, перед воротами приземистого здания, похожего не то на склад, не то на ангар. До сего времени мне почти не приходилось заезжать сюда днем. Да и вообще, сюда я, как правило, приезжал на машинах, которые за мной высылал Джек.

Ворота в торцевой части ангара были открыты, и можно было спокойно съехать по наклонной вниз. Там располагался весь автосервис, а также гаражи, где Джек когда-то держал угнанные машины, после перекраски и перебивки номеров отправлявшиеся к новым владельцам. Сейчас тут кипела вполне легальная работа. Где-то грохали киянками, выправляя вмятины, из покрасочной доносились шипение краскопульты и шум вентиляторов, отсасывающих ядовитые пары. Но краской все равно пованивало.

— Какие проблемы, командир? — спросил незнакомый парнишка в синем комбинезоне, клетчатой рубашке и кепке — ни дать ни взять передовик-стахановец из старых советских фильмов.

— Мне бы с вашим хозяином встретиться, — сказал я, — или хотя бы с кем-нибудь, кто помнит Джека.

— Хозяина сейчас нет, — бойко ответил парнишка. — За старшего — я. А кто такой Джек, простите?

— Дело в том, что я два года назад ремонтировал у него машину... — Мне даже на секунду показалось, что я не туда попал и надо будет выходить из неловкого положения. Но тут откуда-то сбоку выдвинулся парень посолидней, который сказал веско:

— Здравствуйте, я вас помню. Можем пройти в офис, там не так шумно.

Если я и видел его, то не больше одного раза. Поэтому мне было не очень комфортно. А вдруг эта «точечка» выбилась из-под могучей руки Чуда-юда? Можно ведь такое допустить? Или, что еще хуже, попала под контроль враждебных ему сил? Сделают сейчас мне «не шумно», и придется Чуду-юду поторговаться за мою шкуру. Но это — на сто процентов уверен — будут уже не иногородние чмошники, от которых я вчера вечером довольно легко отделался.

Однако все сомнения остались позади, когда парень, предложивший пройти в офис, сопроводил меня в комнатку, где меня встретило действительно знакомое лицо. Это был Морфлот, который состоял при Джеке на каких-то ефрейторских должностях. Как он вырос за эти два года, я, конечно, не знал, но понимал, что без одобрения Чуда-юда его рост был бы невозможен. Морфлотом его прозвали за то, что он, отслужив срочную в морской пехоте, подался в торговый флот, где через пару лет спалился и сел за контрабанду.

Морфлот сидел за старым столом, заляпанным фиолетовыми чернилами еще во времена «культы личности». Этот стол и при Джеке стоял. Здесь канцелярию держали для отвода глаз. Всякий налоговый инспектор, угодив в это заведение, подумал бы, что оно доживает последние дни и едва сводит концы с концами. Облупившийся железный сейф старосоветского производства не содержал ничего интересного.

При моем появлении Морфлот встал и радушно улыбнулся:

— С приездом, Барин. Загорелый, смотрю, небось отдохнул в загранке как следует. А то ходили слухи, будто ты и не вернешься вовсе.

— Это все преувеличения. Домой потянуло, вот и приехал.

— На попутных самолетах добирался? Что-то мятый больно....

— Всяко приходилось. Важно, что до тебя долетел.

— Понятно. Чем можем служить?

— Мне позвонить надо, напрямую.

— Главному? Он прилетел утром, нам сообщили, что ты можешь появиться.

— Да? Это славно. Давай связь! А потом еще кой-какие дела обговорим. Менее значительные.

Морфлот вытащил из кармана хорошо знакомый мне телефончик. С его помощью я, отловив Таню-Кармелу, связывался с Чудом-юдом из кабины «уазика», покусанный собакой, опаленный в пожаре на ферме Толяна. Два года и два месяца назад.

— Алло, — отозвался знакомый бас, — слушаю.

— Это я. От Морфлота. — Приятно слышать, — иронически произнес Чудо-юдо. — А я уж думал, не набрать ли миллион к послезавтра?

— А что, раньше не успел бы? — искренне удивился я.

— Да нет, для умного парня я бы и сегодня успел. А вот для тебя надо было именно послезавтра набрать, чтоб они тебе две недели у Склифосовского обеспечили. Может, хоть так дурь из головы выйдет. Переросток! Короче говоря, сиди здесь, через полчаса приедет Лосенок, И чтоб ни шагу в сторону.

— Понял, — отозвался я. В трубке запикало.

Джек, догадавшись по тону разговора, что Чудо-юдо мне мозги прочищает, поехидничал бы, сказал бы что-нибудь насчет пользы отеческой порки и так далее. Морфлот, конечно, тоже догадался, но ничего подобного себе не позволил — у нас с ним таких доверительно-амикошонских отношений еще не сложилось.

— Буду здесь дожидаться. За мной должна машина подъехать, — сообщил я.

Морфлот ничуть не удивился, что Барин, прикатив на одной тачке, собирается дожидаться другую. Дело привычное. Тем не менее я внес кое-какие уточнения:

— «Девятку» надо продать ее законному владельцу. Он тут вел себя плохо, другу денег пожалел. Позвоните по телефону вот с этой визитки. Сообщите ему, что утерянные им паспорт и права у вас. Потом снимите с него за ремонт машины, миллионы пять. Да, и напомните, что он хотел купить дачку у своего друга Родиона. Начнет дрыгаться — воспитывайте. Работайте из тридцати процентов.

— Понял, — кивнул Морфлот. — С шефом это дело согласовано?

Джек никогда бы не стал об этом справляться. Просто он знал, что я ни за что не стану отдавать распоряжения, не согласовав их с Чудом-юдом. Проверить он мог в любое время. Морфлот, видимо, был более опаслив.

— Согласую, — сказал я.

— Тогда и будем делать. — Морфлот свое дело знал.

— Все правильно, — пришлось одобрительно кивнуть. — Доверяй, но проверяй.

— Как учили, — улыбнулся Морфлот, убежденный, что я проверял его на верность принципам нашей конторы. Он еще помнил, как Джек именовал меня «инспектором», который регулярно тестировал эту бригаду на отсутствие нездоровой самостоятельности.

— Пожрать у вас ничего нет? — спросил я, чтобы сменить тему. — А то у меня со вчерашнего вечера во рту ни крошки.

— Кофейку с булочкой можем организовать. А так у нас тут столовой нет. По очереди ездим в одну приятную забегаловку. Ну, наливать кофе?

— Давай.

Морфлот, судя по всему, поделился своим личным ленчем. Кофе он налил мне из здорового китайского термоса с алыми розами, а «булочка», строго говоря, больше напоминала батончик. Однако я так жадно принялся ее рвать, что Морфлот, посочувствовав, вытащил из какого-то загашника солидный обрезок сухой колбасы, накромсал мне с десятка ломтей на бутерброды. Так что к моменту приезда Лосенка я уже ощущал приятную тяжесть в брюхе. Меня даже малость в сон клонило. Морфлот был очень доволен, что угодил шефскому сынку. Должно быть, приняв после смерти Джека и Кота этот передовой криминальный коллектив, он ощущал себя скорее «и. о.», чем полноправным командиром, а потому радовался каждой возможности потрафить вышестоящей организации.

У МАРЬЯШКИ

Лосенок прибыл точно в назначенное время, как раз через полчаса. С ним были те же два вчерашних парня. То, что им всем вчера было хреново, а сегодня, после прилета Чуда-юда, стало еще хреновей, прямо-таки читалось на лицах. Нет, фингалов им Сергей Сергеевич не наставил, но, фигурально выражаясь, поимел как следует. Чтоб службу поняли.

Насчет перегрузки чемодана из трофейной «девятки» они, разумеется, никаких инструкций от Чуда-юда не получали. Однако упираться не стали: привезти — это не вывезти. В конце концов, они не считали меня идиотом и надеялись, что я не повезу с собой бомбун таких размеров. Но все трое, это чувствовалось, были злы на меня. Я это сознавал и внутренне каялся, особенно перед Лосенком, которому, конечно, досталось крепче, чем бодигардам. Они были виноваты только в том, что подчинились моему приказу, который, строго говоря, были обязаны выполнить, если не имели других инструкций. Поскольку таковых у них на сей раз не было, то винить их вообще не стоило. А вот Лосенок, как я знал, не имел права передавать руль «Чероки» кому бы то ни было. Поэтому ему профессор Баринов прописал не простой клистир, а с мылом. В реальном выражении это стоило, возможно, несколько сотен баксов, то есть Лосенка наказали на ползарплаты.

В общем, когда мы выехали из заведения Морфлота, имея на борту чемодан-вьюк, обстановка в салоне была мрачная. Лосенок явно не был расположен к дружеской беседе, а я стеснялся заводить разговор, ощущая неловкость из-за того, что подставил Юрика под удар. А тут еще и на дороге не заладилось.

— Блин, — проворчал Лосенок, когда мы угодили в медленнодвигающуюся пробку. — Куда ж вас столько, а?

— На час влезли, не меньше, — вставил один из охранников, — опять ругаться будут.

— А фиг ли сделаешь? — зло сказал Юрка.

— Может, вон в ту подворотню свернем? — предложил я.

— А дальше куда? — спросил Лосенок.

— Там проходной двор, разве не помнишь? Я этот район знаю, тут моя старая квартира недалеко.

— Ну, проедем через проходной, — Лосенок засомневался, — а потом?

— Потом выедем в переулок и еще в один проходной. А через него объедем пересечение с проспектом и минут тридцать сэкономим.

— Твой батя пообещал, что если мы тебя не доставим к двенадцати часам, то он с каждого по сто баксов сдерет. Это выходит, я всего две пятых от получки принесу. Меня жена убьет.

— Тогда тем более сворачивать надо. Другого шанса успеть до полудня у тебя не будет.

— Ладно, — махнул рукой Лосенок, — рискнем...

Лучше б он не соглашался! И лучше бы я, дурак, не соблазнял его этим предложением! Но, видно, уж так должно было получиться...

Мы благополучно выползли в правый ряд и свернули в ту самую подворотню. Запомнилась вывеска с указателем «Алго-банк». И еще я успел заметить, что в пробке, не так далеко от нас, стоит «Чероки» точно такой же расцветки, как наш...

Этот проходной двор мы миновали и в переулок выехали без приключений.

Переулок был коротенький, немного наклонный, и проехать по нему надо было всего метров пятьдесят. В нем и машин-то не было, кроме нашей. Только во дворике небольшого отреставрированного особняка, обнесенном чугунной оградой, стояло несколько иномарок. Это и был «Алго-банк», судя по вывеске.

Всегда поражался, какие мелочи в цепочке случайностей иногда решают все. В моем случае все решил один взгляд, который я совершенно случайно бросил на свои ботинки. Увидел, что шнурок развязался, и нагнулся, чтоб его завязать. А мог бы и не нагнуться, решив, что можно подождать, пока доедем до дома.

Шнурок я завязал, это помню точно, но голову еще не успел поднять. Что было дальше и в какой последовательности — не помню совершенно.

Четко запомнилась вспышка, которая залила все вокруг оранжево-белым светом, обдала жаром и начисто погасила сознание. А вот каким образом я оказался за мусорным баком (в проходном) дворе, не в том, который мы проехали, а в том, куда должны были свернуть из переулочка, — понятия не имею. Как рядом со мной очутился чемодан с бумагами — и вовсе не понимаю. Никого, кто мог бы мне это объяснить, рядом не было. В тридцати метрах от меня стоял наш «Чероки» с изуродованным капотом, распахнутыми дверцами, полыхающий, как костер. Рядом лежали трое — Лосенок и оба охранника. Неподвижно, не издавая стонов. Вокруг них на мокром асфальте расплзлись багровые лужи.

Голова у меня соображала очень плохо, я не отдавал себе отчета в том, что делаю. Одно знаю точно: никто мной не управлял. Какие-то центры в моем мозгу сами отдавали распоряжения, моя собственная воля не работала, я был как самолет, управляемый автопилотом. К тому же в памяти произошли явные разрывы. После того, как я обнаружил себя сидящим на корточках за мусорным баком, держащимся за ручку чемодана, мне удалось каким-то образом очутиться в том самом подъезде, где располагалась моя старая 39-я квартира, записанная на имя Николая Ивановича Короткова. Это было все-таки не в том же

дворе, а в паре кварталов от него. Как я шел туда, как сумел дотащить тяжеленный чемодан-вьюк — не помню. Все это будто ГВЭПом стерло из памяти. Следующий кадр — перепуганное лицо Марьяшки, Марианны, Мариам или Мириам Саркисян (как ее зовут по паспорту, меня никогда не интересовало), которая открыла мне дверь. Дальше опять провал.

Потом я обнаружил, что сижу на диване и Марьяшка накладывает мне на шею повязку с мазью Вишневского. Это я определил по запаху. По-моему, я даже чувствовал боль, но как-то странно, как бы вне себя.

Более-менее связное восприятие действительности началось, кажется, только с того момента, как поел. Любопытно, что того, как я начинал есть, память не сохранила. Запомнился только финал, то есть допивание компота из персиков. Судя по косточкам, оставшимся на тарелке, до компота я сжевал некую птицу. До этого, видимо, был суп, но какой — начисто вылетело из головы. Трапеза происходила у Марьяши на кухне.

— Тебе полежать надо, — сказала Марьяша, и это была первая фраза, которую я запомнил. — Надо, — согласился я и встал из-за стола. Это сильно сказано — встал. Едва приподнявшись, я почувствовал, как все вокруг плывет, а ноги делаются ватными. Не свалился я только потому, что судорожно ухватился одной рукой за холодильник, а второй — за Марьяшку. Впечатление было такое, словно я нарезался до полного неприличия. — Я помогу, обопришь на меня, — испуганно пробормотала Марьяша. Само собой, отказываться я не стал и, опершись на ее плечо, сумел пройти несколько метров, отделяющих кухню от комнаты. Там Марьяшка помогла мне лечь на кровать.

— Ну как, легче? — спросила она. — У тебя ничего не болит? Голова кружится?

— По-моему, нет, — сказал я. Действительно, вроде бы ничего не болело, даже шея, которую мне чем-то обожгло. И голова, едва я улегся на подушку, перестала кружиться. Правда, поднять я ее не мог. Будто на нее надели нечто вроде свинцового шлема.

— Попробуй заснуть, — поглаживая меня по щеке, прошептала Марьяшка. — Сон все лечит.

— Где чемодан? — вдруг вспомнил я.

— Здесь чемодан. Куда денется? Я его под стол задвинула. Там что, деньги?

— Там бумаги, важные и секретные, — ответил я.

— На тебя из-за них напали?

— Не знаю, может быть. — Странно, в этот момент я почему-то был убежден, что это именно так.

Теплота от съеденного обеда разливалась по жилочкам, и я помаленьку стал погружаться в сон. Некоторое время я еще ощущал какую-то связь с реальным миром, но все менее тесную. Несмотря на то что глаза несколько раз приоткрывались и я видел светлую комнату — на улице еще был день, — усиливалось ощущение сумерек. Как только глаза закрывались, я попадал словно бы в эту же комнату, только пустую, без мебели и темную. Но темнота была не сплошной. На месте двери светился некий красный прямоугольный контур. Такое впечатление, что он был обведен неоновыми трубками, будто на световой рекламе. Причем вовсе непонятно, горят ли эти трубки на сплошной стене или ограничивают какой-то проем.

Когда именно я последний раз открыл глаза и увидел комнату такой, какой она была на самом деле, мне запомнить не удалось. Но ясно, что сразу после того, как я закрыл глаза, начался очередной дурацкий сон. Точнее, нечто вроде компьютерной игры-«ходилки», где надо перемещаться по каким-то коридорам-лабиринтам и чего-то искать.

«ДУРАЦКИЙ СОН-ХОДИЛКА»

Сон начался с того, что я обрел способность двигаться. Наяву у меня даже голова не поднималась, а тут, в темной комнате-дублерше, освещенной лишь контуром таинственного прямоугольника, я не чувствовал недомоганий и слабости. И само собой разумеется, что меня как магнитом потянуло к мерцающему алому контуру. При этом тяготение сопровождалось какими-то таинственными звуками, вроде бы не имеющими какого-то смыслового содержания. Однако с каждой секундой эти звуки воспринимались все более однозначно: как призыв и даже как приказ приблизиться к светящемуся прямоугольнику. Что-то манящее появилось и в самом мерцании прямоугольника. Затем, еще через несколько секунд, обоняние ощутило какой-то странный, ни на что не похожий запах. Могу поклясться, ничего похожего наяву не нюхал. Не скажу, что это был какой-то невыразимо чудесный аромат, может быть, унюхай я такой наяву, даже поморщился бы, но то, что этот запах странным образом заставлял сосредоточить внимание на алом прямоугольнике — несомненно. Им оттуда веяло. Сначала ощущался только сам запах, но потом кожа стала осязать нечто вроде ветерка, исходившего из алого прямоугольника. С этого момента прямоугольник воспринимался мной только как некая дверь, и никак иначе.

Правда, некоторое время подойти к этой самой двери мешал страх. Неосознанный и не привязанный к чему-либо конкретному. Похожий страх я испытывал в недавних дурацких снах, когда перевоплощался в Майка Атвуда и переживал похищение инопланетянами. Но только похожий. Сейчас было что-то другое, я ощущал себя самим собой, прекрасно сознавал, что вижу сон, из которого, если что, могу выйти в реальный мир. Но все равно боялся. Меня, с одной стороны, тянуло к двери, с другой — отталкивало от нее.

И все-таки желание приблизиться к двери было сильнее. Поэтому в конце концов я сделал шаг вперед. Волна страха тут же усилилась, мне отчетливо представилось, будто, войдя в контур двери, я перешагну некий порог и обратно могу не вернуться. Эта мысль заставила меня отступить на шаг, но шаг назад оказался чуточку короче того, который я прошел вперед, а потому новая точка стояния была сантиметров на десять ближе к «красной двери».

С этой точки, после нескольких секунд внутренней борьбы и сомнений, я сделал целых два шага вперед. Страх снова ухватил меня за плечи и потянул назад. Но на сей раз я сделал только один шаг в обратном направлении. Теперь я был на полметра ближе к цели. Чем дальше я находился на этой точке, тем мощнее становилось влечение к «красной двери». Оно почти подавило страх, и, воспользовавшись этим, я сделал сразу три шага вперед, очутившись всего в одном шаге от двери. Но тут страх, словно спохватившись, дернул меня назад, и оттащил на два шага. Опять началась борьба между страхом и желанием проникнуть в дверь, причем оба противоположных чувства усилились до невероятности. Я почти физически ощутил, будто меня разрывают два противоположных вектора силы.

Но все-таки устремление к двери превозмогло страх. Я сделал те несколько шагов, что отделяли меня от двери, ощутил на какой-то момент сильный приступ страха, но все-таки перескочил туда, за порог алого контура.

Страх сразу исчез. Впрочем, и стремление двигаться вперед ослабло.

Ослабло потому, что ничего неожиданного не произошло, просто, оказавшись за порогом «красной двери», я увидел три точно таких же. Только отстояли они гораздо дальше от меня. Поначалу казалось, будто двери находятся в одной стене, рядом. Но постепенно произошла какая-то трансформация в восприятии, и я стал осознавать, что к каждой из трех дверей ведет отдельный туннель.

Надо было выбирать. Я выбрал левый. Потому что запах, тот самый, ничему реальному не принадлежащий, ощущался именно слева. И знакомый ветерок веял именно оттуда. На сей раз страх мне не противодействовал. До двери в конце левого туннеля я дошел уверенно, но там меня ожидал сюрприз. Это оказался не просто проем, а натуральная дверь, закрытая чем-то непроницаемым. Кроме того, над ней появились четыре маленьких квадратика с фотографиями людей. А рядом с моей рукой, прямо из темноты, на пустом месте возникло что-то вроде алой капельки. Значок был такой когда-то, для доноров, «Капля крови» назывался. Может, и сейчас есть, если демократы не упряднили по причине алого цвета.

Оказалось, эта капелька может двигаться, будто курсор по экрану компьютера. Каким-то задним умом я догадался, что открыть дверь можно в том случае, если поставить капельку-курсор под одну из картинок-портретов.

Три из четырех фотографий изображали людей, совершенно мне незнакомых. На четвертой я узнал Васю Лопухина. Опять же скорее по наитию, чем по логике вещей, я догадался, что надо передвинуть капельку именно к Васиному портрету. Оказывается, ее можно было просто взять двумя пальцами и перенести под портрет.

Дверь сразу же стала проницаемой. Я прошел через этот контур и обнаружил, что оказался в менее темном пространстве. Передо мной был коридор прямоугольного сечения, заканчивавшийся тупиком, но зато в стенах его было шесть дверей, три слева и три справа. На каждой из дверей светились жирные зеленые квадратики. А на квадратиках были написаны белые номера. Слева — 1, 3, 5 а справа — 2, 4, 7. Тут я почти сразу догадался, что надо переставить капельку-курсор на выбившуюся из системы дверь j 7. Сработало, дверь отодвинулась, открылся проем, и я смог повернуть вправо.

Тут обнаружился еще один коридор, только дверей было намного больше. Как и прежде, четные номера были справа, а нечетные — слева. На сей раз никаких выпадений я не заметил, но зато неожиданно прочел на потолке коридора ужасно знакомую аббревиатуру: «ГВЭП-...п». Я тут же сообразил, что вместо многоточия должно быть число 12, ибо помнил, как меня инструктировал Чудо-юдо. Ну и, конечно, переместил капельку на дверь под номером 12. На потолке появилось правильное название прибора — ГВЭП-12п, а дверь j 12 открылась, и я смог продолжить путь вправо.

Следующий коридор оказался без дверей, но зато на потолке и на полу были обозначены квадратные синие люки. На каждом из них желтым цветом были нанесены буквы. На потолочных люках — С, П, Н, Л, З, Д, на тех, что в полу — И, К, У, Р, В и А. Уже на предыдущем повороте до меня стало доходить, что все это путешествие повернуто на Васю Лопухина и ГВЭП, поэтому я сразу вспомнил, что буквы на потолке символизируют плюсовые режимы работы ГВЭПа, а размещенные на полу — минусовые. Минуты две я вспоминал, какая буква какой режим обозначает, но потом решил сделать проще — повспоминать, какой буквы на ГВЭПе не было. И очень быстро вспомнил, что была на самом деле не буква А, а буква О — «огневой режим». В полу открылся соответствующий люк.

Там, под этим люком, оказалась глубоченная шахта, откуда поднимался все тот же знакомый запах и слышались звуки, которые воздействовали на подсознание и звали меня прыгнуть вниз. По глубине эту шахту можно было сравнить с шахтой лифта Останкинской телебашни. Вне всякого сомнения, если б я наяву прыгнул в такую шахту без парашюта, от меня бы мало что осталось. Тем не менее я все-таки шагнул в эту пропасть и тут же ощутил, что потерял вес. Стена шахты, казавшаяся отвесной вертикалью, теперь воспринималась как гладкий горизонтальный пол. А еще через минуту я и забыл, что пол, по которому иду, совсем недавно был стеной.

На «дне» шахты — его я воспринимал теперь как конец коридора — обнаружилась большая дверь, окантованная алым контуром. Над ней виднелись четыре яркие рисованные картинки.

На одной из них была изображена игральная карта — валет пик, на другой — сказочный царевич, на третьей — серый кот, на четвертой — болт с четырехгранной головкой. Эта последняя картинка была обведена синей рамкой, а остальные три — алыми. Красная капелюшка-курсор по-прежнему висела в воздухе рядом со мной. Ясно, что мне вновь предлагался выбор.

Что значат эти картинки? Как ни странно, этот ребус разгадать удалось очень быстро. Как только я вспомнил, кто летал со мной к Ахмад-хану, все стало на свои места. Болт — он и есть Болт. Синяя рамка означала — Болт мертв. Те, чьи символы в алых рамках, — живы. Валет пик — это Валет. Царевич, надо думать, — Иван, то есть Ваня. А кот — Васька. Я установил капелюшку перед изображением кота.

Тут дверь открылась, и я увидел небольшую комнату, в которой светился белый параллелепипед, высотой примерно в человеческий рост. Едва я переступил светящийся алый порог, как внутри параллелепипеда возникло множество голубоватых линий. Сперва все они были просто прямыми, вертикальными и горизонтальными, но потом с огромной скоростью принялись изменяться: искривляться, замыкаться в окружности и овалы... Через пару секунд параллелепипед практически исчез, сохранившись лишь в виде общих контуров, более светлых, чем окружающее пространство. А в середину этого пространства голубоватыми линиями оказалось вписано объемно-схематическое изображение человеческой фигуры. Еще пять секунд — и это схематическое, скелетообразное изображение обрело плоть, оделось в некое подобие спортивного костюма. Лицо стало хорошо узнаваемым.

Это был Вася Лопухин, точнее, его виртуальная копия.

— Привет, — сказал он. — Не задавай вопросов, у меня очень мало времени. Понимаешь, я чувствую, что уйду. Совсем. Уже недолго. Микросхема еще работает, но все остальное уже почти отключилось. Вероятно, можно было еще побарахтаться, если энергию не тратить, но мне надо было сообщить. Говорить по-настоящему не могу, только так. Хорошо, хоть ты отозвался. Надо было ночью, но не смог, не поверил, дурак, что уже все... Ладно. К делу.

Первое. Передай отцу, что на режиме «О» в седьмом блоке пробивает R6 и идет спираль по обратному вектору. Запомнил? От этого у меня с мозгами непорядок.

Второе. Будешь уходить — берегись Белого волка. Иначе будет как со мной.

Третье. Забери у меня вот эту книгу и быстро уходи. Захочешь прочесть — вспомни фамилию «Лопухин», изображение серого кота, букву А, числа 12 и 7. Именно в таком порядке. Лена или Зина помогут. Бери!

Книга, которую подал мне Вася, была размером с том Большой Советской Энциклопедии. Когда я взял ее в руки, то испытал что-то вроде легкого щипка током, примерно как от шестивольтовой батарейки.

— Все! Уходи быстро!

Васино изображение заколебалось, а затем стало на глазах меняться. Он трансформировался в Белого волка! Должно быть, именно его мне надо было бояться.

Хорошо еще, что я не стал дожидаться того, как видеообраз полностью трансформируется. Иначе мне бы не удалось выиграть у Волка так много еще в самом начале гонки.

Я повернулся и побежал. Очень быстро, так, как наяву никогда не бегал. Не останавливаясь, повернул голову назад и увидел, что дверь с четырьмя картинками закрылась. Алый контур двери сменился синим, и вокруг изображения кота теперь была такая же синяя рамка, как

вокруг картинки с болтом.

Но разглядывать происходящие изменения было некогда. Впереди было почти полкилометра коридора, а из-за двери я услышал — вполне отчетливо! — рев, который, судя по мощности, должен был принадлежать не волку, а минимум льву. Затем послышались удары в дверь, даже не удары, а что-то вроде взрывов, от которых сотрясался весь коридор.

И в то время, когда я уже почти добежал до конца длинного коридора, дверь рухнула. Ослепительно белый, даже светящийся, по-моему, огромный Волк размером с быка вырвался из комнаты и пятиметровыми скачками понесся следом за мной. Само собой, что разрыв между нами стал быстро сокращаться.

А я, добежав до противоположного от двери конца коридора, вынужден был остановиться. Оказалось, что дальше — и вверх, и вниз — идет шахта. Я помнил, что коридор, по которому я только что пробежал полукилометровку, на пути «туда» тоже воспринимался как шахта, а та шахта, на краю которой я сейчас очутился, была коридором.

Наверно, именно это меня и спасло. Как и то, что я вовремя вспомнил: приходил сюда по той части шахты, которая вводила вверх. Поэтому я сделал

самую идиотскую, с точки зрения реального мира, вещь. Лег на пол лицом к шахте и сделал несколько шагов по боковой стене. Пересечение коридора с шахтой тут же стало восприниматься как перекресток двух горизонтальных коридоров! Я спокойно вышел из коридора на бывшую вертикальную стену.

Между тем рев Белого волка слышался уже совсем близко. И тут мне пришло в голову, что если я, свернув налево за угол, лягу на пол, то он станет восприниматься как боковая стена, а дверь, через которую я прошел в этот коридор, станет люком в шахту. Посмотрим, как Белый волк оттуда выберется!

Именно так я и поступил, даже не удивившись особенно тому, что все получилось совершенно так, как я себе это представил.

Люк с буквой А закрылся, а снизу, из-под его крышки, долетел удаляющийся вой Белого волка, проваливающегося в 500-метровую преисподнюю! Слаще музыки я в жизни не слышал! А затем люк вообще исчез...

Тем не менее я не стал успокаиваться. Добежал до двери с цифрой 12, свернул налево, домчался до двери j 7, опять повернул налево, выскочил из двери с четырьмя портретами, среди которых был портрет Васи Лопухина, пробежал по туннелю, до площадки с тремя контурными дверями — они все продолжали светиться красным, вот это меня почему-то удивило.

Наконец я проскочил последнюю дверь, очутился в темной комнате, откуда все начиналось. Обернувшись, я увидел, как меркнет алый контур двери, затем отчетливо ощутил, что принимаю горизонтальное положение, а мои глаза закрываются. На какое-то время наступила полная тьма...

Глаза открылись уже наяву. Судя по тому, что за окном по-прежнему светало, проспал я не так уж долго. Час-полтора, не больше.

Честно скажу, особо приятных ощущений пробуждение не принесло. У меня был жар, ломило спину между лопатками, ноги казались ледяными и вдобавок чувствовалось жжение на шее, под повязкой, которую наложила Марьяшка. В башке то и дело всплывали какие-то неясные картинки, запомнившиеся из только что увиденного сна. Почему-то больше всего меня беспокоило, куда подевалась книга, которую мне вручил Вася.

— Где она? — спросил я у Марьяшки, отжимавшей платок в небольшой тазик. Должно быть, компресс мне на голову готовила.

— Кто? — удивилась добровольная сиделка.

— Книга! — Я приподнялся на локтях и суматошно оглянулся, разыскивая том размером с БСЭ. — Где книга?

— Ой, какая книга? Чемодан здесь, а книги не было. Ты путаешь что-то, Коля.

— Коля? — переспросил я, хотя через секунду вспомнил, что для Марьяши я по-прежнему Коротков Николай Иванович.

— Тебе плохо? — посочувствовала Марьяшка. — Я температуру померяю.

— Меряй, — пробормотал я, хотя и без термометра чуял, что жарок у меня минимум на 38,5.

Марьяшка встряхнула термометр и запихала мне под мышку. Отчего-то я вспомнил, что в американских лечебницах термометры суют в рот. Когда-то Чудо-юдо в шутку объяснял, почему у нас так не делают. Мол, русскому человеку обязательно все на зуб попробовать надо.

— Ты кому-нибудь говорила, что я здесь?

— Никому, — поспешила заверить Марьяшка. — А что, не надо? Врача ведь нужно звать. Совсем заболеть можешь. Так кашлял во сне, метался, ужас!

— Говорил что-нибудь?

— Нет, ничего не говорил. Только стонал.

— Ты все одна живешь?

— Куда я денусь? Мне тридцать семь уже. Замуж не берут. Сам знаешь почему.

— Неужели так два года и промаялась?

— Я привыкла уже. Работаю теперь. Компьютер твой освоила. Он в полном порядке, не поломала. Бухгалтерию веду у Гагика. Ты его у меня на дне рождения видел. Троюродный брат мой, помнишь? Он теперь генеральный директор, свою фирму держит. А Самвелчик у него коммерческим директором работает.

— А ты, стало быть, главбух?

— Да. Они мне пятьсот долларов платят, да еще на квартиру по тысяче в месяц откладывают. Так что я невеста богатая, — усмехнулась Марьяшка.

— Могла бы себе и жениха найти.

— Что ты все про это говоришь? — с обидой сказала Марьяшка. — Подожди. Летом квартиру куплю, уеду от тебя совсем. Можешь сюда жену приводить. Дай градусник, посмотрю... Вай! Тридцать девять и две. Врача надо звать!

— Ты мне лучше анальгин дай.

— У меня его нету. Я, если что, эффералган УПСА пью.

— У какого пса? — Про это чудо фармакологии я еще не слышал.

Марьяшка захихикала. До нее, как видно, дошел этот случайный каламбурчик.

— Лекарство такое, немецкое, кажется. Растворимая таблетка. Очень хорошо температуру сбивает.

— Понятно. А я-то думал: что за эффералган, почему у пса? Может, это ваше армянское радио придумало?

— Вот сейчас принесу, выпьешь.

— Мне надо позвонить, — сказал я озабоченно. — Очень срочно. Дай телефон, пожалуйста.

Телефон стоял на письменном столе, рядом с компьютером, и Марьяшка перетащила его ко мне на кровать.

Звонить напрямую Чуду-юду я не рискнул: хорошо помнил, что после разговора с ним по кодированному телефону на наш «Чероки» был совершен налет. Хотя ничего вразумительного по поводу того, кто с нами разобрался, я сообщить не мог, так как помнил очень мало, мне все-таки не хотелось разочаровывать тех, кто нам это устроил. Не дай Бог решат, что я слишком легко отделался. Дверь у Марьяшки была не ахти, снести можно двумя ударами кувалдой, а на мою огневую мощь в виде «глока» с десятком патронов надежда плоха. С температурой и болью в спине особо не постреляешь. Тем более что пиджака на мне не было, и где в данный момент находился пистолет, я не знал. Вполне могло быть, что «пушка» моя осталась в джипе.

Конечно, я не думал, будто кому-то взбрело бы в голову нацепить прослушку на Марьяшкин телефон. Но вот ощущение, что каналы связи самого Сергея Сергеевича попали под чей-то контроль, у меня было. Во всяком случае, традиционные. Нетрадиционными — например, через свою микросхему — я сам по себе воспользоваться не мог. Тут связь мог установить только Чудо-юдо. И то, что он ее не устанавливал, означало, что он не может этого сделать по каким-то ему одному известным причинам. Как это смог сделать Вася — хрен его знает, у него теперь вряд ли спросишь. (В том, что Лопухин умер не только в моем сне, у меня не было ни малейших сомнений.) Можно было воспользоваться пейджингом, но за два года Чудо-юдо мог поменять номер, а мне не сообщить. Поэтому я решил отложить это на крайний случай. Для начала попробовал задействовать один старый связной телефон. Тут тоже гарантии никакой не было, но зато его почти наверняка никто на постоянной прослушке держать не стал бы.

Набрав семь цифр, я с волнением ждал, пока в трубке тягучеплыли длинные гудки. Потом щелкнуло и отозвался ленивый мужской голос, который был прямо-таки бальзамом на все мои телесные и душевные раны. Этого мужика я никогда в глаза не видал, имени и фамилии не знал, но голос помнил хорошо. Именно он должен был взять трубку и произнести:

— Алло-у...

— Клаву можно попросить? — Этой дамы я тоже не видел, ее, возможно, и в природе не существовало. Зато мужик, сидевший на телефоне, точно знал, что отвечать человеку, которому понадобилась эта самая «Клава».

— Клава в больнице, — сказал мужик, и это тоже порадовало. — Что передать?

— Скорейшего выздоровления, естественно, — это была условная фраза, означающая, что мне нужна связь с Чудом-юдом. — А кроме того, передайте, что звонил Коля из тридцать девятой квартиры. Я тоже малость приболел.

— Передам, если не забуду, — лениво ответил мужик, и я окончательно убедился, что этот

канал работает.

Теперь осталось только ждать. Я положил трубку и отдал телефон Марьяшке, которая взамен выдала мне стакан воды, где уже растворилась та самая эффералган УПСА.

— Где мой пиджак? — спросил я, проглотив нечто похожее на слабогазированную воду.

— Пистолет ищешь, да? — полушепотом произнесла Марьяшка. — Я спрятала, чтоб не нашли.

— Те, кто придет, не его искать будут, а меня, — сердито пробормотал я, — дай сюда, чтоб около меня был.

— Ты стрелять будешь? — очень глупо спросила Марьяшка. — В милицию?

— В бандитов, — ответил я, лишь из жалости к ней не добавив пару матюков. Марьяшка напугалась и минут через пять притащила «глок». На всякий случай я проверил обойму. Все было на месте. Оружие, спрятанное под подушкой, приятно холодило руку. Западное снадобье тоже, кажется, начало действовать. Я снова стал погружаться в дремоту и вскоре заснул, держась за рукоятку «глока», как малыш за любимую игрушку. Но на сей раз мне удалось поспать не более получаса.

Марьяшка растормошила меня:

— Коля, в дверь звонят! Я боюсь.

— Спросила: кто?

— Говорят, Коля нужен.

Оказалось, что я вполне в состоянии слезть с постели, хотя слабость ощущалась солидная. Даже, пожалуй, смог бы пострелять, если что. Но не пришлось, слава Богу. Осторожно глянув в дверной глазок, я увидел окладистую бороду Чудо-юда...

Чудо-юдо явился не один, а с тремя крепкими хлопцами, которые были даже повыше ростом, чем он. Поэтому я в такой компании смотрелся как сущий малыш, за которым приехали взрослые дяди.

— Спасибо за гостеприимство, Марианна! — сказал отец. — Беда с моим оболтусом, вечно где-нибудь нахулиганит. Сам до машины дойдешь?

— Попробую. Ящик заберите.

— Какой еще ящик? — вскинул брови Чудо-юдо.

— Да так, прибрал случайно...

— Не взрывается? — почти серьезно спросил отец.

— Не должен. В джипе не сдетонировал, значит, не взорвется...

— Ладно, заберем. — Подумав, что если «оболтус» вытащил ящик из горящей машины, то он чего-нибудь да стоит, Чудо-юдо не стал задавать лишних вопросов.

Меня он сопровождал до машины сам, в компании двух пареньков, прикрывавших с фронта и флангов, а замыкающий тащил ящик.

Во дворе стоял броневичок для перевозки денег и два джипа сопровождения

«Ниссан-патрол». Меня быстро запихнули в броневик, Чудо-юдо уселся рядом, и вся армада покатила по Москве, нахально включив мигалки и сирены. Народ небось думал, что везут не меньше чем корону Российской Империи. Само собой, ни у кого из ГАИ даже в мыслях не было проверить, правомерно ли данный кортеж пользуется мигалками, тем более что впереди нашей колонны появился «жигуль» с гаишными опознавательными, который требовательно забубнил что-то вроде: «Водитель трамвая, примите вправо, пропустите колонну!»

Чудо-юдо вопросов не задавал, я считал за лучшее продолжить дрему. Доехали до родного поселка без всяких приключений. Должно быть, я исчерпал их лимит на эти сутки.

ДОМА

Впрочем, Чудо-юдо провез меня мимо родных стен своего дворца и выгрузил на территории Центра трансцендентных методов обучения. Там меня уже ждала каталка для перевозки тяжелобольных, на которую меня уложили вопреки моему робкому заявлению:

— Да я сам дойду...

— Обойдешься! — рявкнул Чудо-юдо. — Набегался уже! Спорить, конечно, было бесполезно. Меня прокатали через фойе и затарили в лифт, который стал куда-то опускаться. Когда лифт остановился, поездка продолжилась по коридору, мимо каких-то знакомых мне дверей (не по недавнему сну, естественно, а по прежним визитам в ЦТМО) и остановилась около двери с номером 38.

Здесь оказалось человек пять врачей и сестер, они под мудрым и непререкаемым руководством Чуда-юда меня раздели и подвергли медосмотру. В нем сочетались самые обычные выслушивания-выстукивания и самоновейшие запихивания в томограф, подключения к компьютеру и прочие пытки. Осмотрели все мои внешние травмы, оценили на «удовлетворительно» перевязки, сделанные Марьяшкой, но не поленились их переделать по-своему. Оказалось, кроме ожога второй степени на шее и ушиба спины, у меня имеется несколько ссадин, синяков и царапин, как выразился Чудо-юдо, «не портящих внешность, если штаны не снимать», а также легкое сотрясение мозга. Его, видимо, состояние моих мозгов больше всего заботило.

Резюме до меня не доводили, но, как я понял, признали больным, потому что отобрали у меня одежду, вручив взамен больничную пижаму и туфли, а затем, уложив на каталку, перевезли в некое помещение с чистым кондиционированным воздухом, но без окон, мало похожее на больничную палату и очень сильно — на комфортабельную камеру для высокопоставленного узника.

Здесь меня уложили в нестандартную, я бы даже сказал двухспальную койку. Все посторонние, кроме Чуда-юда, покинули палату, и я понял, что мне предстоит держать ответ за все допущенные ошибки и прегрешения.

— Ну что ж, — сказал Чудо-юдо, — рассказывай...

Понимая, что повинную голову меч не сечет, я постарался рассказывать без восторгов относительно собственной ловкости и удачливости, а сосредоточился на критике отдельных недостатков в своей работе и непродуманного поведения в некоторых жизненных ситуациях. Чудо-юдо слушал не перебивая, но, судя по некоторым признакам, проявлявшимся на его очень мрачном лице, он раскусил, что мое чистосердечное раскаяние — в значительной мере

имитация. Впрочем, я не уверен, будто его шибко беспокоило то, как я оцениваю свое поведение. Гораздо больше ему не нравилось, что я не придаю значения последствиям, которые это поведение может повлечь в будущем.

Сообщение об обстоятельствах приобретения чемодана-вьюка с документами об НЛО его особо не заинтересовало. Не увидев пока ничего из содержимого чемодана, я не мог толком объяснить, зачем его прихватил, а сам Чудо-юдо, вероятно, не считал эти материалы чем-либо ценным.

Однако, когда я начал излагать свой «сон-ходилку», его неудовольствие отошло на второй план. На физиономии явно читался интерес. Правда, вопросов до самого конца изложения он не задавал, но чувствовалось, что задать их ему не терпится. Особенно заблестели его глаза, когда я начал рассказывать о переданной мне Васей информации, получении от него некой виртуальной книги с шифром и бегстве от Белого волка.

Наконец я остановился, не произнеся стандартной формулы «доклад закончил», и Чудо-юдо сказал громкое «хм!», что означало: «Теперь я говорить буду!»

Я, грешным делом, подумал, будто он настолько заинтересовался моими похождениями в виртуальном мире, что забудет прочесть неприятную нотацию, но ошибся. Начал он именно с нее, хотя, наверно, домашняя заготовка была у него намного пространный.

— Значит, говоришь, тебе тридцать пятый идет? — сказал он, качая головой.

— Надо же! А я, между прочим, в этом возрасте уже подполковником был.

Я не стал говорить, что он запоздал в чинах не только по сравнению с Гайдаром-дедом, который в 16 лет полком командовал, но и по сравнению со мной, два дня возглавлявшим министерство социального обеспечения на Хайди. Кроме того, я еще и президентом «Rodriguez AnSo incorporated» успел побывать.

— Понимаешь, я уже четко ощущал, — задумчиво рассказывал Чудо-юдо, — что можно, а чего нельзя. На какую половицу ставить ногу, а на какую нет. В какие кабинеты почаще заглядывать, а в какие носа не казать. С кем откровенничать, а кому ничего лишнего не говорить. Каких баб обходить за сто верст, а каких трахать в обязательном порядке. Где можно выпить рюмку, а где

— бутылку. Все время контроль над самим собой, постоянно. На нелегалке, с «дипкрышей», даже в Москве. Без расслабухи. И не только потому, что боялся опалиться, залететь сам лично. Мне, видишь ли, как-то привили ощущение ответственности за других. И чем дольше работал, тем крепче понимал, насколько все в этом мире связано и переплетено. Вроде бы сам по себе полностью чист, а неприятность произошла с кем-то. Ни служебное расследование, ни понижение, ни увольнение, ни тем более суд не светят ни по какой линии, но чувствуешь — виноват. Например, когда начальство приказало ввести в игру такого кадра, которого близко к делу нельзя подпускать. Мог намекнуть руководству, что есть сомнения, а не намекнул — виноват! Не возразил, когда был шанс поменять решение, — тоже виноват. В общем, ты не профессионал, тебе все нюансы понять трудно, но надо хотя бы догадываться, какие неприятности могут возникнуть от малюсенького, но непродуманного шага. Скольких людей ты можешь подставить под эти неприятности...

— Я ж говорил, что все понимаю. Расслабился...

— Ни фига ты не понимаешь, — зло прищурился Чудо-юдо. — Ты просто вообразил себя эдаким Джеймсом Бондом — все могу, от всего откручусь, и сейчас, сукин сын, морально считаешь себя правым. Дескать, прошел огонь,

воду, медные трубы и все мне нипочем. Пойми, раздолбай, ты — никто. Мыслящая марионетка. Я тебя дергаю за нитки — ты пляшешь или стреляешь. Я могу в принципе сделать из тебя такого же биоробота, как из Ваньки и Валета. Не делаю только потому, что ты мой сын, хотя так было бы в сто раз проще. Был бы ты такой же, как Ваня или Валет, уже сутки находился бы дома, вполне здоровый. И все развивалось бы не через пень-колоду, а по моему графику и распорядку. У меня в Абу-Даби намечался один полезнейший контакт — пришлось перенести. Это не так безобидно, между прочим. Из-за того, что на сегодня его пришлось отменить, он состоится только через месяц. Если б он сегодня состоялся, то в энском районе земного шара уже через недельку перестали бы убивать людей. В неделю гибнет примерно десять человек. Может быть, и немного, и возможно, люди не самые лучшие, но все-таки. Теперь в лучшем случае смертоубийство прекратится только через пять недель. Значит, вместо семидесяти трупов будет триста пятьдесят. Эту разницу в двести восемьдесят человек можешь спокойно записать на свою душу. Но это люди неконкретные, арифметические. Кому из тех, кто там кровь проливает, выпадет решка — Господь ведает, мы с тобой их имена не знаем, в лицо не видели. Но вот Юрку Лосенка мы знаем оба, а его больше нет. Да, он немного виноват во вчерашнем. Поддался на твои уговоры, оставил машину, надрызгался вместе с вами, не принял всех мер к тому, чтоб организовать преследование. Но главная вина — твоя. Не пришлось бы ему сегодня за тобой ехать — был бы жив... Хотя, аналогично твоему похищению из «Олимпийца», нападение на «Чероки» было случайным! Мы уже знаем это точно. Ты велел проходными дворами ехать, сам говорил. А в этом дворе ребята с «мухой» и двумя автоматами ждали машину банкира — точно такой же «Чероки».

— Он, по-моему, за нами ехал, точнее, в пробке стоял, — припомнил я.

— Тем не менее, если б вы не повернули туда, куда не должны были ехать, то Юрка сейчас не в морге бы лежал, а в кровати с женой, понимаешь? И те два парня из «службы быта» были бы живы. И ты не прибыл бы ко мне на излечение в то время, когда ты мне очень нужен здоровый. Я еще не знаю, можно ли послать нашу новую невестку одну в Швейцарию, хотя этот вопрос нужно решать быстрее.

— Это почему?

— Потому что она переволновалась, когда ты пропал, даже, можно сказать, испытала стресс. Тут ведь еще наложилось то, что дети ее не узнали, Катька вообще нагрубилась, к Зинке убежала. Тебе надо было ехать с ней и с Васей, а не отправляться с Лосенком на волю в пампасы. Ты должен был пылинки с нее сдувать! Ходить за ней как пришитый. Ведь знаешь, что такое быть в чужой шкуре...

— Ничего особенного... — вякнул я.

— Да? А то, что для молодой дамы ее внешний вид играет определяющую роль в ее общем самочувствии, ты никогда не слышал?

— Конечно, слышал.

— Так вот, Лена ощущает себя царевной в лягушачьей шкуре, понял? Это не просто метафора. Это синдром. Конечно, Танечка, если ее привести в надлежащий вид, тоже смотрелась весьма симпатично, но все равно чисто объективная оценка не в ее пользу. Лицо не очень чистенькое, рябоватое,

волосы короткие, ростом пониже, ноги слишком мускулистые, руки не округлые -там, наверно, еще два десятка различий, которые Ленку приводят в состояние фрустрации. Она ощущает себя изуродованной, ни больше ни меньше! И тут родной муж, которому надо бы показать, что он без ума от такого сочетания: тело Тани — душа Лены, убедить свою несчастную бабу, что «новое платье» ей очень к лицу, вместо этого срывается на какую-то пьянку, исчезает,

потом звонит и просит миллион баксов за свою шкуру... Весело? Она и так не в своей тарелке, а тут еще добавка. Надо работать, спасти Васю, а Ленка сама в истерике валяется, Зинка колет ей успокоительное, я еще не долетел. Результат — Вася потерян.

— Он действительно умер?

— Да. И ты в этом виноват. Конечно, хорошо, что он сумел связаться с тобой напрямую, но это его заслуга, а не твоя. Так, говоришь, он тебе книгу передал?

— Да, только она там осталась...

— Книга — это символ архивированного файла информации. Шифр ты запомнил, значит, мы сможем его распаковать. Гораздо хуже, если у тебя в мозгу еще и Белый волк заархивировался.

— Что это вообще такое?

— Это тот самый логический вирус, от которого умер Вася. Он его так себе представил. То, что ты от него там, в виртуальном мире, убежал — еще ничего не значит. Грубо говоря, твоя и Васина микросхемы сыграли роль модемов, которые связали между собой ваши мозги в локальную сеть. В течение твоего «сна-ходилки» вы с Васей имели объединенное сознание. Никакой реальной границы не было. И сейчас пока трудно определить, остался ли вирус в Васином мозгу, то есть погиб вместе с ним или перешел в твою память. И то и другое содержит в себе элементы плохого и хорошего. Диалектика!

— Волк остался в шахте, — припомнил я еще раз, — люк закрылся, а потом вообще исчез.

— Это все картинки, — отмахнулся Чудо-юдо. — А что за ними реально стоит, еще нужно расшифровать. Вся эта символика системы перехода была построена в Васином сознании. Но он подключил ее к твоей микросхеме, и она стала частью твоего сознания. То, что он в ней зашифровал код доступа к файлу, который передал в виде книги, это понятно. Вроде бы то, что ты ее вынес в исходную точку, должно означать, что файл переписан к тебе в память, а отрыв от Белого волка — блокировку вируса. Но вот что вызывает сомнения. Первое: ты видел, как образ Васи трансформировался в Волка. Второе: Волк вырвался из той «комнаты», где Вася передавал тебе книгу. Эта комната символизирует Васин мозг. Хорошо, если, проскочив «коридор-шахту», ты вышел не в свою собственную память, а во временный канал связи, который обрубился, как только Васино сознание отключилось. Тогда вирус действительно пропал. Но могло быть и так, что «дверь», где были картинки, символизирующие Болта, Валета, Ваню и Васю, непосредственно являлась границей между твоим и Васиным сознанием. Тогда, после смерти Васи, вся система перехода осталась у тебя...

— И Белый волк остался в закрытой шахте, которая может когда-нибудь открыться? — До меня, с некоторым опозданием, стала доходить нешуточная опасность этой ситуации.

— Совершенно верно.

— То есть я могу, извиняюсь, скопытиться так же, как и Лопухин.

— Так точно. Тем не менее это несет в себе кое-что положительное.

— Чего ж тут положительного? — проворчал я.

— Для тебя лично, конечно, наилучший выход, если б вирус пропал. Но для науки лучше, чтоб он остался.

— Понятно, — хмыкнул я, — великие ученые себе чуму прививали, чтоб описать клиническое

течение болезни. Но я, между прочим, на это не подписывался.

— Видишь ли, Васино утверждение, будто вирус образовался в результате того, что в седьмом блоке пробило R6, — это гипотеза. Лена ее тоже выдвинула, хотя мы еще не исследовали обломки ГВЭПа и не уточнили, в каком состоянии элементная база. Тут тоже ошибиться нельзя. Одно дело, если вирус образовался сам по себе, чисто случайно, и совсем другое, если это продукция «G & K», которую Васе вlepили во время боя с вертолетом.

— Логическое оружие?

— Все может быть. Конечно, если б я, старый дурак, немного больше подумал, перед тем как вас отправить, то наплевал бы на все переговоры и полетел с вами. Не знаю, вытащили бы мы Лопухина или нет, но о вирусе я бы сейчас знал побольше. Да и Ленка, если б не сходила с ума по твоей милости, наверно, смогла бы более трезво действовать. Еще раз о том же...

— Стало быть, ты попробуешь этого Белого волка разархивировать?

— Да. Точнее, разблокировать. Для этого придется тебе опять пройтись по всем этим коридорчикам.

Меня аж передернуло. Бр-р!

— Когда? — спросил я с легкой обреченностью в голосе.

— Своевременно или несколько позже. Не сегодня, это я обещаю. Да не лязгай ты зубами раньше времени!

— Если б ты видел этого Волка... — пробормотал я.

— Напугался, бедненький! — саркастически произнес Чудо-юдо. — Конечно, эта виртуальная картинка, может, и пострашнее, чем те ребята, которых ты мочил до этого. Кстати, из тех пятерых дуриков, которые тебя похитили, двое уже отдали Богу душу, а трое маются с пулевыми ранениями. Я, конечно, им особо не сочувствую, но милиция и прокуратура очень интересуются, кто это им взялся добровольно помогать. Сумму, которую придется израсходовать, чтоб этот интерес ослаб, ты представляешь?

— Что ж, она больше миллиона баксов? — огрызнулся я. — Или, может, ты вообще платить не собирался?

— Может, и не собирался, — осклабился Чудо-юдо. — Еще б они мне приплатили за то, чтоб я тебя забрал.

— Это как в «Вожде краснокожих», что ли? — усмехнулся я.

— Почти. Я б им такие картинки натранслировал через твою микросхему, что их любой дурдом принял бы с распростертыми объятиями.

— Что ж ты это из Эмиратов не мог проделать или из самолета?

— Не мог, к сожалению. С твоей схемой вообще много непонятого творится. Она теперь никакими индикаторами не пеленгуется. Ни «джикейским», который вы с Ленкой раздобыли, ни нашим, специально на нее настроенным. Как Вася с тобой контакт нашел — до сих пор загадка. Чтоб ее разгадать, опять-таки нужна эта экскурсия по коридорам-шахтам. Возможно, Васин файл чем-то поможет.

— Весело... — пробормотал я.

— Ладно. Оставим эту грустную тему. Перейдем к десерту. Как я понял, ты от большой тоски душевной и жажды творить добро решил Робин Гудом поработать?

— Это ты насчет Родиона и Федота?

— Именно. Конечно, интересно, что ты там за сундук с макулатурой приволок, но заниматься такой благотворительностью тебя никто не уполномочивал. Тем более привлекать для этого Морфлота и его ребят. Он, между прочим, со мной связался сразу же после того, как вы с Лосенком уехали. Дескать, Сергей Сергеевич, мне тут ваш «инспектор» предложил немножко потрепсти какого-то типа, это от вас исходит или «контрольная для взрослых»?

— Стукнул все-таки? — порадовался я за Морфлота.

— Не стукнул, а доложил. В отличие от Джека, царствие ему небесное, который твои мелкие грешки покрывал, этот службу знает. Не хуже Кубика-Рубика. Он у меня еще немножко тут попашет, а потом я ему тоже место шейха или шахиншаха присмотрю. Толковый парень и очень надежный. А главное — рассудительный, в отличие от тебя, скажем. Потому что ты, извиняюсь, повел себя так, будто этих граждан, Федотова и Соколова, отслеживал с младых ногтей и все о них знаешь. На самом же деле, кроме той, мягко говоря, недостаточной информации, которую краем уха услышал, сидя на чердаке, ты о них ни шиша не ведал. Не знаю, сколько вы с Чебаковым выхлебали, но объяснить твоё поведение иначе, чем похмельным синдромом, не могу.

— Из меня весь хмель еще на даче у похитителей вышел, — обиделся я.

— Тем не менее не похоже, чтоб ты трезво рассуждал. Вообще лучше всего было бы, чтоб ты потихоньку смылся, ничего не трогая и ничем не интересуясь. Такая возможность у тебя, я думаю, была. Ладно, допустим, что сведения тридцатилетней свежести с грифом «совершенно секретно» из ГУГК НКВД СССР тебя чем-то заинтересовали. Поверим, что иного способа прибрать их, кроме силового, у тебя не было. Но тогда, прости меня, надо было мочить обоих на месте. И бедного, и богатого, не проявляя классовых пристрастий. Просто потому, что они оба свидетели и видели твою рожу.

— Из-за ерунды — мочить?

— Если ты считал это ерундой, то на фиг брал? — резонно заметил отец. — Но если уж собрался рисковать, работай чисто. Тем более, еще раз повторю, что серьезной информацией о Федотове и Соколове ты не располагал. А потому точно не знал, какая может последовать реакция на твоё поведение. Не непосредственно в момент ограбления — признаки 145-й из старого УК или 161-й из того, что начнет действовать с 1 января 1997-го, отлично просматриваются,

— а после того. Первый результат уже есть. Соколов найден повесившимся в собственной квартире. Приятно тебе? Есть мнение, что это вовсе не самоубийство. Много прижизненных травм обнаружено.

— Его Федотов отдубасил на даче... — пробормотал я, но что-то мне подсказывало: Чудо-юдо ближе к истине.

— Все может быть, — кивнул он, — только Федотов, по данным, будем считать, «японской разведки», не совсем простой мальчик. У него хорошие друзья есть. И притом такие, с которыми мне не хочется портить отношения. У меня сейчас, особенно в последние три месяца, несколько ослабли позиции в

Москве. Если быть откровеннее, серьезно ослабли. То, что ты мог вытворять в прошлом, сейчас не пройдет, уловил? Конечно, публичных извинений Федотову мы приносить не будем,

но паспорт, права и машину тихо вернем через милицию. Дескать, нашли их доблестные правоохранители. И им плюс, и Федотову. Деньги, я думаю, он уже вернул, поскольку при Соколове никаких купюр не обнаружено. Тебе придется немного пожить взаперти. В качестве наказания за излишнюю самостоятельность. Полечишься, отдохнешь, отоспишься. Заодно немножко считаешь свои трофейные документы. Само собой, необходимую помощь я тебе окажу.

— Например, поможешь от Белого волка убежать, — мрачно пошутил я.

— Помогу и в этом, — совсем не в шутку произнес Чудо-юдо, — но пока ты себе особо голову не забивай. Это очень опасно, между прочим. Начнешь размышлять — можешь невзначай разблокировать вирус, если он там, разумеется. Поэтому, чтоб у тебя лишних мыслей не было, мы тебе один препаратик введем. Не «Зомби-8», конечно, но полезный. Очень хорошо тормозит подкорку. Пару суток будешь немного дурной, но зато беззаботный. Обо всех хворях и болячках забудешь начисто. И вообще будет состояние бездумного возбуждения, легкого подпития, раскованности, причем без похмелья. Потом больше не проси, не дадим. Привыкание очень быстрое, два-три укола — и ты капитально на игле.

— Прямо сейчас вколют?

— Именно так. Чего ждать? К тому же тебе, наверно, пора с женой встретиться... Ребятишки по тебе тоже соскучились, но с ними, пожалуй, лучше подождать.

Чудо-юдо встал со стула и вышел за дверь. Через минуту в место моего заточения вошла Лена-Таня.

НАЗЫВАЙ МЕНЯ ВИКОЙ...

Скажем так: смотрелась она много хуже, чем в день нашего отлета из Эмиратов, и чуть-чуть хуже, чем после утомительного полета, сопровождавшегося битвой за Васину жизнь.

«Штукатурка», которую ей наложили визажистки Абу Рустема, пооблетела еще на пути в Москву, а теперь от нее и следов не осталось. Все рябинки и веснушки оказались на своих местах, плюс добавились темные подглазники. Сережки с камушками она сняла, мальчиковая стрижка взъерошилась ежиком, да и вообще мордочка была какая-то не такая.

Тем не менее улыбка у нее на лице была, и не вымученная, а вполне откровенная. Таня так открыто и хорошо никогда не улыбалась. Ленка улыбалась, но у нее рот был чуточку шире и улыбка получалась слишком смешной. А тут — самое оно.

Одета Лена-Таня была в белый халат с фирменной нашивкой «ЦТМО. Барина Е.И.». Этот халат я хорошо помнил, на Ленке он, естественно, сидел в аккурат по фигуре. Что касается Таниной фигуры, то она была совсем другая. При почти одинаковых бюстах Таня была сантиметров на пять пошире в плечах и сантиметров на двадцать поуже в области попы. К тому же Ленка — исключительно за счет ног — была выше ростом. Последнее обстоятельство, пожалуй, играло на руку Танечке, поскольку Ленкин халат прикрывал ей колени, которые, как я догадывался, в бою были весьма грозным оружием против мужиков, но при всех других контактах выглядели не очень выигрышно. В общем и целом Чудо-юдо был прав: Ленка, приобретя такие формы, чувствовала себя обделенной. У нее, как мне показалось, на лице читалось что-то виноватое: дескать, извини, но меня, твою Елену Прекрасную, Чудо-юдо поганое в лягушку превратил...

— Привет, Волчара! — Все-таки это очень странно — слышать Ленкины слова и выражения, произносимые Танечкиным голоском.

— Привет, Хрюшка, — отозвался я, — ты на меня не сердись? Совсем-совсем?

— На дураков не сердятся. А кроме того, я тебя сейчас мучить буду. Очень жестоко. Укол сделаю, и будет больно-пребольно.

После чего ты станешь полным идиотом.

— Штаны снимать? — скромно поинтересовался я.

— Пока не надо. Я тебе внутривенно укол буду делать. Вот тебе резиновое колечко, кати выше локтя.

Лена-Таня вынула из кармана халата ампулу без какой-либо маркировки, достала из шкафчика упаковку с одноразовыми шприцами и втянула содержимое ампулы в «машину». Спрыснула капельку через иглу, чтоб не запустить в вену воздух, вколола и плавно выдавила около двух кубиков снадобья в надувшуюся жилу.

— Больно? — позлорадствовала мучительница. — Не будешь по бабам бегать!

— По каким бабам? — обиделся я.

— А откуда тебя привезли? От Марьяшки!

— Да я там всего часа три пробыл... И потом, если ты беспокоишься насчет того, что я ее трахал, то зря. Даже если б хотел, ни шиша не вышло бы.

Действие препарата начало сказываться очень быстро. Уже спустя пару минут мое состояние напоминало легкое опьянение. То самое, когда все дела и заботы кажутся сущей ерундой, окружающая обстановка перестает раздражать или пугать, никакие недомогания не ощущаются, а жизнь становится прекрасной и удивительной. Соответственно и присутствие здесь дамы обрело совсем иной смысл...

— Присядь ко мне, — попросил я, когда Лена-Таня бросила шприц и ампулу в эмалированное ведро.

— Подожди, — сказала она, — я тоже заколю себе эту штуку.

— Зачем? — ухмыльнулся я. — Ты и так самая хорошая, самая милая, самая прелестная... Я тебя люблю!

— Затем, — вполне серьезно произнесла Лена-Таня, — чтоб не думать о том, кого именно ты любишь.

— Тебя! Кого ж я еще могу любить? — расхохотался я.

— А кто я? — Она достала из кармана вторую ампулу, положила на стол и забрала у меня резиновое кольцо.

— Ты — моя жена!

Гордо объявив это, я сделал попытку привлечь ее к себе, но неожиданно услышал:

— Сказився чи шо? Годи трохи! — Этот раздраженный возглас, сопровождавшийся довольно чувствительным толчком, отшвырнувшим меня обратно в койку, мог принадлежать лишь Танечке Кармелюк, да и манера поведения была вовсе не свойственна Хрюшке Чебаковой.

Но на полное осознание этого моя кайфующая башка была не способна. Мысль о том, что Ленкино «я» не окончательно подавило Танино, промелькнула только как слабая искорка и тут же угасла. Я опять захохотал самым идиотским образом, откинувшись на подушку. Этот приступ смеха длился довольно долго, поэтому Лена-Таня, пристроившись на стуле и отодвинувшись подальше от кровати, смогла спокойно произвести все подготовительные операции и вколола себе препарат.

— Не лезь, — предупредила она, когда я уже перестал хохотать и с плутовским выражением на морде — думаю, оно было именно таким, хотя в зеркало не смотрелся — собрался слезть с кровати. Конечно, меня это не остановило. Я слез с койки, но не как нормальные люди — на ноги, а как мальчишки-шалунишки — на руки, головой вперед. Улегся на пол и, хихикая, по-пластунски пополз к Лене-Тане по ковру.

— Неужели пять минут подождать трудно? — уже с другими, Ленкиными, интонациями пробормотала она.

— Трудно, — ответил я и дополз до ее ног, обутых в черные потертые туфельки и обтянутых светло-коричневыми колготами. Туфли были мне знакомы. Я их сам года три назад купил Ленке в подарок на день рождения в качестве парадно-выходных. Однако она их за год стоптала и утащила на работу, где донашивала уже как сменную обувь. Моя тупая голова отметила без удивления, что при заметной разнице в росте — сантиметров пять, наверно, — Ленкин 37-й размер пришелся в пору Таниной ноге.

— Та видчепись ты, божевильный! — Это было сказано уже не с раздражением, а со смехом. Но говорила это Таня, ее хохляцкая натура проявлялась. Еще одна искорка промерцала в дебрях моего заторможенного сознания и канула в темень.

Шприц и пустая ампула, брякнув, упали в ведро, но Лена-Таня не встала со стула, а продолжала сидеть, придерживая ватку со спиртом у места прокола. Видимо, она прислушивалась к тому, что начинало твориться в ее организме. И когда я снял у нее туфлю с правой ноги, подложил одну ладонь под ее ступню, а другой стал поглаживать икру, подъем и голень, Лена-Таня даже не отреагировала. Только через пару минут, после того как я приложился к ноге губами и щетиной, которую успел нарастить за прошедшие сутки, послышалось томное:

— Колю-ючка... — и последовал баловной, бездумный смех. Но все-таки здравый смысл еще не до конца покинул это забалдевшее существо. Лена-Таня вскочила со стула и, как была, в одной туфле, прихрамывая, торопливо бросилась к входной двери — запереть ее изнутри. Затем она добралась до выключателя и погрузила палату в кромешную тьму.

— Ты где? — спросил я, а в ответ услышал из темноты игривое «хи-хи-хи». — Где ты, Лена?

— А я не Лена, а я не Лена! Вя-я! Хи-хи-хи! — пропищала темнота, и послышался шум сброшенной на ковер туфли и мягкое «топ-топ-топ» по ковру.

— Тогда: где ты, Таня? — поправился я, пытаюсь угадать, куда она переместилась.

— А я не Таня! Бе-е-е! — послышалось откуда-то из-за спины. Я по-прежнему лежал животом на ковре и повернулся лицом на звук, словно компасная стрелка, провернувшись вокруг невидимой оси, проходящей, очевидно, через район пупа.

— Кто же ты тогда? — спросил я. — Я — Вика. Я — дурочка Вика, — прошептал горячий ротик, оказавшийся совсем рядом и обдавший меня мятным ароматом (должно быть, жвачки какой-то).

— Называй меня Викой, и больше никем. Не хочу быть ни Ленкой, ни Танькой! Хочу быть

дурой! И все!

— Ви-ика... — произнес я блаженно, вытянул руки вперед и нашарил два теплых плечика под докторским халатиком. А появившаяся из тьмы пара маленьких, но сильных и вообще-то очень опасных ручек прокатилась чуть шероховатыми ладошками по моим колючим щекам, коснулась ушей, скользнула по шее. Мои ладони тоже от плеч перебрались к шее, приласкали подбородок и щечки, зарылись в ее коротенькую прическу.

— Как хорошо быть дурой... — пробормотала новоявленная Вика, которая лежала на ковре в той же позе, что и я. — Давай потремся носами, как полинезийцы?

Проблем не было, носы очень удачно нашли друг друга, тюкнулись кончиками, потом покружились один вокруг другого, то соприкасаясь, то расходясь. От этих соприкосновений у меня по всему телу прошел веселый звон и забегали хулиганистые чертенята. Нестрашные, но очень бесшабашные, так и подзуживавшие совершить чего-нибудь этакое...

Поэтому, ухватившись крепче за Вику, я подался вперед, переворачивая ее на спину, и припал губами к неровно дышащему ротуку. Не очень сильно, не впиивливаясь до посинения, а слегка, вскользь. И поболтал языком, чиркнув им по гладким кусачим зубкам. А оттуда, из-за этих зубок, высунулся сладкий, опять же мятный на вкус язычок, который извернулся и пощекотал мой язык снизу. От этого хулиганистых чертиков сразу прибыло, особенно много их прибежало к моим рукам. Правая, на локтевом сгибе которой безмятежно устроилась стриженная головка Вики, стала гладить ушко и щечку, ластиться к шее и подбородку, а потом неторопливо заползла в ворот блузки, на ощупь расстегнула верхнюю пуговку, погладила мягкую ямку под шеей...

— Щекотно... — промурлыкала Вика, обнимая меня одной рукой за шею, а вторую просовывая под пижаму. — Я тебя тоже буду щекотать. И немножко цар-рапать!

И с этими словами Викина лапка пробралась мне под майку, постучала пальчиками по груди, нежно ущипнула и покрутила сосок — до сих пор не пойму, на хрен они нам, мужикам, оставлены! — а затем шаловливо поскребла ноготочками ребра. Ногти у нее были коротко подстрижены, и царапульки получились неболезненные, а очень даже приятные.

У меня разыгралась левая рука, она взялась расстегивать Викин халатик. Р-раз — пуговка! Два — другая! Три — третья! Халатик распахнулся, Вика ворохнулась и прошептала:

— По-моему, как раз сегодня тот самый день, когда ты насилуешь случайных попутчиц...

Если б я был нормальным, тут же сделал бы вывод, что этот прикол мог храниться только в Танечкиной памяти, потому что Ленка его не знала. Но соображать я был не способен. Меня эта фраза только завела, не больше того. Тем более что Викина ладошка, вдоволь нагулявшись у меня под майкой, воровато пролезла под резинку трусов...

— Ага-а... — пропела она. — Какой тут пыжик! Ой, какой пыжик!

И это было из Танькиного лексикона. Правда, я об этом термине был осведомлен нелегально. Такое кодовое название для известного мужского предмета она применяла с Толяном. Опять же, будь я в здравом уме и трезвой памяти, может быть, испытал бы ревность или обиду. Но в нынешнем состоянии все это было мне глубоко по фигу. Главное — что прибор в полной исправности и Вике есть чего пощупать...

— Ах ты, баловашка! — проурчал я, проведя ладонью по Викиному животу, точнее, по шерстяной юбке, под которой он скрывался. Юбка была широкая. Я откинул подол немного вверх и получил возможность беспрепятственно проникнуть к теплу, исходящему от Викиных бедер, обтянутых колготками. На самом главном месте еще и трусики обнаружились...

— Ну, ты и капуста... — прошептал я Вике в ушко, не позабыв щекотнуть языком мочку уха.
— Семьдесят семь одежек — и все без застежек.

— Захочешь — очистишь, — не переставая поглаживать «пыжика», пробормотала она и провела губками по моей щеке. — Ежик небритый...

Я тоже ущипнул ее губами за щечку, поелозил рукой по плоскому, даже в расслабленном состоянии крепкому животику, мизинцем пощекотал пупок, а потом заполз сразу под две резинки: трусиковую и колготочную. Под пальцами волнующе зашелестели жесткие путаные волосики.

— Ты тоже колючка небритая... Елочка-метелочка... — прикасаясь губами к уголку ее глаза, проворковал я. А рука тем временем осторожно шебаршилась, разбираясь, где там чего в этой мохнушке запрянуто... Наконец, средний палец отважился, сунулся в какое-то теплое местечко, нежное, скользкое, липкое чуть-чуть. Сначала только самым кончиком, верхней подушечкой, а потом, словно бы осмелев, весь забрался. И указательный туда же полез. И оба ласково притронулись к небольшой фигулинке с пимпочкой. Динь! Как видно, этот звоночек у Вики громко прозвенел, хотя я его и не слышал.

— А-ах... — Вика стиснула мою руку крепкими ляжками. — Не отдам!

Ее-то ладошка тоже бездельем не маялась, забавлялась с «главной толкушкой», или с «пыжиком», если ей так угодно. Осторожненько, будто с хрустальным, обращалась. Тянет-потянет, вытянуть не может... И приговаривала:

— Цып-цып... Цып-цып... Цып-цып...

А пальцы мои все ворочались и ворочались, поскребывали гладкое, горячее, скользкое. И так усердно, что у Вики по телу пошли волны, грудь задышала чаще, спина стала пружинисто выгибаться... Быстро, быстрее, еще быстрее! Лишь бы только мне «толкушку» сгоряча не выкорчевала! Нет, отпустила... Обеими руками обхватила, стиснула, дернулась!

— Ы-ы-х-х... — услышал я. Первый раз этот сладкий стон я слышал два с лишним года назад, на солнечной поляночке, на «лежке» Джека. Вот торопыжка! Так сдавила руку, что кости захрустели...

Все, обмякла. Отвалилась на спину, тяжело дыша, раскинулась, но это лишь на время. Я высвободил руку из липкого плена, привстал, рывком стянул с безвольных, расслабленных ног скатавшиеся в валок трусы и колготки, отбросил куда-то в темноту.

— Ну что ты там? — нетерпеливо и даже зло прошипела Вика. Я уже перелезал через ее левую ногу, слушая ее сдавленное, тяжкое дыхание. Просунул руки под вздернувшуюся юбку, подложил ладони под прохладные, крепкие половинки, ощутил горячую дрожь во всем этом гибком и сильном теле, так непохожем на мягкое, пухлое Ленкино...

— Иди ко мне, цыпочка... Иди, «толкушечка»... — пробормотала задыхаясь Вика, подхватывая прибор пальчиками и притягивая к слипшимся мокрым волоскам. Горячая, нежная теплота наплзла плавно и ласково. Туда его, до отказа! Р-раз!

— Ой, гарнесенький! — вновь вырвалась у Вики украинская мова. — Ой, солодкий! Ой, коханечко!

Пожалуй, для другой — для Ленки, например — эта дрючка показалась бы слишком жесткой. Но Вике нужно было именно такое, резкое, быстрое, жадное — именно она взяла и этот темп, и этот стиль. В свое время Браун — когда он сидел в моей черепушке — оставил у меня в памяти образы, как бы иллюстрирующие это дело. Шомпол в стволе винтовки, поршень

паровой машины или двигателя внутреннего сгорания, наконец, отбойный молоток. Здесь, пожалуй, работал отбойный молоток. Потому что Вика хотела быстрее и вынуждала меня этот ритм выдерживать. Минуты не прошло, как она сдавила меня руками и ногами, даже кулаками по спине ударила — не в полную силу, слава Аллаху! — и, выгнувшись дугой (прямо-таки на борцовский «мост» встала!), опять выдохнула:

— Ы-ы-х-х! — и бессильно упала на ковер, судорожно поглаживая мне спину.

Следующую минуту пролежала почти неподвижно, а потом — р-раз! — перевернула меня на обе лопатки. Точно так же, как Кота пару лет назад. Но меня и это воспоминание не остудило, хотя какое там воспоминание — проблеск небольшой.

— О-па! О-па! О-па! — взвизгивала Вика, заходясь в неистовой раскачке, срывала с себя все, что еще оставалось из одежды, и, раскрутив над головой, швыряла куда-то в темноту. Потом она опять застонала, ее острые коленки аж впились мне в бока, и она плашмя повалилась мне на грудь.

— Ах, ты еще в майке?! — прорычала она. Тр-рык! Полмайки осталось у меня под спиной, а переднюю часть Вика торжествующе скомкала и выкинула. После этого она обнаружила, что на мне осталась распахнутая пижамная куртка, уцепилась за рукава и одним рывком сдернула.

— Я — масло, а ты — хлебушек... Я на тебя намазываюсь, намазываюсь, намазываюсь... — бормотала Вика и действительно словно бы втиралась в меня всем своим скользким, взмокшим телом. Беспощадность, которую она проявляла к своим грудкам — будто и вправду хотела их по мне размазать! — заставила меня их пожалеть. Но вслух говорить что-то было бесполезно — пока Вика в очередной раз не разрядилась.

Похоже, на этот раз она притомилась.

— Теперь ты будешь бушевать, — объявила она безапелляционным тоном. — А я

— млеть от счастья! Kiss me, touch me, fuck me!

Эти словечки прозвучали так, как могла бы произнести их Кармела О`Брайен, которую я, слава Богу, не имел чести знать.

Сказать о том, что моя башка ощущала приятную пустоту — ничего не сказать. Там ветер гулял. И, получив приглашение «бушевать», я повел себя так, как президент Буш в отношении Саддама Хусейна.

— Съем! Сожру! Слопаю! — заорал я — небось на всех подземных и надземных этажах ЦТМО было слышно. Сгреб визжащую Вику и поднял на руки, встав во весь рост. Потом дотащил до кровати и не очень бережно бросил на спину. Лодыжки ее оказались у меня на шее, но «главная толкушка» осталась там же, где была до этого. Вика сложилась почти вдвое, колени чуть ли не к носу прижались. Да еще я лапами уперся ей в груди и начал их крутить: правую по часовой стрелке, а левую — против. Ну и, конечно, скрипя зубами, рыча и идиотски похохатывая, пихал от души на полный штык.

— Еще! Еще! Еще-е! — верещала Вика в диком восторге, хотя я уверен, что после такого обращения с собой многие бабы обратились бы в какое-нибудь «Общество защиты женщин от сексуального насилия».

Огонь, как известно, в древности добывали трением. От трения помаленьку разгорелась и моя деревяшка. Паленым, правда, еще не запахло, но остановить загорание было никак невозможно.

— И-и-и-и! — Вика судорожно застучала пятками по моим плечам. Но это не означало, что она требует принять меры по предохранению от всяких нежелательных последствий. Ни у меня, ни у нее, похоже, не было никаких здравых мыслей на этот счет.

— У-у! У-у! У-у! — с этими утробно-обезьяньими возгласами я делал самые последние, мощные, пронзающие движения. Вика не только не отпихивала меня, но уцепилась покрепче, чтоб я сам от нее не ускользнул. И потом, когда все закончилось, уползла под одеяло.

Сил это мероприятие отняло немало, поэтому усталость почувствовалась сразу. Взъерошенная головенка Вики прильнула к подушке, я уткнулся носом в ее затылок, привалился грудью к ее влажной спинке и заснул. Под одеялом было спокойно и уютно, но вот сон, который вроде бы должен был принести умиротворение и отдых, оказался настоящим кошмаром.

КОШМАР ДЛЯ ДИМЫ И ВИКИ. ОХОТА НА БЕЛОГО ВОЛКА

Я очутился в той самой комнате, где начинался мой путь для встречи с виртуальным Васей Лопухиным. Все было точно так же, как в прошлый раз, и алый прямоугольник двери загадочно мерцал в абсолютной темноте. Правда, не было того подсознательного, ни с чем конкретным не связанного страха, который присутствовал в прошлой «ходилке». Был четкий, осознанный страх — где-то там, за этой дверью, прячется Белый волк. Символ вполне реальной опасности, от которой не спасешься, проснувшись и выпрыгнув в реальный мир. Волк останется в мозгу и начнет пожирать меня изнутри. Пока не парализует все центры, управляющие дыханием, кровообращением и другими жизненно важными функциями.

Но вместе с этим страхом, который отталкивал от двери с не меньшей силой, чем тот, что был в прошлый раз, присутствовало некое зовущее вперед требование, даже приказ, пожалуй: «Найти и уничтожить! Победить или умереть!» Эти диаметрально противоположные векторы некоторое время уравнивались, и я оставался на месте. Но постепенно сила приказа превозмогла страх. То ли кто-то действовал со стороны, то ли я сам ощущал все большее желание разобраться с Белым волком. Ведь рано или поздно это придется сделать. Гораздо хуже будет, если не я его найду, а он меня.

И я пошел к двери. Не без задержек, не без остановок. Страх ощущался почти физически, как мощный поток воздуха, упруго бьющий в лицо и отталкивающий назад, но приказ, отданный неизвестно кем, все-таки толкал меня в спину и заставлял приближаться к зловещему прямоугольнику. Хотя я совершенно не знал, как найти Волка и как его уничтожить, или хотя бы как от него спастись, если что. Я был вовсе не уверен, что мне удастся вновь обмануть его, превратив какой-нибудь коридор в шахту.

Преодолев порог алого прямоугольника, я ощутил, что страх притупился и ослаб. Но ослабла и сила приказа. Я был в большей степени свободен, мне как бы давали понять: ты сделал выбор и все теперь зависит только от тебя.

Как и в прошлый раз, передо мной была развилка: три туннеля, ведущие к трем одинаковым дверям. Я уже знал — надо идти налево.

Однако, пройдя примерно треть пути по этому левому туннелю, я обратил внимание, что он выглядит не совсем так, как в прошлый раз. В левой боковой стене туннеля появилась дверь, которой я раньше не видел. Может, Белый волк поджидает меня именно там? Новый порыв холодного ветра-страха отодвинул меня на несколько шагов назад, но тут же возникла сила приказа, которое подтолкнула вперед и заставила двигаться дальше.

Когда я уже совсем близко подошел к этой неведомо откуда взявшейся двери, то услышал что-то вроде звука шагов. Кто-то двигался к развилке со стороны боковой двери. На громыхающий топот Волка шаги были не похожи. Они слышались все отчетливее, а еще через несколько секунд я увидел, как из боковой двери в туннель выходят четыре объемно-контурные фигуры, обрисованные голубоватыми линиями. Чистой воды произведения компьютерной графики. Но чем ближе я подходил, тем четче рисовались эти фигуры, появлялась фактура одежды, цвета, а затем стало возможно различить и лица. Правда, четкость и яркость фигур были разные.

Это были четыре женщины. Они шли гуськом, или, выражаясь по-военному, в колонну по одному. Наиболее четко были прорисованы две головные. Впереди шла высокая полная длинноволосая блондинка. Никакого сомнения — Ленка! Вторая, пониже ростом, заметно худощавей, со скрипичным футляром в руке — Таня. Две другие имели намного более расплывчатые, схематические контуры. Та, что была прорисована хуже всех, самая блеклая и местами даже прозрачная, по фигуре и абрису лица была похожа на Таню, и я предположил, что это может быть Вик Мэллори, материальный носитель всех остальных. Четвертая, тоже блеклая, но смотревшаяся почетче, внешне была мне незнакома. Должно быть, так выглядела Кармела О`Брайен.

В этот момент я обернулся и увидел, что тоже иду не один, а возглавляю целый отряд призраков. Сам я был одет в ту самую форму десантника Кольки Короткова, в которой тот некогда перебирался по подземным туннелям из ГДР к бундесам. Как-то сразу до меня дошло — это символ доминантного «я». За моей спиной шел более-менее четко обрисованный Ричард Браун и два полупрозрачных, расплывчатых образа. Лишь по наитию я смог определить, что более четкий — это Майкл Атвуд, а замыкающий, совсем зыбкий — Сесар Мендес. Жуть!

Как ни странно, но здесь, в этом мире абсурдов, я совершенно не ощущал воздействия того препарата, который сделал из меня бездумную полуобезьяну. Более того, я очень ясно понимал, что стоит за этими леденящими душу картинками. Каким-то образом, скорее всего через микросхемы, вживленные в мой мозг и в мозг, некогда принадлежавший дурочке Вик Мэллори, произошло объединение сознаний, находящихся на двух независимых материальных носителях. Аналогично тому, как это было в прошлый раз, при установлении контакта с Васей Лопухиным. Но при этом все «я», располагавшиеся на этих носителях, как бы разделились и получили обозначение в качестве видеообразов. Соответственно тому месту, которое они занимали в сознании, варьировалась их яркость и четкость. И, видимо, это не зависело от того, кому принадлежит материальный носитель. Если в нашей мужской колонне доминантное «я» принадлежало мне, как и материальный носитель, то в колонне, возглавляемой Ленкой, все было наоборот. Материальный носитель принадлежал Вик, но ее «я» выглядело самым неоформленным. Чужеродные «я» утративших собственные носители Кармелы и Танечки (биологически умерших) и Ленки, у которой материальный носитель продолжал жить, но с другим доминантным «я», были значительно сильнее «родного».

В такой большой компании я почувствовал себя увереннее. Даже прибавил шагу, чтобы поравняться с виртуальной Ленкой.

— Здравствуй, — сказала она своим обычным голосом. — На охоту собрался? Белого собрата ловить?

— В смысле Волка? Кажется, так. Если наоборот не получится.

— Посмотрим. Видишь, какая артель собралась?

— Народу много, а толк... Будет ли? Танечка в футляре случайно не «винторез» несет? Думает, из него можно Волка застрелить?

— Не знаю, — ответила Ленка, — каждое «я» формировалось само по себе.

— Я тоже не знаю, что там, — сказала Таня, упреждая мой вопрос. — Может, винтовка, а может, скрипка. И неизвестно, что лучше против этого зверя.

— Между прочим, — заметила Премудрая, — мы с девочками перешли в твое сознание. Здесь в принципе ты хозяин. Во многом вся система символов и образов зависит от тебя. Вот если мы вернемся и пойдем в тот боковой коридорчик, откуда вышли, то придем в наш, так сказать, женский монастырь колхозного типа.

В этот момент мы подошли к двери, над которой были четыре фотографии, среди них три незнакомых, а одна — Васи Лопухина.

Возникла красная капелька-курсор.

— Ну что, будем открывать? — спросила Ленка. — Похоже на «Windows», верно? Твое сознание, так что курсором управляешь ты.

— Подожди, — сказал я, — ты, наверно, больше моего понимаешь в этих делах. В прошлый раз я, конечно, сразу же поставил курсор на Васю. А что за люди в других окнах? Я их не знаю.

— Надо присмотреться, — сказала Хавронья, — по-моему, это кодированные изображения. Ну, давай, ради эксперимента, подведи капельку к тому портрету, что рядом с Васей.

Я передвинул капельку туда, куда повелела Хрюшка. Портрет незнакомца мигнул и исчез, а на его месте возникло что-то вроде мигающего табло с надписью: «Code?» Одновременно прямо передо мной в пустоте появилась плоскость, на которой порисовалось что-то вроде клавиатуры с цифрами от 0 до 9 и клавиша ENTER.

— Не будем набирать, — посоветовала Ленка. — Угадать не угадаешь, а к чему приведет ошибка, мы не знаем.

Я передвинул курсор к портрету Васи. Табло с надписью: «Code?» тут же исчезло, и в квадратике опять появилось изображение незнакомой морды. Испарилась и клавиатура. Зато дверь открылась.

По идее, мы должны были войти в коридор с шестью дверями, где слева на зеленых квадратах стояли цифры 1,3,5, а справа — 2,4,7. Однако на сей раз дверь вывела в какую-то совсем небольшую кабинку, точнее, отрезок коридора, перегороденного чем-то вроде броневой стены. На этой броне светились столбиком надписи с вопросительными знаками:

DIRECTORY?

KEY-WORD ? LETTER? CODE?

Прочерки подсказывали, какое именно количество знаков должно быть в ответах на все эти вопросы. Две последние позиции я помнил. LETTER, то есть «буква», должна была быть А, а CODE, вероятно, 127. Вася сказал: «Именно в таком порядке». Поэтому, когда перед броневой стеной возникла из воздуха клавиатура, на сей раз не только с цифрами, но и с буквами, я первым делом поставил капельку на третью строчку и набрал букву А, после чего передвинул курсор вниз и набрал 127.

Дальше вышла заминка. Ленка, видя мою нерешительность, спросила:

— Ты что застрял? DIRECTORY— это явно каталог всех файлов памяти Лопухина, которые ему удалось перенести к тебе. Наверняка он не мудрствуя лукаво назвал его своей

фамилией.

— В слове «ЛОПУХИН» семь букв. А требуется — восемь.

— Просто надо Васину фамилию написать по-английски: «LOPUKHIN», вот восемь букв и получится.

Я выполнил это указание и вновь задумался. Насчет «кейурда» Вася ничего не говорил. Он говорил, чтоб я запомнил изображение серого кота. Этого кота я очень хорошо запомнил. И так живо представил себе, что стал видеть на броневой стене что-то вроде этой картинки. Щелк! Картинка на секунду стала видна очень четко, а потом сжалась в точку. Зато на последней незаполненной строчке появилось слово «CAT». После этого справа от каждой из четырех строчек вспыхнули буквы «O`K», а ниже последней распоряжение: «Press ENTER». Я нажал. Клавиатура тут же исчезла, а броневая стена раздвинулась.

Но и за ней не было коридора с шестью дверями. Вместо него перед нами обнаружилась не очень большая комната, в которой стоял просторный стеллаж, заставленный примерно сотней толстых папок с порядковыми номерами.

— Это файлы Васиной памяти, — прокомментировала Ленка. — То, что было в книге, которую он тебе передал.

— А где сама книга? — спросил я.

— Книга — это директория, в которой содержатся файлы, мы сейчас находимся внутри ее.

— И что, ее можно прочитать?

— Димочка, это только символ. Просто твоя микросхема отобразила передачу архивированной информации в качестве книги. На самом деле никакой книги нет, понимаешь?

— Значит, на самом деле это папки?

— Дима, это тоже только символы. Вообще надо быть очень осторожными, потому что в каком-то из файлов может быть заархивирован вирус.

— То есть снимешь папку с полки, а оттуда Волк выпрыгнет?

Ленка даже засмеялась.

— Наверяд ли. Я вообще не знаю, можно и нужно ли снимать папки с полки. Сначала надо заглянуть вот в этот ящик с надписью «HELP».

Ящик я сразу и не приметил. Он висел на стене рядом со стеллажом и был похож на небольшой сейф, только без замка. Слово «HELP» было обведено квадратиком.

— А как его открыть? — спросил я, — Ключей нет, да и замка не видно.

— Подведи к нему капельку. Прямо под квадрат с надписью «HELP».

Подвел. Послышался легкий писк, какие издают компьютеры, и ящик начал резко расширяться, одновременно сплющиваясь, и скоро превратился в дверь. Очень похожую на ту, через которую мы сюда вошли. На двери светилось небольшое цифровое табло, составленное из одних нулей, а также табличка из десяти цифр. Ниже светилось пояснение на русском языке:

«Чтобы получить подсказку, необходимо набрать на табло цифры, обозначающие число,

месяц и год рождения Баринаова Дмитрия Сергеевича. Набор осуществляется перемещением курсора по таблице цифр».

Я помнил, что, по уточненным данным, родился 5 мая 1962 года, и хотел было установить капельку на пятерку, но вовремя вспомнил, как чуть не взлетел на воздух в «Бронированном трупe», пропустив ноль в дате рождения Педро Лопеса. На табло было 8 разрядов, значит, надо было набирать число и месяц с нулями. Поэтому капельку следовало сперва поставить на ноль, а уж потом на пятерку. В общем, после того, как я набрал 05051962, дверь открылась.

За дверью оказалось помещение размером с совмещенный санузел, только без ванны, раковины и унитаза. На трех стенах темно-зеленого цвета светились белые надписи.

— Вот так, — сказала Ленка, — справа — инструкция по пользованию файлами, в центре и слева — список файлов с краткой аннотацией. Уловил?

— Уловил, — произнес я, разглядывая писанину. Выяснилось, что всего Вася оставил в наследство 132 файла. Общим объемом аж в 450 с гаком мегабайт информации. Размещены они были по хронологии и начинались с 1960 года, то есть с того момента, как Вася себя помнил. Он был старше меня на четыре года.

Первые файлы были, судя по описанию, очень коротенькие. Например, самый ранний, отразивший впечатления двухлетнего Васи, назывался «Воспоминание о заводной курочке». Потом шел файл «Новогодняя елка 31 декабря 1960 г.». Чем ближе к современности, тем объемнее становились воспоминания, в них уже входили иной раз по несколько мегабайт информации. Самые большие, конечно, относились к последним годам. Тут и аннотации было трудно назвать краткими. Например, самая последняя звучала так: «Воспоминание об участии в захвате прибора Black Vox, боевом применении ГВЭПа-12п, ранении осколком мины в бедро и поражении мозга логическим вирусом „Белый волк“. Соображения по поводу эксплуатационных недостатков ГВЭПа-12п и возможных способов их устранения, варианты схем усовершенствования ГВЭПа-12п, предложения по замене элементной базы ГВЭПа-12п. Анализ возможных принципов действия и гипотетическая схема прибора Black Vox. Самоанализ симптомов поражения логическим вирусом „Белый волк“ и их развития от момента проявления до летального исхода. Запись виртуального контакта с Д.С.Бариновым до момента полной архивации памяти и переноса ее реципиенту».

— Слушай, — спросил я у Ленки, — но ведь если все это у меня когда-нибудь развернется, то во мне еще и «я» Лопухина образуются?

— Если все развернется, с тобой будет то же, что и с Васей, — сурово ответила она, — потому что тогда разархивируется Белый волк. Он в последнем файле, можно не сомневаться. Раз там записались симптомы, значит, и Волк там.

— Ну и что теперь делать?

— Хорошенько все взвесить, — объявила Премудрая. С этим можно было согласиться, хотя я не очень представлял, в каком направлении должен двигаться мыслительный процесс. Самая здравая мысль, наверно, состояла в том, что надо как можно скорее убираться отсюда и ничего не трогать, пока Белый волк откуда-нибудь не выскочил.

Но тут в комнате, испугав и обрадовав одновременно, прозвучал громовой голос Чудо-юда, исходивший прямо из стен и потолка виртуального помещения, в котором мы имели честь пребывать. Не знаю, правомерно ли измерять его звучание в децибелах, поскольку на самом деле он звучал только в недрах моей непутевой башки, где происходило все это кошмарное сновидение, но впечатление было такое, будто слова Сергея Сергеевича усилены сотней киловаттных динамиков.

— Внимание! Вирус активизируется! Немедленно укрыться в виртуальном аппарате!

Я и подумать не успел, что за штука этот аппарат, как стены комнатухи «HELP», где мы находились, заколебались и исчезли. Со всеми надписями, инструкциями, аннотациями содержания файлов и прочими прибабасами. Вместо них возник квадратного сечения коридор, оба конца которого — я сразу же завертел головой на все четыре стороны — терялись во мраке. Световое пятно находилось только посередине, в десяти шагах перед нами, где стояло некое странное сооружение, похожее одновременно на танк, самолет и подводную лодку. Оно было сделано из сверкающего полированного металла с легким золотистым отливом и излучало оранжевое сияние. Еще я успел заметить какие-то башенки или турели, из которых во все стороны торчали всяческие стволы, излучатели и ракеты. Наверху аппарата маняще посвечивали два открытых люка. Все рассматривать было недосуг, ибо голос Чуда-юда поторапливал:

— Немедленно укрыться в аппарате! Время до окончательного включения вируса — пятнадцать секунд!

Страх — неплохой ускоритель. Тем более в виртуальном мире, где при желании десять шагов можно преодолеть одним прыжком. Именно такой прыжок я сумел совершить и прямо-таки влетел в один из люков. Следом, но в другой люк, впорхнула Елена, потом посыпались остальные, второстепенные «я» и «она». А Чудо-юдо тем временем угрожающе бубнил из своего прекрасного далека:

— Осталось десять секунд! Пять! Четыре! Три! Как раз в этот момент в аппарат просочился линиялый и схематичный образ Сесара Мендеса. Он был последним из восьми.

— Две! — Люки захлопнулись автоматически. — Одна! Нуль!

Последний выкрик Чуда-юда потонул в раскатистом реве Волка. Он был где-то в темноте, в глубине коридора, но спереди или сзади — непонятно.

Внутри виртуальный аппарат походил не то на пассажирский самолет, не то на микроавтобус. Кресла стояли парами. Хотя никаких команд и инструкций по поводу того, кому в какие кресла садиться, от Чуда-юда не поступало, «мальчики» сели справа, а «девочки» — слева. Я оказался рядом с Ленкой в переднем ряду, напротив не то экранов, не то лобовых стекол. Позади нас размещались Таня и Браун, затем — Кармела и Атвуд, в последнем ряду очутились Вик Мэллори и Сесар Мендес.

Над экраном перед Ленкиным креслом светился ярко-зеленый прямоугольный транспарант: «Задняя полусфера», над моим — «Передняя полусфера». Картинки на экранах ничем не различались: там и там виднелись освещенные аппаратом отрезки коридора, уводящие куда-то в загадочную черноту. Кроме этого, в центре каждого экрана светились алые риски в виде крестика. Нетрудно было догадаться, что в это перекрестье надо ловить супостата, чтобы поражать его из бортового оружия. На приборных панелях, размещенных под экранами, имелись кнопки, приводящие в действие всякое смертоубийственное оборудование. Рядом с каждой светились цифры, указывающие, сколько выстрелов имеется в наличии. Судя по всему, количество оружия, защищавшего переднюю и заднюю полусферы, было одинаково. На моей панели были кнопки с надписями: «Правый пулемет 7,62

— 2000», «Правый пулемет 12,7 — 1000», «Правая пушка 30 — 500», «Правая пушка 100 — 250», «ЗРК (зенитно-ракетный комплекс) БД (ближнего действия, должно быть) — 125», «Правый лазер — 60», «ГВЭП-режим „О“ — 30», «ЗРКДД (дальнего действия) — 15», «Правый огнемет — 7», «Правые ракеты „воздух-воздух“ — 5», «Правый VX-газ — 3», «Правые торпеды — 2» и даже «Ядерная ракета — 1». Дальше все шло в порядке убывания поражающей силы оружия: «Левые торпеды — 2», «Левый VX-газ — 3», «Левые ракеты

„воздух-воздух“ — 5», «Левый огнемёт — 7», «ПТУР (противотанковая управляемая ракета) ДД— 15», «ГВЭП-режим „Д“ -130», «Левый лазер — 60», «ПТУР БД— 125», а потом всякие левые пушки и пулеметы.

Разумеется, в реальном мире самое мощное, хорошо снабжаемое и вовремя получающее зарплату ОКБ, получив задачу вместить такое количество вооружения на один объект размером с автобус, выпело бы в осадок. Начальство скорее всего застрелилось бы из табельных пистолетов, рядовые ИТР дружно подали заявления об уходе, а работяги объявили бы забастовку. Но в виртуальном кошмаре все возможно.

Кроме кнопок управления оружием на этой же панели были еще всяческие приборы, показывающие дистанцию до цели, направление ее движения, классификацию (назначения этого табло я поначалу не понял, поскольку по наивности был убежден, что цель у нас всего одна и классифицируется исключительно как Белый волк). Был еще некий, пока выключенный, локатор, имелся тепловизор, какой-то «индикатор внешней среды» с покамест потушенными транспарантами «радиация» (со счетчиком рентген/час), «газы» (с определителем типа и названия ОВ, а также его концентрации в воздухе), «бактериальное заражение» (с указанием, какая именно зараза и сколько ее в литре воздуха).

Имелся еще переключатель режимов использования аппарата. Сейчас стрелка светилась против слова «наземный», но были и «подземный», «подводный», «надводный», «воздушный» и даже «космический». Я почему-то подумал, что надо бы переключить режим на «подземный», потому что мрачный коридор, где стояла наша жуткая машина, явно находился не в чистом поле.

Несколько приборов на панели определенно были позаимствованы из компьютерных игр. Во-первых, счетчик «жизней», которого ни в одной реальной боевой машине не увидишь. В реальности, если тебя лупанули, то никаких других жизней, за исключением гипотетической загробной, ждать нечего. А вот в компьютерных «стрелялках» игроку можно прожить несколько, пока запас не истощится. Судя по цифре, у меня их было четыре, и я как-то произвольно ассоциировал их с теми мужиками, что сидели за моей спиной. Если исходить из логики, точно такая же цифра — 4 — на Ленкиной половине доски соответствовала числу ее «я», участвующих в этой жутковатой игре. Мне доводилось забавляться компьютерными играми, и я хорошо знал, как быстро можно израсходовать запас «жизней».

Вторым подобным прибором на панели был регистратор уровней. Сейчас мы находились на первом, но, судя по шкале, таких уровней должно было быть шесть. Опять же мне было не очень понятно, зачем это нужно, если мы, вооружившись до зубов, собрались отстреливать одного-единственного Волка, пусть даже и размером с бугая. Если мы его грохнем на первом уровне, то зачем остальные?

Третий прибор, также встречающийся только в компьютерных играх, измерял степень защиты аппарата. На его табло горела надпись «300%», что, по моему разумению, означало — аппарат имеет трехкратную степень защиты от поражающего воздействия противника. Именно тут, при взгляде на этот прибор, я подумал, что Белый волк, возможно, будет применять против нас не только свои клыки и когти.

Рядом с измерителем степени защиты имелось табло «Энерговооруженность». На нем светились два столбика: зеленый и голубой. Над зеленым было написано «ОСН», над голубым — «НЗ», а внизу, под каждым столбиком, горели одинаковые надписи — «100%». Было место еще для одного столбика — красного, над которым светились буквы «ИЗБ.» Он был лишь обозначен тонкой красной черточкой и под ним стоял показатель — 0%.

Наконец, имелись органы управления аппаратом. Главным была металлическая ручка с шариком-набалдашником наверху и конической «гармошкой» у основания. Она была и рулем,

и переключателем передач. Подашь вперед — аппарат покатит прямо, повернешь влево или вправо — поедет в соответствующую сторону, потянешь на себя — аппарат сдаст назад. Двинешь ручку на один щелчок — пойдет малой скоростью, двинешь на два щелчка — средней, на три — полным ходом. Были еще педали акселератора и тормоза, сцепления, должно быть, здесь не имелось. Все это было изображено на схеме, горевшей на небольшом экранчике рядом с табло, где светилась надпись, указывающая, что аппарат находится в подземном режиме использования. Очевидно, при смене режима органы управления должны были как-то меняться.

Вообще-то непосредственно после посадки в аппарат я не имел времени рассмотреть все, что находилось на пульте. Прежде всего потому, что рев Белого волка слышался совсем близко, и было впечатление, будто он вот-вот вылезет из темноты. Да и Чудо-юдо сразу же принялся отдавать команды, и нам с Ленкой пришлось поворачиваться, чтоб успеть их выполнить.

— Нажать кнопку «Полная герметизация!» — С этого начал Чудо-юдо. Такая кнопка оказалась на Ленкиной половине пульта.

— Готово! — отозвалась Премудрая.

— Включить бортовой компьютер! — Эта штука тоже находилась в ее ведении, Чудо-юдо знал, кого посадить за эту сложную технику. А мне все показалось дико и нелепо: в моей собственной голове происходит компьютерная игра, в которой, в свою очередь, виртуальные компьютеры включают... Обалдеть, ей-Богу!

— Включить радары и тепловизоры обеих полусфер! Это мы сделали довольно быстро. Радар показал нам план небольшого участка некоего сложного лабиринта, в котором находился виртуальный аппарат. Сам аппарат, обозначенный мерцающей зеленоватой точкой, находился в центре круглого экрана, а вокруг этой точки вращался луч, высвечивавший контуры коридоров, — как того, в котором стоял аппарат, так и тех, что к нему прилегали. Изображение на больших экранах сменилось. Теперь там исчезла тьма, почти вплотную подступавшая к аппарату, и в зеленоватых, чуть размытых тонах рисовались контуры коридора аж метров на триста вперед и назад. Тепловизоры просматривали весь коридор из конца в конец, и никаких волков, да и вообще чего-либо лишнего, не просматривалось. Стены, пол и потолок. В обоих концах коридора радар высвечивал развилки. С моей стороны, то есть с передней полусферы, эта развилка была Y-образная, а с Ленкиной, то есть сзади, — T-образная. Коридор, где стоял аппарат, и начала развилки были обрисованы на радаре достаточно четко, а дальше яркость линий все больше затухала. Просматривались какие-то боковые ответвления, всякие иные ходы-переходы, но разглядеть их как следует было очень трудно. Впрочем, и радар никаких подозрительных объектов в обозримой части лабиринта не обнаружил. Но Чудо-юдо и тут не успокоился.

— Включить рентгеноскопию на обе полусферы! Засветились маленькие экраны, в основном продублировавшие картинку тепловизора, но с небольшим различием. Впереди, примерно в ста метрах от аппарата, на левой стене коридора обозначилось некое темное неясное пятно.

— Взять объект в перекрестье! — Команда относилась ко мне, потому что пятно было спереди. Орудуя клавишами со стрелками, я довольно быстро переместил перекрестье по экрану рентгеновского монитора. Одновременно оно сместилось и на большом экране, куда транслировалась тепловизорная картинка, хотя там никакого пятна на стене не просматривалось.

— Включить программу цифрового анализа объекта! Классифицировать объект!

— Все-таки Чудо-юдо жутко нравилось командовать.

Команда насчет цифрового анализа исполнялась Ленкой на бортовом компьютере, а мне надо было только нажать кнопку прибора, который выдавал классификацию цели.

«Радиоуправляемый фугас кумулятивного действия, заряд тротильный, масса 25 килограммов» — так классифицировал темное пятно прибор. Черт его знает, как все это вычислялось, но мне оно было как-то до фени. Гораздо важнее, что я понял: тут нам на каждом шагу заготовлены всякие сюрпризы, главным образом неприятные, и Белый волк — это не просто зверь, а нечто более серьезное.

— Уничтожить фугас ГВЭПом в режиме «Д»! — приказал наш невидимый командир, должно быть, сидя где-нибудь перед монитором настоящего компьютера и наблюдая за нашими похождениями. Он-то был в полной безопасности, в самом худшем случае увидит на экране разочаровывающую надпись: «GAME OVER», или, по-русски: «ИГРА ОКОНЧЕНА», но вот что после этого будет с нами, не виртуальными, а вполне живыми мальчиками-девочками?

Тем не менее я нажал кнопку «ГВЭП — режим „Д“». На экранах просверкала крутящаяся спираль, вынесшаяся из недр стены и улетевшая, видимо, куда-то внутрь ГВЭПа. Темное пятно с рентгеновского экрана исчезло, а на тепловизорном обозначилась небольшая воронка в стене. На табло „Энерговооруженность“ возник невысокий красный столбик, обозначавший принятую ГВЭПом избыточную энергию. Нуль под ним сменился надписью „5%“. На счетчике боезапаса ГВЭП — режим „Д“ появилось число 29.

— Запустить двигатель! — приказал Чудо-юдо.

Такая кнопка была передо мной. Я нажал ее и услышал нечто похожее на гул дизеля. Сперва вроде бы он набирал обороты, потом заурчал ровно.

— Левая педаль — снять с тормоза! Ручка управления — один щелчок вперед! Правая педаль — газ!

Какой козел эту машину изобретал? Все не как у людей. Виртуальный аппарат двинулся с места. Видимо, он в данный момент был на гусеничном ходу, потому что я услышал характерное лязганье траков.

— Скорость — двадцать! Наблюдать за обстановкой! Что-то вроде спидометра тут имелось, и я точно выполнил приказ Чудо-юда.

До Y-образной развилки мы доползли без приключений, хотя потратили немало нервов, ежеминутно ожидая чего-нибудь эдакого.

— Водитель — стой! — Мне показалось, Чудо-юдо и сам не знает, куда ехать. Во всяком случае, мы некоторое время стояли, дожидаясь распоряжений. Но тут на экране радара началось шевеление. Сначала с тыла, со стороны T-образной развилки, очерченной уже заметно поблекшими линиями, в пройденный нами коридор начали двигаться какие-то светящиеся прямоугольнички, а потом точно такие же принялись выползать откуда-то из-за края экрана, по слабо обрисованным контурам туннелей.

— Танки «М-1» «абрамс»! — Ленка первой прочитала то, что определил классификатор, и без команды принялась наводить перекрестье на еще неясно различимые белесые силуэтики, нарисовавшиеся на экране заднего тепловизора. Мой классификатор тоже поставил аналогичный диагноз насчет танков, только мне покамест целиться было не в кого. Дело в том, что, как показывал радар, оба рукава Y-образной развилки шли не прямо, а делали повороты, и танки пока в поле зрения тепловизора не попали. Я успел подумать, что тот, кто составлял программу для этой компьютерной игры, должно быть, очень не любил американцев, разрешил загнать их под землю на танках «абрамс» и устроить им битву с неким супервооруженным универсальным аппаратом. Явно это не могла быть «джикейская»

программа, заброшенная в Васин мозг перед тем, как он вlepил вертолетчикам избыточную энергию, включив режим «О» в момент, когда их ГВЭП работал в режиме «Д».

Однако тут ощутило бухнуло! Те «абрамсы», что ползли с задней полусферы, открыли огонь. Тепловизор замигал, на табло «Степень защиты» 300% заменились на 250. Легко было догадаться, что в нас попали, и если Ленка даст «абрамсам» сделать еще пять удачных выстрелов, то нам хана. Впрочем, я невольно рассуждал так, будто дело происходило в реальности, хотя прекрасно понимал, что мы в игре. Тут еще «жизни» есть в запасе. Даже если Ленка позволит танкам пятнадцать раз поразить аппарат, еще не все потеряно. «GAME OVER» для нее будет только после шестнадцатого попадания. Впрочем, правил этой игры я толком не знал...

Но Ленка не дала мировым империалистам никаких шансов. Она быстренько стала нажимать кнопку ПТУРов БД, хвостатые ракеты шипя понеслись по коридору, очень натурально забухали разрывы, и два головных танка картинно взорвались, окутались пламенем и остановились, перегородив коридор. Остальные — судя по локатору, их было шесть — уползли назад, в Т-образную развилку.

— А ты чего ждешь? — заорал Чудо-юдо, обращаясь ко мне, — сейчас тебя с двух направлений будут расстреливать!

— Так их же не видно! — простодушно ответил я.

— Когда будет видно, будет поздно! — рявкнул отец. — Здесь надо наводить ПТУРы по радару и пускать по туннелю!

— Так бы и сказал...

Была такая кнопка — «Наведение по радару», должно быть, касавшаяся всех видов управляемого оружия. Тут же над всеми танками, которые прятались в обоих «рукавах» развилки, загорелись красные цифирки — шесть в левом туннеле и шесть в правом. Осталось только двенадцать раз подряд нажать кнопку ПТУРов БД и поглядеть, как ракеты уносятся за повороты коридоров. Счетчик сразу же отметил, что у меня еще 113 таких ракет. На экране радара танки остались, но резко изменив форму.

— Молодец! — похвалил Чудо-юдо с легкой иронией. — Ну и куда дальше попрешь? Направо или налево?

— А мне это монопенисуально, — ответил я, — в смысле однохренственно.

— Интеллектуал! — поехидничал папаша. — Приказываю двигаться в правый туннель. Два щелчка вправо. Газ сильно не жми.

— Yes, sir! — ответил я голосом Дика Брауна, и аппарат довольно быстро потарахтел в правый рукав.

— Сбавь газ! — потребовал Чудо-юдо. — Забыл, что тут в стенах фугасы заложены?

— Нету их, рентген не показывает.

— Это значит только, что металлических нет. Включи ультразвуковое сканирование.

Я остановился, не доехав ста метров до подбитых танков, перегораживающих туннель, и разыскал на панели нужную кнопку. После этого засветился экранчик, который показал, что пол, стены и даже потолок нашпигованы небольшими зарядами, упакованными в прочные пластмассовые оболочки. Их было тридцать штук, и располагались они всего в двадцати метрах от той точки, где я затормозил.

— Каждый подрыв, — пояснил Чудо-юдо, — снимает двадцать процентов защиты. Если б ты не остановился, то уже потерял бы одну-две жизни.

— А ты откуда знаешь? — спросил я. — Играл, что ли?

— Играл, — ответил он, — только все уровни не прошел ни разу.

— Тогда бы хоть рассказал, что тут еще может появиться и когда. Первый-то уровень небось уже проходил?

— Вообще-то он самый легкий, но когда что появляется, неизвестно. Обстановка имеет две тысячи пятьдесят шесть вариантов. Я отработал пока не больше ста двадцати. Выбор направления движения из начального туннеля — «вперед-назад» — определяет первые две группы вариантов. Потом, когда ты выбрал направление на Т-образной или Y-образной развилке — есть уже четыре варианта, и так далее. Что может рано или поздно появиться, могу подсказать. Прежде всего фугасы и мины — кроме тех, что уже попадались, есть еще два вида: ловушки, замаскированные под плафоны, и мины, выставляемые камикадзе из люков прямо под днище аппарата. В обоих случаях каждый подрыв — потеря ста из трехсот процентов защиты. Но сложность в том, что в одних туннелях в плафонах никаких мин нет, а в других — есть. Точно так же и с люками, только там еще хуже, потому что эти камикадзе могут перемещаться под полом туннеля и могут появиться в том туннеле, где при первом прохождении их не было. Кроме того, может быть комбинированное минирование, то есть и металлические, и пластмассовые фугасы плюс мины-ловушки или камикадзе. Пока еще я не нарывался на все четыре вида минирования в одном туннеле, но не уверен, что такого варианта нет.

— Ладно, — сказал я, заметив, что из смутно очерченной глубины лабиринта медленно выползают какие-то хреновины, обозначившиеся на экране радара в виде продолговатых капелек. — А это что такое?

— Нажми кнопку классификатора — узнаешь, — напомнил Чудо-юдо тоном педагога, раздосадованного тем, что ученик не помнит изученного на предыдущем уроке. Я нажал кнопку, и классификатор показал непонятное слово: «Подземоходы».

— Не понял... — произнес я.

— Странно, — не менее удивленно проговорил отец, — обычно они в самом конце этого уровня появлялись... Такого варианта не было. Ну, держись! Попробуй сначала достать их ПТУРами ДД, но их надо пускать побыстрее.

Поскольку подземоходов было четыре, я приготовился нажимать кнопку четыре раза, но, слава Богу, успел нажать только один. Иначе три остальные ракеты пропали бы даром. Первая понеслась очень быстро, намного быстрее, чем ПТУРа ближнего действия. Она лихо пролетела между потолком и башнями подбитых танков, точно свернула в боковой туннель, после чего промчалась через какое-то сужение, еще раз изменила направление и поразила одну из «капелек», на которой радар поставил цифру 1. Но все остальные — мгновенно исчезли. Обозначились только три правильных кружка. Воронки, что ли?

— Они что, взорвались? — спросил я.

— Фиг тебе! Ушли. Только пока неясно, в пол или в потолок. Радар у тебя дает лишь горизонтальную проекцию.

Постепенно правильные кружки стали вытягиваться в овалы. Потом появились слабенькие, совсем неясные черточки.

— Ну, теперь жди, когда появятся, — сообщил Чудо-юдо. — Радар их не видит, рентген или ультразвук обнаруживает только за десять метров от нашего аппарата. Если подберутся откуда-нибудь с потолка или из-под пола и ударят — сразу две жизни долой.

— И что теперь делать?

— Можно либо укатить обратно в туннель, откуда начинали, либо переехать в левый туннель, либо потратить шесть зарядов ГВЭПа на любом режиме, очистить туннель от подбитых танков и продолжить движение вперед. Но учти, оружие не возобновляется. На следующих уровнях ГВЭПы будут нужнее. Там противники посерьезнее.

— Значит, лучше назад?

— Необязательно. У тебя же аппарат в подземном режиме использования. Можешь тоже уйти под землю. Энергия, правда, быстро расходуется, но у тебя есть избыток, можешь потратить. Нажмешь кнопку «фрезы», ручку вперед — и погрузишься под пол. Возьмешь ручку на себя — вгрызешься в потолок и полезешь вверх. Вправо-влево — соответственно.

— А эти подземоходы меня под землей не достанут?

— Только в том случае, если ты их подпустишь вплотную. Но ты их можешь поразить ГВЭПом в режиме «О» с двадцати метров.

— Понял, — сказал я и нашел кнопку «фрезы». Ж-ж-ж! Заработали. Ручку вперед — нос аппарата опустился. Бр-р-р-р-р! Большой экран окутался пылью, и разобрать на нем что-либо стало невозможно. Зато через пару минут он мигнул, изображение коридора погасло, а вместо него появилась схема движения аппарата под землей в трех проекциях. В плане демонстрировался контур коридора и прорытой в нем ямы, постепенно превращающейся в наклонный туннель, вид сбоку изображал профиль коридора с обозначением затора из подбитых танков, а вид спереди показывал, куда опустился нос аппарата.

Долго я не размышлял, аппарат за десять минут докопался до десятиметровой глубины и оказался точно под серединой затора из танков. Я без команды потянул ручку на себя, сделал три щелчка, и аппарат, задрвав нос, стал прогрызаться вверх, чтобы вылезти из-под земли, уже миновав затор. Но едва нос поднялся над уровнем пола, как послышался грохот, аппарат трянуло, и я увидел, что степень защиты упала до 250 процентов. «Ручной противотанковый гранатомет», — доложил классификатор. Бац! Снова встряхнуло — степень защиты еще на целых полета процентов упала.

— Газ! — заорал Чудо-юдо. Я нажал педаль, аппарат вылез из-под пола и нацелил нос вверх.

— Фрезы выключи!

Я успел это сделать прежде, чем нос аппарата углубился в потолок, но еще одна граната сшибла с нашей машины следующие 50 процентов защиты. Схема с экрана исчезла, появилось тепловизионное изображение, и мы увидели, что в нас целются минимум четыре гранатометчика в костюмах душманов. Ленка первая отреагировала, включила оба легких пулемета — и те, кто стрелял сзади, картинно попадали с гортанными криками. А вот два других успели пальнуть, и у аппарата осталось 50 процентов защиты. Правда, после этого я их тоже застрелил, но тут выскочил пятый — бах! — и то кресло, где сидел Сесар Мендес, опустело. Зато защиты стало опять 300 процентов.

Эти самые гранатометчики выскакивали то из люков, то из каких-то дверей, но врасплох уже не заставляли. Пулеметы валили их одного за другим. Мы приловчились, и после того, как эти компьютерные человечки перестали нас беспокоить, обнаружили, что потратили всего двести

с чем-то патронов на четыре пулемета.

Аппарат за это время продвинулся до конца коридора, где был перекресток. Все три туннеля были освещены лампами с плафонами, и тепловизор сам по себе отключился, мы видели теперь обычную телевизионную картинку. В полу при

ярком свете были хорошо заметны крышки люков.

— Внимание, — напомнил Чудо-юдо, — возможно появление мин-ловушек и камикадзе!

Но тут сверху что-то ужасающе грохнуло. Степень защиты разом слетела до нуля, с заднего кресла Ленкиного ряда исчезла Вик Мэллори, опять на секунду появились 300 процентов защиты, потом снова нуль, с моего ряда испарился образ Атвуда, и защита опять восстановилась.

— Прозевали подзеомход! За приборами не следите! — разорялся Чудо-юдо. — Их еще два осталось, между прочим. А у вас — только пять жизней! Это не шутки!

Надо заметить: ощутив, что за моей спиной нет никого, кроме старика Брауна, я почувствовал, что голова как-то лучше соображает, быстрее реагирует, да и вообще с этого момента игра пошла в ускоренном темпе. Может быть, потому, что откуда-то из-за границы экрана нашего радара появилась жирная красная полоса — отрезок окружности.

— Это граница первого уровня. Очень удачно вышли! Тут совсем рядом переходные ворота, — проинформировал Чудо-юдо. — Сворачивай в правый туннель!

Я послушно взялся за ручку управления. Однако, отклоняя ее вправо, зацепился рукой за какую-то кнопку. Машина действительно повернула вправо, но звук двигателя резко изменился. Вместо урчания дизеля послышался рев самолетных турбин. Аппарат перешел в «воздушный» режим и не вполз в коридор, как обычно, а понесся со скоростью самолета, совершающего разбег.

Хорошо еще, что коридор оказался очень длинный и прямой. Наверно, с километр, если по реальным меркам, а то и больше. Был бы покороче — еще по жизни потеряли бы. Впрочем, неизвестно, что хуже. Когда я сумел сбросить газ, притормозить и перевести аппарат в подземный режим, на экране задней полусферы обнаружилась жуткая картина: повзрывались с десятков мин-плафонов, штук пять больших фугасов в стенах, полу и потолке, а также куча камикадзе. Люки в полу были распахнуты, коридор завален грудями виртуальных обломков. Но ни защита аппарата не пострадала, ни жизней у нас не убавилось.

— Чудеса... — пробормотал Чудо-юдо. Должно быть, он не догадывался, что можно пройти этот коридор дуриком. Но тут, скосив глаза на Ленкин ультразвуковой сканер, я увидел, как на полу позади нас появляется некое расплывчатое пятно, источник которого, судя по всему, находился под полом.

— Подзеомход! — заорала Ленка и не мудрствуя лукаво употребила ГВЭП. Синяя спираль вобрала в себя пятно, алые столбики избыточной энергии подскочили аж до 80 процентов.

— Еще один! — воскликнул я, увидев точно такое же пятно на потолке.

— Режимом «О»! — крикнул Чудо-юдо. — Иначе взорветесь! Но я уже нажал «Д». Вспышка и жуткий грохот были вроде бы настоящими. Даже какой-то ожог ощущался, жар и прочее.

После этого на минуту наступила темнота. Затем все осветилось ярким светом, и обнаружилось, что мы вновь попали в комнату с надписью «HELP».

— А где аппарат? — спросила Ленка, не очень врубившись. — И почему нас опять восемь?

Мы же троих потеряли?

Но меня заинтересовало другое. На зеленом, чуть светящемся, словно экран компьютера, полу комнаты отчетливо синели огромные когтистые волчьи следы. Как будто зверюга где-то разлил бочку с чернилами, измарал лапы и понаставил отпечатков. Эти отпечатки лап вполне вписывались в круг диаметром с небольшую тарелку.

— Видел? — спросил из-за моей спины не то Браун, не то Атвуд. Они были очень похожи, и различить их можно было только по четкости прорисовки.

— Он здесь, — произнеся и лишь после этого понял свою ошибку. Страшный рев потряс воздух. Во всяком случае, в виртуальном мире. Я только успел запомнить, как последняя аннотация, написанная для 132-го файла, загорелась ярко-белым светом, смылась со стен, слившись в большое белое пятно, которое превратилось в быстро расширяющееся облако. Считанные секунды — и расплывчатое облако с кошмарной скоростью преобразовалось в Белого волка. Он метнулся на нас, обдавая ледяным холодом...

ДУЭТ ОБОРМОТОВ

На самом деле холод происходил оттого, что бесстыжая Вика — ни Леной, ни Таней ее называть у меня язык не поворачивался — спихнула с нас обоих одеяло. Сделала она это не потому, что ей стало слишком жарко, а потому что судорожно дернулась с перепугу, уже не во сне.

Пробудились мы в холодном поту, лязгая зубами от страха. Очень это страшно — общаться с Белым волком. Да и компьютерная игра показалась не очень веселым занятием. Все время ощущалось, что существует какая-то реальная опасность.

Очнувшись и обнаружив, что лежим голышом в не самом теплом помещении, мы первым делом натянули на себя одеяло. Стало теплее, но подсознательная жуть не сразу покинула нас. Дрожь, правда, унялась, но всякие леденящие душу образы продолжали витать в сознании.

Я все время говорю «мы» и «наше», потому что установившаяся во сне прямая связь между нашими мозгами не прерывалась и в первые несколько минут после пробуждения. Мы могли ни слова не говорить, но прекрасно понимать друг друга. И потому не просто догадывались, что видели во сне одно и то же, а знали наверняка.

Но эти несколько минут прошли, и чувство общности сознания стало исчезать. Параллельно улетучивался и страх. Более того, здравое опасение, что нас обоих постигнет судьба Васи Попухина, которое промелькнуло в первые секунды после пробуждения, наложившись на подсознательный ужас от пережитого в кошмаре, притупилось очень быстро. Да и вообще, после того как сознание стало постепенно разделяться, всякие сложные мысли, сомнения, логические построения начали быстро улетучиваться. Мозги словно бы заполнялись неким духовным «инертным газом», препятствующим «горению мысли», точь-в-точь как реально существующие инертные газы препятствуют реальному горению. Последней из более-менее трезвых мыслей была та, что чудо-юдовский препарат, который Вика вколола мне и себе, продолжает успешно действовать. Все стало восприниматься проще, темная комната не пугала, хотя мы, рано заснув, проснулись, видимо, глубокой ночью. Когда мы бесились перед сном, из-за запертой Викой двери время от времени долетали какие-то голоса, шаги и проявлялись прочие признаки наличия людей, сейчас же стояла гробовая тишина, которая вполне бы могла усилить наш страх, принесенный в явь из кошмара. Кроме того, тогда я

отчетливо запомнил узкую полоску света, пробивавшегося под дверью. Сейчас этой полоски не было. Это означало, что свет выключен и в ближайших к нам помещениях ЦТМО никого нет. Находясь в здравом уме и твердой памяти, я, наверно, заволновался бы. Как-никак мы пребывали в десяти метрах под землей, в закрытых для посещения публики помещениях и контактировали с представляющим явную опасность для жизни и здоровья логическим вирусом. А Чудо-юдо даже не соизволил приставить к нам какого-либо контролера или сиделку, которые могли бы сообщить ему хотя бы о том, что мы уже загибаемся.

Но об этом я припомнил только спустя сутки с лишним. Как и о том, какой мы с Викой подвергались опасности, погрузившись в искусственную реальность. Мозг просто констатировал, что кошмар закончился, я жив и не ощущаю даже простудных недомоганий. Более того, чувствую кое-какой прилив сил. Одеяло греет, а еще больше греет Вика. Подушка мягкая, Вика — голая. Я тоже голый и могу, прижавшись к ней, почувствовать сразу все ее горячее тело. Гибкое, сильное и бесстыжее.

Темнота в комнате была абсолютная. Мы даже контуров друг друга не видели. Нельзя было ни блеска глаз углядеть, ни каких-либо отсветов на коже.

Но мы легко нашли друг друга. На ощупь, под одеялом. Сперва мягко прильнули друг к другу согревающимися телами, обвили руками бока и спины. Потерлись щекой о щеку, уперлись лбами. Потом носик Вики оказался совсем рядом с моими губами, и я не отказал себе в удовольствии его легонечко ущипнуть. А потом губы соприкоснулись с губами, языки пощекотали друг друга, Вика крепенько прижалась к моей груди ласковыми пышечками, поерзала своим пушистым местом по моему животу, сладко и нечленораздельно мурлыкнула.

— Бесенок! — прошептал я ей в ушко, лизнул бархатистую мочку, провез губы по щеке к подбородку, потом от подбородка к глазунчику, забрался на нос и снова перескочил на губы. А добрая лапка уже шебаршилась где-то там, под одеялом, возбуждающе поскребывая коготками мою спину, а потом словно бы с лентой перебралась на бедро.

— Я не бесенок... — прошелестел притворно-детский голосочек. — Я бесовочка... А бесенок — вот.

Ладонка бережно ухватила то, что неторопливо росло и крепло, но еще не дошло до кондиции.

— Ленивый какой... Я тебя накажу! За опоздание на службу переведу на грязную работу. Понял? Ну-ка просыпайся, свинтус!

Пальчики так славно его теребили, а ротик болтушки наполнял мои уши такой милой похабщиной, что пристыженный лентяй живо напрягся и принял строевую стойку.

— Молодец мужик! — Плавно пропустив инструмент через ОТК в составе двух сумевших замкнуться в колечко пальчиков, Вика убедилась в его твердости. — Пожалуй, ты у меня премию заслужишь...

И она головой вперед юркнула под одеяло, пощекотав меня по груди и животу своей взъерошенной, жестковолосой, а оттого чуточку колючей, но приятной шевелюшкой.

Ладонки несильно сжали с двух сторон отличного строевика. Поерзали по нему взад-вперед, будто скатывая колбаску из теста. Потом его обдало теплым и влажным, неровным дыханием. Легкое прикосновение мягкого и мокрого... Язычок с мелкими пупырышками притронулся к упругой боеголовке, лизнул, спрятался, пять лизнул... Нет, это не могло остаться безнаказанным!

Я тоже полез под одеяло, где было душновато, раздвинул, взявшись за подогнутые колени, Викины податливые, но тугие ляжки и уткнул лицо в колючий ворох волосков. Нос — спасибо прапрабабке Асият, не самый маленький достался! — прокатился по неглубокой бороздке, нашел мокренькую трясину и — бульк! — провалился туда. Подрыгался из стороны в сторону, потерся о пимпочку...

А откуда-то из дальнего далека долетало ласковое и бесстыжее чмокание Викиного ротика. Должно быть, понравилась деточке сосочка. Шевелились и пальцы, поглаживая мешочек с орешками...

Разобравшись в ворохе волос, я пальцами расчесал их на пробор, не удержавшись от того, чтоб пару раз не утопить большой и указательный в скользкой теплоте, а потом осторожно, чтоб больно не сделать, растянул краешки в стороны. Языком по скользкому! Языком по соленькому! Языком до пимпочки! А потом опять носом!

Я — здесь, она — там. «69» — как именуется такое мероприятие мировая общественность. Но она все же настоящая южанка, темперамент погорячее моего, даром что это тело американские ирландцы выстругали. От Украины немало осталось. И разогрелась раньше и задергалась в нетерпении. Даже зубками один раз цапнула. А потом испустила свое неподражаемое:

— Ы-ы-х-х...

И тут я чуть не помер. Потому что Викины ляжечки меня так сдавили в висках, что едва башку не сплющили. Это ведь не пухлая Ленка или рыхлеющая Марьяшка. Это тело тренированной боевички все-таки, надо осторожнее. Где-то в глубине своего отупевшего мозга я представил, как Вика ломает шейные позвонки вероятному противнику. На секунду, но представил. Потом этот секундный испуг прошел, и все опять стало по фигу.

Воспользовавшись тем, что Вика меня отпустила, я подхватил ее, безвольную-вареную, под плечи и перевалил головой на подушку.

— Давай по-нормальному...

— Даю, даю... — раскидываясь, прокаламбурила Вика. — Иди до дому, «пыжик»!

— Между прочим, — заметил я, укладываясь между нетерпеливо подрагивающими ножками и ощущая, как ловкие пальцы Вики подхватывают инструмент, — он сроду был «главной толкушкой».

— Мне «пыжик» больше нравится... У-ух... Нехай лизе!

— Не Лизе, а тебе, — ответил я на это самостийное выражение. — Поехали!

Тут было не до каламбуров. Вика лежала относительно спокойно не больше минуты. Потом в ее теле словно мотор заработал. Правда, как в прошлый раз ноги к животу не поджимала, но попа работала как на пружинках.

Доведя ее до второго «ы-ы-х-х» в семейно-супружеской позиции на спинке, я перекатил ее на бок, ухватил за крепкие ягодички и продолжил.

— Ой, здорово! — провизжала Вика. — Ой, как же хорошо! Да что ж ты со мной делаешь?

— Это еще кто с кем делает... — пробормотал я и начал гнать вовсю, на финиш. Эх, залетные!

В общем, закончили.

Разморенные, вымотанные, опять стали помаленьку засыпать. Возможно, что даже час-другой и поспали, только мне это не запомнилось. Снов не было.

А вот то, как громко щелкнул замок, ярко вспыхнул свет и в нашу спальню-камеру-палату вошел Чудо-юдо в сопровождении Зинки, мы хорошо запомнили.

— Ой! — Вика пискнула так, будто была мне не законной женой, а самой запретной любовницей. — Постучали бы сначала! Мы не одеты...

— Дуэт оборотов! — прокомментировала Зинаида. Я глупо захихикал.

— Ладно, — поморщившись, сказал Чудо-юдо, — что с них возьмешь? Они сейчас как детишки, которые добрались до банки с вареньем, половину слопали и попались родителям. А теперь ждут, что с ними сделает папа. То ли выпорет, то ли просто пожурит. Ну а папа сейчас молит Господа Бога, чтоб детишки не обожрались и чтоб варенье оказалось не испорченным. Потому что ему будет очень жалко, если у них животики заболят. Жалеет дитятей неразумных. Особенно доченьку, то бишь невестку бестолковую. Поскольку они сейчас все равно ни черта не смогут понять, то лекции, нотации и экзекуции придется отложить, условно говоря, до вырезвления.

— А мы вовсе не пьяные, — обиделась Вика.

— Но — наколотые. То, что я предписывал Диме, — предусматривалось. А вот то, что еще и себя решила дурой сделать, — мне и в голову не приходило. Как говорится, аналитики подвели. Тем не менее, если у вас еще хоть что-то в головах осталось, посмотрите вот на эту дискету (Чудо-юдо вытащил из бокового кармана маленькую «трехдюймовку».) Здесь ваш страшный Белый волк. Отважные поросята или козлята — более приемлемого наименования для вас не подберу — самым дурацким образом выманили гнусного зверюгу из логова, не дожидаясь, когда придет старый охотник Хенк, и чуть-чуть не попали на зуб хищнику. Но старый охотник Хенк, как и положено по законам жанра, появился только в самом конце сказочки, чтобы обеспечить законный хэппи-энд и не допустить сокращения поголовья парнокопытных, а также мелкого рогатого скота. До этого он сидел высоко на дереве и давал умные советы и ценные указания. Благодаря этому поросятам и козлятам только чуть-чуть хвостики покусали.

— Но тут пришла добрая фея и помазала им попки зеленкой, — добавила Зинуля.

Само собой, в роли доброй феи она видела себя. Я, находясь, в этом придурочном состоянии, был не способен понять что выражает физиономия того или иного субъекта. То есть пребывает ли он в беззаботно-шутливом расположении духа или саркастически ехидничает со злости. Поскольку препарат вовсю действовал, до меня доходил только юмор. Все казались добрыми и

хорошими, а потому никакие подвохи и колкости не замечались. Но уже после того, как одурманивающее снадобье перестало делать из меня тупоумного обормота, пришло понимание, Зинуля в тот момент была не просто зла, а прямо-таки разъярена. Впрочем, обо всех этих нюансах я стал способен размышлять только через сутки с лишним. А тогда, услышав Зинулину фразу насчет доброй феи, я заржал от души.

— Смейтесь, смейтесь, — строго произнес «охотник Хенк». — Вот если б большой злой Белый волк вам все пооткусывал, вы бы плакали горячими слезами, а сделать ничего не могли. Но все-таки хэппи-энд состоялся. Теперь Белый волк сидит в клетке (он торжественно потряс дискетой), и жизни поросят с козлятами ничего не угрожает. А в компьютерную игру с виртуальным аппаратом, танками, подземоходами и камикадзе можете поиграть как-нибудь на досуге. Разумеется, сидя за монитором, а не внутри игры. Так безопаснее и веселее.

— Только сперва подрастите немножко, — с явным ехидством добавила Зина, — вам сейчас интеллекта только на «Dendy» хватит.

— Через сутки, когда препарат перестанет действовать, отправлю вас домой. Детишки пока останутся у Зины, а вам надо будет готовиться к поездке в Швейцарию. И так немало дней потеряли по разным причинам. Ну, все, что доступно вашим мозгам, я сказал. Пошли, Зинуля, нам работать надо. Да, граждане заключенные! Поскольку вам, наверно, не только трахаться, но и жрать захочется, то довожу до сведения: завтрак уже можно требовать. Обед — четырнадцать ноль-ноль, полдник — восемнадцать ноль-ноль, ужин — двадцать один ноль-ноль. Желательно не пугать народ, в смысле не разгуливать в беспорточном состоянии. Поскольку часть одежды вы сдуру порвали, дам команду заменить, но впредь будьте осторожнее. Экономьте на тряпках. Все, счастливо. До завтра, если не будет никаких осложнений.

— А если будут? — спросил я, отчего-то хихикая.

— Если будут, я о них раньше вас узнаю и прибуду сюда с большой клизмой. АдIOS!

Чудо-юдо с Зинкой удалились, а вместо них явилась скромная и застенчивая девочка с татуировкой в виде медицинской эмблемы повыше запястья. Она прикатила сервировочный столик с завтраком.

— Кушайте, пожалуйста, — сказала она, отводя глаза от голых плеч Барина и Барыни, торчавших из-под одеяла.

— Спасибо, Настенька! — сказала Вика и добавила: — Ты похорошела. Москва

— это все-таки не провинция, верно?

— Как сказать... — хмыкнула Настя. — Я в Москву за полгода еще и не ездила ни разу. Все тут, за забором. Вы, когда покушаете, сложите все на столик и постучите в дверь. Я тут рядом сижу, если что.

Настя удалилась, а я даже не поинтересовался у Вики, откуда она ее знает. Ленка — то есть доминантное «я» нового существа, называвшегося Викой, — не должна была помнить эту девицу хотя бы потому, что отсутствовала в Москве столько же, сколько и я. Кармела и Вик ее знать не могли вовсе. Стало быть, ее могла знать только Таня. Где она находилась и чем занималась до того» как переселилась на Ленкин носитель и отправилась «до городу Парижа», мне Чудо-юдо не докладывал, а новообразование по имени Вика еще не успело. Но и этот вопрос заинтересовал меня лишь после того, как закончилась общая дурь, наведенная препаратом. А вот завтрак меня увлек очень сильно.

В целом день прошел спокойно. Никаких осложнений, о которых упоминал Чудо-юдо, не было, никакие вирусы, логические или обычные, нам не досаждали, вмешательство медицины в нашу жизнь состояло лишь в том, что Настя два раза смерила у меня температуру, но она оказалась нормальной — 36,6. Все остальное время мы спали и жрали.

Кормежка была приличная: мяса полно, салаты из свежих овощей, к обеду даже красного сухого выдали, чтоб шашлык лучше пошел. Сил, конечно, прибыло, но и лени тоже. Поэтому по части секса ничего особо интересного на сей раз не было.

Засыпали мы в двадцать три с чем-то. Сон получился провальным без всяких сновидений и виртуальных походов.

ОТХОДНЯК

Чудо-юдо прибежал к нам около восьми утра, после завтрака, когда Вика опять начала проявлять нездоровую инициативу насчет применения «Камасутры» в мирных целях. Конечно, он сломал ей кайф и испортил настроение. Видимо, снадобье, превратившее нас в обормотов, уже помаленьку выдыхалось. Но тем не менее Сергей Сергеевич пришел вовсе не затем, чтоб выпустить нас из заточения.

— У меня мало времени, — сказал он сурово, — потому что через час поедем на похороны Васи, Лосенка и двух других. Вас не берем. Во-первых, не стоит лишний раз светиться, а во-вторых, вам нужно еще свою проблему пережить. Через часок-другой у вас начнется период последствия препарата — ломка, отходняк, похмелье. Как хотите называйте, только переживите нормально. Неприятное состояние, обманывать не буду, но не смертельное. Будет ломить кости, позвоночник — прежде всего в области шейных позвонков. Головная боль будет серьезная, у Лены, возможно, тошнота, как при беременности. До рвоты включительно. Знайте одно: все это, при нормальном течении процесса, закончится к пяти-шести часам вечера. Повторяю, при нормальном течении процесса! Без всякого врачебного вмешательства. Но если, упаси Господь, попробуете полечиться сами — попить какие-нибудь таблетки от головы типа анальгина или цитрамона, сто граммов спиритуса принять или массаж головы сделать — ни гроша не дам за ваши шкуры. Просто не знаю, что с вами будет. Не берусь предсказывать. Но еще хуже будет, если ты, Леночка, попробуешь заколоть еще по дозе препарата. Не улыбайся! Уже должна кое-что соображать, наверно, основная дурь сошла. Я специального парня к комнате, где стоит сейф, Приставил, а второго в коридоре, на случай, если не выдержишь и полезешь.

— Не полезу я, — проворчала Вика. — Не зарекайся! — погрозил пальцем Чудо-юдо. — Ломать будет крепко, всех чертей с матерями вспомните. Сейчас хорохоришься, а тогда будешь на все глядеть другими глазами. Конечно, я вам тут для страховки и контроля оставляю Зину, но надо и самим соображать. Особенно тебе, Лена.

— Почему «особенно»? — обиделась Вика. — Женщины терпеливее, чем мужчины. Вы лучше Димуле лекции читайте!

— Димуле проще, он разумный трус по складу характера. А ты — непредсказуемая. Я тут прикинул помаленьку: при разделении твоих «я» в ходе виртуальной игры ты на шестьдесят процентов Лена, на тридцать шесть процентов — Таня, на три процента — Кармела и на один процент — Вик. У Димки доминация выше: семьдесят два процента — Коротков-Баринов, восемнадцать процентов — Браун, девять процентов — Атвуд, один процент — все остальные. То есть всякие там Родригес-Рамос, Сесар Мендес, негритенок Мануэль, Мерседес-Консуэла-де-Костелло-де-Оро, капитан Майкл О`Брайен и еще какие-то остатки неразархивированных файлов. Теперь еще и чуть-чуть Васи Лопухина добавилось. Правда, это касается только личностных качеств, того, что определяет «я». По памяти расстановка мест несколько другая. Но так или иначе, Коротков-Баринов доминирует безусловно. Он на своем носителе, на «родном». А ты, Лена, доминируешь в чужом носителе, понимаешь ли. То есть находишься в том положении, в каком находился Браун в 1982-1983 годах, когда доминировал на носителе Короткова. И потом, они не были враждебны друг другу. Даже когда в результате разархивации подавленных файлов Короткова они оказались в равновесном положении, им удалось договориться. А у тебя солидная противница. Притом, что ее личность сохранилась почти на сорок процентов, в экстремальной ситуации она вполне может восстановить контроль над своим телом. А это опасно. Соберись!

— Всегда готова! — Дурашливо вскинув руку в пионерском салюте. Вика выскочила из-под одеяла по пояс. Такого финта Ленка не сделала бы ни за что, даже под действием самого дурацкого препарата. Но и Таня, пожалуй, на это не решилась бы. А если это Кармела прорывается, из своих трех процентов? Что тогда?

Вот с этого момента и начался отходняк. Я думаю, что уже тогда стал способен на кое-какие рациональные мысли. Во всяком случае, никакого дурацкого хохота я больше не испускал.

— Димка! — Чудо-юдо повернулся ко мне. — Тебе будет туго! Держись! К сожалению, мне пора идти, но я смогу вернуться часа через три.

Он глянул на часы и поспешно вышел.

«Через часок-другой...» — пообещал Чудо-юдо. Сам собирался прийти через три часа. Стало быть, в худшем случае надо будет держаться два часа. Почему держаться? А? И почему я вообще начал бояться? Да потому, что поддался внушению папаши, опасаящегося, что мы не выдержим пытки ломкой и начнем буйствовать. Но, извините, у него тут куча всякого персонала, который запросто может нас скрутить и, если потребуется, зафиксировать, чтоб не убежали. Неужели опасается, что проснется Танечка и начнет делать что-нибудь ужасное? Но ведь не побоялся же он послать Танечку к французам в Ленкином обличье?

— Ты еще ничего не чувствуешь? — спросила Вика. — Я уже чувствую, что немного ноет рука. Там, где рана была. Меня на Хайди, в Бронированном трупe, «джикеи» ранили, помнишь?

— Тебя или Таню? — я задал вопрос прямо.

— Угадай с трех раз! Ха-ха-ха! — закатилась она все еще дурацким хохотком. — Может, «я» и есть Таня? Ведь твой папочка именно это подозревает.

— Больше мне делать нечего, угадывками заниматься!

У меня вдруг назойливо зачесался нос. Поэтому мой ответ прозвучал очень раздраженно. Насчет того, что нос при отходняке будет чесаться, Чудо-юдо ничего не говорил. Но, может быть, забыл впопыхах? Или это просто так чешется? Я почесал нос, и он вроде бы маленько успокоился. Но тут же зачесалось под мышкой. И на спине, под лопаткой, тоже.

— У тебя ничего не чешется? — спросил я Вику.

— Ужасно! — захихикала она. — Особенно там...

И, выскочив из-под одеяла, показала это местечко.

Нет, мне было уже не до того. У меня чесалась вся кожа, с головы до ног, как при аллергии. И лицо, и щеки, и уши, и нос! Нестерпимо! Все зудело, аж обжигало.

— Блин! — вырвалось у меня. Я уже хотел было с остервенением почесаться обеими пятернями, но тут вдруг вспомнил, что говорил Чудо-юдо. Что все должно идти своим чередом и нельзя никак вмешиваться, нельзя пытаться себя вылечить... Может быть, почесав нос, я нарушил это требование? И тогда сразу же эта самая «чесотка» распространилась повсеместно...

Жажда почесаться перешла все границы. Я схватил себя за запястья, чтобы руки не взяли сами по себе скрести кожу. Но тут же поймал себя на том, что, ворочаясь, чешу спину о простыню. Пришлось вскочить с постели и принять вертикальное положение. Я отыскал спортивный костюм, который мне выдали вчера вечером взамен пижамы, и влез в него. И тут произошло неожиданное — все враз перестало чесаться. Как рукой сняло! Но зато занули все суставы. Одновременно, как по команде! И малюсенькие суставчики на пальцах рук и ног, и здоровенные плечевые, локтевые, бедренные и коленные.

Сначала мне показалось, будто это испытание я выдержу легко, более того, подумалось, что если я сейчас сделаю несколько приседаний, отжиманий и прочих упражнений, разомну

пальцы, то все быстро закончится. Но это ведь тоже искусственное вмешательство в процесс. Я еще не знал, была ли «чесотка» следствием отходняка или сама по себе произошла, от волнения, но только прекратилась она сразу после того, как я, заставив себя не обращать на нее внимания, слез и начал одеваться. Была тут какая-то связь? И что сыграло главную роль? Если вообще сыграло, а не было простым совпадением.

Прилечь обратно? Или сесть на стул? Не угадаешь... Но тут до меня дошло: все, что я буду делать с мыслью о том, как избежать последствий препарата, будет своего рода «вмешательством в процесс».

И тогда мне пришла в голову очень простая и скорее всего еще дурацкая идея: не думать о том, что я пытаюсь победить боль. Игнорировать ее, просто забыть и думать о чем-то другом. Легко сказать, сделать гораздо труднее. Чтобы не думать о боли в суставах, надо было забыть о том, что эти самые суставы существуют. Превратиться в статую... Я сел на стул. Боль осталась, но как-то изменилась, возможно, потому, что изменилось направление нагрузок. Сила тяготения, давившая по вертикали, раздробилась на несколько векторов, ослабела и мучила меньше.

В это самое время я повернулся к Вике и понял, что отходняк напал и на нее. Но, судя по всему, последствие препарата проявлялось совсем по-иному.

Ее бил озноб. Жуткий, похожий на тот, что бывает при агонии или после нескольких минут пребывания в ледяной воде. А то казалось, будто ее положили на мокрый пол и подключили электроды. Смотрелось все как некая вибрация, по-авиационному — флаттер. От такой тряски самолеты разваливаются в воздухе на куски, как от попадания ракеты. Не знаю почему, наверно, от остатков дури, но мне подумалось, что и с Викой произойдет нечто подобное. Она закуталась в одеяло с головой и стала похожа на труп, зашитый в саван. Только не простой, а гальванизированный, дергающийся от электрических разрядов.

— Не смотри на меня! Не смотри!!! — взвизгнула Вика. — Закрой глаза! Отвернись на фиг!

В этот момент у меня полностью прошла ломота в суставах, зато появилось ощущение невероятной слабости. Я не смог бы встать со стула, даже если бы очень этого захотел. Теперь все тело было словно бы из песка, муки или воды, которыми заполнили некую тонкую оболочку. Может быть, эту оболочку просто надули воздухом. С одной стороны, чудилось, что мне ни за что не удастся привести свое тело в движение, с другой — мерещилось, будто самый слабенький порыв ветерка может свалить меня на пол. И я не могу этому противодействовать. Сердце билось как колокол в башенных часах, тяжело, лениво, словно раздумывало, а не остановиться ли вообще?

И мне уже начало казаться, будто оно бьется все реже. Вот-вот встанет! Возникло ощущение безысходности. Интервалы между туканьем в груди росли, руки бессильно висели вдоль тела, голова упала на грудь, ноги не чувались. Все?! Насовсем?! Что дальше?! Стало в глазах темнеть...

Но глаза еще видели. На циферблате электронных часов у меня на запястье работал секундомер. Вероятно, я его случайно включил — может быть, когда хватал себя за руки, чтоб не поддаваться искушению почесаться. Голова была повернута так, что я видел циферблат часов на бессильно свесившейся руке, которую я не мог ни поднять, ни убрать. И изменить положение головы тоже не мог.

Цифирки менялись ритмично, хотя и бесшумно, без какого-либо писка или тиканья: 01, 02, 03... И тут оказалось, что у меня моргают глаза. Причем они моргали точно с интервалом в одну секунду. Открылись — на циферблате «04» — закрылись. Открылись снова — на циферблате «05», и так далее. А потом я обнаружил, что, оказывается, и сердце у меня бьется очень ритмично — ровно по удару в секунду. Как только до меня это дошло, слабость

исчезла. Я поднял голову, повертел ею из стороны в сторону, поднял руку, согнул в локте, пошевелил пальцами, наконец встал со стула. Все работает и ничего не болит. Зато появилось ощущение жажды.

Еще секунду назад я ее не чувствовал. Не в пустыне ведь находился. Но тут в один момент во рту пересохло. Слюна будто испарилась, и язык приварился к н„бу. Мне хотелось холодной воды. Было желание осушить один стакан, два,

три, десяток, ведро, бочку, цистерну, целый танкер. А еще лучше, если б мнедали шланг, подключенный к водопроводу, и позволили пить, пить, пить не отрываясь.

Осуществить эту мечту было нетрудно. Вода была в пяти шагах. К нашей «камере» примыкал санузел (хулиганистая Вика называла его «ссанузлом»), где имелся умывальник. К крану был подключен специальный фильтр производства фирмы «Теледайн», который, по уверению производителей, превращал обычную водопроводную воду в нечто экологически чистое. Всего пять шагов — и хоть залейся этой водой. Непроизвольно я двинулся в этом направлении. Ноги сами понесли, но мозг вовремя вспомнил и рявкнул: «Нельзя! Ни в коем случае!» Я ощущал на себе почти такое же воздействие разнонаправленных векторов, как во время первого стояния перед алым прямоугольником двери там, в искусственной реальности «дурацкого сна». Но если тогда я пошел вперед, преодолев силу страха, то здесь мне пришлось заставить себя идти назад, прочь от двери, преодолевая могучую силу соблазна.

Я опять поглядел на Вику. Озноб у нее прошел. Теперь ее мучил жар. В комнате было по-прежнему прохладно. И какие-то клетки Викиного мозга, освободившись от воздействия дурмана, путались и не понимали поступавших к ним сигналов от нервных окончаний. А может, эти самые рецепторы, подобно перевербованным агентам-двойникам, гнали в мозг стопроцентную дезуху. Точно так же, как мои убеждали меня, что организм испытывает недостаток влаги.

— Душно! — прохрипела Вика, сбрасывая одеяло. — Открой дверь!

— Нельзя! — сказал я. — Нельзя вмешиваться! Все должно идти как идет. Озноб кончился, и жар пройдет.

Вдруг меня осенило. Приступы всяческих раздражающих или угнетающих факторов длились почти равные временные отрезки. Минут десять каждый. А раз так, то и следующие, наверно, будут такими. Но если точно знать, что через десять минут недомогание сойдет на нет, то терпеть будет легче.

Как раз в это время напавшая на меня жажда прошла сама по себе. Рот заполнился слюной, сухость исчезла, язык стал нормально поворачиваться. Я сглотнул слюну и тут же ощутил нарастающую зубную боль. Проверая свою гипотезу, засекаю время. 9.34! Ну, если я прав, то зубы перестанут ныть примерно без четверти десять.

Боль, конечно, от этого не уменьшилась. Напротив, пошла по нарастающей. Сперва заболел один из коренных, потом тот, что торчал рядом с ним, потом еще один. Противной, ноющей, тупой болью, сопровождающейся назойливым желанием схватить спичку или иголку, расковырять все дупла или вообще клещами выдрать к чертям, невзирая на угрозу сепсиса. Но я заставил себя сидеть спокойно и глядеть на часы. Минуты казались длинными и тягучими, гораздо легче было смотреть на секундомер. Там цифирки менялись быстренько. Желание расковырять, выдрать к черту сохранялось и даже усиливалось. Особенно острым оно стало на самой последней минуте. При этом следить за циферблатом оказалось очень сложно. Я уже засомневался в верности своей гипотезы. Но боль исчезла в 9.46, я ошибся не больше чем на пару минут.

Особого облегчения от этого не было. Зубная боль плавно перешла в головную. А Вика в это

время испытывала острый приступ боли в животе. Сжавшись в комочек, подтянув колени к груди, она негромко постанывала. И до моих ушей уже долетел вздох:

— Неужели нельзя но-шпы выпить?

— Не надо, — сказал я, — через десять-двенадцать минут пройдет. Что-нибудь другое заболит. Еще на десяток минут, а потом еще что-нибудь — и еще через дюжину минут кончится. Само по себе, без всякого вмешательства.

— Утешил! — прокряхтела Вика.

— А говорила, что женщины терпеливей...

У меня тем временем нарастала головная боль. Сначала было впечатление, что голову сдавили в тисках и медленно, по-садистски смакуя, закручивают винт. Но я заставил себя глядеть на часы. Надо было обязательно дожждаться цифр 9.58. Что будет потом, меня не интересовало. На сей раз сосредоточиться было намного легче, я меньше задумывался над тем, чтобы поскрести виски, сделать массаж головы, проглотить таблетку анальгина. Правда, головная боль не могла не сказаться на мышлении, и мне начали мерещиться разные веселые

картинки, например, — как некий злодей завинчивает мне в башку не то буравчик, не то штопор. И появлялось желание треснуться башкой, расколоть ее, чтоб этот буравчик вылетел вместе с мозгами...

Но я дождался. Голова перестала болеть точно в 9.58 — ровно через 12 минут. Вместо боли появилось головокружение. Все, что было вокруг, поехало, как на карусели. Я чудом удержался на ногах, такого не было даже тогда, когда меня в армейской учебке первый раз прокрутили на допинге. Еще был случай во время одного прыжка, когда меня здорово повращало еще до раскрытия парашюта. Но ничего похожего на то, что произошло сейчас, мне не доводилось испытывать. Пришлось ухватиться за спинку стула одной рукой, а другой опереться на стол — иначе свалился бы.

Голова кружилась у меня, а затошнило почему-то Вику. Впрочем, ей Чудо-юдо это загодя предсказывал. Прижав обе ладони ко рту, она в чем была — то есть вовсе ни в чем — понеслась в санузел.

Смотреть на часы я не мог — цифры метались, сливались, смешивались. Пробовал считать про себя секунды, но все время сбивался. Начиная снова, путался, вот так и скоротал время. Во всяком случае, смог устоять и не попытался вертеть головой в другую сторону. Главное, что удивило меня в 10.10, — на смену пришла икота.

Куда круче досталось Вике. Тошнота ее покинула, но ей пришлось остаться в туалете на второй срок.

Икота сама по себе боли не доставляет, но когда 12 минут подряд и часто — превращается в мучение. Однако в отличие от предыдущей ситуации я мог следить за временем, а потому все перенес спокойно. Искушению сбегать к умывальнику и попить водички я не мог поддаться — дверь была заперта изнутри Викой, у которой организм очищался.

Следом за икотой наступил период слезотечения. Точнее, сильнейшей рези в глазах. Было не слишком весело. Щипало не так, как от лука, а раза в три крепче. Глаза ни черта не видели, было впечатление, будто они прохудились и собираются вытечь. И циферблата не разглядишь. Все расплывается. Вика, пока я заливался горячими слезами, успела выбраться из туалета. Я не смог ее разглядеть, но догадался, что выглядела она не лучшим образом. Впервые за двое суток оделась и простонала:

— Когда оно кончится? Ноги не несут... Теперь на нее напала слабость. Она еле добралась до кровати и упала.

— Умираю, наверное, — пробормотала Вика, — сердце не работает.

— Пройдет, — сказал я, — со мной такое было. Через двенадцать минут...

— Лучше помереть, чем столько мучиться!

— Не помрешь!

Слезы у меня течь перестали. Что-то дальше будет? Стал прислушиваться — главным образом, к своим внутренним органам. Однако ничего не почуял. Очень удивительно показалось, как-то непривычно. Ведь времени еще мало. Чудо-юдо обещал, что вся фигня кончится к пяти-шести часам вечера, а сейчас только половина одиннадцатого утра. Кончилось все, что ли? Или опять начнется?

Выпросил-таки на свою голову! Точнее, на затылок. Где-то в шейном отделе позвоночника что-то хрустнуло. Отчетливо, звонко. Так, как если б мне его кто-нибудь ломал. Скорее всего сие было чистой воды глюком, галлюцинацией. Но мне от того легче не стало. Боль скрутила, заставила подбородок упереться в грудь. Назад — ни-ни! Сразу почувешь, почем фунт лиха. Но самое главное, те 12 минут протянулись неимоверно долго. А потом пошла тринадцатая... Вот чего не предполагал: 14, 15, 16, 17 минут прошло, а шея не разгибалась! И на 20-й минуте ничего не изменилось. Появилось подозрения, что моя гипотеза потерпела крах. Что-то не связывалось. 21, 22, 23, 24 минуты... Никакого изменения. А если у меня шея вообще не разогнется? Страшновато стало.

Я и на Вику не обращал внимания. Не знаю, что в тот период с ней происходило. Не мог в ее сторону голову повернуть. Полчаса минуло — и все как было.

Появились мысли насчет того, что надо бы попробовать как-то разобраться с шеей. Подумалось, что происшедшее не имеет отношения к последствию препарата, а само по себе выщелкнулось... Но все-таки слова Чуда-юда из памяти не вылезали. В том смысле, что нельзя ни во что вмешиваться.

Обеда, само собой, нам и не приносили. Пришла Зинка.

— Страдаете? — с легким злорадством спросила она. — Ничего, недолго осталось, подождите чуточку. Этот препарат не очень сильный, не «Зомби-8». Отойдете помаленьку.

— У меня шея не поворачивается, — пожаловался я, — даже не разгибается. Но может, это не от препарата?

— От него, родимого, — сказала Зинка уверенно, — стандартный симптом. Почти у всех такой бывает. А ты чем маешься?

Это уже относилось к Вике. Вообще, мне еще вчера было ясно, что Зинуля не воспринимает новообразованную даму как родную сестрицу. Еще бы, они с Ленкой были близнецами, а тут это почти идеальное сходство — только по Зинкиной родинке на шее одну от другой отличить можно — исчезло.

— Зубами! — держась за щеку, проворчала Вика.

— Тоже стандартное явление. Сколько уже болит?

— А я, думаешь, время засекала?

— У меня зубы двенадцать минут болели, — сообщил я, — и все остальные болячки тоже по столько же держались. А эта зараза, в смысле шея, уже полчаса не проходит.

— Понятненько, — посерьезнела Зина. — Стало быть, у тебя осталось всего одно испытание. Минут через пять будешь буянить и требовать, чтоб тебе закололи еще одну дозу.

— Откуда ты знаешь?

— Вы ж, слава Богу, не первые. Знаем, что проходит от семи до двенадцати приступов разных недомоганий, которые протекают от десяти до пятнадцати минут по времени. А вот последний перед тем, как появляется острая потребность в новой инъекции, обычно длится тридцать-сорок минут.

— А набор недомоганий у каждого свой? — спросила Вика.

— Конечно. Одинаковых людей не бывает, а какие именно клетки и рецепторы активизируются в период последствия — не предскажешь. Все зависит от индивидуальных особенностей, у одного будут рези в животе, понос или рвота, а у другого зубная боль, головокружение или слабость. А у кого-то все вместе.

— Как у меня, например, — проворчала Вика.

— С ума не надо было сходить. Тебе кто-нибудь приказывал колоться? Сама полюбила, никто не велел. Мы, между прочим, были в шоке, когда узнали. Тем более клятвенно уверяла, что берешь одну ампулу. У Чуда-юда теперь к тебе доверия вполовину меньше.

— Плевать! — бесшабашно ответила Вика. — Зато хоть душу отвела!

— Все ж таки эта хохлушка у тебя крепко прописалась, — констатировала Зинка. — Ты, конечно, дура, что полезла на чужой носитель.

— Лучше в разведенках числиться?

— Ну и что, подумаешь! Я бы с Мишкой хоть завтра развелась, если б Чудо-юдо разрешил...

— Потому что надеешься — Димуля к тебе по старой памяти бегать будет? Все, лафа кончилась, сестричка!

— Завязывайте, бабы! — проорал я и ощутил, что шея начала поворачиваться и гнуться. Но, как только это произошло, у меня завертелась в голове знакомая мне золотистая спираль, внешний мир за несколько секунд исчез, но и каких-либо фантастических картинок типа всяких там виртуальных переходов и коридоров не возникло. Появилось много раз испытанное ощущение пограничного состояния, когда кажется, будто вот-вот не то проснешься, не то помрешь. Так

было, например, когда Чудо-юдо вскрыл архивированные файлы генетической памяти, где сохранялись кусочки памяти негритенка Мануэля, доньи Мерседес и капитана Майкла О`Брайена.

И, как всегда бывало в таких случаях, начался «компот» из образов, видений, обрывков памяти.

Правда, на сей раз «компот» прокрутился с очень большой скоростью, и я выскочил из него не в искусственную реальность, а в обычный мир, то есть в ту же самую комнату, где мы обитали с Викой в последние двое суток. Я лежал на полу, отчаянно дергаясь и пытаюсь стряхнуть с рук и ног крепко вцепившихся в них людей. Мелькнуло лицо Зины, потом откуда-то появился Чудо-юдо. Все что-то кричали, но я не понимал слов. Я, по-видимому,

тоже орал какую-то абракадабру из звуков, — во всяком случае, не понимал ни одного слова.

Потом — через какой-то промежуток времени — появилась слабость во всем теле, такая же, какую я пережил в самом начале отходняка. Я обмяк, перестал дрыгаться, и люди, которые меня держали, осторожно подняли меня на руки и положили, должно быть, на медицинскую каталку.

Почти одновременно я начал вновь понимать человеческую речь. Первые слова, которые мне удалось разобрать, были такие.

— В двести шестнадцатую, быстро! Не давайте ему терять сознание! — это громыхал Чудо-юдо.

Меня опять потянуло в темень, опять закрутилась спираль, но тут кто-то ударил меня по щеке и вернул в реальность.

Откуда-то долетел слабый голос Зинки.

— Нашатырь нельзя!

— Пульс! — гудел Чудо-юдо, а перед моими глазами мелькал длинный и толстый пунктир из ламп дневного света на потолке коридора.

— Уходит! — отозвался кто-то, крепче сжимая мне левое запястье.

— Врешь, не уйдешь! — прорычал Чудо-юдо. — Сворачивай!

Я успел запомнить только то, как каталку поворачивали и вкатывали в какую-то боковую дверь. Затем свет в очередной раз начал меркнуть.

Спираль снова стала раскручиваться, и хотя меня еще раз хлопнули по щекам, это уже не возымело действия. Вновь возникло пограничное состояние, и опять пошел «компот»...

Парашют! Раскроется он когда-нибудь или нет? Чертов Суинг! Не дотянулся в который раз! Падаю! Там, внизу, в пятисотметровой шахте — Белый волк! А чего я боюсь Волка? Я ж сам Волчара! Спросите у Хрюшки Чебаковой, она подтвердит. Вот он, этот Белый волк! Нормальный такой, не кусачий. К тому же в клетке сидит, его туда мой папа посадил. Знаете, кто мой папа?! А вот и не угадали! Не Змей Горыныч! И не Кощей Бессмертный! Чудо-юдо, вот кто! Нет, это он для всех страшный, а для меня нет.

Почему я такой маленький? Потому что я негритенок Мануэль, мне еще двенадцать лет всего. Как, не черный? Правда, не черный. Может, гуталина не хватило? А то был бы сейчас черный, как солдатский сапог. Солдатский -

значит, я солдат?

Конечно, я — рядовой Коротков. Или капрал Браун, может быть. Сколько нашивок у капрала? Столько же, сколько у советского младшего сержанта — две. Только у них, штатников, это нарукавные шевроны-уголки, а у нас — прямые тонкие лычки на погонах. Тогда, может быть, я и не капрал вовсе, а младший сержант? Точно, я — младший сержант Лопухин! Или просто Вася. Как, умер? Ерунда, ни черта с ним не стало. Жив-здоров, чего и вам желает. Или это я желаю? Стало быть, я. Не верите?! Да я вам сейчас такое расскажу, с ума сойдете! А может быть, я сам с ума схожу? Может, этого и не было никогда? Ведь мне же велели начисто все забыть, как будто ничего не было. Иначе — дурдом. Неужели? Но ведь все это было!

Да, было! Все происходило со мной, я все прекрасно помню и почти ничего не придумывал. Только домысливал немного и все.

«Компот» постепенно сходил на нет. В моей башке прочно утвердилось, что я

— Вася Лопухин и никем другим никогда не был. Вместе с тем тьма вокруг меня постепенно рассеивалась, редела и в ней начинали проглядывать какие-то смутные, неясные контуры материальных объектов, фигуры людей, отдельные слабо различимые лица, детали построек, фрагменты одеяний, словно бы выхваченные из темноты приплясывающим пламенем старинной сальной свечки. Больше всего картинка напоминала некий коллаж, которые в последние годы страсть как полюбили печатать в российских журналах. На первый взгляд он казался статичным и даже плоским, как будто был изображен на темном стекле. Однако спустя какое-то время стало заметно, что все фигуры имеют объем, а кроме того, иногда совершают какие-то движения, меняют положения рук и ног, поворачивают головы и плечи. Такие штуки иногда проделывают в театре, когда поднимается занавес и на неосвещенной сцене появляются действующие лица, размещенные на какой-нибудь пирамиде или иной возвышающейся конструкции. Потом они «оживают», двигаются, сцена освещается и начинается само действие.

«Я», то есть Вася Лопухин, отчетливо понимал, что картинка эта есть не что иное, как плод «моего» воображения. Именно поэтому она не становилась ярче, не прорисовывалась четче. Увидеть то, что происходило во глубине веков, не так-то просто. Тем более, «я»-Вася не был историком. И мог представить себе картинки трехсотлетней давности исключительно по художественным фильмам да книжным иллюстрациям. Поэтому эта первая, выдуманная «мною»-Васей сценка намного отличалась от последующих, виденных воочию. Она послужила как бы прологом к тем личным, уже явно невыдуманным воспоминаниям, которые Вася Лопухин оставил в наследство мне, Дмитрию Баринову.

Часть вторая. ГДЕ МОЕ МЕСТО?(Посмертные воспоминания Васи Лопухина)

ПРОЛОГ-ДОМЫСЕЛ (Васина фантазия)

— Лексашка! Подь сюды! Винишше-то так и прет духом... Где государь?! Ответствуй!

— Не вели казнить, матушка Наталья Кирилловна, — хмельной зело, почивает.

— Окаянец ты! Не уследил?!

— Нешто я могу, матушка?! Государю-то перечить не след...

— За Фрянчишком-нехристом на Кукуй таскались... О-ох, пианство сие! Лета Петра млады ныне, а уж к питиям приобик... Ахти мне, вдовой! Ах ты, идол! Не скаль зубища-то! Евдокея где?

— У всенощной, матушка. Должно, молебствует, дабы Господь дит,, нам послал без изъяну... Черницы с ней тож...

— А вы, бесы проклятущие, на иноземны дворы бегаете?! Фрянчишко-лиходей блазнит вас... Ох, доберусь я до него, ужо! Вам бы ныне с Преображенского и носа на Москве не казать, так нет же! Австории с бабами простоволосыми им надобны, прости. Господи, душу грешную! Ведомо ль тебе, охальнику, что Сонька умыслила чрез воровских людей Петрушу нашего извести, али, как во время оно, стрельцов на бунт поднять?! А вы по ночам шастаете! Да

трудно ли где лихих нанять али тех же иноземцев поганных, чтоб они вас ночью изловили да порезали?! Голицын-то Васька, сказывают, загодя сыну велел в поляки ехать, спасения для... Смута будет, о-ох смута!

— Ведомо о сем государю, матушка! Мы ведь с опасливостью ходим, пистолы да сабли имеем... Да и потешных неколико, тайно от государя, впереди, да по-за нами... Господь оборонит, ежели что...

— Не по-царски эдак-то, грешники! Аки на татьбу ходите! Молились бы, не гневилы Господа! Чего вам там, на Коровьем-то броде, надобно?

— Государь-то Петр Алексеич зело до иноземного всякого охоч, не для окаянства какого ходим, науки для...

— Ох, мню я, Лексашка, что сии науки блудом зовутся! Никишка-то Зотов тож повеление имел грамоте учить, а каково учит? Ныне Петруша и дня единого без пития не проживает! Ведь уж не дитя малолетнее, в рост да в разум пошел, неколико времени минет — отцом станет, а у вас все потехи да веселье: в барабаны лупите, палите да Язу баламутите... Уж ладно, мое дело вдовье, так хоть бы вы, лиходеи, усовещевали его... Ведь душу загубит во блуде сем!

— Да куды нам-то, матушка! С ничтожеством-то нашим, да государю

перечить?! Государь во гневе буен, не то сказать, мигнуть супротив его страшно!

— Боишься ты его, пирожник окаянный! Кабы не знала, что он тебя от прочих отличает, давно б велела со двора взашей гнать! Не ты ли, бесстыжий, его на прошлой неделе токмо что не за волосья пьяного волочил до опочивальни?! Да за предерзостное такое действие тебе и голову-то на рожон воткнуть мало! Мне и то ведомо, что как он изволит сверху меры испивать, так уж ты его и Петрухой кличешь, аки холопа. Было ли сие? Ответствуй, рожа твоя бесстыжая!

— Так ведь упасения для, матушка! Сами же сказывать изволили, чтоб коли случится где быть в чужих людях, то величества его не открывать...

— Охи скользок ты! Веди-ка в опочивальню государеву, гляну на него да перекрещу, пожалуй, дабы бесы его, спящего, не одолели... Вперед ступай со свечою да смотри не запали чего, греховодник...

— Вот, матушка-государыня, извольте глянуть, почивает...

— Сколько ж выпили-то вы, полуношники?

— Государь-то не велел сего открывать, гневаться будет...

— Ништо, коли и поколотит тебя, есть за что. Сказывай, бездельной!

— Да фряжского, матушка, стопы две пригубили, не более...

— Врешь, изверг! За дит,, малое меня считаешь?! Нешто я по духу не различу, каково вы винишше пили?! Гданское, поди, зелено вино, да не по единой стопе... Идолище! На колени пади, холоп!

— Не погуби, матушка!

— Ох, когда б Петруша не почивал, так отходила б я тебя батожком, чтоб тебе, пустомеле, до Страшного суда памятно было! Не ко времени, до завтрава погодим. Поди за дверь да не пушай никого, коли меня спрашивать будут!

— Слава тебе, Господи, уполз, змей подколодный... Ишь, спит-то как Петрушенька! Постеля-то мала, мала... Ныне иную надобно, дабы ноженьки-то не свисали... Ох ты, ж, дитячко рожное, пошто ты так матушку-то тревожишь? Ведомо ль тебе, каково мне стало тебя выносить, да родить, да от болезней и иных напастей уберечь?! Каково твое царенье-то будет? Сонька-срамница ведь, поди, и сном, и белым днем воочию гибель твою видит... Все мне в ней не по нутру, прости мне. Господи, грех велик! А ведь сестра единокровна тебе, мне

— падчерица. Вот пойдя меж вами свара, так и бед не оберешься! Иноземцы того и ждут, чтоб смутно время вдругорядь объявилось да крови христьянской поболее пролилось. Васька Голицын многи тыщи людей под Крым повел, а сколь привел оттуда? Добро, коли половину! Меж стрелец, сказывают, подметны письма чтут, сабли на тебя точат, а ты все в иноземны игрушки с Фрянчишком играешь да города своеручно, как работный человек, ладишь! Ох, боязно же мне за головушку твою, Петруша, ох, боязно! Дай тебе Господь эту-то ночь добро переночевать... Экой ведь еще младень! Хоть бы брадой оброс быстрее. Добро, что хоть одежду Лексашка с тебя снял да сапоги, а то бы всю постелю измарал, постреленок... И рожу уж где-то обцарапал, мучитель! Персты чернилами испакостил... И за грехи ли мне напасти эти? Чернилами вон весь стол испятнал, бумагу залил... Уж не указ ли какой случаем? Ишь, буквицы-то каковы! Не разобрать... Да и учена-то мать твоя не гораздо. Токмо и разберу, что перст большой печать оставил. Ох, велики руки у тебя, сыне, а вот дела-то каковы будут, сказал бы? Да ты и сам, поди, того не ведаешь, един Бог-вседержитель знает, кому что на свете этом назначено... Умом-то востер ты, переимчив. Бог не обидел, токмо не на грех ли тебя ум да гордыня приведут? Ведь дня не проходит, чтобы не поминал об иноземцах да ихних хитростных науках... Нешто так уж положено? Нешто старина наша плоха? И к добру ли сие, али уж от Бога оно? Может, тебе, Петруша, такое Господом начертано, что мы по скудости ума и уразуметь не можем? Ну да спи с Богом! Во имя Отца, Сына и Святого Духа! Аминь...

ОТ ЛИЦА ВАСИ ЛОПУХИНА

Всякий нормальный человек, закончив среднюю школу, становится абитуриентом. Так было и со мной, Васей Лопухиным. Случилось это на восемнадцатом году жизни в те давние времена, которые нынче называют эпохой застоя. Приятно получить тоненькие «корочки», подтверждающие, что у тебя полное среднее образование. Не надо больше ходить в школу и изучать предметы, от которых с души воротит. Однако удручает неприятная, необходимость всем и каждому объяснять, что ты еще не избрал свой жизненный путь и не знаешь, куда направить свои стопы. Моя родня этими вопросами перепилила мне весь хребет. Предки у меня интеллигенты: четыре поколения только тем и занимались, что ворочали мозгами. Правда, плохо ворочали, должно быть: мотора нет, тридцать пять метров клетушек в «хрущобе», унитаз от ванны ширмочкой отгорожен. Два диплома, а у пахана сто семьдесят, у мамульки — столик с полтинником, без премий, прогрессивок и даже без тринадцатой зарплаты. На что жить? А жить надо. Я как-то сказал, еще после восьмого класса, что в продавцы хочу — так что было! Пахан сел в свое профессорское кресло, нацепил очки и стал мне лекцию читать. Думаете, он у меня профессор? Правильно, что не думаете — какой профессор за сто семьдесят работать будет! Он и кандидатскую еще не защитил, а учит, как жить. Кресло ему от его деда, профессора, досталось. Загнать такое кресло антикварам — три сотни дадут.

Так вот, прочел мне папаша лекцию, что идти надо по призванию, что в торговле надо быть честным, а я вижу в ней возможность обогащения нетрудовым путем и меня наверняка посадят. Мамулька еще поревела, я пожалел и пошел в девятый. А вот Тимоха пошел на продавца. Ничего, два года уже учится, еще не посадили. У Тимохи, между прочим, кассетник

японский, десять мамулькиных зарплат в комке стоит, и кассет с роком полтонны. У него, правда, братишка в загранку ходит, но Тимоха и сам мог,т кое-что. Он мог,т, а я не могу. Должно быть, мозги не в ту сторону шевелятся. Они у меня, поди, как у родичей шевелятся, по схеме. В детстве им говорили: вот так все должно быть! Они в это поверили и решили — так и будем жить. Вот и живут теперь без мотора и с совмещенным санузелом. А ведь у обоих — красные дипломы, аттестаты с медалями. Не то что мой — на льготы мне рассчитывать не приходилось. Но уж так родичи напирали — в вуз, в вуз! — что я плюнул и согласился. Даже обнаглел, подал документы в университет, на химический. Тимоха меня сразу спросил: «Там что, лапа есть?» Лапы не было, да если б и была, то ничего бы мой пахан не сумел. Тогда Тимоха спросил, какая зарплата после окончания. Это я знал — чуть больше стольника. Тимоха хмыкнул и сказал, что мараться не стоит. «Завали, — говорит, — по-быстрому и иди к нам. У нас после десятого тоже берут». Завалил я и правда по-быстрому, на первом же. Пахан валидол пил, мамулька рыдала — тошнятина! В августе еще раз сдавал, в нефтяной, с той же удачей. Взял документы — и к Тимохе, в его заведение. А там говорят — поезд ушел, приходите через год. Утешили! Через год моими мозгами уже военкомат будет распоряжаться. Остался я в сентябре все тем же абитуриентом. Мужики из нашего класса все при деле, не подступись — чему-то учатся либо бабки делают, а я — так просто, погулять выхожу. Две недели погулял, три раза на чужой счет выпил — пахан опять взъелся. Тунеядцем назвал, алкоголиком и обещал из дому выгнать. Напугал ежа голый! Да я сам ему пригрозил, что на БАМ завербуюсь и — ту-ту на Воркуту! И что вышло? У папаши сразу друг нашелся на какой-то фирме, доктор уже, между прочим, хотя на

курсе у пахана записной троечник был. Этот друг меня в свою фирму и пристроил. На девяносто рэ, лаборантом.

Первые несколько дней меня учили, что можно делать, а чего нельзя. Спирт нельзя пить из химической посуды — это я сразу усвоил. Не соваться к приборам под напряжением — это я и раньше знал. Одно плохо — скучно. Девочек в лаборатории нет, либо старухи лет за тридцать, либо мужики. К тому же один тоскливей другого. Если бы не Алик, так и поговорить не с кем. Алик у них старшим инженером работал. Ходил — весь в фирмах. Джинсы, лейблы, кроссовки, куртенички — я таких даже у Тимохи и его братана не видал. Тридцать пять лет, вроде бы уже старый, а в музыке волок — только так... Одного Высоцкого пятьсот записей в разных вариантах, и качество — прямо студийное. Музцентр, видюшник, все — «хи-фи-стерео»... Кассетки! Квартира — вся в полировке, стеночка — м-м! Бар: «Кора», картины, «Наполеон», «Уайт хорс», шерри-бренди! А курево! Как глянешь — окосеешь... «Данхилл», «Ротманс интернейшнл», «Ротманс кинг сайз», «Салем», «Кэмел», «Мальборо» настоящий... Телега своя, «Лада» экспортная. Значит, мог,т! А как ему не мочь, если он во всех трубках, схемах и микросхемах с закрытыми глазами разбирается, любую аппаратуру для рок-групп чинит — это раз, чеканит по латуни — это два, записи толкает — это три, а уж четыре, пять и шесть у него наверняка наберутся. Дискари у него знакомые, портные — знакомые, официанты — знакомые, продавцы — знакомые... Я раз шел с ним по Калининскому — такие телки ему мигали... Ну а работа — это так, тут он не надрывался. «Что я, трактор, — говорит, — за пособие по безработице пахать?» Имел двести, между прочим.

Я его с Тимохой познакомил на свою голову. Тимоха быстро сообразил, что с таким фирмовым дружить надо. Даже меня зауважал. Ненадолго, конечно. Если бы я сам что-то мог, а то я просто так... Словом, скоро они меня побоку. Позвонишь Алику — «Малыш, мне некогда!», позвонишь Тимохе — мать отвечает, а он сбоку в трубку пыхтит: «Нету меня, мать, нету!» Кроме того, на работе меня к другой группе придали. У них там, в лаборатории, несколько групп было. Одна внизу, в подвале, а несколько — наверху, на этаже. Сперва я работал на этаже, посуду мыл, а месяца через три меня в подвал перевели. Там такая особая установка стояла, круглосуточно работала, и около нее в три смены дежурили. Так что я теперь Алика и на работе не видел, пошла одна тоска. Начальник этой группы, Игорь Сергеевич, старший научный, кандидат, триста имел, а пиджак носил, как у Чарли Чаплина,

локоть драный. Думаете, жадный? Нет, наоборот. Я помню: он, когда чего-то там, на установке, получилось, чего никто не ожидал, всю лабораторию, сорок человек, тортами кормил за свой счет. Но вообще мужик серый и даже какой-то чокнутый, хоть они с Аликом и ровесники. Этот Сергеич на своей установке готов был по двадцать четыре часа сидеть и любоваться на все эти провода и стрелки, трубки и стекляшки. А как он прыгал, когда для его установки большую ЭВМ привезли! Чудак! Прямо ахал и охал, пока блоки в подвал опускали, над наладчиками стоял, в уши им дышал, все боялся, чтобы чего-нибудь не испортилось... Алику мне еще раньше сказал: «Этот и помрет у машины, а доктором не будет. Только вкалывать и умеет! Мне бы его мозги, да я бы уже академиком был. Посадил бы полгруппы писать кандидатские, слепил бы докторскую, себя не обидел... Новое направление мужик начал, тут надо двигать, толкать, а он тринадцать лет из подвала не вылезает!»

Меня лично не очень колыхало, выйдет Сергеич в академики или нет. Меня колыхало, когда он мою работу проверял. А работа здесь была еще проще, чем мытье посуды. Посадили меня перед каким-то приборчиком со стрелкой, дали секундомер и говорят: через каждые тридцать секунд записывай, что стрелка покажет. Потом оказалось, что это все мог и самописец записывать. Ему что, его заправь пастой, он и будет тебе кривые рисовать. Потом я еще чем-то похожим занимался: то у каких-то проводов концы спаивал, то припаивал их куда говорили, то ручку прибора крутил, чтобы стрелка была на одном и том же уровне... Алику меня из-за этого обозвал «потенциостатом». Вроде бы по-научному, но как-то противно.

Прожил я в такой тоске до самой весны. Так от жизни отстал — ужас! Да что там — от жизни! Я уж все, чему меня в школе учили, позабыл. Родня опять ноет: куда, дескать, сдавать будешь. А я уже в апреле повесточку получил на комиссию... Там сказали: все нормально, годен к строевой, к июню заберем, жди. Какое там сдавать! Пойду лучше на службу — так я решил. Но после майских праздников моя судьба-индейка таким боком повернулась, что никто не ожидал...

На установке Игоря Сергеевича дежурили три инженера: один с нуля до восьми, другой с восьми до четырех, а третий — с четырех до нуля. Сам Сергеевич приходил в восемь и уходил в восемь, над душой у них стоял. Чего им там делать? Ленты сменяют, ну еще кое-что повертят, а так все больше детективы читают от скуки. В зал, где установка, дверь автоматическая, с кодовым замком, туда так просто не войдешь. Замок, когда его открывают, щелкает громко — сразу услышишь, когда начальство приближается! Так что самое место, где можно тихо отдохнуть... ЭВМ вкалывает, а ты только за ней приглядывай. Но вот, после праздников, один из инженеров ушел на защиту — пока на установке дежурил, он диссертацию успел сочинить. Пришлось Игорю Сергеевичу искать ему замену, из другой группы выпрашивать человека. Ему и выдали Алику — хорошего-то работягу кто отдаст! Очень Сергеич был недоволен, знал ведь, что записного сачка берет! Но самому сидеть на установке ему было некогда — взял. Правда, несколько дней сам с ним дежурил, потом успокоился и доверил ему наиболее тяжкую смену: с нуля до восьми. Вот тут уж Алику был

недоволен! У него с одной герлой встреча намечалась, а тут сиди и кукуй! Ну, Алику, конечно, дежяга, он быстро сообразил, поменялся сменой с тем мужиком, что перед ним дежурил. Потом еще как-то покрутился, только в конце концов получилось, что ему надо пахать две смены подряд: с шестнадцати до восьми. Это совсем не сахар! К тому же герла ему опять названивала. И Алику, ясное дело, решил меня подписать. «Ерунда, — говорит, — ты, главное, ничего не трогай, и все о`кей будет. В семь часов все разойдется, а ты посиди за меня до трех. Приду как штык! На моторе семь верст не крюк, а тачка у меня — зверь! Годится?» Кожан он мне пообещал за полцены и блок «Мальборо» за так. Что я — дурной, отказываться?

Вначале все вышло как надо. В семь часов наши разошлись. Я позвонил Алику, чтоб он меня пропустил в свое заведение. Открыл, провел меня к пульту, усадил. Я осмотрелся. Ползала ЭВМ занимает, блоки в железных шкафах, пульт, повсюду кнопки, тумблеры, принтеры и еще

хрен знает что. От ЭВМ несколько кабелей подключено к установке, а сама установка другие ползала занимает. В середине, на стальных опорах, бокс из эмалированных листов с герметическим люком. Здоровая штукавина, размером с микроавтобус. К боксу, как к осьминогу щупальца, — шланги, провода, кабели, стальные, пластмассовые и резиновые трубки разных размеров. С боков от бокса и позади него, до самого потолка, какие-то емкости из металла и пластмасс, краны, вентили, насосы, моторчики, все проводами оплетено. Где-то что-то гудит, где-то тарыхтит. На пульте лампочки мигают, внутри машины что-то пощелкивает. Техника на грани фантастики! «Слушай, — спрашиваю я Алика, — это у вас не взрывается?!» — «Не бойсь, — смеется. — Не было еще такого! Машина у нас фирменная, штатовскую Ай-Би-Эм через третьи руки приобрели. Быстродействие — во! Это тебе не „Электроника“ какая-нибудь... Тебе сказано — ничего не трогай. Твое главное дело — по телефону отвечать. Сергеич — псих, он может и в полпервого звякнуть, не спится ему... Ты вот так, ладошкой, пасть свою прикрой, чтобы он по голосу не догадался, и вякни: „Все в норме, прироста не наблюдаю...“ — „А если он будет, этот рост?“ — „Какого прироста можно ждать, когда все это лажа!“ — хмыкнул Алик. Объяснил, называется! „Где он может быть, прирост-то? — спрашиваю я. — Покажи хоть!“ „Во! — Алик себя пальцем по виску — тук-тук! — Понимал бы что-нибудь... А, ладно, гляди сюда“. Включает он на пульте один экран, большой, как у „Рубина“, а на экране — в несколько десятков колонок — цифры, цифры, цифры... „Понятно? — поехидничал Алик. — Вот все параметры установки. Их не одна сотня, машина их поддерживает в заданных пределах. Если хоть один из них выйдет за эти пределы и машина сама не сможет его поставить на место, то она начнет выть и мигать красной лампочкой. А такое может быть только в тех случаях, если какой-нибудь вентиль или кран заест, моторчик у насоса перегорит, ну а еще если у самой машины в мозгах непорядок. Только так... Да не бойся ты, тут все десять раз отлажено! Каждое утро целая бригада всю механику, гидравлику и электронику проверяет... Тебе только по телефону отвечать надо, понял? И все!“ — „Слушай, — спрашиваю я, — а чего там внутри химичится?“ Он опять хмыкнул и говорит: „Да взбрело Игорю, что он общую теорию регенерации создал... Слышал, как искусственные алмазы выращивают? Берут тоненький алмазный волосок, помещают в раствор и выращивают... Ну, как соляной кристалл... Не совсем так, конечно, но это я для простоты, чтоб тебе, дураку, понятно было... А наш Сергеич нашел так называемые микросвязи, их еще остаточными называют... Как бы это объяснить тебе? Время меня поджимает, видишь ли... Шерше ля фам, это, брат, проблема! Ладно, поживи пока без теории, а я пошел...“

Вот так он и убежал. А я остался сидеть в кресле и глазеть на все это чудо.

ВО ЧТО ПРЕВРАТИЛСЯ КЛОЧОК БУМАГИ

Перво-наперво я позвонил домой и предупредил родителей, что остаюсь на дежурстве. Мамулька, само собой, заподозрила, что я вру, но пахан имел в своем кондуите все телефоны нашей лаборатории и через пять минут проверил, позвонил по городскому. Успокоившись, родители, должно быть, заснули довольные — все-таки сыну серьезное дело доверили! Алик мне оставил два бутерброда с финской колбасой, термосок с кофе, пачку «Мальборо» и какой-то трепаный детектив без начала и конца. Курить на установке запрещалось, да я и сам бы не стал — черт его знает, вдруг что-нибудь взорвется! — а бутерброды с кофе съел сразу же. Остался только детектив. Он оказался нудный, но на безрыбье и рак — рыба. Стал читать. Время ползло так медленно, так тошно — слов нет. Надоедливо гудели трансформаторы, моторчики насосов, тикали какие-то таймеры, внутри бокса чего-то булькало и хлюпало. Светился экран с цифрами, который забыл выключить Алик. В левом нижнем углу светились отдельно цифры 270.45 и еще четыре цифирки, которые все время менялись. Первые две не очень быстро, а вторые — очень. До меня

дошло, что это — время в часах, минутах, секундах, десятых и сотых долях секунды. Должно быть, столько времени работала эта установка подряд, без выключений. Кроме цифр, обозначавших время, все остальные цифры стояли неподвижно и никак не менялись. Смотреть на них было скучно — это не «Рэмбо» по виду. Правда, на этом телевизоре была такая же рукоятка переключателя диапазонов, как на всех других. Против цифры «семь» на шкале переключателя клейкой лентой была приклеена бумажка, а на бумажке от руки написано фломастером. «Телекамера бокса». Что меня дернуло переключить эту ручку — черт его знает! Только я поставил переключатель на семерку. Теперь вместо цифр на экране в черно-белом изображении появился листок бумаги, исписанный неразборчивым почерком с закорючками и плюс к тому захватанный грязными пальцами. Один отпечаток был наиболее четкий, большой. Наверно, сыщики вроде Мегрэ или Пуаро были бы таким очень довольны. Ну а мне этот листок интересным не показался, потому что прочесть его я не мог. Тогда я решил переключить телевизор обратно, туда, где были цифры... Но тут раздался звонок по городскому.

— Альберт Семенович? — услышал я голос Сергеича и, как учил Алик, закрыв пасть ладошкой, прошамкал.

— Слушаю вас! Все параметры в норме, прироста не наблюдаю.

— А что это вы так хрипите?

— Простудился, Игорь Сергеич, горло болит...

— Н-ну да... — рассеянно пробормотал он. — Значит, не наблюдали... Ну ладно... А пора бы уже, пора... Под утро я еще вас побеспокою... До свидания.

Прав был Алик, только псих может из-за трех фраз в полвторого ночи звонить. Себя бы пожалел!

Повесив трубку, я хотел переключить телевизор на цифры, а затем и совсем его выключить. И надо же! Локтем за какой-то тумблер зацепил! Точно помню, что зацепил, а вот за который — не заметил! Экран-то я переключил, только гляжу, а на нем строчки одна за одной стираются и вместо них какие-то другие накатываются! И тут же внутри блоков машины что-то стало хрюкать, чирикать. В боксе тоже что-то забурлило... Ну, думаю, сейчас шарахнет! Залез под пульт

— там что-то вроде ниши для ног было, — сижу и дрожу. Минут десять сидел, потом вылез. Вроде все тихо. Машина успокоилась, хрюкать и чирикать перестала. Только теперь почему-то «консул» сам собой стал чего-то печатать. Длинный рулон вымотал! На экране цифры стоят ровненько и не стираются, вроде бы как и были, только теперь совсем другие. Я опять сел в кресло и посмотрел на пульт. «Надо бы, — думаю, — тумблерчик на место повернуть, чтоб завтра Сергеич или Алик не заметили. Черт его знает, что там от этого в боксе получилось! Может, гадость какая-нибудь». Стал я рассматривать тумблерчики и соображать, который же я повернул. Пригляделся, вижу: на панельке под телевизором шесть тумблеров в одну сторону наклонены, а седьмой, по левому краю, — в другую. Все наклонены на «вык», а он один — на «вкл». Стал я читать, что над этими тумблерчиками написано.

На том, крайнем, было написано: «Подсветка бокса». И всего-то! Я вылез из-за пульта, обошел блоки и приблизился к боксу... Не вплотную, а так метра на два. В крышке герметического люка светилось окошечко — иллюминатор. Когда Алик мне показывал установку, света не было... Я-то, дурак, боялся, а это обыкновенный выключатель, простой, как в комнате, свет включать! Тут я совсем расхрабрился и смело повернул тумблерчик на «вык»... Снова что-то защелкало, захрюкало. Опять затарахтел «консул». Цифры на экране опять стали меняться и снова установились. Я, конечно, не помнил, какие цифры были до того, как я включил подсветку бокса, но, как мне показалось, они все-таки чем-то отличались

от тех, что появились после того, как я ее выключил. Однако меня это не заколыхало. Вряд ли кто помнил, что там раньше было, если там несколько сот цифр! «Небось не заметят!» — подумал я. Полчасика прошло без приколов. Я сидел, читал детектив, поглядывал на «Мальборо»: может, рискнуть, курнуть одну? Но тут снова зазвонил телефон. Это был Алик. Голосок у него был тепленький, индюку ясно, что звонит после стакана.

— Здорово, старый! — сказал он. — Как жизнь?

— Сижу, — ответил я сердито.

— Понятно, — хмыкнул Алик. — Ничего не трогал?

— Ничего, — соврал я, — как можно, начальник!

— Молодец! Возьми с полки пирожок... Шеф звонил?

— Да. Сказал ему, как ты велел.

— Не просек он тебя?

— Нет.

— Тогда жди, через час-полтора буду как штык. О`кей? В случае чего — звони.

— Хоккей, — вздохнул я, а потом глянул на часы. Было уже два. Алик, стало быть, собирался приехать уже не в три, а в полчетвертого. Надо бы ему об этом сказать, но он уже трубку повесил. Я опять взялся за детектив.

И тут ни с того ни с сего застрекотал «консул». Я поднял глаза к экрану и ахнул: цифры на нем менялись, словно отсчитывая десятые или сотые доли секунды. Одна строка с невероятной скоростью сменялась другой, а «консул» тархтел как пулемет, выматывая ленту с серыми цифрами. Что стряслось?! Я ж точно помнил, что ничего не переключал больше! Однако вся эта техника словно взбесилась: внутри бокса уже не клокотало, а ухало, брякало, взрывывало. Бешено метались стрелки на приборах, внутри ЭВМ щелкали какие-то переключатели, заработал еще один принтер. Моторчики и насосы, подающие что-то из емкостей в бокс, надсадно выли на разные голоса, гудели и скрежетали. Мне отчетливо почуялся запах горелой смазки. Экран вдруг мигнул, сбросил все цифры, и поперек его замигала яркая белая полоса с черной зловещей надписью: «Критический режим!!! Выключить установку!!!» Господи, да я бы рад ее вырубить, только чем?! Хоть бы знать, где тут рубильник!!! Где наш лабораторский распределительный щиток, я знал, но знал и то, что установка имела автономное питание, ее наш щиток не отключал. Я вскочил на ноги и среди всей этой какофонии принялся носиться по залу. Щитков тут было черт-те сколько, глаза разбегались. Нажал один — выключился вентилятор, нажал другой — погасло несколько ламп... Я понял, что если буду так же продолжать, то погашу весь свет, а там уж черта с два найду рубильник. Между тем установку была такая вибрация, так ее, родимую, трясло, что даже такому лопуху, как я, было ясно, что ее вот-вот расшибет! Загорелась та самая лампочка, о которой предупреждал Алик, противно и непрерывно завыв какой-то зуммер. На экране мигала угрожающая надпись...

Я бросился к двери: «Рванет, так хоть жив останусь! Пускай потом сажают! Все равно вместе с Аликом сидеть будем! Раздумывать некогда!» Но когда я уже был у выхода, меня как дубиной трахнуло...

Думаете, взорвалось? Ничего подобного! Просто в проем двери откуда-то сверху опустился толстенный броневой щит, а над дверью загорелась надпись: «Вход заблокирован!» Надпись эта была старинная, масляной краской по темно-малиновому стеклу, и я ее никогда раньше

не видел. Теперь оставалась одна надежда на телефон. Телефон Алика я знал наизусть. Быстренько набрал семь знакомых цифр... Короткие гудки! Занято! С кем же ты, гад, по телефону

треплешься?! Может, ошибка?! Еще раз набираю — то же, еще — то же!!! А в ушах уже сверлит от этого зуммера, в глазах мельтешит от мигания всех этих табло, лампочек, экранной надписи... Еще раз длинные гудки! Ну, слава Богу!

— Ал,,-о, — сонно протянул голосок, который никак не принадлежал Алику.

— Алика! Алика, пожалуйста! Альберта Семеныча! — заорал я.

— Ошиблись номером, — тихонько подсказал Алик, но я его услышал.

— Здесь такой не проживает, перезвоните, пожалуйста... — сказал голосок, и мне, словно серпом по шее, полоснули короткие кусачие гудки...

— Сволочь! — Я швырнул трубку, заревел и полез под пульт. Будь что будет! Сидя там, трясаясь от вибрации и страха, я хныкал помаленьку и ждал взрыва. Его все не было, и я вдруг вспомнил, что по телефону можно позвонить не только Алику... «Там же телефон шефа! Под плексигласом на передней панели! Плевать мне на Алика, его кожан и „Мальборо“, если он сволочь, то и я тоже буду... Взрывать за „Мальборо“ я не подписывался!» — выпрыгнув из-под пульта, опять подскочил к телефону. «Игорь Сергеевич, 706-45-12», — прочел я под плексигласом и торопливо стал набирать номер. Трубку сняли тут же, будто шеф ждал этого звонка:

— Слушаю вас!

— Игорь Сергеевич! — выпалил я в трубку. — Установка! Критический режим!

— Это кто? Где Корзинкин?! Лопухин, как вы туда попали?!

— Неважно это! Я даже уйти отсюда не могу! Дверь заблокирована!

— Что за чушь?! Там сто лет нет никакой блокировки!.. Ну ладно, это не важно! Вы соображаете что-нибудь в машинах?

— Ничего! — взвыл я самым дурным голосом.

— Тогда все совсем просто. Пройдите в проход между шестым и седьмым блоками и обесточьте установку. Там, в жестяном шкафчике, такой большой выключатель, черный. Потом подойдете к телефону и доложите мне.

Я помчался к указанному месту и повернул выключатель. Щелчок — и стало темно. Разом все технические шумы пропали, только в темноте, там, где располагался бокс, что-то булькало и хлюпало. Слышалось также журчание жидкости, лившейся куда-то на пол.

Ощупью я добрался к телефону и сказал в трубку, где слышалось тяжелое дыхание Игоря Сергеевича:

— Я все выключил.

— В темноте сидите?

— Ага...

— Дыма, гари не чувствуете, огня не видно?

— Гарью немного пахнет, но огня не видно. Только что-то на пол течет...

— Это не страшно, — успокаивая не то меня, не то себя, произнес Сергеич,

— ничего токсичного у нас вроде бы не было... Темноты не боитесь?

— Нет, — ответил я, — не боюсь...

Это была правда. После того, как чуть не взорвешься, чего бояться!

— Тогда ждите, — ободряюще сказал шеф, — попробую такси поймать...

Я повесил трубку и сел в кресло. Теперь оставалось только сидеть и дожидаться. Детектив, само собой, в этой темноте не считаешь. Первые несколько минут, пока унимался страх, все было ничего. Это был еще тот страх

— страх перед бешеной установкой. Но когда он прошел, то начал наползать другой — перед темнотой и тишиной. Насчет тишины я, конечно, вру. Боялся я не тишины, а тех звуков, которые слышались от установки. Оттуда доносилось журчание и бульканье, а кроме того — странное бурчание. Журчание, бурчание и бульканье вроде бы постепенно стихали, но сквозь них уже несколько раз проскакивали какие-то совсем другие, шуршаще-шевелиющиеся звуки. Вот эти-то звуки и нагоняли новый страх, потому что неприятно, когда что-то в пяти метрах от тебя ворочается и шуршит, да еще там, где никаким живым существам быть не полагается...

Телефон молчал. От установки слышалось гулкое «кап-кап-кап» и все то же шевеление. Потом что-то бухнуло, будто кто-то долбанул кулаком по железному листу...

— Кто там?! — рявкнул я.

Крикнул громко, а зал был большой, даже эхо отозвалось. Вместо ответа опять что-то гулко бухнуло. Потом еще и еще. Кто-то, должно быть, ломал установку. Может, там диверсант пролез? Хоть мысль была дурная, но я от нее никак не мог избавиться. Стало еще страшнее. Диверсанты, когда идут на дело, обычно бывают с пистолетами или хотя бы с финками. Это я хорошо знал, слава Богу, не первый год в кино хожу... Он меня живым оставлять не будет, если уж я разорался. Подберется в темноте и — чик! Одному-то мне с этим типом не справиться, уж больно крепко он бухал, здоровый, наверное...

И все же лучше при свете загнуться от бандитской пули или взорваться вместе с установкой, чтоб врагу не досталась, чем сидеть и подышать от страха — так я решил! По-тихому пролез к (выключателю и повернул его. Стало светлее. Загудела ЭВМ, но тархтения и вибрации установки слышно не было. Экран засветился, и на нем черным по белому было написано: «Установка отключена». Тут же, пока я еще не очень удивился, раздался звонок по внутреннему телефону.

— Как у вас там дела, Лопухин? Все в темноте сидите?

— Нет, Игорь Сергеевич, я свет включил. Только установка не работает.

— Правильно, что не работает. А машина?

— Машина работает, телевизор показывает.

Сергеич там, у себя, хихикнул и сказал:

— Это, товарищ Лопухин, не телевизор, а дисплей главным образом. Ну и что он показывает?

— «Установка выключена», — прочел я.

— Хорошо, значит, сработало... Скоро мы вас освободим. Я тут пожарников и охрану поднял. За этим мерзавцем Корзинкиным поехали, я ему устрою тринадцатую зарплату! Если в машине хоть что-нибудь полетело — весь ремонт за его счет! Да я его под суд отдам как вредителя!

Я подумал, что и мне достанется, но спрашивать, что мне будет, не стал.

— Как вас зовут, Лопухин? — спросил Игорь Сергеевич. Он этого не знал, оказывается!

— Вася...

— Вы, Вася, потерпите еще немного. Охранники ничего не знают о блокировке двери. Это какое-то очень древнее устройство, чуть ли не сороковых годов. Оно по идее должно быть отключено от сети, поэтому сработало неведомо как. Бронеплита солидная, так просто ее не сдвинешь. Но вы не переживайте, все будет хорошо... Кстати, вы бы не могли оказать мне одну услугу?

— Пожалуйста, — ответил я.

— Переключите дисплей на седьмой диапазон.

— Это там, где наклейка «Телекамера бокса», да?

— Да-да, именно там! Посмотрите-ка, во что превратился клочок бумаги, который там был...

— Сейчас, — сказал я, положил трубку на столик и переключил дисплей на седьмой диапазон...

— А-а-а! — заорал я от страха и неожиданности так, что Сергеич услышал через трубку, лежавшую в полуметре от меня.

— Что случилось? — обеспокоено пискнула трубка.

— Там... там... — лязгая зубами, провякал я, — там рука... живая!

ЧУДО

— Так, — строго сказал Игорь Сергеевич, — вы убеждены, что она живая?

— Па-пальцы... шевелятся, — заикаясь, как дефективный, и все еще стуча зубами, сообщил я.

— А кровеносные сосуды пульсируют? — пристал шеф.

— Не вижу, — сознался я, — темно... Только силуэт видно.

— Включите подсветку бокса, седьмой тумблер, крайний слева.

— Я уже знаю...

— Вы что, уже включали подсветку раньше?! Ну, что вы молчите?!

— Включал, — сказал я наконец, — за полчаса до того... Только я обратно выключил!

— Какое время при работе установки в боксе был свет? — спросил Сергеич, точно следователь у преступника.

— Несколько минут, — промямлил я, — я испугался... Там все цифры с этого вашего дисплея побежали, а еще машинка печатная застучала... И когда обратно свет выключил, тоже стала печатать и цифры сменились...

— Ладно, — перебил меня шеф, — включайте подсветку!

С осторожностью, словно бы до самой ядовитой гадюки, я дотронулся до тумблера. Изображение на экране стало намного четче и ярче.

Рука была самая обычная, пятипалая, здоровенная лапища, которой, если сожмешь в кулак, можно так чухнуть, что не обрадуешься.

— Ну, пульсируют вены? — нетерпеливо прогундосил шеф из трубки.

— Вены надутые такие... — сказал я и снова взглянул на экран. Рука на моих глазах сжалась в кулачище и метнулась прямо в объектив камеры. Тут же со стороны бокса долетел очередной глухой удар...

— Она стукнула по камере! — заверещал я с испугу. — Там, в боксе, что-то бухает!

— Камера цела?

На экране было что-то мутно-черно-белое.

— Резкости нет, — сказал я, — наверно, объектив сдвинулся.

— Ого, Вася, вы молодец! — подбодрил Игорь Сергеевич. — Оптику знаете!

Издевался, конечно, это дело и в первом классе знают.

— Возьмите, Вася, из ящичка с надписью «ДУК» коробочку с коротким кабелем... Взяли? Спасибо. Теперь найдите на панели разъем с надписью «ДУК»...

Я нашел. Разъем был недалеко от тумблера подсветки.

— Соедините разъем кабеля с разъемом на панели...

— Соединил.

— Откройте крышку коробочки!

Под крышкой оказался маленький пульт управления с кнопками, тумблерами и верньерами.

— Это пульт управления камерой. Для благозвучия он назван «ДУК» — «дистанционное управление камерой». Найдите тумблер «вкл. — выкл.», поставьте положение «вкл» и покрутите верньер «наводка на резкость»...

На сей раз я даже не ахнул, хоть и надо было. Камера показала человеческое лицо с полуоткрытым, часто дышащим ртом и испариной на высоком лбу. Хорошо были видны жидкие усики» торчащие в разные стороны, как у кота, а также патлатая, как у хипаря, голова.

— Там мужик, — прохрипел я, будто это мне не хватало воздуха, — он задыхается!

— Черт побери! — вскричал Игорь Сергеевич. — Проклятая блокировка!.. Ах, была не была! Вот что, Вася, вы сумеете разгерметизировать бокс?

— А как это?

— Очень просто. Там есть люк, на его крышке — штурвальчик. Повернете против часовой стрелки, чуть-чуть приоткроете — и сразу же назад, к телефону! Понятно?

Я пошел к боксу. Сквозь окошечко в крышке люка ничего не было видно, оно изнутри запотело. Штурвальчик я нашел и покрутил, как велел шеф. Что-то пшикнуло, и люк открылся. На меня пахнуло горячим спертым воздухом, влажным, как в бане. Я отскочил и побежал к телефону.

— Открыл! Он там шевелится, Игорь Сергеевич... А что, если он оттуда полезет?

— Не знаю! Главное, не подходите к нему слишком близко, вы можете быть опасны друг для друга. У вас есть носовой платок?

— Есть, только грязный...

— Сойдет. В шкафчике под пультом стоит бутылка со спиртом. Намочите платок и держите на всякий случай перед носом... Да, пожалуйста, предупредите своих родителей, что вы сегодня, завтра, а может быть, и дольше пробудете вне дома...

— Это почему? — завопил я. — Что я, так и буду тут сидеть? А жрать?

— Нет, через час-другой вас отсюда вывезут в другое место. Прибудут медики и заберут вас отсюда.

Я повесил трубку внутреннего и набрал на диске городского свой домашний телефон. Родители спали некрепко: не успели четыре длинных гудка пропикать, а мамулька уже взяла трубку.

— Мамулька, это я! Доброе утро!

— Господи, Вася, это ты?!

— Я, мамулька, — пришлось говорить как можно спокойнее, — ты только не волнуйся, у меня все хоккей...

— А что же ты звонишь? — завопила она. — Как услышала звонок, у меня чуть сердце в пятки не ушло! Сейчас четвертый час утра! Даже пятый!

— Да я, мать, хотел сказать, что задержусь здесь еще дня на три...

— Что-о-о? — взвыла мамулька. — Какое они имеют право?! Задерживать несовершеннолетнего на работе! Для кого КЗоТ написан?! Ну, я им покажу! Я в ваш местком пойду, в ВЦСПС!

— Мамуля, я уже полтора месяца совершеннолетний! — напомнил я. — Меня уже в армию призывают... Все будет нормально, честное пионерское!

Мамулька всхлипнула, трубку взял пахан.

Что ты там выдумал? — сурово спросил он. — Мать ничего не понимает... Как это тебя три дня не будет дома?

— Пап, ты позвони Игорю Сергеевичу, он тебе все объяснит...

— А, это ваш руководитель группы? Куда ему позвонить?

— Он сейчас здесь, только я не знаю, откуда он говорил. Позвони ему вечером домой...

— Нет, ты что-то скрываешь! — вновь выхватила трубку мамулька. — Ты отравился? Заболел? Натворил что-нибудь? Ты не в милиции?!

— Нет! Нет! Нет! — заорал я раздраженно и повесил трубку. Зазвенел внутренний. Я думал, что это опять Игорь Сергеевич, а это был сам завлаб, доктор, друг моего пахана, Андрей Михалыч.

— Василий Васильевич? — Это он меня по отчеству назвал, Ну, дела!

— Я, Андрей Михайлович, — ответил я даже слишком важно.

— Задали вы нам работы, коллега! Вентиляция у вас работает?

— Работает, кажется.

— Есть хочется?

— Пока не очень.

— Часок-другой поголодаете? Медики уже на подходе, слесаря работают... Видите ли, здесь раньше была лаборатория по работе с высокотоксичными веществами. Ее оборудовали герметической дверью с электромеханическим приводом. Помещение перестроили, а проводку от привода двери только отключили, но не сняли. Рядом со старой проводкой сделали новую, к насосам установки Игоря Сергеевича. Когда установка стала работать в критическом режиме, где-то пробило изоляцию, питание от моторов пошло на привод двери и вас, извините, прихлопнуло... То есть, я хотел сказать, захлопнуло. Понятно?

— Ага, — вздохнул я.

За всеми этими разговорами я как-то отвлекся от бокса. Когда я туда поглядел, то увидел, что крышка люка уже не приоткрыта, а распахнута настежь, и из бокса торчит наружу грязная и окорябанная, как у алкаша, рука в белом рукаве. В трубке пищали короткие гудки, завлаб повесил ее. Хоть бы знать, где они там заседают? Я набрал сначала номера наших комнат на третьем этаже. Но там никого не было. Рука между тем отчетливо пошевелилась. Кто-то неуклюже заворочался в боксе. Потом послышался мощнейший храп. Таким храпунам мы в пионерлагере кеды на нос обували... Храп пилил мне по нервам. Вот гад! Неизвестно как пролез в бокс и еще храпит, сволочь! Оттуда, со стороны бокса, отчетливо веяло перегаром. Это же надо так нажраться! Может, какой-нибудь киповец или механик после бутылки решил в установке отдохнуть? А я тут трясусь и ломаю голову, как человек в боксе очутился! Мне даже смешно стало. «Может, директору звякнуть? — подумал я. — Вдруг они там все собрались?» И угадал!

— Вас слушают, — услышал я старорежимно-вежливый голос.

— Это кто? — спросил я.

— С вашего позволения, директор данного научно-исследовательского учреждения, академик Петров... С кем имею честь беседовать?

— Это я... Вася... из подвала, — заикнулся я. Первый раз с живым академиком — может и язык присохнуть.

— Значит, это и есть тот самый Лопухин? Я так понимаю?

— Ага, — подтвердил я, косясь на люк бокса, где по-прежнему ворочалось и храпело. —

Товарищ академик, там храпит!

— Меня зовут Евгений Анатольевич, с вашего позволения... Так что у вас там храпит? Или, правильнее, кто у вас там храпит?

— Мужик храпит, пьяный...

— «Мужик» — это в смысле принадлежности к определенному полу или в смысле социального происхождения? Уточните, пожалуйста... И не волнуйтесь так!

— В смысле пола, — ответил я, — у него усы и длинные волосы!

— Странно, — сказал академик, — у моей жены есть оба этих признака, но я никогда не догадывался, что она — «мужик»... Ну да ладно! А из чего вы заключили, что он пьяный?

— По запаху...

— Вот это уже надежно... — согласился академик. — Ладно, уважаемый товарищ Вася из подвала, если некоторые наши соображения подтвердятся, я обещаю вам, что предложу именовать обнаруженный эффект вашим именем. Пока старайтесь не будить этого «мужика», как вы выражаетесь. А то еще...

— Он глаза открыл! — перебил я академика, глядя на экран. — Головой вертит! Приподнялся! Нет, опять улегся... Евгений Анатольевич, а откуда он взялся?

— Ну, в Бога вы, конечно, не верите? Так?

— Конечно, — хмыкнул я.

— А в чудеса?

— Тоже...

— А вот это зря. Только что вы стали свидетелем настоящего чуда...

— Уй! — вновь перебил я речугу академика. — Он ноги из люка высовывает... Он выле-за-а-а-ает!

Швырнув трубку на стол, я нырнул в промежуток между блоками ЭВМ и залег там как партизан.

ПРИШЕЛЕЦ

Несколько минут я слышал только гудение телевизора и глухое отдаленное дыхание. Потом послышался гулкий и громкий кашель. Несколько раз шлепнули по линолеуму пятки. Потом со стола долетел писк трубки, кто говорил — было не разобрать, но слова слышались отчетливо:

— Лопухин, отзовитесь, возьмите трубку!

— Кто пищит? — спросил невидимый мне пришелец. Значит — свой, не из космоса. Я его не видел, и он меня не видел, но если человек говорит «пищит» через два «ш», это свой. Свой-то он свой, а вот высовываться что-то не

хотелось. Свой, да еще с похмелья, это тоже не подарок. — Кто пишшит-то? — повторил незнакомец. — Отзовись!

Он зашлепал босиком к пульту. Трубка все еще взывала, «пишшала».

— Зело хитро, — сам себе под нос пробормотал пришелец. — Какова диковина! Костяная, поди, а говорит! Эй, карла, вылазь оттудова!

Он щелкнул по трубке ногтем. Трубка притихла.

— Не таись, ведаю, что тут ты... Вылазь пред светлы очи! Ну! Незнакомец, должно быть, привык, чтоб ему подчинялись, уж очень громко орал.

— Кто у телефона? — пискнула трубка.

— У какого Агафона? — удивился пришелец. — Нет тут Агафона! С государем говоришь, холоп! Вылазь, как сказано!

— С каким государем?

— Нешто не ведаешь?! Всея Руси великим государем Петром Алексеевичем!

«Точно! — сообразил я. — Рожка-то его в телевизоре мне какой-то знакомой показалась... Только он молодой больно... Тут свихнешься!»

— Ваше величество, — сказали в трубке, — не погубите, только извольте говорить в трубку, вас плохо слышно...

— Это меня-то плохо слышно?! Ну так я те уши-то батогами прочищу!

Он вот-вот мог шарахнуть по трубке кулаком и расколотить ее. Тогда бы я был отрезан от внешнего мира. Я рискнул и выскочил.

— А-а-а! — заорал человек, назвавшийся царем. — Вот ты где, охальник!

Я-то думал, что он и вправду здоровый, как шкаф. А он, представляете себе, обычный фитиль худосочный, только длинный, под два метра. Кулаки здоровые, но не накачанный парень. Таких я и раньше вырубал. К тому же на нем была рубаха до пят, как женская, с ней как с парашютом прыгать можно. Только он махнул, я его цап за руку — и за спину ее. Локотком надавил на сустав, не попрыгаешь! Завалил его на пол и подвернувшемся обрывком провода стал вязать руки. Ругался он классно, теперь так не умеют!

— Ноздри рвать, огнем жечь буду-у, на царя руку поднял, лиходей!

— Спокойно, Петя, не дрыгайся, — уговаривал я, — не выступай! Все понимаю, только когда пьешь, закусывать надо...

— Смерд вонючий! Милославскими подослан? Под корень вас! Кто таков?

— Лопухин моя фамилия, — отвечал я, — Василий Васильевич.

Он перестал вырываться и спросил заинтересованно:

— Родней, значит, мне доводишься, свояком? Дуська моя кем тебе приходится?

В истории я что-то был не силен. Кто такая Дуська? Но на всякий случай сказал:

— Троюродной племянницей четвероюродной сестры.

— Так ты еще и на свояка руку поднял?! — опять взъярился он и завертелся. Но я крепко сидел на нем верхом, а руки у него были хорошо завязаны. Подождав, пока он утихомирится и перестанет грызть линолеум, я спросил:

— Вот что, Петро, я, конечно, очень извиняюсь, но ты так придуриваешься или в самодеятельности научился? Неужели я такой дурак, что поверю, будто ты из семнадцатого века сюда попал?

В каком веке жил Петр I, я, честно скажу, тогда еще не знал. Помнил только, что Полтавская битва была в 1709 году. «Должно быть, это семнадцатый век?» — так подумалось.

— Века-века, — передразнил он ворчливо, — царь я истинно!

— Ну да! — ухмыльнулся я. — Бреши!

— Царь я! — рванулся он, но обмяк, понимая, что не выкрутится. — Два брата нас, Ванька да я. Царствуем мы... А Сонька правит. Ванька — дурак, хоть и старше, а Сонька — прелюбодейница, с Васькой Голицыным спуталась, Милославских повсюду тычет, меня с матушкой из Москвы в село согнала, убивцев вот подсылает...

Мне даже показалось, что он сейчас заревет — уже голос дрожал. Что-то я такое припомнил и про Ваньку, и про Соньку...

Мы ведь когда-то «Петра I» в школе проходили. И в седьмом классе вроде изучали, на истории.

— Режь! Режь, убивец! — взвыл Петр неистово. — Бысть тебе во геенне огненной, на царя руку поднимаешь!

— Да брось ты, на хрена мне тебя резать... — Мне даже неудобно стало. — Ты хоть вокруг себя поглядел? Неужели все это на Грановитую палату похоже, или что там у вас?

— Голова трещит, боярин, — пробормотал он, — всю ночь в бочке проспал, чуть не задохся...

— Да твоя ночь триста лет тому назад прошла! — буркнул я, начиная ему верить: уж больно испуганно он оглядывал все, что его окружало.

— Свят, свят, свят... — он бы и перекрестился, да руки были связаны. — Где это мы, Васька?

Похоже, он кое-что стал соображать.

— Я-то знаю, где, — сказал я, — а вот как ты себе это представляешь?

— Да развяжи ты меня, дьявол, простил уж... Не буду драться! Я рискнул и развязал. В семнадцатом веке даже цари были ничего, честные. Петька драться не стал, одержал слово.

— Ты уж скажи, боярин — дался ему этот боярин, прости Господи! — Куда ж меня занесло? — озираясь, спросил Петр. — Колдовство, поди? Сундуки стоймя стоят, жерди на потолке светятся... А и одежда на тебе не наша, не русская...

Тут он был совсем прав: рубашка на мне была югославская, пуловер чешский, джины «Вранглер» и кроссовки «Адидас».

— Ты в двадцатый век попал, понял?

— Чего? — спросил он. — Пошто в двадцатый, когда мне семнадцатый год еще не вышел?

— Водку пить он умеет! — проворчал я. — А башка варит плохо... Сто лет — век. Ты с какого года?

— Чего? — Петька явно балдел, как контуженый.

— В каком году родился? — переспросил я. Стыдно, но тогда Я и этого не знал.

— В сто восьмидесятое лето от сотворения мира...

— Врешь, — теперь уже я опешил. — Не может такого быть! И мир никто не творил...

— Не богохульствуй! — Он было замахнулся, но вовремя притормозил. — Ну, не в сто восьмидесятое, а в семь тыщ сто восьмидесятое... А ежели от Рождества Христова, так в одна тысяча Шестьсот семьдесят второе...

— Вот это похоже... Значит, сейчас тебе триста с хвостиком...

— Ложь сие! — обиделся Петр. — Не верю! Нешто я Мафусаил?

— Я бы тоже не поверил, — посочувствовал я, — однако так все и есть.

— Все враки! — упрямо набылчился Петр. — Не может такого быть... В вечер пошли мы с Фрянчишком на Кукуй, и Алексашка при нас был...

— Алексашка... — припомнил я. — Это Меншиков, что ли?

— Он... А ты откуда о сем ведаешь? Коли ты из другого века? — прицепился Петька. — Милославскими подослан?

— Ух, дались тебе эти Милославские! — плюнул я. — Расскажи лучше, как пили и чего...

— Чего пили? — Петя повеселел, видно, вспомнить было приятно. — Ренского кувшин, полштофа гданской, лакримы-кристи... той не упомяну, до нее Фрянчишко зело охоч, еще секу пили...

— Что? — удивился я. — Я таких и вин не знаю...

— Ну, сек, он шипит да пузырит, как отколупнешь...

— А-а-а, — понял я, — сект? Шампанское?!

— Во, как Фрянчишко говорил, чампань, истинно... А ренское, он сказывал, от реки, что позади Цесарской земли течет, рекомой Рен или Реин...

— Рейнское! — догадался я. Пить я его не пил, но что-то о нем слышал.

— А гданское — то простое зелено вино, токмо чище, без мутноты, яко бы водка, но хмельное...

— Водка! — обрадовался я, как старому знакомому.

— И водкой ее кличут, так, — кивнул Петр, — горька, а веселит! Опосля питий с иноземными девками данс плясали, токмо название мудренное, запомятовал... А что дале было, и вовсе вышибло... В Преображенское вроде воротились.

— «Потом не помню, дошел до точки...» — процитировал я Высоцкого.

— Истинно не помню! — Петька потрянул патлами. — А у вас тут каково с питием? Али уж Бог

сподобил, отвратил от греха сего?

— Ну да! — Я бы тоже мог Петьке рассказать, еще почище. — Есть кое-что у нас: «Русская», «Стрелецкая», «Петровская»... «Петровская», между прочим, в твою честь названа.

— А «Стрелецкая» — в честь стрельцов?! — злобно окрысился Петр. — Воры! Матушки моей родню, яко баранов, резали... Сонькиным наущениям предались, аспиды!

Тут я вспомнил картину «Утро стрелецкой казни» и поспешил успокоить Петьку, пока он опять не распалился:

— Да брось ты переживать! Все уж давно кончилось. Тебе уж памятник поставили в Ленинграде. «Медный всадник» называется...

— Стрельцы памятник ставили, столб на площади вкопали... Ироды! — рычал Петр, переживая какие-то совсем недавние для него события. — Давить, жечь нещадно Иудино семя, Каинов род!

— Успокойся, успокойся! Сделал ты этих стрельцов, под сухую сделал...

— Когда?

— Не помню, — я почесал лоб. — Головы им всем отрубил, а вместо них армию устроил, как в Европе.

— Не помню, — теперь Петр почесал лоб. — Мыслю об том, да силы не имею. Лефорт Фрянчишко об том же речет: надо-де на Руси завести все полки по иноземному строю да корабельное войско, сиречь флот, учредить... А как сие строится, об том токмо у иноземцев ведение есть, они хитрости знают...

Петр вздохнул. Только тут до моей глупой головы дошло, что Петька, то есть Петр I, вывалился из своей жизни на семнадцатом году и ничего еще из того, что мы про него знаем, не сделал... Из телефонной трубки долетали короткие гудки.

— Вот что, — сказал я, подходя к телефону, — мне тут поговорить надо...

— Так это не ты говорил? — удивился Петр. — Карла туг сидит, что ли? Я таких малых и не видал... В дырки-то эти и таракану не пролезть...

— Это, брат, техника!

— Чего?

Но я не ответил и набрал директорский телефон.

— С вами можно инфаркт схватить! — заметил Евгений Анатольевич. — Кто это дурачился? При чем тут царь? Медики уж мне какой-то синдром подсказывали, что вас поразил... Ну, как дела?

— Никто не дурачился, Евгений Анатольевич, из бокса Петр I вылез...

— Это серьезно? Не розыгрыш? — поперхнулся академик.

— Нет же! Настоящий царь Петр, только молодой, семнадцатилетний... Хотите трубку дам?

— Уф-ф... Ну и ну! — сказал академик, наверно, в сторону, кому-то из сидящих в его кабинете. — Он предлагает поговорить с Петром Первым по телефону...

— Принципиально ничего невероятного тут нет, — услышал я голос Игоря Сергеевича, — общая теория регенерации это допускает...

— Давайте вашего Петра, — сказал мне академик.

Я показал Петьке, как надо держать трубку, и сам подставил ухо, чтобы слышать, что ему академик скажет.

— Алло, — осторожно произнес Петров, — это... м-м-м ... Петр?

— Нешто не слышишь? — начал Петька, как в первый раз, но я показал ему кулак. — Я самый и есть, государь Петр Алексеевич, Великий и Малыя и Белья Руси...

— Понятно, дальше перечислять не стоит, — осторожно остановил его директор. — А скажите, Петр Алексеевич, как м-м-м... ваше самочувствие, здоровье?

— Голова побаливает, — хихикнул я, прикрыв рот, и теперь уже Петька погрозил мне кулаком.

— Благодарствую, здрав есмь, — ответил Петька на полном серьезе. — Каких будешь, человек добрый?

— Извините, Петр Алексеевич, это не суть важно. У меня к вам еще несколько вопросов, если можно. Скажите, вы не ощущаете ничего непривычного в окружающей вас обстановке?

— Светло больно... Жердины на потолке светят зело ярко. А дыму и огня не зрю... Не колдовство ли сие, прости Господи? Да и ты, господин, не чернокнижник ли? Пошто в трубку залез?

— Вы ошибаетесь, Петр Алексеевич, никакого колдовства здесь нет. Это просто такое устройство... Как это в ваше время говорили? Инвенция, кажется?

— Механизмус, что ль? Слыхал, вроде часов с пружиной... Понятно.

— Очень рад. Вот с помощью этого «механизмуса» мы с вами и разговариваем. Он называется «телефон»...

— А-а... А я-то думал, какого Агафона ты давеча кликал? — улыбнулся Петр.

— Вот что, господин, а правду ль тут Васька Лопухин речет, что-де меня нечистой силой аж на триста лет вперед унесло? Или брешет?

— Боюсь, что правду, — сказал академик, — хотя и сомневаюсь слегка. Вы, случайно, ВГИК не кончали?

— Бог миловал, — ответил Петька, и я чуть не лопнул со смеху.

Академик тоже немного покашлял, а потом сказал:

— Ну ладно, это мы еще проверим. Должен вам сказать, что через некоторое время мы выведем вас отсюда и поселим в одном уютном месте. Если вы по-настоящему прибыли к нам из семнадцатого века, из 1689 года, то должны понимать, что вам потребуется долго привыкать к новой обстановке. Вам многое покажется странным. Например, никто не должен слышать от вас грубостей, вам не следует никого бить, даже если сочтете, что к вам относятся непочтительно. Вы должны будете примириться с тем, что здесь нет ни бояр, ни стрельцов, ни стольников. Никто не будет падать ниц и кланяться. Вас будут называть по имени и отчеству — Петр Алексеевич и по фамилии — Романов. Рекомендую не искать

способа сбежать, это небезопасно... Вам все понятно?

— Разумею... — пробубнил Петр. Трубку он положил аккуратно, по-современному.

Спустя несколько минут броневая дверь со скрежетом отодвинулась, и старая надпись «Дверь заблокирована» погасла. В комнату вошли четыре человека, здоровенные бугаи в прорезиненных комбинезонах, резиновых сапогах, с защитными очками и масками. Пахло хлоркой и еще какой-то дезинфекцией.

— Свят, свят, свят! — Петр даже закрестился и полез было туда, где я сам раньше прятался — под пульт. — Пресвятая Богородица, мать Божия, спаси и помилуй мя, грешного!

— Просьба соблюдать спокойствие! — прогудел из-под маски один из бугаев. Это у него получилось как в кино, когда говорят кому-нибудь: «Соппротивление бесполезно! Вы окружены!» Я-то соблюдал спокойствие, понимал, что это медики так нарядились, против микробов, а каково Петьке было? В его время небось таких только в кошмарном сне можно было увидеть.

Вслед за первыми бугаями вошло еще столько же. Эти привезли с собой что-то вроде холодильников, горизонтально положенных на тележки. Я поскорее туда залез, когда они открыли крышку, и потому не видел, как Петьку запикивали. Его, наверно, вдвое складывать пришлось. В холодильнике было неплохо: прохладно, свежий воздух, удобная, чистенькая лежанка. Правда, к руке на всякий случай прилепили датчик с проводками, должно быть, чтобы знать, есть у меня пульс или уже нет. Потом холодильник куда-то покатали, наверно, к грузовому лифту, но этого я уже не помню, потому что после целых суток без сна меня разморило...

В ЛАПАХ МЕДИЦИНЫ

Проснулся я уже не в холодильнике, а в маленькой комнатке с голубыми стенами на стандартной больничной койке. Комната была оснащена лампами дневного света, но они не горели, поскольку уже стоял день и свет поступал через окно, за которым, виднелись зелень и кусочек голубого неба. Я встал и подошел к окну. Оно оказалось необычным, герметическим, с толстенными стеклами, и так крепко заделанным, что выдавить его мог разве что трактор. Дверь в комнату тоже была герметическая, вроде той, за которой я сидел прошлой ночью. С четырех углов на меня пялились телекамеры. Имелся санузел, почти такой же, как у нас дома, совмещенный, только без ширмы. Еще стоял стол, а над ним к стене была привинчена полка с книгами. На столе располагался небольшой пульт с кнопками и телевизорчик вроде «Юности», только без комнатной антенны. В пульт был вделан микрофон.

За окном прямо от стены начиналась трава, а за ней, после пятиметрового свободного пространства, густой стеной стояли елки, а над елками — небо и больше ничего. Посмотрев в окно, я снова улегся на кровать, но тут что-то щелкнуло, и сам собой включился телевизорчик. На экране возникли физиономии Игоря Сергеевича, завлаба Андрея Михайловича и еще какого-то незнакомого типа в белом халате.

— Доброе утро! — раздалось из динамика. Говорил Игорь Сергеевич.

— Как чувствуете себя? — спросил тип в белом халате. — Недомоганий не ощущаете?

— Не-а, — ответил я, — только есть очень хочется! А меня исследовать будут, да?

— Будут! — строго сказал белый халат. — И довольно долго. Мы опасаемся, что ваша самодеятельность на установке могла регенерировать не только Петра Первого, но и довольно опасные возбудители болезней. Поэтому мы вас поместили в карантин. Придется потерпеть.

— Понятно, — вздохнул я, — Игорь Сергеевич, а вы можете объяснить, как это все вышло?

— Сразу это трудно сделать, — улыбнулся шеф, — вы, Вася, наверно, недостаточно подготовлены... Но попробую в общих чертах. Изучая деформации любых объектов, происшедшие от каких угодно причин, и подвергая их анализу с помощью ЭВМ, можно в конце концов установить причину этих деформаций... Слишком сложно? Тогда совсем попросту: допустим, вы видите сломанную кирпичную стенку. Без всякой ЭВМ вы прикидываете, сколько нужно кирпичей, чтобы починить эту стенку.

Архитектору-реставратору подобный же анализ

отдельных обломков позволяет уже не просто отремонтировать стену, а восстановить ее почти такой, какой она была до разрушения. Он размышляет, сопоставляет всякие детали, продумывает варианты и находит решение. Эта работа долгая, но машина, при достаточном запасе сведений в памяти, может сделать ее очень быстро. Реставрация, ремонт, восстановление — условно говоря, регенерация предметов, созданных человеком, — дело довольно простое, грубое. Иное дело — регенерация самого человека и его органов... Мы легко можем восстановить дом, если у нас есть его чертежи или фотографии, но до сего времени не могли отрастить человеку ампутированный палец или даже одну фалангу. Улавливаете? А между тем ящерицы преспокойно отращивают себе точно такие же хвосты, как те, что мы им отрываем... У нее нет чертежей своего хвоста, но в генах у нее записана способность к его восстановлению...

Он еще что-то пробубнил, но тип в халате перебил его:

— Стоп! Ему надо поесть, соловья баснями не кормят. Через некоторое время дверь моей тюрьги с шипением, как в метро, ушла в сторону. За ней оказалась еще одна дверь, а между дверями — тамбур. В тамбуре стоял столик, на столике

— обед: суп-лапша, котлеты с картофельным пюре и компот.

— Когда поедите, сложите все на стол и выставьте в тамбур! — приказал тип по телевизору. Я так и сделал. Телевизор больше не включался. Я его попытался включить, но на экране на всех каналах была только голубая муть. Стало скучно, и пришлось лезть на полку за книгами. Библиотеку мне подобрали из одной классики, все эти книжки мы в школе проходили, и они мне еще там до чертиков надоели. Правда, сам я эти книжки не читал, но, судя по учебнику литературы и рассказам нашей литераторши Нины Владимировны, там была одна чушь и скукота. В учебнике, конечно, не писалось, что «Война и мир», например, — чушь, наоборот, там его расхваливали, но от этого-то и казалось, что весь роман — чушь и скучища. Кино, где Штирлиц Болконского играет, еще смотреть можно, особенно там, где воют. А так — лажа все это. Единственно, кого я из классиков переносил, так это Пушкина, только не те стихи, что по программе наизусть зубрили. «Гавриилиаду» или «Рефутацию Беранжера» без купюр я бы прочел... Из всего классического чтива, что имелось на полке, я выбрал «Петра I». Надо же было разобраться, с кем я сегодня познакомился... Однако долго почитать мне не дали. Явилась куча народу, одетого, как на борьбу с чумой, не поймешь даже, где мужик, а где тетка. Они меня живо разложили, набрали из меня всяких анализов, кому какой нужен был, замерили давление, кардиограмму сняли — издевались как могли, еле живой от них вырвался. «Да, — думал я, — если мне, человеку привычному, можно сказать, местному, тошно, то каково же Петьке, бывшему царскому величеству!»

Когда они разбежались, я снова взялся читать, но тут опять включился телевизор.

— Мы с вами не договорили, — сказал Игорь Сергеевич, едва появившись на экране. — Вам, наверно, интересно узнать, как все это произошло...

— Да, да! — ответил я, подсаживаясь к микрофону. Честно говоря, до меня еще не дошло то, что он рассусоливал перед обедом. Единственное, что я понял, между ящерицей с оторванным хвостом и человеком с отрезанным пальцем есть какая-то разница.

— Регенерировать можно все, и живое, и неживое, — сказал Игорь Сергеевич,

— для этого надо только найти какую-то отправную точку, какую-то часть регенерируемого объекта...

Дальше он посыпал сплошной наукой, не подбирая слова для дурачков, и поэтому выходило более связно. Кое-как напрягая свои извилины, я усек, что Игорь Сергеевич со своей машиной, в смысле ЭВМ, которая Ай-Би-Эм, дошли до того, что рассчитали способ улавливать какие-то микроскопические обрывки связей между кусочками, на которые когда-то было разодрано или само собой развалилось единое целое. Оказывается, и через сто, и даже через тыщу лет, используя эти обрывочки, можно склеить единое целое. И даже если есть только один кусочек, самый малюсенький, представляющий часть этого целого, то можно из него вырастить целое, вроде как из одного разрезанного червяка получить двух самостоятельных червяков. В природе так можно регенерировать только в немногих случаях. Червяк — животное очень простое, а у ящерицы, кроме хвоста, ничего не регенерируется. Но, оказывается, можно создать такие условия, в которых что угодно будет регенерироваться. На очень ограниченном пространстве, в боксе, который стоял у нас в подвале, можно было создать так называемое «регенерационное поле». Как оно делается, я, конечно, не понял, но уловил, что там вроде бы время течет назад, и все, что когда-то распалось, восстанавливается. Игорь Сергеевич сначала научился регенерировать всякие неорганические вещи: камни, железки и так далее. Потом он дошел до органических. В тот день, когда Петр I получился, в боксе был листок бумаги из личного архива Игоря Сергеевича. Этот личный архив у него в сундуке хранился, на антресолях. Туда все его предки еще с царских времен бумаги ссыпали. Кое-что, конечно, время от времени выкидывали, а самые памятные бумажонки оставляли. Этот клочок, хоть он и маленький, все время оставляли. Бабка у Игоря Сергеевича была, оказывается, из дворян, чуть ли не графиня. И ей, бабке, от ее отца достался этот клочок как реликвия. Что там на бумаге написано — даже он, отец бабкин, не знал, потому что почерк был ужасно неразборчивый. Но ему его отец, бабкин дед, объяснял, что почерк это аж самого Петра Великого, и что отпечатки пальцев тоже самого Петра. У Игоря Сергеевича один школьный друг окончил историко-архивный институт. Он этому другу показал бумажонку, и тот подтвердил: да, похоже на почерк Петра, и надо бы сдать в Архив Древних актов, только жаль, что текст так плохо сохранился. Вот тут Игорю Сергеевичу и пришло в голову регенерировать этот листок на пользу истории. Он засунул его в бокс, который по-научному назывался «универсальный регенератор», и стал экспериментировать. Почему-то регенерация не шла, точнее, шла, но не так, как надо. Игорь Сергеевич сказал, что Алик Корзинкин, принимая дежурство, какой-то вектор поля не в ту сторону направил. Вектор был до этого правильно установлен, а Корзинкин настройку сбил или какую-то не ту команду машине запустил — черт его знает! Короче, это самое поле, которое должно было наращивать листок по краям, стало работать перпендикулярно листку. От того, что вектор был не так направлен, все и получилось. Там, в боксе, стояла еще одна телекамера, кроме той, что передавала изображение прямо на дисплей. Вторая камера писала на видео все, что там, в боксе, происходило. Игорь Сергеевич даже показал мне кусочек записи. Сначала восстановилась только яркость самого текста, потом наступила очередь отпечатка большого пальца. Надо сказать, что установка, управляемая ЭВМ, была очень умная, она все подряд не регенерировала. Если бы она так делала, то сухие, застывшие на бумаге чернила стали бы мокрыми, растеклись, и пришлось бы там что-то переполюсовывать, то есть гнать все обратно. Поэтому машина была настроена так, чтобы регенератор вовремя останавливался, точнее, доведя один слой до

заданной кондиции, переходил на другой. Отпечаток пальца был в самом верхнем слое. Сама по себе регенерация выглядела поначалу не очень интересно, было похоже на то, как проявляется фотоотпечаток. Просто все закорючки на бумаге стали темнее, а бумага — белее. Еще бы пять и тридцать семь сотых секунды — это Игорь Сергеевич узнал из записей самой машины — и ЭВМ отключила бы регенератор. Но тут я задел дурацкий тумблер подсветки, и в течение сорока пяти и восьмидесяти двух сотых секунды она работала. Вообще-то подсветка была устроена так, чтобы не мешать работе регенератора. Там были какие-то защитные экраны вроде бы. Но, как оказалось, в одном из экранов имелась дырка диаметром в три сотых микрона. Свет через эту дырочку попал на микроскопическую, меньше песчинки, соринку — засохший кусочек кожи с большого пальца Петра I, прилепившийся к чернилам и оставшийся на бумаге. Игорь Сергеевич сказал, что и эта соринка была в полторы тысячи раз больше, чем та, которая находилась на листке к началу регенерации. И вот, облучение этой микросоринки через микроскопическую дырочку обычной стоваттной лампой ни с того ни с сего резко ускорило процесс регенерации. Ни Игорь Сергеевич, ни завлаб, ни даже сам академик, никто вообще в мире не знает, что именно там произошло. Но камера видика засняла все очень четко. Сперва среди путаных и извилистых линий чернильного отпечатка пальца появилось пятнышко. Оно с огромной скоростью превратилось в палец, потом в кисть руки, потом в руку. Дальше рамок экрана не хватило, и некоторое время было видно только руку. Потом стало темно — это был момент, когда я вырубил электричество. Когда опять появился свет, стала видна уже шевелящаяся рука, потом Петька заворочался и двинул рукой по камере... На экране возникла его патлатая голова. Это я уже видел.

Тут картинка сменилась, на экран вылез врач. — Хорошего понемножку! — сурово объявил он и отключил изображение.

Я опять стал читать «Петра I», но тут явилась сестра в противочумном снаряжении и со шприцем. То ли мне прививки делали, то ли просто витамины для укрепления организма вкололи, я не понял, потому что эта тетя из-под своего намордника ничего не говорила, а только действовала: один укол в руку, а другой туда, на чем сидят...

Потом был ужин, а вечером появился Игорь Сергеевич, который привез с собой моих родителей. Им не хотели давать пропуска, но Игорь Сергеевич через академика, нашего директора, кое-как упробил, разрешили... Мамулька плакала, будто я и вправду чем-то страшным заболел, а пахан хоть и шутил, но через каждые полминуты спрашивал, не болит ли у меня чего-нибудь. Но Игорь Сергеевич в конце концов их развеселил, и они ушли, кажется, успокоенные. Игорь Сергеевич их при мне предупредил, чтоб они насчет Петра I языками не чесали. Это, наверно, уже лишним было, потому что допустили их сюда тоже с какой-нибудь подписочкой. Как я потом понял, дело это было очень секретное, но в тот раз мне показалось, будто секретят все оттого, что никто до конца не уверен, настоящий это Петр или какой-нибудь пройдоха, который заранее в бокс залез. Видеозапись — еще не доказательство, ее и подделать можно. В телевизоре можно что угодно показать, даже человека-невидимку...

Потом меня еще раз осмотрела медицина, на сон грядущий. Перед сном на меня наклеили датчики, словно на космонавта, они щекотались и мешали спать, но я заснул быстро, потому что устал. От чего устал — не знаю, должно быть, от цепких лап медицины...

ТРИ МЕСЯЦА ВЗАПЕРТИ

Наш карантин продолжался три месяца. Вот была тоска — врагу не пожелаю! Сон — еда —

процедуры — еда — процедуры — еда — процедуры — сон. А в промежутках телевизионные переговоры с Игорем Сергеевичем и с Петром. Вы видели когда-нибудь лысого Петра I? А я видел, хоть и по телевизору. Петьку в целях гигиены отмыли, продезинфицировали и наголо обрили. Он стал похож не то на призывника, не то на парнишку из спецПТУ. Усы и те сбрили, хоть это были еще не усы, а так, пушок. Первый раз мы с ним беседовали недели через две после того, как угодили в карантин. До этого я, конечно, много раз просил Игоря Сергеевича рассказать, как там поживает государь всея Руси. Он говорил, что Петька находится в стрессовом состоянии и его выводят из него. Вывели его из этого состояния через неделю и, как сказали Игорь Сергеевич и завлаб, процесс адаптации у него идет очень быстро. Уже в начале второй недели он перестал бояться телевизора, научился включать и выключать свет, пользоваться унитазом, умывальником и читать журнал «Мурзилка». Правда, он периодически требовал водки и закатывал истерики, но к нему применили новейшую методику лечения от алкоголизма и так загипнотизировали, что он и сухое не мог пить. Попутно ему пытались объяснить, что с ним произошло и как он получился, но для этого он еще не созрел. Он одно понимал: все дело в нечистой силе. Кроме того, был еще один момент: Петька верил в Бога. Если Тимоха носил крестик ради понта, то Петька верил действительно. Из вещей с ним регенерировались только рубаха и нательный крест. Рубаху у Петьки забрали на исследование — проверяли, в каком веке она сделана, — а крест продезинфицировали и вернули. Выдали ему также и икону, кажется, Пресвятую Богородицу, и он на нее каждый вечер молился. Потом он затребовал священника, так как решил исповедаться. Медики, наука, а также компетентные

органы три дня заседали, но в конце концов связались с Московской Патриархией, взяли с них подписку о неразглашении и после этого допустили к Петьке самого настоящего попа, не то протоиерея, не то даже архиерея. Они беседовали с Петькой по телевизору, но о чем — неизвестно. Священнослужитель сказал, что тайну исповеди он даже без всякой подписки разглашать не имеет права. После исповеди Петька совсем успокоился и стал смотреть телевизор, поставленный ему в палату вдобавок к тому, через который шла видеосвязь. Это был самый обычный цветной «Рубин», показывающий обычные четыре программы. Петька так прилип к этому ящику, что молился все реже и реже. Он смотрел все, что крутили по телевизору в те времена: «Новости», «Время», «Спокойной ночи, малыши», «Сельский час», «Служу Советскому Союзу», футбол, «Шахматную школу», фильмы, спектакли и концерты. Другой бы на его месте свихнулся, но на Петьку это увлечение произвело самое благоприятное воздействие. Очень скоро он стал требовать, чтобы ему объясняли все, что он видит на экране. Дело в том, что образование у него было самое что ни на есть ерундовское. У Петра, оказывается, был учитель Никита Моисеевич Зотов, жуткая пьянь. Читать и писать он научил Петра плохо, а вот в том, что Петя к семнадцати годам уже вполне сложился как выпивоха, заслуга Зотова была немалая. Недаром он потом стал «князь-папой Всешутейшего и Всепьянейшего собора».

Я тоже кое-что наверстывал в образовании. «Петра I» я прочел от корки до корки. Однако Алексей Толстой не дотянул роман даже до Полтавской битвы, поэтому, чтобы узнать, что там было дальше, мне пришлось прочесть книгу Н.И.Павленко из серии ЖЗЛ. Ее я выпросил у Игоря Сергеевича. Когда я прочел, мне стало как-то не по себе, потому что уж очень был не похож Петр I, он же Великий, на этого тощего, долговязого и лысого Петьку, любующегося с телячьим восторгом на приключения поросенка Хрюши, от которых по идее дети засыпать должны. А он, хоть и регенерированный, был именно тот. Тот самый, который построил русский флот, соорудил Петербург, ныне Ленинград, выиграл Полтавскую битву и прочая, прочая, прочая... И тот, который, между прочим, в 1725 году скончался в страшных муках, не успев оставить завещания. Его жизнь была уже прожита, вся целиком, до пятидесяти трех лет. И тут вдруг, триста лет спустя, она начинается снова. Понимаете?! Человеку предоставляется возможность начать жизнь сначала!!! Ну, не совсем сначала, но почти. Ему ведь сейчас семнадцать лет, столько же, сколько мне было год назад, когда, по словам нашего директора школы, мы «только-только вступали в большую жизнь». Эти слова «начать

жизнь сначала» здорово затерлись. Спрашивают какую-нибудь знаменитость: «Хотели бы вы начать жизнь сначала?» Тот, конечно, отвечает: «Еще бы!» — «А если бы вам предоставилась такая возможность, вы пошли бы той же дорогой или выбрали другую?» Тут знаменитость подбоченится и гордо скажет репортеру: «Нет, другой дороги я бы не выбрал!» Конечно, что он, дурак, что ли? Пошел бы другой, так, может быть, и знаменитостью не стал бы. А вот когда репортеры спрашивают о том же жуликов, которые попались, те, как правило, плачутся; «Вот если б начать жизнь сначала, я б таких глупостей не делал...» Тут непонятно, то ли он не стал бы воровать, то ли стал бы, но так, чтобы не попадаться. Но суть-то все равно одна: не нравится ему прожитая жизнь, раз уж он сидит. В общем, все как у Островского: «Жизнь дается человеку один раз и...» Дальше я уже забыл.

Но с Петькой дело совсем не так. Он себе вторую жизнь не просил, а она на него — шлеп! — и свалилась. Первую жизнь он лихо прожил, громко, при «стук топора и громе пушек», а тут — р-раз! — и все по новой. И ведь уже сейчас ясно, что прожить свою вторую жизнь так же хорошо, как первую, он не сможет. Царем он уж никак не станет, куда ему против Советской власти! А жить-то надо. Не будет же он в Петродворце музейным экспонатом работать, стыдно как-то... А куда ему еще идти, с его незаконченным начальным?.. Спросил я об этом у Игоря Сергеевича, остороженько так поинтересовался.

— Видите ли, Вася, — почесал в затылке Игорь Сергеевич, — вы задаете вопрос, который уже сейчас, в обстановке весьма большой секретности, решают очень серьезные люди. И Президиум Академии наук, и более высокие инстанции. Вы даже не представляете себе, сколько тут проблем. Есть юридический аспект, например: считать ли Романова П.А. гражданином СССР? Если да, то какую дату рождения ему указывать в паспорте? Ему сейчас фактически семнадцать лет, так? Но мы же знаем, что он родился в 1672 году! Ну хорошо, примем его фактический возраст за юридический; тогда на следующий год он будет подлежать призыву в армию, получит права избирателя, достигнет брачного возраста. Но в настоящее время он не готов к самостоятельной жизни. Есть политический аспект, немаловажный, я думаю: он ведь представитель дома Романовых... Мало ли что кому вздумается за рубежом! Есть медицинский аспект. Медики считают, что для него пребывание в атмосфере, насыщенной разного рода выхлопами и выбросами до того уровня, который мы уже не замечаем, может оказаться смертельным... Так что проблем хватает. Я там бываю, на заседаниях, подробно ничего говорить не имею права, но скажу только, что есть мнение его изолировать и подвергнуть всесторонним исследованиям. Есть другое: попытаться его адаптировать к современным условиям. Там, в комиссии, народу хватает: физики, химики, историки, философы, юристы, партийные работники... Но первым документом, который эта комиссия рассмотрела, было заявление гражданина Корзинкина Альберта Семеновича, который обвиняет меня в погоне за сенсацией, в фальсификации научных данных и т. д. и т. п. Якобы я при помощи комбинированной съемки изготовил липу, а на исполнение роли Петра нанял какого-то жулика с актерским дарованием...

— Но это же вранье! — заорал я. — Ну и сука же этот Алик! И вы доказали, что он врет? Да?!

— Пока нет, — вздохнул Игорь Сергеевич, — напротив, появилось доказательство против меня. Оказалось, что рубаха Петра Алексеевича совсем свежая, ее соткали всего месяц назад. Правда, фактура ткани старинная, но нитки свежие. Есть заключение экспертов МВД... Вот так. Я объяснял, конечно, что рубаха регенерировалась такой, какой она была в тот момент, когда Петр оставил отпечаток пальца... Не знаю, поверили или нет... Историки, специалисты по этому периоду, так и рвутся на встречу с Петром, хотят разоблачить... Но самая главная беда не в этом. От этого вашего случая, Вася, общая теория регенерации, над которой я тринадцать лет работаю, рассыпалась в прах! Вот так.

— Как это? — выпучился я. — Ведь Петька регенерировался!

— Теория должна подтверждаться практикой. Проанализировав работу установки, мы

обнаружили, что, согласно моей теории, энергии на такую регенерацию в такой короткий промежуток времени не хватило бы. По теории в течение затраченного времени даже кончик пальца Петра не мог бы восстановиться полностью! Мы поставили восемь контрольных опытов в совершенно аналогичных условиях. Восемь! Подсветку включали, все параметры выдерживали тютелька в тютельку, вектор ориентировали с точностью фантастической — и ни-че-го!

Он улыбнулся такой жалкой и несчастной улыбочкой, что и мне грустно стало.

Спустя минут двадцать после этого разговора мне впервые показали по телевизору Петьку. Сперва появился на экране наш доктор, объяснил, что для Петра необходимо общение со сверстником, и сказал, что мы тридцать минут можем беседовать о чем угодно.

Вот тут-то я и увидел первый раз стриженного Петьку, одетого в самую обычную больничную пижаму, рубаху и кальсоны, точно такие же, как у меня. Он так приветливо улыбнулся, что я не удержался и ответил тем же.

— Здрав буди, боярин! — весело гаркнул он в микрофон. — Каково тебе тут обретается?

— Привет, — сказал я, не обратив даже внимания на то, что он опять меня обозвал боярином. — А тебе как тут, государь-батюшка?

— Добро, добро, — бодро сказал Петр, — зело добро! Сколь чудес видал — перстов не токмо на руках, а паки и на ногах не хватит! Веришь ли, Васька, какову диковину мне принесли?! Хошь, покажу!

Он на секунду убрался с экрана, а затем вернулся, с торжеством показывая мне управляемую по проводам модель автомобиля.

— Во, гляди, каков самоход! — Петька поставил автомобильчик на стол, нажал кнопку, и машинка поехала. — Перстами сей возок не трогаю, вот те крест! Сам бежит! Сказывают, и большие таковы есть, верно ли?

— Есть, — ответил я солидно, удерживаясь от ухмылки, — есть такие, что и в палату не влезут...

— И без лошадей ездят?! — ахнул Петька. — Не те ли, что сундук показывает? Там и люди в них садятся... Всяку всячину, кладь на них ставят...

— Ты ж видел, чего спрашиваешь?

— Так то в сундуке, за доской стеклянной, не наяву... Мне-то вон в книгах и чертей, и морских зверей китов, и кого только не показывали...

— Ты меня видишь так же, как и их, неужели думаешь, что я нарисованный?

— Не, — сказал Петька, — тебя-то я въяве видывал, а самоходов — нет! Ну да и Бог с ними, живы будем, так глянем, Бог даст! Я вот чего еще спрошу. Тут намерни в сундуке баба появилась простоволосая, а с ней игрушки говорящие! Поросянок да пес мохнатый. «Здравствуйте, — говорят, — ребята!» Я им говорю: «Здорово и вам, добры люди!» А невежи оные и не кивнули! Царю-то и трижды поклониться не бесчестье! Грубый народ у вас ныне... Говорят, будто горохом сыплют; тыр-тыр-тыр! Но сундук изрядно разумен, и попа с таким не надо, прости меня, Господи, грешного! Тут и страны заморские, и баб простоволосых кажут, и самоходы, и какова погода на завтраво ожидается... Зело разумный был мужик, сундук сей изобретший! Я, когда б не тут сидел, воеводой его бы поставил... Эх!

— А Сонька бы его на костер вместе с телевизором! — заметил я. — Ты еще ее должен был

свалить...

— Верно... — неожиданно быстро согласился Петр. — А истинно ль, что я уже и жил некогда, и помер якобы? Али врут?

— Жил, — подтвердил я, — про тебя уж и книжек написано — во! Хочешь — прочитаю?

— И сам грамоте учен! — обиделся Петька. — Вели, чтоб книгу сию мне принесли, сам честь ее буду...

Книгу Петьке принесли, сначала учебник истории для четвертого класса, и, конечно, в нем он ровно ничего не понял, кроме одного: что действительно успел и родиться, и умереть. Тогда он все-таки согласился на чтение книги по телевизору. Ему показали видеозапись, на которой книгу читал артист, игравший Петра в театре. Артисту, само собой, не сказали, для кого он записывает свое чтение... Петька слушал как замороженный, но периодически орал, что все было совсем не так. Особенно он возмущался рассказами про Алексашку и Лефорта, так как Толстой многое придумал из головы, потому что не мог знать, как все было на самом деле. Но про истребление Нарышкиных Толстой, видно, написал очень достоверно. Петька озверел, впал в ярость и чуть не разбил телевизор. Хорошо, что какие-то предусмотрительные товарищи оборудовали аппарат бронестеклом и намертво пришпандорили к тумбе.

В середине второго месяца Петька уже здорово цивилизовался и стал ярым болельщиком «Спартака». Правда, рисовать на стене букву С в ромбике он не пытался, наверно, потому, что красной краски под рукой не было, но орал: «Го-ол!» — даже громче, чем Озеров. Кроме того, то и дело Петька начинал рассуждать о вещах, которых, по мнению науки, понимать еще не должен был. Однажды он полчаса возмущался деятельностью какого-то хапуги, которого показывали в «Человеке и законе», и требовал, чтоб тому отрубили голову и воткнули на рожон. Из литературы я уже знал, что Петр I со своими жуликами и другими нехорошими людьми именно так и обходился. Правда, кое-кому и зазря попадало. Например, надо было рубить голову Мазепе, а отрубили Кочубею и Искре. В другой раз, увидев в телевизоре какое-то очередное злодеяние империалистов, Петька так на них разъярился, что расколотил об телевизор несколько тарелок. Наконец, посмотрев несколько фильмов на историко-революционные темы, он сказал на очередном сеансе связи:

— Так чего ж теперь, выходит, извели царей? И Нарышкиных, и Милославских? А власть — Советам... Тот рыжий, с бородой, кой по иконам палить велел, детей малых, аки Ирод, не щадя, ужели царь был? Пошто он православных изгубил, греха не поберегся, кат паршивый! Хлеба людишки просили слезно, с молитвой... А поп Гапон тот — Иуде родня был! Окаянный, заманил народишко, а сам улег. Я б такого колесовать повелел!

— Его эсеры повесили, — вспомнил я. Про это нам учитель в девятом классе рассказывал.

— Мало! — рявкнул Петр. — Такогого изверга и сжечь мало! Из-за него царей извели... Ну да прошлое сие... Тут показывался мне некий человек, рассказывал, какво все дело вышло, будто и город моим именем наречен был? Да и ныне будто стоит, да под иным именем?

— Был город наречен, — сказал я, вспомнив походя кусочек из Пушкина, — «назло надменному соседу». И переименовали его, это точно. Теперь он Ленинградом называется... А Петрозаводск остался, Петродворец, Петровско-Разумовское, Петрокрепость, Петропавловск...

— А тот, что по-иноземному назывался, Питербурх, стало быть, того... Там, где я на коне скачу... Ну да ладно, раз сказывали, что я и помер там, так чего уж...

Только тут до меня дошло, что Петр может запросто прийти к своему памятнику, а

добравшись до Петропавловки, может и на свою могилу взглянуть... Как же все запуталось!

Петька покашлял и как-то виновато спросил:

— Слышь, Васька, а мне-то чего будет?

— Чего будет? — удивился я.

— Экой ты несмышленный, — покачал головой Петр, — мужик-то сказал, что-де при строении града по указу моему от мора да с голоду боле ста тыщ народу померло! Тот, с бородой рыжей, Николай, что народишка у палат своих огненным боем, сказывают, несколько сот толико побил, так его из пищалей кончили... И жену, и детей малых... А я ведь лютее его был, так мне-то что будет от Совета вашего? А? Ты уж скажи, ежели знаешь, на мне ль грех сей аль нет?!

— Нет, — произнес я неуверенно, — не на тебе. Тот ведь, кто морил, уже давно помер.

— Да я-то живу, — вздохнул Петр, — может. Господь такову судьбину мне уготовил за грехи мои, а? Поп-то ваш после исповеданья мне говорил, будто в воле Божьей было мне другую жизнь даровать, дабы мог я свои грехи и отеческие замолить, да и грехи потомков тож... В монастырь звал...

— Тебе виднее, — сказал я, — сам думай... Скучно там, по-моему.

— Зато во ангельский чин... — пробубнил Петька, однако я уже понял, что в монастырских делах он смыслит больше меня, а потому туда не очень рвется.

Дело с монастырем было сложное. Тот священнослужитель, который навещал Петьку и исповедовал его, добился права участвовать в работе «Петровской комиссии» и от имени церкви предложил поместить Петра в монастырь, поскольку из всех современных учреждений для Петра оно наиболее понятное и близкое. В Троице-Сергиевой лавре он и раньше бывал, а значит, трудностей с адаптацией будет меньше. Ученый мир разделился во мнениях. Одни считали, что это рациональное предложение, другие говорили, что этого делать нельзя.

Неизвестно, сколько бы все это тянулось, если бы в один прекрасный день Петька не объявил, что желает вступить в комсомол. Это он по учебной программе насмотрелся. Тогда был такой цикл передач: «Для вступающих в ВЛКСМ». На очередной телесвязи он взял да и выдал.

— Мыслил я тут давеча, как мне дале жить, коли я уж в сем двадцатом веке обретаюсь. От размышления сего голова кругом идет, однако уразумел, что задумано вами некое дело великое, на кое все силы и помыслы государства нашего положены. Понеже ныне я в сем веке обретаюсь, а не в том, в коем мне от Бога быть надлежало, то долженствует и мне к строению сему причастность иметь... Ежели истинно, что я в первое житие свое немало пользы Отечеству нашему принес, так мыслю, что и в другое житие должно мне потщиться, дабы польза от меня была некая... Сундук сказывал, что-де в Сибири строение великое идет. Видение в сундуке было, как людишки некими махинами горы земли срывают, палаты размеров невиданных воздвигают, дорогу из железа и бревен стелют, БАМом рекомую... А я, аки заморская диковина, сижу тут да кашу жру, ничего не деляя? В книге-то про меня писано, что я, первое житие живучи, и плотничал, и кузнечил, и корабли своеручно строил, и копал, и сваи бил... А ныне я токмо тунеядец, сиречь лодырь, бездельный и праздный тож! — Петька хватил кулаком по столу. — Не желаю того боле!

Он перевел дух, а потом грозно, как некогда свою волю царскую объявлял, изрек:

— Желаю я в комсомол вступить. Ибо сундук сказывал, что тех, кои в комсомоле состоят, к

тому строению посылают, дабы оные все силы и умения свои на сем поприще измеряли к пользе государства нашего... Чего смотришь-то, оробел?!

— Да я... — Видно, у меня на роже было такое удивление, что его даже по телевизору было заметно. — Ты же царь, хоть и бывший, а потом... ты в Бога веришь.

— Эко дело! — воскликнул Петька. — Отпишу Совету вашему, что боле в царском чине себя не чту, а от Бога...

Он помялся, наверно, сказать ему это было трудно, но он сказал:

— Отрекись навовсе! Коли надо учиться — так буду, дело наживное. Слышь, Василий, сколь годов ты учился-то?

— Десять, — ответил я, — а скоро, говорят, опять одиннадцать будут учиться.

— Изрядно, — Петька почесал лоб, — до тридцати мне, стало быть, маяться! Нудно будет... Да ништо, осилить можно! Я, Васька, уж грамоту написал, чтоб приняли... Слыхивал я от сундука же, что допрежь записи должно у сей грамоты послухов двоих руки приложить?

— Рекомендации, что ли? — догадался я

— Так, истинно, — обрадовался Петька, — да те послухи должны в комсомольском чине не менее чем... Запомятовал, сколь годов состоять надо... Да и где послухов-то взять, а?

— Не примут, — сказал я уверенно, — тебе еще подучиться надо.

— Как не примут?! — вскричал Петька. — Примут, коли повелю!

— Вот видишь, в тебе еще царский дух играет... Тебе сперва в октябрята надо, потом в пионеры, а потом уж и в комсомол...

— С детьми малыми меня равняешь?! — обиделся Петька, который, как видно, и передачу «Отзовитесь, горнисты!» смотрел, потому что знал и пионеров, и октябрят.

— Да они знают в десять раз больше тебя! Они сами телевизоры собирают, а ты их только смотреть умеешь!

Петька стал ругаться, и я от него отключился. Но тут же включился Игорь Сергеевич и очень вежливо меня облаял.

— Вы же его под корень рубите, Вася! Он же сейчас замкнется, потеряет интерес к жизни! Не-ет, плохо мы вас воспитали, плохо! Бездушные, самодовольные какие-то растете... Он же не кукла, а человек! Представляете себе, что он должен был прочувствовать, чтобы от психологии феодализма, от всей мистики и мракобесия шагнуть так далеко?

— Да он просто телевизора насмотрелся, — хмыкнул я, — а потом он боится, что его в монастырь сдадут... Чего он в комсомоле потерял? Все равно первым секретарем не выберут...

Игорь Сергеевич даже поперхнулся, а потом по-настоящему закашлялся.

— А вы-то, Вася, комсомолец?

— Ну, — сказал я утвердительно. Когда-то наша классная все воспитательные беседы начинала с этого, и так надоела, что ужас... Игорь Сергеевич мне казался умнее. Неужто я ошибался?

— Вы-то, Вася, что там потеряли? — спросил Игорь Сергеевич. Вопрос прозвучал как-то обыкновенно, но было ясно — в нем подковырка.

— Вам как сказать: как положено или попросту? — спросил я в свой черед.

— Да уж будьте добры, попроще...

— В восьмом классе всех, кому четырнадцать исполнилось, приняли. Дали «Устав ВЛКСМ», «Задачи союзов молодежи», велели учить. Потом — заявление, собрание, комитет, райком. Вот и все...

— Словом, «все вступали, и я вступил», так?

— Считайте, что так.

— Вася, а если бы все в гитлерюгенд вступали, вы бы пошли?

— В фашисты, что ли?

— Именно...

— Что я, дурак? За это и посадить могут...

— Ну а, допустим, что вы бы в таком месте жили, где за это не сажают?

— В Америке, что ли? — спросил я.

— Не важно. Вот, допустим, вы бы знали о фашистах все, что знаете сейчас. Про Бухенвальд, про Чили, про все остальное... А весь ваш класс, как один человек, пошел бы в гитлерюгенд или какую-нибудь другую пакостную организацию...

— А если бы не вступил, чего бы мне за это было? — спросил я не без ехидства.

— Ну, я не беру крайний случай, если, допустим, вас бы за это стали травить, убивать и так далее... Допустим, ничего страшного не произошло бы. Просто все бы стали ходить на собрания, какие-то мероприятия, а вы остались бы в одиночестве...

Игорь Сергеевич явно хитрил. Здесь нельзя было абы что ляпнуть. Если бы классная задала такой вопрос, то я бы наверняка, чтоб ее позлить, сбрежал что-нибудь понахалке. Например, сказал бы, что вступил бы в этот самый югенд. Только она бы такой вопрос не задала, испугалась бы. Этот вопрос и задан был откровенно, и вызывал на откровенность. Надо было думать. Так я и сказал:

— Я подумаю, Игорь Сергеевич.

— Думайте, Вася. Это само по себе хорошо. Только почему вы об этом раньше не думали?

Действительно, чего я раньше не думал? Я стал было размышлять, но тут сеанс кончился. Вместо Игоря Сергеевича на экране появился доктор, который объявил мне, что завтра мой карантин заканчивается и я могу, после некоторых формальностей, отправляться домой.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДОМАШНЕЙ ОБСТАНОВКЕ

За мной из нашего института приехал на автомобиле Игорь Сергеевич. Он привез с собой

мамульку и пахана, довольных как слоны, что меня наконец выпустили. Они сидели по бокам от меня на заднем сиденье, как агенты секретной службы, отловившие важного шпиона. Игорь Сергеевич сидел рядом с шофером и всю дорогу молчал. Родители мои только и знали, что спрашивали обо всяких глупостях, будто я еще был совсем маленький и возвращался с детсадовской дачи или из пионерского лагеря. Они рассказывали мне о каких-то наших семейных делах, о том, что кто-то из наших знакомых отдыхал в Гаграх, а кто-то в Ялте. Сами мы в такие края никогда не ездили — денег не было. Да и слушать это было неинтересно, тем более что я все лето просидел взаперти и выбрался на волю только к середине августа. Возле самого дома я спросил Игоря Сергеевича:

— А когда выходить на работу?

— С понедельника, — сказал Игорь Сергеевич. — Между прочим, можете написать заявление на отпуск. Вам бы неплохо отдохнуть...

— Да уж, — заметил пахан, — отдохнуть ему надо бы. А то придется сразу из карантина — в карантин...

— Как это? — удивился я.

— Да уж так, — вздохнул отец, — тебе еще в июне повестка была. Отсрочку тебе дали до осени, а уж осень-то не за горами.

Мамулька всхлипнула, а машина остановилась. Мы приехали домой.

Дома все было как и раньше, санузел за ширмочкой, пыль на окнах, полное ведро мусора, засыпанные бумагами мамулькин и паханов столы, две пишущие машинки с вставленными листами, паханово «профессорское» кресло.

Я забрался в свою клетуху, врубил свой допотопный маг и лег на диван ловить кайф. Сквозь музыку долетело бряканье посуды на кухне, оттуда уже тянуло чем-то вкусным, должно быть, мамулька делала пирожки. Они с паханом там болтали так весело, так были довольны, что мне даже стало не по себе. Чему они радуются? Что я, из космоса вернулся? Чудики!

Скосил глаза на стол, стоявший напротив кровати. За ним я еще в прошлом году уроки делал. В последнее время там, кроме кассет и пластинок, ничего не валялось. Однако сейчас я увидел несколько предметов, которые меня удивили. Я слез с дивана и подошел к столу. Предметы вроде были самые обычные, давно знакомые, но почему-то, поглядев на них, я подумал: что-то тут не то. На столе лежала моя тетрадка, в которой я выводил палочки в первом классе, тут же была и подушечка для иголок — ее я когда-то сшил сам на труде и подарил мамулке на 8 Марта. Еще лежало письмо, которое я написал из пионерского лагеря, наверно, самое первое письмо в моей жизни. Потом мне попался на глаза пластмассовый солдатик, неизвестно как уцелевший из нескольких десятков, переломанных мной, папка с гербарием, который я собирал в шестом классе. Я думал, это все давно повыкидывали, а они, все эти предметы, откуда-то повылезали... На старом рисунке из четвертого класса, намалеванном акварелью, я увидел странные пятнышки, вроде бы кто-то капнул водой на смешную и дурацкую рожу с кривым длинным носом. В этой роже даже сам Толстой не узнал бы своего Буратино. Раньше, я помнил, этих пятен не было... И, уж не знаю как, до меня дошло, что это мамулька наплакала... Она, должно быть, вытащила все эти древности, глядела на них, вспоминала и ревела... Неужели все было так опасно? Черт его знает, может быть, и да... Мог ведь вместе с Петькой какой-нибудь микроб регенерироваться?! Мог. Мог я чумой, холерой или другой заразой заболеть? Мог. Значит, и помереть мог, запросто... Тут я даже вздрогнул, потому что в первый раз подумал, что такое может быть. Нет, я и раньше знал, что когда-нибудь это будет. Когда-нибудь, лет через семьдесят. Или даже больше... И тут я представил эту комнату без себя. Не через семьдесят лет, а сейчас. Все есть, а меня нет. Наверно, что-то похожее, только посильнее, чувствовала

и мамулька, когда заходила сюда, когда меня не было. Она ведь не знала, вернусь я сюда или же эти вещи останутся единственным, что сохранится от меня на этом свете.

Бр-р-р! Даже мороз пробрал от этих мыслей! Я поежился, крутнул ручку мага, он стал орать громче, но кайфа не было. Мне стало жалко себя, жалко мамульку, жалко пахана и всех-всех-всех, кто живет на земле... Но тут я вспомнил о Петьке, и мою тоску как рукой сняло! Черт побери, да ведь регенератор-то — это ж бессмертие! Ведь он может возродить человека и через век, и через три века, и не один раз, и не два... Живи себе одну жизнь, потом вторую, третью и так далее. Родишься, проживешь первую жизнь плохо, ничего, в другой поправишь! Прямо как у Высоцкого. «Пускай живешь ты дворником, родишься вновь — прорабом...» Лишь бы только найти, почему у Игоря Сергеевича ничего не получается... Хм! А ведь можно регенерировать и человека, который еще не умер! Скажем, живешь ты, состарился, и охота тебе посмотреть на самого себя, молодого. Берешь свою тетрадку из десятого класса, кладешь в регенератор — чик! И можно поговорить с самим собой, семнадцатилетним... Смех!

Я успокоился и стал думать над тем, о чем мы вчера беседовали с Сергеичем. Загадку вообще-то он загадал из серии «если бы да кабы, да во рту росли грибы». Неужели он не знает, что вокруг делается и зачем мы в комсомол вступаем, а не в гитлерюгенд? Знает, конечно, не дурак. Ведь у нас любой сопляк знает — без комсомола нельзя. Даже в хорошее ПТУ не возьмут, не то что в институт. А гитлерюгенда у нас нет. Чего себе голову забивать? Конечно, насчет всех этих «порывов» и прочего, на которые Петька-дурак купился, я уже много знал. Тимоха и Алик примерно одно говорили. «На стройки едут бабки делать — этот раз. Карьеру — это два. Первое сделать легче, если горбатиться, а второе — труднее, там надо уметь лизнуть и без мыла прослизнуть...» Это я и от других слышал. Вообще, за четыре года я комсомольцев, таких, как в книжках и фильмах, честно говоря, не видал. Даже самые примерные, на собраниях — одни, а на улице — другие. Вот Тимоха, скажем. Он у себя в технаре в пиджачке ходит, с галстуком, при значке — комсорг. Придет, оденется по фирме, крест на шею, черные очки — и на фарцу. Или Вика из нашего класса. Такие речуги толкала про активную жизненную позицию — красота! Иной раз думал — из таких Космодемьянские выходят. Дали

ей характеристику в самый престижный вузик. Аж из райкома ВЛКСМ. А зимой навечер встречи выпускников пришла с таким меном — закачаешься. Держалась так, будто она королева Великобритании или, на худой конец, Нидерландов!

На настоящего комсомольца был только один мужик похож — Саша. Я с ним на секции самбо познакомился. Он постарше был, учился на третьем курсе где-то. Насчет комсомола у него было свое мнение. Он считал, что народ раньше верил в идею, а теперь верит в вещи. Дескать, все зажрались, стали лучше есть, пить и одеваться, а раз так, то и идеи все побоку. Раньше были довольны, что получали на день по 250 граммов хлеба, а теперь по килограмму в мусорку выкидывают. Он сказал, что таких, как Тимоха, в семнадцатом году стреляли, правильно делали. Это он серьезно сказал, даже слишком серьезно... В другой раз я от него слышал, что во всем виновата денежная система, которая позволяет бесконтрольно пользоваться деньгами. Если бы начисто ликвидировать всякий расчет за наличные, а ввести специальные книжки вроде сберегательных и записывать туда каждый месяц, кто сколько заработал, то никто бы не мог, не трудясь, получать доходы... И взятку не дашь, и не украдешь — денег-то ни у кого не будет. Пришел в магазин, засунул книжку в машинку — и машинка с тебя столько спишет, сколько стоил купленный товар. И моду Саша хотел упразднить. Он сам никакой фирмы не признавал — только советское носил. Мода, он считал, есть расточительство ресурсов и уступка буржуазному вкусу. Надо, чтобы одежду разрабатывали не модельеры, а ученые-гигиенисты, которые придумывали бы такую одежду, чтобы она была безопасна, удобна при ходьбе и при работе, а самое главное — гигиенична. Еду надо тоже разработать такую, чтобы она прежде всего была полезна, а уж потом вкусна. Потому что многое, что человеку кажется вкусным, на самом деле его медленно убивает.

Водку, вино Саша предлагал ликвидировать, а за самогонование ввести смертную казнь, как и за все другие преступления. При этом он мне показывал какую-то работу Ленина, где что-то похожее было написано. Еще одна великая идея, которой он заполоаскивал мне мозги, была отмена семьи. Тут он ссылался на «Манифест Коммунистической партии», где действительно это предусматривалось. Правда, в школе нам говорили, что это нельзя понимать буквально, но Саша утверждал, что понимать надо так, как написано. «Не случайно же, — говорил он, — Энгельс написал работу „Происхождение семьи, частной собственности и государства“. Именно в таком порядке они возникли: сначала семья, потом частная собственность, а потом государство. Если мы хотим, чтоб при коммунизме не было ни частной собственности, ни государства, значит, мы хотим, чтоб семьи не было тоже! А наши газеты все пытаются убедить нас, что семью надо беречь и хранить! Дудки! Все человеческие пороки, в том числе самый главный — „вещизм“, — воспитывает семья. Именно там ребенка приучают к тому, что он — пуп земли, что ему все можно... Тут у Саши тоже был свой проект, отменить семью, детей у матерей отбирать и помещать в интернаты под присмотр профессиональных педагогов, которые будут их воспитывать и доводить до ума.

Свои проекты Саша посылал и в «Комсомольскую правду», и в «Литературную газету», даже в журнал «Коммунист», только ими что-то никто не интересовался. Должно быть, он что-то там еще не додумал, а может быть, неправильно изложил, потому что в одном ответе из какой-то газеты кандидат исторических или даже педагогических наук, которому переслали Сашин проект, объявил, что кое-что в идеях Саши явно позаимствовано у Пол Пота. Тогда Саша разозлился и написал на этого кандидата в КГБ. Он утверждал, что интеллигенция прониклась буржуазным духом, идейно чужда, и ее не худо бы ликвидировать как класс ввиду ее идеологического вредительства. Но из КГБ Саше вовсе не ответили. После этого он сказал, что прекращает борьбу и становится дофенистом, то есть гражданином, которому все до фени и ничего не надо.

Иногда, что самое удивительное, почти комсомольские нотки были и в речах еще одного моего знакомого, которого вообще комсомол не интересовал. Этот малый с 22 часов и до 2 ночи становился в нашем дворе самым главным человеком. Фамилию, имя и отчество знала только милиция, а так он был Рюха и все. Мы с ним покорешились еще в детсаду, потом долго вместе играли в футбол, но, как стали постарше, тусовались не вместе. Однако изредка, например после моего пролета на экзаменах, я с ними пил. Пацаны там были ничего, особенно когда трезвые, но довольно крутые и то и дело во что-то вступали. Однажды Рюха, я и еще два пацана из его компании, Сахар и Таракан, говорили за жизнь в подвале, у трубы отопления. Дело было зимой, водка грела, труба тоже. Сахар начал врать насчет телок, Рюха его обсмеял. Потом Таракан стал рассуждать о том, как хорошо жить в Америке. Сперва все слушали, хотя ничего особо нового Таракан про Америку не знал, мы это жевали раз уже в десятый. И вдруг, ни с того ни с сего Рюха налетел на Таракана и стал его жестоко дубасить, даже ногами. Если б мы с Сахаром не оттащили Рюху, попасть бы Таракану в больницу... Таракан уполз в угол и плакал, а Рюха, изрыгая матюки, которых даже по его норме было много, орал на весь подвал:

— Падла! Значит, ты, богатый, будешь все иметь, а я ни ...?! Крыса!

И после этого, пока Рюха не успокоился, он все бормотал о том, как ждет не дождется, чтобы уйти в армию, добраться до Афгана, а там мочить таких гадов, как Таракан.

И еще Рюха терпеть не мог Тимоху. Его он не бил, потому что Тимоха откупался. Либо тряпками, либо деньгами. Рюха брал, но ненавидел его все больше и больше. Однажды он сказал мне:

— Убью я его когда-нибудь. Нельзя, чтоб такие дальше жили, иначе еще паскуднее будет, чем сейчас... И сам дерьмо, и из меня дерьмо делает... Я лучше на зону пойду, но он жить не будет...

К счастью, Тимохин папаша получил новую квартиру, и в нашем районе его сын больше не маячил. Да и Рюха, похоже, немного присмирел, потому что хотел попасть в армию, а не в зону.

Но и Саша, и Рюха были исключением из правила. Все прочие, хоть и платили взносы, и посещали собрания, и говорили речи, ни в комсомол, ни в сам коммунизм не верили. Я же считал, что если уж Саша стал дофенистом, то мне лучше этого и придумать нечего. Так что на вопрос Игоря Сергеевича, строго говоря, я должен был бы ответить: «Да, вступил бы я и в гитлерюгенд, и в любую другую организацию, если бы она была одна для всех и помогала поступать в институт. А вообще-то я — типичный дофенист...»

Думаете, сейчас, при демократии, все стали активными и за что-то борются, благо теперь партий — хоть сапогом ешь?! Да нет, дофенистов и сейчас большинство. Может, это и к лучшему? Я-то, правда, уже не такой...

Но тогда я точно знал, что ничего и никогда не изменится, а потому считал, что мой дофенизм — это глухо и навсегда.

...Пришла мать, позвала обедать, размышления мои закончились.

АВАРИЯ

Отпуск мне дали сразу же, как только я вышел на работу. Это распорядился сам академик Петров. Местком снабдил меня бесплатной путевкой в какой-то

ведомственный пансионат на Черном море; в таких мне, наверное, никогда ужбольше не бывать. Я отбыл туда почти на целый месяц. Как я там отдыхал, рассказывать долго и к тому же скучно, потому что ничего интересного со мной там не произошло. Купался, загорал, катался на водных лыжах, акваплане и виндглайдере, ходил на танцы и знакомился с девочками. Но они со мной знакомиться не хотели, уж очень я был простой, и по манерам, и по происхождению. К тому же одет совсем не так, как полагалось по тамошним понятиям. Я, правда, врал, что учусь в институте, но пару раз чуть не попал впросак, да и на роже у меня было написано, что я вовсе не студент. Во второй половине отпуска погода испортилась, и, дождавшись наконец финиша, я с легким сердцем отбыл до дому, до хаты.

Когда я приехал, мамулька с паханом были что-то уж очень веселые. Точнее, они были явно невеселы, но, должно быть, не хотели портить мне настроение. Где-то что-то стряслось, это было ясно. Сперва я подумал, что пришла очередная повестка, но дело было вовсе не в этом. Повестка была, но фальшивая веселость пахана и мамульки происходила не от нее. Я долго их допрашивал, пока они, наконец, не раскололись. Оказывается, буквально за день до моего возвращения в Москву погиб Игорь Сергеевич. Отцу об этом сказал наш завлаб, когда отец приглашал его в субботу порыбачить. Завлаб должен был срочно лететь, разбираться. Когда я спросил, что случилось с Игорем Сергеевичем, отец сказал, что завлаб ему ничего объяснять не стал — не телефонный разговор.

Как ни странно, настроение у меня не очень испортилось. Я, как видно, просто не усек, ЧТО произошло. Был человек — и нет человека. Как-то я еще в это не поверил. То есть разумом поверил, а душой — нет. Не проняло меня.

На работу я вышел после четырехмесячного перерыва — тот день сразу после карантина можно не считать. И первое, что меня удивило, это атмосфера в лаборатории. Раньше все были деловые, куда-то спешили или усердно вкалывали. Было что-то такое, что всех

сотрудников как бы произвольно подгоняло. Теперь все было не так. Шушукались по углам, часто и подолгу курили. Мне сразу же объяснили, что подвальная группа расформирована. Постепенно из разговоров я узнал кое-что. Оказывается, еще до моего прихода в институт на полигоне, где-то очень далеко от Москвы, начали сооружать установку-регенератор, только намного более мощную, чем у нас в подвале, — как ее называли, «полупромышленную». На полигон ее вынесли потому, что там были задействованы более высокие энергии и большие объемы веществ, а раз так, то и рвануть она могла, в случае чего, посильнее, чем подвальная. Для той, что в подвале, вроде бы рассчитали, что она, взорвавшись, даже не обрушит стены и потолок, а полупромышленная была глубоко зарыта в землю, запрятана в бетонный бункер. Управляли этой установкой из не менее прочного, чем сама установка, бетонного убежища, с помощью намного более мощной быстродействующей ЭВМ. Управление можно было вести по нескольким каналам — основному и трем дублирующим. Установку ввели в действие раньше, чем требовалось, поскольку считали: раз получилось на опытной — Петька регенерировался, — то дело в шляпе. Игорь Сергеевич полагал, что полупромышленную запускать рано, коли, как он мне в карантине говорил, теория его пошла прахом. Но завлаб, оказывается, что-то и где-то уже доложил, уже ему пообещали какую-то премию — короче, темное дело. И полупромышленную погнали рекордными темпами. Игоря Сергеевича, как он ни упирался, послали туда — доводить до ума. Вроде бы он довел до ума, и решили зарядить ее на первый опыт. Он же оказался и последним. Установка взорвалась, как хорошая атомная бомба в несколько килотонн. На ее месте образовался кратер, почти такой, как на Луне. Убежище пункта управления хоть и потрескалось, но выдержало. Люди тоже остались целы. Все... кроме Игоря Сергеевича. При взрыве его ударило электромагнитным импульсом. Насмерть.

Отчего это произошло, никто не знал. Все три инженера, которые были с Игорем Сергеевичем на установке, пока еще находились на полигоне, завлаб тоже был там, работала комиссия, а здесь, в Москве, царили запустение и дофенизм.

Через неделю вернулся завлаб и все соратники Игоря Сергеевича: Гаврилов, Горбов и Тарасенко. Комиссия теперь работала в самом институте, и по настроению сотрудников было видно, что особой радости это никому не доставляет. Даже академики, а их, кроме директора, было еще человека три, ходили сами не свои. Потом вдруг как-то все повеселели, посвежели и, похоже, стали отходить. Даже наш завлаб вроде очухался. Потом закипела работа: начали срочно демонтировать установку в подвале. ЭВМ забрали в институтский ВЦ, программы, магнитные ленты и почти всю документацию реквизировала комиссия.

Я теперь, в последние дни перед призывом, работал наверху, на этаже, мыл посуду или измерял рН-метром водородный показатель водных растворов. Зачем, почему — не спрашивал, да мне никто и не объяснял. В основном все опять пришло в норму; только те трое, что вернулись с полигона, выделялись из общей массы. Они то и дело ходили на заседания комиссии, писали какие-то отчеты, справки, докладные, но при этом было ясно, что они явно не в себе. Старший инженер Горбов раньше никогда не курил, а теперь бегал в курилку даже чаще, чем я. В курилке говорили о футболе, о книгах, о политике, но он, хотя был мастер рассказывать, сидел и помалкивал. Он так молчал, что и другим при нем говорить не хотелось. Как он зайдет — все умолкают. Мэнээс Гаврилов, здоровенный мужик, регбист, который раньше хохотал гомерически, после полигона согнулся, стал ходить тяжелым шагом, бессмысленно глядя по сторонам. Еще один, Тарасенко, сразу по возвращении оттуда выиграл в лотерею «Жигули» — дело неслыханное, сенсация! Но куда большую сенсацию вызвало то, что он этот билет ни с того ни с сего отдал уборщице тете Дусе. Просто как бумажку. Ту чуть инфаркт не хватил. А Тарасенко так спокойненько сказал: «Хотите — выкиньте, хотите — возьмите. Мне он не нужен». Представляете? Вот до чего дошел!

Как-то я оказался в курилке одновременно со всеми тремя. На меня они поначалу не обращали внимания, продолжали свой разговор вполголоса, но со злыми лицами.

— Почему закроют? — спросил Горбов, тиская в зубах «беломорину». Это были первые слова разговора, которые я услышал.

— Потому что при таком ЧП всегда так делают... — отвечал Гаврилов, ковыряя спичкой под ногтями. — В лучшем случае — приостановят. Зададут работу теоретикам, а нас переведут...

— Или сократят, — уныло пробормотал Тарасенко.

— А Михалыч ничего не сможет? — с надеждой спросил Горбов.

— Михалыч рад, что получил выговорешник. Тут минимум строгач висел, а по максимуму... В общем, он уже сейчас готов закрыть тему и намертво забыть, что она была. И вообще — все забыть.

— А Петров?

— Петров тоже на волоске. Ему уже работу в Президиуме подыскали.

— Так что, заявление надо писать? Так, что ли? — недоуменно спросил Горбов. — Корзинкин ржать будет! Он по собственному, и мы — по собственному, хорошо!

— Только он себе работенку подыскал — триста, и не бей лежачего! А мы куда? Если ставки сократят — побегаем...

— Завидую я молодому... — повернулся Горбов ко мне. — Служить пойдет. Мне бы его восемнадцать, я б еще раз послужил. Вот жизнь была! Подымут, накормят, оденут, на снарядах накачают, на кроссе протрясут... И ничего, никаких мыслей... Ни диссертации, что псу под хвост ушла, ни трех заявок, которые с черным углом вернулись.

— Заявки, диссеры... — процедил Гаврилов. — Чего вспоминаем? А Игоря нет... Башка пропала, Боря. Мы все так — рабсила науки, слесаря с высшим образованием, а он — башка. Гений... Ни хрена мы без него не стоим. Чего мы за себя переживаем? В Союзе живем, не в Штатах, безработных нет...

— У них безработный больше твоего получает, — проворчал Тарасенко.

— Это он без этой темы не мог — он ее родил, тянул сколько мог, делал дело. А мы — диссеры, заявки. Уйдем в любое НИИ, на производство, свои полтора-два всегда найдем.

— Если б мне в свое время математику как следует выучить! — вздохнул Горбов. — Я бы, может, попробовал бы разобраться... А то я, кроме избранных мест из Привалова и Фихтенгольца, ничего не соображаю...

— Зато историю КПСС от корки до корки вызубрил... — поддакнул Гаврилов.

— Кроме математики, для теоретика еще кое-что треба, — нахмурился Тарасенко, — интуиция, нестандартное мышление. А у нас — стандарт. От и до...

— Что эти теории... Игорь вон и сам уже сомневался...

— Интеллектуалу положено сомневаться. — Горбов рассеянно мотнул головой.

— На коллоквиуме в июле он что-то в себе держал, только не сказал...

— Ясно, что держал, — хмыкнул Гаврилов, — энергетическую неувязку.

— Здравствуйте! — поджал губы Тарасенко. — Неужели?

— Я уже прикидывал, — сказал Гаврилов, выуживая из штанов листок бумаги,

— эта гадость идет с выделением энергии...

— Ты где-нибудь плюс с минусом перепутал, — кисло усмехнулся Горбов, -

так бывает. У нас в институте один мужик из атомной бомбы таким способом суперхолодильник сделал и два балла на экзамене слопал.

— Вот, погляди, может, найдешь, где я наврал...

— Да чего там глядеть... Возьми учебник по термодинамике, погляди, освежи в памяти...

— Про регенерационное поле там тоже написано? И про время со знаком минус?

— Ну, хрен с тобой, гляну... — Тарасенко закурил новую «Астру» и пробежал по листку острием карандаша. Через пять минут он зло хмыкнул и подчеркнул карандашом какую-то закорючку.

— На! Вот тебе твой минус, который у тебя был плюсом...

— Неужели? — У Гаврилова аж ухо покраснело. Он навис глыбой над малогабаритным Тарасенко и шумно вздохнул: — Да...

— Я уж сам чуть было не поверил, — сказал с досадой Тарасенко, будто не нашел чужую ошибку, а сам напортачил.

— Без толку все это, — уныло буркнул Горбов, — надо заявление писать...

Он поднялся и пошел к выходу. За ним двинулись и остальные... Я вдруг ощутил злую и тяжкую тоску. Было б из чего, так, наверно, застрелился бы. Я понял, что на моих глазах происходит страшное и неотвратимое событие: гибель несостоявшейся науки, поражение мысли в борьбе с неведомым, предательство погибшего товарища... Нет, ни черта я тогда не понял. Это сейчас, досыта накормленный чернухой с экрана и газетных полос, знающий, сколько открытий и изобретений полегло в неравной борьбе с СИСТЕМОЙ, я понимаю это. А тогда я никак понять не мог, отчего стало так тошно на душе...

ШАГОМ МАРШ!

И вот наступил тот день, когда я должен был поменять профессию, место работы, место жительства, меню завтрака, обеда и ужина, одежду, обувь, привычки, способы отдыха и развлечения, а кроме того, весь распорядок дня. Такой поворот бывает с человеком, когда он уходит в армию...

...Был уже ноябрь, улицы, заляпанные коричневым от песка полурастаявшим снегом, продутые сырым ветром, провожали меня. Я шел по знакомой улице со стареньким, еще пионерлагерским рюкзаком, сопровождаемый мамулькой и паханом. Все мои сверстники, кого не открестили от службы, уже ушли. Я провожал их одного за другим, а сам оставался дома — не спешила Родина-мать в лице райвоенкомата. И уже появилась у мамульки какая-то надежда, что не призовут меня в этом году, что я побуду хотя бы полгода, а там, глядишь, в институт — и вообще не призовут... Мамулька у меня была паникершей. Уж очень

за меня боялась. И было чего бояться тогда... Впрочем, теперь матери боятся не меньше. Но теперь, по крайней мере, все гласно. А тогда цинки с ребятами прилетали втихаря, будто убиты они были, не делая честно свое воинское дело, а совершив какое-то преступление...

Ехали мы на сборный пункт обычным рейсовым автобусом. В тот ранний час он был полон — ехали такие же, как я, призывники, ну и «сопровождающие лица» — родители и приятели. Было весело, даже слишком. Особенно выделялся поддатый бугай типа «семь на восемь»; обхватив лапищей свою миниатюрную бабушку, он горько рыдал, бормоча:

— Бабуля, милая! Не увижу я тебя, чую сердцем! — И вытирал сопли о бабкин платок. Бабулька тоже хлюпала носом и гладила внука по буйной головушке. Я, правда, не очень понял, отчего этот бугай сердцем чуял, что бабульку не увидит. Старушка была на вид еще очень здоровенькая. Если же бугай насчет себя сомневался, то мне показалось, что его только водородная бомба сможет пришибить, да и то прямым попаданием...

Все передние кресла были заняты какой-то большой компанией, где были и старые, и молодые, и годные к строевой службе. Верховодил в этой команде моложавый дед в распахнутом пальто, с заливчатским седым чубом и потертой, может быть, еще фронтовой гармошкой. Под пальто у него чернела матросская форменка, а на ней сверкал целый иконостас орденов, медалей и значков. Дед завершал седьмой десяток, а то и на восьмой перелез, но он пел. Пел так отчаянно, весело, с такой яростью и надрывом, что хотелось поорать вместе с ним. Он громыхал одну за одной песни, да какие! «Варяг», «Марш Буденного», «Катюшу», «Гремя броней, сверкая блеском стали», «Кличут трубы молодого казака», «Распрягайте, хлопцы, коней!» и еще целую кучу знакомых, незнакомых и забытых песен. Терпеть не могу, когда говорят, что в этих песнях было много обмана и вранья! Песня — не научная статья, она не для разума, а для души. И если народ ее пел, считал своей, любил ее, она должна звучать. И неважно, что в ней пелось про Сталина, Ворошилова и Буденного...

Первое время деда пытались перебрякать несколько гитар, но им было нечего ловить. Даже пара кассетников, заряженных Челентано и брейком, заткнулась. Дедовская команда орала так, что в автобусе вибрировали стекла. Видимо, не только мне захотелось присоединиться к ним. Бугай, обревевший всю свою бабушку-старушку, вытер сопли, приободрился и заорал от души, на удивление точно угодив в мелодию:

Пусть знает враг, укrywшийся в засаде:

Мы начеку, мы за врагом следим!

Чужой земли мы не хотим ни пяди, Но и своей — вершка не отдадим!

Я тоже стал подпевать, хотя мамулька, кажется, пыталась сделать мне замечание. Пели все, это было что-то вроде общего душевного порыва. Под такой настрой впору было ходить в атаку или на таран...

Но мы просто вылезли у ворот небольшого московского стадиончика, где было

уже несколько десятков человек. Когда все призывники и провожающие вывалились из автобуса, он оказался почти пустым...

Дедовская компания и у ворот тоже не унималась. Пели и плясали, орала частушки, даже неприличные; гитары уже подстроились под гармошку, кто-то целовался, мамыши поплакивали, отцы посмеивались, народ все подваливал и подваливал, и гвалт стоял неимоверный.

Мамулька и пахан, тихие и какие-то затертые, молчали. Наверно, им хотелось сказать мне в

напутствие что-то возвышенное, но обстановка не больно располагала. Я уже несколько раз ходил на проводы и примерно знал, что тут бывает. Правда, каждый раз бывало по-другому. Самые первые команды уходили торжественно, с оркестром, с митингом, на котором выступали ветераны, призывники, родители призывников и уже дембельнутые солдаты. Потом церемонии стали сокращаться и сокращаться, а на нашу долю их и вовсе не хватило. Я краем уха услышал, как один из военкоматских офицеров сказал другому:

— Ну, все. Сдадим эти обмылки — и абзац! До весны. Так что ничего удивительного. «Обмылкам» парад не нужен. Офицер построил нас в две шеренги, проверил по списку. Подкатили «Уралы». Приказали: «По местам!» И мы, толкаясь рюкзаками, кое-как втиснулись в кузов. Я оказался на предпоследней скамейке от заднего борта. Еще горели фонари, небо только чуть посветлело. Улица у ворот стадиона была перегорожена толпой, нам махали, но лица различить было трудно. Мамульку и пахана я так и не увидел. Только откуда-то издали долетел со всхлипом мамулькин крик:

— Ва-а-а-а-а! — и я наудачу помахал рукой в ту сторону. Кричать «мама» не стал — подумал, засмеют. Но рядом со мной хлюпал носом поддатый бугай и, дыша на меня перегаром, бормотал Горестно:

— Эх, бабуля-бабуля...

«Урал» зарычал и двинулся по мрачноватой предутренней Москве. Мелькали мигалки милицейских машин, светофоры, кое-где светились окна. На верхушках высоток краснели фонарики, чтоб какой-нибудь заблудившийся самолет не тюкнулся об их шпили... Ехали молча, только посапывали.

Потом мы еще полдня дожидались на большом сборном пункте, где нас посадили в кинозал какого-то клуба и показывали мультики. Наконец за нами приехали прапорщик и три сержанта. Им были нужны те три десятка человек, в число которых входил и я. Нас пересчитали, усадили в автобус и увезли на вокзал. На какой — не скажу. Военная тайна. В вагоне мне досталась вторая полка, я залез туда, подложил рюкзак под голову, укрылся пальто и заснул.

Проснулся ночью, вагон покачивался и постукивал колесами. Наша команда занимала весь вагон; из углов доносился храп вперемежку с болтовней... Особенно громко говорили прямо подо мной, на нижних полках. Там сидел один из сопровождающих нас сержантов и что-то заливал пятерым призывникам, которым, должно быть, не спалось.

— Армия — штука серьезная! — важно разглагольствовал сержант, как будто прослужил уже лет двадцать пять. — Не можешь — научим, не хочешь — заставим, не знаешь — совершь...

— А куда нас везут, начальник? — спросил бугай, рыдавший по своей бабуле. Сейчас он уже не рыдал, а жевал котлеты, которых бабуля понапихала ему в рюкзак.

— На месте узнаете, — заявил сержант так, будто это была страшная тайна.

— А войска-то какие? — не отставал бугай.

— В петлицах понимаешь? — хмыкнул сержант. Бугай в петлицах не понимал. Да и вообще, такие петлицы, наверно, мало кто видывал. Они были черные, а в эмблеме были красная звездочка, крылышки, якорь и гаечный ключ с молотком.

— Подводная авиация, что ли? — поинтересовался малограмотный бугай.

— Десантно-саперные части? — предположил некий конопатый, очень похожий на Антошку из детского мультика, только уже капитально подстриженного.

— Салаги! — с довольной рожей произнес сержант. — Еще бы сказали: бронекопытные! Газеты хоть читаете?

То ли все читали, то ли все не читали — никто не отозвался. Я вспомнил, в газетах писали про то, что в Афганистане наши войска «охраняют важные объекты», что «казахстанский миллиард» перевезли военные шоферы, а БАМ строят, кроме комсомольцев-добровольцев, также воины стальных магистралей.

— Я знаю, — сказал из темноты какой-то тощий в очках, — это железнодорожные войска.

— Оценка «отлично», — поощрил сержант. — А у вас, остальных, видать, НВП была слабовато поставлена.

— Это мы не проходили... — произнес «Антошка» и вызвал хохот.

— Это нам не задавали! — лихо подхватил бугай, который тоже углядел в конопатом любимого героя. Все остальные, и в том числе сержант, вполголоса прогорланили эту песенку вместе с «дили-дили» и «трали-вали». Получился шум, пришел офицер, которого я в автобусе не видел, и, ни слова не говоря, поманил сержанта пальцем. Тот вышел с ним куда-то, а потом вернулся, но уже очень серьезный и надутый.

— Всем спать! — приказал он так резко, что сразу захотелось подчиниться. Правда, я уже выспался и выполнить приказ не мог. Кроме того, захотелось курить. Слезать, однако, было страшновато — сержант мог разораться. Но потом я подумал, что в туалет никому не запрещено ходить, даже в армии, и направился к тамбуру. Запалив «Яву», я с удовольствием затыкнулся, но в это время появился офицер.

— Почему не спите? — спросил он нестрого. — Я бы на вашем месте сейчас отсыпался вовсю. Послезавтра захотите побольше поспать, да не получится...

Он вытащил «Беломор» и тоже закурил. Я помалкивал.

— В Москве постоянно живете? — поинтересовался офицер.

— Постоянно, — ответил я, — а что?

— Везет, а мне вот только третий раз удалось побывать.

— У вас что, отпуска не бывает? — спросил я.

— Почему? Бывает. Только мне все больше в деревню к родителям ездить приходится. Летом сено косить надо, осенью — картошку копать... Я вот сегодня хотел в Мавзолей попасть. Третий раз в Москве — никак не попаду. А вы в Мавзолее были?

— Нет, не был, — сознался я.

— Всю жизнь прожили в Москве и ни разу не были? — Офицер был так удивлен, будто узнал, что я слепоглухонемой от рождения.

Мне стало стыдно, хоть раньше я не стыдился этого. Почему? Да потому, что я каждый день мог сходить, а так и не сходил. Люди часами выстаивают в очереди, хоть и бывают в Москве проездом, а я так и не удосужился. Правда, я живого Петра I видел, но об этом — нельзя, тайна.

— Докурили? — спросил офицер уже сурово. — Шагом марш спать!

А ведь если бы я побывал в Мавзолее, он бы наверняка не стал меня прогонять. Небось

расспросил бы, что там и как... Ну, шагом марш так шагом марш! Я пошел спать ...

...На следующий день мы прибыли в другой город. На вокзале нас посадили уже не в автобус, а в грузовик и повезли в баню. Штатские вещи сдавали какому-то толстенькому ефрейтору, который проворно писал на белом полотне наши домашние адреса, заворачивал в них шмотки и отдавал солдатику, быстро прострачивавшему эти упаковки на машинке. А мы шли в душевую, где смывали с себя дорожную грязь, а заодно и штатские привычки. Из бани все вылезали довольно быстро, потому что после бани выдавали белье и военную форму. Всем было интересно ее надеть и поглядеть на себя в новом качестве. Кроме того, хотелось ухватить форму по размеру. Тут выяснилось, что нам положено такое количество обмундирования, что ой-ой-ой! Правда, выдали для начала только рубахи, кальсоны, портянки, хэбэ-шаровары, хэбэ-кителя, короткие ватные бушлаты, сапоги кирзовые и шапки-ушанки. Когда я заглянул в бумагу, которую ефрейтор важно называл «арматурным списком», то обнаружил, что там еще было понаписано немало всякого, например, парадные мундиры, парадные сапоги, шинели, ботинки, рукавицы и еще что-то, чего мне не дали досмотреть. Еще нам выдали ремни: один совсем узкий, брезентовый, для штанов, а другой почти брезентовый, но спереди похожий на кожаный, с матово-серой пряжкой. Рубахи, кальсоны и портянки мы получили двух видов: мягкие и толстые зимние и тонкие летние. Как их наматывают, показывал сержант Куприн, тот самый, что ехал с нами в поезде. Само собой, его окружили толпой, но рассмотреть мне не удалось. Я попробовал сам намотать и, как ни странно, это вышло в лучшем виде. Под самый конец, как выразился бугай, «прошмонали» наши домашние рюкзаки. Водки, финок и пулеметов в них не было. Но взять с собой разрешили только мыльницы, зубные и сапожные щетки, почтовую бумагу, конверты, авторучки, военные и комсомольские билеты с учетными карточками. Все это велели переложить в армейские вещмешки, а затем выходить во двор и строиться. Так и остался мой рюкзачок там, в этой бане...

Во двор мы выходили по лестнице, мимо огромного зеркала. В этом зеркале отражались наши одинаковые рожи, ушанки, бушлаты, ремни, и даже самого себя распознать в этой защитного цвета многоликой толпе было почти невозможно. Чтобы узнать, кто есть кто, все начали было наставлять друг другу рожки, показывать язык и тому подобное. Конопатого «Антошку» я еще смог бы отличить, а вот бугай как-то испарился: таких здоровяков было много. Сержант Куприн глядел на нас и посмеивался. На нем обмундирование сидело как влитое, а на нас — как на корове седло. Во дворе бани всех запихали в машины и повезли дальше. Спустя некоторое время мы вкатились в ворота и через задний борт увидели, как их закрывают за нами какие-то солдатики со штыками на поясах. Кто-то, должно быть бугай, громко вздохнул и сказал:

— Ну, вот и все, прощай, воля!

Грузовики проехали по аллее, обсаженной голыми пирамидальными тополями и, кроме того, украшенной плакатами. На плакатах были изображены поезда, путеукладчики, мосты, тракторы, бульдозеры и какие-то другие машины, назначение которых мне тогда было непонятно. С другой стороны аллеи тянулся длинный плакат: «Слава воинам стальных магистралей!», и была изображена огромная эмблема, такая, как у сержанта на петлицах.

Машины остановились у длинного трехэтажного здания. Перед задним бортом появился офицер, тот самый, что не сумел побывать в мавзолее, и дал команду слезать.

Вот только тут, когда моя обутая в кирзовый сапог нога впервые гулко топнула по асфальту казарменного двора, я наконец понял: все это всерьез и на два года. Я превратился в солдата, пока — рядового и необученного. Этот звонкий удар пупырчатой, еще не стертой подошвы поставил последнюю точку. Детство кончилось, началась служба...

ЛИЧНЫЙ ПОДШЕФНЫЙ

Полгода я учился, целых полгода! Я так привык к своему месту в казарме, к распорядку, зарядочке, тренажам и занятиям, что когда мне сказали: надо уезжать отсюда и полтора года служить совсем в другом месте, то стало грустно... Вообще-то выпуск из учебки считался «малым дембелем», потому что, как утверждали бывалые солдаты, в наших войсках только в учебках служат по-настоящему, а в обычных частях просто вкалывают и все. Дескать, в учебке мы набегаемся и настреляемся за всю службу вперед, а дальше, тем более с лычками, жить будет полегче.

Я, как и другие, кое-что начал понимать в железнодорожном деле: уже мог отличить тракторный дозировщик от обычного бульдозера, скрепер от грейдера, шестнадцатитонный кран от пятитонного, шпалоподбивочную машину от путерихтовочной. Вообще я узнал массу интересного и неожиданного. Например, что «подкладка» — это не только то, что изнутри подшивают к пиджаку, но и железяка, которую костылями прибивают к шпалам и на которую сверху кладут рельс. Что «накладка» — это не только синоним ошибки, но и название шуток, которыми скрепляются между собой звенья железнодорожного пути. Мне объяснили, что в СССР самая широкая в мире железнодорожная колея — 1524 миллиметра, а на загнивающем Западе только 1435. Я убедился, что если двадцать человек с ломami дружно нажмут, то могут выровнять — по-нашему «отрихтовать» — рельс. А два человека с техникой типа РВ-10 (ручные вилы, десятизубые) могут довольно быстро разгрузить щебенку с открытой платформы, конечно, если притом торопятся на ужин. Но самое главное, что я усвоил как следует: взорвать железную дорогу намного проще, чем построить...

В новой части я появился как раз в то время, когда туда привезли молодых, и оказался командиром отделения в карантине. Только тут я смог окончательно убедиться, что время, проведенное в учебке, не прошло для меня даром. Оказывается, за полгода я так много узнал, что вполне мог сойти за бывшего солдата. Например, я умел пришивать воротничок так, что ниток не было видно, ходить строевым шагом, съесть обед за отведенное на это время, раздеваться и одеваться по командам «отбой» и «подъем» и еще многое другое, чего восемь подчиненных мне граждан Советского Союза не умели. Когда-то в учебке, получая наряд за разгильдяйство, я думал. «Ну, погодите, вот дослужусь до лычек, получу молодых под команду — тогда отыграюсь!»

Теперь мне было присвоено право раздавать наряды, но пользоваться им как-то не хотелось. Я быстро догадался, что, если солдата лишний раз назначить на кухню или дневальным по роте, он не научится от этого вовремя пришивать воротнички, чистить сапоги или делать подъем переворотом на перекладине. Я в свое время зубрил обязанности командира отделения, но на практике они исполнялись как-то сами собой, потому что надо мной было еще ой сколько начальников! Обучал и воспитывал я просто: если у кого-то что-то не получалось, я заставлял делать это еще раз, еще и еще, пока не начинало получаться. Некоторые ворчали, но делали. Те, у кого получалось, служили примером тем, у кого не получалось. При этом каждый из восьми хоть в чем-то успевал и что-то умел делать лучше других. Например, правофланговый из моих «карантинщиков» Мартынов быстро научился ходить как положено, и его можно было ставить в пример на строевой. Середенко, следующий по строевому расчету, в первый же день научился раздеваться и одеваться в отведенное время, а кроме того, как и я некогда, с ходу научился наматывать портянки. Ашот Саакян был непревзойден при изучении уставов и среди ночи мог рассказать наизусть обязанности дневального. Валера Ландышев, должно быть, еще в школе наловчился собирать и разбирать автомат с такой скоростью, что я ему завидовал. Противогоз он тоже натягивал быстрее остальных. Видать, военрук у них был классный, но вот физкультурник — не ахти какой. Это я заключил из того, что Валера, трижды подтянувшись на турнике, начинал

корчиться, словно повешенный в последних судорогах, но до перекладины уже достать не мог. Другие товарищи из этих четырех, наиболее длинных, тоже не выглядели орлами, и им было легче удавиться, чем сделать подъем переворотом. Зато четверо стоявших в строю за Ландышевым: Халимджанов, Подопригора, Куняшев и Ли — были ребята хоть и невысокие, зато накачанные. Мне их учить было нечему — самому надо было у них учиться. Халимджанов левой рукой двадцать раз выжимал двухпудовую гирю, а правой — и того больше. Однако внешний вид у него был, как у военнопленного, и сапоги он чистил только спереди. У Подопригоры с внешним видом было все в порядке, но зато он никогда и никуда не успевал, потому что никогда и никуда не торопился. Куняшев тоже никуда не успевал, но по другой причине. Он, наоборот, всегда очень спешил. Когда подавалась команда «подъем», он первым делом надевал почему-то пилотку, потом натягивал сапоги, забыв намотать портянки, после чего набрасывал на плечи китель и только после этого начинал надевать штаны, безуспешно пытаясь просунуть сапоги через штанины. Когда сапоги намертво застревали, ему приходилось снимать их вместе со штанами. Тут он вспоминал, что надо еще и портянки наматывать, лихорадочно закручивал их вокруг ноги, но при этом пятка либо носок оставались голыми. В конце концов он оказывался в строю, но потом с него спадали не застегнутые как следует штаны, портянки выпирали из голенищ, пилотка оказывалась надетой задом наперед или происходило что-нибудь еще в том же духе. Самый малорослый — Ли, или «Ливофланговый», как именовал его Подопригора, — всюду успевал, но зато обязательно что-нибудь терял. Однажды чуть не остался голодным, потому что нечаянно смахнул со стола свою ложку, нагнулся за ней под стол и стал искать, хотя сам же наступил на ложку сапогом. Был еще случай, когда Ли, отрабатывая норматив по снаряжению магазина учебными патронами, уронил один патрон себе в сапог. Мы всем отделением ползали по полу, три раза пересчитывали патроны, но нашли патрон только тогда, когда Ли решил перемотать портянку.

Самое неприятное было ударить в грязь лицом перед подчиненными. Тут я влетел всего один раз, но сраму испытал немало. Случилось это в самом конце карантина, когда мои славные воины стреляли начальное упражнение. В свое время я сам перед присягой отстрелял его на «отлично». А здесь, когда я уже стрелял в роли командира отделения, набабахал всего на тройку, да и то потому, что поверяющий засчитал мне одну пробоину за шесть очков, хотя пуля легла ближе к пяти... Из моих солдат шестеро отстреляли на «отлично», а Середенко и Саакян — на «хорошо». Подчиненные глядели на меня ехидно, а взводный заметил:

— Если бы не командир, был бы лучший результат в роте...

В других отделениях и правда было хуже. Там были и тройки, и двойки, но среди сержантов — только отличные оценки. Когда дали возможность поправить дела двоечникам, вместе с ними стрелял и я. На сей раз я был злой и стрелял по мишени, как по классовому врагу. Она свое получила, но стыдоба за провал все-таки оставалась.

Вот-вот орлы должны были принять присягу и рассосаться по ротам, а я, соответственно, принять штатное отделение, где, кроме зеленой молодежи, находились также «старики». Тогда про «дедовщину» в газетах не писали, но легенд было — хоть завались. И про то, что «старики» с «молодыми» делают, говорили такое, что уши сворачивались в трубочку.

Эта предстоящая встреча со «стариками» меня очень заботила, если не сказать пугала. Но я никак не мог предположить, что произойдет другая, куда более важная и волнующая встреча.

Неожиданно меня вызвали в штаб, к самому командиру части, подполковнику Шалимову. Вообще это был веселый и компанейский человек. Он легко умел приободрить свое войско в самых хреновых обстоятельствах. Например, часа в два ночи привезут на станцию кирпич, платформ этак пять. Дежурное подразделение, матерясь, топает пешком на станцию. Всем хочется спать, курить, есть, но не работать. Все начальники кажутся сволочами. И вдруг прикатывает Шалимов, которого только что крыли самым лютым образом. С ходу, как

колобок, выкатывается из «уазика» и зычно орет:

— Э-эх, пошалим, шалимовцы!

После чего втискивается в самую вялую цепочку. Через пять минут эта цепочка кидает кирпичи так быстро, что они только мелькают в воздухе. Затем он незаметно перескакивает в другую цепочку, в третью и так далее. Глядишь, все очухиваются, платформы пустеют, а Шалимов горестно вздыхает:

— Ай-яй-яй! Так мало кирпича привезли! Придется спать идти...

Жутко симпатичный мужик! Но вообще он мог быть и очень суровым. Объявить пять нарядов или десять суток мог запросто. Пару злостных самовольщиков он отдал под суд и упек в дисбат. То же самое стало с двумя очень борзыми мужиками, которые хотели «воспитать» какого-то «молодого». Должно быть, именно поэтому настоящей дедовщины в нашей части не было, и все вели себя прилично.

Так вот, когда меня вызвали в штаб, я начал вспоминать, не натворил ли я чего-нибудь и не отчубучили ли чего мои воины. Вроде бы совесть была чиста...

— Хорошо, что прибыл... — кивнул Шалимов после того, как я доложил о своем приходе. — Вот какой разговор, младший сержант. Нам тут на пополнение прислали одного человека. С милиционером и при бумаге, где говорится, что человек это сложный, требует внимания и терпения. Вся сложность в том, что он некоторое время находился в психбольнице. Симулировал, что ли, пытался от призыва отвертеться. Иногда, говорят, и сейчас порывается... В общем, когда его тюрьмой припугнули, согласился идти. Не знаю уж почему, только товарищ из милиции, который его привез, очень настаивает, чтобы он служил под вашим командованием. Вы этого лжепсиха знаете лично, он мне так сказал.

— А как его фамилия?

— Фамилия его Михайлов, имя-отчество — Петр Алексеевич. Русский, 1964 года рождения, не судимый ранее... Образование восьмилетнее, нигде не работал и не учился.

— Я такого не знаю... — прикинул я в уме всех знакомых.

— В кабинете у замполита сидит капитан милиции. С ним поговорите, все выясните.

Майора Литовченко, нашего замполита, в кабинете не было. За его столом сидел, очень по-хозяйски устроившись, капитан милиции. Я доложил.

— Документы! — потребовал капитан, изучая мое лицо таким взглядом, что я опять засомневался: нет ли за мной каких грехов? Вроде не было, даже на гражданке я никаких противоправных действий не совершил. Капитан внимательно проглядел мой военный билет, изучил комсомольский, а потом вернул.

— Василий Васильевич, — сказал он очень официально, — вы человек взрослый, ответственность уже несете в полном объеме, приняли военную присягу, где давали обещание свято хранить военную и государственную тайну. В учреждении, где работали до армии, через первый отдел проходили?

— Так точно, — ответил я и стал прикидывать, когда, где и чего я мог разгласить.

— 12 мая прошлого года вы находились в подвальном помещении вашего института, заменяя инженера Корзинкина Альберта Семеновича, так?

— Да, — сказал я, начиная соображать, о чем пойдет речь.

— В результате допущенной вами случайной подсветки объекта, находившегося в лабораторной установке, произошла нештатная ситуация...

— Было такое...

— После выключения установки, отработавшей в критическом режиме, вами был обнаружен субъект, объявивший себя бывшим императором Петром I?

— Мной... Я уже давал все показания в карантине, товарищ капитан...

— Правильно. В ваших показаниях говорится, что некоторое время при первом изменении в работе установки вы находились в нише под пультом управления. Верно это?

— Да.

— И блокировка двери в этот момент еще не сработала?

— Нет. Она позже захлопнулась, когда установка сама разошлась...

— Ну и правильно. Следственным экспериментом установлено, что в этот момент вы не могли контролировать обстановку в спецпомещении. Иными словами, находясь в нише, вы не могли слышать, как открылся со щелчком кодовый замок двери и как в помещение проник посторонний...

— Да...

— Значит, вы не можете с уверенностью заявить, что в помещение никто не проникал?

— Тут только я сообразил: капитан хочет доказать, что Петька, то есть Петр I, на самом деле жулик и самозванец...

— Не могу, — сказал я, — но в боксе был герметический лючок... Я его открывал снаружи...

— Этот лючок можно загерметизировать и изнутри, — улыбнулся капитан, видя, что я хлопаю глазами.

— Значит, этот тип проник в спецпомещение и разыграл комедию? — пробормотал я, сам не веря своим словам.

— Именно так, и он во всем признался. Действительно, он — Петр Алексеевич, но не Романов, а Михайлов, из Усть-Харловского детского дома. Три года назад оттуда бежал, находился во всесоюзном розыске. Его опознала бывшая воспитательница. Собирались направить его обратно, но оказалось, что совершеннолетний, хотели оформлять за тунеядство... Он попросился в армию, в ту часть, где вы служите. Обещал исправиться... Решили поверить, призвали.

— А отчего меня не вызывали, когда шло следствие? — осторожно спросил я.

— Ну, это уж нам решать, кого вызывать, кого не вызывать. События преступления не было, умысла — тоже, по крайней мере с вашей стороны. Гражданин Корзинкин признан виновным в служебном проступке, понес взыскание от администрации института, в данный момент уволился оттуда. Ну а с Михайловым вопрос считаем урегулированным. В общем, теперь он будет вашим подчиненным. Ответственность за его поведение по закону несут все командиры, но с вас спрос особый. Вы с ним будете рядом в казарме, вся его жизнь у вас на глазах... Регулярно нас информировать не надо, но если заметите, что он рассказывает что-то не то, какие-то мнения нестандартные высказывает... Уж будьте добры! Писать ничего не надо, просто зайдете сюда, к замполиту, или прямо к Шалимову и устно все изложите. А

они знают, как со мной связаться...

Я знал, что стучать нехорошо, но, конечно, ничего милиционеру не сказал. Тем более что он скорее всего был вовсе не милиционер...

— А где сейчас Михайлов? — спросил я — Со старшиной, на складе вещевого довольствия. В бане его сейчас помоят, постригут и доставят сюда. Подождите малость.

Через пять минут, не больше, голос нашего старшины, прапорщика Будко, испросил разрешения войти. Вместе с прапором появился и Петька Он мало в чем изменился по сравнению с карантинном. Только глаза были как-то глубже посажены, не так выпучены, как раньше. Он был уже в форме, с вещами...

— Вот, товарищ Михайлов, — сказал капитан, — это ваш командир отделения, непосредственный начальник, так сказать.

— Здравия желаю, — сказал Петька, смотря на меня по-доброму. И я тоже посмотрел на него по-приятельски. Что-то мне не верилось, что он жулик и авантюрист...

— Мне можно быть свободным? — спросил Будко.

— Вы проводите товарища Михайлова в роту карантина, а мне еще надо побеседовать с младшим сержантом.

Прапорщик и Петька ушли, а милиционер спросил меня:

— Вы вашего бывшего руководителя группы, Игоря Сергеевича, как оцениваете?

— Я, товарищ капитан, не ученый, мне трудно судить...

— А как человека?

— Хорошо. Нормальный мужик, но немного не от мира сего.

— Вот тут вы, Василий Васильевич, ошибаетесь. Очень даже от «сего», точнее — от «того»... У него, между прочим, после смерти была обнаружена книга этого «литературного власовца» Солженицына, Евангелие, несколько икон... Конечно, все понимаем, свобода совести. Но, с другой стороны, неустойчивость это. А где неустойчивость, тут может быть всякое... Есть мнение, что и с установкой, которая взорвалась, не все ясно. Вот так. Поэтому вам, как воину Советской Армии, надо быть предельно бдительным.

— Да я, конечно... — Что-то у меня в башке не очень контакило. Игорь Сергеевич — и чуть ли не шпион! — но единственное, что я смог сказать в его оправдание, было то, что он отругал меня, когда я отговаривал Петьку вступить в комсомол.

— Да? — заинтересованно произнес капитан. — А это не фигурирует... Вы это точно помните?

— Точно! — сказал я, и капитана это обрадовало. Он дал мне листок бумажки, шариковую ручку, и я, с трудом вспомнив, когда происходила беседа, кое-как изложил ее содержание. После этого капитан велел мне поставить число и подпись, а бумажечку забрал.

— Приятно было познакомиться, — улыбнулся мне капитан. — Можете возвращаться в подразделение. Учтите, теперь у вас личный подшефный.

РЯДОВОЙ МИХАЙЛОВ

Петька стал в моем отделении правофланговым — рост у него был такой, что Мартынов, стоявший раньше на правом фланге, казался теперь не очень высоким, хотя имел метр девяносто пять, не меньше. Пришлось двигать койки. Петька оказался рядом со мной. Поговорить мне с ним как следует не удалось до следующей ночи. Мы заступили в наряд, я — дежурным, он — дневальным. Ночью, когда из бодрствующих в роте остались только мы двое, я наконец рискнул задать Петьке те вопросы, которые принародно задавать не мог.

— Ну, Петр Алексеевич, государь всея Руси, — сказал я, — ты что, и правда из детдома удрал?

— Для иных — так, — понизив голос и оглядываясь на спящих, сказал Петька,

— тебе же скажу — ложь сие! И все иное, что Дроздов тебе сказал, — брехня есть.

— Дроздов — это капитан, да?

— Полковник он, а капитаном машкерадно нарядился... Сказывал он мне, что у безопасности государства нашего врагов и иных супротивных немало, кои мнят вдругорядь Смутное время на Руси устроить. Хотят-де Советы свергнуть, а заместо того Империализм посадить. Я его парсуну видал: жирный, одежда черна, на главе ведро черное, а под седалище мешки со златом подгреб. И для того оные супротивные, о воскрешении моем проведав, могут народишко подбить на бунт, яко бы ради праведного и законного царенья моего... А от сего сотворится междоусобие, смута и самосуд; державе нашей, яко при треклятом Гришке Отрепьеве, может быть разорение и погибель. Сказывали, что и когда мы с Ванькой царствовали, таковое быть могло, да Господь оборонил... Мне-то трона все одно не видать, а иноземцы, империалистами рекомые, державу нашу умалят, а то и вовсе поплелят, аки при Батые поганом. От сего и велели мне персоны своей нигде и никому не открывать, окромя тебя. А коли буду сего держаться, то обещали и в комсомол принять...

— А жил-то ты где? — поинтересовался я.

— В потаенном месте, — посуровел Петька, — его также открывать не велели. Добро жил. Учили наукам: писать, как ныне уставлено, цыфири, пиитике российской, географии, гистории малую толику. На велосипеде учили ездить, после — на мотоцикле, а дале и на автомобиле, токмо прав не дали. Я этот самоход-то зело возлюбил! Все внутри изучил и сам уж ездил не единожды. По городу ездил и правила добро знаю: кому куда первому ехать надлежит, каковы знаки на дороге бывают и что оные показывают... Сказывали, будто и в первое житие я тож до наук был переимчив...

— А кормили как, ничего?

— Добро кормили, вина токмо не давали, да ныне я его и сам пить не стану. Кофей заморский, чай аж из самой Индеи, взвары из груш да винограда сушеного... Так-то я и в царском обличье не питался! Я уж просил их, чтоб не утруждали себя, а то что ни постный день, так все рыбы заморские, я таких-то и не слыхивал: макрурус, нототения... Щуку бы купили, али осетра, али белужины... Да я и сметку был бы рад. Сами же сказывали, чтоб я себя от царского житья отучал, а кормят тем, что простому человеку и не снится поди... Картофель да помидоры — их ведь у нас и не росло отродясь?

— Теперь растут, — сказал я.

— Это я ведаю, — вздохнул Петька, — только вот сказывали, будто я и повелел эту картофель в Русь привезти, а я не помню...

— Это ты позже, когда в Европу съездил... А кормили тебя вполне по-советски. Мяса-то давали?

— В скоромные дни давали, но сказывали, что ныне посты не блюдут, ибо сие суеверие суть. Тут-то, я гляжу, постного больше, хоть ныне, яко по-старопрежнему писано, — разрешение вина и елея...

— Вина тут не дадут... — сказал я. — А елей — это что?

— Масло коровье. Утром-то сколь его было дадено на каждого?

— Как положено — двадцать граммов... Каждому!

— Мудро сие! — сказал Петька. — Так и Бог велел... Я гляжу: и впрямь вы к Царству Христову идете... Живете во монашестве, без баб, поститесь в меру, службу воинскую несете, строением занимаетесь. Эдак-то и не молясь в Царство Божие внидем...

Я, конечно, промолчал. Из антирелигиозных соображений. Кроме того, меня занимал один вопрос, далеко отстоявший от темы разговора. Вчерашний дежурный по роте карантина, сдавая мне дежурство, сообщил, что прошлой ночью в

казарму наведывались «дедушки», которые тихо и без лишних слов заменили успящих «сынков» кое-какое новое обмундирование на старое. Тот дежурный был, как и я, свеженький, из учебки, и спорить с «дедушками» не стал. Докладывать, конечно, ему тоже не захотелось — кто же себе ищет приключений? Те, кого «переодели», узнали об этом только утром, поворчали, но, так как были уже морально подготовлены, умылись и стали спокойно донашивать стоптанные сапоги и тертые ремни. Мне очень не хотелось, чтобы «дедушки» повторили визит нынешней ночью, но они этого не знали и пришли.

— Привет, молодежь! — сказал «основной» из четырех вошедших, держа руки в карманах штанов. — Как служба?

— Нормально, — ответил я.

— А чего не приветствуем? Или уже службу поняли? Нехорошо... Ну, на первый раз прощается... Вот что, мужики: у меня дело есть. Дайте ключ от каптерки! У вас тут, говорят, парадку свежую привезли, померить хотим.

Я один на один этого «основного» не испугался бы. Честное слово! Но их четверо... А нас двое. И я, как-то сам того не желая, сунул руку в карман... Наверно, я навсегда погиб бы в глазах Петьки, если бы вынул руку с ключом. Но я ее не успел вынуть, потому что Петька, сойдя с тумбочки, встал рядом со мной и со щелчком выдернул из ножен свой штык-нож. После этого он вдруг совершенно не своим голосом, сугубо приклатненно, почти как Рюха из нашего двора, сказал:

— Вы что, фраера позорные, давно перья не глотали? Или забыли, как бычки в глазах шипят?

«Дедушки» поглядели на Петьку с его двумя метрами и ножом, на меня с рукой в кармане — хрен знает, что у меня там: ключи или финка? Поглядели и подумали — лучше не надо. К тому же шум, разбудишь народ, а со сна «молодые», не разобрав, кто есть кто, и навалить могут...

— Значит, не поняли нас... — разочарованно сказал «основной». — Придется вас наказать... Но сейчас поздно, «дедушкам» спать пора.

И они гордо, но явно обескуражено удалились. Только после того, как их подковки уцокали

куда-то вниз, я подумал, что все-таки Петька — жулик, а никакой не царь регенерированный. Блатные — они тебе и сыном министра, и внуком Брежнева представляются, и такого наговорят про себя, что ты и уши развесишь. А если еще и начитанные, то и старинным языком говорить научатся, и про Петра, и про Софью наболтают. Но спрашивать у Петьки, с чего это он так резко из царя на урку переквалифицировался, не стал... Человек он, судя по всему, тертый, даже если и не из семнадцатого века. Ткнет штыком, за забор и — в бега. Если этот капитан-полковник говорил правду, бегать ему не привыкать стать. И все же один вопрос я задал:

— Ты их и правда мог бы пырнуть?

— Вразумил их Господь, — сказал Петька обычным для себя образом, — а то и пырнул бы...

РАБОЧИЕ БУДНИ

«Старики», к своему счастью, больше нас не посещали и облаву на нас с Петькой не устраивали. Все они демобилизовались, а их места в штатных отделениях заняли молодые воины. Я принял второе отделение первого взвода первой роты. Здесь было пять человек, прослуживших дольше меня, двое прослужили столько же и трое с Петькиного призыва. Самым уважаемым человеком в отделении, да, наверное, и во всей роте, был «великий и мудрый» ефрейтор Зиянутдин Ахмедгараев. Он прослужил полтора года, и вся общественность без принуждения проводила вечерний намаз в честь славного сына татарского народа, озарившего светом своих идей весь Восток, Запад, Юг и Север. Намаз происходил так: дежурные ученики «великого и мудрого», поддерживая «великого учителя» под белые ручки, вели его в умывальник, сопровождаемые толпой почитателей. Перед раковиной дежурные ученики с возгласами: «Бисмилла-ар-рахмани-р-рахим!» — торжественно преподносили «великому и мудрому» зубную щетку и тюбик пасты. Исполненный величия Зия, достигавший вместе с пилоткой одного метра и шестидесяти пяти сантиметров роста, собственноручно производил намаз щетки зубной пастой. Едва щетка была намазана, Зия громогласно говорил: «День прошел!», а ликующий народ хором возглашал: «Ну и Бог с ним!» Летописец жизнеописания великого и мудрого Зиянутдина падал ниц — желательно, подальше от луж — и возглашал: «До неизбежного дембеля великого и мудрого Зиянутдина Ахмедгарасва, славного сына татарского народа, озарившего светом своих идей весь Восток, Запад, Юг и Север, осталось столько-то дней!» Все эти элементы присутствовали в церемонии ежедневно, но каждый день отчебучивали и что-нибудь еще, нестандартное. Ржали все, и никто не обижался. Не знаю, были ли среди нас мусульмане, во всяком случае, по документам все были комсомольцы, а им такое святотатство не возбранялось.

Зия утверждал, что он Аллаха не боится, хотя обрезание ему в детстве делали — обычай! До армии он вкалывал где-то на буровой под Альметьевском, пил водку, ел свинину и вообще был для ислама потерянным человеком. Мудрость Зии состояла в немногословном и необыкновенном умении делать любую работу прекрасно. Он был единственным каменщиком во всей части, который мог сложить кирпичный свод или трубу круглого сечения. Вместе с тем его можно было посадить на грузовик, трактор, бульдозер. Мог он при необходимости и возглавить плотничный расчет, изготавливающий рамно-ряжевую опору для временного моста. Одно мешало его служебному продвижению — отсутствие сержантского образования. Ефрейтора он получил, и быть бы ему младшим сержантом, но вот — не повезло. Решили, что не стоит мучить старого человека командными заботами, и преподнести ему вторую лычку уже перед увольнением. В результате «великий и мудрый» оказался подчиненным у малограмотного и к тому же молодого Василия Лопухина.

Если мое начальствование «великий и мудрый» воспринял с недоверием, то старшего сержанта Кузьмина, замкомвзвода, он признавал безоговорочно. Именно на этом старшем сержанте и держался внутренний порядок во взводе и во всей

роте. Старшина роты вполне мог доверить Кузьмину вечернюю поверку -самоволки Кузьмин не терпел органически. Ни один «старик» не мог рассчитывать на снисхождение. Любой сержант, даже равный Кузьмину по должности, знал: прикроешь «самоход» — добра не жди. Но некоторое послабление получали мы — молодые «комоды». Нас таких в роте было четверо. В первый же день, когда нас распределили в эту роту, Кузьмин, прохаживаясь перед ротой, заявил:

— Персонально для всех шибко старослужащих. Две лычки — это святое! Тот, кто будет гавкать на моих юных коллег, называть их салагами, салабонами и иными дурацкими кликухами, будет жить плохо. Я лично обещаю всем старым, что они будут пахать долго и упорно, как папа Карло, когда строгал Буратино. Для каждого очень старого человека я найду нормальную кразовскую кучу щебня на будущем новом плацу. Если не дойдет через голову, будет доходить через руки. Я вам не ротный, я военнотружущий срочной службы, и времени на ваше воспитание у меня мало! Всем ясно?! Отлично. Рота, приготовиться ко сну! Дембель неизбежен! Ро-та-а... Отбой! Сорок пять секунд!

Наверно, поэтому у меня особых проблем не возникало. Были два гаврилы, на которых я не произвел впечатления поначалу: Уваров и Макаров. Первый был на полгода раньше призван, второй одного призыва с Кузьминым. Кроме того, конечно, были проблемы с «великим и мудрым», но о них — особо. Что же касается Макарова и Уварова, то они были прежде всего величайшие сачки. Первое время ими овладел наглеж и жуткая борзота. Вопреки предупреждению Кузьмина они на первой же зарядке не вылезли из коек и объявили, что «дедушки» спать хотят. Меня, конечно, послали, куда — не скажу, военная тайна.

— Двоих не вижу! — прорычал Кузьмин. — Второе отделение, где ваши люди, япона мать! Поставьте их в строй, младший сержант Лопухин! Бегом!

Я вышел из строя, но как поднять Макарова и Уварова, не знал — этому в учебке не очень учили.

— Сержант Бойко, ведите взвод, — видя мою растерянную рожу, пожалел меня Кузьмин и вместе со мной направился к койкам, где, закутавшись в одеяла, досыпали оглоеды.

— Показываю, — объявил Кузьмин, — на счет «раз» сержант берется за спинку койки. На счет «два» койка поворачивается набок... На счет «три» сачок вываливается на пол.

— Саня, не надо! Крыса буду — уже проснулся! — вскричал Макаров, глядя на то, как Уваров барахтается на полу, путаясь в одеяле и простынях.

— Подъем! Тридцать пять секунд! Лопухин, бегом догонять взвод. С этими я сам позанимаюсь.

Догоняя взвод, я думал, что все это так, для понта. Уварова, как молодого, они, может, и выгонят, а сами, как истинные «дедушки», никуда не пойдут.

Однако уже минут через пять, обегая со взводом очередной круг по стадиону, я увидел, что Макаров с Уваровым, как и весь народ, с голым торсом бегут вслед за поджарым, рослым и мускулистым Кузьминым. Бойко нас остановил и начал комплекс на шестнадцать счетов, а Макаров с Уваровым все еще мотали круги вокруг стадиона, причем Кузьмин гнал их в таком темпе, что они давно должны были языки высунуть. Уже уходя со стадиона, мы увидели, как он заставил их отжиматься от земли...

На следующее утро они поднялись уже по моей команде, без скрипа и матюков.

«Великий и мудрый» ефрейтор Ахмедгараев тоже был не сахар. Вся трудность заключалась в том, что он являлся очень хорошим солдатом и все умел делать лучше меня. Если б мне это было в помощь, я бы его на руках носил. Однако «великий и мудрый» все время демонстрировал свое превосходство и тем самым пытался доказать, что Лопухин — это салага с лычками, а он — величайший в мире военный специалист. С Зией мы столкнулись совершенно неожиданно на почве Высоцкого. Оказалось, что и в Альметьевске таганского Гамлета знали и слушали с удовольствием. Ни я, ни Зия на гитаре играть не умели, да и пели не шибко, но тем не менее стоило мне или ему процитировать какую-нибудь песню, как соответственно он или я тут же договаривали продолжение. А когда я нашел контакт с Зией, все вообще стало о`кей.

Петька в этом отделении тоже угодил на правый фланг. По сравнению с временами карантина после его регенерации — если все же считать, что он не жулик! — он здорово физически окреп, и теперь мне, пожалуй, уже не удалось бы так легко его завалить, как я это сделал в день нашего знакомства. Кроме того, на его руках и груди появились явно тюремного образца татуировки. По нашей части уже прошел слух, что Петька — человек из зоны, вор в законе или еще что-то в этом духе, чуть ли не убийца. Насчет воров в законе все были в порядочном неведении — что это такое. Потом выяснили, что воры такого класса в армию не вдут, ибо воровской закон им это дело запрещает. Говорить нам с Петькой приходилось мало, потому что в части не спрячешься — кругом народ.

Те, кто утверждал, что будет легче, не ошиблись. Войска наши не столько служили, сколько строили. БАМа для нас в этой местности не было. В результате мы занимались тем, что строили небольшой дом для семей наших офицеров и прапоров.

На стройке командует не тот, у кого лычек больше, а тот, кто лучше знает дело. Я, например, до армии ни одного кирпича не положил, в учебке меня научили класть и сбалчивать звенья железнодорожного пути, а каменные работы мы что-то не проходили. А мое отделение как раз и занималось каменными работами. Поэтому за главного оказался «великий и мудрый» ефрейтор. Я стал к нему в подсобники; таскал на совковой лопате раствор из бадьи и раскладывал его ровной и длинной лепехой по верхнему слою кирпичей. Зия покуривал и зорким оком глядел, как я это делаю, изредка подавая ценные указания. Потом

я подавал ему кирпич, а он быстро и ровно прилепывал его на раствор, подстукивал рукоятью мастерка, ровняя по нитке и по отвесу, лихо, со звоном, соскребал лишний раствор со шва, набрасывал комок раствора на торец кирпича, хватал другой... и так далее. Угнаться за ним было сложно.

Петьку в первый день поставили подсобником к Макарову, но они очень быстро поменялись местами. Макаров работал так, будто через полчаса собирался помереть от истощения сил. Кирпичи он ставил то вкривь, то вкось, потом снимал, перекладывал, счищал раствор, зевал и все время глядел на часы. Петька постоял-постоял, поглядел-поглядел, а потом отпихнул сачка в сторону и стал работать и за подсобника, и за каменщика. Видно, было у него свойство все схватывать на лету. Как он пошел класть, тут даже «великий и мудрый» ефрейтор удивился! Сперва Зия не поверил своим глазам и решил, что Петька напортачил. Он полез проверять кладку с отвесом и уровнем, с ниткой и другими научными приборами.

— Четвертый разряд, — протарифицировал он Петькину работу, показал большой палец и сказал. — Годится!

Макаров в это время мирно спал на куче пакли, приготовленной для чеканки канализационных труб. Тут он был обнаружен бесшумно возникшим Кузьминым. Старший сержант даже обрадовался: видать, ему нужна была «жертва». Макаров аж на полметра

подскочил, когда Кузьмин гаркнул.

— Встать! Два «КрАЗа» в личное время!

А это означало, что в те полтора часа, когда все послушные и примерные воины пишут письма домой, подшивают воротнички или смотрят телевизор, Макаров должен вилами разбрасывать кучу щебня, которую очень большой самосвал вывалит на наш будущий новый плац. За полтора часа один человек эту кучу раскидать не может. Соответственно, задание либо выполнялось до самого отбоя, либо переносилось на следующее личное время. А два «КрАЗа» — это вдвое больше...

— Я из тебя сделаю человека, — ободряюще сказал Макарову Кузьмин. — Если тебя за полтора года не воспитали — я за полгода переделаю, понял?

— Мы ж с одного призыва, Саня... — умоляюще произнес Макаров. — А ты так...

— Ты стариковское звание срамишь, — сурово сказал замкомвзвода, — салажня, глядя на это, портится. Но ты, Валя, не безнадежен. Я тебя перевоспитаю.

Петька на каменных работах, судя по замерам, перегнал Зию. «Великого и мудрого» это заело. Началось не то соцсоревнование, не то гонка двух чудаков, которые забесплатно рвутся друг друга обставить. Поскольку Петька работал быстро, он стал гонять и Макарова, а Зия, соответственно, поторапливать меня. В конце месяца Петька и загнанный как лошадь Макаров перегнали нас с ефрейтором на очень порядочное число кубов, доведя процент выполнения нормы выработки до какой-то неведомой в здешних местах цифры. Вот тут-то и вышло первое столкновение Петьки с Кузьминым.

После того, как в честь Петькиной победы был поднят флаг трудовой славы, Кузьмина зачем-то вызвал ротный. После посещения канцелярии наш славный «замок» вернулся какой-то серый и помятый.

— Вот что, орлы, — сказал он хмуро, — этот трудовой героизм надо завязывать. Если мы будем каждый раз полтора плана давать, нам нормы поднимут. Молодые, здоровые, все понимаю, но больше не рвитесь. Все и так видят, что работать вы умеете. Но отныне чтоб не выше ста шести процентов, ясно?

— Никак нет, — сказал Петька.

— Не понял? — удивился Кузьмин. — У вас на зоне так не бывало, да?

— А мы не на зоне суть, а в войске, — сказал Петр, — не боярину палаты ладим, а для своих же начальных людей, для офицеров и баб их с детишками, дабы оные в зиму не стыли...

Надо заметить, что к Петькиной манере говорить народ уже привык, считали, что он выделяется. Иногда он говорил совершенно по-современному, иногда

так, как теперь даже в стихах не пишут, а иногда так, как и в деревне не выражаются.

— Все верно, — кивнул Кузьмин, — но ты пойми, вы с Зией асы, вам эти нормы — тьфу! Но ведь у нас и другие есть, которые только-только укладываются. Накинут нам норму из-за вас — они и половину не сделают. Отсюда что? Невыполнение. А это хреново, нас за это дрючить будут... А так — спокойненько, без напряжения, сто шесть и — кури хоть до вечера.

— Ты в комсомол записан? — спросил Петька, будто не видел на кителе Кузьмина значка.

— Рядовой Михайлов, — культурно и вежливо сказал Кузьмин, — это к делу не относится. Считайте, что я вам приказываю. А приказ начальника — закон для подчиненного. Все ясно?

— Так точно, — ответил Петька. Кузьмин уже просек, что Петька, слыша слово «приказ», никогда не спорит.

Однако, когда мы через какое-то время опять оказались вдвоем в наряде по роте, Петька, стоя на тумбочке, сказал задумчиво:

— Верить ли, Василий, по сю пору не все я в делах ваших понимаю! Уж больно все у вас запуталось. Неужто все ныне умеют словесно одно говорить, а дело иным образом делать? Вот смотри, вчера нам Кузьмин говорил про порядок и дисциплину, так?

— Ну, говорил, — согласился я.

— Сказывал, что народное имущество беречь надобно, так ли?

— Так.

— А какого ж он хрена вчера повелел раствор в подвал перекидать? Там этого раствора килограммов с полтыщи, а то и поболее. Народное имущество тож...

— Ну... — сказал я, сдвинув пилотку на нос. — Он же ради нас старался! Нам вчера когда последний самосвал привезли? Мы б его до ужина не выработали...

— На ужин могли и расход оставить, — сказал Петька упрямо, — а аз грешный за таковое бесчинство в первое житие свое повелел бы оногo сержанта в солдаты разжаловать и по сем бить батоги нещадно, снем порты!

— Ты эти старорежимные замашки брось! — проворчал я, хотя подумал, что если бы о фокусе с раствором узнал Шалимов, то суток пять, а то и десять Кузьмин получил бы наверняка.

— Старорежимные! — обиделся Петька. — То-то и оно, что у меня-то сие новообретенное... Мы работу народу делаем али царю? Меня, что ли, во оный дом на квартиру поселят? Я только тем и счастлив, что думаю — вот построим дом, въедут туда жены и детишки малые, помянут нас добром... Плохо ли?!

— Хорошее дело, — согласился я, хотя, честно говоря, мне было все равно, как меня помянут офицерские семьи, — но зачем Кузьмина пороть? У нас за это строго...

— Знаю, — отмахнулся Петька, — я сказывал, как в первое житие судить стал бы. Но и ныне бы не спустил, будь я командир.

— Покамест он командир, а не ты. Вот дослужишься до «замка», посмотрим, как командовать будешь...

— Это что же? — Петька взглянул на меня так грозно, что я судьбу поблагодарил за то, что встретился с ним во втором житии, а не в первом. — Стало быть, коли солдат видит, что его сержант неправду творит, так долженствует ему молчать? Я, покуда у Дроздова сидел, книгу одну чел, в коей указы мои записаны еще от первого жития. Один я наизусть выучил, слушай: «Когда кто в своем звании погрешит, то беду нанесет всему государству, яко следует. Когда судия страсти ради какой или похлебства, а особливо когда лакомства ради погрешит, тогда первое станет вею коллегия тцаться в свой фарватер сводить, опасаясь от них извета. И, увидев то, подчиненные в такой роспуск впадут, понеже страха начальничья бояться не весьма станут...»

— Перевести можно? — зевнул я. Время-то было ночное...

— А чего тут переводить? — возмутился Петька. — Не аглицким речено — славенским!

По-теперешнему оно значит: если ты, начальник, в чем-то виноват, то с подчиненных спросить уже не можешь, бояться их будешь... А далее вот так было: «...Понеже начальнику страстному уже наказывать подчиненных нельзя, ибо когда лише только приметая за виноватого, то оной смело станет неправду свою покрывать выговорками непотребными, дая очми знать — а иной и на ухо шепнет! — что есть ли не поманит ему, то он доведет на него. Тогда судья, яко невольник, принужден прикрывать, молчать, попускать...» Понял?

— Да ты уж прямо из мухи слона делаешь! — хмыкнул я. — Что мы, этим раствором Кузьмина шантажировать станем?

— Не скажи! — возразил Петька. — Кто-нибудь ему обязательно и в другой раз намекнет, дабы он раствор в подвал направил, и он, убоясь того, что кто-либо про первый раз проскажет, весь самосвал в подвал спихает! С малого может начаться, а далее пойдет, только держись! Ежели б был я в комсомоле, то сказал бы о сем в собрании...

— Да брось ты! — фыркнул я. — Чего тебе, больше всех надо?

— Нет, не брошу! — почти прорычал Петька. — Ведь дале в указе так было писано: «...И тако, помалу, все в бесстрашие придут, людей в государстве разорят, гнев божий подвигнут, и тако, паче партикулярной измены, может быть государству не токмо бедствие, но и конечное падение...» Так с Романовыми и вышло, яко мною в старопрежнее время было предсказано! И вас сие же ждет, коли не уйметесь...

— А еще в комсомол просишься, — ухмыльнулся я, — царя Николашку пожалел...

— От моего он корня, — серьезно и очень печально сказал Петька и вдруг стал загибать пальцы: — Анна, Петр, Павел, Николай, Александр, еще Александр, Николай Другой — седьмое колено мое выходит. Да и восьмое тож перевели — малолетное... Не столь потомство свое жалко, сколь державу... Государство упало, коее я в первое житие строил, — вот чего жалко! Сколь трудов, сколь много жизней ушло... Не для себя я ладил его — для людей российских! Я его делал, чтоб оные люди себя уважать могли и иноземцам не кланяться! Как его уж там испортили — не ведаю. Только знаю, что не одни цари в сем виноваты, а и те, кто в коллегиях и министерствах лихоимством жили, кто, убояся для себя извета, мздоимцев и воров покрывали...

— Откуда ты знаешь, что ты думал? — спросил я с усмешкой.

— Ведь ты сюда из 1689 года попал. Ты еще и не начинал его строить, государство это!

— Не начинал, — сказал Петька, — но уж задумывал... Тут в роту пришел с проверкой дежурный по части, а после его ухода я поднял другого дневального и отправил Петьку спать...

И все же разговор этот не кончился. Через несколько дней, когда нам опять поздно привезли раствор, и перед самым концом смены в ящике было не менее полутора кубов, Кузьмина снова повело не в ту сторону.

— Ну, что, орлы? — сказал он, заговорщицки подмигивая нам. — Охота на ужин вовремя?

Макаров, Уваров и еще кто-то завопили:

— Охота!

— Тогда живенько раскидали растворчик и — к машине! И тут Петька встал с лопатой на изготовку перед ящиком.

— Не пуцу!

— Ты что? — выпучился Кузьмин. — Взбесился?

— Раствор не выработан. Его люди делали не псу под хвост...

— Нет, так не пойдет, — как-то обиженно сказал Кузьмин, — в передовики хочешь выйти? Пожалуйста, выходи. Только учти, что от несвоевременного питания язва желудка бывает...

— А от большого ума — голова трескается! — с угрозой прибавил Макаров.

— Ты против коллектива идешь, товарищ Михайлов, — вежливо произнес

«замок», — а служишь — без году неделя... Я, конечно, понимаю: трудоедетство, дурная компания и тэ дэ и тэ пэ... Но здесь все-таки армия, а не «малина». Это там такие крутые, как ты, в паханы выходят. А я ведь и приказать могу...

Похоже, он собирался опять купить Петьку на это слово: «приказ». Но на сей раз финт не вышел.

— Так точно, товарищ старший сержант, — ответил Петька, — можете. Только письменно!

— Смотри-ка, — удивился Кузьмин и очень неприятно осклабился, — может быть, у командира части печать поставить?

— На морде ему печать поставить! — взвизгнул Уваров.

— Отставить... — сказал Кузьмин, что-то прикидывая в уме. — Это ж не наш метод.. Ладно, я человек не гордый. Учитывая порыв масс в лице рядового Михайлова, весь взвод останется на доме до тех пор, пока не выработает раствор. Я сейчас поеду в часть, скажу, чтоб оставили расход до 22.00. Здесь старшим остается младший сержант Лопухин. Вам тут работы часика на три-четыре... Ну а если завтра я обнаружу в ящике засохший раствор, то чистить его будет сам лично товарищ Михайлов, с ломиком и большой совковой лопатой... Приказ ясен?

— Да пусть он один остается, салабон этот! — заорал Макаров. — Повыделываться решил за наш счет!

— Молчи! — сказал вдруг старый и мудрый ефрейтор. — Ты сачок! Кирпичи класть не умеешь, только орать умеешь!

— Командуйте, Лопухин! — сказал Кузьмин на прощание и оставил меня с взбудораженным взводом. С ним под шумок уехал и сержант Бойко. Положение было хуже губернаторского: Подстрекаемая Макаровым и Уваровым публика вот-вот готова была броситься на Петьку, который набычился и угрожающе поигрывал лопатой. «Дедушка» Ахмедгараев и еще пара-тройка лиц занимали нейтрально-благожелательную позицию по отношению к Петьке, но сколько народа за него заступится? Как я ни прикидывал, расклад был не в нашу пользу. Кузьмин слинял, и теперь все свалилось на меня... Между тем Петька лопатой свободно мог размозжить две-три головы, прежде чем остальные размазали бы его по стене. Слава Богу, «остальные» это тоже понимали.

Напряженность снял Шалимов. Его «уазик» возник внезапно. Вслед за ним из машины вылез замполит Литовченко. Народ востепенулся и шарахнулся, я с перепугу заорал:

— Взвод, в колонну по три — становись! Напра-во! Р-рав-няйсь! Смирно! Товарищ подполковник...

— Вольно... — нежным голосом сказал Шалимов. — Что это у вас за парад, товарищ Лопухин? Растворчик сохнет, а вы здесь строевой подготовкой занимаетесь? Ну-ка

быстренько расставьте всех на места!

Приободрившись от присутствия начальства, я ловко, почти как Кузьмин, расставил всех туда, где они работали раньше.

— Ну что, шалимовцы, пошалим? — предложил подполковник в своей обычной манере и скинул китель вместе с портупеей на сиденье машины. — Ну-ка дайте кирпичиками поиграться!

Майор Литовченко вытащил из машины маленький кассетник, врубил его и поставил на капот «уазика». Чтобы лучше было слышно, он вытащил желтый мегафон с пистолетной рукояткой, привязал шнурком курок-выключатель и поднес мегафон к динамику кассетника. Загромыхала какая-то залихватская песня на японском языке, совершенно непонятная, но ритмичная. В работу впряглись все: и Шалимов, и замполит, и даже их шофер, который попал ко мне в подсобники. Шалимов с Ахмедгараевым взялись соревноваться и перекидывались какими-то шуточками, которые далеко не вся публика понимала, ибо произносились они на татарском языке, но отчего-то было весело. Не провозились мы и полутора часов. К шапочному разбору приехал Кузьмин — видно, ему сообщили, что подполковник с замполитом отбыли на дом. При нас Шалимов ему ничего не сказал. Он отправил меня старшим на грузовике, который пригнал Кузьмин, а самого Кузьмина посадил к себе в «уазик»... Когда Кузьмин вернулся во взвод, вид у него был необычный. Должно быть, такой вид бывает у человека, которому только что поставили клистир.

Я думал, что Петьку после этого возненавидят. Но вышло по-иному. Его зауважали. Кузьмин, дожидаясь дембеля, объявил, что ему все по фигу, что он забивает на службу болт и так далее. К тому же Шалимов в награду за растворные дела — кто-то все-таки настучал! — дал ему пять суток «гауптической вахты». Своей губы у нас еще не было — построить не успели, — а на гарнизонке была очередь. Но Шалимов был человек памятный и все-таки пробил для Кузьмина посадку. Вот после этого Кузьмин и обиделся. Он даже перестал ходить на зарядку и вообще всеми силами доказывал, что без него службы не будет. Тем не менее служба шла, дембель приближался слишком медленно, и здоровое честолюбие «замка» вновь поставило его к кормилу власти. Но это уже было не столь важно, потому что вскоре произошло самое главное событие...

БИТВА НА СВАЛКЕ

— Не вернусь я в Москву, — сказал как-то раз Петька, — шумна она ныне... На БАМ поеду али на АЯМ — его, сказывают, тоже ладить будут. Тут на права, сказывают, сдать можно будет — вот и поеду, шоферить буду. Вкалывать хорошо

— это лучше, чем плохо царствовать. Все-то я уже в вашем бытии уразумел, да многого не понимаю. Учат, скажем, нас на геройских примерах — понятно! Шел солдат по улице, видит — пожар! Побежал в дом, дитя малое спас — герой! Но ведь дома-то, слава Богу, не каждый день горят, и не каждому солдату мимо них сподобится пройти. Значит, и подвигов таких тоже на всех не хватит. А вот работать каждый день надо, и не токмо, чтоб хлеб свой насущный заработать или дом в достатке содержать. Хлеб съешь, вещи изнасятся... Многие, Василий, в государстве вашем не знают, зачем живут. Бога-то вы отменили, решили рай на Земле строить, а в небеса космонавтов запускать — предерзостно, но лихо! Я, сказывают, в первое житие повелел колокола с храмов снять да в пушки перелить — и то сейчас не верю. А вы в гордыне-то еще дальше ушли... К добру ли? Слава-то мирская проходит, а жизни вечной вы себя лишили, надежду на спасение отринули, не страшно ли жить? Ведь рай-то ваш, коммунизм, не скоро построится. Мню я, что и нам с тобой, грешным, не дожить, разве внукам

нашим. И знаешь, отчего мне сие на ум вошло? От цемента вашего. Вижу я, что не приучили вы покуда всех, чтоб они добрые дела от души делали, не тщась некую выгоду из доброты своей нажить. Да и иных видел немало причин. Ведь среди вас, кто в комсомол записан, не многие в коммунизм веруют. И делают також не по вере. Истинно в Писании сказано было: «Вера без дела, а дело без правыя веры мертво есть обоя...»

— Понятно, — сказал я. — «Если тебе корова имя, то быть должно молоко и вымя, а если ж нет ни молока, ни вымени, то черта ж в твоём коровьем имени?!»

И с чего это мне Владимир Владимыч на ум пришел? Петьке хорошо, он Священное писание читал, а мне, когда какой-то афоризм выдать надо, так обязательно Маяковский или Высоцкий на язык попадается. Это я уж сейчас понял, что культура у нас с ним, Петром Алексеевичем, была разная, хоть и люди мы от одного корня — российского.

А назавтра с утра пошел дождь, мелкий, холодный, отвратительный. И ветер тоже был такой, что хуже некуда, продувал сквозь хэбэ и плащ-палатки до костей. Если б не еще зеленая, с редкой прожелтью, листва, можно было бы подумать: на дворе октябрь или начало ноября.

В этот самый день горсовет пригласил нас на расчистку какой-то свалки. Из области ожидалось солидное начальство, которое уже намекало, что свалку не худо бы убрать. Городское начальство пообещало, да что-то проканителелось, закрутилось и вспомнило о свалке лишь тогда, когда пришла из обкома предупредительная телефонограмма: «Иду на вы!» Областной товарищ должен был приехать завтра, а у города грузовиков на уборку мусора не хватало. Поклонились в ноги Шалимову, который распорядился послать туда три самосвала и бульдозер, а на всякие мелкие работенки отрядил наш доблестный взвод. Прямо с развода мы, вооружившись лопатами, носилками, ломами и другой боевой техникой, попрыгали в «Урал» и поехали «на поле брани».

Свалка была действительно неудачно расположена — прямо посреди нового микрорайона. Строители, расчищая площадку под новые дома, спихали сюда бульдозерами многие тонны и кубометры земли, бревен, камней, заборов, вывороченные с корнями кусты и деревья, смятые и скрученные листы кровельного железа. Кроме того, сюда же попали всякие строительные отходы: раздавленные или треснувшие бетонные плиты и блоки, обрезки стальных труб, арматурные прутья, лестничные марши, рулоны рубероида, мятые ведра и бочки с цементом и краской, ящики, кирпичи и прочая, прочая, прочая... Наконец, местные жители, обитатели того же самого нового микрорайона, стали выкидывать туда все, что им было не нужно, поэтому в горах мусора блестели полуразвинченные никелированные кровати, целые и расколотые гардеробы, серванты, вешалки, драные сапоги, валенки, детские горшки, игрушки, пластиковые пакеты, консервные банки... Археолог трехтысячного года, попади ему в руки такое богатство, должно быть, удавился бы от радости.

Кроме нас, на этом историческом месте работало еще полно народа. Комсомол города по призыву партии в лице здешнего райкома объявил субботник, хотя, помнится, дело было в среду. От всех предприятий были выделены бригады, и в сумме собралось человек триста, не меньше. Местная ПМК пригнала пару солидных экскаваторов и три маленьких — на тракторах «Беларусь». Еще было шесть-семь бульдозеров, десятка два самосвалов, несколько кранов и даже трелевочный трактор. Вся эта армада набросилась на свалку, окружила ее со всех сторон и приступила к планомерному уничтожению. Экскаваторы вгрызались своими зубастыми ковшами в груды земли, которые к ним пододвигали бульдозеры, хищно сверкающие своими выбеленными о грунт ножами. Краны выдергивали присыпанные землей бетонные плиты и перебрасывали их в самосвальские кузова. Трелевочник, затесавшийся в эту компанию, пыхтел и упирался, вытаскивая из кучи мусора мокрые, с корнями и остатками листвы, деревья. Их отволакивали к огромным кострам, где полыхали доски, бревна от снесенных домишек, трухлявые сортирчики, ящики, ломаная мебель. Половина нашего взвода таскала на эти аутодафе все, что могло гореть. Другая

половина под моим чутким руководством занималась железяками, наваливая их на самосвалы. Вместе с нами работали несколько гражданских мужиков, среди которых выделялся один по кличке Слон. Слон работал как трактор, забрасывая в кузов одним махом такие хреновины, которые и втроем не осилишь. Он даже попытался выдернуть из кучи земли решетчатую опору от линии электропередачи. Она, правда, была не очень большая, но весила не одну тонну. От услуг Слона пришлось отказаться и позвать на помощь бульдозер. Увезти ее было не на чем, целиком она никуда не входила. Пришел дядька с автогеном, раскромсал опору на части, а потом ее краном забросили в кузов нашего здорового «КрАЗа».

— Ну и война! — восторженно вопил Слон, закидывая в кузов двухметровый обрезок четырехдюймовой трубы. И правда, все это мероприятие сильно напоминало войну. Зловеще полыхали костры, лязгали гусеницы, ревели моторы, дым и копоть витали в воздухе, грохали камни о кузова, а отбойные молотки, которыми разбивали какие-то крупные обломки, тархтели как пулеметы...

Уже к обеду большая часть куч была раскидана, растащена и разобрана. Нам привезли термосы с борщом и кашей да еще бидон компота. Гражданских кормил местный общепит. Дождь по-прежнему моросил, присесть было негде, распахались по кабинам и крытым кузовам. Мы с Петькой залезли в кабину «КрАЗа», стоявшего поблизости от еще не срытой кучи земли. Устроились удобно, водила был человек гостеприимный, только попросил за приют принести ему лишнюю кружку компота. Вылезать не хотелось, приказывать Петьке я не стал, а предложил потянуть на спичках. Выпало все-таки ему. Петька пожегся, выбрался из кабины и потопал по грязи к термосам.

— Оп-па-а! — послышался лихой крик. По скату кучи съехал Слон, обрушив за собой солидный объем земли.

— Пустите меня подсохнуть! — попросился он и, не дожидаясь ответа, влез в кабину, «слегка» подвинув меня к водиле. Зад у него был тоже как у слона... Водила хотел было заругаться, что Слон на сапогах принес в кабину ведро грязи, однако не решился — уж очень Слон был здоровый. Кроме того, чаш гостеприимный хозяин что-то заметил впереди и уставился в эту точку.

— Чего? — спросил я, увидев, что глаза у него какие-то не те, и тоже посмотрел в ту сторону. Из-под осыпавшейся земли торчала какая-то ржавая раскоряка.

— Бомба! — выдохнул Слон раньше, чем это успел сделать я. Чуть-чуть приглядевшись, я почти облегченно сказал:

— Не, это один стабилизаторов самой бомбы там нет...

— Где же она? — прошептал Слон, явно мне не веря.

— Эту кучу только что бульдозер нагреб. Если б там такая бомба была, от которой этот стабилизатор, так он бы в нее ножом уперся, да и сдвинуть бы ее не смог... А стабилизатор легкий, он его и не заметил.

Не знаю, откуда я набрался храбрости, только смог, перебравшись через трясущегося Слона, вылезти из кабины и подойти к куче. Да, это был только стабилизатор: здоровенный, с четырьмя измятыми ржавыми лопастями, соединенными обручем. Я в бомбах понимал мало, но прикинул, что при таком стабилизаторе эта хреновина должна быть раза в полтора выше меня ростом... И еще одно мне не понравилось; в тех местах, где стабилизатор должен был крепиться к бомбе, перья были обломаны, похоже, совсем недавно, потому что на изломах поблескивали заусенцы еще не проржавевшего металла. А это могло означать только одно...

— Бомба где-то тут... — сказал я, возвращаясь к кабине. Слон было дернулся, водила тоже, но я вовремя успел сказать: — Не спешите, мужики! А вдруг наступите?

Теперь их, наоборот, было уже трактором не вытянуть из кабины. Малиновая рожа Слона стала бледнеть, он суетливо озирался, даже с сиденья привстал, будто бомба у него под задницей могла оказаться...

— С этим не шутят... — прохрипел он.

— Ни и не паникуют, — сказал я так, будто для меня бомба — обычная вещь.

По правде сказать, мне тоже очень хотелось оказаться где-нибудь километра за два от этого места. Я слышал, что немцы в войну делали бомбы с часовым механизмом. Механизм мог и не включиться при падении бомбы. Упала она себе и пролежала сорок лет. Но если этот механизм, скажем, не успел проржаветь, а пружина не «устала» в сжатом положении, то он мог запросто включиться... Например, оттого, что бульдозерист, передвигая кучу, заглубил нож в коренную почву и срезал проржавевший стабилизатор с бомбы. И кто его знает, где этот механизм теперь тикает — может быть, прямо под колесом «КрАЗ».

— Сними с тормоза, — сказал я водиле, — и, не спеша, по старым следам — назад!

Тот послушался, снял с тормоза свою махину, и «КрАЗ» под действием собственного веса откатился от кучи точно по старым следам. Дальше уклона не было; водила вывернул руль и попятил машину еще дальше уже с помощью дизеля.

— Загороди проезд! — совсем как настоящий командир приказал я водиле. Это было вовремя; сюда, к этому взрывоопасному месту, уже подбирался, переваливаясь на высоченных задних колесах, «Беларусь» с ковшом, а за ним тянулся еще и «ЗИЛ-130»...

Водила поставил свой аппарат поперек дороги. С остановившегося трактора, едва его не опрокинув, соскочил пузатый механизатор и, ругаясь в Бога, душу, мать, пошел выяснять, в чем дело. За его тарантасом противно забибикал «ЗИЛ».

— Вали отсюда! — заорал Слон. — Тут бомбы!

В это время появился Петька с большой кружкой компота.

— Где бомбы? — ошалело спросил механизатор, в то время как Петька невозмутимо передал кружку нашему шоферу, явно не собиравшемуся утолять жажду. По-моему, ему хотелось совсем обратного.

— Чего вы тут раскорячились-то? — спросил Петр. — Людишкам дорогу загородили?

— Бомба где-то тут, — сказал я, и мне механизатор поверил. А тот, что на «ЗИЛе», ничего не слышал и продолжал бибикать. На этот шум пришел, как всегда, неведомо откуда возникший Шалимов.

— Что вы опять бегаετε, Лопухин? — спросил он по обыкновению очень нежно.

— Зачем дорогу перекрыли?

— Взрывоопасный предмет, товарищ подполковник! — сказал я как-то уж очень научнообразно.

— Где, в кузове? — Шалимов шагнул было к самосвалу.

— Нет! — замахал рукой Слон. — Не туда, начальник! Вон, иди до кучи!

Шалимов велел прочим не рыпаться и пошел со мной «до кучи».

— Там только стабилизатор, — сказал я ему по дороге. — Его, наверно, бульдозером с бомбы срезало...

— Вы видели или только предполагаете? — резко спросил Шалимов. — А то, может, он еще в сорок первом оторвался?

— Излом свежий, — возразил я.

Подошли к стабилизатору. Шалимов увидел заусенцы и помрачнел. Вопрос его не был оригинальным:

— А где же бомба?

— Где-то тут... — я по-дурацки развел руками. Шалимову тоже стало не по себе, и он машинально глянул под ноги. Бульдозеры нагребали эту кучу с разных сторон, двигали и передвигали. Какой из них снес стабилизатор и под каким из комьев глины на этом изборожденном колесами и гусеницами поле оказалась бомба — понять невозможно.

— Так. Придется немножко пошалить, — с некоторой нервинкой в голосе пошутил подполковник. — Берите мой драндулет, дуйте в часть. Пусть Литовченко гонит сюда всех, кроме наряда. Минно-подрывной взвод — в первую очередь. Капитан Медоносков пусть берет все, что у него есть для боевого разминирования... Дуйте!

Я дунул. Шалимов приехал на «ГАЗ-66», и на этом скоростном «драндулете» меня довели до части за пять минут. Что творилось на свалке, я не знаю. В части я сумел довольно толково передать приказание начальства Литовченко, который поднял всех по тревоге. Медоносков со своими щупами и металлоискателями быстро забросился в кузов «газона». Втроем в кабине маленького грузовичка было тесновато, но Медоносков не стал меня выгонять, а воспользовался дорогой, чтобы расспросить, как и что.

— Вот такой, говоришь, стабилизатор? — показал Медоносков. — Тонная, что ли? Не дай Бог долбанет... Все коробки волной посшибает!

И усмехнулся, словно был очень доволен. На полевой ПШ Медоноскова в три ряда разноцветились ленточки наград. Красно-бело-красная — орден Красного Знамени, две красно-серо-красных — Красные Звезды, остальные медали. И седая голова, будто ему не тридцать с небольшим, а все семьдесят. Из полевой сумки Медоносков вытащил докторский фонендоскоп, вставил в уши и приложил к запястью, будто проверял пульс. Я понял, что он тоже думает, а нет ли в бомбе часового механизма, и надеется услышать, как там тикает, с помощью этого нехитрого прибора.

Когда мы прибыли на свалку, там уже никто не работал. Вся техника откатилась от опасного места подальше, к домам, а народ убрался за оцепление, которое стояло еще дальше. Из домов торопливо выходили жители и тоже топали в тыл, за оцепление. Это оцепление было самое разнородное: стояли милиционеры, дружинники, ребята из нашей части.

После того как Медоносков и его люди слезли с машины, подошел Шалимов и отозвал Медоноскова в сторону. Они там с минуту побеседовали, а потом Медоносков велел подрывникам строиться. Меня в это время позвал наш взводный, лейтенант Сапунов, и, как ушли подрывники, я уже не видел.

— Ну и заварили вы кашу! — сказал Сапунов, закуривая. — В области и даже в штабе округа уже известно... Скоро до Москвы дойдет. А вдруг там, кроме стабилизатора, ничего нет?

— Хорошо бы, — произнес я, — только я боюсь другого, товарищ лейтенант... Что, если их

там много? Я кино видел старое...

— Кино... — проворчал Сапунов. — Вот окажется, что все это ерунда, тогда будет нам кино!

— Я так думаю, что лучше на воду подуть, чем молоком обжечься, — заметил подошедший Петька.

— А вы что здесь торчите, товарищ солдат?! — немного по-петушиному крикнул Сапунов. — Где ваше место? Марш в оцепление!

Петька ушел беспрекословно.

— Шалимов за палатками грузовик послал, — сообщил лейтенант, нервно втягивая дым. — Дома близко стоят, говорят, их даже повалить может, здесь грунт хреновый. Видите, сколько народу с места сорвали?! Четыре дома, почти шестьсот человек будем по палаткам распахивать. Вон, колясочки везут...

Действительно, от домов везли колясочки с совсем маленькими детишками, катили велосипеды, какие-то тележки, с которыми на базар ходят, и тащили всякие узлы-чемоданы. Такое шествие я до сих пор только в кино видел, когда показывали, как наши от немцев уходили. Странно было на все это дело глядеть. И жутко как-то. Все ведь с собой не заберешь, ясное дело. У кого-то небось по домам цветные телевизоры оставались, рублей по семьсот, стенки полированные, гарнитуры, кухни, спальни, которые уже по две-три тыщи стоили. Не так-то просто все это досталось, годами наживали. И в гаражах у многих стояли «Запорожцы», «Жигули», «Москвичи», даже «Волги». Те, у кого они были на ходу, сажали в них семейство, запикивали в багажники и в салон столько вещей, сколько влезало, и медленно протискивались со своей техникой через вереницу беженцев, ибо именно так надо было называть тех, кто сейчас покидал свои дома и имущество ради спасения жизни. А вот те, кто разобрал своего «железного коня» и не имел времени привести его в порядок, уходя, оглядываясь даже не на дом, убежденные, что государство не оставит их без жилья, раз в Конституции 1977 года такое право записано, а на гараж...

И все же люди уходили, поторапливаясь, с тревогой оборачиваясь назад. Ведь никто из них не знал, рванет бомба или нет. Тем более — когда. Конечно, никому не хотелось, чтоб рвануло в то время, когда он с семейством еще не уйдет достаточно далеко. Но никто не расталкивал идущих впереди, не паниковал и не орал. Только тихо бормотали что-то себе под нос. Странно, но и детишки не верещали и не почемукали.

Чуть-чуть оживлялись люди только после того, как проходили за оцепление. Наверно, так же, как во время войны, перейдя за оборонительные полосы Красной Армии. Мы, солдаты, как бы обозначали «фронт», а то, что за нашими спинами, было уже «тылом», то есть, местом защищенным и безопасным.

Часть эвакуированных отправилась по домам своих родственников и знакомых, директор какого-то завода сказал, что может расселить двадцать семей в общежитии и еще столько же — в заводском клубе. Но все равно пришлось поставить десяток палаток, чтоб укрыть от дождя и ветра тех, кому было некуда идти. Временно, поскольку председатель горисполкома и первый секретарь горкома уже созванивались с директорами школ, главврачами больниц и санаториев, сельсоветами близлежащих сел — договаривались, куда расселять, если бомбу не обезвредят до полуночи. Или если она сама себя «обезвредит»...

Все это время наши ребята либо мокли в оцеплении, нацепив плащ-палатки, либо ставили палатки для беженцев. Наконец подошло подкрепление из облцентра: рота ВВ и какое-то подразделение Войск гражданской обороны. Они сменили нас в оцеплении, и Сапунов передал приказ Шалимова: быть готовыми к отправке в часть, ждать и не разбредаться. Разбредаться никто и не собирался. Мы влезли в пустые палатки, которые жителям не

понадобились, и ждали, помаленьку околевая от холода.

Наконец пришел Сапунов, приказал сворачивать лишние палатки и грузиться в машины. Машин, однако, на всех не хватило. Сначала увезли одну роту, потом другую, а нас отчего-то не торопились отправлять, хотя мы сидели тут дольше

всех, еще с утра. Осталась на нашу роту всего одна палатка, но зато с печкой. В нее набилось народу — как сельдей в бочке, стало жарко. И когда опять явился Сапунов, чтобы объявить, что нас увозят, было даже жаль вылезать из палатки под дождь.

Мы вот-вот готовы были влезть в «Урал», когда из темноты вынырнул Шалимов и, ткнув пальцем в меня и Петьку, приказал:

— Вы, двое — быстро за мной!

Оказалось, нашли бомбу. Кое-как, при фонариках, начали раскапывать, но для дальнейших работ потребовалась более крупная подсветка. Из части привезли переносной прожектор вроде тех, которыми освещают на праздники всякие памятники и плакаты. Мы были нужны, чтобы помочь электрикам протянуть кабель от передвижной электростанции и перенести прожектор. Его поставили на одну из куч, которые так и не убрали, и навели на яму, посреди которой торчало что-то рыжее, осклизлое. Там, на дне ямы, орудовал Медоносков и еще кто-то. Поскольку мы свое дело сделали, нам велели идти туда, откуда пришли. А пришли мы к пустому месту — палатку уже свернули, «Урал» уехал. Ни Сапунова, никого — не лезть же в «уазку» к Шалимову. Из всей техники осталось только две машины: «КрАЗ», тот самый, из которого мы со Слоном увидели стабилизатор, и мощный шестнадцатитонный кран на базе «КрАЗа». Мы забрались к знакомому водиле. Он сидел и вздыхал.

— Говорят, кроме меня — некому... — сказал он тоскливо, хотя мы его ни о чем не спрашивали, — а я боюсь. Вот ни капельки не стыдно — боюсь. Я

вообще-то возил уже, не такую, поменьше, но тогда не боялся...

— Ты бомбу повезешь? — спросил я, хотя уже все понял. Он только кивнул.

— Куда?

— На карьер, тут километра три-четыре, да еще вниз, по серпантину с километр...

Посидели, помолчали, дождь барабанил по кузову, по стеклам, по капоту хотелось спать. Водила наш задремал.

— Слушай, — спросил я Петьку, потому что отчего-то казалось — сегодня он врать не будет, — ты и вправду царь или все-таки из детдома?

— Я солдат российской, — ответил Петька солидно, — а что царем был, так забывать уже стал про то...

— А помнишь, ты «дедушек» по-блатному отбрил? Это как, из семнадцатого века приехало?

— У Дроздова научили... — пробубнил Петр. — Там сказывали, что старослуживые у вас могут и злыми быть, но разбойных и воровских людей боятся. Вот они мне всякое непотребство на тело и накололи, дроздовские людишки-то, а окромя того, и приговоркам научили. А тут оно и пригодилось, хоть и мало, да помогло.

— Слушай, — спросил я, уже убежденный, что он не врет, — а ты совсем не жалеешь, что больше не царь?

— Жалею, конечно, — криво усмехнулся Петька, — для вашей-то жизни негож я царить-то. Но коли учен был бы, так попробовал бы. Я ведь в первое-то житие многое хотел сделать по-вашему, я читывал про дела свои, знаю. Заводы заводил казенные, каналы повелел копать, новые грады ладил, войско крепил, флот, коллегии устроил... Опять же всяких супротивников давил нещадно,

казнокрадов, лихоимцев жадных. Бояр трепал, священство не больно жаловал, прости, Господи, душу грешную... Может, я и до коммунизма бы додумался, а?

— Феодализм ты строил, а не коммунизм! — сказал я резко. При этом я подумал, что если б Петька знал нашу систему не полгода с небольшим, а подольше, так он бы нашел в своем времени немало общего с нашим недавним прошлым. Вслух я этого, конечно, не сказал.

Водила проснулся и вылез за малым делом из кабины. То ли ему вслед за малым еще какое-то дело понадобилось выполнить, то ли еще что, только он отвалил куда-то в темноту и исчез. Всего через несколько минут после этого там, где копошились медоносковцы, со свистом взлетела ракета и, описав в небе красную дугу, погасла. Стоявший рядом кран зафырчал и медленно пополз по полю, переваливаясь на ухабах.

— Это ж команда «заводи», — забормотал я, — а то и «вперед»... Надо его искать, куда водила-то подевался?

— Иди поищи его... — сказал Петька и, сопя, скусил заусенец с большого пальца.

Я вылез из кабины, суетливо забегал по сторонам, не зная даже, как позвать водилу — ни имени, ни фамилии не знал. И тут я услышал, как внезапно взревел двигатель «КрАЗа», и самосвалище, выкинув из-под мощных колес две струи грязи, рванул туда, к бомбе... Ясное дело — его завел Петька!

Я растерялся даже больше, чем тогда, в подвале, когда регенератор включился на критический режим. Толком не знал, что делать, или гнаться за «КрАЗом», орать, чтоб Петька не дурил и вылезал, или бежать разыскивать водителя, бить ему морду за дезертирство? А может, лучше Шалимову доложить?! Но в темноте я сдуру побежал не к шалимовскому «уазику», стоявшему всего в двадцати метрах, а в другую сторону, туда, куда вроде бы ушел водитель. На бегу я зацепился ногой за какую-то проволоку и с размаху полетел в глубокую ямину, заполненную всяким хламом, бумагой, тряпьем, гнильем. Слава Богу, там не оказалось на поверхности ни бутылок, ни железяк, ни острых деревяшек — ничего такого, обо что я мог бы распороть себе брюхо. Шлепнулся я очень мягко, только чуть ободрал лицо и руки. Однако у ямищи оказались почти отвесные, гладкие и не менее чем двухметровые стены. Уцепиться было не за что... Покрутившись без толку, я устал, сел на сырой мусор и с трудом раскурил полусырую сигарету. Сверху долетали урчания моторов, какие-то невнятные голоса. Все эти шумы шли оттуда, от бомбы. Было и тошно, и злость брала, и стыд — вот влип! И еще — я каждую секунду ждал взрыва. Можно было, конечно, закричать, позвать на помощь... Но ведь стыда не оберешься, обсмеют... Однако не сидеть же здесь до рассвета? В конце концов я додумался, как вылезти из этой ямы. Стал сгребать весь мусор со дна к одной из стенок, чтобы получилось что-то вроде ступеньки. Сколько я провозился — неизвестно, но все-таки нагреб наконец такую кучу, что смог подтянуться, упереться руками и выползти вверх. После этого я пошел туда, где светились фары машин.

— Где ты был? — спросил меня взъерошенный, с расстегнутым воротом Медоносков. Вокруг стояли его ребята, растерянные, какие-то дурные... Жался в сторонке водитель «КрАЗа»; самого «КрАЗа» и Петьки не было. Стоял только кран; яма, где была бомба, опустела.

— Он увез ее? — Я даже не подумал отвечать на вопрос Медоноскова.

— Увез... — проскрежетал зубами Медоносков. — Шалимов за ним погнался.

Минеры мне кое-как объяснили, что тут произошло, пока я выползал из ямы. Петька профессионально подкатил на «КрАЗе» к бомбе, ее аккуратно погрузили в кузов, где загодя была сделана «подушка» из просеянного песка. Медоносков со своим фонендоскопом решил еще раз прослушать бомбу. Вроде бы до этого она не тикала. Но то ли от легкой встряски при подъеме, то ли по какой другой причине «часики» вдруг пошли. На сколько оно, это тиканье, было рассчитано — трудно сказать. Могло рвануть через пять минут, а могло и через десять секунд. Медоносков заорал, чтоб все срочно сядились на кран и катились подальше. Сам он тоже спрыгнул с самосвала и побежал прочь, будучи уверен, что никого у «КрАЗа» не осталось. Но тут «КрАЗ» сорвался с места и попер куда-то в сторону загородного шоссе, прямо через все «колдобины и буераки», как выразился Медоносков. А следом, высадив водителя из «уазки», за «КрАЗом» погнался Шалимов...

И тут, когда рассказ уже в основном закончился, все мы увидели коротко блеснувшую алым светом зарницу, отразившуюся в низких дождевых облаках... А затем пришел отдаленный гул, немного похожий на гром.

— До карьера он доехал... — сказал Медоносков с надеждой. Тут запищала его рация, висевшая в брезентовой сумочке на боку.

— Мед, Мед, как слышите? Прием, — вызывал Шалимов.

— Орел, слышу вас. — Медоносков нацепил гарнитуру на голову, и стало не слышно, что ему там говорит Шалимов. Но по тому, как опустились углы рта у капитана, мы поняли — все совсем плохо.

— Орел, вас понял, идем к вам. Конец связи. — Медоносков пихнул наушники с микрофоном в сумочку и отрывисто скомандовал. — За мной, бегом — марш!

Все толпой, безо всякого строя, кинулись за ним...

...Минут через пять, несколько раз едва не перевернувшись, «газон» домчал нас до карьера, где у въезда на серпантин стояла «уазка» с распахнутой дверцей, а на ее подножке сидел, надвинув капюшон плащ-накидки, мрачный Шалимов. Лица его мы, впрочем, не видели, только когда он затягивался, зловещий красноватый отблеск озарял пространство под капюшоном, выхватывая из тьмы часть подбородка и нос.

— Чего ты их привез? — спросил Шалимов каким-то странным голосом. — До трехсот метров разброс... Вон, видишь, даже сюда кусок кардана закинуло... А потом — оползень — вон там... Тонн двести песка съехало.

— Он спрыгнуть нигде не мог? — спросил капитан.

— Нет, не успел. Я сюда подъехал, когда он уже в полкилометре от меня был, на той стороне карьера. Машина шла управляемой, фары не металась даже за секунду до взрыва. Тут, внизу, рядышком — балки какие-то, экскаватор, он и решил подальше...

— Разрешите искать, товарищ подполковник? — спросил Медоносков так, будто бы не слышал ничего.

— Ищи... — махнул рукой Шалимов, а затем встал и резко, словно стряхивая с себя апатию, крикнул: — Отставить! Сейчас дождь, стенки карьера подмыло, темнота... Съедет на вас оползень, мне что, еще двадцать хоронить? В часть! Понял, капитан? И чтоб мне всех доvez, чтоб скорость не выше сорока. Выполняйте!

Медоносков довольно громко матернулся, а потом приказал:

— К машине...

ПРОСТИ, ПЕТР!

Назавтра дождь кончился, совсем по-летнему пригрело солнце.

Мы искали Петьку, но так и не нашли. Нашли крупные и мелкие обломки «КрАЗа», несколько осколков бомбы, даже какие-то оплавленные детальки часового механизма... А его — нет. То ли он начисто исчез в пламени взрыва, то ли то, что от него осталось, похоронено под напозшей массой песка. Даже пуговицы от кителя или пряжки от ремня не обнаружили...

Я не плакал, нет, честное слово. Не потому, что я такой уж безжалостный, и не потому, что такой сильный духом. Просто я не верил, что он погиб. Я тогда вбил в свою дурную голову, что он вернулся в свое время, туда, в 1689 год. Вернулся, чтобы прожить до конца свою истинную жизнь, а не маяться здесь, в чужом веке, с непонятными, неискренними людьми, которые говорят одно, а делают другое, ни во что не веруют и живут вообще неизвестно для чего. Теперь я знаю, скорее всего эта красивая сказка помогла мне. Потому что хоронили мы не человека, а аккуратно заколоченный гроб, в который положили несколько лопат песка из карьера. И оркестр играл «Вы жертвою пали», и наш взвод дал холостой залп в воздух, а потом еще два... Но все это было НЕ ВСЕРЬЕЗ — ведь почести воздавались песку, а не человеку! А сам человек в это время там, в прошлом, просыпается и, захрустывая выпитое соленым огурцом, усмехается, трясая нечесаной гривой волос:

— Экой я сон видал, Лександра! Обомрешь, коли узнаешь!

— Ой, сказывай, мин херц, страсть как люблю сны слушать...

И начинает он ему рассказывать о наваждениях XX века, о самобеглой коляске, о машинах железных, коими тонны земли сворачивают и реки поболее Волги запрудами перегораживают...

Сколько раз я успокаивал себя этой сказкой — не счастье! Впрочем, чем дольше я живу, тем реже о ней вспоминаю. Более того, я уже перестал верить даже тому, чему сам был свидетелем. Я постепенно склоняюсь к версии, которую услышал от капитана — полковника Дроздова. Начинаю сомневаться, что в тот момент, когда установка пошла вразнос, никто не проник в подвал. Может быть, даже готов поверить, что Игорь Сергеевич — жулик и любитель сенсаций, который хотел прославиться таким образом. А знаете почему? Потому что сейчас, в славные годы «пересмотра исторических ценностей», меня слишком часто разочаровывают. Отчего-то множество людей вокруг стремятся меня убедить, что я — ничтожество и сам по себе, и по принадлежности к российскому народу... Меня уже почти убедили, что многомиллионный народ был обманут кучкой пройдох и ловкачей, превратился в стадо баранов, поклоняющихся параноикам, и занялся бессмысленным самоистреблением... Со всех сторон сыплются требования: каяться, каяться, каяться! Я никого лично не застрелил, не повесил, не загнал в ГУЛАГ — какого хрена мне каяться? Я не воровал, не брал взятки, не давал их — и мне каяться? А если учесть, что те, кто убеждает меня — кайся! — в совсем недавнее время кричали «ура», били в ладоши, прославляли и «глубоко скорбили» — согласно сценарию, — то каяться мне совсем не хочется.

Нет, все-таки покаяться стоит. Может быть, и мне лично, Васе Лопухину, и всем. Много лет мы, как жители того городка, сваливали мусор в одно и то же место. Разбираться было недосуг, дескать, когда-нибудь вычистим... А в этой свалке лежала бомба. Тихая такая, пока ее не трогаешь — совсем безобидная. Не будь она завалена мусором, мы бы ее раньше убрали, а может быть, и взорвали прямо на месте, пока был пустырь. Однако, мы уже возвели вокруг новые дома, приучили людей к ним и, в общем-то, устроили жизнь довольно

сносную, во всяком случае привычную, спокойную и размеренную. И вдруг решили заставить всех быстро разобрать эту свалку, убрать мусор, навести порядок, и все это под крики «Одобрям!» и «Давай-давай!». И тюкнули эту бомбу... Она еще вроде не рванула, но уже затикала. И пока не находится молодцов, которые попытаются из нее «часики» выдернуть: все, похоже, от этой бомбы бегут в разные стороны. Нет, может, кто-то уже и пытается, кто ее знает... Может быть, ее, эту бомбу, уже и краном зацепили, и в самосвал погрузили, только вот вывезти пока некому. Петьки нет, Петра Михайлова... А бомба тикает! И если все же найдется среди нас такой Петька, может и не успеть он, вот в чем беда... Шарахнет и снесет все бетонные коробки, и останемся мы, как в славной сказке «О рыбаке и рыбке» — у разбитого корыта.

Прости, Петька! Прости, что из-за всей этой катавасии, из-за всех этих бед, которые, словно из дырявого мешка, на наши головы сыплются, я разуверился в своей старой сказке. Ну, почти разуверился. Все равно прости. Прости меня, блаженной памяти государь Император Петр Алексеевич, за то, что я посмел усомниться в величии и исторической правде своего народа, поверить хоть чуть-чуть политическим проституткам и перевертышам! Прости меня, что я был глух к твоим тирадам, когда ты был рядом и подавал пример, как надо относиться к жизни. Прости нас, и меня в том числе, что мы обманывали тебя своими неискренними лозунгами в которые ты поверил! Прости, что наши красивые слова не совпадали с делами. Прости за то, что из-за наших ошибок и безобразий ты не смог прожить свою вторую жизнь... И все же, может быть, это счастье, что ты остался там, в недавнем прошлом, когда все еще казалось сносным и даже вечным, что ты не увидел всего букета мерзостей, который увидели мы. Может быть, хорошо, что ты не смог стать таким, как все, и перестать быть самим собой, Петром I, Петром Великим? Иначе ты, подобно мне и многим другим, превратился бы в частичку того, что называется словом «массы». Такие люди, как я, полезны и вредны для любого общественного строя, для любого века истории, для любой отрасли деятельности. Они создают и ломают, создают и губят, устраивают революции и контрреволюции, борются за мир и разжигают войны. Когда таких, как я, Вася Лопухин, много, мы — масса. Страшное, давящее слово! Масса гранита, масса бетона, масса стали, масса людей... Вместе с тем слышится в этом слове и что-то пластичное, податливое, вязкое: глиняная масса, компостная масса, человеческая масса...

Какие силы заставляют, этот океан то ходить ходуном, то застывать в неподвижности, то кипеть, то замерзать, то таять? Бог, черт, вождь? Почему одним дано хоть как-то выделиться из нее, этой жуткой массы, хоть на несколько мгновений стать капелькой, взлетевшей над волнами, а другим все время приходится растворяться в самых глубочайших глубинах?

Ты стал такой капелькой, Петр. Ты был нужен массам как вождь, когда они ждали вождя. Сейчас ты тоже был бы нужен, но тебя нет. Ты исчез, растворился в глубинах времени, вернулся на страницы учебников и научных трудов. Тебя не вернуть — регенератор, быть может, придет к нам в будущем столетии как новинка, изобретенная на процветающем Западе. И никто не вспомнит ни тебя, ни меня, ни Игоря Сергеевича... Все будут в очередной раз рассуждать о сиволапости и бесталанности россиян! И какие мы будем в том, совсем уж близком веке? Не превратимся ли в нацию чистильщиков сапог? Не разбредемся ли по свету через открытые границы, распродав свои земли за бесценнок? А что будет через триста, четыреста лет? Ты можешь представить себе, что исчезнет или до неузнаваемости изменится сама наша речь, превратившись в какую-нибудь англо-китайскую мешанину?

Прости нас, Петр, если все это сбудется. Прости!!!

Поздно! Только и осталось, что просить прощения и каяться перед смертельным падением в бездну. По крайней мере, я уже ничего не смогу. Ничего! Я не определил свое место, не нашел его, несколько раз шагнул не туда, промолчал, проспал, перепутал... И все казалось — надо разобраться получше, не спешить, подождать самую малость, пока все утрясется. И вот — дождался. Осколок в ноге, вирус в голове — и все. Ради того, чтоб Чудо-юдо заполучил

абсолютную власть над миром? Абсурд!

Почему же абсурд? Нет! Это — Великая Цель. Мы не можем жить без таких целей. Нам надо Невозможного, мы такие! Кто мы? Русские? А кто это — русские? Потомки гордых варягов-норманнов, убогих чухонцев-угро-финнов, римских склавинов-рабов, скифов с раскосыми и жадными глазами? Европа мы или Азия?

Проваливаюсь! Падаю! Сильнее держаться за край, сжаться в кулак, не отдать Белому волку Главное! Отзовитесь, люди! Вика! Сарториус! Сергей Сергеевич! Винь! Зейнаб! Валерка! Ваня! Дима! Дима, как хорошо, что ты услышал! Иди, иди, не бойся, это страшно, но надо идти... Не задавай вопросов, у меня очень мало времени. Понимаешь, я чувствую, что уйду. Совсем. Уже недолго. Микросхема еще работает, но все остальное уже почти отключилось. Наверное, можно было еще побарахтаться, если энергию не тратить, но мне надо было сообщить. Говорить по-настоящему не могу, только так. Хорошо, хоть ты отозвался. Надо было ночью, но не смог, не поверил, дурак, что уже все... Ладно. К делу.

Первое. Передай отцу, что на режиме «О» в седьмом блоке пробивает R6 и идет спираль по обратному вектору. Запомнил? От этого у меня с мозгами непорядок.

Второе. Будешь уходить — берегись Белого волка. Иначе будет как со мной.

Третье. Забери у меня вот эту книгу и быстро уходи. Захочешь прочесть — вспомни фамилию «Лопухин», изображение серого кота, букву А, числа 12 и 7. Именно в таком порядке. Лена или Зина помогут. Бери!

Волк! Вот он! Бегом от него! 500 метров, быстрее, быстрее! Догонит, разорвет, как Васю... Какого Васю? Разве я — это не Вася? Нет, Вася исчез... Тогда я кто? Сесар Мендес? Нет, он тоже пропал. И Атвуд пропал. Браун? Нет, его давно нет. Родригес? Анхель? Все равно, лишь бы удрать...

Нет, не удрать! Надо прикинуться шлангом, может быть, Волк примет за удава и побоится нападать? А может, лучше в виртуальный аппарат залезть? Ур-ра! Броня крепка! А ну-ка огонь по Белому волку! Ракетами, лазерами, VX-газом, ГВЭПом, ядерной ракетой — чем ни попадя! Можно даже бутылкой с огрызком свечки. Р-раз — и в Лузу! Нет, Лузе огарком в глаз, а «майору» бутылкой по мозгам... Эх, залетные!

Парашют! Суинг, где ты, мать твою за ногу? Я ж разобьюсь и превращусь в Брауна! Не хочу! Не хочу быть Брауном, я — Димка, хотя, может быть, и Колька. Стоп! Я могу сделать из этой шахты коридор. Надо только лечь на пол и пойти по стене...

Свет! Там свет! Там — небо! Надо бежать туда! Господи, да ведь я падаю вверх, как «Боинг-737» с Киской и всей остальной компанией. А ведь это луч-заборник мощного ГВЭПа «летающей тарелки». Я лечу в светящейся голубовато-прозрачной трубе. Куда?

Да, я — Дима, Дима! Живой Дима, а не мертвый Вася. Его уже схоронили, мне пора возвращаться. Нечего петлять по коридорам...

Нет, это не «тарелка»! Это плафон лампы! Он не заминирован, как в компьютерной игре? А то жизнь потерять можно. Сколько их у меня? Четыре или одна-единственная?

А плафон-то не исчезает. И потолок видно. И бороду. Нет, это уже наяву. Борода — это же Чудо-юдо. В белом халате, как положено светилу каких-то наук. Никак не вспомню, каких он наук доктор. Медицинских? Педагогических? Технических? Филологических? Военных? Кагэбэшных? Если последние, конечно, имеются. А что это он глаза трет? Плачет, что ли? Поторопился я, значит, признать, что вокруг — явь. Не может такого быть, чтоб мой отец плакал...

Но это действительно была явь.

Чудо-юдо плакал.

Часть третья. ПРОКЛЯТАЯ ЗОНА

АЭРОДРОМ НИЖНЕЛЫЖЬЕ

«Ан-26», немного приподняв нос и гоня винтами снежную пыль, коснулся прикатанной снежной полосы, стал на все колеса и, постепенно замедляя бег, покотился в направлении леса, оставив сбоку небольшое скопление сарайчиков и антенн с полосатым сачком, указывающим направление ветра. Приехали. Аэродром Нижнелыжье.

Два года назад я здесь был, это точно. Только дело было летом, и садились мы на более крупном, четырехмоторном «Ан-12», который еле вписался в это совсем небольшое поле. Аж в кусты заехал штурманской кабиной. На посадке мы не угробились, но здесь нас поджидал Сарториус. В перестрелке четверо бойцов СБ ЦТМО полегли, а меня вроде бы взяли в плен. И Таню, которую везли в контейнере, похитили. Даже помню, что «сорокинцы» на вертолете увезли меня куда-то в тайгу, спустили в какую-то шахту... Но потом — обрыв памяти. Каким-то образом очутился дома, у Чуда-юда, и Таня там была. Потом отец и Ленка мне все популярно объяснили. На пальцах. Будто бы на самом деле ничего такого не было, а вся эта заварушка происходила только в моем мозгу. Умом я в это верил, но сердце подсказывало мне, что не все так просто.

Теперь, протерев заиндеветший иллюминатор, я почти не сомневался, что прибыл сюда во второй раз. Тогда, правда, было пасмурно, даже дождик шел, кажется. Кусты стояли с листьями, рябина краснела, трава росла. Теперь было покрасивей. Красноватое солнышко висело над зубчатой стеной черно-зеленых елей. Низенько, почти цепляясь за верхушки деревьев. Небо безоблачное, чистое, хоть пей его, право слово.

Пока самолет рулил на стоянку, я все размышлял, как это меня сюда занесло из теплой Москвы, где до начала декабря и снега не видали.

Никогда в жизни не мечтал о Сибири. Даже в мои детдомовские дни, среди подрастающих советских граждан ходили легенды о том, что на БАМе можно хорошие бабки сделать. Предыдущие поколения — по крайней мере, нам так воспитатели вкручивали — ехали в Сибирь исключительно по зову комсомольского сердца. За туманом и за запахом тайги. Теперь, после знакомства с Васиной памятью, я допускаю, что таковые романтики были. Тогда, двадцать лет назад — подумать страшно, как давно! — не верил этим рассказам ни на грош. Зато хорошо знал, что в Сибири полным-полно зон, где сидят зеки. Конечно, нам и про зеков рассказывали, что они трудом перевоспитываются. Мы слушали, помалкивали. Я бы, может, и поверил, поскольку не имел счастья знать своих законных родителей, но рядом со мной обитали мальцы, у которых папы и мамы по три-четыре ходки имели. Некоторые даже сами на зонах родились. Правда, вряд ли что-нибудь из тамошней жизни запомнили, но много интересного от родителей узнали. До того, как тех родительских прав лишили. Эти истории про тюремную жизнь были пострашнее, чем сказки про Волка и семерых козлят. Конечно, про вампиров и привидений тоже слушали, но не с тем интересом. Догадывались, что привидения — это враки. А вот насчет тюрьмы — все, наоборот, верили охотно, даже

если рассказчик чего-то прибавлял. И понимали, что для многих из нас эти самые зоны, возможно, вот-вот гостеприимно откроют свои оплетенные колючкой стальные ворота. Детдом — спецшкола — спецПТУ — ВТК

— ИТК — это, как говорится, «многих славных путь». Кое-кого и дальше, к стенке-вышке, эта стежка привела.

Нет, я в детдоме мечтал о краях более теплых, примерно таких, как те же Хайди, Гран-Кальмаро или Сан-Фернандо. Правда, я еще не знал, что они существуют. Но надеялся в Крым или в Сочи съездить. А вот в Сибирь — дудки. Только под конвоем.

Обошлось пока. Хотя другой товарищ уже давно топтал бы одну из тамошних зон. А верней всего — заслужил бы вышак. Потому что если кто-нибудь когда-нибудь догадается меня арестовать и провести следствие как положено, то придется мне держать ответ за очень многие эпизоды жизни. Впрочем, у меня и без этого полно шансов свернуть себе шею. Правосудие теперь по большей части осуществляется частными организациями. Поскольку при нынешнем состязательном процессе, низкой степени физической защиты судей, прокуроров и прочих правоохранителей, а также их никудышной зарплате собрать нужное число убедительных свидетельских показаний и доказать причастность какого-либо субъекта к нарушению закона очень трудно, то спрос на услуги коллег Тани Кармелюк сильно вырос. Так что граждане, которым я чем-то сильно насолил, могут воспользоваться преимуществами рыночной экономики для того, чтоб свести со мной счеты. Подловить можно любого, было бы желание и решимость, решимость была нужна, чтоб пойти наперекор Чудо-юдо.

Кстати, быть сыном такого человека весьма рискованно. Даже если оставить в стороне возможные акции киллеров или киднеппинг, даже если забыть про те случаи, когда он меня посылал на очень опасные операции в реальном мире. Привычка пользоваться родным чадом в качестве кролика, вкалывая ему свежеприготовленные препараты, это тоже не сахар. А я в своей жизни, не считая «Зомби-6», которым меня напичкали «джикеи» в 1982 году, еще и от папеньки заполучил его русский аналог «препарат 329», его модификацию «329М-3», натуральный «Зомби-7» (по своей, правда, инициативе), а теперь еще какой-то, названия которого мне не сообщили. Да еще воздействия ГВЭПом, хрен его знает на каких режимах, микросхема, логический вирус...

Наверняка что-то нехорошее могло со мной случиться после того, как прошел «отходняк». Попросту за «отходняком» могла отходная последовать. Не зря же Чудо-юдо плакал, когда я все-таки перестал быть Васей и сумел выбраться на свет Божий.

Вообще говоря, никогда бы не смог себе представить такую картинку. А ситуацию, которая могла бы заставить генерал-майора Баринова уронить хотя бы «скупую слезу», наверно, и сотня психологов не смогла бы вычислить. Я вообще считал, что он попросту не имеет органов, осуществляющих слезотечение. Правда, ничего особо трагического для нашей семьи и лично для Сергея Сергеевича до сей поры вроде бы не происходило. Если не считать того, что я совсем недавно числился без вести пропавшим. Два года без малого Чудо-юдо толком не знал, есть у него старший сын с невесткой или им устроили прогулку на тот свет. Но никаких сведений о том, что он рыдал или иным образом выказывал душевные страдания, история не сохранила.

А вот в тот момент, когда я наконец-то обрел свою подлинную сущность, всплыв из глубин не своей памяти, и, открыв глаза, ощутил себя Дмитрием Бариновым, глаза у бати были мокрые. От счастья.

Такой уж сильной впечатлительности в нем никогда не наблюдалось. Он мог громко хохотать, убийственно ехидничать, бурно выказывать восторг и яростно негодовать, разносить проштрафившихся и просто попавшихся под горячую руку. Но чтобы он прослезился «от

чувств» — не припомню. Видимо, для такого дела необходим был какой-то суперповод.

— Так, — произнес он, улыбнувшись и погладив бородищу, но при этом отчетливо вздохнув и шмыгнув носом. — Как выразились бы Ильф и Петров, «наконец человеческий гений победил». Дмитрий Сергеевич вернулся к нам из дальних странствий. Глазами хлопает, дышит — как будто так и надо.

— А я что, не дышал? — Не знаю, громко ли я произнес явно глуповатую фразу, но Чудо-юдо ее услышал.

— Он еще и говорить умеет! — Чудо-юдо был в восторге от способностей своего сына. Лишь после сего всплеска радости он собрался ответить на мой вопрос. — Не сказать, чтобы совсем не дышал, но у товарища Сталина такое дыхание называлось «чейн-стоксовым».

Удивительно, но я о таком откуда-то слышал. Возможно, мне в голову перелезло что-нибудь из памяти Васи. Или, допустим, Сесара Мендеса. Браун и Атвуд вряд ли слыхали о чем-то подобном.

— Кем ты себя ощущаешь? — спросил отец, заметно собравшись и отрешившись от того радостного состояния, в котором только что пребывал. Нет, он не давал волю чувствам, не расслаблялся. Сперва — наука, потом — всякая лирика.

— Бариновым... — сказал я голосом дистрофика из старого анекдота. Того самого, который просил медсестру: «Закройте дверь, с горшка сдувает!»

— И то приятно! — порадовался Чудо-юдо. — Если доминанта сохранилась, значит, никуда ты не ушел, остался при своих. Конечно, после того, как ты на Гран-Кальмаро пробыл два года в коме, два месяца — суцая ерунда, но все-таки...

По-моему — это я осознал гораздо позже, — отец в этот момент не очень верил, что все обошлось благополучно. И вообще, его легкая эйфория была следствием серьезного стресса, может быть, не такого, как у Васи во время регенерации Петра (я не сомневался, что это была именно регенерация, а не фальсификация, как утверждали некоторые), но тоже очень сильного.

А вообще-то от знакомства с Васиной историей у меня осталось сильное впечатление. Там было много такого, с чем я был согласен, немало того, с чем согласиться не мог, но больше всего — сомнительного. То есть того, в чем и сам Вася сомневался, а я — тем более. Особенно в тех размышлизмах, которые появились в самом конце.

Это было настоящее покаяние, но уже не младшего сержанта Лопухина, призванного в армию, надо думать, на четыре года раньше меня. Порядочного балбеса, прямо скажем. Как он жил и развивался дальше, как дорос до всех этих пониманий и осознаний — неизвестно. Ясно, что в какой-то институт он все же поступил, стал, видимо, неплохим программистом. Потом каким-то образом попал в контору Чуда-юда, занимался испытаниями перстней Аль-Мохадов, должен был встречать меня, когда я вез перстни и контейнер с Таней на какой-то сибирский полигон. Дорабатывал какие-то хакерские программы, конструировал новые модели ГВЭПов. Уловил я и то, что ему в мозг была вживлена новая усовершенствованная микросхема.

Но все это я увидел лишь после того, как в моем мозгу в очередной раз начался «компот». Последние вспышки Васиного сознания, пожираемого Белым волком, были отрывочны и бессистемны. Пожалуй, разобраться в нем не смог бы никто, кроме самого Васи. Возможно, он, уже понимая, что обречен, собрал все силы, чтобы сконцентрироваться вокруг некоего «ядра» своей личности. Самой сердцевины того, что хранил в своей памяти и о чем никому и никогда не говорил. Может быть, если бы отдал эту память, сосредоточился на сохранении

жизненных функций, сумел бы протянуть подольше. Как бы он сумел это сделать, я, увы, не понял, хотя позже отец мне это объяснял.

Так или иначе, Вася поступил наоборот, предпочел, чтобы вирус парализовал его тело, но защитил «ядро личности». И смог-таки разыскать меня в виртуальном мире, чтоб передать мне это «ядро». Это было покаяние прозревшего и постаревшего Васи, Василия Васильевича, возможно, в самом конце своей не больно долгой биографии. В общем, мне, тогда все еще осознававшему себя Лопухиным, стали намного понятнее символика «сна-ходилки» и кошмара с охотой на Белого волка.

Но в тот день я мало что мог понять и осознать. Слишком был слабый. И телом, и умом. До меня даже не дошло с первого раза, что я два месяца находился на грани между жизнью и смертью. Чашка весов с жизнью перетянула, но могла ведь и другая перевесить. Отец наверняка знал причины этого, ведь я уже третий раз попадал в кому. Во всяком случае, если б я загнулся, он бы винил самого себя. Препарат-то мне Вика вколола по его распоряжению...

— Хорошо, что выжил, — с преувеличенной веселостью произнес тогда Чудо-юдо. — Я уже точно могу тебе сказать: выжил. Теперь еще немножко повалеешься и снова будешь бегать. Обещаю!

— Обещаешь, значит, буду... — пробормотал я. Так оно и вышло. Уже через два дня у меня полностью восстановились все двигательные функции и я смог самостоятельно добраться до такого жизненно важного места, как туалет. Еще через пару суток я смог прогуляться по сухим и бесснежным дорожкам в окрестностях ЦТМО. Был конец ноября, а погода стояла почти как в начале апреля. Только вечером темнело быстро.

Через две недели после того, как я пробудился, Чудо-юдо объявил, что ни он лично, ни прочие специалисты не находят у меня никаких патологий. Теперь мне надо пройти небольшой общеукрепляющий курс, позаниматься спортом, постепенно увеличивая нагрузки, а кроме того, чтоб не тратить попусту время, как следует разобраться в чемодане, который мы унаследовали от покойного Родиона.

В памяти у меня сохранилось слово «Швейцария», причем не просто как обозначение государства в Альпах, но и места, куда мне предстояло поехать в ближайшем будущем. Поэтому я решился спросить.

— Вспомнила бабушка Юрьев день! — усмехнулся Чудо-юдо. — Вика уже давно там. С адвокатами и кучей всяких советников. Я сам туда уже два раза ездил. Только пока все еще очень неясно...

— Что неясно? Вроде бы вы все из моей памяти вынули?

— Да, это так. Раскодировали Ленкины тайнописи, переписали в ноутбук, точно такой же, как тот, что заминировал Сарториус. Но выяснилось, что вступить во владение «фондом О`Брайенов», имея на руках только информацию из ноутбука, нельзя.

— Что, Сарториус чего-то испортил?

— Нет, Сережа тут ни при чем. Он, судя по всему, тоже сильно лопухнулся во всей этой истории. Конечно, если б он имел все, что нужно, то давно бы перекодировал все и вся на свой вкус. Но, во-первых, ему не удалось этой весной взять под контроль Таню, то бишь нынешнюю Вику, а во-вторых, он не знал того же, что и я.

— Чего именно?

— Пока не будем об этом. Сейчас ты еще слишком слабенький и ничем помочь не сможешь. Занимайся спортом, укрепляй здоровье и разбирайся в своей «добыче». Я, к сожалению, не имел времени в это втягиваться, да и не ощущал особой необходимости. Но поскольку Родиону, возможно, помогли повеситься, что-то интересное в этом чемодане было. «Служба быта» взяла на контроль твоего знакомого Федота. Он владелец небольшой рекламной газетки, которая давно бы должна была прогореть, но никак не прогорает, хотя выходит от случая к случаю и ее творческий коллектив успел окрестить издание «ежеслучайником». Но его проблемы тебя тоже пока не должны беспокоить. Твое дело — изучать содержимое чемодана. Все, что понадобится — допустим, сделать отпечатки с пластинок или пленок, получить дополнительную информацию о каких-либо делах давно минувших дней, найти и расспросить отдельных граждан, если таковые еще живы, или хотя бы тех, кто их знал, — обеспечим...

... От воспоминаний меня оторвал голос пилота, вошедшего к своим слегка подмерзшим пассажирам:

— Господа-товарищи, наш ероплан совершил очень мягкую посадку на аэродром Нижнелыжье. Жертв и разрушений нет. Как я понял, вас тут ожидают. «Ми-8» вон стоит. Сейчас откроем аппарель, можете начинать разгрузку. У вас, по-моему, полторы тонны всего? Верно?

— Да, — ответил я.

— Тогда побыстрее, если можно. Не люблю на таких аэродромах засиживаться. Заметет — и кукуй. А если еще и технику заморозят, которой снег убирают, — до весны просидеть можно. Да и вообще тут место жутко паршивое. Приборы врут здорово, оборудование у диспетчера старое и хреновое. Здесь низина, а кругом сопки. Впяяться в них можно — только так. Опять же несколько зон рядом и зеки сидят будь-будь. Варнаки, в натуре, как деды говорят. Пару лет назад военный борт, «ан-12», чуть не угнали. Он тут на вынужденную сел, а к нему из тайги — банда с автоматами. Пилотов — мордами в мох, руки-ноги повязали. Хорошо еще, что какая-то ментовская спецгруппа здесь, на аэродроме, случайно оказалась. Целый бой, говорят, был. Четырех бандюг положили, одного взяли. Спецназ, как мне рассказывали, тоже трех убитыми потерял и раненые были.

Отчего-то я вспомнил одну старую, брежневских времен песню. Там такие слова были: «Легенды расскажут, какими мы были...» Нет, не снилось мне все, был и перелет, и аварийная ситуация на борту, и вынужденная посадка. И перестрелка была, которая вошла в местный фольклор. Конечно, в значительно искаженном виде, но с приемлемой степенью достоверности.

— Спасибо, что рассказал, — поблагодарил я пилота. — Нам тоже, наверно, ухо остро придется держать.

— Это уж ваши проблемы. А вообще, какой козел вас в январе сюда пригнал, господу геофизики? Полевой сезон-то еще в сентябре закончился... Добрые люди давно по камералкам сидят, карты чертят, а вы среди зимы забуриваться собрались? У нас, между прочим, пока еще и морозов нормальных не было. Но если саданет — запросто можете все поотморозить.

— Работа такая, — сказал я. Конечно, информировать этого хорошего парня о том, что послал нас не «какой-то козел», а сам товарищ Чудо-юдо, было излишне.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Со мной в Нижнелыжье прилетели пятеро. Двоих я уже неплохо знал — Валета и Ваню, суперсолдат, прошедших обработку препаратом «Зомби-8». Они со мной и покойным Васей ездили на аудиенцию к Ахмад-хану. Двое других, которых я в первый раз увидел лишь перед посадкой в самолет, были намного старше, но, несмотря на это, представились только по именам — Борис и Глеб. Подозрительное сходство имен с первыми русскими святыми как-то само собой наводило на мысль, что имена эти условные, а настоящие мне знать не положено. Чудо-юдо не комментировал, что это за мужики и какое отношение имеют к нашей конторе. Во всяком случае, судя по всему, они никаким инъекциям не подвергались. Физиономист из меня так себе, но по совокупности впечатлений кое-какое общее мнение составилось. Под мое формальное руководство были направлены очень серьезные ребята с инженерными дипломами и кандидатскими, а то и докторскими степенями, многие годы трудившиеся в разных районах земного шара, дабы закрытая отечественная наука хорошо знала о том, что новенького в загатнике у мирового империализма. Правда, у меня — да и у Чуда-юда, вероятно, тоже — были очень серьезные сомнения насчет того, что их знания смогут пригодиться в данном конкретном случае. Скорее мог пригодиться их опыт, умение анализировать и обобщать факты, собирать из кусочков нечто целое. Вместе с тем этим ребятам можно было доверить и то, что стреляет. Не промахнулись бы. Что-то подсказывало мне: господа «святые», похоже, состоят на действительной службе и прикомандированы из официальных инстанций.

Пятый, которого я тоже не знал до самой посадки в самолет, был вообще загадочным типом. Он также назвался только по имени — Богданом, но вполне мог оказаться и Селифаном, и Салливэном даже. Ощущалось, что Богдан крепко сам себя зажал, не очень уверен в своей безопасности и чего-то боится. У меня почему-то сложилось впечатление, будто он совсем недавно приехал из-за границы, причем прожил там не пару недель, а подольше. И хотя явно не был иностранцем, порядочно отвык от России. Что именно возложил на Богдана Чудо-юдо, я пока не знал. И, естественно, понятия не имел, каким боком Богдан прилегает к нашей конторе. То, что он не сотрудник СБ ЦТМО, было однозначно. Но и ко всяким солидным ведомствам он вряд ли имел какое-то отношение. Если только к МВД, да и то в качестве зека. Были какие-то черты в его лице, заставлявшие подозревать, что он имеет криминальное прошлое.

Так или иначе, но слабаков среди нас не было, и мы быстро перегрузили все наши полторы тонны пожитков в «Ми-8». Затем залезли в него сами, и потертая воздушная телега, на которой, возможно, здешний «Мимино» коров и поросят доставлял, поднялась в воздух. Предстояло преодолеть без малого триста километров и провести в воздухе полтора часа.

Я вновь принялся вспоминать, как это вдруг сделался начальником геофизического отряда какой-то экспедиции или партии.

Итак, Чудо-юдо приказал мне заниматься спортом и развлекаться чтением документов из чемодана-вьюка.

Для начала я решил бегло просмотреть и рассортировать то, что находилось в чемодане. На первом этапе разделил все на две основные группы: «писанина» и «картинки». Конечно, это было нешибко по-научному, но зато лично для меня очень понятно. К «писанине» я отнес все, что надо было читать, а к «картинкам» — все, что нужно было разглядывать. Короче, я отложил в первую группу всякие папки, тетради, гроссбухи, полевые дневники, записные книжки и отдельные листочки, а во вторую — металлическую коробку с киноплёнкой, еще одну такую же с негативами на фотопленке, небольшой альбом в картонной обложке с карандашными рисунками, четыре пакета из черной бумаги с проявленными фотоотпечатками, картонную коробку со стеклянными фотопластинками-негативами. Туда же я отнес увесистую папку с картами, кроками, выкопировками и чертежами.

Однако чуть позже выяснилось, что среди некоторых бумаг, отнесенных к «писанине», содержатся и рисунки, и фотографии, и кусочки карт, и кальки, снятые с карт. Одни валялись просто так, между страницами, другие были вклеены в тетради и полевые дневники, третьи — вложены в конверты и подшиты в папки. Причем некоторые конверты были заклеены и, судя по всему, с тех пор не вскрывались. Поэтому я соорудил еще и третью группу материалов под условным названием «писанина с картинками».

Начал я с киноплёнки. Насчет того, что она широкая, Родион ляпнул зря. Плёнка была самая обычная, тридцатидвухмиллиметровая. Кроме того, пришлось немало помучиться, прежде чем я нашел «покадровое описание», о котором упоминал ныне покойный Родя. Оно, как выяснилось, находилось в самодельной тетрадке, сшитой суровой ниткой из шести листов самой дрянной писчей бумаги. Нашлась она, как ни странно, не в коробке с киноплёнкой, где ей вполне хватило бы места, а в каком-то толстом гроссбухе, точнее, в нивелирном журнале с пикетной ведомостью какой-то трассы, записями всяких там числовых отметок и привязок, эскизными профилями участков, вычерченных на небольших листах ватмана и миллиметровки. Еще более удивительно, что тетрадка не просто лежала между страницами, а была вложена в коричневый конверт из крафт-бумаги, пришитый с внутренней стороны к толстой картонной обложке журнала-гроссбуха. Стало быть, не случайно сюда попала.

На первом листе эрзац-тетрадки действительно было начертано: «Покадровое описание киноплёнки, отснятой Т.В.Кулеминым 23 июля — 18 августа 1936 года». Должно быть, эту надпись сделали уже не в тайге, а при камеральной обработке материалов экспедиции. Уж больно ровненькой и чистенькой она была. К тому же все рабочие записи в полевых условиях делали химическими карандашами, а тут явно прошлись перьевой ручкой с нажимчиками и волосяными линиями, обмакнув ее в фиолетовые анилиновые чернила. А это означало, что до того, как опечатать, содержимое кто-то просматривал. Соответственно, где-то в другом месте, например, в делах бывшего НКВД СССР, мог сохраниться какой-то доклад или рапорт насчет того, откуда взялись эти материалы.

Товарищу, который проглядывал тетрадку и написал на ней заголовок, не позавидуешь. Прочешь то, что накорябал химическим карандашом сержант госбезопасности Кулемин Т. В. на хрупкой и шероховатой желтой бумаге, было нелегко. Сам Кулемин тоже особо не потрудился над тем, чтобы как следует описать то, что снял. Наверно, считал, что плёнка сама за себя скажет. Поэтому он попросту разделил все листы на три графы — и записал очень размашистым почерком всего по несколько слов в каждой позиции.

Н п/п дата Что снято 11 июля Проводник Лисов Парамон Лукич показывает след у пикета 346 (12.45

—12.50).

12 июля то же, у кривой сосны (15.10 — 15.14) 13 июля передвижение группы по котловине на сопке (10.56 — 11.04) И так далее. 90 процентов записей ровным счетом ничего не говорили. Мне лично показалось, что сержант Кулемин и не должен был писать по-другому. Очень может быть, что у него такой приказ был — не записывать много. Предполагалось, что он сам, устно прокомментирует кадры для руководства. А это самое «покадровое описание» Кулемин вел просто для того, чтоб не забыть, когда, где и что снимал.

Всего в «описании» было 44 позиции. Самая последняя была датирована 18 августа 1936 года и сопровождалась припиской: «Съёмки прекращены ввиду исчерпания плёнки». Концы нитки, которой скреплялись листы, составлявшие тетрадку, были протянуты через дырку в последнем листке и с двух сторон опечатаны сургучом. Имелась заверительная надпись: «В настоящей тетради пронумеровано и прошнуровано 12 (двенадцать) листов с номерами с 1 по 12, литерных номеров нет. Исполнитель — сержант госбезопасности Т.В. Кулемин».

Проще всего было сразу зарядить пленку в проектор и посмотреть, что там такого интересного. Тем более в ЦТМО имелся специальный зальчик для просмотра всякого рода закрытых для широкого доступа кино— и видеосъемок, как научно-информационного, так и оперативного характера. Однако, прежде чем любоваться немymi черно-белыми картинками, хотелось немного разобраться в том, что на них изображено. Все-таки 10 процентов информации в записях сержанта ГБ Кулемина могли пролить кое-какой свет на содержание фильма.

Эти 10 процентов полезной информации содержались в самых последних, августовских записях. Таковых было всего четыре: 39, 40, 42 и 44.

39-я запись от 11 августа гласила.

«Облако в форме прямого огурца. Подъем над котловиной. Передвижения (6.45 — 7.05)».

То, что чекист-кинооператор потратил двадцать минут на съемки «облака в форме прямого огурца», говорило о том, что это было что-то необычное. До этого Кулемин включал камеру самое большее на восемь минут, чтобы заснять «передвижение группы по котловине на сопке» (3-я запись), а в большинстве случаев снимал по одной-две, реже по четыре-пять минут.

40-я запись, датированная 12 августа, была менее занятная и менее понятная:

«Расхождение облаков на четыре азимута (7.20 — 7.22)».

Специалист-метеоролог, может быть, и сумеет назвать атмосферные ситуации, при которых облака будут расходиться на четыре азимута, но мне ничего похожего наблюдать не приходилось.

41-я запись, сделанная на следующий день, была совсем лаконичной, а потому особого интереса не вызывала:

«То же (7.20— 7.22)».

Единственное, что показалось мне любопытным, так это то, что Кулемин снимал это самое «расхождение облаков» два дня подряд, причем время съемки совпадало с точностью до минуты.

А вот следующая, 42-я запись ухватила меня за душу, как крокодил за ногу:

«Огурец и трубообразная молния (0.42 — 0.50)».

Едва я прочел про эту «трубообразную молнию», как сразу ожила память Майкла Атвуда, увиделся как наяву полый луч-заборник ГВЭПа. А «огурец» — это слово у Кулемина было написано без кавычек — явно ассоциировался с «облаком в форме огурца», о котором говорилось в 39-й записи.

В предпоследней записи не содержалось чего-либо экстраординарного:

«Передвижение группы по склону сопки» (13.27— 13.30).

Но зато последняя, 44-я запись опять взволновала:

«Аппарат после падения. Летчики (12.56 — 13.10)».

Тут уж мое терпение иссякло, и я позвал Чудо-юдо в кинозал. Киномеханика не

потребовалось, потому что Сергей Сергеевич после моего краткого доклада о прочитанном в тетрадке сержанта Кулемина решил сам заряжать и прокатывать пленку...

То, что мы увидели на этой прекрасно сохранившейся пленке, превзошло все ожидания. Бесспорно, именно оно, увиденное, и послужило решающей причиной моего превращения в «геофизика». И вот теперь, шестьдесят лет спустя, зафрахтованный Чудом-юдом вертолет приближался к тем местам, где сержант Кулемин снимал свои потрясающие кадры.

ЗАИМКА ЛИСОВЫХ

Пока летели, за борт я почти не глядел. Все размышлял. Возможно, со стороны казалось, будто я задремал. Впрочем, все остальные тоже не то думали, не то дремали. Валет и Ваня, конечно, дремали, а не думали, потому что думать по-настоящему не умели. Точнее, у них отняли эту способность. Нет, получив приказ, они в два счета перемножили бы в уме пятизначные числа, с точностью до миллиметра определили бы расстояние до цели, дали бы справку о высоте и курсе полета вертолета, лишь поглядев на солнце и землю в иллюминатор. Ну, не сразу, может быть, а уточнив время и бросив взгляд на карту. Но намного быстрее любого штурмана. Однако сомневаться, рассуждать о сущности бытия или мучиться неопределенностью они не могли. Роботам, даже на биологической основе, это не положено.

Насчет остальных — не знаю. «Святые», то есть Борис и Глеб, а также Богдан были людьми молчаливыми, но думать им не запрещалось. Покамест я еще не научился читать мысли так, как Чудо-юдо и Сарториус, а потому не мог знать, чем заняты их мозги. Да я и не старался особо. Чудо-юдо сам отбирал эту команду, и можно было надеяться, что он-то, с его опытом, не направил со мной кретинов или вредителей.

Так или иначе, но в течение всего полета никто не проронил ни слова. Первым, кто за эти полтора часа нарушил обет молчания, был бортмеханик вертолета, объявивший:

— Прибыли! Заимка Лисова прямо по курсу. Идем на посадку. Лед вроде крепкий, но если что — варежку не разевайте.

Только тут я глянул в иллюминатор. Н-да! Заехали, однако, как выражаются некоторые народы Севера.

Вертолет шел над узкой, километра полтора в ширину, долиной заснеженной

реки, стиснутой с обеих сторон лесистыми горами. Склоны внешне не выглядели очень крутыми, но некоторые вершинки явно заваливали за километр высоты. Лес стоял по склонам сплошняком, густо присыпанный снегом, ярус за ярусом. Ни дорожки, ни просеки, ни даже тропинки или лыжни с высоты двести метров не просматривалось. Разве что река шириной в шестирядное шоссе, закованная в лед и укутанная в снег, смотрелась как дорога. Только уж больно извилистая. Так испетлялась между горками, что только держись.

— Не, заимку отсюда не увидишь! — сказал бортмеханик. — В блистер еще можно... Да чо смотреть, сейчас сядем.

Посадили они нас нормально, устроив вокруг вертолета настоящую метель с поземкой из снежной пыли.

— Ты извини, командир, — сказал пилот, — тут еще с полверсты надо своим ходом вниз по речке. Были б вы без груза, может, и доvez бы. Но там, видишь ли, дальше перекаат идет, река

сужается. Опять же лед всегда тоньше. Есть шанс продавить. Там если выгрузаться, то только на зависании, да и то есть шанс пихту побрить. Ничего?

— Ерунда, — сказал я, — полверсты дойдем, не проблема. У нас техника есть

— два «Бурана» с санями. Открывай створки!

Минут через пятнадцать мы разгрузили вертолет, выкатив из него лобастые снегоходы и пару саней с увязанной в брезент кладью. Пилот и механик поручкались с нами на прощание.

— Спасибо, — поблагодарил я, — нормально довели.

— Это вашей конторе спасибо, — сказал пилот. — На вашем рейсе мы три зарплаты сделали. Небось по газу работаете? От Вяхирева? И деньги нормально платят? — Не совсем, — уклончиво ответил за меня Глеб.

— Понятно, — ухмыльнулся пилот, — я не любопытный. Но вообще-то зимой они вас зря послали. Здесь и летом можно заблудиться среди бела дня. А зимой, говорят, вообще... Одно хорошо, хоть мошка не ест. А так — тут всегда, и зимой и летом, хрен знает что творится. Иногда летишь нормально, а иногда все приборы врут. В прошлом году я весной едва в сопку не въехал. Три раза на одно и то же место выходил, хотя видимость была не самая хреновая. Один раз метров на сто в воздухе провалился. Проклятая зона! Ну, Лисов вам еще и о наземной обстановке расскажет...

— Семеныч, — позвал бортмеханик, — завязывай треп! Темнеть уже начинает! Байки надо дома, под бутылку рассказывать.

— Ладно, бывайте! — Пилот еще раз тряхнул мне руку и полез в свой аппарат. Мы отошли подальше, чтоб нас совсем не сдуло и не зацепило хвостовым винтом. «Ми-8» засвистел турбинами, завертел лопастями, задрал хвост и наискось потянулся вперед и вверх. Нас обдало ветерком и снежком, даже мелкими колючими льдинками, сорванными с наста.

Вертолет набрал высоту, накренился вправо и, весело тарахтя, удалился куда-то за сопки. Было странное впечатление, будто машина, как и ее пилот, тоже довольна тем, что ей не придется ночевать в этом нехорошем месте.

— Ну что, будем заводить? — спросил Глеб. — Сани уже прицеплены.

— Заводи, — разрешил я, хотя, по-моему, уже в этот момент знал, что так просто «Бураны» не заведутся...

Не думаю, чтоб подсказка пришла от РНС. Скорее всего интуиция сработала. Потому что тут, в этом чертовом месте, такие случаи уже бывали.

Например, 10 июля 1936 года внезапно заглохли моторы сразу двух лодок, на которых группа «Пихта» добиралась к заимке Лисова. Правда, не совсем на этом месте, несколько ниже по течению. Потому что тогда вертолетов, пригодных для переброски сразу 11 человек (именно столько народа было в «Пихте»), в наличии не имелось, и на заимку можно было попасть лишь долгим кружным путем по рекам. Сперва от Нижнелыжья, вниз по Лыже, до ее впадения в более крупную реку Улунай (сутки), потом вниз по Улунаю до впадения в него какой-то Алемги (трое суток), дальше уже вверх по Алемге до устья Малой Парехи (еще столько же), затем опять-таки вверх, по Малой Парехе до Порченой (двое суток) и, наконец, вверх по этой самой Порченой еще полсутки. Зимой этапы этого большого пути имели немного иную протяженность по времени, поскольку добирались на санях и направление течения рек не играло роли.

Так вот, обе моторки, на которых «Пихта» плыла вверх по Порченой, заглохли одновременно,

как по команде, и течение стало сносить их обратно. Потом, когда начали разбираться, обнаружили, что оба мотора были абсолютно исправны, имели в достатке горючее и масло, магнето работало и искра в воду не уходила. Но тогда пришлось срочно пристать к берегу и впрягаться в бечеву, чтобы дотянуть флотилию до заимки Лисова.

В общем, я оказался, к сожалению, дурным провидцем. Моторы «Буранов», которые своим ходом переезжали из «Ан-12» в «Ми-8», и за полтора часа полета в не очень холодном грузовом отсеке вертолета вряд ли могли замерзнуть — смазка, как утверждалось, даже при пятидесятиградусном морозе не густела, — заводиться не хотели. При полных баках, нормально работающих свечах и так далее.

Пока Борис, Глеб и Богдан маялись, матерились, удивлялись и пытались запустить моторы снегоходов — я в технике понимал мало и не собирался путаться под ногами у корифеев в области двигателей внутреннего сгорания, — у меня появилось время немного поразмыслить.

Вспомнил, с каким волнением читал желтоватые листы, исписанные мелким, бисерным почерком, исчерканные и испещренные поправками. Еще бы, черновик рапорта на имя самого наркома Ежова. Того самого, который вроде бы весь 1937 год устроил, а потом ему самому устроили... История, черт побери!

Но, думаю, еще большее волнение испытывал тот, кто, обмакивая вставочку со стальным пером в чернильницу, писал этот документ. Писал и зачеркивал, а многие листы, наверное, вообще рвал и сжигал. Потом небось закуривал «беломорину», думал, нервно жуя папиросу, а то и откусывая кусочки от картонного мундштука.

Не так-то это просто — доложить о том, чего вроде бы не должно быть, но, как оказалось, оно имеет место. Может быть, товарищ, писавший и рвавший, правивший и сжигавший эту трудную бумагу, твердо верил в то, что делает дело огромной государственной важности, что руководство правильно его поймет и оценит. И был убежден, что руководство — конечно же, кристально чистые и честные большевики! — немедленно доложит о результатах его работы товарищу Сталину. Может быть, ему даже думалось, будто его ждет какой-либо орден. И назначение новое, возможно, грезилось, с повышением в должности и звании. Мечтать даже в те времена, и даже чекистам, не запрещалось.

Черновик.

Совершенно секретно.

Народному комиссару внутренних Дел СССР, генеральному комиссару ГБ Н.И. ЕЖОВУ от начальника особой оперативной группы ГУГБ «Пихта»

капитана ГБ САВЕЛЬЕВА В.Д.

РАПОРТ Настоящим докладываю, что в соответствии с Вашим устным распоряжением, отданным мне лично, провел расследование по фактам, содержащимся в опер. донесении источника «Стриж».

Согласно информации «Стрижа», в известном Вам районе (далее — «Котловина») местными жителями неоднократно наблюдались полеты и посадки управляемых аэростатов (дирижаблей), а также других летательных аппаратов без опознавательных знаков. По справкам из ВВС, ГВФ и «Осоавиахима» советские ведомства в указанном районе не имеют аэродромов, посадочных площадок и причальных мачт. Полеты каких-либо советских аппаратов над районом «Котловина» не проводятся.

В период с 12 июля по 29 августа с.г. ос. оп. г. «Пихта» вела наблюдение в районе

«Котловина» и заимки местного жителя ЛИСОВА Парамона Лукича, 1897 г.р., русского, беспартийного, кооперированного охотника-промысловика. Гр. Лисов П.Л. местными органами НКВД характеризуется в целом положительно, в гражданскую войну был красным партизаном, далее вступил в РККА, приказом РВС Восточного фронта в 1920г. награжден серебряными часами «Павел Буре» с надписью «За храбрость». К колхозному движению враждебности не проявлял, задания по сдаче пушнины ежесезонно выполняет на 105 — 110%, нарушений правил охоты не допускал. Однако, несмотря на неоднократные предложения

вступить в ряды ВКП(б), отвечал отказом, ссылаясь на несознательность и отсутствие образования (закончил два класса). По данным «Стрижа», гр. Лисов в беседах неоднократно утверждал, что в Бога он не верит, но убежден в наличии нечистой силы, и рассказывал различные истории, которые это якобы подтверждают. Основная масса так называемых «проявлений нечистой силы», упоминаемых Лисовым, относится к району «Котловина», в 20км от которого находится его охотничья заимка.

Район «Котловина» среди отсталой части населения пользуется репутацией «чертова места» и посещается крайне редко лишь охотниками-промысловиками. Кроме гр. Лисова, ежесезонно ведущего промысел в упомянутом районе, все остальные, по их утверждениям, появлялись в районе «Котловина» по случайному стечению обстоятельств.

В ходе проверки сведений источника «Стриж», ос. оп. г. «Пихта» (официально — геодезическая партия) были проведены следующие мероприятия:

- 1) Опрос местных жителей.
- 2) Осмотры района «Котловина» в дневное время (23 — 24/VII, 18-21/VIII).
- 3) Круглосуточное наблюдение за районом с точки, оборудованной на вершине сопки «Контрольная», с применением кино— и фототехники.
- 4) Вербовка сек. сот. для получения расширенной информации по данному вопросу и организация каналов связи.
- 5) Прослушивание радиоэффира.

Получены следующие результаты:

1) Опрос местных жителей позволил установить, что в районе «Котловина» из ныне здравствующих граждан побывали 5 человек. Помимо Лисова П.Л, в это число входят гр. КИСЛОВ Леонтий Савельевич, 1879 г.р. (в «Котловине» был 3 раза: в декабре 1915-го, мае 1926-го и октябре 1930г.), гр. СЕДЫХ Мартын Авдеевич, 1894 г.р., (был 2 раза: летом 1923-го и зимой 1934г.), гр. ПУХОВ Степан Иванович, 1908 г.р., член ВЛКСМ (был в августе 1935 г.), гр. СЕДЫХ Иван Мартынович, 1925 г.р., пионер (был зимой 1934 г. вместе с отцом Седых М.А.). Все упомянутые граждане подтвердили, что во время пребывания в «Котловине» наблюдали непонятные явления, как-то: облака странной формы; передвигающиеся по небу огоньки и шары; светящиеся вертикальные, голубоватого цвета, прозрачные столбы; расплывчатые фигуры людей огромного роста (примерно 3-4 м, по их показаниям). Конкретно о дирижаблях говорили только гр. Седых М.А, видевший германский цеппелин во время империалистической войны под Ригой, и Пухов С.И., который видел советский дирижабль во время службы в РККА.

(Показания вышеперечисленных граждан см. подробнее в приложении 1 к настоящему рапорту.) 2) В ходе первого осмотра района «Котловина» 23 — 24/VII обнаружен ряд предметов неизвестного назначения, изготовленных из материалов, которые в СССР не производятся (список предметов с их подробным описанием и фотографиями см. в

приложении 2, карта-схема мест обнаружения предметов — приложение 3). Кроме того, Лисов, приглашенный в качестве проводника, показал две выбоины в камне, похожие на отпечатки трехпалой человеческой ноги огромного размера (более 50 см каждый, точные размерения и кроки с обозначением мест обнаружения отпечатков см. в приложение 4). Второй осмотр района «Котловина» проводился 18 — 21/VIII, после того как наблюдателями было зафиксировано падение аппарата неизвестной конструкции в ночь с 17 на 18 авг.

3) Круглосуточное наблюдение за районом «Котловина» велось с замаскированной точки (одернованный блиндаж) на вершине сопки «Контрольная» (745 м над уровнем моря), расположенной с превышением в 317 м над объектом наблюдения и на расстоянии около 1 км. Для фото— и кино съемок использовалась специальная аппаратура с мощными объективами, установленная на штативах перед специальными амбразурами. Дежурство на «точке» несли одновременно 2 сотрудника группы — фотограф и кино съемщик. Смена наблюдателей проводилась скрытно, с наступлением темноты. Удалось отснять ряд воздушных и наземных явлений, в том числе и летательные аппараты, внешне похожие на дирижабли типа «цеппелин». (см. кино пленку и фотографии).

4) Вербовка сек. сот. положительных результатов по данному конкретному делу не дала, однако получены подписки о сотрудничестве от нескольких жителей (список приложен).

5) Радиопрослушивание, которое велось на коротких волнах, работы передатчиков не зафиксировало.

Общий вывод: ?

Нач. ос. оп. г. «Пихта» капитан ГБ В.Д. Савельев Вероятно, это был только один из вариантов рапорта. То ли капитан так и не придумал, какой сделать вывод, то ли сделал, но такой, что ему не поздоровилось. Письменного распоряжения у Савельева не было, что ему там говорил Ежов, неизвестно. Наверно, если б Савельев, не мучаясь, разоблачил всех вышеперечисленных свидетелей-очевидцев как злостных антисоветских пропагандистов и агитаторов, а не полез изучать район «Котловина», то шансов благополучно продолжать службу у него было бы больше. Во всяком случае, еще в Москве Чудо-юдо установил, что Савельев Владимир Данилович был разоблачен как «пособник Ягоды», осужден «тройкой», расстрелян в 1937 году, а в 1957-м реабилитирован посмертно.

Примерно так же завершили свои судьбы и все прочие сотрудники «Пихты»: заместитель Савельева старший лейтенант ГБ Муравьев, старшие оперуполномоченные лейтенанты ГБ Шкирда и Омельченков, оперуполномоченные младшие лейтенанты ГБ Калининченко, Морозов, Белкин, Штихель, фотограф сержант ГБ Шнеерсон и кинооператор сержант ГБ Кулемин. Однако все они проходили по разным делам, в которых ничего не говорилось об их работе в группе «Пихта». Дело в том, что самой группы юридически как бы и не существовало. Никакого письменного приказа о ее формировании не издавалось и о расформировании — тоже. Все сотрудники были взяты из разных подразделений ГУ ГБ НКВД СССР и, судя по всему, раньше по работе между собой не контактировали. Официально все 11 человек продолжали числиться на прежних штатных должностях и в период с 13 июня по 5 сентября 1936 года значились в командировке. Обвинения, которые были предъявлены им при арестах (брали их порознь в течение февраля-сентября 1937 года), никак, даже косвенно, не касались их работы в «Котловине». Инкриминировались шпионаж в пользу Германии, Японии и Польши, связь с троцкистско-зиновьевским блоком и параллельно-троцкистским центром, подготовка терактов и вредительство, но чего-либо наводящего на мысль, что они пострадали из-за той злосчастной командировки в Сибирь, не просматривалось.

Но самое странное — даже Чудо-юдо не мог понять, почему документация «Пихты», которую при всех раскладах надо было упрятать за семь замков или вообще сжечь к чертовой матери, оставалась в чемодане-вьюке и валялась себе в какой-то геодезической организации?

Причем эта организация, хоть и числилась в составе ГУ Геодезии и картографии НКВД СССР, не была настолько засекречена, чтоб доверять ей хранение столь серьезной информации. К тому же эта организация, переезжая на новое место, позволила себе «забыть» чемодан с документами на территории, передаваемой другому учреждению, где он провалялся 40 лет без присмотра и в конце концов был уперт голодающим кандидатом наук. Конечно, в нынешнем бардаке возможно все. Удивительно даже, что Родион не поленился их поглядеть и припрятать. Точно так же чистая случайность, что я оказался поблизости и заинтересовался, а то Федот уже давно сплавил бы все это падким на сенсации янки по сходной цене.

Кроме того, было еще одно занятное обстоятельство. Как явствовало из рапорта Савельева, «Пихта» собрала коллекцию «предметов неизвестного назначения, изготовленных из материалов, которые в СССР не производятся». Товарищ капитан явно поскромничал, потому что, как мне представлялось, предметы, которые он нашел, не производились не только в СССР, но и вообще во всем мире. Список этих предметов я обнаружил в папке с надписью «Приложения к рапорту», фотографии отыскивались позже в отдельном конвертике. Нашлась и карта-схема мест обнаружения этих предметов. Все было описано на хорошем профессиональном уровне, с рулеточными измерениями, каждый предмет был сфотографирован с нескольких точек, около некоторых, малогабаритных, при съемке выставляли линейки, около больших — нивелирную рейку.

Не скажу, что я рассматривал фотографии затаив дыхание. Наоборот, после того, что я уже знал, эти картинки меня сильно разочаровали. По крайней мере сначала. Большая часть предметов, увиденных мной на снимках, выглядела не очень интересно. Это были обломки чего-то. Только сильно верующий в инопланетян человек, не пощупав их руками, мог бы с уверенностью сказать; да, это останки чужого межпланетного или, скорее, межзвездного корабля. Ну, лежит себе некий кусок изогнутой балки необычного профиля из какого-то темного металла. Если поискать как следует, вполне возможно, что такие валяются где-нибудь на тимоховской свалке или во дворе завода «Серп и молот». Или оплавленный обрывок металлического листа с натеками какой-то прозрачной массы — побегайте по заводским свалкам, непременно найдете похожий. Или довольно крупная по размерам конструкция из перекорезанных взрывом узких пластин, не то металлических, не то пластмассовых, собранных в некое подобие зонта диаметром около двух метров; поставь ее вертикально, и будет остов грибка с детской площадки, поломанного вандалами-хулиганами.

Но один снимок заставил меня легонько охнуть.

Около пня, в примятой траве лежал черный прямоугольный предмет. Видно, товарищ Шнеерсон очень удачно выбрал точку съемки, потому что смог зафиксировать даже тусклый блик солнца на гладкой длинной грани этого предмета. И, пожалуй, именно этот блик сразу навел меня на мысль, что я вижу вещь, с которой уже сталкивался и, более того, употреблял в дело.

Это был Black Box. Но каких размеров! Отнюдь не коробочка 25x10x10, а большущий параллелепипед, похожий на мраморное надгробие. Судя по установленной вертикально нивелирной рейке, которую держал какой-то человек в телогрейке и обшитых кожей кавалерийских галифе, торцевая грань была метр на метр, а длина — два с половиной метра!

В описании предмета было сказано:

«12. Шлифованный брус из черного сверхтвердого минерала (алмазом не царапается), размером 2500x1009x1001 мм. Обнаружен на вост. склоне сопки 21/VIII-1936 г. в 250м от места падения аппарата (см. карту-схему)».

Я прекрасно понимал, что для доставки всех «предметов» в Москву «Пихте» нужен был как минимум буксир с баржей водоизмещением тонн на 50, не меньше. Но, во-первых, ни один буксир или даже катер с осадкой свыше метра не протиснулся бы через Малую Пареху и Порченую, тем более — в летнюю межень, а во-вторых, никто «Пихте» этого буксира с баржей и предоставить не мог. Поэтому они взяли с собой только пять самых малоразмерных предметов, числившихся в описи под номерами 4, 17, 23, 35 и 38. Однако этих предметов в чемодане не было. Их везли в отдельной стальной коробке, как указывалось в примечании к списку. Что же это были за штуковины?

«4. Металлический гладкий, зеркально отшлифованный диск светло-золотистого оттенка, тверже алмаза, тяжелый (370 г). Диаметр — 35 мм, толщина — 11 мм, со скругленными краями. Обнаружен на тропе, идущей по

восточному склону сопки, 19/VI11-1936 г. в 350м от места аварии. 17. Кольцо плоское, из серого матового металла. Большой диаметр — 35 мм, малый — 25 мм, толщина — 1,7 мм. Вес — 1,5 г. Найдено на ветке куста у подножия восточного склона сопки 20/VIII-19 36 г. в 780м от места аварии.

23. Трубка из светло-золотистого отшлифованного металла длиной 325 мм, внешним диаметром 14 мм, внутренним диаметром — 2 мм. На одном конце наглухо прикрепленная насадка в форме диска из того же металла диаметром 35 мм и толщиной 11 мм. Внутри заполнена стекловидным веществом. Вес 1600 г. Обнаружена на северном склоне сопки 19/VIII-1936 г. в 200 м от места падения аппарата.

35. Диск из толстого стекловидного материала очень высокой прозрачности, по ребру покрашен светло-золотистой краской. Диаметр — 35 мм, толщина — 11 мм. Вес — 950 г. Обнаружен на северном склоне сопки 21/VIII-1936 г. в 90м от места аварии.

38. Цилиндр из светло-золотистого металла, со сквозным отверстием через торцы. Длина — 300мм, внешний диаметр — 35 мм, диаметр отверстия — 14 мм. Вес 1045 г. Обнаружен на северном склоне сопки 20/VIII-1936 г. в 230м от места аварии».

Надо сказать, найди я лично фигуринки из светло-желтого металла, да еще такие тяжеленькие, непременно подумал бы, что это золотишко. Пусть не 985-й пробы, но имеющее весьма приличную цену. А если они еще и лежали в опечатанной стальной коробке, то тем более могли привлечь внимание такого потертого жизнью человека, как Родя. Поэтому одной из версий исчезновения коробки с образцами «предметов неизвестного назначения» была та, что Родион

— не потому ли он засмутился, когда друг Федот спросил его, не надеялся ли он найти в чемодане золото? — уже изъясил из чемодана коробку. И, возможно, закопал ее где-нибудь на той же даче. А потом решил закинуть удочку к богатому дружку. Дескать, поможет «реализовать» бесхозные документы, можно будет с ним работать и по золотишку. Все это оказалось домислом. Несмотря на то что Чудо-юдо в такую версию поверил и даже организовал небольшой наезд на оставшуюся без хозяина дачу на предмет производства раскопок в различных подозрительных местах. Но металлоискатель ничего приятного не нашарил.

Вторая версия была такая, что металл могли, допустим, изъять официально и сдать в Гохран, скажем, под одну гребенку с ценностями, конфискованными у троцкистов и других врагов народа. Само собой, Чуду-юде получить справочку о подобных поступлениях было не так уж трудно, но среди актов приемки он ничего похожего не нашел. Ни за 1936-й, ни за 1937-й, ни даже за 1938 год. Идея поискать дальше как-то выдохлась.

Третья версия выглядела еще проще. Некто, узнав, что группа «Пихта» не существовала юридически, а весь ее личный состав в течение одного года прекратил и физическое

существование (причем и сам Николай Иванович Ежов, создавший группу, пережил «Пихту» лишь на краткое время), рискнул изъять чемодан и обратить в личный доход «предметы золотистого цвета». С позиций современности версия была очень соблазнительной, но Чудо-юдо убедил меня в том, что заместитель Ежова, Лаврентий Палыч Берия, сменивший шефа, вряд ли позволил бы такие финты. Не те времена-с! За халатность тогда легко было превратиться во «вредителя», а уж за хищение госсобственности — стать врагом народа ничего не стоило.

В общем, мы бы так и не узнали ничего, если б не нашли отколовшуюся от рапорта Савельева бумажку. Текст ее, должно быть, предполагалось вставить в рапорт после слов:

«Второй осмотр района „Котловина“ проводился 18 — 21/VIII, после того как наблюдателями было зафиксировано падение аппарата неизвестной конструкции в ночь с 17 на 18 авг. Всего было обнаружено 346 (триста сорок шесть) обломков аппарата и предметов неизвестного назначения разных размеров. Малогабаритные предметы первоначально предполагалось вывезти в Москву, однако, ввиду особых обстоятельств, они были оставлены в тайнике неподалеку от заимки Лисова».

Той самой заимки, в 500 метрах от которой наши «Бураны» никак не хотели заводиться.

ХОЗЯИН

В тот самый момент, когда запас мата, которым располагали Борис, Глеб и Богдан, иссяк, как и соображения по поводу причин незапуска «бурановских»

двигателей, с той стороны, в какую мы намеревались ехать, послышался рокотмотора. Единственным техническим средством, которое могло находиться в этом районе, кроме наших нефурычащих «Буранов», был снегоход, принадлежащий хозяину здешних мест, внуку Парамона Лукича, Дмитрию Петровичу Лисову.

Действительно, уже через пару минут «Буран» вынесся из-за поворота реки и, стремительно преодолев последнюю сотню метров, лихо тормознул рядом со своими прихворнувшими собратьями. Наши смотрелись, конечно, получше — ни царапин, ни вмятин пока не имели, — но не могли сдвинуться с места. А этот, местный, потертый, помятый, с треснувшим стеклом фары, с какими-то явно домодельными обтекателями и самой натуральной пулевой пробоиной на ветровом щитке, залепленной синей изолентой, — бегал.

Водитель действующего снегохода смотрелся солидно и вызывал уважение. Прежде всего тем, что имел на вооружении охотничий карабин «сайга», то есть демобилизованный «АКМ» с уменьшенным магазином. Впрочем, в то же окошко вполне можно было вставить и нормальный автоматный на 30 патронов. На поясе, в отделанных лосиной шкурой ножнах, висел режуще-колющий инструмент, напоминавший небольшой меч или саблю. Собственные физические данные у сибирского жителя тоже были о-го-го: рост — под метр девяносто без пыжиковой шапки, в плечах — почти метр, даже с вычетом толстого овчинного полушубка, кулаки такие, что я бы на месте здешних медведей под прямые удары этого дяди не подворачивался. Даже с учетом того, что подъехавший был одет в плотные ватные брюки и подшитые кожей светло-серые пимы с голенищами почти до колен и вряд ли мог быстро двигаться без снегохода, я бы не хотел оказаться его противником. Более того, гражданин этот был нам очень необходим в качестве друга и соратника, а самое главное — проводника, поскольку он один знал все многочисленные особенности этого района.

В том, что подъехавший является Дмитрием Петровичем Лисовым, можно было не

сомневаться. Я прекрасно запомнил в лицо его деда, Парамона Лукича, 1897 года рождения, который в наступившем году мог бы отметить столетие, если б не ушел добровольцем на фронт в 1942 году. Запомнил, естественно, по немому фильму, снятому сержантом ГБ Кулеминым, потому что этот фильм начинался именно с того кадра, в котором 39-летний богатырь Парамон Лукич показывал «геодезистам» огромный отпечаток трехпалой ступни длиной 52 сантиметра. Именно ступни, а не лапы пресмыкающегося или птицы. Правда, между отпечатками этих трех пальцев отчетливо просматривались отпечатки перепонки, но все же на человечесью ступню этот след походил больше, чем на утиную лапку. Сержант Кулемин в основном держал в кадре след, но несколько раз крупно показал лицо Парамона Лукича. Если отбросить всякие несущественные различия типа того, что действие происходило летом, а не зимой, и потому дед был одет в полотняную рубаху, суконные штаны и лапти с онучами, на голове у него была косынка, повязанная так, как носят нынешние спецназовцы, и за спиной плетеный из лыка пестерь, а не брезентовый рюкзачок, как у внука, — Лисовы были похожи абсолютно. Оба бородатые, темноволосые, скуластые, глаза для европейца узковаты, для азиата — широки. Поэтому я позволил себе, не дожидаясь вопроса, поздороваться:

— Здравствуйте, Дмитрий Петрович!

— Здравствуйте, — не без настороженности кивнул таежник, — не припомню, чтоб раньше виделись, однако. Кто такие будете?

— Геофизики, — ответил я, — из Москвы.

— Интересно. — На лице Лисова явственно отразилось недоверие. — Документы посмотреть можно?

Нет, его явно не радовало наше прибытие. Боюсь, если бы у меня не было под рукой папки с бумагами, подтверждавшими наши полномочия — по уверениям Чуда-юда, абсолютно подлинными, — мой тезка мог бы, опираясь на авторитет «сайги», приказать нам лечь на снег, а если б мы не подчинились, то уложил бы.

Когда я подал ему эту папку, он уселся на свой «Буран» боком к рулю, положил на колени карабин и внимательно проглядел бумаги. Потом, видимо, убедившись, что все в порядке, вернул мне папку.

— Получите, Дмитрий Сергеевич. Как я понял, вы у меня на заимке хотите базу устроить? Не больно это хорошее дело. Вы мне тут, по соседству, одним своим духом все зверье разгоните. А техника грохотом бед наделает.

— Ее еще завести надо, — проворчал Богдан.

— Понятно, — сказал хозяин тайги. — Совсем плохо, товарищи ученые. Не хотят вас тут видеть. Не с добром пришли.

— Поясните, пожалуйста, — произнес я, постаравшись придать голосу максимально интеллигентное звучание.

— А это, дорогой товарищ или господин, так просто не поясняется. Есть такая примета, что если у того, кто сюда пришел, техника не заводится — мотор лодочный, снегоход или даже вертолет, то это от какого-то зла, которое вы в себе несете. Может, против меня чего-то задумали, а может — против реки, леса, зверья или другой экологии. Или, допустим, чего-нибудь врете. Например, насчет того, кто вы такие и зачем сюда прилетели. Потому что финансовое положение той самой конторы, которая вас вроде бы среди зимы отрядила в экспедицию, мне хорошо известно. В трубе они. И спонсора им взять негде. Стало быть, и

денег на посылку дополнительного отряда с арендой вертолета у них тоже нет. А бумаги — это фигня. Здесь не Москва, адрес простой: речка Порченая, заимка Лисовых. Тут сама природа все читает и крутить-вертеть собой не дает. Пока не скажете, не поедете, да еще и пешком не дойдете.

Все подчиненные, даже Валет и Ваня, смотрели на меня. Ждали чего-то решительного, наверное. Хотя, как и я, прекрасно понимали ситуацию. В том смысле, что с господином Лисовым вышел полный облом. Конечно, можно попробовать его замочить, хотя без потерь это сделать не удастся. Оружие сейчас держит готовым к бою только он один, и хрен позволит кому-то другому так просто вытащить его, тем более, что у большинства оно лежит в упакованном виде. У меня есть пистолет под курткой, но не успею, точно не успею... Нет, пожалуй, все-таки лучше пока избегать силовых решений.

— В общем, как я понял, товарищ Лисов, — беззаботным тоном сказал я, — с вами надо говорить откровенно и честно. Тогда я должен вам сообщить, что мы действительно из Москвы, но не геофизики. Наши документы — прежде всего для того, чтобы местная власть особенно не волновалась, чтобы в прессе не было ажиотажа и так далее. Потому что мы занимаемся изучением НЛО. И у нас есть точные сведения, что здесь, в том месте, которое называется «Котловина», в августе 1936 года погиб инопланетный космический корабль, от которого осталось немало обломков.

— Вот это уже похоже на дело. — Дмитрий Петрович подобрел. — Хоть и не всю правду, но правду. Раз так, можете заводить «Бураны». Пойдут...

В общем-то, как уверяли Чудо-юдо разные инстанции, при нормальном нашем поведении Лисов может быть сговорчивым и приличным человеком. Его так и так требовалось посвящать в задачу экспедиции, хотя первоначально это планировалось сделать позже. Сначала надо было поболтать на всяческие темы, потом подойти к вопросу о загадках НЛО, показать Лисову фильм, снятый Кулеминым, с участием Парамона Лукича, расстрогать. А тут все оказалось проще и быстрее.

— Заводи, заводи! — почти с улыбкой подбодрил мой сибирский тезка. — Заработают!

Борис и Глеб, поглядев на меня, на Лисова и друг на друга, попробовали. Снегоходы завелись, как говорится, с пол-оборота. Богдан невнятно произнес еще пару матерных слов и уселся за спину Бориса. Ваня с Валеркой устроились на нартах, а я занял место на «Буране» Глеба.

— Давай за мной в след! — перекрикивая рев трех моторов, скомандовал Дмитрий Петрович, развернул свой снегоход и направил его вниз по закованной в лед реке Порченой. — Держись, механизмы столичные!

Пятьсот метров на снегоходе, даже по льду извилистой речки — дистанция совсем маленькая. Два-три поворота сделали — и на месте. Честно говоря, мне подумалось, что Лисов блефовал, когда пугал нас тем, что мы пешком эти 500 метров не смогли бы пройти. Даже с учетом того, что пришлось бы тянуть за собой нарты и «Бураны», дошли бы за полчаса. Хотя, конечно, Лисову виднее, он тутошний, а мы нет. Мало ли какая чертовщина бывает в пору ослабления диалектико-материалистического учения!

Накатанная «Бураном» лыжня наискось свернула с реки на берег, в узенькую, двухметровой ширины, просеку. Лисов сбавил скорость и повел свой выдавший виды «механизм» по просеке. Сразу же почувался уклон. Просека не лезла прямо на горку, иначе и «Бураны» бы не вытянули — круто! — а шла параллельно реке, постепенно, под небольшим углом поднимаясь вверх.

Наконец вся наша «кавалькада» оказалась на ровном и расчищенном от леса участке —

немного больше двадцати соток по площади, как мне показалось. В середине этой площадки стояло основательное бревенчатое сооружение, чем-то похожее на американские деревянные форты времен войн с индейцами. Во всяком случае такие, какие показывают в вестернах.

Правда, высоченного частокола, как в американских фортах, не наблюдалось, но зато была трехметровая бревенчатая стена, охватывавшая не совсем правильный прямоугольник 20 на 30 метров. По верху стены была пристроена колючая проволока. Из-за стены проглядывали заметные снегом крыши деревянных строений. Вокруг внешней стены тоже были наметены здоровенные сугробы. Кое-где на снегу были отчетливо заметны цепочки следов какого-то зверья. Четыре здоровенные лайки, чуя незнакомых, подняли лай.

Свернув по лыжне за угол, оказались перед массивными двустворчатыми деревянными воротами. К одной из створок привалило сугроб, к тому же слежавшийся и заледенелый. Как мне представилось, открыть эту створку раньше, чем сойдет снег, вряд ли удалось бы. Вторая створка, судя по концентрическим бороздам на снегу и отсутствию сугроба, периодически открывалась. Но не широко, ровно на столько, чтобы «Бурани» смог пройти.

Притормозив перед воротами, Лисов слез с «Бурана» и взял стоявшую у ворот крепкую длинную рогульку. Он уложил ее на заснеженную крышу ворот, поддел одним из рогов какой-то металлический крюк, нажав на рогульку снизу, толкнул вверх — что-то скрежетнуло-лязгнуло, и ворота со скрипом открылись.

— Загоняйте технику! — распорядился Лисов, отодвигая створку ворот. — Вон под тот навес ставьте. Места хватит.

Справа и слева от ворот вдоль стены были устроены навесы для дров, сена, какие-то хлевушки и курятники. Где-то кто-то похрюкивал и мычал. Похрапывала лошадь.

— Вот тут и живу, — доложил Дмитрий Петрович. — Независимости еще не провозглашал, но кое-какой суверенитет имею. Вроде с районом вопрос уладил, насчет пользования и прочего. Если удержится власть, может, и собственностью сделаю.

Я в вопросы приватизации лесных угодий вникать не собирался. Хотелось в тепло и погреться, но надо было для начала разобраться со своим багажом.

— Вот в эти две комнаты загружайтесь, — велел Лисов, подавая мне солидный ключ от амбарного замка. — И печку затапливайте, как раз к ночи прогреете. Я-то один тут, экономлю. Сыновья промышляют, а я тут на хозяйстве. Если не доберут пуха, сам схожу, а так посмотрим... Должны ж они привыкать помаленьку?

— Наверно, — согласился я, — а лет им сколько?

— Старшему двадцать пять, среднему двадцать три, младшему двадцать. Все отслужили.

Мне чего-то странно стало. Больше чем на сорок лет Лисов не смотрелся, неужели старшего в четырнадцать лет соорудил? Бывают, конечно, вундеркинды вроде негритенка Мануэля, но то ж в жарких странах...

— А вы сами с какого года? — спросил я.

— С тридцать седьмого, — ухмыльнулся Лисов.

— Так вам шестьдесят скоро?! — изумился я.

— Так точно. Из Лисовых в двадцатом веке я дольше всех живу, повезло. Прадеда Луку в десятом году медведь заломал, отец в сорок первом погиб под Москвой. Двадцать три года

всего было. Дед через год — под Сталинградом. Тоже не старый — сорок пятый доживал. Дядя Алексей немного раньше — под Харьковом, дядя Андрей после войны в сорок девятом умер. Из дедовых братьевъев четверо малыши померли, одного колчаки заporоли, другого Чека в двадцать первом году расстреляла. Племянников двоих уже нет. Одного в тюрьме зарезали — никто не знает, как и за что, а другого — в Афгане убили.

— Невесело... — посочувствовал я вполне искренне.

— Все оттуда! — Лисов указал пальцем в небо.

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР

Возня с обустройством заняла весь остаток светового дня. Спальные места оборудовали на полатах, под потолком. Про полаты я слышал, но об их устройстве понятия не имел. Оказалось, это сооружение состоит из двух толстенных и широченных досок, одним концом врубленных в стену, а другим — в

деревянный бортик печной лежанки. Поверх них укладывались короткие досочки, а поверх досок — тюфяки. Поверх тюфяков мы пристроили спальные мешки со вкладышами и запросто устроились все шестером.

Распаковали оружие, приборы, которые привезли Борис и Глеб. Развернули спутниковый приемно-передающий комплекс (СППК), хозяином которого оказался Богдан. Я и не знал, что такие компактные ящички содержат набор предметов, спокойно обеспечивающий отсюда, прямо из сибирской глуши, связь с любой столицей мира. Тарелка, установленная нами на внутреннем дворе, принимала и передавала сигналы аж через несколько спутников, на которые ее можно было

соответственно настроить. Можно было, например, посмотреть спутниковое ТВ без всяких там станций «Орбита», включиться в компьютерные сети «INTERNET» и «RELCOM», передать Чудо-юду в Москву кодированный доклад в виде архивированного файла или отправить любимой жене в Швейцарию факс-модемное любовное послание по поводу именин одной из ее составляющих — Танечки Кармелюк.

Компьютеров у нас было три, однотипные «пентюхи-ноутбуки, со встроенными принтерами, CD-ROM'ами и высокоскоростными модемами. Работало все это от аккумуляторов и мини-ГЭС, которую Чудо-юдо раздобыл на одном из предприятий оборонки. Ее еще при Горбачеве разработали в порядке конверсии, но в массовое производство отчего-то не пустили. Потому, должно быть, что для рядового обывателя была слишком дорога.

Внешне она напоминала большой автомобильный глушитель, только трубы были малость пошире. Поскольку карты района заимки мы с Чудом-юдом внимательно изучили еще в Москве, то знали, что поблизости, всего в ста метрах от дома, протекает быстрый ручей, впадающий в Порченую. Там мы с Валетом и Ваней под наблюдением Лисова и пристроили эту полезную машину.

Вообще-то у Лисова на заимке имелся свой движок — дизель, снятый с рассроченного «ДТ-75», а также пара бочек солярки, но он им больше двух-трех часов в день не пользовался — дизтопливо экономил.

Зато дров он не пожалел ни на отопление наших комнат, ни на баню. Я, видимо из-за своего многонационального происхождения и появившейся за последние годы привычки к теплым

морям и ваннам, баню не мог оценить по достоинству. Валет и Ваня, в силу их полной безэмоциональности, тоже. Зато Богдан, Борис и Глеб прямо-таки выли от восторга.

Получив от хозяина поздравления с легким паром, сели за стол, где получился обед, плавно переходящий в ужин. Выпили не много — две бутылки на семь человек. Но славно при этом закусили. И московскими деликатесами, и хозяйской рыбой, грибками, моченой брусникой.

Первая половина разговора посвящалась в основном делам глобально-политическим, о которых мы знали не так уж и много. Дмитрий Петрович, как мне показалось, знал не меньше нашего: хотя телевизора не имел, ежедневно слушал радио, тратя на него драгоценные ватты своего движка. Поскольку наша мини-ГЭС уже вкалывала, мы настроили СППК на прием телепередач и даже смогли показать Лисову программу «Время» по ОРТ. Обсудили, всерьез ли болен Президент или прикидывается.

Ну а потом, уже в приподнятом настроении, почуяв, что общий язык найден, заговорили о деле.

— Мы ведь тебе, Петрович, — в поддатом состоянии я бы и английскую королеву на «ты» назвал, — один сюрприз привезли.

И я достал из кейса видеокассету, на которую был переписан фильм, отснятый сержантом Кулеминым.

— Это чего? — строго спросил Лисов. — Если похабство — прятай тут же. Мне вон свояк в Красноярске показал такую же — едва не блеванул.

— Нет, тезка, — я отрицательно мотнул головой и вставил кассету в приемник привезенной нами маленькой видеодвойки, — это не порнуха. Глянь, не пожалеешь!

Сначала на экране замелькали разные крестики, звездочки, полосы, а потом, сразу, без титров, появился Парамон Лисов...

— Эх ты ж, якуня-ваня! — вырвалось у внука. — Дедуня! Мать честная, как живой! Пестерь-то сейчас порвался, а ведь лежит на чердаке где-то. Лапти я размякал, а пестерь сохранился... Надо же... Да-а, теза! Это ж надо же!

Я остановил кадр на том месте, где Лисов ушел лицом из кадра и оставил только руку, указывающую на трехпалый перепончатый след.

— Видали такой камушек? — спросил я.

— Видал, — кивнул Лисов. — Ты все прокрути, тогда поговорим. Дед-то еще будет?

— Будет, раза четыре или пять.

Кассета закрутилась дальше. Опять появился Парамон Лукич, который показывал другой отпечаток трехпалой ноги на глубоко вросшем в почву валуне у кривой сосны. Потом в кадр попал человек в кепке и белой рубашке, промеряющих метровой линейкой огромный след. Его лицо на пару секунд мелькнуло в три четверти. Чудо-юдо, выражаясь по-научному, атрибутировал все лица, запечатленные на фото— и кинокадрах, а заодно и меня заставил запомнить в лицо всех участников той экспедиции. Мужик в кепке был старшим оперуполномоченным лейтенантом ГБ Шкирдой.

В следующем, очень плохом и прыгающем кадре впервые появлялся тот самый таинственный район «Котловина»,

— Знакомое место... — произнес Дмитрий Петрович задумчиво.

Должно быть, Кулемин очень торопился и снимал не со штатива, а с рук, времени на подготовку не было. То, что запечатлелось, появилось внезапно, и сам момент появления на пленке не зафиксировался. Но и того, что зафиксировалось, вполне хватило бы для научной сенсации.

После того как камера в руках явно волновавшегося Кулемина более-менее утряслась и перестала показывать то небо, то траву, то размазанные изображения деревьев, в поле ее зрения попали три черные — пленка была не цветная, и какими их на самом деле видел оператор, неизвестно — человекообразные фигуры.

В документах «Пихты» об обстоятельствах этой съемки ничего поясняющего не нашлось. Можно было только догадаться, что сержант залег с кинокамерой на высоком обрыве, по-видимому, на краю этой самой «Котловины». Слева и справа в кадр попали какие-то неясные темные контуры — вероятно, двух валунов, за которыми укрылся кинооператор.

Сама по себе «Котловина» впечатляла. Когда я еще не посмотрел фильм, то представлял себе некое понижение между сопками, заросшее лесом или, может быть, заполненное болотом или озером.

На самом же деле пленка запечатлела нечто похожее не то на кратер потухшего вулкана, не то на штатовский Большой каньон, не то на железорудные карьеры Курской магнитной аномалии. Ни деревца, ни кустика, ни травинки — камни, камни и опять камни. Можно сравнить с лунными пейзажами, хотя небо днем светлое.

С потухшим вулканом «Котловину» роднило то, что она располагалась внутри вполне нормальной сопки, каких поблизости был не один десяток. Та же «Контрольная», например, стоявшая совсем близко (от ее вершины, где находился наблюдательный пункт «Пихты», до дна «Котловины» было по диагонали около километра), хоть и была намного выше, от подножия смотрелась точно так же. Пологие, чуть скругленные у вершины склоны. Собственно, «Котловина» и «Контрольная» были одной сопкой с двумя вершинами, между которыми располагалась небольшая седловина. В профиль они смотрелись, как маленький Эльбрус, только у того вершины намного остроконечней. Это мне было известно из других кадров «Кулемин-фильма» и компьютерных макетов местности, которые мы с Чудом-юдом моделировали при подготовке к экспедиции.

Но в тех кадрах, которые мы смотрели сейчас, виднелась только непосредственно «Котловина», то есть глубоченный провал, окруженный кольцевым обрывом, местами больше сотни метров глубиной. Дно котловины было неровное, бугристое, под обрывами громоздились груды валунов, щебня и песка, полусгнившие, замшелые деревья, когда-то упавшие с обрыва. На пленке просматривались и более свежие, рухнувшие, по тем временам, недавно.

Очень много было каких-то неясно очерченных ям, чем-то похожих на лунные кратеры: почти правильной круговой формы, со слегка вспученными краями, с конической центральной горкой посреди плоского дна. Причем у многих дно было не совсем плоским, а выглядело как кольцевой желобок, опоясывающий центральную горку. Конечно, тут не Луна, дожди и ветры, должно быть, за многие годы, предшествующие съемке, порядочно изменили их вид, но общее впечатление оставалось именно такое: лунные кратеры. То что это были не бомбовые воронки — стопроцентно. Я видел и свежие, и старые. У них никогда не было центральной горки, да и сами воронки были именно воронками, то есть коническими ямами. Никак не могу припомнить, чтоб в них какие-то желобки были.

Все это так, к слову. Когда я глядел эти кадры в первый раз, вместе с Чудом-юдом, то ни на какую геоморфологию не обращал внимания. Я даже тогда не знал этого слова, потому что впервые в жизни прочитал учебник геологии буквально перед отправкой в эту экспедицию.

Да и на черта мне было смотреть, как выглядит сама «Котловина», когда по ней идут эти человекообразные, но явно не люди. Всякого рода фантастических инопланетян я в штатовских боевиках навидался, особенно в «Вавилоне-5», который мне успел надоесть, пока я реабилитационный период проходил, одновременно занимаясь изучением материалов «Пихты». Да и еще не один десяток фильмов, где действовали всякие там восьминогие шестиглазы и головастики с лысыми лбами, лицезрел. Но то, что я увидел на пленке документальной, снятой взволнованным оператором, срочно залегшим за валуны, все-таки удивило.

Странно, я удивился вовсе не тому, что увидел нечто необычное в облике

этих фигур, а как раз наоборот, тому, что они были узнаваемы. Я уже видел их в одном из дурацких снов несколько месяцев назад, ощущая себя подростком Майком Атвудом. Но там был сон, которому нельзя было доверять. Человеческое сознание способно смоделировать и загрузить в память своего носителя самые фантастические картинки. Мало ли что мог навоображать себе мальчишка, насмотревшийся боевиков и начитавшийся комиксов? Однако тут была кинопленка подлинная, изготовленная на Шосткинском заводе в марте 1936-го, которую надо было проявить не позже чем через два года. Даже если представить себе, что кто-то решил прославиться на фальсифицированной сенсации, то он мог изготовить такую подделку никак не позже 1938-го, в самом крайнем случае — в начале 1939 года. Не думаю, что кинооператор «Пихты» был психом или самоубийцей; будучи сержантом ГБ, он не мог пойти на фальсификацию. Это дела на «врагов народа» имело смысл фальсифицировать, а кинопленку-то зачем? Ясно ведь, что этих человекообразных за троцкизм не привлечешь.

Нет, конечно, это были не люди. Дело не только в том, что они были огромного роста, — в последних кадрах фильма и на нескольких фотографиях были запечатлены минимум трехметровые тела двух мертвых «летчиков» (так их называли чекисты, не знавшие слов «астронавт» и «космонавт»). На этих первых кадрах они были сняты издали, и рядом не было каких-либо предметов известной длины, с которыми можно было сравнить их размеры. Да и внешний вид у пришельцев был необычен только для тогдашних людей. Для тех, кто еще не видел аквалангистов в облегающих черных гидрокостюмах. Это сходство усиливалось, если присмотреться к их походке. Ступни с перепонками очень походили на ласты. Правда, у аквалангистов все-таки имеются лица. Может быть, закрытые масками, но имеются. У этих — не было. И баллонов за спинами не просматривалось. У малыша Атвуда было хорошее сравнение: манекены. Только движущиеся, и не какой-нибудь там шарнирной походкой, а очень похожей на человеческую...

— Я тоже таких видел... — произнес Лисов как бы нехотя. — Раза три...

Продолжать он не стал, потому что опять увидел деда. Парамон Лисов показывал капитану Савельеву большую затвердевшую каплю какого-то стекловидного вещества на поверхности валуна. По этой капле капитан стукнул геологическим молотком, но она не раскололась и не отвалилась от валуна, а молоток как бы спружинил назад, будто бил по литой резине.

— Тоже знакомое дело... — вымолвил Дмитрий Петрович. — Таких тут много. А одна на сосне — почти что с блюдце размером... О, а вот и она! Дедуня небось говорит, что ее топором не взять... А ваш, дурак, не верит. Дед-то зря ничего не говорил.

Действительно, «дурак», то есть старший лейтенант Муравьев, вооружившись топором, пытался вырубить стекловидный натек — он был похож на сердечко, но размером вправду с чайное блюдце. Конечно, ничего не получилось. Топор затупился, но Муравьеву не удалось даже сделать зарубку на коре.

— Сейчас сосну пилить будут, — сказал Лисов, хмыкнув. Так сказал, будто уже смотрел фильм. Через минуту в кадре появились Омельченко и Шкирда, которые с недоуменными

лицами пытались хотя бы на миллиметр врезать зубья пилы в кору дерева.

— Мне бабка рассказывала, — усмехнулся Лисов. — Как дед на фронт ушел в сорок втором, я ее каждый вечер просил про него рассказывать. Пять лет мне было, совсем сопля, а помню все. Вот и про то, как «заколдованную сосну» пилили, с детства знаю, а вижу — впервые.

— Наверно, думали, что сказка?

— Сначала просто верил. Потом, когда уже после войны в школе учился, в поселке, думал, что ерунда, байки. А когда промышлять пошел сюда, увидел все эти дела — понял, что правда.

На экране показали пилу с обломанными зубьями и то место, по которому пилили. Кора, которую, как известно, можно просто пальцем отслоить, не поддавалась стальным зубьям. Причем на полметра ниже «стеклянного» натека.

— Все, что этим «стеклом» мечено, — сообщил Лисов, — никакая сталь не возьмет.

После этого было несколько малоинтересных кадров. По-видимому, «Пихта» обходила котловину по краю и снимала ее на киноплёнку с разных точек. Одновременно, как я знал из полевого дневника Савельева, проводилась и топогеодезическая съёмка местности. Кулемин заснял спуск в «Котловину» Белкина, Калининченко и Штихеля. Это несколько оживило его фильм-доклад. Впрочем, какой там фильм? Просто кадры, последовательно отснятые на одну плёнку, а также несколько отдельных кусочков, которые мы переписали на видео в том порядке, в каком они были помечены в так называемом «Покадровом описании».

Должно быть, позже на дно «Котловины» спустился и сам оператор. Потому что довольно много кадров было потрачено на съёмку «кратеров», многочисленных стекловидных натеков, расплавленных и застывших валунов, почвы, превращенной в некую спекшуюся и потрескавшуюся коросту...

До начала самых интересных кадров было еще порядочно времени, когда СППК издал несколько писков и Богдан объявил, что сейчас придет «Емеля» из Москвы («E-mail» — электронная почта). Видак остановили.

«НЕОБЪЯВЛЕННЫЙ ВИЗИТ»-1915

Долгое время я принадлежал к той части населения, которая относится к сообщениям о визитах НЛО весьма скептически. В наше время, когда научно— и ненаучно-фантастической литературой завалены все прилавки, когда почти каждый обладатель видака имеет у себя не одну кассету с фильмом «про пришельцев», любой дурак может сочинить правдоподобную историю о «контакте с внеземной цивилизацией». И хрен проверишь, было «оно» или не было. Насмотревшемуся фильмов про инопланетян в определенном состоянии души могут пригрезиться «летающие тарелки» и маленькие зеленые человечки. Поэтому всем современным публикациям на темы НЛО я не доверял. Мало ли кто чего наврет ради привлечения интереса к своему изданию.

Однако гораздо занятнее, когда обнаруживаются официальные документы, в той или иной степени подтверждающие наличие каких-то аномальных явлений или хотя бы регистрирующие сам факт того, что «что-то было». Причем лучше, если не современные, а достаточно давние. Например, из начала XX века. Ведь тогда о космических перелетах и пришельцах размышляли лишь немногие чудаки или гении, а основная масса населения не

отрывалась от грешной земли и с удивлением задираала головы, когда в воздухе с тархтением пролетал одинокий самолет или дирижабль...

То, что пришло по «Емеле» от Чуда-юда, представляло собой содержание скромного, тощенького архивного дела в розовой обложке, испещренной штампами и надписями. Дело это заводилось почти 82 года назад в штабе Казанского военного округа бывшей Российской империи, а ныне находилось в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Казанские писари не мудрствуя лукаво озаглавили дело просто и невыразительно: «Об аэропланах», но сей заголовок вовсе не раскрывал содержания розовой папки...

Сначала я не очень понял, на фига Чуду-юду подбрасывать мне эту информацию, поскольку события, о которых шла речь в архивном деле, происходили совсем в другом месте и задолго до того, как капитан ГБ Савельев привел свою «Пихту» на берега реки Порченой. Но заниматься ерундой было вовсе не в характере Сергея Сергеевича, поэтому я потратил пару часов на то, чтоб прочитывать распечатку распакованного файла и подумать над его содержанием. Лисов между тем досмотрел фильм и пошел спать, сказав, что «утро вечера мудренее» и разговор о делах мы продолжим завтра, на свежую опохмеленную голову.

Может, и мне надо было отложить знакомство с «Емелей» до утра, но я предпочел все дочитать.

Итак, вот какой документ был отправлен из Казани в Петроград 17 октября 1915 года, а копия его осталась в деле:

«М.А.Беляеву, начальнику Генерального штаба.

Секретно.

Милостивый государь Михаил Алексеевич!

От пермского, астраханского губернаторов и начальника гарнизона г. Пензы поступили донесения о появлении в названных губерниях аэропланов, но из представленных ими сведений усматривается, что все данные основаны на исключительно непроверенных заявлениях местных жителей¹...».

Командующий войсками Казанского ВО генерал-лейтенант А.Сандецкий, докладывая вышестоящему начальству «об аэропланах», рассуждал, естественно, как человек военный. В конце сентября — начале октября 1915 года, почти одновременно, из нескольких далеко отстоящих друг от друга мест Поволжья и Приуралья пришли сообщения о появлении неких летательных аппаратов. Шла война, немцы стояли под Ригой, австро-венгры попятели наш Юго-Западный фронт. А тут, в глубоком тылу, что-то, понимаешь, летает. Свои аэропланы и дирижабли известны наперечет. Стало быть, немцы?

Все эти сообщения были смутными и действительно маловероятными, если бы речь и впрямь шла о самолетах. К тому же материального вреда от пролета «аэропланов» не наблюдалось. Никто не бомбил ни Астрахань, ни Пензу, ни Омскую железную дорогу в Пермской губернии. Но наверх доложить надо — служба такая...

Каковы же были эти «исключительно непроверенные заявления»?

За неделю до посылки в Питер успокоительного послания генерал Сандецкий получил от начальника гарнизона г. Астрахани доклад такого содержания:

«27 сентября Астраханским губернатором получено было донесение Заведывающего Калмыцким народом (была такая должность в те времена) о том, что проезжавший Калмыцкой степью 26 сентября шофер автомобиля Калмыцкого управления в 60 верстах от

гор. Астрахани видел днем управляемый аэростат, как бы наподобие типа „цеппелин“ (занятно сказано, черт побери, „как бы наподобие“!). В то же время из другой части степи, из поселка, находящегося в 150 верстах от Астрахани, получено сведение о слышанном ночью шуме мотора в воздухе, и будто бы были видны лучи освещения прожектором... 28-го утром высланный на проверку слухов в степи попечитель улуса г. Саввич доложил, что шофером Оленевым в 11 часов этого числа виден был на большом расстоянии также как бы дирижабль (опять „как бы“, а не просто дирижабль!) вблизи ст. Бешкуль, находящейся в 50 верстах от Астрахани. Из сделанных заявлений можно предположить, что дирижабль виднелся низко от земли и, судя по положению его в воздухе, можно было прийти к заключению, что дирижабль этот именно типа „цеппелин“ и что он поврежден.

Ввиду этих слухов, исходящих от разных лиц, губернатором наряжено было 28-го же расследование, и в степь отправлен Заведывающий Калмыцким народом (его звали Богдан Криштофович), помощник начальника Астраханского жандармского управления ротмистр Звайгзне, попечители улусов и полицейские стражники, а на случай действительного подтверждения упомянутых сведений для овладения дирижаблем мною были назначены 10 нижних чинов при одном офицере от 156-го пехотного запасного батальона.

Означенные люди с командой нижних чинов (кто ж солдата будет считать за человека!) на пяти автомобилях выехали в степь в 11 часов вечера 28 сентября, в розысках провели 29 и 30 сентября и возвратились 1 октября. Ни дирижаблей, ни следов их спуска на землю найдено не было.

Копии опросов лиц, заявивших о видении ими дирижабля, при сем представляю2...»

Вот тут-то, в этих «копиях опросов», и начинались странности.

Чем больше я их читал, тем больше понимал, что вышеупомянутые «лица» видели вовсе не залетный цеппелин, а что-то лишь похожее на него.

Подрядчик каменных работ житель Астрахани Василий Соколов в ночь с 21 на 22 сентября 1915 года заночевал у лавочника-татарина в селении Хурцуглы. Примерно в 3.30 утра он вышел во двор, чтобы запрячь лошадь и ехать в село Михайловское (само собой, не в пушкинское, а в здешнее, астраханское). Вышел, стало быть, Василий Александрович на двор...

«...И тут мне показалась из-за тракта на Икицохуры на небе как бы звезда (опять „как бы“!). Затем эта, как мне сначала показалось, звезда начала приближаться и увеличиваться и видима была мною как бы в форме квадрата (и еще раз „как бы“!), стороны которого были вершков по 5-ти. Звезда эта с очень большой высоты опускалась вниз и в то же время приближалась, то есть двигалась как бы под уклон.

Тут-то я стал замечать, что сзади огня начала обрисовываться сигарообразная фигура коричневого цвета. Время было предрассветное, светил месяц, на небе были звезды. Было очень ясное небо. Облачка ни одного не было. Затем внизу этой фигуры я увидел как бы подвешенную лодку (количество этих «как бы» все растет!), раз в 7 меньшую по контурам сигарообразной фигуры. Самая же фигура казалась мне размером в 5-6 саженой. В лодке я различил тени, напоминающие по контурам фигуры 6 людей. Пять сидели, а один стоял, по крайней мере он был выше остальных фигур. Движений фигур я не видел, никакого шума при этом я не слышал. Все описанные явления были не над головой, а впереди меня, по направлению к Харахусам. Расстояния определить затрудняюсь, но думаю, что находилась эта фигура верстах в 3-х, под углом 40-45.

Увидев все это, я сильно перепугался и побегал на двор, крича, чтобы гасили в комнате огонь, и позвал татар смотреть. Тут же вдруг с этой фигуры блеснул луч света, который как молния осветил некоторую площадь земли и меня даже ослепил. Я еще более перепугался и

подумал — не цеппелин ли это, которого я никогда даже на рисунках не видел, и продолжал кричать, чтоб скорее тушили огонь в комнате. Татары выбежали во двор. В это время сигарообразная фигура повернулась перпендикулярно прежнему направлению движения, носом, на котором был огонь, к Астрахани. Огонь тут же потускнел и уменьшился в размерах. Во время поворота в задней части фигуры поворачивалась какая-то «махалка». Впечатление было такое, как будто белуга в воде работает хвостом, минут десять я это видел. Затем фигура повернулась и полетела по направлению к северу, и вдали начала реять, и наконец исчезла из глаз...»

В целом описанная Соколовым фигура и впрямь походила на дирижабль. Я знал, что в первую мировую войну на дирижабли устанавливали прожектора, и тот луч, который ослепил (надо думать, ненадолго) подрядчика каменных работ, мог принадлежать такой «фаре». Руть поворота, строго говоря, на белужий хвост не очень похож, но при достаточной доле воображения его можно и «махалкой» назвать. Наконец, малограмотному человеку сподручнее назвать «лодкой» гондолу с экипажем.

Но вот показания других очевидцев заставляли всерьез усомниться, что над Калмыцкой степью барражировали дирижабли.

Зайсанг, калмыцкий князь, Церен Бадмаевич Бадмаев сообщил Заведывающему Калмыцким народом Богдану Криштофовичу, что в субботу, 26 сентября, возвращаясь на автомобиле из Икицохур в Астрахань, между станциями Бешкуль и Николаевкой, приблизительно в 11 часов дня, увидел такую картину:

«...По направлению к Бешкулю, от меня верстах в 6-7, из-под бугра показался клуб черного дыма, который быстро отделился от земли и разделился на две части: одна начала двигаться по направлению к югу, другая — к западу. Отделившиеся от земли обе части клуба дыма приняли удлинённую форму, напоминая очертаниями лодку. Цвет этих „лодок“ сероватый. Видел я эти „лодки“ минуты 3-4. Сначала они имели форму круглую, а затем мгновенно (!!!) получили удлинённую форму. Чтобы видеть эти „лодки“, мне пришлось поднять голову, так как двигались они значительно выше горизонта. При этом с момента появления клуба черного дыма до исчезновения „лодок“ все описанные явления происходили не в полосе горизонта. Небо было безоблачное4...»

Когда я читал этот документ, Лисов еще смотрел видак. Вот-вот должна была появиться картинка, которую сержант Кулемин назвал «Облако в форме прямого огурца. Подъем над „Котловиной“. Передвижения (6.45 — 7.05). От 11.08.1936 г. Мне было очень интересно узнать, какое впечатление этот эпизод произведет на Дмитрия Петровича. Но одновременно эти кадры были неплохой иллюстрацией к тому, что рассказывал своему „Заведывающему“ Церен Бадмаев.

Камера, установленная скорее всего в том самом «одернованном блиндаже» — наблюдательном пункте на вершине сопки под условным названием «Контрольная»,

— медленно перемещала свой взор по густому туману, который почти полностью закрывал весь вид на «Котловину». Вероятно, погода 11 августа 1936 года в этом районе была намного хуже, чем 26 сентября 1915 года в Калмыцкой степи под Астраханью. Тем не менее Кулемин, заметив какие-то необычные явления, несмотря на плохую видимость, все же включил камеру, наведя ее почти точно на «Котловину», скрытую туманом, плавно переходящим в низкие облака.

Включить камеру Кулемина, должно быть, заставило заметное сгущение тумана непосредственно над «Котловиной». Вокруг сопки туман был относительно одинакового цвета — белесого. Я думаю, что на черно-белой киноплёнке он выглядел скорее всего так же, как на самом деле. А вот над кратером-«Котловиной» он был гораздо темнее и с каждой секундой

становился все более т,мным. Сначала серо-белым, потом — светло-серым, позже — просто серым, далее — дымчато-серым, наконец — темно-серым, почти черным. К этому моменту там, над «Котловиной», расплывчато обрисовывались неясные обводы какого-то продолговатого тела, которое стало плавно подниматься вверх, окутанное темно-серым туманом. Действительно, лучшего названия, чем «прямой огурец», для объекта, поднявшегося над «Котловиной», не придумаешь. Неправильный, размытых очертаний вытянутый эллипсоид, один конец которого был заметно толще и закругленней, а другой — уже и острее. При этом отношение длины к максимальному диаметру «огурца» было где-то 5:1.

Некоторое время «огурец», поднявшись почти вровень с вершиной сопки «Контрольная» (надо думать, у Кулемина в это время нервишки здорово поиграли!), висел почти неподвижно. Потом он поднялся повыше, и стал заметен какой-то выступ у него под брюхом, и впрямь похожий на гондолу дирижабля. В узкой части — видимо, ее следует считать «кормой» — через туманную муть несколько раз проглянули какие-то остроугольные штуки. На рули дирижабля они были мало похожи, а вот на «белужий хвост» — очень даже.

«Огурец» долго маневрировал над сопками на высоте примерно тысячу метров. То удалялся, совершенно скрываясь в тумане, то подходил ближе. Наконец он задрал «нос», то есть тупой конец, почти вертикально и в одно мгновение унесся вверх.

Следующий эпизод, снятый почти ровно через сутки (7.20 — 7.22, 12 августа 1936 г.), длился совсем немного, две минуты. Снят он был точно в такую же погоду. На сей раз сгущение тумана произошло намного быстрее. За пару секунд, не больше. И вот тут-то произошло то, что описал Церен Бадмаев. Темно-серый, почти черный неправильной формы шар — вполне можно было принять такой за клуб дыма — в мгновение ока разделился на четыре примерно равные части. Каждая из этих частей через пару секунд превратилась в более светлые по цвету образования удлинённой формы. Можно, при желании, сказать, что они действительно походили на лодки, хотя на сигары — больше. Как только темные клубки вытянулись, они в один миг унеслись по четырем разным направлениям. Вот что Кулемин называл «Расхождение облаков на четыре азимута». Аналогичная картинка была отснята им и на следующий день, 13 августа, точно в то же самое время. — Бывает, — задумчиво прокомментировал Лисов, просмотрев оба эпизода.

Ни во время первой мировой, ни в 30-х годах ни один дирижабль не обладал способностью разделяться в воздухе. Ни на две, ни тем более на четыре части. Если такое и происходило, то благодаря несчастному случаю или хорошей работе средств ПВО. С точки зрения, допустим, генерал-лейтенанта Сандецкого (если он, конечно, сам читал документы «Об аэропланах», а не поручил разобраться с ними какому-нибудь поручику или капитану), показания Бадмаева могли быть только бредом сивой кобылы. Однако мне уже было ясно: зайсанг видел в ясную погоду то, что Кулемин снимал в пасмурный день.

Писец Харахусовского улусного управления Дуров тоже рассказал Богдану Криштофовичу, что видел в степи 27 сентября 1915 года странную «черную тучку»:

«...От нас она была приблизительно верстах в 4-5 и имела форму сигары. Длина этой черной тучи приблизительно сажень 4-5. Поднялась она таким образом: сначала вышла из-за бугра горизонтально, потом сделала прыжок сверху вниз, потом передний конец этой тучки поднялся кверху, потом опустился вниз и чуть ли не вертикально спустился за бугор5...»

Даже мне, который на дирижаблях никогда не летал, было ясно, что маневр, описанный Дуровым, цеппелин мог выполнить только один раз, после чего его бранные останки неизбежно угодили бы в руки военнослужащих 156-го пехотного запасного батальона, на радость жандармскому ротмистру Звайгзне и прочим официальным лицам.

Однако, судя по всему, ничего с этим аппаратом не случилось. Потому что 2 октября 1915 года его увидели над городом Пензой, где он попал в поле зрения тамошнего полицмейстера:

«Сего числа около 3-х часов дня над городом Пензой парил какой-то летательный аппарат. Появление его было усмотрено приблизительно в местности „Манджурия“ на территории лагерного расположения, откуда он пролетел в центр города, покружился над Соборной площадью, а отсюда взял направление на площадь бегового ипподрома и там исчез. Аппарат все время держался на значительной высоте и рассмотреть таковой не представилось возможным...»

Это же надо же! Аппарат среди бела дня проходит над немаленьким губернским городом, в районе военного лагеря, кружит над Соборной площадью, над ипподромом, а полицмейстер, который направил это сообщение начальнику Пензенского гарнизона, не может определить: самолет это или дирижабль. Навряд ли полицмейстером в таком городе, как Пенза, сидел господин, который совершенно не разбирался в авиации. Правда, полицмейстер упомянул, что аппарат все время держался на большой высоте. Но что значит — «большой»?

К 1915 году лишь редкие самолеты могли взмыть до высоты пять тысяч метров, после чего тут же вынуждены были снижаться. Обычные аэропланы выше трех тысяч не забирались, и перепутать их на такой высоте с цеппелином (у дирижаблей потолок был еще ниже) просто невозможно. А то, что аппарат «исчез» над ипподромом, разве не удивительно? Не за горами скрылся, не за лесами, не в ночи, а днем, когда тысячи людей могли бы заметить, в каком направлении он улетел. И сообщить полиции, между прочим. Но полицмейстер говорит «исчез», как будто аппарат взял да и растворился в воздухе. А так исчезают только НЛО...

Уже после того, как докладная записка генерала Сандецкого отправилась в Главное управление Генерального штаба, в дело подшили еще один документ, прибывший из Саратовской губернии:

«9 сего октября около часа дня из села Барановки на село Телятниково

проезжали крестьяне, и когда они были в 5 верстах от Барановки, то над казенным лесом заметили летящий аэроплан, который, как им показалось, будто бы спустился в лесу. По заявлению ими в Барановке сельским властям и уряднику к месту спуска аэроплана явилось около 20 верховых, которые объехали большое пространство леса, но аэроплана нигде не обнаружено...»

Вот такие, оказывается, чудеса творились в воздушном пространстве бывшей Российской империи тогда, когда еще никто не судачил на кухнях об НЛО и инопланетянах, а роман Уэллса «Война миров» рассматривался лишь как занятная фантастика-беллетристика.

Чудо-юдо прислал и еще кое-какие сведения о наблюдениях чего-то похожего. На компьютерной карте он скрупулезно отметил все точки, где осенью 1915 года замечали «аппараты», а потом соединил их общей кривой по порядку времени появления. Получилось, что впервые он появился над Северным Казахстаном — тогдашней Оренбургской губернией — в середине сентября, потом в 20-х числах сентября крутился над Калмыцкой степью, 2 октября засветился над Пензой, почти в 1000 километров севернее, потом свернул на юго-восток и появился в Хвалынском уезде Саратовской губернии 9 октября. Потом его видели над Омской железной дорогой. Чудо-юдо пунктиром продолжил направление от самой первой точки на северо-восток, а от самой последней — на юго-восток. Оба пунктира пересеклись примерно в том районе, где мы сейчас находились.

Это было как в фильме про Штирлица — «информацией к размышлению». Получалось, что мы находимся в районе постоянной базы «дирижаблеобразных» НЛО, пилотируемых безликими черными гигантами трехметрового роста. Базы, которая используется ими

минимум 82 года.

ОСНОВНОЙ РАЗГОВОР

Ночь, как ни странно, я проспал спокойно. Никакие инопланетяне не снились. Наверно, мозги переработали слишком много информации. А может, подействовали воздух свежий и тишина. Даже разница во времени с Москвой — часов пять, — кажется, и та не почувлась. Выспался нормально.

Дмитрий Петрович встал рано, у него тут и корова, и лошадь, и поросята, и еще какая-то животина имелась. За завтраком пошел разговор серьезный — основной и решающий.

— Говорят, с человеком надо пуд соли съесть, чтоб узнать, хороший он или дурной, — заметил Петрович, — а мы еще только-только солонку попробовали. Понимаешь, тезка, вроде бы пареньки вы неплохие, обстоятельные, запасливые. За то, что моего деда на пленке сберегли, я уже по гроб жизни обязан. Я и могилы его не знаю. Говорят, что на переправе через Волгу в Сталинграде погиб. Бомба в баржу попала. Небось его сразу убило, а то бы он выплыл, ему ж и полтинника не было. А тут, на пленке — живой. Но это все хорошо, конечно, только вот много у меня насчет вас сомнений, не обижайтесь...

— Давайте поговорим, — сказал я, — может, сомнения и развеются.

— Ну, давайте. Начали вы с липы — геофизиками представились. Не очень это к доверию располагает. Ладно, допустим, вы просто не хотите шума и так далее. Но ведь документами запаслись поддельными? Кто-то вам их делал, верно? А за так это не изготовят. Получается, что вы либо жулики, либо КГБ или ФСБ, по-теперешнему. Эти, которые до войны приезжали, тоже не под своим обличьем были, геодезистами назывались. Но когда они тут, по району, народишко опрашивали, все сразу поняли, что НКВД. Но тогда НКВД было не то что вс,, а даже больше чем вс,. Какого-нибудь лейтенанта или сержанта секретари райкомов побаивались. У них сила была побольше, чем у партии. Мне так мать с бабкой говорили, я-то маленький был, не помню. Но и после войны, когда у меня уже мозги работали, МГБ был крепок. Потом уже поменялось — партия выше стала. А сейчас ни того ни другого — администрация одна. Но главное ее — те, кто при деньгах. Вот я и рассуждаю: ФСБ сейчас не Бог весть что, да и дел у нее до хрена, чтоб она, как в прежние времена, могла всякие экспедиции за пять тысяч километров посылать. Тем более для изучения НЛО. Не до того им. И денег нет лишних. А к нам доехать с грузом, да еще с такими приборами и техникой — немало миллионов потратить надо. Верно рассуждаю?

— Правильно, — кивнул я. — Стало быть, вы считаете, что мы жулики?

— А кто теперь не жулик, скажем так? — спросил Лисов. — Все помаленьку тянут лишнее, потому что иначе не прожить. Кто квартиры грабит, кто прохожих, кто с завода автоматы уносит, кто мясо. Одни кошельки вынимают, другие заводы прихватизируют. Одни взятки берут, другие налогов не платят. Все помаленьку жулят.

— Стало быть, и вы тоже?

— А куда я денусь? Тоже делаю кое-что не по совести. Грешен! Но чуток поменьше других. И не во зло людям. Здесь, на Порченой, со злом нельзя жить. Понимаешь?

— Не очень. Я вот вчера думал, отчего «Бураны» не заводились? Вы сказали, что мы со злом пришли... Ну, сказал я правду, что мы не геофизики — подумаешь, покаяние! — а «Бураны»

завелись. Неужели этот ваш здешний Хозяин, который распоряжается, работать моторам или нет, такой наивный парень?

— Понимаешь, теза, это не он наивный, а ты. Во-первых, потому что думаешь, будто тут кто-то живет и всем командует. Леший или Баба-Яга, что ли? Нету их, я точно знаю. Уж таких, как в сказках, обязательно. Но есть что-то, что здешние законы установило. Непохожие на обычные. Я даже на карте могу точно показать границу, где они кончаются. А во-вторых, учти: вас покамест сюда только впустили. А вот выпустят или нет — это я не знаю. Здесь ведь немало народу пропало, знаешь ли... И начисто пропало, бесследно, учти... Некоторых находили мертвыми, других — дурными, а третьи — как сгнули. След обрывается — и все. Понял?

— Я, Дмитрий Петрович, про это читал в записках у тех, кто фильм снимал. Там есть показания такого Леонтия Кислова...

— Деда Лешки?

— Леонтия Савельевича, вообще-то...

— Ну-ну, он это и есть. Дед Лешка после моего деда здесь промышлял. Хотя и старше его был лет на пятнадцать, а пережил о-го-го на сколько. Знаешь, когда помер? В семьдесят втором году, семи лет до сотни не дожил. Так чего он этим чекистам наговорил?

— Сказал, что три раза был в «Котловине», в декабре 1915-го, в мае 1926-го и в октябре 1930-го. Сказал, что видал «длинных черных», таких, как в фильме; про то, как в «Котловине» «пузырь» видел, тоже упомянул...

— А про то, как с «длинными» на Луну летал, не рассказывал?

— Нет, там это не записано. Может, это было позже, когда экспедиция уже уехала?

— Да нет, дед Лешка говорил, что это еще до гражданской было. Конечно, его у нас многие записным вралем считали. Когда летом по сено ездили или в сезон, когда в избушке ночевали, — много рассказывал. Иногда — приняв, иногда — по-трезвому. Я-то тоже думал, что он врет. Но когда первый раз с ним сюда попал, понял: он всю правду говорит, только кривляется, чтоб его всерьез не приняли.

— Так он действительно с «длинными» на Луну летал? Лисов усмехнулся и сказал:

— Меня тогда и в проекте не было. Не сопровождал. Но потом, когда прикинул, что он про Луну рассказывал, с книжками сравнил и с тем, что наши

«луноходы» наснимали, уловил: он это вживую видал. Потому что в те годы, когда он про все это рассказывал, ни книжек, ни фильмов про настоящую Луну еще не было. Понимаешь?

— И сколько он там пробыл?

— Это не слышал. От бабки знаю, что дед Лешка японскую войну отвоевал всю да еще до того четыре года в армии отслужил. Его там ранили. Крест имел за Порт-Артур, в плену сидел. В самом начале германской войны его не призвали, а в пятнадцатом — потянули. А он взял да и удрал в тайгу. Бабка говорила, будто он военкому, по-тогдашнему воинскому начальнику, прямо сказал. «На хрен мне эта заваруха, я уже одну войну отломал». Вроде бы стражники ездили искали — не нашли. И вернулся только в восемнадцатом. Где был, что делал — никто не знал. А он, когда спрашивали, хихикал. «На Луне жил, между небом и землей». Три года! Сейчас сколько космонавты самое большее летали?

— Год, по-моему, один просидел. Если не за два раза... Не помню точно.

— А деда Лешки три года не было. Охотников тогда, бабка говорила, хоть и поубавилось, но навсего они не исчезли. И даром что тайга большая, запросто найдут, кто куда подался. Тут ведь не проживешь, если избушек не знаешь. И летом-то сдохнуть можно, а зимой — и вовсе. Ну а кто избушки знает, тот для промысловиков на виду. У каждого своя стоит. Если кто по случаю зайдет, когда хозяин сетки ставит или капканы проверяет, погреться или передохнуть — его знать будут. Сейчас все уже не так, но тоже еще блюдем помаленьку. Соль, спички, крупку оставляем, в НЗ для пришлого.

— Стало быть, деда Лешку три года «длинные» у себя держали?

Мне как-то не по себе стало. Хотя и на вранье похоже, причем и Леонтий мог наврать, отсидевшись где-нибудь, и бабка могла напутать, и нынешний Лисов мог на нас, дураков, страх нагонять...

— Это я тебе, теза, отвечу так. не знаю. За что купил, за то и продал.

— Ладно, Дмитрий Петрович, — сказал я, — что-то мы все о делах давнишних рассуждаем. А вы нам про нынешние дела в «Котловине» расскажите...

Я исподволь ощущал, что Лисов говорит охотно, но все время колеблется, не хочет говорить самого главного. Хотя чего уж занятней, казалось бы: Леонтий Кислов побывал на Луне раньше штатников на сорок четыре года, да и притом просидел там три года, уклоняясь от мобилизации на первую мировую... Дождался Советской власти и вернулся. Эх, где ж был советский агитпроп! Впрочем, почему Кислов не стал чекистам рассказывать про свое «лунное дезертирство», я догадывался. Не хотел в немецкие шпионы угодить. Знать бы, кто такой был «источник „Стриж“! Он-то наверняка четко знал, что да как... Все записывал, стукачок!

— Вот тут-то, паря, и надо думать. Сначала, если уж завели разговор, должен мне честно, от и до сказать, на кой ляд вам эта самая «Котловина» сдалась? Не от любопытства справляюсь, а просто не зная, чего вам здесь надо, могу и вам невзначай навредить, и себе жизнь сократить. Ты фильм «Сталкер» видал?

— И даже книжку читал, только забыл, как называется.

— Книжку я не читал, а фильм видел. Так вот, я — не сталкер. Сталкер, как по фильму, сам ни хрена не знает, куда ведет и что там будет. Короче, сталкивает, как кутят в воду: утопнут или не утопнут — наплевать. А я — промысловик. От слова «промысел». Я здесь пух беру. Двадцать третий год уже. И знаю, как тут и что. Уловил?

— Уловил. И вообще-то всегда знал, что «промысел» — это слово многозначное. Есть Промысел Божий, а есть — воровской.

— Правильно. Именно поэтому я и хочу знать точно, что вы отсюда хотите забрать и на какое дело употребить. Здесь много чего лежит. Но не все в руки дается, между прочим. Про стекло, которое все делает вечным, ты уже знаешь, в кино видел. Но есть и того сильнее вещи. За некоторые не только руками братья опасно, но и глядеть на них нельзя. А есть такие, что для одного совсем безопасны, а другою — уморят. Есть и такие штуки, которые для самого безопасны, а другим могут страшные беды натворить.

— В общем, — сказал я, — нам с вами надо оговаривать условия устного контракта, Дмитрий Петрович. Верно я вас понимаю? Назовите сумму, поторгуемся.

— Что деньги? — хмыкнул Лисов. — Ну, запрошу с вас мильон долларов или полтора. И даже если вы такие деньги найдете, то мне их, пожалуй, тут не потратить будет.

— А вы в Лас-Вегас прокатитесь или в Монте-Карло — запросто все потратите, — посоветовал я.

— Нечего мне там делать. Я бы, конечно, нашел и здесь куда деньги поместить. Просто я очень боюсь, что если вы до самых интересных вещей доберетесь, то невзначай можете на весь мир шороху наделать, да такого, что всем миром не разобраться будет.

— Что ж ваш дед этого не боялся?

— Боялся, и еще как. Но он по-настоящему мысли умел читать.

— Мысли? Экстрасенсом был, что ли?

— Не люблю я эти импортные слова: экстрасенс, экстрасекс. Вот порох «экстра» — это знаю. Умел читать, это точно. Бабка врать не будет. А как научился: сам или от «длинных» — мне не рассказывали. Но ты, паря, меня в сторону не уводи. Будем крутиться — не договоримся. Если хочешь все делать сам — делай. Машины у вас есть, глядишь, и поедут. Туда только или обратно тоже повезут — не знаю. И куда привезут — тоже. Если что случится — на мне греха не будет.

— Ну, зачем же вы так, Дмитрий Петрович? — сказал я тоном обиженного ребенка. — Вроде уже начали друг друга понимать, а вы прямо-таки угрожать пытаетесь... А самое главное, непонятно, зачем вам такую комедию ломать? Я бы понял, если б вы хотели с нас деньжат срубить побольше. Тогда можно торговаться, пугать помаленьку и так далее. Но так, из непонятных, условно говоря, нематериальных соображений осложнять отношения? Зачем? Ну, допустим, мы скажем вам, что ищем то-то и то-то. Во-первых, можем соврать — вы ведь сами мысли читать не умеете? Во-вторых, можем сказать правду, но потом об этом пожалеть и позаботиться о том, чтобы про нашу находку никто не узнал... Вы ведь нас бандитами считаете, а раз так, то от бандитов всего ожидать можно. В-третьих, что изменится, если вы будете знать, как говорится, цель наших поисков еще до того, как они начнутся? Пойдем в лес, там и скажем. Все равно ведь вы нам будете дорогу указывать, так что рано или поздно узнаете, что мы ищем. Верно?

— Верно-то оно верно, — хмыкнул Лисов. — Только я ведь могу и вовсе не повести вас, если у вас худое на уме. А касательно того, что вы наврать можете, — пожалуйста, врите. Наврали про себя, что геофизики. Что вышло, небось не забыли еще?! Это ведь вам знак был. Меня, Лисова, надуть можно. Но место это, нашу, так сказать, «проклятую зону», — не надуешь. Поверить в это дело трудно, но так оно и есть.

— Нет, почему же, — сказал я, — мы как раз в это верим. И вообще, мы из документов кое-что о здешних порядках знаем. Ладно, допустим, мы прямо сейчас сказали вам, что нам здесь надо. А вы услышите наше признание и заявите: «Теперь-то, паря, я вас наверняка не поведу. Хоть убейте — не поведу».

— Нет, — оскалился Лисов, — «хоть убейте» — это я вам не скажу. Потому что и впрямь убить можете. Ежели это самое, что вы ищете, взять отсюда нельзя, то вы его так и так не возьмете. Сами сдохнете, если упорствовать станете, меня загубите в еще не старом возрасте, может, не дай Бог, до сыновей доберетесь, но ни шиша не получите. Чем такую дурь разводить и время травить, скажите наперед, что ищете. Может, я вам сразу объясню, что этого вам не взять. Тихо и мирно уедете. Ну а если то, что вам надо, в руки дается, растолкую, как взять. А может быть, и вовсе искать не понадобится...

— Это почему же?

— Ну, к примеру, если того, что вы ищете, вообще не было. Или было раньше, а теперь больше нет. Ну и если то, что вы ищете, уже нашли давным-давно.

— Хорошо, — сказал я, — раз так, глядите.

И картежным движением выдернул из-под куртки фотографию того самого огромного Black Box`а, которую мы рассматривали вместе с Чудом-юдом перед началом экспедиции.

— Вот оно что... — задумчиво поглядел на фото Петрович. — Сами додумались или как?

— Может, и сами, а может, «или как», — ухмыльнулся я. — У нас есть такая же штука, только поменьше. — Тут я по-рыбацки показал примерные размеры того Black Box`а, который добыли у Ахмад-хана. — Если это одно и то же, много интересного может получиться.

— Ты, теза, не обижайся, — сказал Лисов, — но эту штуку лучше не трогать. Ежели совсем откровенно, тут вообще ничего трогать не нужно. Знаешь, как говорят: «Не тобой положено, не тебе и брать». Все местные это знают, потому сюда и не лезут. А чужаков если и заносит, то ненадолго. Я уж говорил. Или крыша едет, или гибнут неизвестно отчего, или пропадают совсем. Карта у тебя есть?

— Есть, — кивнул я и вынул из полевой сумки двухверстку. Она была сделана по спутниковым данным и была одной из самых последних по времени изготовления, отражавшей состояние этой местности на период лета 1996 года.

— Вот, смотри и запоминай, — наставительно произнес Лисов. — Вот она, «Котловина», а вот рядом — «Контрольная». Тут четко видно, что из одного корня растут. Вот седло между ними. Точно помечено, толково... В общем, объясняю тебе ситуацию. Для начала покажу, где граница этой самой зоны проходит. Сперва, конечно, сама Порченая. Правый берег у нее, считай, чистый. То есть там ничего такого не бывает. На земле. В воздухе — не скажу, бывает. Вертолеты в сопках путаются, туман неведомо откуда берется, а иногда всякие «тарелки» и «огурцы» мерещатся...

— Мерещатся или летают?

— А их, паря, хрен поймешь. Один раз Володька Сухарев на «Ми-восемьом» увидел вот такую «пузень», как ты в кино показывал. Или, может, другую, но тоже «неопознанную». Над правым берегом, между прочим. «Встала, — говорит, — зараза, поперек хода и висит между двух сопки. Длинной в километр или больше». Володьке ни вправо, ни влево — горки по семьсот метров как-никак, долбиться же неохота. Он полез вверх — и штука эта тоже. Он поднырнуть под нее собрался, а она дорогу загораживает. В общем, куда вертолет ни ткнется — либо сопки, либо «огурец» этот самый. А садиться некуда, ни одной площадки нет. Ну он, видно, дошел до точки и попер прямо на «пузень». А она — р-раз!

— и исчезла. Прямо начисто и в одну секунду. Теперь он сомневается: была эта хреновина или нет? Начальству, конечно, ничего не доложил, чтоб от полетов не отстранили. Ладно, это к слову. На чем остановились?

— На том, что на правом берегу Порченой все нормально.

— Не все, конечно, раз в воздухе чудесит, но на самом берегу — ничего. Смотрим дальше. Дальше Малая Пареха начинается, с запада на восток течет. То же самое — северный берег чистый, а южный со странностями. Вот тут такой мысок, гляди! Малая Пареха в Алемгу впадает, а километра три ниже — Большая Пареха. Эта с севера на юг течет, потом на запад сворачивает. Весь мысок этот между Алемгой и Парехами — чудесит. Дальше граница по притоку Большой Парехи идет, Лисья называется. Фамилия наша, говорят, от этой реки происходит. Бабка рассказывала, будто еще лет двести назад какой-то прапрапрадед, или того старее, там зимовье держал. А может, и врут. Лиса там и сейчас есть, нормально живет, но я б на Лисьей селиться не стал.

— Пришельцы «загрязнили»? — спросил я полушутя.

— Почти что так. А вытекает Лисья, между прочим, вот отсюда. Из Шаманова болота в сопках. Тоже котловина, но не внутри одной сопки, а посередине между четырьмя. Ну и, конечно, края у ней тайгой заросшие, гладкие, камни особо не выпирают. По размерам она раз в десять просторнее, чем наша вредная. Воды в ней много скапливается в весну, да и летом, если ливни идут,

— реки аж бесятся. Камни волокут, берег топят метра на три, деревья валят. Ведь это болото, если на карте верно, стоит повыше, чем наше место, метров на сто-полтораста. Вот тут у нас горизонталька сто пятьдесят над уровнем моря, а на болоте — триста. И из того же Шаманова болота течет Порченая, только в другую сторону. Так что мы вроде бы на острове находимся.

— Значит, граница зоны проходит по рекам? — Я еще раз посмотрел на карту.

— Да, выходит почти так. — Дмитрий Петрович вытащил из внутреннего кармана пиджака огрызок карандаша, взял его в свои заскорузлые пальцы и аккуратно, стараясь не прорвать бумагу, прорисовал на карте границу зоны.

— И сколько ж тут примерно площади? — прикинул я.

— Это, паря, не шибко важно. Потому что граница эта — только внешняя. Так сказать, между нормальным миром и ненормальным. Все местные, кто по тайге лазит, эту границу знают и сюда стараются без нужды не соваться. Но в самой зоне тоже есть места похуже и получше. Тут, как в Чернобыле, — все пятнами. Вот здесь, где мы сейчас сидим, — место спокойное. А за ручейком, где вы свою турбину поставили, — уже не очень. Вот другой ручеек течет, видишь? Километрах в трех от нас, выше по течению, будет его устье, где он в Порченую впадает. От ручейка до ручейка плюс еще примерно километра четыре от реки в горку — нормально, можно жить и ходить спокойно, под ноги не глядя. У меня на этот случай затески поставлены на деревьях. Если идешь и видишь на правой стороне «плюс», значит, выходишь из плохого места в хорошее. Если по правую руку видишь «минус» — значит, идешь из хорошего в плохое. Но поскольку сила у каждого места разная, я в некоторых местах по два, три и даже четыре минуса натесал. Запомнил?

— Так точно. А если я не по тропе пойду?

— Значит, можешь копыта отбросить или дураком стать, — безапелляционно произнес Петрович. — Это то же самое, что на минное поле вылезать. Прodelали проход, повешили — иди. А в сторону — ни шагу.

— Ну, на минном поле — это понятно. — Я даже поежился, вспомнив, как прошлой осенью шел через минное поле следом за Болтом. — Там, если не туда ступишь — взорвешься. А здесь чего ждать?

— Об этом позже скажу. Пока тебе надо разобраться, какие места тут самые опасные. Слушай дальше...

— Дмитрий Петрович, — осторожно вклинился я, — вы мне это рассказываете потому, что хотите нас одних послать?

— Я рассказываю, — строго повысил голос Лисов, — потому что вы, дураки, собрались туда идти. Конечно, без меня не пойдете, это ясно. До этого, условно говоря, «Черного камня», который вам зандобился, идти недалеко. Всего километров пять, если напрямки, по тропам — восемь. Но напрямки до него никто не доходил, а по тропам — только дед Парамон с этими энкавэдэшниками, дед Кислов по пьяной лавочке да я, когда однажды Кислова искал. Без

меня вы только на тот свет попадете. Но и со мной никакой гарантии не будет. Тут никаких гарантий вообще нет. Уловил? То есть ежели не станешь соблюдать кое-какие правила, то пропадешь наверняка, а если будешь соблюдать, то, может быть, и не пропадешь. Но можешь и пропасть, вот так. Лучше слушай и наматывай на ус.

— Ясно. Слушаю.

— Так вот. «Черный камень», сразу тебе скажу, самое опасное, что тут есть. Хочешь верь, хочешь не верь, но именно от него, по-моему, тут все и творится. Дед Кислов, если на то пошло, считал, что он к Сатане имеет отношение. Понимаешь?

— Не очень... — пробормотал я, вспомнив, однако, что Майк Атвуд и Тина Уильяме нашли свой Black Vox в «Пещере Сатаны»...

— Сам я, конечно, не очень в это верю, потому что и пионером, и комсомольцем был, и даже в КПСС состоял. Я, знаешь ли, не как некоторые. Врать, что уверовал, не буду. И креста не ношу, как ты, хотя знаю, что ни фиги ты тоже не веришь. Мысли я, правда, как дед Парамон, читать не умею, но, на тебя поглядев, и так могу догадаться... А «Черный камень» тебя

насквозь увидит. И сделает с тобой то, что захочет. Потому что оставили его тут неспроста. Все чует, все видит, все слышит. Он здешние места поставлен сторожить. И от него зависит, уйдешь ты отсюда или нет. Смотри, тезка, на карту. Вот это — восточный склон сопки «Котловина». А вот это — северный. Тут, между ними, что-то вроде сглаженного ребра. Вот тут воронка метров с полета обозначена. Сюда в тридцать шестом космический корабль этих самых «длинных» упал. И взорвался, хотя и не так, как Тунгусский метеорит, но тоже очень крепко. Обломки от него там, вокруг этой ямы, разбросаны. И два ихних космонавта, которых чекисты на кинолентку засняли, тоже там захоронены. Кислов им там крест вытесал, хотя и не знал — можно ли ставить? И можно ли их в землю закапывать, тоже не знал, однако закопал.

— Эти самые, «геодезисты» из «Глубокого Бурения», — сказал я, — триста сорок шесть предметов нашли. И какую-то мелочь, как утверждается, здесь оставили. В металлической коробке.

— Знаю, — кивнул Лисов, — дед Парамон, когда на фронт уходил и заимку Кислову передавал, зарыл их там же, у камня. Там было что-то на золото похожее, хотя и не золото. Что там — я в глаза не видел. Кислов сказал только, что он этот железный ящик салом топленным смазал, чтоб не заржавел, и зашил в смолёный мешок. Глубоко закопал — на всю длину лопаты. Вот это знаю. А точного места Кислов не указал. То ли не успел, то ли не пожелал. Мне с этим делом и связываться не хотелось. Это старатели всякие, золотнишники все Клондайки по тайге ищут. А у меня профиль другой.

— Понятно, — кивнул я.

— Ну и добро. Слушай дальше, мотай на ус. Самое худое место, оно вокруг «Черного камня», воронки и самой «Котловины» — считай, как при атомном взрыве, эпицентр. Начинаю рисовать. От седловины между «Котловиной» и «Контрольной», вниз по их общему склону до ручейка. Вот он, на карте помечен. Летом пересыхает почти совсем, вода только между камешками чуть-чуть видна, а зимой промерзает до дна. Метра полтора шириной. Этот ручей — самое дно распадка между сопками. Он обтекает ее с северо-востока, и по правому его берегу уже не та опасность. Поменьше. Только вот перейти его обратно, если уж залез в этот самый «эпицентр», можно только там, где я мостики из пихты положил. По два бревна буравом провертел да топором через них шипы пробил. Вот тут они, мостики эти. Но на карте их нет, только тропа показана, да и то не очень точно. Туда, в эпицентр, пройти можно и прямо через ручей, а вот обратно только по мостикам, запомни!

— Постараюсь. Только было бы лучше, если б вы, Дмитрий Петрович, как-то по порядку рассказывали. А то начинаете сразу с центра...

— Ты слушай, как я тебе говорю. Все одно, показывать, что и как, буду на месте. Сам! А вот если не дойду... Тогда другое дело. Значит, второе кольцо поспокойнее, но и в нем можно попасть в такие местечки, где бывает... Поэтому здесь надо с троп не сходить и по сторонам зря не пялиться. Лучше всего глаза вниз держать. Смотри на сапоги впереди идущего, а если сам впереди всех идешь, то гляди под ноги метра на полтора вперед.

— А что будет, если по сторонам смотреть?

— Да ничего хорошего, паря. Привидится то, чего нет, вот что. Я в такую штуку не верил до тех пор, пока сам не влип. Меня тогда дед Лешка спас, иначе бы пропал. Тоже вот, как сейчас, в зиму было. Первый сезон сюда промышлять пришел с Кисловым, семнадцать лет мне исполнилось. Он-то уж тут был как свой. Тоже предупреждал: «Митька, не зырь по сторонам! На пимы мои гляди!» А мне-то, дураку, хоть я все то же, что и ты сейчас, уже знал, интересно было глянуть. Раз налево зыркнул, раз направо... Ничего страшного. Ну, на третий раз я уже не просто глянул, а смотрел целую минуту. Вот здесь это было, в березняке, — Лисов постучал тупым концом карандаша по карте. — Тут как раз одно из «пятен», что похуже «эпицентра» будет. Но тогда про эти пятна даже Кислов не знал. То есть знать-то он знал, но неточно. Про все пятна и сейчас никто не знает. Но кое-какие я хорошо пометил и уж про те, что рядом с тропами, наверняка знаю...

— Так что ж тогда случилось? — нетерпеливо спросил я.

— Ну, когда я на третий раз повернул голову и стал в березняк смотреть, то у меня в глазах запестрило: снег белый, березки черно-белые, стоят негусто, и солнце светит, полосы на снег бросает, тени. А потом среди всей этой пестроты какие-то вспышки мигать стали, то в одной стороне, то в другой. То ли ледышки на ветки намерзли и ветерок их под солнце подставляет, то ли кто-то спичками чиркает и за деревьями прячется. Вот тут меня и повело с лыжни в сторону. Понимаешь, теза, разницу, не сам пошел, а повело. Как иголку за магнитом! Ноги идут, а голова не понимает. Наверно, если б еще лыжня прямо шла, так дед Лешка раньше увидел бы, что я в березняк полез. Но там поворот был, он уже завернул, не углядел с ходу. Метров на двадцать оторвался, только потом заметил...

Лисов волновался. Я понимал, что слушаю не занятную охотничью побасенку, а рассказ о реально пережитом.

— А мне, — продолжал Дмитрий Петрович, — вместо вспышек представился глаз. Как на бумаге рисуют, только с бровями и моргает. Огромный, серый такой. Как ни моргнет — больше становится, а я — меньше. И расстояние от меня до глаза поменьше становится. Получается, будто меня в этот глаз втягивает, вот что! Ты думаешь, вру?

— Нет, не думаю. Прикидываю, что это было...

— Да ничего не было. Мерещилось мне все это: и вспышки, и глаз. Просто меня повело в березняк, а потом, наискось по склону овражка, вверх, в самую чащобу. И ходко так! Пока дед Лешка соображал, я за этим глазом чертовым уже метров на сорок от тропы укатил. И он уж мне казался во каким! — Петрович раскинул руки аж метра на полтора. — Зрачок один, мать его так, размером с печную заслонку! А главное — я совсем впритык к нему очутился. Уже зрачок этот моего лица касался. И что удивительно — я его вовсе не боялся, наоборот, очень хотел, чтоб удалось в этот зрачок пролезть. Я даже вроде бы стал голову туда, в зрачок, протискивать. Боль, правда, от этого пошла, но мне-то чудится, что это все ерунда, мол, пролезу и не будет боли...

— А на самом деле?

— На самом деле, как мне дед Лешка рассказал, я подъехал к какому-то суковатому дереву, уперся лбом в острый сук и ну этот сук себе в башку вдавливать. Опоздай он на пару минут, я бы глазом на него накололся и загнал бы себе в мозги. Точно, боль бы пропала, только и я бы вместе с ней...

— А на Кислова это наваждение не действовало?

— Савельич знал, что да как. Он себе ладонь ножом резанул, не сильно, но чтоб болело, и попер по моему следу. Когда у человека настоящая рана болит, то эта чертовщина сразу не возьмет. Она ведь сперва приманивает, а потом ты незаметно как бы в сон попадаешь. Видишь не то, что есть; того, чего не надо, боишься, а чего надо — не боишься. А боль, как видно, мешает ей усыпить. Правда, я когда башкой об сук долбил, уже до такой точки дошел, что все наоборот понимал. Поэтому не был бы Кислов в силе, не утащить бы ему меня. Но он-то матерущий был еще, хотя ему уже семьдесят пять годов тогда числилось, а я, хоть мне семнадцать стукнуло, еще от военной голодовки не больно откормился. В общем, он меня от дерева оттащил, а я-то при этом упирался вовсю. Он мне чудищем каким-то виделся, жутью. Не то медведем, не то сохатым, хобот как у слона, когти, как паучьи лапы... Но дед Лешка меня на тропу все-таки доволоч. Главное, как он сказал, того, кто замороженный, спиной развернуть к тому месту, откуда эта ворожба идет. Ты тоже это помни.

— Интересно, а сам-то дед откуда про это узнал?

— Частью от Парамона Лукича, частью сам дошел. Хотя всего, что там прикинется, — не переберешь. И подловить самого опытного могут. Я уж вроде говорил, что Кислов по пьяни к «Черному камню» маханул? Это пять годов спустя после моего случая было. Дед-то Лешка уже по-настоящему стареть начал, а я поперился, армию отслужил, сам промышлять мог. Он здесь, на заимке, оставался, как я сейчас, заместо завхоза, а мы с братьевьями в тайге мотались. Братья у меня на промысел не фартовые, но пока я в армии служил, Кислову помогали. Тоже едва не пропали несколько раз, даром что постарше меня были. Ну вот, значит, был у нас обычай под старый Новый год съезжаться и отмечать. На простой Новый год тоже съезжались, но это дело было под старым, точно помню.

Собрались, выпили. Немного совсем — на четверых две бутылки было. Посидели, закусили, попели, поговорили. Дед Лешка, конечно, какие-то страсти порассказывал нам, молодым, в науку. Потом в нужник отправился. Братовья спать залегли. А я чего-то решил деда дожидаться. Как-то, понимаешь, на душе не лежало. Полчаса прошло, час, а его нет! Не веревку же проглотил?! Выскочил во двор, глянул в сортир — нету. А следы к воротам идут. И лыж нету. А деду-то уже за восемьдесят закатило. Куда, думаю, поперся? Одевался-то он не шибко тепло, только до очка дойти. Зипунок накинул, шапку, чтоб лысину не продуло, в валенках, конечно. Но штанов ватных не надел, да и под зипун ничего не напялил. А на дворе мороз за тридцать пять.

Начал братьев будить — а их не растолкаешь. А время идет. Я-то уж хорошо знал, что может быть, если опоздаешь. Одевался, взял карабин — и на лыжи. Дунул, как гонщик. Но с умом, хмель с меня сошел, так что не наглупил. От ворот ведь не одна лыжня шла, а целых пять. Сунулся бы не туда — и деда не уберег, и сам бы мог пропасть. Но я по уму сделал. Сразу фонарем осветил, приглядел, где свежий ход был, и только после того махнул. До этого ночами мне не больше двух раз по этим местам ходить случалось, а одному — никогда. Дед Кислов и сам без нужды в ночь не ходил, и нам не велел. Ясно ведь, что не просто так помчался. Что-то привиделось — это как пить дать. К старости-то у него голова ослабла, легче его заморочить... Правда, до того случая я и не думал, будто прямо на заимке что-то прикинется, но с тех пор и тут, выпивши, стал поменьше разгуливать. Даже туалет переделал так, чтоб не через двор бегать, а прямо из избы.

В общем, повесил фонарик на грудь, смотрю вперед и вниз на лыжню, по сторонам — ни-ни!

Иду-иду, от самого пар валит, а деда не могу нагнать. Потом вижу — шапка валяется! Подобрал. Неужто дед, который ее дома не снимая носил — лысина, мол, стыла! — ее так просто сронил и забыл? Гоню дальше. Километр еще маханул — зипун лежит. Мать честная! Зипун не шапка, его не сронишь, верно?! Либо сам сбросил, либо с него сняли. Но след-то один, топтанья-валянья не видно — значит, сам скинул. После того пиджак нашел, еще дальше — жилетку. Все побросал сам, никто не помогал — по снегу видно. И скорость не сбавляет, хотя другого бы уже давно мороз скочепыжил. Но что самое хитрое — и мне захотелось шапку скинуть. Жарко! Вроде и от бега разогрелся, но как-то не так... Не объяснишь точно, но я против того, что мне в голову лезло, всеми силами стал упираться. А оно, здешнее это, — свое гнет. Временами казалось, что шапка аж горит, якуня-ваня! За малым не поддался. Снега схвачу, по шапке разотру — и все уляжется. Потом опять греть начинается.

Смотрю, а уж вот он, ручей. Дальше подъем на «Котловину» начинается. Кислов и меня, и братьев столько раз предупреждал, чтоб мы без него за ручей не лазили и на сопку не ходили. Там и лыжни-то катаной не было. Сам он в то место уж три года не ползал и нам заказал. А я до этого там никогда не был, ни зимой, ни летом. Не водил Савельич.

Струхнул, конечно, но пошел. Сразу за ручьем нашел шарф, а еще метров через пятьсот рубаху вязаную. Выходит, что дед Лешка в одной исподней бязевой катит. А лыжня идет наискось и вверх по склону забирает. Видно, что тропа когда-то рублена, наверно, еще дедом Парамоном или «геодезистами» вашими, но лыжню-то Кислов по свежему торил. Стало быть, мне, который уже по торной идет, его пора догнать, ан ничего подобного! Исподнюю рубаху нашел, а деда и по шороху не слышать. Подумать страшно, чтоб старик в восемьдесят годов да с голым пузом в мороз! Хорошо еще, что у меня при себе пестерь был

— я туда, на случай, полкаравая хлеба пихнул да мяса вареного кусок, что от праздника осталось, — туда же дедову трунину определил, а зипун скрутил да под лямки к спине засунул.

Лезу в гору, уже боюсь глядеть — не верится, что дед живой будет! — сзади лай слышу. Сперва думал — братья проснулись, догоняют. Порадовался даже, что они умные такие, собак взяли, не то что я, дурак, сам по себе попер. Оказалось нет, одна только лайка старая, Найда, дедова любимица, прибежала. Ей самой-то лет пятнадцать уже было, для собаки это все равно что для человека сто. Так-то она почти не бегала никуда, спала больше. А тут восемь километров без малого отмахала! Да так прытко, что дай Бог молодой. Меня догнала, видит, что я приостановился, завилыла хвостом, заскулила, за полу потянула — мол, давай живее, деда спасать надо! И вперед понеслась! Я — за ней.

Выскочили как раз туда, куда надо. На проплешину, где «Черный камень». Первый и последний раз я эту хреновину видел. И если б не вы, приبلудные, никогда бы к нему не пошел. От него на сто метров страх чують начинаешь. Найда бежала-бежала впереди, а потом заскулила, хвост поджала — и за моей спиной жметя. А меня самого аж зазнобило. Страх от него волнами идет, одна ледяней другой. Хотя и не видно еще было. Конечно, я и без того был не очень веселый, но тут пробрало крепко. И самое главное — неизвестно от чего.

Я ведь, если не говорил, в армии на Венгрию попал. Офицеры, которые с нами были, рассказывали, что иной раз казалось, будто это не пятьдесят шестой, а сорок пятый. И нам крепко перепало, и мадьярам. Так что когда домой пришел, то думал: ничего бояться не буду. А тут... Никто не стреляет, минометы не бьют — а страшно. Волна пройдет — чуть-чуть полегче, потом опять

— крепче прежнего трясет. Как назло, еще и фонарь потух. Батарейка села. Собака воеет, лыжня почти не видна, иду, за деревья цепляюсь и трясусь от страха. И назад страшно

повернуть, и вперед идти.

По-моему, эти сто метров я час шел. Но тут увидел впереди свет. Не фонарь, не костер, не луну, а что-то такое зеленоватое. Немного похоже на то, как в городе из трубок с газом вывески делают. Только на вывесках цвет повеселее, а тут такой неприятный, ядовитый, что ли... Компасы светящиеся видел? Вот там светится так же, только от «Черного камня» зеленее маленько.

Вышли мы с Найдой на проплешину. Что видим? Снегом все замечено, а посередине, у пня, лежит эта самая черная хреновина, и над ней зеленое сияние. Крест стоит рядом, а перед крестом — дед Лешка. В чем мать родила! Все покидал: и штаны, и валенки, и носки. Улегся на снег, будто после бани, и лежит с блаженной рожей. Прямо на тень от креста. Руки раскинул, как Иисус, ноги вытянул... Я аж оцепенел, хоть и не надолго.

Собрался, страх, не знаю уж как, откинул — и к деду. Вцепился в него, повернулся к «Черному камню» спиной, деда тоже на брюхо перевернул, чтоб он не на «Камень» глядел, а в снег. С лыж при этом не сходил, как получилось — сам удивляюсь! Дед-то ведь упирался, бормотал чего-то неясное. Спасибо Найда его обгавкала, он вроде узнал ее, и полегче стало.

Честно скажу — как его с полянки вытащить удалось, не знаю. Потому что мне, пока я тащил, много чего казалось. Такого, как с глазом, не было, но зато все время в глаза картинки одна на одну наезжали. Как в кино, когда кто-нибудь жизнь вспоминает. То есть видно, что на самом деле, а поверх того

— что чудится. Например, сидит кто-нибудь в окопе на фронте, а видится ему дом, мамаша, дети... Или как в фильме «Летят журавли» убитому кажется, будто он домой по лестнице бежит и видит свою девушку в свадебном... Ну а мне мерещилось, будто трава зеленая из-под снега лезет, а на небе солнце появляется, да не зимнее, а как летом. Я-то не поддавался, головой тряс, глазами моргал, чтоб эту обманку отодвинуть, морду снегом мылил. В общем, оттащил деда, снегом наскоро растер и стал одевать. Упирался и тут, гадский гад! Но уже поменьше. Потом одел его, поставил на лыжи. Вот тут он вроде что-то стал понимать. Сперва не очень охотно шел, я его тянул под горку. А потом, как сообразил, куда забрался, так припустил, только держись.

Добрались до заимки, разбудили братовьев, нашуровали баню, благо еще с вечера не выстудилась, и деда отпарили. Сто граммов дали, он совсем ожил и пошел вспоминать.

Оказывается, он, как из сортира вышел, голос какой-то внутри себя услышал. И даже вроде бы этот голос его старухе покойной принадлежал. Дескать, иди, Леонтий, куда я поведу. Был бы не выпивши, так сообразил бы, может. А тут, после полбутылки, бдительность потерял. Надел лыжи и почапал. Чем дальше уходил, тем яснее этот голос слышался. И уже вроде голос был не той бабки Ксении, которую перед смертью помнил, а девки Ксюшки, к которой сватался. А потом ему привиделось, что солнце светит, трава растет, цветы распускаются, жара, как в Африке. Вот он и взялся одежду скидывать. После того ему показалось, будто он не на лыжах по снегу бежит, а на лодке плывет, и не вверх на сопку взбирается, а вниз по течению...

— Ни фиги себе! — вырвалось у меня. То, что все эти фокусы вполне возможны при наличии такого прибора, как ГВЭП, у меня сомнений не вызывало. Но тогда получалось, что Black Vox — это тоже ГВЭП, только, если так можно выразиться, инопланетного производства. И, вероятно, более совершенный, чем наши, с большим числом функций и так далее.

— То-то и оно, — усмехнулся Лисов, — чертовщина еще та была. Дед, когда добрался до «Черного камня», уже и сам себя молодым видел, и Ксюшку, и лыжи скинул, и всю одежду. А потом ему взбрело в голову, будто он Христос и ему надо, во имя всех людей, на распятие пойти. Улегся на тень от креста, который сам же и поставил над ихними космонавтами, и

приготовился муки принимать со счастливым лицом. Так и замерз бы, конечно. Но вот обошлось... Еще прожил немало. Но в зону нашу с той зимы уже не ходил. Дома в селе сидел, сказки рассказывал.

Я хотел еще кое о чем поспрашивать, но тут из-за ворот заимки послышался рев «Бурана».

— Женька, — уверенно, но с озабоченным видом произнес Лисов. Он встал из-за стола, накинул полушубок и вышел во двор.

ЧУЖИЕ

От ворот слышались неясные голоса. Через пару минут «Буран» въехал во двор, мотор заглушили. Затем заскрипело крыльцо, затопали ноги, отряхивая снег с валенок.

В том, что мужик, вошедший следом за Петровичем, тоже носит фамилию Лисов, можно было не сомневаться. Правда, он больше походил на брата, чем на сына, — борода старила.

Но со знакомством явно надо было повременить. Потому что второй Лисов был, мягко говоря, не совсем здоров. Петрович поддерживал его под правое плечо, а из левого, по желтой овчине дубленого полушубка, каплями просачивалась кровь. Судя по тому, что спереди дырка в полушубке была побольше и края вывернуты наружу, стреляли в него сзади. Младший Лисов скрипел зубами и изредка глуховато матюкался.

Старший осторожно выпростал его из полушубка. Серый грубошерстный свитер здорово намок от крови.

— Садись, садись, сынок! — Петрович помог парню опуститься на лавку.

— Гады... — проскрипел парень. — Бандюги! К ним как к людям, а они...

— Не кипятись, Женька, не кипятись... — распарывая ножом сразу и рукав рубахи, и рукав свитера, бормотнул Лисов-старший. — Кровь быстрее бежать будет. Ребята, тряпками не богаты?

— Ваня! — скомандовал я. — Наложить повязку!

— Есть! — ответил тот.

Удобные эти ребята, человекороботы. Ваня без лишних движений полез в аптечку, ополоснул руки спиртом, ловко обработал края обеих ран йодом, вскрыл перевязочный пакет и наложил подушечки на входное и выходное... В общем, ни одна медсестра не придралась бы.

— Толково сработал, паренек! — похвалил Дмитрий Петрович. — Он у вас доктор, что ли? Больно молод...

— Медбрат, — ответил я.

— Спиртику не нальешь? — попросил Женя. — Для внутренней дезинфекции?

— Можно, — сказал я. — Граммов пятьдесят.

Ваня четко исполнил, налил в мензурку ровнехонько 50 граммов. Женя хлебнул залпом, закусил ломтиком сала, откинулся к стене.

— Что стряслось-то? — нервно спросил Петрович, — Расскажи толком.

— Урки с зоны рванули. Десять человек, — устало произнес Женя.

— Откуда? Неужто с Улунайска?

— Оттуда. У них три автомата, пистолетов пара, три ружья охотничьих и мелкашка. Ножи у каждого.

— Так ведь от Улунайска до нас почти сто верст! Неужели зимой, без лыж, по тайге? Охрана-то где была?

— Я не спрашивал... А лыжи у них есть. И одежду им подвезли будь здоров! Утеплились так, что в Антарктиде не замерзнут.

— Когда пришли?

— Вчера. Я по капканам пошел, прихожу, а они сидят. Вроде поначалу все вежливо, даже без мата. Дескать, извини, хозяин, погреться зашли. Угостили даже, поговорили по-хорошему. Пух не трогали, даже не смотрели. Заметили только, что вроде в загранке сейчас жмут на нас, мол, зверей бьем... Потом поспрошали, правда ли, что у нас тут чертово место. Я, конечно, объяснил, что и как. Посмеялись немного, но, по-моему, они про все это не хуже моего знали. Сказали, что попусту бродить тут не будут, но перекантоваться до оказии надо. Покажи, дескать, как до вашей заимки дойти, чтоб ни в какую пакость не влопаться. Мы, говорят, у отца твоего поживем, поможем, если что.

— Не стал показывать?

— Еще чего! — буркнул Женька. — Под суд за укрывательство идти? Я им сказал: «Мне с вами, мужики, делить нечего. Но там, у речки, народу и зимой больше. И вертолеты вас искать будут, и менты могут подъехать. Нас с отцом подставите и сами залетите. Лучше я вас отсюда за Алемгу выведу, а там к зимнику дойдете. Может, кто и вывезет вас».

— Ну а они что? — спросил Петрович.

— Они заржали, говорят: «Если б нам, родной, надо было просто отсюда смыться, мы б к вам и не заходили. Мы дорогу до Москвы хорошо знаем. У нас кое-какие дела тут есть. Говорят, к твоему отцу должны гости приехать, а может, и приехали уже. Так нам с ними потолковать надо, за жизнь». А я-то видал, что вертушка вчера у тебя снижалась ненадолго. И обратно полетела. Должно быть, они с вами, — Женька мотнул головой в мою сторону, — разобраться собрались.

— Интересное кино, — пробормотал я. — Ты им сообщил насчет вертушки?

— Я в ваши дела не лезу, — зло буркнул младший Лисов, — на хрен оно сдалось! Резались бы у себя в Москве, если приспичило, а здесь-то дайте пожить спокойно!

— Не кипятись, не кипятись! — одернул сына Петрович. — Дело серьезное, надо головой думать. Как ты от них выскочил-то?

— Ну, чего... Сказал, что повезу. Дал веревку, говорю: «На буксире потяну». Они прицепились. Главный ихний ко мне за спину сел, пистолет на поясе, кобура расстегнута. Ну, я и покатил их. Кругалем. Конечно, у них карта есть, но ведь на нее, пока на лыжах за «Бураном» едешь, не посмотришь. Десять человек везти тяжеловато. Особенно в горку. Поэтому я поначалу между сопками попетлял, чтоб совсем запутались. Но главный, видно, уже покумекал что-то. Говорит: «Ты, Женька, в Сусанина не играешь, случаем? Учти, мы не поляки, и прежде чем тебя почикать, хором петь не будем». Я говорю: «Обижаешь, хрестный!

Могу и напрямки, по сопке, но в гору я всю вашу шоблу не утяну — мотор не позволит». — «А сколько утянешь?» — «С тобой — троих за один раз. На горку завезу — и обратно, за остальными». Наврал им, с понтом дела, что сразу за Медвежьей спуск к заимке начинается.

— Да ведь оно так и есть... — насупился Лисов-отец.

— Конечно, только я им то по карте показал, а на местности-то за Медвежью Сохатскую выдал. Похожи ведь. А то, что с Сохатской еще двадцать километров в нашу сторону, да и то если напрямки через седло между «Котловиной» и «Контрольной», они не знают. Вот я их и потянул на Сохатскую. Двоих довез, отцепил, а пахан остался на седле, назад со мной поехал. Первый раз я нормально обратно вернулся, потому что главный весь в напряге был, подозревал. Второй раз, когда другую пару везли, он тоже крепко смотрел. На третий раз уже подрасслабился. А на четвертом, когда наверху уже шестеро было, а внизу трое оставалось, я его и кинул. Дорога-то винтом, расстояние от нижних до верхних — версты полторы, друг дружку они не видят. А посерединке лосиная тропа есть, крутая, правда, зараза, но скатиться вбок можно. Ни с того ни с другого конца ее не видно. Ну, я в эту тропу на газу и крутнул, а пахана локтем в дыхалку чухнул — он и слетел. Но он, гад, быстро опомнился и

вдогон мне из «ТТ» — фигак! Попал, добро стреляет, однако. Маленько не угадал, а то бы прямо промеж лопаток. И так не знаю, как доехал, плечо аж извело всего.

— Счастлив твой Бог, паря! — покачал головой Петрович. — Стало быть, на Сохатской они?

— Я сюда полчаса гнал, да здесь столько же возимся. Может, и ушли уже. Только куда попадут — не знаю. Закрутит их, помяни слово.

— Ты их, сына, больно близко до Генки подвез, — озабоченно потеревил бороду старший Лисов. — Не дай Бог, на его избушку напоздуют. Он же малой, а они злые после тебя. Излупят мальчика до полусмерти, а то и убьют вовсе.

— Там Максим недалеко, — насупился Женька. — Да и не разобраться им будет. На западе облака стоят, часа через два так пометет — хрен они куда выйдут. Ни карта, ни леший не помогут. А напрямик к Генке, через «пятно», они не спустятся. Или все там, в лощине, лягут.

— Твои б слова да Богу в уши... Ну а вы, гости дорогие, что скажете? — Дмитрий Петрович обратил на меня не больно ласковый взгляд. — Это ведь к вам дружки подъехали? К вам. А покамест сынку моему плечо провернули. На то, что «Котловина» вашим землячкам сама укорот сделает, надеяться можно, но только ведь они до того могут другим моим сынам зло причинить. Что делать будем? Скажи уж, теза, не поскромничай!

— Богдан! — вместо ответа сказал я. — Сделай связь с Москвой! Кодированный телефон.

— Момент, командир.

— И тут без Москвы не могут! — хмыкнул Женька. — Чо, они оттуда в телескоп разглядят?

— Просто так земляки не приезжают, — заметил я, — а там, в Москве, легче разобраться, зачем вашу тайгу тревожат.

— А не свалить ли вам, ребятки, отсюда? — почти нежно предложил Петрович.

— «Черный камень» вам все равно не увезти, хоть лопните. Коробку, что дед мой зарыл, по зиме искать трудно. Даже миноискателем не нащупаете. А если и нащупаете, так три дня землю греть будете, чтоб откопать.

— Ну, — сказал я, — свалить нам отсюда не так-то просто. Во-первых, если нас послали, то не затем, чтоб мы через день удрали. А во-вторых, если мы свалим, а те останутся, то вам

гораздо хреновей будет, чем вы думаете. Они такого прикола, как Женя устроил, не простят. Постреляют вас тут по одному или по двое, загребут ваш пух, чтоб не пропал, и улетят. И искать их не будут. Не верю я, что они из зоны с Улунайска сорвались. Или если сорвались, то не все. Не бегают такими кучами, по десять рыл. Может, трое или четверо и сбежали, а остальные с воли пришли. Точнее, прислали их, по наши души. Кто и зачем, только в Москве выяснить смогут. А мы вам можем чем-то помочь...

— Нам от вас помощи не надо, — процедил Женя. — Вон, собачки помогут, если что.

— Не переоценивайте собачек. Постреляют их.

— Есть Москва, — доложил Богдан. — Чудо-юдо на проводе. Я взял трубку.

— Батя, привет. Это я.

— Рад слышать, Димуля. Осложнения пошли?

— Есть немного. Гости какие-то прибыли.

— За пять минут до твоего звонка узнал. Это Антон Борисович побеспокоился. С ним очень трудно работать. Контакт был?

— Прямого не имел. Но здешним хозяевам они мешают. Один трехсотый у Лисовых уже есть.

— Хозяева нормально держатся?

— Рекомендуют не задерживаться с отъездом.

— Резонно, но неприемлемо. Прежде всего для них самих. Объясни хотя бы на пальцах, что публика, которая к ним пожаловала, — это не сливки общества и трехсотыми не ограничатся.

— Они это уже понимают, по-моему. Но не знают, кого надо бояться больше.

— Поясни, что мы — мирные люди. Но если они вздумают невзначай подложиться под Соловьева, то это обеспечит им массу проблем.

— Постараюсь. Как вести себя дальше?

— По обстановке. Сколько их?

— Десять. По данным Лисовых.

— Мало! Ждите еще. Антон Борисович человек масштабный и любит работу с гарантией. В последнее время восемь человек из его конторы обновляли навыки парашютной подготовки. И еще с ним в тандеме работает Равалпинди. Программа работы у них следующая: минимум — отыграть Ваню, максимум — взять тебя и выменять на кое-какие предметы, которые перечислять не стоит. Максимум-плюс

— получить от здешней администрации исключительные права на этот район. Понял? Исходя из этих позиций можешь выстроить свою работу. Ваня — козырь номер один.

— Понял. Но он еще и работник.

— Пропорцию в этих понятиях сам определишь. Соответственно своему умственному развитию. Примерно через восемь часов получишь дополнительные силы. Если не будет неприятностей с погодой.

— По данным «Лисов-Метео», через два часа у нас пурга будет.

— Приятно слышать. На сколько это может затянуться?

— Не знаю, на сколько... — я обернулся за подсказкой к Лисову.

— Суток на трое, самое меньшее, — подсказал Петрович. — А может, и на неделю.

— Минимум на трое суток, — сказал я в трубку.

— Надо надеяться, что она этим, конкурентам, тоже помешает. В общем, держи связь, а ухо — остро. Больше ничего нет на это время?

— Нет.

— Тогда до связи. Доложишь, как дела, через час. Держись! Я глянул в окно. Солнце пока светило, но что там от сопки ползет — разглядеть не мог.

— Ну и как Москва умная? Подсказала тебе чего путного? — с осторожным ехидством поинтересовался Петрович.

— Помочь обещала... — произнес я неуверенно, хотя четко знал, что помогать себе придется самому. По крайней мере до той поры, пока не определится вопрос с пургой.

— Обещать — это она умеет, — согласился Лисов-старший.

— Наверно, надо кого-то наблюдателем поставить, — посоветовал Борис.

— Хорошая мысль, — одобрил Петрович. — Только куда выставлять? На крышу? Чтоб сдуло побыстрее?

Вообще-то об этом надо было раньше подумать. Но и сейчас еще время терпело. Так мне казалось, во всяком случае.

И я уже хотел отдать приказ Валерке вооружиться и приступить к выполнению боевой задачи по охране и обороне заимки, как вдруг дверь, ведущая в сени, молниеносно распахнулась. Даже если б у меня было в руках что-то стреляющее, не успел бы среагировать.

— Руки вверх! Не двигаться! — Сперва влетели двое в белых масках, за ними, когда на нас уже нацелились «АКС-74», еще четверо. — Всем — к стене! Руки на стену!

Морды у этих агрессивных бойцов были закутаны марлей, поверх обуви — белые бахилы. В общем, ситуация известная: мы — в дерьме, а они — во всем белом.

— Ваня, Валет — стой! — заорал я, поскольку бойцы подчинялись только мне и при первой же попытке кого-то постороннего силой заставить их выполнить приказ оказали бы активное сопротивление. При том раскладе, что сейчас, это привело бы нас к печальному финалу. Возможно, ценой безрассудства мальцов-биороботов кто-то и выкрутился бы, но скорее всего белокамуфляжная публика нас элементарно бы постреляла. Но вот что удивительно: эта команда, как мне показалось, пришла от давно не проявлявшей себя РНС — «руководящей и направляющей силы»... — Подчиняться им! — добавил я, видя, что Валерка и Ваня застыли, но не собираются становиться к стене. Белые камуфляжники могли подтолкнуть их прикладом, а это неизбежно вызвало бы драку, и опять-таки с неприятными для нас последствиями. — Временно!

Это добавление давало мне возможность при необходимости снова вернуть контроль над бойцами. При удобном случае. А пока я, не дожидаясь пинка под зад или нежного касания

прикладом промеж лопаток, поставил руки на бревна стены.

«Привидения в белом» действовали решительно, но культурно. Я успел заметить, что они позволили раненому Женьке остаться сидеть и слегка двинули только Бориса, который замешкался. Кроме того, вместе с «белыми» в избу ворвались... хозяйские лайки. Вопреки собачьим обычаям не изменять хозяину, они рычали не на пришельцев, а на нас, причем на Петровича и Женьку чуть ли не больше всего.

— Вот они, собачки ваши! — прошипел я Лисову-старшему. — Продались! Небось за «Педдигри пал» какой-нибудь...

— Быть такого не может... — пробормотал Петрович.

— Молчать! — рявкнули на нас.

Когда все были расставлены, неожиданно прозвучало:

— Коротков, можешь обернуться! Руки не опускать! Не могу сказать, что я подскочил до потолка от радости, но все же испытал большое облегчение, услышав знакомый голос. Приятно все-таки знать, что имеешь дело не с каким-то неизвестным типом, а с италом-американским гражданином Умберто Сарториусом, который к тому же являлся экс-полковником КГБ СССР Сергеем Николаевичем Сорокиным. Правда, чего от него ждать на этот раз, я не знал.

Обернувшись с поднятыми руками, я увидел его лицо. Сарториус сдвинул вниз марлевую повязку.

— Два шага вперед! — скомандовал он.

Я отошел от стены, один из подручных «компаньеро Умберто» быстренько ощупал меня, выдернул из-под ремня «ПСМ», убедился, что я не спрятал в валенках финку или гранату, и доложил с легким кавказским акцентом.

— Чистый! Больше нет ничего...

— Отлично, — кивнул Сорокин. — Работайте пока с остальными, а я поговорю с этим лохом.

На «лоха», конечно, можно было и обидеться, но не в данной ситуации. По большому счету Сергей Николаевич был прав.

— Шагай в дальнюю комнату! — приказал Сарториус, указывая направление стволом автомата. Я пошел.

В комнате товарищ Умберто молча направил ствол на лавку, располагавшуюся вдоль стены. Там мне надлежало сидеть. Когда я уселся, Сорокин примостился на табурете напротив меня, держась вне пределов досягаемости удара валенком, а автомат пристроив у себя на коленях.

— Ну, что, Николай, — он назвал меня моим прежним именем, словно бы подчеркивая, что не считает меня Бариновым, — опять попался?

— Выходит, попался, — произнес я голосом, далеким от бодрого.

— Который раз уже, а? — спросил он тоном доброго инспектора по делам несовершеннолетних.

— Не помню, — ответил я голосом юного хулигана, потерявшего счет приводов в милицию,

но надеющегося на то, что его и на этот раз не оформят в спецПТУ.

— Жалко. Не всем ведь так везет, как тебе. Особенно сегодня. Бдительность потерял. Хотя тебя, наверно, папа предупреждал, что тут варезку разевать не следует. Верно? Предупреждал? А ты что же? Расслабился небось на свежем воздухе? Почуял отрыв от цивилизации?

— Нет. Просто заслушался рассказами о том, что такое здешняя зона.

— Да, это место занятное. Хотя, если честно, тут много легенд и фантазий наплетено. Лисовы специально наводумывали всяких чертовщин, чтоб было поменьше желающих появляться в этом районе, — берегут охотничьи угодья. Но тут и на самом деле много любопытного.

— Сергей Николаевич, — спросил я скромно, — а вы не боитесь, что сейчас, пока мы тут беседуем, к заимке подойдет банда, которую прислал некий господин Соловьев? И, скажем так, загребет нас всех в одну кучу?

— Нет, не боюсь. Кстати, Соловьев прислал не одну, а сразу две группы. Одна вчера ночью была выброшена с парашютами, примерно в трех километрах отсюда, за Порченой, на правом берегу. Восемь человек. Все — бывшие десантники, трое — участники боев в Афганистане, один добровольцем воевал в Боснии, пятеро — «чеченцы». Укомплектованы оружием по полному штату воздушно-десантного отделения, только БМД не получили. Очень серьезные ребята. У них была задача выйти ночью к вашей благословенной заимке и тихо всех ликвидировать. Кроме, понятно, Лисова-старшего, тебя и Вани Соловьева.

— Ясно... — пробормотал я. Только сейчас до меня дошло, что мирный сон вдали от цивилизации мог закончиться пробуждением в наручниках.

— Не выполнили они эту задачу только потому, что двигались ночью по компасу и поторопились перейти Порченую. Попали в «аномальное пятно» и потеряли ориентировку. Сейчас находятся намного дальше от вас, чем ночью, — примерно в пятнадцати километрах выше по течению Порченой, но в течение ближайших трех часов могут выйти сюда. Если пурга запоздает.

— А уголовники? Вторая группа?

— У нее вспомогательное назначение. Среди них семеро — зеки из Улунайска, а трое — во главе с бывшим прапорщиком ВДВ Григорием Середенко — охранники Соловьева. Причем не лучшие. Спалившиеся. Середенко, в частности, был приставлен охранять Ваню Соловьева в армии. Двое других соловьевцев раньше были членами группировки Сурена, который отбывал срок в Улунайской ИТК строгого режима. Сурен в этой колонии жил неплохо, но, само собой, на воле лучше. Соловьева он не знал, но когда появилась возможность с его помощью уйти — не стал отказываться. Начальника ИТК просто купили. Он зарплату не получал уже пятый месяц. Так же, как и все те, из персонала, которые помогли Сурену покинуть это учреждение. Вот оно, ваше демократское воспитание! Какая там борьба с преступностью, когда без нее контролеры бы с голоду сдохли! Раньше такие побег готовили чуть ли не годами, а тут все отработали за четыре дня. Кстати, Сергей Сергеевич, как мне кажется, потерял контроль за сохранностью информации в своей конторе. Я свои источники знаю, конечно, но с Соловьевым не делился. С весны прошлого года наша дружба не возобновлялась, тем более что относительно реставрации социализма в СССР он, после июльского второго тура и победы товарища Ельцина на президентских выборах, можно сказать, совсем успокоился и теперь прочно завязался с «Джемми-Брендан», а через нее — с «джикеями». Так вот, к сведению господина Барина, Соловьев отслеживал весь ход вашей подготовки к этой экспедиции и загодя знал, что Ваня будет в ней участвовать. Может быть, Сергей Сергеевич на то и рассчитывал, так же, как и на мое подключение, но все-таки у

меня впечатление, что у него идут неконтролируемые утечки.

— Сергей Николаевич, — сказал я с некоторым удивлением, — судя по этим словам, вы за наши дела очень переживаете? Потому что пленных особо информировать о ситуации не принято. Обычно, наоборот, от них информацию требуют, иногда даже очень грубыми методами.

— Ну, мне ни от тебя лично, ни от твоих подчиненных никакой информации не надо. Все, что ты узнал перед отлетом из Москвы, и практически все, что ты узнавал за последние дни, до меня доходило в ту же минуту. Чудо-юдо обычно меняет кодировку твоей микросхемы раз в три недели. Причем, как правило — в сторону усложнения. Восьмиразрядная, двенадцатиразрядная, шестнадцатиразрядная, двухуровневая, трехуровневая, четырехуровневая... Конечно, он понимает, что я, как человек, который эту микросхему поставил, все его хитрости разберу, и даже вычислил — очень точно, между прочим, — сколько времени мне на это понадобится. То есть новая кодировка устанавливается как раз к тому времени, когда я могу технически осуществить расшифровку предыдущей. А тут, казалось бы, в период выполнения ответственного задания, он «забывает» о своем «железном правиле» и бросает тебя сюда с кодировкой месячной давности. Вряд ли он надеялся, что я в этот раз не успею ее расшифровать, верно? Значит, специально «открывал форточку».

— Можно понять и так, — осторожно согласился я, — но мне лично никаких указаний о возможном сотрудничестве с вами он не давал.

— Тем не менее, — сказал Сарториус, — сотрудничать нам придется, безотносительно к тому, хочешь ты этого или нет. Мне нужно, чтобы Ваня и Валерка работали на меня. И ты тоже. Если не согласишься добровольно, я буду работать с тобой через РНС. Само собой, если ты примешь эту игру, то Валет с Ваней не откажутся. Хуже с другими. Здесь надо либо применять препараты — на что у меня нет времени, — либо попросту убеждать. Вот в этом ты должен мне помочь.

— Интересно, как это я буду их убеждать, когда я сам не убежден?

— В том, что тебе и им помирать еще рано, ты убежден?

— Вообще-то убежден. Но в том, что у нас получится союз, — не очень. А самое главное, из того, что Чудо-юдо не перекодировал мою микросхему, еще не следует, что он будет приветствовать наше братание.

— Я думаю, ты не прав. Из этого как раз и следует. Но, кроме того, как парень с зачатками логического мышления ты должен понимать, что нам с тобой надо либо сотрудничать, либо радикально разрешать вопрос о жизни и смерти. При нынешнем раскладе решение будет однозначно и не очень тебя устроит. Но даже если представить себе, что я оставлю вас жить и буду сам разбираться с соловьевцами, ничего хорошего не получится.

Я подумал, что он прав. Но все-таки спросил:

— И вы готовы дать нам оружие?

— Да, готов. Если мы договоримся, что будем работать вместе против Ваниного папы. Гарантий твоей верности мне не надо. Я тебя могу в любой момент сделать послушным. А вот Борис, Глеб и Богдан — это сложнее. Они легко увидят, что ты работаешь под контролем. Им нужна гарантия того, что Чудо-юдо не обвинит их в измене. Они должны знать, что ты добровольно пошел за мной.

— А может быть, — эта идея неожиданно появилась у меня в голове, — мы сейчас свяжемся

с Чудом-юдом и напрямую обговорим все условия?

— Bravo! — Сорокин поднял вверх большой палец. Мы с ним прошли туда, где под охраной сорокинцев содержались мои подчиненные. Собаки бегали где-то во дворе, и судя по тому, что число людей в белых маскахалатах, находившихся в избе, немного сократилось, несколько человек перебрались на свежий воздух и, должно быть, выставили наблюдателей.

— Богдан, — сказал я относительно спокойным голосом, — нам надо с Москвой поговорить.

Связист вопросительно посмотрел на Бориса и Глеба, на чьих лицах отразилось кое-какое недоумение. Но поскольку я не стал делать никаких разъяснений, он нерешительно встал и направился к аппаратуре. Несколько щелчков переключателей, поворотов верньеров, прочих подобных движений — и Богдан подал мне трубку.

— Говорите, — сказал он.

— Это ты? — спросил Чудо-юдо, не дождавшись даже моего «алло». — Рановато звонишь, не ждал...

— Кое-какие изменения произошли, — сказал я. — Появился твой ученик, Сергей Николаевич. Предлагает боевое сотрудничество.

— Понятно, — вздохнул Чудо-юдо. — Стало быть, сейчас пистолет у твоего затылка держит?

— Нет, пистолета не держит. Но хочет с тобой пообщаться напрямую.

— Хорошо, пусть общается.

Я отдал трубку Сарториусу. Странно, но я заметил, что его всегда невозмутимое лицо немного дрогнуло. Наверно, не от страха, но вот за то, что Сорокин в этот момент не волновался, я не поручусь.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич, — произнес он немного вальяжно, причем, как мне показалось, с некоторой искусственностью. — Нормально себя чувствую. Нет, плечо давно не беспокоит. На мне все как на собаке заживает. Да, это серьезно. Условия? Какие условия, Сергей Сергеевич? Да, конечно. Нет, Диме пока ничто не угрожает. Безусловно, оружие он получит. Но применить против меня не сможет. Конечно, вы можете отдать приказ лично каждому. Валерке и Ване не обязательно, тут я с вами полностью согласен. Подвоха от вас не жду, но лучше напомнить все-таки: любая попытка игры не по правилам будет пресечена превентивно. Не сомневайтесь? Правильно. Я свое слово держу. Хорошо, пусть первым будет Глеб.

Сарториус, которому вроде бы участников экспедиции не представляли, безошибочно подал трубку тому, кому надо.

— Поговори с шефом, он тебе все объяснит. Глеб взял трубку с явной неуверенностью.

— Сергей Сергеевич? Это вы? Вообще-то сейчас с помощью специальных модуляторов можно чей угодно голос сделать. Да, Богдан вызывал, но я этого Богдана сам второй день знаю. Если вы действительно Баринов, то приплюсуйте мой возраст к выслуге лет и добавьте число звездочек на погонах, считая одну большую за две малых... Ха-ха-ха! Все верно, товарищ ге... Сергей Сергеевич. Ладно, поступаю в распоряжение. Борис!

Второй «святой» принял трубку:

— Слушаю! Понял. Нет, вопросов нет. Есть! Даю Богдана. Связист похлопал глазами, но трубку взял.

— Алло! Да, так точно. Нет, проблем не было. Вопросы? Вопросов нет, мы отучены. Лишь бы у вас претензий не было. Спасибо, постараемся. Вас просит...

Последняя фраза относилась ко мне, и я опять взял трубку.

— Дима, — сказал Чудо-юдо, — у меня на сегодня нет оснований ссориться с Сережей. Похоже, и он в этих конкретных обстоятельствах поведет себя нормально. Поэтому постарайся выдерживать все на уровне, не конфронтируйте зря. Дай Сергея.

Я вернул трубку Сорокину.

— Что еще, Сергей Сергеевич? Понятно, сейчас включают. Богдан, прими «Емелю». Хорошо, ознакомимся внимательно. Сарториус повернулся к нам.

— Ни у кого, как я понял, теперь нет сомнений, что мы с Бариновым пришли к консенсусу. Хорошее слово, правда? Молодец Михаил Сергеевич, ввел в наш обиход. Оружие можете взять. Боеприпасов побольше.

— Я извиняюсь, — сказал Лисов-старший, который очередного изменения ситуации явно не мог осознать, — вы, стало быть, теперь одна контора?

— Так точно, — ответил Сарториус. — У вас, Дмитрий Петрович, теперь достаточно много защитников. Могу вам разрешить взять вашу «сайгу». Только давайте уговоримся, что огонь будем открывать не сразу и не абы в кого. Как там «Емеля»?

— Цифровая звукозапись, — прокомментировал Богдан. — Состоит из двух отрывков бесед двух разных людей с одним и тем же человеком. Первый, длинный отрывок записан в августе 1995 года. Второй, короткий — в апреле 1996-го. Есть пояснение, должно быть, для вас. — Богдан мотнул головой на Сорокина: — «Сергей, сам поймешь, кто разговаривал, надеюсь, будет интересно. Остальные могут послушать. С.Б.»

— Ну, раз это для всех, включай.

Запись была хорошо отчищена, хотя явно велась не в студии, а скорее всего через какой-либо скрытый микрофон большой чувствительности. Долетало пение птиц, чуть ли не шуршание листьев и травы. Приятно вспомнить о подмосковном лете в разгар сибирской зимы! Но содержание первого отрывка из разговора между людьми, голосов которых я отродясь не слышал, показалось мне столь же далеким от наших насущных проблем, сколь заимка Лисовых от «дворца» Чуда-юда... Во всяком случае, поначалу.

«... — Тогда слушай, напрягай мозги, соображай. Начнем издали, с той самой иконки. Сама по себе она, конечно, дорогая. И антиквариат XIV века, и оклад из чистого золота со 132 бриллиантами. Но имеется одно обстоятельство, которое ее удорожает. Дело в том, что есть на свете человек, считающий, что эта самая икона принадлежит ему по праву наследства. И человек этот готов выложить за нее три миллиона долларов. Отсюда и цена такая.

— Что за человек?

— Некто Рудольф фон Воронцов. Правнук генерал-майора Воронцова, который эту самую икону подарил Ново-Никольскому монастырю в 1912 году.

— Прадед подарил, а правнук забрать хочет? Бога не боится?

— Тут дело сложнее. Во время революции эту самую икону реквизировали, а монастырь упразднили. Потом икона похищена бандой при налете на поезд. Как выяснилось, в той банде был некий Самборский, который после того, как банду ликвидировали, сумел бежать и вывез икону в Польшу. У генерала Воронцова, которого Чека расстреляла за участие в заговоре,

был сын Михаил. Он у Деникина до полковника дослужился, потом где-то в Берлине устроился. Умер рано, в 1926 году. Отцу Рудольфа тогда семнадцать лет было. Он быстро вырос, онемечился, с фашистами сдружился. После прихода Гитлера работал в спецслужбах, обеспечивал контакты с русскими белоэмигрантами. В том числе и в Польше. Самборского он обнаружил в 1939 году и то ли сам, то ли еще как, но ликвидировал. А икона после этого оказалась у него. Находилась при нем до 1945 года, пока его не поймали наши и не шлепнули. Но шлепнули только после того, как он выложил одну очень важную информашку. Оказывается, икона эта была контейнером для ключей от сейфа в одном из швейцарских банков.

— Вот оно что... — Наши Воронцова сцапали в Магдебурге. Если помнишь, этот город сперва американцы заняли, и Воронцов, чудак, думал, что открутился. Но тут демаркацию провели, и Магдебург нашим отошел. Правда, семейство свое — Рудольфа и его мать Гертруду — Воронцов успел отправить. А сам задержался. Тут-то его и повязали. На улице. Пока то да се, пока разбирались и выясняли, квартиру Воронцова грабанули. Икону не тронули, а оклад — сперли. Наши же, родные, советские барахольщики. Смершевцы с обыском заявили позже, икону нашли. Когда Воронцов раскололся, из иконы вынули ключик. Но второго-то нет! Сперва сгоряча интенсивно искали оклад, потом маленько поостыли, а лет через десять совсем устали — и забыли. Икону сдали в музей, ключ подшили в дело, а дело спровадили в архив. Подняли его только после августа. Тогда много чего поторопились открыть, но это дело, слава Богу, в надежные руки попало. Икону в том же 1991-м вернули церкви и увезли в Ново-Никольский монастырь. При этом через газеты так это дело разрекламировали — мол, XIV век, чернец Иоакинф, школа Рублева и так далее, — что кое-кому очень захотелось эту икону прибрать. Но самое интересное, что в одном из интервью некий краевед вспомнил о том, что был еще и оклад со 132 бриллиантами. Конечно, прошелся при этом по нашему брату, мол, сволочи чекисты увели. А на самом деле оклад спокойно лежал себе в сейфе у гражданина Чернова по кличке Черный.

— Это в области у Иванцова?

— Именно там. Конечно, Черный был человек молодой и сам лично оклад не крал. Он его взял в уплату долга у одного барыги, а как к тому оклад приплыл, история умалчивает. Причем тайничок с ключом в этом окладе так и не нашли. Ни Черный, ни барыга, ни все прочие прежние владельцы. Черный даже сомневался насчет того, что бриллианты в окладе настоящие, а золото — пробы 985. Но когда узнал все подробности, решил икону, говоря по-нашему, экспроприировать. Вышли его ребята на монастырского послушника Репкина и каким-то способом заставили его совершить кражу. Могли бы и сами, наверно, вытащить, потому что икона даже на сигнализацию была не поставлена. Но так оказалось проще, тем более что заплатили они Репкину тремя ударами ножа. Икону воссоединили с окладом, а затем решили найти покупателя за бугром. Покупателя искали члены группировки Черного, Кузаков и Коваленко. Они-то и вышли в конце концов на Домициану. А Домициану, между прочим, был связан с одной конторкой под названием «Джемини-Брендан», о которой ты, Михалыч, больше моего знаешь...

— Понятненько. Значит, Сноукрофт и Резник сюда именно за этой штукой пожаловали?

— И за ней в том числе. Вообще-то они очень разносторонние ребята. Сноукрофта в первую голову оборонный завод интересовал, там же, у Иванцова в области. Точнее, одна технология, «не имеющая аналогов в мире». Резник хотел попутно продать Курбаши автоматическую линию для разлива водки в пластиковые бутылки — маленький гешефт. Курбаши там что, виноделием занимался, что ли?

— Да он там, сукин сын, хотел наладить производство фальсифицированной водки на основе гидролизного этилового спирта. А разливать в фирменные бутылки с американским товарным знаком.

— Понятно. В общем, первый раз они с Черным пытались дело обделать. Ключ они сумели достать — у того самого умного человека, который нашел старое дело...

— У тебя, что ли?

— Не комментирую. Достали и все. Но вот с иконой вышел прокол. Когда Коваленко повез икону в Москву, ее у него украли. И три года о ней ни слуху ни духу не было. А потом Иванцов ее собрался прикарманить и напрямую, без всяких там Черных, добраться до покупателей. Хотя ничего про ключ не знал...

— Вот что, Максимыч, что-то мне в твоей рассказке не нравится. Икона — контейнер для ключей... Уж очень это смахивает на стрельбу из пушек по воробьям. Опять же непонятно, от какого такого сейфа в банке эти ключики и что в нем может лежать? Давай-ка, если уж начал, говори все как есть. А то плетешь, плетешь, мозги только пудришь.

— Хорошо. Скажу еще: икона — сама по себе пароль. Если ее не предъявить в банке и если эксперт не признает ее подлинной, то никакие ключи не помогут и к сейфу никого не допустят. А вот о том, что в сейфе, я не знаю.

— Вот это, Максимыч, похоже на дело. Теперь я уже помаленьку понимать начинаю.

— Добро, коли так. В общем, тогда, в девяносто втором, все удалось утрясти. Резник сумел договориться с Воронцовым, а Черный через Домициану выплатил Резнику неустойку. В этот раз все гораздо сложнее. Воронцов, по данным из СВР, влетел на очень крупную сумму. Причем совершенно легально. Он задолжал, по некоторым данным, более полсотни миллионов долларов. Тем не менее он через подставного берет еще пять миллионов в кредит. И авансирует Сноукрофта с Резником. Стало быть, в том самом банке, который открывается иконой, кое-что лежит...»

— Вы что-нибудь поняли, ребята? — спросил Сарториус с ехидным прищуром и сделал знак Богдану, чтоб тот прервал воспроизведение.

— Ни шиша почти, — уверенно сказал я, хотя кое-что все-таки уловил и услышал кое-какие знакомые фамилии. Конечно, сразу подумалось о Швейцарии, где пребывала Вика. Остальные посчитали, что я выразил общее мнение.

— Очень хорошо, что вам это непонятно! — усмехнулся Сорокин. — Но меня лично этот шаг Чуда-юда очень порадовал. Похоже, он действительно хочет подружиться. Хотя, эта дружба у него обычно недолгая... Богдан, врубай дальше.

Второй отрывок был короткий. В разговоре действительно участвовал один из собеседников, знакомых по первой записи:

«... — Есть сведения о том, что иконой ты очень интересовался. И что какой-то ключ из нее уже прикарманил...

— Ну и что?

— Два месяца назад в Гамбурге какой-то курд покушался на некоего Рудольфа фон Воронцова. Покушавшийся был убит охранниками, а Воронцов не пострадал. Но криминальная полиция, как ни странно, добралась до заказчика, а оказался им некий Курбан Рустамов, известный некоторым кругам как Кубик-Рубик. Он каким-то образом исчез из Германии, но если как следует поискать, то найдется, и не где-нибудь в Узбекистане, а в Москве. Дальше объяснять не надо. Воронцов, если до него дойдет информация о твоей работе против него, немало тебе неприятностей доставит. Ты лучше знаешь каких. Поэтому та группа, которую можно условно назвать соловьевцами, и ближнее окружение Цезаря

считают себя при козырях. В принципе, если в ситуации с выборами будет неопределенность или произойдет большая замена в силовых структурах и прокуратуре, то осложнения будут здесь...»

Второй собеседник произнес в этом отрывке коротенькую фразу: «Ну и что?», но мне вполне хватило ее, чтобы узнать голос родного отца.

ЗА ЧАС ДО ПУРГИ

Наверно, надо было бы сесть и как следует подумать над всей этой информацией. Возможно, Сарториус даже сделал бы какие-то комментарии, если б нашел нужным. Но времени у нас не хватило. Собаки во дворе и за забором залились бешеным лаем.

— Это еще что? — воскликнул Сорокин. Когда такой товарищ недоумевает, это уже серьезно.

— Вы же утверждали, будто они смогут прийти только через три часа? — За этот дурацкий вопрос Сарториус метнул на меня такой суровый взгляд, что я мгновенно прикусил язык.

Зашуршало в рации, висевшей в белом чехле у него на куртке.

— «Чижик», — позвал встревоженный голос с легким кавказским акцентом, — ГВЭПы отказали. Оба. Посмотри, а?

— Сейчас разберемся... — пробормотал Сарториус. — Ваш ГВЭП работает?

— Не знаю, — промямлил я, как школьник.

— Детский сад, биомать! — выразился Сергей Николаевич с итальянским темпераментом, но по-русски. — Ты что, еще и не расчехлял его?

— А кто ж знал, что он понадобится? — вступился за меня Глеб. — Мы ведь...

— Доставай! — оборвал его Сарториус. — И поживее, блин! Пока Глеб лихорадочно рылся в вещах — как всегда, упаковку с самой нужной на данный момент вещью, то есть с ГВЭПом, оказалось не так то просто найти, — Сорокин по-быстрому прокричал в рацию:

— Внимание! Повышенная готовность всем! По любым группам людей, животных или иным движущимся объектам, появившимся в секторах наблюдения, открывать огонь. Как поняли?

— Нормально поняли, «Чижик». ГВЭП будем чинить, да? Как раз в это время Глеб и примкнувший к нему Борис вытащили коробку с ГВЭПом и, торопливо распаковав, стали наскоро приводить его в рабочее состояние.

— Ой, блин! — прорычал Сарториус. — Вояки, „-мое! Курортники! На месте Баринава я б вас уволил к чертовой матери. Живее!

— Ты сам свою технику не проверил! — огрызнулся Глеб, впихивая аккумулятор в гнездо для источника питания. — Твои-то уже накрылись, точно!

— Серега, — вмешался один из помощников Сорокина, — а если ту штуку попробовать, которую вы у меня на заводе взяли? Сорокин несколько секунд подумал и сказал:

— Доставай! Он в другом диапазоне работает, его на той же волне не подавишь...

Мужик снял рюкзак, вынул оттуда какую-то фигулину размером с фотоаппарат, подал Сарториусу. Тот щелкнул рычажком, покрутил какой-то верньерчик.

— Полный ноль, — сконфуженно доложил Глеб. — Наш тоже не фурычит. АДЛ у вас откуда? Мы свой вроде не доставали...

Ему, как видно, был знаком прибор, с которым возился Сарториус.

— От верблюда! — пробурчал «компаньеро Умберто». — Вечная память Васе Лопухину! Работает, кажется... Молодчага, Фрол! Давай быстро к Ахмеду! А ты, Глеб, доставай свой и дуи к воротам. Валера — за ним, Борис — туда же. Ваня

— охранять и обслуживать раненого. Богдан — остаешься при связи... Дмитрий Петрович, а вы куда?

— Воевать, наверно... — недоуменно сказал Лисов, уже прицепивший к «сайге» магазин.

— Погодите малость. У вас в хозяйстве ножовка по металлу есть? Или шлицовка хотя бы?

— И то и то есть. Мы люди моторизованные, нам без инструмента нельзя.

— Несите и то, и другое. Поскорее.

— Если чего пилить собрались, — сказал Петрович, — то лучше в мастерскую пошли. Там тисочки есть.

— Пошли! Жора, давай цинк с большими...

Жора вынул из рюкзака цинковую укупорку с 7,62-миллиметровыми патронами образца 1908 года. Сарториус взял ее под мышку.

В мастерскую прошли через двор. Там, у бревенчатой ограды, уже разместились бойцы. Сорокинцы ждали атаки с любого направления. Собаки по-прежнему надрывались, лаяли, народ на своих точках нервничал. Но никого, должно быть, пока не замечал.

— Вот она ножовочка, — сказал Лисов, пропустив нас в пристроенную к забору бревенчатую хибарку, примыкавшую к навесу, где стояли четыре «Бурана»: два наших, Женькин и самого Петровича. — Вот тебе, Сергей, одна, вот другая, а вот шлицовка. Чего пилить хочешь?

— Пули хочу распилить, — ответил тот. — Точнее, надпилить их крестиком.

— Разрывные делать собрался? — озабоченно спросил Лисов, в то время как Сарториус вскрывал принесенную с собой укупорку с патронами. — Не порть! Толку не прибавит. Да и много ли таких наготовить успеешь?

— Много не много, а с десятков сделаем. Может, и не нужно больше

— Все-то вы странничаете, москвичи! Завороху тут в тайге разводите... Знал бы вчера, не пустил бы вас сюда ни в жисть! — плюнул Лисов Сорокин эти крики души проигнорировал и осторожно зажал в тиски верхнюю часть патрона так, чтоб тиски сдавили только длинную пулю, а не мяли гильзу. Чуть-чуть сточив острие пули напильником, Сергей Николаевич взялся за ножовку и осторожно надпилил пулю на глубину около полсантиметра. Потом переставил патрон и сделал второй пропилил перпендикулярно первому.

— Понял технологию? — спросил он у меня — Становись к вторым тискам, делай сколько успеешь!

— Все для фронта, все для победы! — вздохнул я, приступая к этой не очень понятной для

меня работе. — Только вот на хрена — не пойму!

— Пилите, Шура, пилите! — Сорокин классно изобразил покойного Гердта в роли Паниковского.

Петрович, поглядев на нас, тоже взялся за дело. Он принялся спиливать острия пуль, чем заметно ускорил работу.

Мне показалось, что патрон слишком уж сильно разогревается. Я не помнил, при какой температуре воспламеняется порох, но догадывался, что она не такая уж и высокая. И не дай Бог, пуля сидит неплотно, перекошишь. Или расшатаешь патрон в тисках, он вывалится, ткнется капсюлем в какую-нибудь железяку, грохнет и пробурлит в тебе дыру от задницы до макушки...

Но все обошлось. Во всяком случае, десять пуль мы успели распилить. Уложились до того момента, как рация Сарториуса издала тревожный хрюк.

— «Чижик», они идут! Параллельно реке, от ручья.

— Странно... — пробормотал Сорокин, вынимая из тисков патрон с распиленной пулей. — Дмитрий Петрович, очень прошу, наготовьте еще таких. А нам придется посмотреть, кто там собрался визит наносить.

— А вы отсюда гляньте, — посоветовал Лисов. — Тут у меня амбразурка есть...

«Амбразурка» действительно была. В одном из бревен имелась горизонтальная дыра, пробитая долотом. Длинной сантиметров двадцать и высотой пять-шесть. С внутренней стороны дыра была забита клиновидной плашкой. Лисов взял стамеску и подцепил плашку. Откупорив отверстие, он осторожно глянул наружу.

— Чего это они? Дураки, что ли? — вырвалось у него. Сарториус довольно бесцеремонно отодвинул хозяина в сторону.

— Не понимаю... — пробормотал он не менее удивленно, чем Петрович. Мне тоже захотелось глянуть.

Сарториус отошел от «амбразурки», и мне удалось поглядеть в нее. Да, чего-чего, а такого я не ожидал.

Совсем недалеко от стены заимки, у самой кромки леса, совершенно открыто стояли десять человек, одетых в теплые комбинезоны белого цвета. Вряд ли они не знали, что, приближаясь к месту, где, возможно, имеются вооруженные люди, надо меньше показываться на глаза. И вообще лучше было не высовываться из леса, а укрыться за стволами деревьев и открыть огонь. Не говоря уже о том, что следовало всю операцию, раз уж упустили Женьку, перенести на темное время суток.

Я мог допустить, что пришедшие граждане могут вести себя так под влиянием обработки ГВЭПом. Но ГВЭПы не работали. И сам Сорокин сказал. «Не понимаю. .» Стало быть, что-то еще стряслось.

— Фрол! — позвал Сорокин в рацию. — Что показывает ДЛ?

— Ничего, — отозвались из эфира. — Это имитация, нет их тут. Кто-то нас грузит, по-моему... Проверить?

— Не вздумай! И стрелять не моги!

— «Чижик», Ахмед говорит. Собаки все на мой сектор перешли. Лают в сторону лыжни от «Бурана». Дешифратор ничего не показывает, а они лают. Что такое, слушай, а?

— Смотри, если кто покажется, не торопись стрелять!

— Хорошо, пожалуйста. Сначала мне голову отрежут, а потом я стрелять буду.

— Пошли, — сказал Петрович, — эти, от леса, пошли! Действительно, цепочка людей в белых комбинезонах не спеша двинулась прямо на нас.

— Чего не стреляешь? — озаботился Лисов.

— Потому что их нет. Это обманка, одна видимость.

— Сколько здесь живу, — хмыкнул Петрович, — всяких чудес насмотрелся, но такого не припомню. «Черный камень», бывает, балует, но не так...

Лисов взял свою «сайгу» и приложился.

Бах! Таежная тишина вздрогнула от раскатистого выстрела.

Один из тех, кто подошел к заимке уже на полсотни метров, взмахнул руками и повалился в снег, задрал кверху одну из лыж.

В ту же секунду откуда-то со стороны ворот послышался хлопок, потом грохот и треск. Протарахтела длинная автоматная очередь, затем другая, покорооче, третья слилась с четвертой, пятая наложилась на шестую... Еще через несколько секунд поднялась отчаянная автоматная трескотня.

Били, как мне показалось, со всех сторон и во все стороны. Бревна в стене, окружавшей заимку, были толстые, и мороз придал им солидную твердость. Но все же несколько пуль, штуки три, не меньше, влетели в амбразуру. Правда, мы трое как по команде успели нырнуть на пол. Бум-м! — деревянный пол мастерской трянуло. Цинк с патронами брякнулся с верстака, следом за ним свалилась и часть обработанных патронов. Похоже, взорвалась ручная граната. Длинная и острая щепка, отколотая от притолоки шальным осколком, упала неподалеку от моего валенка. Потянуло дымком — что-то загорелось, но, кажется, пока не в мастерской.

— Сожгут! Сожгут, гады! — взревел Лисов. А тут что-то заскрипело и зашкрябало по тесовой, присыпанной снегом крыше мастерской. Дмитрий Петрович наугад бабахнул три раза в потолок, нам на головы посыпалась труха, сверху тоже кто-то бахнул через крышу из помпового ружья. Картечный заряд кучно долбанул в пол рядом с верстаком. Еще раз трянуло, и все плоды трудов наших

— патроны с надпиленными пулями — перекочевали на пол.

— Патроны забери! — приказал мне Сорокин. — Зря, что ли, маялись... Ну-ка быстрее!

И тут же послал очередь в потолок.

— У-у-у! — взвыл кто-то, вниз с шорохом сыпанул снег, потом, где-то уже вне пределов мастерской, глухо шмякнулось тело. Я в это время собирал с пола в карман надпиленные патроны. Правда, при этом думалось, что ничего, во что можно эти патроны зарядить, поблизости нет. Автомат у меня был, но в него 7,62 образца 1908-го не пролез бы ни под каким видом.

— Петрович! — заорал Сорокин. — Давай к дому, прикрою! Как раз в это время я уложил в

карман последний патрон с надпиленной пулей. Грузный Лисов на моих глазах преобразился и, нырком выскочив из дверей, перекатился за какую-то железную бочку, накрепко примерзшую к обледенелому деревянному настилу внутреннего двора. Пули, посланные в Петровича, с визгом улетели в рикошет, хотя должны были эту бочку продырявить насквозь. Оттуда он трижды, не целясь, пальнул в направлении ворот. Туда же послал короткую очередь Сорокин. Стреканул — и обратно, за косяк двери мастерской.

— Колька! — хрипло бросил он не оборачиваясь. — Как только Петрович выскочит — бегом за бочку!

Моя бы воля — я б сидел в мастерской. Двор заимки был не такой уж просторный, а пуль летало черт-те сколько. Тарахтело с десятков автоматических стволов, резко грохали pistolетные одиночные выстрелы, то и дело бухали помпы. Двор уже заполнился желтоватым дымом, горела какая-то пристройка у ворот. Фиг поймешь, куда стрелять, но высунешься разглядывать — словишь в лобешник.

Самое занятное, что перебежал я за бочку, еще не сняв автомат с предохранителя. Хорошо, что тому, кто лупил в меня от ворот, дым ел глаза и он не достал меня с двадцати метров. Очередь пришлась куда-то в изъязвленные осколками гранаты бревна. Петрович в это время успел перемахнуть за поленницу, от которой тут же полетели щепки и куски коры, потому что сразу два автомата лупанули по ней со стороны ворот. Обе створки валялись на земле, и поверх одной из них ничком лежал труп с вырванным затылком. Маскхалат на спине был весь в багровых пятнах. Это я только краем глаза увидел, потому что особо из-за бочки не высовывался.

Бочка была заполнена льдом почти на две трети и неплохо защищала от пуль. Я сумел тут пару-другую секунд передохнуть. Заодно снял автомат с предохранителя и проверил его, дав короткую очередь в сторону разбитых ворот. За дымом я ни черта не видел, поэтому ни в кого конкретно не целился, но очередь позволила Лисову перескочить под защиту крыльца. Сарториус сменил магазин и, выставив из-за косяка только ствол автомата, высадил половину патронов в направлении ворот. Хотя и он не целился, но те, кто долбил оттуда в нашу сторону, на несколько секунд заткнулись, и я, по примеру Петровича, перебрался за поленницу. После этого два автомата от ворот с опозданием на пять секунд принялись молотить по поленнице. На меня, прижавшегося к настилу, посыпались щепки и куски коры. Карабин Лисова разразился пятью-шестью выстрелами подряд, я тоже пустил очередь в сторону ворот, и Сорокин в два прыжка очутился за бочкой. Сергей Николаевич вовремя выскочил из мастерской, потому что буквально через десять секунд после того, как он сменил позицию, внутри сверкнуло, грохнул взрыв и бревна частью разметало, частью перекосило. Из-под обломков строения повалил желтовато-белый дым, зашипел тающий и выкипающий от жара снег. А из пролома в бревенчатой стене полоснула трассирующая очередь. Бочка, за которой спрятался Сарториус, зазвенела и загудела от ударов пуль, но выдержала. Я стеганул туда, по пролому, длинной, больше чем в пол-рожка, очередью. Само собой, держа автомат за pistolетную рукоять и глаз не показывая из-за спасительных дров.

Тем удивительнее было услышать шепот Сорокина, который под прикрытием моего огня заскочил за поленницу.

— Во сработал! — Он поощрительно поднял вверх большой палец. — Двоих завалил!

Как эти двое подвернулись под шальные пули — хрен его знает. Наверно, не вовремя сунулись в пролом. Но Сарториуса это, прямо скажем, спасло. Если б тем двоим повезло больше, то они успели бы его изрешетить.

— Сюда! — хрипло крикнул от крыльца Петрович. — Сюда давай! Прикрою!

— Давай первый! — приказал мне Сарториус, указывая в сторону Петровича.

Прыг-скок! Вжик! Вж-жик! Этот свист, точнее, шорох пуль, впившихся в стену избы на уровне моей головы, я услышал уже у крыльца в компании Лисова.

— В подклет ползи! — скомандовал Петрович. — Втроем тут не укрыться. Вон дверца, туда лезь.

Убравшись в подклет, то есть в пространство между уровнем почвы и полом избы, я поскорее откатился вбок от дверцы и правильно сделал. Кто-то засветил в нее короткую очередь. Три пули просверлили старую посеревшую сороковку, из которой была сколочена дверь, выломали из досок на выходе длинные острые щепки и наискось вонзились в пол. Примерно в метре от меня.

Подклет занимал все пространство под избой и был разделен на несколько отсеков, над каждым из которых располагалась комната. Свет сюда поступал из нескольких отдушин. На высоте примерно полутора метров над землей были проложены лаги из солидных бревен, отесанных на четыре канта, а поверх них настлан пол, который тут служил потолком. Подклет, как и положено, был заполнен разным хламом. Валялись какие-то сети — звероловные или рыболовные, я не понял. Ящики, сундуки, бочки, бутылки, лавки, самодельный шкаф с отломанными дверцами, ручной ткацкий станок, плетенные из коры корзинки и заплечные пестери — одним словом, целый музей крестьянского быта начала XIX

— конца XX века.

Справа от меня в стене была прорублена отдушина, через которую можно было пострелять, но и получить пулю тоже, поэтому я постарался отодвинуться от нее подальше. Снаружи грохнуло несколько одиночных выстрелов из «сайги», потом автоматная очередь, выпущенная Сорокиным, а затем, с интервалом в десять секунд, в подклете очутились Лисов и Сорокин.

— Теза! — позвал Петрович. — Дай-кося брус, заложим дверь. Брус пропихнули между коваными стальными скобами, вбитыми в косяки дверцы. Сарториус в это время поливал из автомата через отдушины.

Сверху, откуда-то из избы, затарахтел пулемет. Очереди были уж слишком длинные, да и тарыхтело погромче.

— Дверь-то в избу мужики закрыли, додумались! — сказал Лисов. — Там бы не пройти. Надо через горницу лезть, там люк есть наверх.

Пригибаясь, чтоб не чиркать головами по доскам пола-потолка, мы добрались до короткой приставной лестницы, упирившейся в квадратную деревянную крышку, обитую войлоком, чтоб не поддувало в щели. Наверху по-прежнему стреляли, поэтому вылезали мы из-под пола с осторожностью. Прежде чем сунуться на лестницу, Сорокин вытащил рацию.

— Фрол, Ахмед! Я — «Чижик», отзовитесь! — позвал он.

— Я — Фрол, слышу тебя. Ты где?

— Сначала сам скажи, где находишься.

— В доме, где ж еще? Мы все тут собрались. Во дворе не удержаться.

— Ахмед где?

— Тут, в трехсотом состоянии.

— Еще кто?

— Жора. Ближе к двести, уловил?

— А окончательно двухсотые есть?

— наших нет. Из московских — Борис.

— Русаков и Соловьев в порядке?

— Работают. Первый валит, второй лечит. Так где ты сам?

— У тебя под полом. Будем проходить через люк в горнице. Как понял?

— Нормально понял, ДЛ подключаю. Береженого Бог бережет.

— Правильно. Короче, выходим.

Вылезли мы в очень удобном месте — в промежутке между глухой стеной и печкой. Там стоял один из мужиков в белом, с нацеленным на люк автоматом, а другой наводил на нас прибор, похожий на фотоаппарат. Я уже несколько раз слышал аббревиатуру ДЛ и догадывался, что это означает что-нибудь вроде «дешифратор Лопухина». То есть прибор, предназначенный для того, чтобы распознавать всякие имитации, которые может создавать гвэп.

— Все нормально, — сказал мужик, опуская ДЛ.

— Слава Богу, — устало пробормотал Сарториус. Стрельба была уже не столь интенсивной. Не чаще, чем через минуту, кто-то обменивался короткими очередями.

— Мы у них уже с десятков завалили, — доложил Фрол. — Осталось четыре точки, с которых они ведут огонь. Вообще-то впечатление, что они выдохлись. По-моему, уже поняли, что обломали зубы, и собираются драпать, только боятся, ждут, пока стемнеет...

— Или пока пурга не начнется, — заметил Лисов. — За окнами-то уже снежок пошел, видишь? И задувает в окна... Небось все стекла побили? Хлебнете холодку!

— Зато пожар притух, — сказал Фрол. — А то бы вообще сейчас на угольках сидели.

В комнатах все было перевернуто, переломано и перекалечено. Окна с двойными рамами изрешечены пулями, и стекол в них действительно почти не осталось. Их заложили ящиками, подушками, поставленными на попа лавками и кроватями. Это только укрывало от прицела, но не спасало от пули. А потому, мимо окон следовало проскакивать побыстрее и желательнее на карачках.

Меня больше беспокоило наше оборудование. Но Богдан, оказывается, сумел перенести все хозяйство в очень удобную и относительно безопасную кладовку. Конечно, все было перетащено наспех, положено навалом, и связь пришлось бы налаживать долго, но видимых повреждений на аппаратуре не наблюдалось.

Раненым в кладовке места не нашлось. Их устроили на лежанке, за печной трубой. Шансов, что их там добьют, было не много. Ахмед и Женька Лисов не подвергались и опасности замерзнуть, потому что печка не торопилась остывать. Хотя из-за выбитых окон температура в доме не намного отличалась от той, что была во дворе.

Борис был уже не единственным мертвым. Жора, который передал нам цинк, тоже не дышал. Ваня аккуратно оттащил оба трупа в угол, чтобы они не мешались под ногами. Валет, то есть Валерка Русаков, скромно сидел в этом же углу со снайперской винтовкой. Глеб возился с ГВЭПом, пытался в нем разобраться.

Бойцы Сорокина наблюдали за внешним миром и через окна, и через перископы типа «трубы разведчика», чтоб не выставляться лишний раз.

— Что ж вы тут наворочали! — горестно вздохнул Петрович. Да, не хотелось бы мне когда-нибудь увидеть свою родную хату в таком уделанном состоянии. Даже заклятому врагу не пожелаешь. Бессмысленно объяснять все эти материальные и моральные издержки «суровыми законами войны» или «производственной необходимостью». И уж тем более не станешь утверждать, что ради защиты дома надо было его разорить. Слишком это сложно для человеческого понимания.

Сарториус хотел что-то сказать, возможно, как-то оправдаться перед Лисовым, но потом раздумал. Все-таки сейчас он сражался не за мировую революцию, а потому высоких аргументов в свою пользу привести не мог. Ну а мне тем более было нечего вякать. Если бы мы вчера сюда не прилетели, то и остальные вооруженные формирования здесь не появились бы. И Лисовы нормально продолжали бы свое сосуществование с природой и «Котловиной».

— Извините нас, Дмитрий Петрович, — произнес я хоть и глупые, но искренние слова.

И тут налетел первый мощный порыв ветра, хлестнувший в окна колючим, льдистым снегом. Началась пурга.

— Окна! Окна заделывайте! — рявкнул Лисов. — Заметет нас! Заметет на хрен!

Все пришло в движение. Позабыв о том, что снаружи могут угостить очередью, и наши, и сорокинцы принялись расшибать мебель и ящики, забивать окна фанерой, досками и тряпьем. Впрочем, тем, кто с нами воевал, пришлось куда хуже. Они встретили всю эту снежную круговерть либо во дворе, либо вовсе на поляне, где и укрыться негде. Если мы в доме получили удар стихии, ослабленный стенами, и не совсем осознали опасность этого ледяного шквала, то противники сразу поняли, что ни в лесу, ни за проломанным и прогоревшим забором им не переждать, а точнее — не пережить пургу.

— Братаны! — послышался со двора истошный вопль. — Сдаюсь! Пустите в хату! Все! Кончаем войнушку!

Часть четвертая. ТАЙНА «ЧЕРНОГО КАМНЯ»

ВМЕСТЕ

Мело ровно неделю. Мы стали забывать о том, что есть еще что-то, кроме снежных вихрей за окнами и двух десятков людей, набившихся в комнаты заметенного снегом дома. Правда, где-то в ручье продолжала крутиться мини-ГЭС и в доме горел свет. Но спутниковую антенну сдуло и устанавливать ее обратно до окончания пурги было бесполезно — через полчаса опять повалилась бы. Поэтому пришлось смотреть видак. У нас было всего пять кассет. С «Ну, погоди!» и его американским старшим братом «Томом и Джерри». Три дня из семи по несколько раз прокручивали, потом надоело. Радио тоже не хотело работать. Из приемника долетали звуки, похожие на вой пурги — и больше ничего. Поэтому последние четыре дня довольствовались тем, что травили анекдоты. В принципе, безделье — страшная штука. Как оказалось, даже недельку прожить, не имея какой-либо цели, кроме ожидания хорошей

погоды, дело очень тоскливое.

Единственный, кто чувствовал себя нормально, был старший Лисов. Он к таким случаям привык и жил по обычному для себя графику. Кормил скотину, топил печь, варил обед. Помощников у него было хоть отбавляй — многие мающиеся скукой были рады чем-то заняться. Иной раз даже спорили, кому идти к «деду» в подручные. Споры быстро прекращал Лисов, он внятно говорил, указуя перстом: «Ты сегодня пойдешь! А ты — завтра!» И ведь не забывал: на другой день брал с собой именно того, кого обещал.

Лисов стал общим начальником. И Сорокин, и я на руководящую роль не претендовали. Тем более не выступал Гриша Середенко, который вместе с пятью товарищами сдался нам, как только началась пурга.

Человеческая логика — вещь сложная, особенно в России. С точки зрения чисто формальной, впускать в дом тех, кто еще пару минут назад стрелял в тебя и даже убил двоих, — непростительная глупость. Само собой, впускали мы этих граждан по одному и без оружия. Среди них было двое легко раненных, а один сильно обморозился. Гриша Середенко был цел и невредим, но стучал зубами от холода. Он очень обрадовался, что Ваня Соловьев жив и не ранен, а потому был словоохотлив. К тому же ему, по случаю добровольной сдачи, налили два раза по 150 граммов спирта.

Ни бить, ни тем более убивать этих ребят не хотелось. Хотя и палили друг в друга, но, в сущности, злиться было не на что. Может быть, если б дело дошло до рукопашной, достичь примирения было бы труднее. Потому что чья пуля мимо тебя швыркнула — наплевать, главное, что мимо. А вот если кто тебе замочил по роже прикладом, пырнул ножом или просто завез кулаком под дых — помнишь крепче.

Не знаю, пустил бы я Середенко со товарищи, если б был только со своей группой, не в союзе с Сарториусом. Скорее всего не пустил бы. Расстреливать бы не стал, а не пустил бы. Замерзнут так замерзнут, нет так нет... Не от жестокости, я вообще-то совсем не жестокий, а из осторожности. Права была Таня-Вика, когда как-то сказала Вик Мэллори, что, мол, младший Баринов — это разумный трус. Права, права была, зараза. Слишком уж часто меня подставляли, путали и надували. Не думаю, что Сарториус был наивнее и доверчивее. Просто он был опытнее и умел читать мысли. Его нельзя было обмануть.

Первые два дня Гришу и его бойцов воспринимали как военнопленных. Их развели по двое в разные комнаты, пристроили в окружении «наших», то есть моих и сорокинцев, которые, постреляв полчаса «из одного окопа», даже не вспоминали о том, что наше знакомство начиналось не очень по-дружески. Какое-то время я вполглаза присматривал — побаивался, не заключат ли Сорокин с Середенко какой-нибудь союз против меня. Но потом перестал. Потому что все время подозревать в условиях замкнутого пространства — ужасно тошно. Да и вообще, выражаясь языком покойного Васи Лопухина, на меня напал дофенизм. Мне жуть как тоскливо было от сидения в этом замкнутом пространстве. Если б не Петрович, обстановка напоминала бы тюрьму. Некоторые товарищи, имевшие подобный опыт — такие были и у Середенко, и у Сарториуса, и у меня (Богдан, отбывший срок за спекуляцию радиодетальями еще в ранней юности), — говорили о том, что в тюрьме хоть прогулки разрешают.

Потом все постепенно стали привыкать к середенковцам. Нашлись земляки, сослуживцы, общие знакомые... Разговоры стали продолжительнее, мягче. Если даже вояки разных наций во время перемирия находят общий язык, то уж нам-то грех было его не найти. Все были россияне, уж советские — точно.

Гриша Середенко, которому исполнилось всего-то двадцать восемь лет, поведал нам с Сорокиным свою грустную историю. Кое-что из нее и раньше нам было известно, кое-что я

лично услышал впервые. Сорокин, возможно, знал больше, но не давал этого понять. Про то, что папа Соловьев имел на Гришу зуб, считая ответственным за побег сына из армии и все последующие неприятности, произошедшие с Ваней, мне в общих чертах рассказывал Чудо-юдо. После того как в прошлом году все попытки освободить сынка из цепких лап моего отца потерпели провал и сам Соловьев угодил на несколько суток в плен к сорокинцам, Антон Борисович сильно обиделся. Середенко был наказан самым жутким образом, хотя Гриша не имел никакого касательства ни к нападению Сорокина, ни к сумме выкупа, которую папа Соловьев вынужден был выплатить Сергею Николаевичу за свое освобождение.

Наказание состояло в том, что Гришу оставили служить прапорщиком в той самой войсковой части, где он до того исполнял обязанности дядьки Савельича (см. А.С. Пушкин «Капитанская дочка») при молодом барине, сиречь Ване Соловьеве. На общих основаниях, согласно прапорщичьему контракту, в должности старшины роты. За полгода такой службы у Середенко дважды появлялись мысли о самоубийстве, трижды он был готов кого-нибудь грохнуть и уйти в бега на манер Валерки Русакова. Месячную зарплату в течение этого полугодия службы Гриша видел только один раз, накануне президентских выборов. Потом об этом необходимом элементе существования как-то опять позабыли. У Гриши, со времен работы в охранном подразделении фирмы Соловьева, были кое-какие накопления, лежавшие на счетах в Москве, но ехать за ними в столицу он боялся. Да и не так-то это было просто: получить хотя бы краткосрочный отпуск. Кроме того, чтобы съездить в этот самый отпуск, требовалось взять билет. А с воинскими требованиями как раз был напряг в

связи с тем, что Министерство обороны не рассчиталось с транспортниками за какие-то дела. То есть надо было ехать за свои денежки, а их-то как раз и не было. Гриша продавал на толкучке все, что еще мог продать из гражданской одежды, и так с трудом дотянул до осени, когда о нем наконец-то вспомнил Соловьев. Антон Борисович все же сумел отделаться от обвинений в незаконном экспорте оборонных технологий, от подписки о невыезде и тут же отбыл за кордон, для отдыха и лечения нервов. А Середенко, уже готовый плюнуть на все и уволиться — определяя «наказание», его строго предупредили, что батька Соловьев до истечения контракта обратно не возьмет и может даже жизнь попортить, если Гриша весь контракт в армии не отслужит, — был условно-досрочно возвращен в Москву, как получивший амнистию. Радовался он рано, потому что ему, дав возможность немного потренироваться, откормиться и набрать форму, велели возглавить группу ребят и лететь в Сибирь вызволять Ванечку.

Точнее, для начала ему приказали вызволить Сурена. Какие отношения связывали Соловьева с этим господином, Грише не объясняли. Побег был организован до смешного просто. Гриша с двумя товарищами прибыл вертолетом в Улунайск. На руках у них были документы и командировочные удостоверения Красноярского краевого УВД, а также вполне натуральные бумажки за подписью облпрокурора одной из российских областей господина В.С.Иванцова об этапировании заключенного Сурена Леоновича Саркисяна в соответствующий облцентр для очной ставки с одним из свидетелей по вновь открывшимся обстоятельствам дела. Гришу на время операции повысили аж до капитана внутренней службы, а его корешков — бывших сержантов ВДВ — до прапорщиков. За день до этого на товарный склад одного из улунайских бизнесменов завезли очередную партию товара, среди которого было все необходимое для бегунов на длинные дистанции.

Из колонии в Улунайск за ними прислали машину. Начальник колонии (по-зековскому — «папа») после небольшого разговора, в ходе которого Гриша передал ему 5000 «зеленых» (видимо, давно оговоренных, потому что никаких разъяснений от Середенко не потребовали), отдал все необходимые распоряжения. Этапируемого усадили в обычную бортовую машину, куда по приказанию «папы» посадили еще шестерых зеков и трех конвоиров-срочников. Этих ребят отдавали на заклятие. Шестеро молодцов (специально отобранных Суреном из числа наиболее преданных и надежных) надо было якобы отвезти на делянку, находившуюся в десяти километрах от колонии, по дороге к Улунайску. Но уже в пяти километрах от колонии

на узкой таежной дорожке Гриша, сидевший в кабине, заделал шофера из пистолета с глушаком, а когда машина остановилась, его помощники вместе с Суреном тихо почикали остальных. Стащив жмуриков с дороги и присыпав снежком, поехали дальше, напрямик в Улунайск, куда успели как раз к наступлению темноты. Доехали до склада знакомого

торгаша и, по-быстрому переодевшись в чистенькое, как следует перекусили надорожку. Пока беглецы отдыхали в тепле, колонийскую машину два подручных гостеприимного бизнесмена быстренько перегнали по зимнику далеко в тайгу, а обратно вернулись на «уазике».

После этого осталось только поспать до утра и дожждаться вертолета, арендованного тем же самым бизнесменом.

Вертолет, естественно, официально вез какой-то груз, но на самом деле его тихо заняли зеки. Когда пилот высадил их неподалеку от района Порченой, в сопках, он даже слова не сказал. Внакладе ни вертолетчик, ни бизнесмен не остались.

Конечно, начальник колонии устроил шухер, поднял тревожную группу, начал чего-то искать... но совсем не там, где находились беглые. Потому что автомобиль, на котором беглецы проскочили в Улунайск, обнаружился очень далеко и от поселка, и от тех мест, куда улетел вертолет.

В общем все шло хорошо до момента встречи с Женькой. Середенко в это время уже передал полномочия Сурену, который получил от Соловьева пакет со всеми инструкциями. До этого Гриша и понятия не имел, что придется делать. И о том, что предстоит заниматься освобождением прежнего подопечного, то есть Вани Соловьева, узнал лишь к тому моменту, когда вертолет уже улетал.

О том, что существует и вторая, парашютная группа, он узнал еще позже. И почувствовал себя очень неважно. Ему показалось странным, что при наличии парашютистов, более подготовленных к внезапным налетам, Соловьев посылает на дело зеков.

Впрочем, про эту самую группу ничего не знал и Сурен. О ней стало известно лишь после того, как они с Гришей и остальными добрались до заимки.

Но в период между сусанинским подвигом Женьки и появлением группы Сурена около заимки якобы произошли события, которые могли бы у любого человека вызвать серьезные сомнения. Либо в Гришиной искренности, либо в его психическом здоровье. Однако все, кто сдался нам вместе с Середенко, слово в слово подтвердили то, что он говорил. Все сразу свихнуться не могли. Правда, они могли загодя придумать, чего соврать. Только вот зачем? Объяснения этому не было.

Как не было нормального объяснения и тому, что, вопреки Женькиному утверждению, будто банду «закрутит», они без снегоходов проскочили двадцать километров через сопки и заснеженную тайгу так быстро, что никто даже не ожидал. Кроме того, непонятно было, что произошло с ДЛ. То есть почему мы воочию видели команду Сурена, а дешифратор утверждал, будто это имитация. И если б не Лисов, который не знал наших тонкостей, а просто шандарахнул из карабина по «имитации», то могли бы крупно лопухнуться.

Итак, что ж стряслось там, где наш «Сусанин» бросил своих «поляков»?

После того как Сурен убедился, что раненый Женька не свалился со снегохода и благополучно удрал, все поспешили на звук выстрела — и те, кто уже дожидался товарищей наверху, и те, кто ждал внизу, пока за ними приедут. Нам на заимке, из-за сопки и с расстояния двадцать километров, этот пистолетный выстрел, конечно, был не слышен, а вот они там, на Сохатской, все хорошо слышали. В результате все собрались около той самой Лосиной тропы, по которой отчаянный Женька Лисов скатился на снегоходе. И решили вопрос

с поиском очень просто: идти по следу «Бурана». Так или иначе, придут куда-нибудь.

С горки они съехали на лыжах. После этого пошли по следу не самым гоночным ходом. При нормальных условиях, учитывая то, что Женька гнал снегоход в объезд сопки, по низменным местам, они должны были прийти к заимке часа через три, а то и четыре.

Вот тут-то и произошло то, что не поддавалось никакому научному объяснению и заставляло усомниться в здравом уме Гриши.

Пройдя около километра по следу «Бурана», Середенко и оба лжепрапорщика, с которыми он проворачивал операцию в Улунайской ИТК (они в этом походе составляли нечто вроде головного дозора), стали подходить к небольшой прогалине. Мороз по всем приметам был неслабый, где-то под минус тридцать, у Гриши аж усы заиндевели. Но там, впереди, над прогалиной, струился воздух. Как это бывает весной, когда солнышко уже жарит вовсю, снег тает и вверх от перегретой земли поднимаются восходящие потоки. Аналогичное струение воздуха можно видеть над раскаленной пустыней, над прогретым тропическим океаном, над костром или печной трубой. Но там, на полянке, не было ни костра, ни печи. Только снег лежал. Точно такой же, как везде, крепкий, промороженный, вовсе не собирающийся таять под хиленькими лучами красноватого январского солнышка.

Тем не менее на эти метеорологические тонкости ребята не обратили внимания. Каждый из них много раз видал, как струится воздух, и ничего удивительного в этом явлении не нашел. Это потом, уже после всего, им стало казаться, будто они сразу заподозрили что-то неладное. Если б заподозрили, то не полезли бы дальше. Впрочем, черт его знает...

Так вот, первым по лыжне шел здоровяк Вовик. Он тоже принимал участие в рассказе и не только кивал да поддакивал, но и ежился — ему даже вспоминать о происшедшем было жутко. Вовик, в пяти метрах за которым шел второй лжепрапор Славик, первым и выкатил на полянку.

Прогалина, по Гришиным словам, была совсем маленькая — не больше десяти метров в поперечнике. След от Женькиного снегохода пересекал ее точно по осевой линии. А в стороне от этой борозды из сугроба торчала не то сухая, совершенно лишенная веток елка, не то отесанная жердь — ребята толком не разглядели. Солнце положило на снег длинную прямую тень от этой жерди. Точно поперек следа от «Бурана», как бы разделив прогалину на две половины.

Выехав на полянку, Вовик ощутил, что потерял вес. Нет, ни один из его 96 килограммов (без учета веса оружия и всякой другой экипировки) физически никуда не делся. Но... Вова их не чувствовал. Тело тоже вполне наблюдалось, только... заструилось вместе с воздухом. Кроме того, впереди, как раз там, где тень от жерди пересекала след от гусеницы «Бурана», Вовик увидел некую зыбкую, как он образно выразился, «похожую на холодец», полупрозрачную-полузеркальную «стену», вертикально перегораживающую полянку. Примерно то же увидел и следовавший за ним Славик. Гриша в это время находился за поворотом лыжни и услышал только испуганный вопль Славика. Когда Гриша с автоматом ринулся вперед, готовый покосить всех, кто его корешков забижает, и выскочил на место, с которого просматривалась полянка, то увидел, что Вовик, бестолково размахивая палками и отклонившись назад почти на 45 градусов, погружается в эту самую желеобразную «стену». Славик испуганно верещал, упирался и дрыгался, пытался развернуться, зацепиться за что-нибудь лыжной палкой, но какая-то непреодолимая сила тащила и его следом за товарищем. А еще через секунду точно такая же сила повлекла вперед и самого Гришу.

По словам ребят, общие ощущения были такие: потеря чувства собственного веса, размытое и струящееся изображение окружающего мира, легкое головокружение и потеря ориентации в пространстве, а также абсолютная невозможность противодействовать силе, втаскивающей в

прозрачную «стену».

«Стена» была, как выяснилось, вовсе не из холодца, не из желе, не из киселя и вообще никакого отношения к этим кулинарным произведениям не имела. Скорее, сошлись во мнениях середенковцы, она была из воздуха, уплотненного до плотности воды. Представить такое физическое явление мне было трудновато, хотя кое-что напоминало мне пережитое в разных «дурацких снах», которых я насмотрелся уже порядочно.

Точно так же, как и первая тройка, в зыбкую «стену» были затянуты и остальные семеро. У всех, кто через нее прошел, в глазах сверкала некая вспышка, после чего на какое-то время вырубалось сознание. Но вот что удивительно: хотя «стена» поглощала десятерых лыжников на протяжении нескольких минут, в районе заимки они появились не поодиночке, а все разом. Причем не так, как входили в «стену», то есть, условно говоря, «в колонну по одному», а развернутыми в цепь.

Это подтверждали и наши ребята. У Фрола и еще трех человек, которые занимали позицию вдоль забора, внезапно заболели, заморгали или заслезились глаза. У кого-то даже было впечатление, будто снежная слепота наступает. Фролу показалось, кроме того, что у него в глазах что-то сверкнуло.

Так или иначе, но после всех этих глазных явлений, в которых сам Святослав Федоров не разобрался бы, наши бойцы увидели перед собой развернутую цепь неприятеля. Все точно помнили, что войско Сурена возникло как-то мгновенно, фронтом на заимку, тылом к ручью. Сами середенковцы клялись, что пришли в себя только на открытом месте и не помнили ни того, как переходили ручей, ни того, как выходили из леса.

В общем, многое становилось понятным. Например то, что, очутившись под дулами наших пулеметов и автоматов, эта публика долго вела себя очень глупо. В принципе, их можно было пострелять в течение нескольких минут. Тогда этого не случилось лишь по одной простой причине: Сарториус не поверил глазам своим. Зато поверил прибору ДЛ (дешифратору Лопухина), который показывал, что никаких боевиков перед нами нет. Именно то, что сознание у Сергея Николаевича под влиянием его собственных научно-технических и тактических разработок маленько сдвинулось, и спасло жизнь Грише и другим.

Само собой, посвящать посторонних людей в тонкости наших специфических проблем не следовало. Да Сарториус и не заводил разговоров о ГВЭПах и имитационных картинках. Ни Гриша, ни его подручные о таких делах, судя по всему, понятия не имели. Поэтому мне удалось побеседовать на эту тему только с Глебом, да и то втихаря от всех. Мнения совпали. Сорокин не хотел открывать огонь по Сурену и его людям, потому что считал их имитационной картинкой, наведенной ГВЭПом. Логика понятная: начнем стрелять по «призракам», изведем боезапас попусту, а потом с какого-то другого направления подвоят настоящие и сделают нам секир-башка. Однако вместо этого кто-то навел имитационную картинку не на наши мозги, а на дешифратор. Технически, по словам Глеба, это было возможно, но маловероятно. Наводить картинки на прибор, предназначенный для их расшифровки, можно было только хорошо зная массу всяких параметров и схему самого прибора. Схему ДЛ, естественно, ни в каких научно-популярных и даже закрытых изданиях не публиковали. В чужие руки попал один-единственный прибор, который Сарториус весной прошлого года захватил при налете на какой-то молзавод, где Чудо-юдо пытался организовать производство своих препаратов. Но Сарториус находился среди нас, а у Сурена в команде были спецы по рэкету, торговле кайфом и шлюхами, но не имелось даже завалыщенького хакера-электронщика. К тому же, когда вся эта публика неожиданно для себя оказалась перед конечным пунктом своего марша, они почти минуту не могли прийти в себя от неожиданности.

Очухались они после того, как Лисов-старший без долгих размышлений кокнул одного из

подручных Сурена. Именно тогда все поняли, что дело уже началось, пошла пальба и так далее. Как раз в это время со стороны ворот появились еще какие-то типы, открывшие огонь по заимке. Это и были те самые парашютисты, которых Соловьев послал в дополнение к группе Сурена. С ними по ходу дела установили контакт и пытались действовать совместно. Но это удавалось плохо. После того как гранатометом снесли ворота, попытка парашютистов быстро ворваться в дом не удалась. Одного тут же положили, а остальные зажались за столбы и лупили хрен знает куда. В том числе и по своим, что пытались перескочить во двор через забор. Середенко уверял, что минимум одного из суреновских завалили парашютисты. Впрочем, по его разумению, у парашютистов

тоже были потери от шальных пуль.

Потом, когда началась пурга, парашютисты и Сурен, который перед этим побежал к их командиру «налаживать» взаимодействие, неожиданно исчезли. С Гришей остались только Вовик и Славик да три уголовника. Последние всеми чертями крыли Сурена, который вместо того, чтобы пробираться поближе к местам теплым и солнечным, задержался в Сибири для каких-то непонятных разборок в тайге. Побегав вокруг забора под жестким льдыстым ветерком, вся эта братия не нашла даже следов парашютистов. Точнее, нашли, но уже заметенные. Вроде бы получалось, что все, кто еще уцелел, рванули в тайгу. Бежать за ними вслед по свеженаметенным сугробам как-то не мастило. К тому же по ходу перестрелки все для удобства действий побросали лыжи и рюкзаки со жратвой. Найти их во время пурги, когда в двух шагах ни хрена не было видно, оказалось делом невыполнимым. В довершение всего выяснилось, что все карты и компас остались у Сурена.

В общем, поскольку при таком раскладе никаких шансов, кроме перспективы замерзнуть на дворе, не было, Гриша решил рискнуть и сдаться. Он понимал, что могут всех почикать и сказать, что так и было, но надеялся на милосердие. Если не Божие, то человеческое.

Не знаю, как Сарториусу, а мне Гриша показался похожим на человека. Вовик и Славик были из той же серии, хотя когда-то имели честь сидеть с Суреном в одной зоне (146-я у Сурена и 206-вторая у юношей). Более скучное впечатление производили нынешние братаны Сурена, которых он брал в побег по принципу верности и преданности. Конечно, Гагик, Колун и Бобышка — так звали этих шестерок — хорошо знали, что сила солому ломит. Они понимали, что попали к серьезным людям и надо принимать правила игры, иначе свернут шею. К тому же Гагик здорово поморозил уши и ряд других выдающихся мест, а Колун с Бобышкой словили по пуле. Землячок пахана оттаял довольно быстро, хотя дня два беспокоился, не придется ли ему расстаться с первичными половыми признаками. Гагика можно было выгнать на улицу только под угрозой расстрела, поэтому опасаться, что он сбежит, не приходилось. Колуну продырявило левую икру, хоть не задев кости, но больно. Поэтому бегать он тоже был не в настроении. А крепче всех досталось Бобышке: перешло лучевую кость на правой руке. Ваня, за неимением гипса, соорудил ему шину из двух дощечек и повесил руку на косынку.

Нет, пока не улеглась пурга, ждать от них неприятных сюрпризов не следовало. Да и после, пожалуй, до полной поправки. Я даже подумывал невольно: пусть бы пурга подольше не заканчивалась. Поскольку вместе с хорошей погодой могли вновь появиться разного рода сложности.

Я представил себе, чем сейчас загружены мозги Чуда-юда. Внутренние московские дела, куча всякой рутинной возни по России и СНГ, разные закордонные sprawy. Кубик-Рубик в Эмиратах, Таня с Ленкиной начинкой во Франции, Ленка с Таниной начинкой в Швейцарии, Перальта в Колумбии, Доминго Ибаньес на Хайди и масса всякого иного, о чем я понятия не имею и не должен иметь. ЦТМО с его хитрыми исследованиями, где тоже на Зинку все не взвалишь. Мишка с его плейбойскими замашками, Игорек Чебаков с банковскими делами. И наша экспедиция, от которой ни слуху ни духу. Если б на меня столько навалилось — я бы

сдох сразу и с чувством глубокого удовлетворения.

На союз с Сорокиным он дал санкцию — не дурак, понимал, чем мне грозит отсутствие компромиссного решения. Потому что знал — не сможет прислать ко мне подмогу до начала пурги. Но что будет, когда пурга кончится? Может, его десант уже выгрузился в Нижнелыжье и ждет погоды. И Сарториус такую возможность подразумевает. Он же головастый, этот батин курсант! Наверняка

догадывается, что если Чудо-юдо пришлет сюда хотя бы десяток крепких молодцов из СБ ЦТМО, то расклад резко поменяется. Чем он ответит? Да самым простым — возьмет меня в заложники. И тут ему, кстати, запросто может помочь Середенко с боеспособными корешками. У меня Богдан и Глеб больше по технической части, а Валет с Ваней — биороботы. Не успеешь пикнуть, как Сарториус перехватит управление и они меня повяжут. Зинка рассказывала, как в прошлом году эти мальчишки против нее работали. Лисов с сыном — нейтральные. Им лишь бы избу окончательно не разгрохали да белок с соболями не распугали. Ну и чтоб у Генки с Максимом все было нормально.

Не худо бы было перетянуть на свою сторону Гришу и его компашку. Но на это от Чуда-юда санкции не было. С Соловьевым-старшим, который за Гришей стоит, он не позволит корефаниться. Потому что Соловьев — это в конечном итоге «G & K». Они основные конкуренты, «джикеи» эти, с Бариновыми им на одной планете тесно.

К тому же где-то в тайге, если пурга не замела, гуляет Сурен с парашютистами. Конечно, много шансов, что их замело, но, может, и нет. У этих ничего конкретно, кроме Вани Соловьева, нет на уме. Все прочие — кандидаты в покойники, даже Середенко, потому что сдался нам. И остальные его люди, соответственно...

Нет, не хотелось мне, чтоб пурга кончилась хотя бы до того момента, пока я не придумаю, как крутиться.

Но она кончилась...

БЕСЕДА ПОСЛЕ ПУРГИ

Прекратилась пурга в одну прекрасную ночь. Дежурили Глеб и Фрол, все прочие дрыхли. Поэтому только они запомнили, как постепенно стихал ветер, как вихри и мельтешня колючего снега заменились плавным снегопадом, как затем и плавный снегопад закончился, как очистилось небо и засияли на нем звезды и яркая луна.

Еще загодя, предполагая прекращение пурги, мы договорились, что дежурные будут назначаться совместно от моей и сорокинской команд. Мера доверия, так сказать.

Кроме того, условились, что в случае окончания пурги меня и Сорокина сразу же разбудят.

Ребята честно выполнили обещание. Растормошили нас часа в три ночи.

— Все! Кончилась! — услышал я спросонья. — Пурга кончилась!

— Пошли глянем! — сказал Сарториус, натягивая ушанку.

Вылезли на крыльцо. Было на что поглядеть!

Высоко над сопками серебрилась огромная яркая луна. Сверкала она так, будто там, на этом

спутнике Земли, ожидалась инспекторская проверка, и целая армия лунатиков в течение предыдущей недели скоблила и драила вверенное светило. Я бы на месте проверяющих поставил им «отлично». Звезд на здешнем, ничем не закопченном небе было куда больше, чем в Москве, где дай Бог увидеть летом Венеру, а зимой Юпитер. А тут — и два «ковша» Большой и Малой медведиц, и Орион с мечом на поясе, и Кассиопея в виде W, и еще чего-то, что я из школьной астрономии помнил, но со временем забыл. Клевое было небо! Прямо черный бархат с рассыпанными бриллиантами и платиновой монетой.

Но кроме неба была еще земля. То есть сопки, лес и снег. Конечно, снега — синего, голубого и серебристого — было больше всего. Его намело столько, что местами казалось, будто и двора-то никакого не было. Сугробы доходили до окон, а вот ступеньки крыльца полностью скрылись под снегом, несмотря на то, что до пурги торчали метра на полтора. Хорошо еще — дверь внутрь открывалась. А то бы, наверно, пришлось через окна вылезать. Но не иначе Лисовы дверь навешивали с учетом возможного завала.

Для того, чтоб хорошо отгрести снег и раскопать двор, четверых человек было мало. Но устраивать аврал мы не стали. Уж очень хотелось тихо, без галдежа и шума, полюбоваться небом и горами. Мы вчетвером наскоро раскидали сугроб, наметенный у двери, расчистили небольшую площадочку у крыльца. От работы разогрелись, даже вспотели малость. Потом несколько минут смотрели на звезды, на снег, расстилавшийся по поляне, где стояла заимка, на сопки, напоминавшие чьи-то подогнутые коленки, прикрытые одеялом.

— Что дальше делать будем, господа генералы? — спросил Фрол.

Про него я кое-что слышал от Чуда-юда. Например, знал, что он бывший офицер, майор-афганец, два года учился в академии, но потом нашел способ уволиться «по болезни» и подался в криминал. Фрол еще год назад возглавлял крупную группировку в одной из областей, где контролировал едва ли не четверть всего теневого бизнеса. Именно у него, на заводе по розливу суррогатной водки, сделанной из гидролизного спирта, Чудо-юдо с Зинаидой развернули установки по производству препаратов «Зомби-8» и «331». Сарториус разгромил эти установки. После этого была разгромлена лаборатория на оптовой базе торговой фирмы «Белая куропатка», где Зинаида испытывала «Зомби-8» и «331», а весь персонал, включая Зинку и тогда еще живого Васю Лопухина, как и подопытных Валета и Ваню, был захвачен. По некоторым данным, Фрола Сарториус перевербовал еще накануне. Сорокин довез похищенных до Нижнелыжья, но по дороге на свою базу, расположенную в старых заброшенных шахтах, потерял контроль над Таней-Викой, Ваней и Валеркой. В результате ими стала управлять Зинка, которая ценой двух сломанных ребер, потери Сесара Мендеса и Клары Леопольдовны сумела «свести матч в ничью». А Фрол ушел с Сарториусом. И теперь, судя по всему, был его правой рукой.

Вопрос, который он задал сейчас, был очень непростой. Наверно, ни Сарториус, ни тем более я сразу на него ответить не могли, хотя думали об этом не раз.

— Вероятно, для начала надо двор раскопать, — дипломатично произнес Глеб,

— там ведь, под снегом, мертвецы лежат. Боря и Жора — вон там, где бочка была. Мы их туда с Валеркой отнесли в тот же день, когда пурга началась, чтоб в комнатах не тлели. Да еще эти, суреновские... Сейчас-то они смерзлись, а будет оттепель — начнут гнить. Могут бациллы в колодец просочиться, трупный яд...

— Согласен, — кивнул Сарториус. — Это необходимое дело. Но вообще-то нам надо по более серьезным вещам определиться. Да, конечно, есть у нас сейчас понимание по ряду проблем, временный тактический союз. Так сказать, на время

боя с соловьевской командой и ожидания «у моря погоды». Но вот погода установилась. Что дальше? Будем считать переговоры открытыми?

— Сергей Николаевич, — сказал я, — погода-то установилась, но соловьевские парашютисты — еще нет. То есть мы еще не установили: замерзли они к хренам в тайге или еще оттаять могут? Не думаю, будто они такие простые, чтоб не подготовиться к погодным неприятностям.

— Резонно. — Сорокин, должно быть, не уловил в моих словах никаких подвохов. — Но все-таки надо подумать, как дальше работать и что мы, собственно, здесь делаем. Насколько я понимаю, тут через несколько часов может появиться большая группа ваших, бариновцев. Наверняка Сергей Сергеевич не очень рад нашему временному альянсу. Не любит он делиться. Ты со мной согласен, Коля?

— Я все-таки Дима, компаньеро Умберто. — Мне показалось своевременным это напоминание. — И Сергей Сергеевич Баринов — мой родной отец. Наверно, даже по морде видно.

— Видно. Но я смею надеяться, что ты и он — это два разных человека. Каждый со своей головой и со своим внутренним миром.

— У меня, Сергей Николаевич, нет внутреннего мира, — хмыкнул я. — Во всяком случае, ни от вас, ни от отца там секретов нет. Даже без всяких приборов.

— Это ты преувеличиваешь. Без приборов и я, и Сергей Сергеевич можем только считать с поверхности. То, что ты уже сформулировал и намерен выдать в ближайшие минуты. Но суть, конечно, не в этом.

— А в чем?

— А в том, что ты, положив руку на сердце, не столько сыновний долг выполняешь, сколько боишься против бати слово сказать. Ты ведь внутренне осуждаешь его деятельность, это я точно знаю.

— «Да здравствует Павлик Морозов!»? Это уже было, Сергей Николаевич. Я два раза на один прикол не покупаюсь. Вообще, если вы рассчитываете, что в душе я готов за мировую революцию побороться, то и правда ни фиги в моих мозгах не разбираетесь.

— Может быть. Хотя, знаешь ли, ты сам себя недооцениваешь. Я думаю, ты немного актер. Вжился в образ — и играешь. Циника, бандюгу, труса. А вот то, что ты в самолете нажал красную кнопку, показывает, что в тебе живет герой.

— Сергей Николаевич, моим военно-патриотическим воспитанием еще в детдоме занимались. И в школе, и в комсомоле, и в армии, и в институте... Не надо продолжения. Тем более по старой методике. То, на чем вас с моим отцом воспитывали, к нашему поколению уже не подходило. А к последующим — совсем другие ключи нужны.

— Знаешь, — вмешался Глеб, — по-моему, ты не прав.

— А я доказать могу. Я готов поверить — хотя и говорят, будто это сказки,

— что во время гражданской войны были романтики, готовые жрать суп из воблы, дохнуть от тифа и в конном строю ходить на проволоку и пулеметы, чтоб отдать землю крестьянам где-то в Гренаде. Я даже уверен, что такие были. И их было много. Иначе ни фиги не получилось бы. А потом, год за годом, наше Отечество этот романтизм из горячих голов вышибало, причем иногда — вместе с мозгами. На его место приходил прагматизм. У вашего с отцом поколения романтизма оставалось процентов пятьдесят. У нашего — двадцать пять, а у моих ребятишек

— дай Бог, чтоб на десяток сохранилось. Поэтому, скажу откровенно, не верю я в то, что вы,

Сергей Николаевич, сможете что-то развернуть. Да, народу хреново, но он знает: гражданская война — в два раза хреновой. Не обижайтесь!

— В этом что-то есть, — произнес Фрол, — хотя даже я с тобой не соглашусь. Чего-то мне мешает. Вроде с первого взгляда все верно: живем для денег, а деньги из нас скотов делают. Но в том году, когда у меня их было по горло, я себя чувствовал намного фиговей, чем сейчас, когда их нет. Воли больше, ничто руки не вяжет.

— Это уже не переговоры, — усмехнулся я, — а проповедь. Или политбеседа. Направление бесперспективное. Тем более что у меня политических взглядов почти нет. Давайте ближе к теме. Ситуация в нашем дружном коллективе — известная байка про мужика с волком, козой и капустой. Причем роль мужика-миротворца играет общая опасность от парашютистов Соловьева.

— А остальные роли?

— Волк — это ваша команда, коза — наша, а капуста — Середенко и его малыши. Середенко, пока безоружен, для нас съедобен. А вам — не нужен.

— Тут похуже, — усмехнулся Фрол, — вот придут ваши ребята — и волком станешь ты. Если, конечно, вовремя не взять в заложники.

— Спасибо, но это может вызвать жертвы с обеих сторон. Ваня с Валеркой — суперсолдаты, с ними так легко, как в прошлый раз, может и не получиться. Кстати, не исключено, и Середенко с ребятами вмешается на моей стороне. Может быть, поступим проще? Если вам неприятно встречаться с чудюдовцами — есть время уйти отсюда. Хотя бы в одну из трех охотничьих избушек — к Женьке, Генке или Максиму. Думаю, Дмитрию Петровичу это понравится больше, чем еще один погром на заимке.

— Мысль неплохая, — произнес Сарториус с заметной иронией. — Но, видишь ли, Дима, она подразумевает, что Ваня Соловьев останется у тебя. И ты, при поддержке подкреплений, займешься добыванием тех вещей, за которыми тебя прислали. То есть нам предоставляешь возможность тихо смыться, а себя оставляешь при всех козырях.

— Вовсе не уверен. Во-первых, Ваня нужен мне только как солдат.

— А во-вторых?

— Во-вторых, я не убежден, что моему отцу понравится это решение. Мне кажется, он предпочел бы не выпускать вас отсюда. И даже пошел бы на риск меня потерять, потому что для него гораздо важнее уничтожить вас.

— Ты уверен в этом? — прищурился Сарториус.

— Почти уверен. Вы ведь самый сильный из всех его противников, по крайней мере в научно-технической области. Два года назад едва «фонд О`Брайенов» у него не увели. В принципе вы можете меня под полный контроль поставить. Если, конечно, там опять кодировку не поменяли.

— Поменяли, это я точно знаю, — сказал Сарториус. — Я не могу пройти в микросхему.

— Считывать можете, а в микросхему, которую сами поставили, не проходите? Странно... Не верится что-то.

— Если б ты в этом понимал побольше, то не удивлялся бы. Но это не суть важно. Мне кажется, мы опять уклонились от темы. Ты предлагаешь разойтись с миром и не мешать

Чуду-юду. Даже делаешь вид, будто спасаешь меня от гибели. Возможно, ты сам себя убеждаешь в том, что поступаешь благородно. На самом деле ты, с одной стороны, побаиваешься, что я могу сгоряча тебя уничтожить, а с другой — опасаясь, что батя даст тебе нахлобучку, если я раньше вас доберусь до тех вещей, на которые вы здесь нацелились. Можешь не говорить, будто я ошибся. Это именно так.

— А я и не спорю.

— Этого мало. Я хочу, чтоб ты понял: твой отец слишком увлекся. Ему недостаточно препаратов «зомби», ГВЭПов и перстней Аль-Мохадов. Он хочет обладать такими вещами, которые на десять порядков выше его понимания. Black Vox, который вы утащили из Афгана, — это страшная штука. Может быть, и неплохо, что вы забрали ее у Ахмад-хана, но и в ваших руках она может быть очень опасна. Это все равно что к пульту управления ядерным устройством, подготовленным к взрыву, допустить обезьяну. Если Ахмада и Равалпинди можно сравнить с какими-то другими животными, которые не могут нажать кнопку из-за неприспособленности конечностей или недостаточного интеллекта для такого деяния, то господин Баринов в соотношении с техническими условиями этого прибора находится именно на уровне обезьяны. Не обижайся, это объективное мнение. И ты, и я, и он, и любой гений на этой планете — обезьяны по сравнению с теми, кто умеет делать эти «Черные камни». Я знаком с длинной историей Black Vox`а и знаю, что, как правило, с ним обходились как с предметом культа. Вы похищали некий магический кристалл, не имея понятия о всех его свойствах. Те, кто пытался его изучать, даже не знали, как подступиться к нему. Мне тут недавно довелось ознакомиться с содержанием отчетов — детский лепет! Как раз тогда мне и пришла в голову аналогия с обезьяной. Попав к пульту управления ядерным устройством, она примется нажимать на разные кнопки, переключать тумблеры, бегать по панелям. И есть вероятность, что случайно включит цепь, вызывающую взрыв. Гораздо безопаснее обезьяны, скажем, баран. У него меньше интеллекта и нет рук, чтобы нажимать кнопки. Улавливаешь ситуацию?

— Стало быть, лучше, если б Black Vox остался в Афгане? Но им любой дурак может научиться управлять...

— Даже так? Почему же он у вас не работает?

— Батарейки кончились, — пошутил я, вспомнив прикол Майка Атвуда.

— Остроумно. Но это на том же уровне, что сказать, как средневековые схоласты: «Треугольник ABC равен с Божьей помощью треугольнику A510B510C510», вместо строгого геометрического доказательства, известного еще Евклиду, жившему за тысячу лет до этого. То, что кому-то удавалось привести его в действие с помощью рукоположения и просовывания пальцев в колечко, еще ничего не значит. У одних может получиться, у других — нет. Твой отец, не разобравшись с тем, маленьким Black Vox`ом, решил утащить большой. Хотя лишь по внешнему виду — да и то пока по фотографии — убежден, будто это одно и то же. А вдруг нет?

— Вполне может быть, — сказал я. — Но неужели, Сергей Николаевич, встречаясь с чем-то непонятным, надо накладывать на него табу? Не трогать руками, не пытаться понять и так далее? Зарыть башку в песок, как страус, и сделать вид, что этого нет? Или, может, как в 1937-м, перестрелять всех, кто видел и слышал то, что с марксизмом-ленинизмом не согласуется?

— То, что тогда произошло, — сказал Сорокин, — было вовсе не из-за того, что находки не согласовывались с марксизмом. Все с марксизмом прекрасно согласовывалось. Тогда у нас двадцать тысяч чекистов репрессировали. И эти одиннадцать — капля в море. Случайное совпадение.

— Но документы-то укрыли?

— Не укрыли, а потеряли. Как и почему, неясно. Но, может быть, это и к лучшему. Тогда еще меньше, чем сейчас, были готовы к восприятию этой штуки и контактам с инопланетянами.

— Сергей Николаевич, можно нескромный вопрос: вы в наши компьютеры лазили? Видео пленку смотрели?

— Лазил и смотрел, — не стал запыраться Сорокин, — я не обещал, что буду оставаться неинформированным. Это не в моих правилах.

— Я не в претензии, меня другое интересует. Неужели вам кажется, что люди не должны знать ничего об этой зоне, о «Черных камнях», о дирижаблях, о том, что в здешней земле два инопланетянина похоронены?

— Понимаешь, Дима, это преждевременные знания. И так по всему миру время от времени прокатывается треп о «летающих тарелках», о том, что правительства скрывают информацию. Причем наворачивают на это всякую мистику и псевдорелигиозную чушь. Но это все ерунда. Обычное стремление журналюг раскопать хоть небольшую, но сенсацию. Хотя сейчас любой дворник с похмелью может придумать сказ и про существо трехметрового роста, и про «тарелки», которые влетели в окно тридцать шестой квартиры. И очень убедительно рассказать это перед телекамерой. Сейчас это перестало удивлять — и слава Богу. Но сведущие люди, которые знают о том, что есть на самом деле, помалкивают. Изучают тихо и скромно, никуда не торопятся. А твоему батю надо быстро, много и сразу. Он даже не думает, по-моему, что «Большой камень» вполне в состоянии разнести нашу планету на атомы. Или даже солнечную систему, а может быть — Галактику.

— Покамест я знаю об этой штуке, что она умеет синтезировать из ничего разные вещи.

— Между прочим, нечто подобное некогда было сооружено в одном закрытом «ящике». Слышал?

— Универсальный регенератор? — припомнил я биографию Васи Лопухина.

— Да. И в США над ним работали тоже. Гордон Табберт, например.

— Табберт... Знакомая фамилия. Только не вспомню, где слышал.

— Позже вспомнишь. Но про то, чем кончились эти исследования, слышал?

— Петра Первого регенерировали...

— Байка это, по-моему. В это, кроме Василия Лопухина, никто и по сей день не верит. Он умер, как я слышал?

— Увы...

— А вот полковник Дроздов, бывший сослуживец твоего бати и участник работы с Михайловым-Романовым, жив. И прекрасно помнит всю эту историю. Сложный парень, детдомовец, прослышал, будто в подвале института стоит сейф с платиновой проволокой. Ну и пролез. Сейфа с платиной, конечно, не нашел, но зато обнаружил другой, с бутылкой спирта. Взломал, насосался и пошел бродить. Забрел в незакрытую дверь лаборатории, где стояла установка известного тебе Игоря Сергеевича, в тот момент, когда перепуганный Вася прятался под пультом, дожидаясь взрыва, и «ради понта» залез в бокс регенератора. При этом был одет только в полотняную женскую рубашу, украденную им накануне с веревки за два квартала от института... Остальную одежду бросил в сейф, из которого спирт похитил. О том, что было дальше, ты должен знать.

— Не очень достоверно все это выглядит. Бродяга забирается на закрытый режимный объект — это раз, ведет себя как идиот, хотя на самом деле таковым не является, — это два, объявляет себя Петром I и не путается в исторических фактах — это три.

— Тем не менее теоретические построения Игоря Сергеевича были начисто опровергнуты. И не только тем, что, согласно его теории, затраченной энергии не хватило бы даже на регенерацию одного ногтя с пальца Петра. Главное опровержение — взрыв его установки. А через две недели на аналогичной установке взорвался Табберт. Причина смерти та же — электромагнитный импульс.

— Ладно, пусть так. Но какое отношение история с Петром и Васей имеет к «Черному камню»?

— Самое прямое. Ты знаешь, что если вещи предназначены для одного и того же, то они могут и вести себя одинаково?

— Шибко мудрено, товарищ полковник.

— Ничего не шибко. Если взорвались регенераторы, предназначенные для создания предметов из атомов и элементарных частиц, то и «Черные камни», предназначенные для того же, могут взрываться.

— Вы же сами сказали, что наша техника по сравнению с техникой «длинных»

— обезьянья.

— Однако принцип поражения цели с помощью метания был открыт еще обезьянами и сохранился до сих пор. Люди им широко пользуются, хотя и на совсем другом техническом уровне. Да, возможно, Black Vox имеет хорошую fool proof, «защиту от дурака», но слишком умный дурак может найти способ ее снять. И тогда я, как выражался говорящий сверчок из «Золотого ключика», не дам за жизнь земной цивилизации «даже одной дохлой мухи».

Я задумался. Начиная с 1983 года мне уже не раз приходилось иметь дело с вещами, требовавшими осторожного обращения. В том числе и такими, которые действовали на каких-то не известных науке принципах. Пока, слава Богу, как-то обходилось, но везти может ограниченное количество раз.

— Допустим, вы меня убедили, — сказал я осторожно. — Может, вы и правы, что человечество до таких игрушек не доросло. Но они ж никуда не денутся, если я, скажем, завтра уберусь отсюда. Ладно, допустим и то, будто я смогу убедить Чудо-юдо, что трогать «Камень» нельзя. Хотя сразу скажу, ни хрена из этого не выйдет. А что дальше? Вы сами его заберете? Или тоже не станете трогать?

— Лежал же он здесь полета лет, и ничего не происходило, — сказал Сарториус, по-моему, не очень уверенно.

— Но ведь это не означает, что завтра или послезавтра сюда не придет еще кто-то... Все равно кто-то ведь доберется.

— А-а, вот оно что! — усмехнулся Сергей Николаевич. — Тебе захотелось быть первооткрывателем. Прославиться на весь мир, чтоб на первой полосе «New York Times» раскатили:

«2 UFO was recognized in Siberia!!!

Russian NKVD expedition in 1936 founded 346 fragments of Flying Plate and nobody was informed about this fact. All members of this detachment, 11 NKVD officers obtained the NKVD captain (Red

Arty colonel) Saveljev were gunned by Stalin and Beria. In January 1997 secret is over — 6 free «new Russians», led by Dmitry Barinov (son of Sergei Barinov, a famous scientist) in parapsihologie and businessman, formed KGB major-general) came to the Portchenaja-river (Middle Siberia region) and opened the door to contacts between civilizations. Dr. Malcolm R. Tabbert from Prinstone University said, that new Russia must be as satisfied of this fact as the USSR was satisfied Gagarin`s flight in 1961». It's your dream, isn't it?

Мне показалось, Сорокин не случайно перешел на английский и протараторил эту тираду очень быстро. По-моему, ему хотелось проверить, знает ли Глеб английский. Видимо, насчет Фрола у него сомнений не было. Наверно, если б выяснилось, что Глеб понял этот достаточно простой текст, то перешел бы на испанский. Сергей Николаевич наверняка при этом воспользовался своим умением считывать мысли — в доверчивости его не упрекнешь.

Лично для меня наиболее любопытно было услышать про какого-то Малькольма Р. Табберта. Про Гордона Табберта, взорвавшегося вместе с установкой, аналогичной «универсальному регенератору» Игоря Сергеевича, мне несколько минут назад рассказал Сорокин. Про Джека Табберта — «голубого» миллионера — мне рассказывала Ленка. А кто такой Малькольм? Чем он там, в Принстоне, занимается?

Но хотя Сорокин наверняка прочитал об этом у меня в голове, он на мой невысказанный вопрос отвечать не торопился.

Да, мне было интересно, с чего он упомянул Малькольма Табберта. Но я не стал спрашивать. Вместо этого я вдруг сказал:

— А знаете, что самое смешное в этом деле? В том, что тут, как и в истории с Петром, все может оказаться сущей ерундой и враньем. Все эти документы, фотографии, обломки, пришельцы — умело сделанная фальсификация. Может быть, тот же самый неудачник Родя ее сработал от скуки и в надежде зашибить деньгу. А может, Лисовы, чтоб чекистов напугать... Ведь большая часть всего — устный треп. Кино могли снять для каких-то иных целей, например, для какой-то пропагандистской операции. А может, вообще ничего нет и никогда не было? Просто Дмитрию Сергеевичу, как это часто бывало, ввинтили в голову кусок искусственной реальности, который он воспринимает как истинную память. А сделал это Сергей Сергеевич Баринов, у которого сейчас серьезные дела в Швейцарии и он попросту использовал меня как отвлекающую приманку. А вы на нее клюнули...

В первый раз, без малого за 14 лет знакомства с Сорокиным (хотя встречались мы раза три или четыре, не больше), я увидел Сергея Николаевича не просто озадаченным или взволнованным. Это было настоящее смятение. Только что он выглядел очень уверенным, убежденным. Подтрунивал надо мной по поводу моего якобы желания прославиться. А тут прямо-таки опешил. То, что я высказал Сарториусу, не было плодом долгих размышлений. И я почти уверен, что идея эта не прилетела ко мне в голову через микросхему. Если б она долго вызревала, Сарториус ее успел бы считать. А если б она пришла как подсказка РНС от Чуда-юда, то, наверно, не была бы такой глупой. Получился, похоже, настоящий экспромт, который произвел на Сорокина ошеломляющее впечатление.

К такому повороту он был не готов. У него уже имелась своя прочная концепция насчет Чуда-юда и его устремлений к обладанию «Черными камнями». И тут я, с «легкостью мыслей необыкновенною», поставил все с ног на голову. Даже не понимая толком, какой силы удар наносу. Более того, я это свое заявление даже как серьезное не рассматривал. Очень может быть, что человек с меньшим опытом и с большим легкомыслием воспринял бы мое выступление как шутку. И правильно сделал бы.

Но Сарториус, у которого мозг за долгие годы приучился мыслить аналитически, отмечать малейшие изменения в интонации и психологическом состоянии партнера по диалогу,

попался в сети, которые я вовсе не ставил. Он

тут же понял, что располагает не подлинной, а опосредованной информацией. Ведь он не прикасался ни к одному подлинному документу группы «Пихта». Максимум, что он видел, — это сканированные в память компьютера копии. То есть ему нельзя было ни провести экспертизу бумаги, ни уточнить химсостав чернил. Он не мог проверить подлинность пленки, на которой был отснят фильм сержанта Кулемина, поскольку здесь, на заимке, имелась только видекопия. И фотографий подлинных не было, и диапозитивов. Лишь электронные копии. Наконец, у него имелась информация, считанная у меня с мозга. Но поскольку я походя бросил словечко об искусственной реальности, у него и к ней появилось недоверие.

Возможно, если б я сразу же понял, что произошло с Сорокиным, то он, прочитав мои текущие мысли, быстренько спохватился бы и отбросил все сомнения. Но я, болтанув языком, смог по-настоящему все осмыслить намного позже.

— Ты уверен в этом? — Сарториус сдвинул брови.

— Конечно, нет, — произнес я, — мне таких тонкостей не доверяют. У меня уже было несколько случаев, когда я не знал точно, что происходило на самом

деле, а что мне Чудо-юдо моделировал. Например, с Белогорским. Помнитетакого?

— Генерала помню.

— Нет, я имею в виду его сына. Вадима Николаевича. До сих пор не знаю, застрелил я его из зонта-револьвера, как утверждает Чудо-юдо, или он умер от воздействия перстней Аль-Мохадов. Или летом 1994 года, когда вы нас с Таней похищали с «ан-12»... Было это или нет?

— Я и сам точно не знаю... — пробормотал Сорокин. Он потерял уверенность в себе. Можно прекрасно разбираться в нейролингвистике, в биофизических возможностях ГВЭП, в психотропных препаратах и прочей фигне, но при этом оставаться самым обычным человеком. А товарищ «главный камуфляжник» настолько привык сбивать других с толку имитационными картинками, что, должно быть, как и я, стал временами терять ощущение грани между натуральной и искусственной реальностями. Короче говоря, сам себя запутал. Но и все эти выводы я сделал не тогда, а намного позже, отчего Сарториус не смог докопаться до моих рассуждений и изучить их. Да еще и в собственном его стане начались волнения.

— Ну вы, блин, даете! — явно подражая актеру Булдакову из «Особенностей национальной охоты», обалдело сказал Фрол. — На фига ж мы, Серега, столько народу перебили? Выходит, Баринов нас надул? А завтра, того гляди, нагрянут цветэмошники. Я лично с ними встречаться не хочу. Даже больше, чем со своей бывшей командой из области.

— Погоди паниковать! — резко оборвал его Сергей Николаевич.

— А я не паникую, — огрызнулся Фрол. — Я у тебя почти год кантуюсь, но понимать тебя еще не научился. Ты так много в себе держишь и так много о других хочешь знать, что крыша может поехать... Все твои чудилки на тебя же и перекинутся.

— Правильно, — сказал Сарториус. — Пора передохнуть. Буди ребят, пусть тихо поднимаются. Уходим отсюда!

— Может, до света подождем? — огорошено произнес Фрол. Он, хоть и повлиял на решение, столь скоропалительно принятое Сергеем Николаевичем, не был готов к такому резкому повороту событий.

— Нет, — безапелляционно заявил Сарториус. — Именно сейчас. Лучше выступить затемно, но до места дойти засветло.

Фрол пошел играть подъем. Конечно, пробудились все. И прежде всего Лисов.

— Николаич, — спросил он, — далеко ли наострился?

— Загостился, — ответил Сорокин. — Прогуляемся, пока погода. На Верхнелыженские рудники. Кто будет спрашивать, так и сообщай.

— Ох ты! Силен! Туда ж полтора верст будет. А если реками пойдете, так и больше. Не то что засветло, а за четыре дня не доберетесь.

— Ну, нам главное до ближайшей ночевки засветло добежать.

— А не умяетесь с непривычки?

— Ничего, ребята здоровые.

— Какие ж здоровые, когда у Ахметки рука пробита!

— На «Буране» поедет, а мы на буксире за ним.

— Померзнете, якуня-ваня! — озаботился Лисов. — Ночевать-то где станете? Деревень тут по дороге не будет. Избушки хоть знаете?

— Не волнуйся, Петрович, дорога хоженая, пройдем.

ЯВЛЕНИЕ ОТЦА СЕРГИЯ

Они ушли. Укатили на буксире за «Бураном». Лисов на прощание сделал жест, который при большой фантазии можно было назвать «крестным знаменем».

— Поругались, что ли? — спросил Дмитрий Петрович, отозвав меня в сторонку.

— Зачем? Нормально разошлись, по-хорошему.

— Ну-ну... Давайте тогда снег чистить, что ли, вместо утренней зарядки.

Светало не спеша: сперва небо стало сереть, потом над горками порозовело, зазолотилось. Потом выпорхнули из-за сопки первые лучики. Но мы особо небом не интересовались, мы снег чистили. Добровольно и все вместе. В хозяйстве у Лисовых набралось четыре деревянных лопаты. Валерку и Ваню к работе не привлекали. Они засели на крыше с пулеметами и внимательно посматривали по сторонам, охраняя наш мирный труд.

Постепенно находили под сугробами тех, кого завалили неделю назад. Первыми откопали Бориса и Жору, потом начали доставать «ихних».

— Что ж теперь будет-то? — задал вопрос Лисов, поеживаясь при виде обледенелых, закаменевших тел, которых мы почти что вырубали из плотного наста. — Хоронить ведь надо... Документов нет, небось и имя не узнать.

— В прокуратуру только не заявляйте, — полушутя посоветовал я, — а то неприятностей не оберетесь.

— Да уж куда там... Палил ведь сам. А моего тут нет. Он там, за забором лежит, вон лыжа торчит. Ты думай, надо их девать куда-то.

— Взрывчатка у нас есть, — сказал я. — Перфоратор имеется. Забурился — выроем ямку.

— Начнете грохать — зверей разгоните, — буркнул Лисов. — Ох, едрена вошь, зла на вас нет!

Я подумал, что Дмитрий Петрович при определенных условиях может стать очень неприятным собеседником. А мне сейчас вовсе не хотелось усложнять жизнь. Потому что с уходом Сарториуса — далеко ли он ушел, кстати, я еще не знал — баланс сил на заимке и вокруг нее серьезно изменился.

На самой заимке осталось тринадцать человек. Число не самое приятное. Не в смысле того, что меня суеверия одолели. Просто у меня было пятеро здоровых (включая самого себя) людей, а у Гриши трое здоровых, один обмороженный и двое раненых. Гагик через пару дней мог забыть о своих недомоганиях, однако и сейчас уже способен был и махать кулаками, и стрелять. Колун хоть и хромал, но вполне мог при случае кого-нибудь пристрелить. Бобышка, у которого рука нормально срасталась и заживала, неплохо держался на ногах, и на то, чтоб открыть огонь левой рукой, его бы хватило. Сам Гриша, Вовик и Славик, может быть, немного опухли без свежего воздуха, но сил у них если и ubyло, то ненамного. В общем, у Гриши потенциально было преимущество. Лисовы вряд ли выступили бы против меня, но они вообще не поддержали бы какую-либо разборку. Нельзя было скидывать со счетов и такой вариант, при котором Дмитрий Петрович и Женька постарались бы отделаться от всех незваных гостей сразу. У них в хозяйстве мог и стрихнин завалиться... А насчет прокуратуры-ментуры я не очень беспокоился. Закон — тайга, медведь — хозяин...

Из тех, что находились вне заимки, больше всего беспокоили парашютисты. Сколько их было, я толком не знал. Нашли мы пока только четверых из них. Сарториус тоже мог немного пошутить и отправиться вовсе не за сто верст, а куда-нибудь поближе. Наконец, были еще Генка и Максим Лисовы, с которыми я не имел чести познакомиться и потому не знал, чего от них ждать. Особо плохого могло и не быть, но и рассчитывать на то, что Лисовы будут в великой радости от разгрома, учиненного на заимке, тоже не приходилось.

Как раз в то время, когда Лисов велел шабашить, так как уже приготовил всем нам утреннюю кашу, я подумал, что не худо бы Чуду-юду выслать свой десант поскорее. Потому что мне здесь самому не разобраться.

Почти в ту же минуту — я уже подходил к крыльцу по расчищенной дорожке — до моих ушей долетел слабый звук вертолетного двигателя. Тарахтелка явно приближалась. Еще через пару минут я понял, что вертолетов минимум два.

Конечно, народ заинтересовался. Все, кто уже зашел в дом, вылезли обратно на двор.

— Так, — мрачно произнес Лисов, — стало быть, мне кошка не зря гостей намывала. Припожаловали!

Это было не просто стариковское ворчание. Мне послышалась в этом замечании скрытая угроза. Мол, знаете, граждане свободной России, вы меня уже заколебали!

Из-за дальних сопков, примерно с той стороны, где по первой прикидке располагалось Нижнелыжье, появились две темные точки, одна покрупнее, другая помельче.

— Один, по звуку, Володька Сухарев, — прикидывал Лисов-старший. — «Ми-восьмой». А второй уж больно басовит. Тяжелый, вроде «шестого», только их на Нижнелыжье нет. Такому тут не сесть, лед продавит.

Вертолеты приближались. А в моей голове отчетливо прозвучало:

— Привет! Ну що, Маугли, змерз? — Чудо-юдо вышел на связь через микросхему РНС.

— «Как всегда, вовремя!» — это я произнес мысленно, но отец услышал.

— Зато посмотри, какого красавца пригнал — «Ми-26»!

— Почем брал?

— По сходной цене в аренду. Ненадолго. Он пойдет прямо на «Котловину». А мы будем у вас через четверть часа.

«Ми-8», постепенно снижаясь, явно намеревался сесть там же, где садились мы. Видимо, это был тот же самый вертолет. А вот «двадцать шестой», величаво вращая огромным шестилопастным ротором, проплыл над заимкой на двухкилометровой высоте. Это оранжевое чудовище уже пересекло всю прогалину, на которой находилась заимка, когда из его хвостовой части почти что залпом вывалились десять парашютистов. Хлоп! Хлоп! — купола раскрывались один за одним. Вертолет слегка накренился, поворачивая в сторону от реки, и гудение его постепенно угасло где-то за сопками.

Парашютисты построились в спиральку и, чуть смещаясь под влиянием бокового ветерка, стали один за одним приземляться на прогалину, где стояла заимка. Приходили очень точно — метрах в двадцати от забора, с разбросом не более пяти метров друг от друга. При касании первые маленько зарывались в снег, но следующие садились на погашенные и разостлавшиеся по поляне купола предыдущих, хотя и не допускали посадок на шею друг другу.

Все десять прилетели с лыжами, увязанными в чехлы, при автоматах с подствольниками и очень солидными укладками, ради которых пожертвовали запасными парашютами.

Судя по всему, эти парашютисты были отнюдь не от слова «параша». О том, что такие подразделения входят в систему СБ ЦТМО, я и слыхом не слыхивал.

Лыжи ребята не разворачивали, протопали к воротам, выстилая себе дорожку куполами. От ворот до самой избы дорожка была уже прочищена.

Меня, как видно, знали в лицо, потому никакой настороженности не было, да и вообще они действовали очень спокойно, без опаски. Должно быть, Чудо-юдо каким-то образом контролировал обстановку вокруг заимки.

Рокот «Буранов», поднимающихся от реки по просеке, потонул в более мощном урчании вертолетов, поэтому снегоходы выскочили к заимке почти внезапно. На головном из них, не очень отличаясь от остальных, одетых примерно так же, как группа Сорокина, то есть в белый камуфляж, ехал Чудо-юдо.

С ним было еще пятеро. За спиной водителя второго снегохода просматривалась Зинка. На третьем я с еще большим удивлением увидел смугленькое, хотя и очень побледневшее личико научной мышки Лусии Рохас. То, что она и Эухения Дорадо находятся в распоряжении ЦТМО, я знал, но в Москве с ними не виделся. Тетушку Эухению, видимо, тащить в Сибирь не решились, а вот Лусию, бедную теплолюбивую мышку, от такой экзотической поездки не избавили. Судя по тому, что отец еще и Зинаиду привез, речь шла о каких-то исследованиях.

— Куда ж мне все это девать? — растерянно хлопал глазами Лисов-старший. — Да еще и бабы...

Но Чудо-юдо такие вопросы не смущали.

— Здравствуйте, Дмитрий Петрович! — сказал он Лисову, как старому знакомому. — Небось не узнаете?

— Нет, — озадаченно и даже испуганно помотал головой таежник, — чую, что начальство, а признать не могу... Давно телевизор не смотрел.

— Начальство! Ха-ха-ха! — раскатисто захохотал Чудо-юдо. — Ну, ты даешь, Лисенок! А Сережку Ссылного не признал? Лисов заморгал заиндеветыми бровями:

— Сережка? Ссылный? Учителя сын?

— Ну! Неужто забыл, как шишки кулемой били?

— Да тот вроде пониже меня был... — Дмитрий Петрович недоверчиво взял отца за рукав маскхалата.

— Полета лет назад, может, и ниже. А когда учиться уезжал, то уже перерос.

— Что-то есть... — Лисов все еще не очень верил, а я наскоро припомнил смутно известный мне эпизод семейной хроники, когда Чудо-юдо со своей матерью, то есть моей бабушкой, были за что-то высланы в Нижнелыжье, а старший лейтенант госбезопасности Сергей Владимирович Баринов отправился туда же на поселение как якобы сактированный из лагеря, но на самом деле выполнял там какое-то спецзадание. Поскольку Чудо-юдо не очень любил раскрывать всякие семейные тайны, я и сейчас толком ничего не знал ни о сути этого задания, ни о том, за какие грехи пострадали мои предки от «культы личности». Но вот о том, что Лисов-старший — его друг детства, Чудо-юдо мог бы, наверно, меня предупредить. По крайней мере, у меня было бы меньше сложностей в общении с Дмитрием Петровичем.

Чудо-юдо на ходу раздал указания парашютистам, и они как-то быстро разбежались по углам, взяв под контроль все подступы к заимке. «Ми-8», снявшись с реки, полетел обратно в сторону Нижнелыжья. Водители «Буранов» стали разгружать с нарт какое-то снаряжение. А мы пошли кашу есть.

Завтрак этот протекал довольно странно. Мы, условно говоря, «хозяева», лопали, а гости за стол садиться не спешили. Впрочем, Богдана с Глебом Чудо-юдо прежде заставил восстановить свой спутниковый комплекс связи. Он ему требовался для связи с «Ми-26», который, как выяснилось, уже приземлился в «Котловине».

Середенковцы чувствовали себя неудобно, хотя Сергей Сергеевич вроде бы и не обращал на них внимания. Зато им явно не нравилось, что их усадили за отдельный стол, в другой комнате, у открытых дверей которой почему-то уселся Ваня с «ПК» на коленях. А Валерка, тоже смененный с поста на крыше цветмошными парашютистами, в это время ритмично метал в рот гречку с тушенкой. Потом он уселся на место Вани в той же позе и с теми же, судя по всему, функциями. Гриша понимал, какие это могут быть функции, и беспокойно поглядывал через дверь туда, где за столом сидел я с Зинкой, Лусией и Лисовыми.

В такой обстановке ели без большого аппетита, хотя каша из чугунка была необыкновенно вкусная. Будь здесь Ленка в своем изначальном варианте, она бы уже наговорила кучу комплиментов кашевару и оживила бы обстановку за столом. Но Зинуля, несмотря на свое внешнее сходство с Хрюшкой, была совсем другим человеком. Насупленным, сосредоточенным и неразговорчивым. Кроме того, она определенно испытывала дискомфорт от непривычной среды и, вероятно, серьезные опасения насчет местности, где табунами бегают пришельцы и на каждом шагу мерещится чертовщина.

Лусия Рохас тоже чувствовала себя не в своей тарелке. Хотя, по моим скромным подсчетам, она уже второй год обитала на территории бывшего СССР. Она производила впечатление

жительницы Земли, которую каким-то фантастическим способом перекинули на другую планету. При этом не объяснили толком, зачем и почему. Ясно, что она просто обалдела и не могла отделаться от ощущения, что ей все это снится. Может быть, она сейчас внутренне отстранилась от всего происходящего, ушла в себя, надеясь, что те самые могущественные силы, которые унесли ее с тропического острова в неведомые края, когда-нибудь вернут ее на прежнее место.

Конечно, Лусия привлекла внимание Лисовых своей нерусской внешностью. Женька испытывал особенное любопытство. Ведь он в западном направлении дальше Красноярска никогда не бывал. Срочную служил в Забайкалье, а потом и вовсе из родного района никуда не выезжал. Ему занятно было, что такая смуглявочка в эту глухомань залетела. Но спросить казалось неловко, а Чудо-юдо был слишком занят, чтобы заниматься представлением гостей хозяевам. Да и папаша Лисов сидел рядом и тоже посматривал на Лусию с любопытством, и Женька не решался задавать вопросы поперед батьки.

Так или иначе, все ели молча. Я потому, что Чудо-юдо мне никаких переговоров не поручал и не давал полномочий кому-либо что-либо объяснять. Даже Зинку не хотелось спрашивать — уж очень она выглядела озабоченной. Так мы и сидели, шаркая ложками по мискам и тарелкам, пока не появился, закончив все дела, Чудо-юдо.

— Ну, — сказал он по-свойски, — кашки оставили?

— Бегал бы подольше, так и прозевал бы, — заметил Лисов. — Вон сколько ртов собралось, пол-Москвы в гости привез. А мне тут до весны еще жить. Войну мне устроили...

— Мы здесь, Петрович, надолго не осядем и войну постараемся закончить. Не очень красиво получилось, признаю, но мы тебе все компенсируем. Хочешь, я тебе здесь каменный особнячок поставлю с центральным отоплением?

— На хрен он мне нужен, — ответил Лисов. — Вы мне забор поломали, пару клетей сожгли, мастерскую взорвали, ворота повалили — вот это и ставьте. А каменный дом — это не по здешним местам. Его и не вытопить будет. Тут котельная, если ее соорудить, уголь тоннами жрать станет, а мазут — цистернами. Да притом еще и округу мне закоптит так, что зверье уйдет.

— Добро! — согласился Чудо-юдо. — Отремнтируем все в кратчайшие сроки. С продовольствием тоже поможем. Пиши, что надо, на сумму до миллиарда включительно. В течение двух дней получишь.

— Ты кто, министр, что ли? Миллиард обещать?

— В наше время, Лис, это не деньги. Ты сам небось пуха на сотню «лимонов» сдаешь...

— Сколько сдаю, столько сдаю. Но до миллиарда еще не дорос. Ты мне лучше скажи, сам на «Черный камень» нацелился или государство послало?

— А как бы ты хотел?

— Мне-то по фигу кто, только ежели ты и впрямь собрался его вывозить, то головой, должно быть, не думал.

— Думал. Много думал. Нечего ему тут у вас без пользы валяться.

— А у вас он там пользу принесет?

— Может, и принесет.

— Бог с ним. Отведу вас туда. Но что там будет и уйдете ли вы оттуда — это уж не мое дело.

— Ну, как выйдет, так выйдет... Завтра пойдем.

— Ладно, сходим, но помни; я тебя предупреждал. И вот еще что. Баб отсюда отправлять надо. Не для них это место. Зря привозил. Наши вот сюда ни ногой. А ты аж двух привез. Кто они хоть тебе? Невестки? На дочек непохожи, для жен

— моложавы больно.

— Зина, — представил отец, — невестка и есть. Только жена не вот этого обалдуя, — он слегка шлепнул меня ладошкой по затылку, — а младшего, Мишки. Она у нас человек ученый, кандидат наук, того гляди, доктором будет. А вот эта скромница, — он похлопал по плечу Лусию, — иностранка из Латинской Америки, стажирруется у нас. Можно звать Люсей, она отзывается.

— Эх-ма, — дурашливо почесал в затылке Лисов-старший. — Стало быть, к нам, дуракам, еще кто-то и учиться приезжает?

— Зачем вы так? — произнесла Лусия по-русски, причем очень чисто. — Россия — великая страна, и у нее великая наука. Есть много такого, чему надо учиться.

— Только не тому, как хозяйничать, — заметил Лисов. — И политику вести. У вас, Людмила, страна-то большая?

— Маленькая, — ответила сеньорита. — Крохотный островок.

— Тепло там? — рискнул вставить словечко Женька.

— Жарко. Тридцать градусов тепла — нормальная температура. Когда плюс пятнадцать бывает — трясемся от холода. А у вас тут и сорок градусов не мороз, я знаю.

— Между прочим, у нас летом тоже за тридцать тепла бывает, — похвастался Женька. — Даже сорок случается...

— Я знаю: континентальный климат. Евразия.

— Во-во, — ухмыльнулся старший Лисов. — Так и есть. Но все одно, девушки, нечего вам тут делать. Покуда беды не вышло, Сережка, увози их отсюда.

— Пока не объяснишь почему — не повезу, — сказал Чудо-юдо серьезным тоном. — У них тут, между прочим, большая научная программа намечена. Я их сюда не для красоты вез.

— Да уж, вы, Дмитрий Петрович, объясните повнятнее, что нам тут угрожает,

— строго произнесла Зинаида. — В прошлом году, например, я себе два ребра сломала неподалеку от здешних мест. Может, у вас климат к тому располагает?

— Это где ж ты сподобилась, ребрами-то?

— На Лыже, реку такую знаете?

— Нет, Лыжа — она сама по себе. А в наших местах статистика плохая. Баб здесь было за всю историю штук десять и все пропали. Вот так.

— Это как пропали? — взволнованно спросила Лусия.

— Совсем. Исчезли неизвестно куда, сколько ни искали — косточки не нашли.

— А конкретно? — нахмурился Чудо-юдо. — Примеры приведи.

— Пожалуйста. Матрена Водолагина в войну — здесь пропала. Ты сопливый был, не помнишь ее, а я-то в сорок пятом уже в первый класс ходил.

— Подумаешь, на два года старше... — обиделся отец. — Помню я эту Матрену. Но как она пропала — не знаю, не рассказывали.

— Матрена была из баб первой добытчицей, — важно сказал Лисов. — Сам дед Кислов ее уважал. Мужа у нее еще в сорок первом убили, трое ребят на руках, больших, правда, уже, не моложе чем лет десяти. Дом на них оставить можно, а в тайгу брать рановато. У нее места были близко отсюда. Промышляла добро, сдавала все от и до, но все просила, чтоб дед Лешка ее сюда, на Порченую пустил.

— А дед не пускал?

— Конечно, не пускал. Он мне после рассказывал, что специально для нее на скале варом написал: «Бабам ходу нет!» На Лисьей, как раз там, где за рекой ее места были. А Матрена — заводная. Она из принципа поперла. Первый раз на версту зашла, другой раз подальше, а на третий — вовсе не вышла.

— И пропала?

— Точно так. След от лыж оборвался — и все. Будто на небо вознеслась. И она не первая была, просто сейчас ее раньше других вспомнил. Еще Агафья была, лекарка. Травы знала всякие. Кислов ее еще девкой помнил. У нее муж тоже в Порт-Артуре был, только его на форту убили. Вот эта Агафья во вдовах смолоду и ходила. Замуж не шла, перед революцией в монастыре лет пять прожила, после гражданской, когда монашек большевики разогнали, в село вернулась. А тут, уже перед Отечественной войной, ей мать науку передала. Мать у нее тут по деревням всякими делами занималась: лечила, створаживала, привораживала, порчу отводила... Ну а как пришла пора помирать, ей обязательно все надо передать. Всякие эти секреты. Либо дочке, либо сестре, либо невестке. Пока не передаст, будет всеми болями мучиться, а помереть не сможет. Поверье такое есть, я это не только от Кислова слышал. Агафья, говорят, сперва открещивалась, пряталась даже. А к избе, где ее мать лежала, люди и подойти боялись. Мать шибко мучилась, орала, выла... Кислов рассказывал, будто у нее и голос-то был уже не людской. В общем, Агафью поймали и силком к матери отвели. Она туда, в избу, вошла, и дверь за ней колом приперли, чтоб не сбежала. Бабки говорили, что как мать кричать и выть перестанет, то, значит, передавать колдовство начала. А потом, как из трубы черный дым повалит, значит, все... Так и вышло. Кислов говорил, будто Агафья три часа там была. И точно, как мать ее померла, сажа из трубы вверх пошла. Кислов даже крестился, что вроде бы чернота эта немного была на бабу в черном похожа и перед тем, как развеяться, на четыре стороны поклонилась...

— Ладно, — перебил Чудо-юдо, — это уже сказки пошли. Ты лучше расскажи, как эта Агафья пропала.

— А так и пропала. Летом дело было, она траву собирала. Кислов с сыном здесь, на своей позже, верст пять напрямки от нас, сено косили. Она мимо них прошла, сказала: «Бог в помощь, труд на пользу!» Война еще только началась, мой отец повестку получил, а дед Парамон — нет. Тоже торопились скосить, чтоб успеть. Кислов видел, что Агафья в сторону Порченной пошла, и крикнул: «Агаша, не лезь туда, нехорошо там!» Она обернулась и говорит: «Да я в лес-то не пойду, берегом до Лисовых доберусь, да и назад». Вот так до сих пор и добирается. Где исчезла, как — никто не знает. В болото попасть не могла, ни медведь, ни рысь ее б дочиста, без следа не съели. Тем более они летом сытые, редко на людей кидаются.

— Может, в реку упала?

— Да откуда? Опять же, если упала, утонула или убилась как-то, ее бы рыбаки вынули. Сразу после того, как Порченая в Малую Пареху впадает, тогда сети поперек реки стояли. А в межень на самой Порченой она бы глубоко не ушла. Рассмотрели бы...

— Ну, все это, однако, не очень убедительно, — сказал Чудо-юдо. — Ну, одна баба пропала, ну, другая... А кто может подтвердить, что это хоть как-то связано с особенностями здешней зоны и «Черным камнем»? Есть такие? Нет таких.

— Было бы сказано. Пожалей девок. Неужели мужики за них эту самую науку не сделают?

— Если б могли, я бы их не потащил сюда. У меня зря ничего не делается.

— Ну, рискуй... Ты всегда рискованный был.

— Скажите, Дмитрий Петрович, — вступила в разговор Зина, — а есть какая-нибудь легенда или предание, которое объясняет, почему такое происходит? Может, коренные жители что-нибудь такое знали?

— Эвенки-то? Они в эти места никогда не ходили. Только русские здесь селиться стали. Потому что считали — чем дальше от начальства, тем лучше. Но начальство на Руси тоже упрямое — найдет хоть у черта в зубах. А вообще-то легенда про здешние места есть, только кто ее придумал, никто не помнит.

— Ну и о чем там говорится? — настырно спросила Зинка.

— Да как сказать, — хмыкнул Дмитрий Петрович, — легенда-то малость похабная. Для мужиков, если в подпитии, ее рассказать можно. А женщине ее слушать стыдно.

— Ничего, я всякие вещи слушала. Перетерплю.

Лисов посмотрел на Лусию:

— А вы, госпожа иностранная, не напугаетесь?

Лусия смущенно хихикнула и произнесла:

— Я знаю все нехорошие русские слова. Это не страшно.

— Ну, тогда слушайте...

Лисов уже собирался приступить к рассказу, но тут появился Богдан и сказал:

— Сергей Сергеевич, вас срочно Москва требует.

— погоди, Петрович, не рассказывай без меня, — сказал Чудо-юдо и вышел в комнату, где стоял СППК.

Дверь за собой он захлопнул, и расслышать то, что он там говорил, было невозможно. Отсутствовал он минут пять, а я в это время вышел во двор покурить, причем за мной увязалась некурящая Зинаида.

НЕПРИЯТНЫЙ ВАРИАНТ

Накинув теплые куртки, мы встали на крыльце. Водители «Буранов», распаковав укладку нарт, собирали какие-то не очень понятные конструкции, похожие на кресла с колесиками. Причем на них явно намеревались пристроить небольшие, но, судя по всему, довольно мощные моторчики с пропеллерами.

— Это что такое? — спросил я у Зинки.

— Паралеты, — пояснила она, — будем вести с них воздушную разведку, чтоб не гонять большой вертолет и не жечь бензин. А тут — два двухместных аппарата. Парашютного типа крыло на стропах и моторчик на кресле. Вон там кронштейны, на них ГВЭП монтируется, а также ДЛ — дешифратор Лопухина. Один управляет, другой наблюдает или стреляет. Дай закурить, что ли?

— Ты что, — спросил я, подавая Зинке сигарету, — легкие коптить взялась?

— Я теперь иногда курю... Со злости, — прикуривая от моей зажигалки, сообщила Чебакова с родинкой.

— На что злишься? — Вопрос был вполне логичный.

— На все. — Ответ тоже получился вроде бы исчерпывающий, и потому мне как-то не захотелось спрашивать дальше. Но Зинаида, пустив дым из ноздрей, все-таки пояснила. — Понимаешь, вообще-то должна была ехать только Лусия. Чудо-юдо хотел, чтоб я продолжала работу в Москве. И если б погода у вас установилась раньше, то так и вышло бы. Но тут два дня назад Лариса, которая работает с животными, проверяя на них наши препараты, чисто теоретически обнаружила, что возможен очень неприятный вариант биохимической реакции. Долго объяснять, но суть в следующем. Этим двум ребятам, которые у тебя в команде, Валерке и Ване, было сделано по семь уколов «Зомби-8» и его синтетического аналога препарата «331». Полный курс — восемь инъекций — приводит не только к необратимому превращению их в биороботов, как при употреблении «Зомби-7», но и к закреплению этих изменений на генетическом уровне. Мы в прошлом году, весной, хотели сделать все восемь уколов. Но сделали только семь, чтобы проверить, возможно ли в принципе восстановление у них самостоятельности. По тогдашним Ларисиным выводам получалось, что они в течение десяти месяцев должны полностью очистить организмы от препаратов и обрести возможность совершать волевые действия. На самом деле ничего похожего не происходило. Они остались в том же состоянии, что прошлой весной, и никаких изменений в их поведении не наблюдается. В общем, вопреки теории суперсолдатики остаются такими же биороботами. У Чуда-юда есть препарат «330», предназначенный для нейтрализации «Зомби-7», он должен был по идее снять действие и «Зомби-8», и «331». Но он боялся сразу применять его на людях, заставил Ларису произвести аналоговые эксперименты на мышах и на компьютере.

— И результат получился фиговый... — сказал я, все еще не очень понимая, чего именно опасался Чудо-юдо. Вряд ли боялся угробить мальчишек — он их со мной в Афган посылал, теперь вот — сюда, где тоже стрелять пришлось.

— Теоретически — фиговый, — кивнула Зинка. — Оказалось, что в зависимости от групп крови, количества эритроцитов, резус-фактора и еще целой кучи параметров возможно различное течение взаимодействия препарата с организмом. Опуская всякие незначительные нюансы — четыре варианта исхода. Первый — вполне приличный. «330» и «331» нейтрализуют друг друга. Ребята возвращаются к доинъекционному состоянию. Второй — очень плохой. В организмах нарушается обмен веществ, сильнейшие реакции на печень и почки. Смерть в течение трех дней, не дольше, но мучения страшные — и никакие наркотики боль не снимают. Третий вариант практически нулевой; все остается как было. Наконец, есть еще четвертый, с нынешней точки зрения, самый опасный. Парни становятся неуправляемыми, с повышенным чувством самосохранения, обостренной агрессивностью...

Но при этом они сохраняют все боевые навыки, живучесть и прочее.

— И есть вероятность, что все пойдет именно по этому варианту?

— В том-то и дело, что есть...

Громкий голос Чуда-юда, вернувшегося в ту комнату, где мы завтракали, не расслышать было невозможно:

— Ну, Лис, давай свою похабщину! Мы с Зинкой побросали бычки в снег и отправились обратно в дом.

— Так вот, — начал Лисов-старший обещанный рассказ, — жила в древности одна Евина дочка. Про Адама с Евой все помнят, стало быть, объяснять не надо. Господь их за распутство из рая погнал, отправил на землю, дескать, пока не заслужите, обратно не пушу. Стали они жить-поживать да детей наживать. Ну, сколько у них всего народу родилось, я не помню, но не только Каин с Авелем были, это точно. Стало быть, бабы тоже каким-то образом появились.

Господь, конечно, рассчитывал, что люди, после того как их из рая выставят, прекратят всякое аморальное поведение и культурно жить станут. Однако ничего такого не получилось. Известно, что ссыльные еще пуще гуляют, пьют и дерутся. Плодятся-размножаются тоже не забывали и все не по закону, а самым бардачным образом. В общем, все Евины дочки спортились, еще замуж не выйдя, кроме той самой одной, про которую речь пойдет.

Бог подумал, что это все от перенаселенности пошло. Повелел людям по земле расселяться, а не торчать в Палестине или там в Ираке. Стал этот народ постепенно по свету разбредаться и селиться. И в Сибирь, конечно, тоже забрели.

Эта самая невинная Евина дочка сюда к нам, на Порченую, попала. Ну, конечно, речка еще так не называлась, да и вовсе никаких названий здесь не было. Потому что никто тут не жил. Одни звери. А Евина дочка сюда одна пришла. Господь ее сюда привел и говорит: «Если проживешь здесь безгрешно, мужиков не знаючи, три года, три месяца и три дня, то быть тебе в райских куцах навеки и весь род человеческий будет мной оправдан и амнистирован». Господь, как известно, милостив, он решил, что уж тут-то человечество себе прощение заслужит. До ближайшего мужика пять тысяч верст — и все лесом. Сейчас-то ближе, конечно, а тогда так было. Так что Господь был совсем уверен, что Евина дочка себя в девичестве соблюдет и весь род человеческий от Божьего проклятия избавит. Оставил он ее в лесу, заставил расписаться в инструкции, чего можно, а чего нельзя, и со спокойной совестью продолжил свою полезную работу.

Прошло три года, три месяца и три дня. Господь созывает свой аппарат, ставит вопрос о снятии с человечества ранее наложенного взыскания и возвращения его в рай. Ну, понятное дело, все готово, все визы проставлены, штампы приклепнуты, только один Архангел Гавриил не расписался. Господь его вызывает на ковер и строго так спрашивает: «В чем дело? Вы что, товарищ Гаврила, разводите бюрократизм и решение вопроса затягиваете?» А Гаврила отвечает: «По данным моего ведомства, эта самая Евина дочка себя не соблюла. У ней сейчас три сына имеется». Господь разъярился: «Что за брехня? Я сам проверял, по справкам. Там ни одного мужика за это время не было». Гавриил невозмутимо так говорит: «А вы, дорогой товарищ Саваоф, сами слетайте в этот район и разберитесь на месте. Если я не прав — снимайте меня с работы и отправляйте к черту, сельское хозяйство поднимать».

Полетел Господь в наши места. Видит, стоит избушка, а во дворе три ребятенка играют. Господь сразу к ним: «Как фамилия?» — спрашивает. Старший дитенок отвечает: «Медведев!» «А твоя?» — спрашивает Бог у среднего. «Лосев!» — отвечает тот. Самый младший, годовалый, говорить еще не умеет. «А этот чей?» — спрашивает Бог. «А вы,

дяденька, у его папки спросите, вон он курицу из курятника тащит!» А из курятника лис-огневик как шуранет! И драла в лес!

Тут Господь все понял. Заругался: «Ты что же, мать твою растуды, Евина дочка, такой бардак на вверенном участке развела? Я, между прочим, тебе доверил светлое будущее всего человечества, а ты чего творишь? Ты за инструкцию расписывалась?» «Извиняюсь, товарищ Бог, — возражает Евина дочка,

— вы мне чего в инструкции написали? С мужиками не знаться — раз, любить животный мир — два, преумножать его богатство — три. Я все по инструкции делала!»

Чудо-юдо рассмеялся, но как-то вымученно. Должно быть, худые вести получил из Москвы. Зинаида тоже была разочарована. Ожидала услышать легенду, которая могла пролить свет на то, почему в районе Порченой так не везет женскому полу, а услышала просто анекдот. Но остальные поохотали. За время сидения в доме, пока пурга шла. Лисов этот анекдот рассказать не успел.

— Вот после этого случая Господь эту зону для баб сделал запретной, — закончил Лисов, — чтоб животный мир не преумножали...

— Ладно, — сказал Чудо-юдо, — вот какая вводная пришла. Сказки слушать некогда. Надо все срочно делать. До вечера. Сегодня!

Все переглянулись. Я лично не знал такой инстанции, которая могла бы прислать Чуду-юду ЦУ, резко изменяющие его первоначальные планы. Это не могли быть государственные органы.

Но тут в мое ухо зашуршала Зинка:

— Лариса должна была провести анализы по взаимодействию образцов крови Валерки и Вани с препаратами. Судя по всему, есть угроза развития по четвертому варианту.

Справляться, так ли это и почему из-за этого надо все комкать и начинать работу на сутки раньше намеченного, то есть без подготовки, я не решился. Чудо-юдо уже отдавал команды, торопил, и мешаться у него под ногами было рискованно. Тем более что он уже определил мне место в боевом строю.

— Димуля, — сказал он самым безапелляционным тоном, на который был способен. — Ты у нас человек разносторонний, с парашютом прыгал, из пулемета стрелял, с ГВЭПом работал. Стало быть, сейчас полетишь на паралете с пареньком по имени Трофим. Тебе не важно, имя это или кликуха. На втором паралете полетит Лусия с пилотом Лукьяном. У нее прибор наблюдения и регистрации сигналов, которые предположительно может излучать «Черный камень». Мы немного позанимались с тем маленьким Black Vox`ом и обнаружили, что он излучает слабые сигналы в определенном диапазоне частот. По природе эти сигналы близки к тем, что вырабатывает ГВЭП. Возможно, «Черные камни» осуществляют какую-то связь между собой.

— А малый Black Vox ты сюда не прихватил?

— Прихватил. Но ты пока этим не забивай голову. Твоя задача — прикрывать Лусию. С вертолета доложили, что видели в зоне несколько групп людей. Так что будь готов к неприятностям. Все, твой инструктаж закончен.

— Между прочим, ГВЭПы, которые были у нас и у Сарториуса, почему-то отказали.

— Я знаю все, что у вас тут происходило. И даже больше. Там было постороннее воздействие. Это не техника сбоила, а ваши мозги. И ГВЭПы, и ДЛ отлично работали, а вам

казалось, будто они отказали.

— И кто же это «постороннее воздействие» осуществлял?

— «Черный камень», — лаконично ответил Чудо-юдо. Мне стало немного жутко. Очень не хотелось связываться с этой штукой.

— Не беспокойся, — подбодрил Чудо-юдо. — Кое-какую защиту мы придумали. Во всяком случае, наведенные картинки и прочие имитации будут исключены.

— А если он меня в режиме «О» или «Д» чуханет?

— Варезку не разевай, — усмехнулся Чудо-юдо. — Вот тебе ГВЭП. Остальную экипировку получишь у Трофима. Топай к нему, одевайся. Сейчас мы с Лусией подойдем, и вы стартуете.

Я вышел во двор. Паралеты уже вытащили за забор. Их овальные купола-крылья расстилались теперь на заснеженной площадке. По тропинке, протоптанной ребятами, я дошел до аппаратов, около которых возились молодцы, и спросил:

— Кто тут Трофим?

— Я, — отозвался небольшой паренек, одетый в белый комбинезон и шлем того же цвета, с очками-консервами на лбу. — Со мной летите?

— Именно так. Говорят, одеваться надо во что-то...

— Ага, — кивнул Трофим, — вот комбез. В него можно прямо с валенками. Лезьте, лезьте, всунетесь... Во, так. Здесь, на подъемах ног, надо хлястики застегнуть. Как на бахилах ОЗК. Теперь руки в рукава. Не надо бушлат снимать! На то и рассчитано. Давайте помогу... Оп! Отлично. Так, теперь подшлемничек. Сергей Сергеевич приказал, чтоб все, кто летит, обязательно надевали подшлемники.

Подшлемник был похож на обычную вязаную шлем-маску из белой шерсти, с обметанной прорезью для глаз. Однако, перед тем как надеть его на голову, я сумел рассмотреть вплетенные в шерсть металлические нити. Были вмонтированы и наушники с мягкими поролоновыми «чашками» и проводками, которые следовало подключать к карманной УКВ-рации.

— Теперь застегивайте «молнию», — подсказал Трофим, — только сначала проверьте карманы, может, что-то нужное оставили. А то ведь потом до самой посадки не достанете. Переложите, пока не поздно, в карманы комбеза.

В карманах у меня лежал только пистолет «дрель» с запасным магазином да пять патронов образца 1908 года с надпиленными пулями. Те самые, которые мы с Сарториусом и Лисовым взяли пилить перед самым нападением соловьевцев. Зачем они были нужны, Сорокин так и не объяснил, как и того, на хрена он тогда так торопился. Тем не менее выбрасывать надпиленные патроны я не стал, положил в нагрудный карман комбинезона, а пистолет с магазином упрятал в боковой. Оба кармана застегивались на «молнии», и я надеялся, что пистолет и патроны не вывалятся. Трофим помог мне надеть на голову капюшон комбинезона, шлем с очками, застегнуть «молнию» от живота до шеи и сверх нее — застежку-«липучку». Потом поверх комбинезона пришлось надевать еще и бронежилет, обшитый белым полотном и с белыми ремнями. В специальные карманы комбинезона мне велели положить аварийный паек, фонарик и перевязочный пакет.

Завершилась процедура подготовки вручением мне рации и подключением ее к наушникам. Разошлись метров на десять и проверили связь. Примерно тем же занимались и Лукьян с

Лусией. Когда она появилась здесь в компании Чуда-юда и Зинки, я не успел заметить. Слишком уж много было суеты.

— Все! — Подражая какому-то кинорежиссеру, Чудо-юдо похлопал в ладоши. — Время не ждет. По коням! Садиться будете на объект «Котловина» или в непосредственной близости от него. Там уже развернут базовый лагерь. Мы придем туда ближе к вечеру. Волна для связи со мной — прежняя, та же, что для снегоходов. Позывные: я — «Папа», Лукьян — «Лулу-1», Лусия — «Лулу-2», Трофим — «Троди-1», Дима — «Троди-2». Строго выдерживать! Никаких лишних ля-ля в эфире. Первым пойдет «Лулу», за ним «Троди», Индивидуальные задачи всем поставлены, наблюдателям подчиняться пилотам беспрекословно, к органам управления рук не тянуть. Все!

Мы с Трофимом устроились на своем «летающем диванчике». Пристегнулись к спинке. У меня под правой рукой был кронштейн с «ПК», а у Трофима — рукоятка газа. На левом подлокотнике у меня был закреплен ГВЭП в кожаном футляре. Его можно было снимать и работать им с рук, но при этом имелся крепкий капроновый шнур, прикрепленный к рукояти прибора, чтоб я его невзначай не уронил с высоты. У «ПК» была большая коробка для ленты на 250 патронов, пристроенная где-то над моим правым коленом. Сзади был двигатель, похожий на огромный вентилятор, благодаря кольцевому защитному кожуху вокруг винта. Немного неприятным казалось то, что бензобак находился где-то за нашими головами. О том, какое удовольствие можно получить, когда горящий бензин потечет за шиворот, я догадывался. Опустив глаза вниз, себе под ноги, я обнаружил, что «диванчик» перемонтировали с колес на лыжи, похожие на водные или серфинговые.

«Лулу» запустил мотор и заскользил вперед, как аэросани. Воздух уперся в купол-крыло, наполнил его, стропы натянулись, помог встречный ветер, дувший в склон горы и подтягивавший аппарат вверх. Лыжи отделились от снега, и паралет, поднявшись на три-четыре метра, проплыл над крышей избы, едва не касаясь трубы. Но при этом, должно быть, поймал немного теплого воздуха и приподнялся еще выше. А затем пилот дал полный газ, потянул за петлю, которую, как я позже узнал, именуют «клевантой», и «Лулу» наискось, с небольшим левым креном, стал набирать высоту. В это время и наш аппарат затарахтел и покатил под уклон, наполняя купол... Ну, мать честная! Ни разу еще не взлетал на парашюте вверх. И не летал на скамейке, с моторчиком за спиной, как Карлсон, который живет на крыше!

«Троди» оторвался от снега намного тяжелее, чем «Лулу». Мы с Трофимом и сами весили потяжелее, чем Лукьян с Лусией, и пулемета у них не было. Тем не менее Трофим сумел провести его над трубой избы, и, пару раз чиркнув лыжами по верхушкам елок, аппарат поднялся над тайгой.

«Лулу» уходил вверх по спирали и появлялся в поле зрения то справа, то слева, но неизменно выше нас. Честно говоря, я не представлял себе, что эти самые паралеты могут так высоко забираться. Мне почему-то казалось, что больше чем метров на двести им не подняться. Однако приборчик-высотомер на рукаве комбинезона показывал уже полтысячи метров.

Когда мы выровнялись по высоте с «Лулу», Трофим выключил мотор.

— Ну как, нормально? — спросил он, очень довольный тем, что на меня этот полет производит впечатление.

— Нормально, — сказал я, поглядев с содроганием себе под ноги, то есть в пропасть глубиной в полный рост Останкинской башни.

Нет, сама по себе высота меня не шибко пугала. Раскачиваться над такими безднами мне приходилось не раз, и сигать доводилось с куда больших высот. Прыжков сто тридцать у

меня было. Правда, я уже не мог точно сказать, какие выполнял сам, а какие только помнил памятью Брауна (в том числе тот, роковой, когда чертов Суинг не дотянулся и не успел передать мне парашют), но, в общем, все это был уже мой опыт. Однако все прыжки с парашютом имели одно принципиальное отличие.

Когда я прыгал, меня навверх доставляло что-нибудь нормальное, с кабиной, моторами, задней аппарелью или боковой дверью. Надо было от всего этого мирно отделиться, ни за что не зацепившись, потом секунд пять провести в воздухе, опираясь только о него растопыренными руками и ногами, а затем открыть купол. После этого оставалось спокойно долететь до земли, не повиснув на проводах ЛЭП-750, не сев задницей на сучок какого-нибудь дерева, не воткнув себе в спину бутылочное стекло, укрывшееся в траве. Иными словами, при прыжке основные тревожения завершались после того, как открывался основной или, не дай Бог, запасной купол.

Здесь же купол открывался, если так можно сказать, еще на земле. И не опускал меня на землю, а тасил вверх. Кроме того, прыгая с парашютом, я был хозяином положения. Я знал, что, если сделаю какую-нибудь ошибку, скручу стропы или скомкаю в воздухе уже раскрывшийся купол, винить придется себя. А тут всем заправляет Трофим. Уверенный такой салабон лет на десять моложе меня. Утащил на полкилометра вверх на моторчике, теперь вырубил его и везет на куполе-крыле, слегка прогнувшись вперед, словно спинакер на яхте. Везет чуть позади «Лулу», метрах в сорока по диагонали. А ежели нас ветерок дернет по этой диагонали и накатит на Лукьяна? Перехлестнемся стропами, сомнем купола и засвистим вниз. Парашютов не выдали. Да если б и были, то при таком завале фиг успеешь отстегнуться, отвалить в сторону и открыть. Падать на лесистые сопки, может, и приятнее, чем на скалы, но все равно больно. Если, конечно, не насмерть.

Нет, просто так покататься на этой штуковине было бы даже занятно. Полюбоваться с высоты птичьего полета сопками, распадками, заснеженными речками, змеящимися по тайге, бледно-голубым небом и красноватым солнышком. При том, что вся одежда достаточно теплая, ниоткуда не поддувает, на глазах очки, и даже нос не мерзнет под вязаной шерстяной маской. Полетать этак, приземлиться где-нибудь поблизости от уютного швейцарского отеля, пощекотав себе нервы и проветрив легкие, а потом пойти пить кофе со сливками.

Но в здешних местах никаких отелей с теплыми туалетами и центральным отоплением не водилось. Самым приспособленным для жизни местом была заимка Лисовых. От нее мы уже порядочно улетели, и только тощий грязно-белый столбик дыма, постепенно растворявшийся в небесной сини, отмечал ее местонахождение. Еще один дымок серой змейкой тянулся по склону сопки, километрах в пяти от нас. В этой стороне, как припоминалось, должна была находиться избушка Женьки Лисова. Но сам он был у своего папы на «главной» заимке, и потому логично было считать, что в его избушке сейчас расположились соловьевцы.

Впрочем... Могли быть и не соловьевцы. Только тут до меня дошло, что Сарториус мог и не уйти из зоны. Точнее, когда я сбил его с панталыку заявлением насчет того, что Чудо-юдо нарочно выманил его в Сибирь, желая обеспечить себе свободу действий в Швейцарии, он, может быть, и собрался уходить, но где-то по дороге вполне мог увидеть вертолеты и определить, что там находится его бывший учитель. Связываться с Чудом-юдом в открытую он, наверно, не захотел, дождался, пока вертолеты убрались с воздуха, и потихоньку махнул обратно.

Трофим, как старательный ведомый, держался точно в пеленг за «Лулу». А Лукьян, соответственно, помаленьку руководил.

— «Троди-1», я — «Лулу-1», — слышалось в наушниках. — Малость подтяни мотором, отрываешься. И вправо доворачивай, здесь у сопки динамик классный. Будем переваливать.

— Понял, — отозвался Трофим. Загудел двигатель, «Троди» пошел вверх и оказался метров на двадцать выше и сзади «Лулу».

Трофим выключил мотор, но высотомер продолжал показывать набор высоты. И «Лулу», который вовсе не включал двигатель, тоже потянулся вверх.

У меня захватило дух. Паралеты, полого набирая высоту, но очень быстро прибавляя скорость, словно лыжник на трамплине, неслись в сторону весьма приличной сопки. Мне казалось, что сопка приближается слишком быстро, а высота растет слишком медленно. Создавалось впечатление, будто «Лулу», а следом за ним и «Троди» вот-вот крепенько вмажутся в лесистую вершину. Однако попутный ветер, ударяясь в верхнюю часть сопки, как бы задирался вверх, и чем ближе к сопке, тем круче. В конце концов мы резко ушли ввысь и перескочили через вершину, забравшись почти на 800 метров. Там воздушный поток — именно его, как пояснил Трофим, паралетчики называют «динамиком» — заметно ослабел, потом вовсе рассеялся. Аппараты плавно пошли на снижение с невидимой воздушной горы. Пилоты слегка накренили их вправо, и паралеты по длинной дуге облетели еще одну сопку, вновь снизившись до 500 метров.

— Внимание, я — «Папа»! — В наушниках зазвучал голос Чуда-юда. — «Лулу», «Троди»! До «Котловины» — пять километров! Пилотам немедленно надеть ОДЛ, подключить питание. «Троди-2», включить ГВЭП на режим «П». «Лулу-2», как приборы? Ответь «Папе».

— Пока ничего существенного.

— Докладывай немедленно при появлении первой же аномалии. Как поняла?

— Все поняла, «Папа». Буду докладывать немедленно. Трофим левой рукой достал из бокового кармана нечто напоминающее не то сверхтолстые очки, не то короткий бинокль с золотистыми светофильтрами на объективах и наглазниками из губчатой резины. Затем он сдвинул на лоб защитные очки-консервы и надел на глаза «очки-бинокль». Я догадался, что это и есть ОДЛ. Аббревиатуру мне тоже без особого напряжения удалось расшифровать как очки-дешифратор Лопухина. Я хорошо помнил о Васиной судьбе и, когда подтягивал к себе кронштейн с ГВЭПом, чувствовал себя немного нервно. Очень не хотелось заполучить «вирус Белого волка» из-за какого-нибудь не учтенного Чудом-юдом «обратного вектора» или тому подобной фигни. Если б я понимал что-нибудь, а то меня ведь только, как обезьяну, кнопки нажимать научили, не больше.

«Отставить пессимизм! — услышал я голос отца через микросхему. — Все контролируется. ГВЭП усовершенствован, никаких „волков“ не будет. От воздействия ГВЭПа Сорокина вы защищены подшлемниками с металлическими нитями. Напоминаю порядок работы с ГВЭПом. Включить иницирующие источники питания! Не забыл еще, а? Вот тут, снизу, отсек для иницирующих элементов питания. Два шестивольтовых аккумулятора. Ногтем отодвигаешь крышку, проверяешь, правильно ли размещены. Для совсем забывчивых на обороте крышки оттиснута схемка, как устанавливать. Дальше. Тумблер „вкл.-выкл.“, наверно, объяснять не надо. Ставишь в положение „вкл.“, слышишь тихое гудение, загорается красная лампочка. Если не загорается, значит аккумуляторы сели».

«Загорелась», — доложил я мысленно.

«Что ж мы тебя, с незаряженным ГВЭПом послали бы? Работаем дальше. Вот тут, с правой стороны, имеется переключатель с пометкой „ЭР“, что значит „энергетический режим“. Это прорезь, по которой можно передвигать бегунок. Вдоль прорези белой риской нанесена небольшая шкала. Видишь? В середине „нуль“, справа „плюс“ и цифры — „один, два, три“, слева „минус“ и цифры — „один, два, три“. Перед началом работы бегунок переключателя должен стоять на нуле. Уловил?»

«Именно так, стоит на нуле».

«Напоминаю для забывчивых. При режиме „плюс“ прибор набирает энергopotенциал, при режиме „минус“ — расходует. А цифрами обозначаются уровни набора и расхода. В крайнем плюсовом положении, где цифра „три“, энергopotенциал набирается максимально быстро, в крайнем минусовом — столь же быстро расходует. Ясно?»

«Помню».

«Назначение переключателя „P-A“ тоже помнишь? Что это значит?»

«Ручной — автоматический». Ставлю рычажок на «P» — сам изменяю энергетический режим с помощью бегунка, ставлю на «A» — это делает прибор».

«Отлично. Что делаешь дальше?»

«Откидываю вниз крышку задней панели».

«Правильно. Напоминаю, что здесь расположены основные органы управления ГВЭПом. Прежде всего вот этот круглый переключатель-верньер „Режим работы“. На нем белая риска, вокруг — буквы, обозначающие режимы. Всего двенадцать букв, стало быть, и двенадцать режимов работы. Риску ставишь напротив буквы, не забыл?»

«Ставлю на букву П, режим плюсовой».

«Отлично. Экран в торце ГВЭПа светится? Какая буква в левом верхнем углу?»

«В левом верхнем углу буква П. И надпись горит: „Ввод задачи на поиск. Гарнитура подключена“. А где она, эта гарнитура?»

«В данном случае у тебя в подшлемнике. Об этом не беспокойся».

«Знать бы еще, что именно или кого именно надо будет искать, был бы совсем спокойным. А самое главное — как искать?»

«Во-первых, по фотографии. Если наденешь на голову гарнитуру и будешь смотреть на фото, то к тебе в мозг загрузится видеообраз. Через гарнитуру его можно передать в ГВЭП и направить прибор, допустим, на толпу людей, стоящих в километре от тебя. У каждого из них — свой внутренний видеообраз самого себя плюс доминантное „я“, ассоциирующееся с определенным именем. Все это дает постоянный сигнал в коре головного мозга, хотя сам человек может об этом не думать и именовать себя по-иному. И внешность может изменить. Тем не менее с помощью ГВЭПа ты его в течение пяти-шести минут можешь вычислить среди толпы в десять-пятнадцать тысяч человек. Вот на этом жидко-кристаллическом экранчике размером четыре на четыре сантиметра введенный видеообраз с именем доминантного „я“ появляется в размытом виде и с мигающим крестиком на Голове. Нажимаешь кнопку „фокусировка“ и переходишь в режим „Н“ — наблюдение. Это уже второй уровень. Крестик перестает мигать, фиксируется, и теперь вся информация с объекта считывается и записывается».

Но сегодня задача посложнее, и, соответственно, надо будет не ошибиться. Объектов поиска несколько, и я их видеообразы передаю тебе непосредственно в память».

Сразу же после этой мысленной фразы, дошедшей от Чуда-юда, я увидел несколько этих видеообразов, очень четких, но державшихся перед моим внутренним взором какие-то секунды.

Первым было изображение Сорокина-Сарториуса. За ним последовало тюремного образца

фото Сурена. Третьим — взятое из фильма, отснятого сержантом Кулеминым, изображение «длинного черного» пришельца. Четвертым — этого я уж совсем не ожидал — был обозначен «Черный камень», взятый из того же фильма.

«У этого тоже доминантное „я“ есть?» — Мне было странно, что этот, на мой взгляд, неодушевленный предмет попал в компанию живых существ.

«Возможно, есть», — ответил Чудо-юдо.

Экран ГВЭПа разделился на четыре квадрата два на два сантиметра каждый, и в каждом из них обрисовался соответствующий видеообраз. То есть Сарториус, Сурен, «длинный и черный» и «Черный камень». Над квадратами появились одинаковые мелкие надписи: «Поиск». Гудение ГВЭПа заметно изменилось, но никаких синих спиралей из его «дула» не высывалось. Возможно, на таком режиме это и не должно было проявляться.

Паралеты тем временем включили моторы и стали подниматься вверх. Само собой, что от этого условия поиска объектов не улучшились. ГВЭП напрягался, но пока ничего найти не мог. К тому же паралеты начали заметно отклоняться от прежнего направления. 1100 метров! Ого-го-го! Вот тебе и «карлсоны». Правда, времени на набор высоты ушло много.

— «Лулу», «Троди», — донеслось уже голосом из эфира, — я — «Папа». Начинайте заходить на «Котловину», курс 275.

— «Папа», я — «Лулу-2», — взволнованный голосок Лусии прозвенел как тревожный звоночек. — Есть отметка работы ГВЭП, квадрат 67, режим «П».

— Понял, «Лулу-2», молодец. «Троди-2», сосредоточься на 67-м квадрате.

Чудо-юдо, произнеся эти слова, тут же перешел, условно говоря, в телепатический диапазон:

«Ты что варезку разеваешь? Лусия засекает, а ты нет?»

«Я ж не знаю, какой у нее прибор. И потом, она спец, а я — так, малограмотный. Даже не знаю, как сосредоточиться на этом самом 67-м квадрате».

«Поверни голову направо».

Я повернул и стал глядеть в промежуток между спинкой сиденья и шлемом Трофима. Ничего толком увидеть было нельзя.

«Куда ты уставился, оболтус? — проворчал у меня в мозгах Чудо-юдо. — Ни черта не видно...»

— «Троди-1», — пробухтел он из эфира вслух, — отворачивай от «Лулу» вправо.

— Понял. Насколько отворачивать?

— Поворачивай, дам знать позже.

«Лулу» стала быстро удаляться от нас влево, а Чудо-юдо вновь загундосил в наушники:

— «Троди-1», держись на 270. Постарайся пройти прямее тысячу метров.

— Есть, 270.

Мне он дал указания по каналу РНС:

«Теперь смотри влево. Так, хорошо! Смотри в промежуток между ближними сопками. Точно в

середины! Отлично. Видишь сопку с общим основанием и двумя вершинами?»

«Вижу. Та, что ниже, это „Котловина“?»

«Верно. Наводи ГВЭП прямо на середину склона».

Я навел. Паралет летел теперь в направлении сопки «Контрольная» — более высокой вершины. Почти сразу же ГВЭП издал прямо-таки восторженный писк. Однако замигали сразу две картинки из четырех. Та, что изображала Сарториуса, и та, что изображала «Черный камень».

«Дима! Нажимай фокусировку и быстро переводи ГВЭП в режим „Н“!»

«Так, нажал кнопку фокусировки. Перевел в режим „Н“. Крестик не мигает».

«Смотри на картинку в квадратиках, на сопку не гляди!»

Тут что-то ощутимо щелкнуло у меня в голове. В глазах полыхнула оранжевая вспышка. На секунду я потерял зрение. Потом все сразу пришло в форму.

«Не волнуйся, — успокоил Чудо-юдо. — Все это ерунда. Я отключил тебе слух. Чтоб не отвлекался. У пилотов ОДЛ, Лусия снимает показания приборов, анализирует излучения „Камня“. От „Черного камня“ идет мощная имитационная картинка. Непосредственное зрение у тебя тоже отключено. Ты видишь теперь только то, что я тебе разрешаю видеть».

«Не понял...»

«Твои глаза работают только как телекамеры, твоя голова передает изображение мне, я его обрабатываю, снимаю все лишнее и возвращаю тебе. Теперь понял?»

«Почти».

Паралеты приближались к «Котловине» с двух направлений. «Лулу» казался чем-то совсем маленьким, вроде семечка с одуванчика. Но Чудо-юдо требовал, чтоб я смотрел только на экран ГВЭПа:

«Не отвлекайся! Дистанция два километра».

Но я все-таки отвлекся. Потому что паралет неожиданно трянуло, и я инстинктивно повернул голову вправо. Повернул и поежился — Трофима не было на месте. Петля клеванты болталась свободно...

— Где он? — заорал я в голос.

Чудо-юдо ответил, само собой по РНС, но совершенно спокойно:

«Не переживай, он на месте. Я постепенно снимаю ненужные элементы изображения, чтоб ты мог сосредоточиться. Не удивляйся, если через десять минут ты окажешься летящим в воздухе без паралета и не будешь видеть ничего, кроме „Черного камня“ на экране ГВЭПа».

Мне стало не по себе. Какие-то элементы моего сознания протестовали против этого. И вообще я начал ощущать беспокойство. Мне не нравится, когда я вижу не то, что есть на самом деле, а то, что нужно кому-то. Одно успокаивало: команды отдавал Чудо-юдо. Не может же он сделать плохое сыну?

Я смотрел на экран ГВЭПа, послушно сконцентрировав внимание на квадратике с изображением «Черного камня». Сначала он ничем не отличался по размерам от остальных трех и представлял собой статическую картинку. Но потом начал медленно увеличиваться.

Пять минут — и закрыл весь экран. Сарториус, Сурен и «длинный-черный» попросту исчезли. А вот двухметровая черная колонна квадратного сечения стала огромной. И я глядел уже не на маленький экранчик площадью четыре на четыре, а минимум на четырнадцатидюймовый. Наконец обнаружилось, что изображение вовсе не статическое, а все больше и больше проявляет признаки жизни.

Сначала я видел только застывший кадр из фильма Кулемина. Потом этот кадр как-то незаметно начал двигаться. Сперва просто подергиваться — примерно так, когда в проекторе заедает пленку и публика орет киномеханику: «Сапожник!» — а потом на экране появилось движение. Сперва я еще обращал внимание на то, что мне показывали кусочек из оперативной съемки Кулемина, где было черно-белое изображение и действие происходило летом. Но затем меня это перестало волновать. По-моему, это произошло в тот момент, когда черно-белое изображение сделалось цветным и все предметы приобрели естественную окраску. Правда, естественную не для середины сибирской зимы, а для разгара лета. Но я уже забыл, какое нынче время года. Я знал только одно: мне нужно сосредоточиться на «Черном камне». И потому уже не только видел, как ветер шевелит зеленую траву и ветки, но и слышал их шелест. А потом начал ощущать смолистый таежный запах... Экран сделался еще шире, должно быть, уже больше, чем три на три метра, он стал как бы прогибаться, обтекая меня с краев... Мне захотелось снять шлем, потому что стало жарко. И вообще сбросить все зимнее снаряжение: нелепо шляться в нем по тридцатиградусной жаре. Я уже совершенно потерял представление о том, что нахожусь в воздухе...

Но тут где-то внутри моего мозга истошно завывала сирена, ворвался рокот, похожий на шум вертолета, картинка вновь уменьшилась до квадрата два на два, стала черно-белой и статичной. В наушники ворвался отчаянный вопль Чуда-юда:

— Проснись! Проснись, идиот! — Он кричал это голосом по радио. — Отвернись от ГВЭПа! Немедленно!

Наваждение исчезло. Я обнаружил, что паралет медленно наплывает на покрытую заснеженным лесом «Котловину». Уже просматривались скалистые обрывы внутри кратера. Рокот доносился оттуда, со дна кратера. Он нарастал с каждой секундой.

«Осторожней! Это имитация! — Теперь крик Чуда-юда слышался где-то внутри мозга. — Смотри на экран! Отключаю слух!»

Слух отключился, но зрение — нет. Я увидел, как над вершиной «Котловины» за клубилась какая-то бело-голубая муть. Не то пар, не то дым, не то снежная пыль. Эта муть принялась сгущаться, уплотняться, приобретать форму не то сигары, не то огурца, не то рыбы... Точно такое же образование я видел на кинокадрах Кулемина. Примерно такую штуку видел Церен Бадмаев в Калмыцкой степи осенью 1915 года.

«Переводи ГВЭП в режим „О“, — скомандовал Чудо-юдо. — Бери в перекрестье! Огонь!»

Я нажал кнопку. Витой, сверлообразный прозрачно-голубой луч вынесся из дула ГВЭПа и ввинтился в дирижаблевидную хреновину, сформировавшуюся на вершине горы. Вспыхнуло так, будто рванула ядерная бомба! Тара-рах! — ужасающий грохот и мощный удар горячего воздуха отшвырнувший паралет от горы

— такие последние впечатления остались в памяти перед тем, как я потерял сознание.

НА ВОСТОЧНОМ СКЛОНЕ «КОТЛОВИНЫ»

Очухался я далеко не сразу. Скорее всего прошел не один час, прежде чем я разлепил веки и увидел перед носом серо-коричневый чешуйчатый ствол сосны. Или елки, или кедра, может быть. Одним словом, чего-то длинного и хвойного. Купол паралета и стропы опутали крону, а Наша «скамеечка» с мотором висела метрах в десяти над сугробами. Сперва мне даже не показалось странным, что стропы не натянуты, а скамеечка, несмотря на видимое отсутствие опоры, не раскачивается. Впрочем, не ощутить этих противоречий с законами физики и механики было вполне простительно для человека, которому более получаса заполаскивали мозги, а потом устроили небольшую контузию. При этом меня еще долбануло затылком о подголовник скамейки. Если б у меня на голове не было шлема, а под ним шерстяного подшлемника, то сотрясение мозга было бы посильнее. Но если б не подголовник, сила инерции сломала бы мне шейные позвонки. Имелся также неплохой шанс переломать ребра о пулемет и ГВЭП. Но тут повезло. Ствол пулемета повернуло влево, а кронштейн с ГВЭПом — вправо. Получилось что-то вроде жесткого треугольника, который принял удар на себя. Поскольку я был пристегнут к спинке, то вперед не полетел и ребра остались целыми. Хотя в какой-то степени их мог защитить и бронежилет, и вся куча тряпок, которая была под ним.

В общем, я отделался относительно легко. Примерно таким сотрясением мозга, какое бывает при нокдауне. Однако Трофиму в отличие от меня совсем не повезло. Просто катастрофически.

Ему бы значительно больше повезло, если б он на самом деле выпал из паралета. Возможно, приземлился бы в сугроб и отделался какими-то полутора годами ЦИТО. Или сразу свернул бы себе шею. Тоже неплохо — мучиться не надо. Однако он из аппарата никуда не выпадал, просто Чудо-юдо, управляя моим зрением, мне его не показывал. Он сидел рядом со мной, но, к сожалению, несколько правее. Когда купол паралета, отброшенный взрывом, смялся, закрутился и зацепился за дерево и нашу «скамейку», словно сиденье качелей,

сперва откачнуло вверх, а потом бросило на ствол дерева, его живот, снизу неприкрытый бронежилетом, напоролся на очень острый, крепкий и довольно толстый сук. Никогда не видели людей, проткнутых насквозь слононым бивнем? Я тоже, но представление о том, как это выглядит, теперь получил. Крови вылилось очень много. Вся нижняя часть его комбинезона была бордовой. Меня с правой стороны тоже чуток обрызгало, но не так сильно, как если бы дело было при плюсовой температуре. Перекошенное, совершенно неузнаваемое лицо Трофима было чуть-чуть желтее снега, а кровь, выливавшаяся изо рта, уже превратилась в красный лед. Только теперь я понял, отчего стропы провисают, а сиденье не болтается. Оно держалось на суку, который, пронзив Трофима, пробил спинку «скамейки», скользнул по мотору и заклинил воздушный винт, проскочив в кольцо защитного кожуха. Наверно, винт могло и сорвать, но то ли Трофим еще в воздухе перекрыл бензопровод, то ли сделал это уже здесь, корчась в предсмертных судорогах. Первое, пожалуй, более реально, но, возможно, именно этому действию пилота я был обязан тем, что не был сейчас обугленной головешкой.

Как только гудение и звон в моей башке немного улеглись, у меня появилась возможность более-менее связно мыслить. И самой первой мыслью было слезть поскорее с этого насеста. Правда, лететь вниз с высоты второго этажа «сталинского» или третьего этажа «хрущевского» дома мне как-то не хотелось. Ниже находилось еще немало сучков, способных доставить неприятности.

Кроме того, следовало хотя бы прикинуть, как вести себя на земле, то есть в промерзлой тайге, где бродят соловьевцы и сорокинцы и не исключена встреча с «длинными-черными» или с очередным НЛО. Очень кстати мне вспомнилось, что незадолго до падения в тайгу я атаковал НЛО ГВЭПом и взорвал его. Отсюда легко было сделать вывод, что рассчитывать на дружеские чувства собратьев по разуму, пожалуй, не стоит.

Поэтому прежде, чем искать способ самому слезть с дерева, я решил сбросить вниз ГВЭП и

пулемет с коробкой. За их целостность можно было не волноваться. Внизу был приличный сугроб, и если эти предметы вооружения не попортились при взрыве и ударе о дерево, то падение в снег вполне могли пережить.

Однако, чтобы скинуть их вниз, требовалось отделить их от кронштейна и поворотной установки, а для этого отвинтить в общей сложности семь болтов. Делать это вручную на тридцатиградусном морозе — полная безнадега. Пришлось обратиться за помощью к трупу. Ослабив, насколько возможно, привязные ремни, я попробовал пошарить по карманам комбинезона Трофима. Хотя точно не помнил, брал ли он в полет какой-либо инструмент. В левых, ближних ко мне карманах нашлись только аварийный паек, перевязочный пакет и фонарик, которые у меня самого были такие же, плюс армейская аптечка, которой у меня не было. Инструменты оказались в правых карманах. В одном, нижнем, обнаружился неплохой универсальный штурмовой нож, а в верхнем — кожаный футляр с набором гаечных ключей и отверток и универсальной опять-таки рукоятки, с помощью которой можно было ими что-нибудь откручивать.

Не могу сказать, что при добывании инструментов у меня не было позывов на рвоту и учащенного сердцебиения. Но когда они оказались у меня в руках, все стало на свои места. Сначала я открутил три болта, на которых держался ГВЭП, и благополучно уронил прибор в снег. Потом, отодвинув влево опустевший кронштейн, я взялся отвинчивать болты, крепившие пулемет на поворотной установке.

Когда пулемет плашмя плюхнулся в снег, я неторопливо отстегнулся от спинки, ухватился за один сучок покрепче, ногой наступил на другой, уцепился второй рукой за сучок пониже, поставил вторую ногу... Некоторое время побаивался: а не обломится ли сук, пропоровший Трофима, и не разорвется ли само тело покойного?! Было бы неприятно, если б паралет грохнулся мне на голову вместе с заледеневшим пилотом. Поэтому, как только появилась возможность, я прыгнул в снег. Примерно метров с трех.

Спрыгнул и ушел в сугроб по поясу. Выпростаться оттуда удалось ползком. Я добрался и до пулемета, и до ГВЭПа.

Под деревом, на котором висел паралет с трупом, а снег проплавлен кровью, мне было очень неуютно. Да и вообще дожидаться ночи здесь было как-то не с руки.

Значит, надо было куда-то топать. По глубокому снегу, без лыж. С двумя аварийными пайками общим весом примерно в полкило и слабенькой надеждой, что кто-то меня найдет. Надо было еще не заоченеть ночью. И не свихнуться от фокусов «Черного камня».

Но самое главное — нужно было определить, куда направить стопы. А для этого требовалось прикинуть, хотя бы примерно, где я нахожусь. Карта и компас имелись, но я подозревал, что здесь их будет недостаточно для того, чтобы выбраться к заимке или хотя бы к одной из охотничьих избушек. Конечно, была УКВ-рация. С паралета ее мощности вполне хватало, чтобы поддерживать связь с Чудом-юдом. Но на земле, когда вокруг сопки и всяческие аномалии неизвестного свойства, она могла оказаться бесполезной. И даже вредной, потому что мои эфирные вопли и стенания мог перехватить какой-либо супостат. Даже Сергей Николаевич Сорокин относился скорее к этой категории, чем к категории друзей.

Судя по всему, я находился на склоне сопки. Солнце лишь чуть-чуть вызолачивало небо где-то далеко за деревьями. Время было детское — 15.25, но здесь, в тени горы, снег был уже синеватого оттенка, и создавалось впечатление сумерек. Я помнил, что последние мгновения полета проходили у восточного склона сопки «Котловина». Скорее всего я и сейчас ползал по этому склону.

Стоп! Но в «Котловину» вроде бы с «Ми-26» высаживались люди Чуда-юда. Стало быть, если я вылезу на вершину сопки, то мне, возможно, удастся помахать им ручкой и сообщить о

своим существовании.

И я полез вверх. Туда, где между стволами деревьев золотилось небо. Уже через пять минут такого путешествия мне показалось, будто я пробежал десяток километров. От меня повалил парок, ощущения тридцатиградусного мороза как не бывало. А прошел я на самом деле метров с полета. Цепочка следов чем-то напоминала ледокольный ход, потому что я продавливал ногами тонкий наст и утопал по колено в сухом, сыпучем, как сахарный песок, льдистом снегу. Само собой, удобству передвижения не очень способствовали «ПК» с не пристегнутой здоровенной коробкой и ГВЭП без футляра, которые приходилось перетаскивать в общей охапке.

У меня появилось серьезное опасение, что я могу тут попросту сдохнуть, но не добраться даже до кратера «Котловины». Все-таки не зря люди изобрели такую полезную вещь, как лыжи. Не только для того, чтоб прыгать с трамплинов, проходить трассы скоростного спуска или бегать пятидесятикилометровые марафоны. Люди придумали лыжи с одной-единственной,

но вполне конкретной целью: чтобы ноги в снег не проваливались. Именно это утилитарно-прагматическое назначение лыж лучше всего начинаешь понимать, оказавшись без них на заснеженной сопке в сибирской тайге.

Решив, что следует перекурить и перевести дух, я уселся было на снег, но быстро понял, что не стоит экспериментировать. Снежок оказался жутко холодным и сразу потянул из меня тепло. Справедливо рассудив, что ишиас мне не к спеху, я встал и не поленился нарубить лапника. На нем сидеть было гораздо теплее. Выкурив сигаретку и чуточку отдышавшись, я подумал, что надо принять какие-то меры, чтобы повысить комфортность перехода.

Для начала я вспомнил, что паралет был установлен на лыжи. Мне даже представилось, будто я сумею снять его с дерева, каким-то образом запустить мотор и с Божьей помощью подняться в воздух. Ну а если купол порван, то отрежу аппарат от стропной системы, заведу мотор и поеду как на аэросанях. Наконец, если мотор не заведется, то сниму полозья и сооружу из них лыжи. И так меня эти дурацкие идейки ободрили и вдохновили, что я, не пожалев той полусотни метров вверх по склону, которую прошел с превеликими трудами, поперся обратно. Конечно, вниз идти было полегче, к тому же я шел обратно по уже протоптанному следу, но все равно умаялся.

Оказавшись в исходной точке, я сразу вспомнил расхожую истину, что если Бог хочет кого-то наказать, то отнимает разум. Это был как раз мой клинический случай.

О том, чтоб поднять паралет в воздух, надо было начисто забыть. Купол его был продран в нескольких местах, глубоко налез на пропоровшие его сучки, стропы обмотались вокруг ветвей, а некоторые оборвались. Но даже будь аппарат в полной исправности, поднять его с лесистого склона можно было только краном. С идеей о переделке паралета в аэросани тоже пришлось распрощаться быстро. Двигатель, может, и завелся бы, но винт, у которого была обломана по крайней мере одна лопасть — они были сделаны из слоеной древесины, — явно бы не потянул. К тому же и вал двигателя наверняка расцентровался или погнулся. Но даже если б и винт, и двигатель были целы, никакие аэросани из паралета не получились бы. Концы обеих лыж-полозьев были обломаны, и гипотетические аэросани тут же зарылись бы в снег. Поломка полозьев ставила крест и на последней идее — отделить лыжи от скамейки и приспособить их на ноги.

Выдав по собственному адресу некоторое количество мысленных матюков, я отвел душу и решил еще немного подумать, как выходить из положения. Самое лучшее — соорудить какие-нибудь снегоступы, чтоб не вязнуть. Я помнил, что такие снегоступы напоминают по виду теннисные ракетки, но догадывался, что сплести их смогу не раньше завтрашнего утра,

да и то если сумею заниматься этим при свете фонариков. Кроме того, если рамки для снегоступов можно было согнуть, допустим, из еловых веток, то соединить концы этих рамок можно было только веревкой.

За веревкой, то есть за стропой, пришлось лезть на дерево. Это оказалось намного труднее, чем слезать с него. Добирался туда, откуда я так запросто спрыгнул вниз, минут десять. Все никак не мог прицепиться. Потом все же вскарабкался и, пару раз рискуя сорваться, добрался до того сука, на котором висел паралет. Затем пришлось лезть еще выше, чтоб добраться до строп. Самый опасный момент был тогда, когда я, сидя верхом на суку и держась только за край паралетного купола, штурмовым ножом отрезал от него восемь строп. Потом пришлось лезть к «скамеечке» и проделывать там ту же операцию, сидя лицом к покойнику на том самом суку, который пробил его насквозь. Не очень приятное соседство. Несколько раз с трудом подавлял подступающую к горлу рвоту, а кроме того, напряженно вслушивался в скрип сука. Хрен его знает, все-таки на нем двести килограммов с лишним висело.

Но сук все-таки не хряпнул. И я не свалился, а благополучно спустился с дерева.

Срубив несколько тонких, гибких еловых веток, я очистил их от хвои и боковых отростков, скрутил в жгут, а затем согнул в какое-то подобие кольца, связав свободные концы стропой. После этого начал обвязывать жгут стропой и одновременно приматывать к рамке более толстые и прочные ветки. В конце концов получилось что-то вроде плотной плетеной решетки. Точно так же я сработал и вторую снегоступину. Обрезками строп примотал «ракетки» к ногам. Попробовал ходить — и убедился, что теперь погружаюсь в снег не больше чем на пару сантиметров. Потом посмотрел на часы. Было уже 16.30. Заметно стемнело, но можно было разглядеть, куда идешь.

Прежде чем двинуться вперед, я вытащил пулеметную ленту из коробки, обмотал ее длинный конец вокруг пулемета и подвязал стропой. После этого надел пулемет на себя в положение «за спину». В ближнем бою как «оружие быстрого реагирования» гораздо удобнее применить «дрель», которую я пристроил в правый боковой карман, откуда ее можно было выдернуть за секунду. А в коробку уложил ГВЭП. К брезентовой ручке коробки привязал кусок стропы, просунул ее конец под бронезилет через отверстие для левой руки, выдернул через проем для шеи, перетащил за спину и наискось протянул через грудь, после чего еще раз протернул через ручку коробки и закрепил, обмотав остаток шнура вокруг пояса.

В таком обалденном прикиде я и начал свой крестный путь на горку. Идти стало полегче, но сумерки сгущались все быстрее. Батарейки фонариков требовалось поберечь, к тому же ползать с постоянно включенным светом было не совсем безопасно. Кто-нибудь мог запросто выделить из темноты, а какая гарантия, что поблизости нет никого желающего моей кончины? Так что скорости передвижения без света у меня прибыло не намного. При этом мне не удавалось и двух шагов сделать по прямой. Все время приходилось что-то огибать: то ствол стоячий, то лежащий, вывернутый с корнем, то частокол мелкого подростка, через который фиг протиснешься, то заметенный снежком валун размером с «Запорожец». Иной раз приходилось полтора-два десятка метров двигаться поперек склона, прежде чем появлялась возможность подняться на пару метров вверх. Конечно, лесистая сопка — не Эверест, но местами и крутизна оказывалась приличной. А ближе к вершине таких утесиков и обрывчиков несколько прибавилось. Кое-где на поверхность горы вылезали уже не просто валуны, вымытые некогда дождями из-под грунта, а натуральные матерые скалы. Такие, что сразу не обойдешь и не оползешь. А уж о том, чтоб взбираться на них в моем вовсе не альпийском снаряжении, и думать не стоило. Расселины между этими скалами заполнял все тот же сыпуче-текучий снежок, по которому гораздо проще было съезжать вниз, чем взбираться наверх.

Тем не менее я все-таки добрался до более-менее пологих мест, где подъем перестал быть крутым. Тьма к этому времени уже хорошо сгустилась, и пришлось изредка посвечивать

фонариком, чтоб не напороться глазом на сучок и не слететь с обрыва в кратер, который был где-то поблизости.

Вообще-то я не очень надеялся, что увижу какой-то свет в «Котловине». Вряд ли сотрудники СБ ЦТМО со своим вертолетом захотели бы высветиться в прямом и переносном смысле. Поэтому я удивился, увидев впереди какие-то красноватые пляшущие блики. Костерчик разожгли? В это было легко поверить, поскольку в остывшем вертолете не шибко приятно ночевать при тридцатиградусном морозе. Тем более таком здоровом, как «Ми-26», который не так просто прогреть.

Блики были слабенькие, а вот запах гари — довольно сильный. И это были не дровишки. Воняло чем-то нефтяным.

После того как я увидел блики, обнаружилось, что кратер находится всего в двадцати метрах от меня. Теперь следовало топтать с большой осторожностью, потому что появился уклон вниз, и снежок, мирно шуршавший у меня под снегоступами, мог как-нибудь невзначай поехать, сыпануться в какую-нибудь трещину и низвергнуть меня в стометровую пропасть.

Придерживаясь руками за стволы деревьев, я подошел поближе, оказавшись всего в двух метрах от обрыва. Дальше деревьев не было, и то, что находилось внизу, неплохо просматривалось.

Прежде всего я увидел несколько неярких костров. Именно от них и исходили красноватые блики, отражавшиеся на скалах с противоположной стороны кратера, которые я заметил, поднявшись по восточному склону.

К сожалению, после того, как я увидел эти костры, а особенно то, что высвечивалось в отсветах их пламени, у меня появилось стойкое убеждение, что мне нечего надеяться на помощь...

Там, внизу, тускло поблескивали лакированным металлом разбросанные на большой площади обломки огромного вертолета. А костры горели там, куда при взрыве выплеснулось горящее топливо, и пылали какие-то горючие предметы, находившиеся на борту «Ми-26».

Надо сказать, до этого в моей памяти еще не совсем закончился кавардак, и последовательность событий, происходивших до падения паралета, представлялась мне довольно смутно. Только тут, глядя на угасающее пламя и груды обломков, я начал вспоминать, что слышал гул вертолета перед тем, как отсюда, из «Котловины», выползло некое дирижаблеобразное сооружение, которое я расстрелял из ГВЭПа. Стало быть, оно, это сооружение, могло уничтожить вертолет, который, допустим, увидев эту «пузень», как выражался старший Лисов, пытался взлететь...

Из этого следовало, что экспедиция Чуда-юда потерпела полный крах. Вывозить из «Котловины» то, что он хотел, было теперь не на чем. Кроме того, если он действительно брал вертолет в аренду, то ему будет не так-то просто рассчитаться за угробленную федеральную собственность или собственность какой-то авиакомпании. Почему нынче такие вертолеты? Ого-го, не один миллиард небось. Да плюс еще погибшие... Комиссии, разборки всякие — жуть. А если еще и выяснится, что все эти исследования велись неофициально, при оплаченном невмешательстве местных властей, то у Чуда-юда будет куча неприятностей.

Фонарик был слишком слабенький, чтобы как следует осветить что-либо на стометровой глубине. Я все же посветил вниз, втайне надеясь, что там может найтись кто-то живой. Правда, толку от этого все равно не было бы. Шансы, что оставшийся в живых при катастрофе вертолета не получил серьезных травм, равнялись нулю. А у меня не было никакой возможности ему помочь. Стропы, даже если б я срезал с паралета не восемь, а все целиком и связал воедино, до дна не достали бы. Кроме того, они были слишком хилыми,

чтобы выдержать меня, даже если б я разделся догола.

Но никаких живых людей внизу не было. Лишь один предмет, освещенный догоравшими «костерками», был похож на человеческую фигуру, но если это и был человек, то у него отсутствовала голова и в медицинской помощи он уже не нуждался.

Я отошел от обрыва подальше, чтоб меня не снесло вниз, если вдруг поднимется ветер. Следовало подумать, что же делать теперь, когда надежда на вертолет в «Котловине» рухнула.

Спускаться с сопки, искать тропу, ведущую к зимовью? Ну уж дудки! Пожалуй, это намного опаснее, чем подниматься. По крайней мере, взбираясь, я еще видел, куда иду, и не совался на обрывы, а, спускаясь в абсолютной темени, неожиданно свалиться вниз легче легкого. Допустим, до паралета я дойду по своим следам, а дальше куда? Очень кстати припомнилось то, что говорил Лисов. Насчет того, что выйти из «эпицентра» можно только по бревнышкам через мостик, и больше никак. Может, он и врал, мозги пудрил, чтоб мы без него по тайге не шастали, но ведь была же тут «пузень», которую я сбил ГВЭПом, стало быть, и прочие аномалии могут проявиться...

Остаться здесь, поблизости от кратера, развести костерчик и попытаться не замерзнуть до утра? Очень ненадежное решение. Сейчас вроде ветра нет, но где гарантия, что он через час не поднимется. И отсюда, с верхотуры, меня запросто может сдуть. Или заморозить тут же, на месте, хотя здесь деревьев много и укрыться кое-как удастся.

В очередной раз пришла хорошая мысль, но, конечно, опосля. Надо было никуда не лазить, а остаться на месте падения паралета, содрать его купол с дерева, сделать из него шалаш или шатер, разжечь костер и прокемарить до утра.

Но топать вниз, пусть даже и по проторенной дорожке, мне чего-то не хотелось. Поэтому я подумал, что лучше будет найти какую-нибудь подходящую площадочку и построить себе укрытие из подручного материала, то есть сделать шалаш из лапника и обложить его смерзшимся снегом на манер эскимосского иглу. Правда, эти самые иглу я видел только на картинках и не очень представлял себе технологию их изготовления, но зато в детдомовские времена соорудил немало снежных крепостей. Если моему проекту и не суждено было осуществиться, то совсем не потому, что я не был готов к такой работе. Причина была вполне объективная и от меня не зависящая.

В полугробовой тишине, нарушаемой только легкими потрескиваниями пламени, долетавшими со дна кратера, да всякими неясными лесными шорохами, я услышал нечто похожее на звук шагов. Шагов человека, который, как я в самом начале своих таежных приключений, топает по снегу без лыж, проваливаясь по колена, пыхтит, выдергивая ногу из снежного плена, опять проваливается, опять топает, продираясь через сухостой и с треском ломая какие-то сучки и ветки.

Человек был не очень близко от меня. Определить направление я не мог, потому что каждый шорох дублировался эхом, которое моталось по сопке из стороны в сторону. Топающий мог находиться даже на противоположной стороне кратера, каменные стены которого были отличным резонатором. Одно я уловил точно с самого начала: шум приближался. Через пару минут я уже улавливал даже отдельные вдохи и выдохи. Именно поэтому мне стало ясно, что скорее всего сюда приближается дама. Ввиду того, что было сказано Лисовым насчет некоего высшего запрета на посещение района «Котловины» и всей близлежащей зоны лицами слабого пола, появление какой-то местной дамы было исключено. Маловероятным представлялось и прибытие сюда Зинаиды, во всяком случае, без лыж. А вот Лусия Рохас могла очутиться здесь, если с их паралетом тоже произошла авария. «Лулу», насколько я помнил, находился довольно близко от нашего «Троди», и его тоже должна была задеть

воздушная волна. Если, допустим, Лукьян погиб, то сеньорита Рохас вполне могла добраться до вершины сопки лишь сейчас. Вряд ли ей доводилось много путешествовать по снегам.

Прислушавшись, я все-таки сумел определить, откуда идет шум. Получалось, что Лусия — если это, конечно, она — приближается справа, если стоять, как я в тот момент, спиной к кратеру. Я направился навстречу.

Рискнул даже помигать фонариком. И не зря: оттуда тоже три раза мигнули. Теперь направление было уже совсем точно известно, осталось только встретиться.

Встретились мы с Лусией примерно через десять минут, когда я высветил ее фонариком под каким-то здоровенным деревом, где она сидела прямо на снегу и тяжело дышала. По-видимому, она совершенно выдохлась и последние метры двигалась только силой воли. Она, должно быть, уже и говорить-то не могла, до того устала. Казалось бы, ей сейчас все должно быть по фигу, лишь бы к людям попасть.

Но первые слова, которые она едва сумела произнести, звучали в переводе с испанского так:

— Вы настоящий?

ВДВОЕМ

— В каком смысле? — ошалело ответил я вопросом на вопрос, тоже используя для ответа испанский. Точнее, диалект, употреблявшийся в хайдийской столице Сан-Исидро в районе Мануэль-Костелло.

— Настоящий, — облегченно пробормотала Лусия. — Я рада, Деметрио.

— А что, были ненастоящие?

— Да, тут многое ненастоящее, — пробормотала научная мышка заплетающимся от усталости языком. У меня было впечатление, что она вот-вот потеряет сознание. Тогда бы она замерзла. Надо было срочно разжигать костер и ставить что-то типа шалаша.

Но очень хорошо, что я не успел сделать ни того ни другого. С той стороны, откуда пришла Лусия, легкий ветерок донес шорох лыж. И там же несколько раз мелькнул на стволах деревьев светлый круг от фонаря. Сами люди, судя по всему, были еще внизу, на склоне. Они, похоже, лезли вверх по следам Лусии.

— Передохнем, а? — Человек, произнесший эти слова, полагал, что говорит тихо. — Куда он без лыж денется? Еле идет.

— Тихо ты, козел! — прошипел второй. — Слышишь, вроде Остановился. Слушает небось...

Они притихли. Тоже прислушивались. Сколько их там и кто они? Ясно, что не чудо-юдовские. Иначе бы, наверно, не соблюдали такую осторожность, идя по следу Лусии. И скорее всего постарались бы догнать ее побыстрее, если их целью было оказать помощь.

— А может, он вообще помер? — долетело до моих ушей.

— Жди-ка! — Второй избытком оптимизма не страдал. Стараясь не шуршать, я нагнулся к уху Лусии и прошептал, с двух сторон прикрывая рот перчатками:

— Ты идти можешь?

— Почти нет. Может быть, еще несколько шагов... Это я и сам знал. Но тем не менее шепнул:

— Попробуй их пройти. Сейчас!

Бедная мышка! Ей так тяжело было вставать на ноги, однако она сумела себя пересилить. Но я ей не мог даже отдать свои снегоступы. Потому что те, кто шел за ней, должны были, ничего не заподозрив, продолжить подъем на сопку и, пойдя по ее следам, выйти прямо на меня.

Лусия двинулась вперед, провалилась, ухватилась за ствол какого-то дерева, выдернула себя из снега, сделала еще шаг. Шумно, громко, с треском и хрустом проломанного наста.

Она сделала три шага, когда внизу, там, где находились те, кто слишком громко обменивался мнениями, появился свет фонаря. Они выползли за гребень, втянув за собой лыжи и отчетливо бряцнув антабками автоматов. Это был слишком знакомый для меня звук, чтоб я мог ошибиться. Фонариком они освещали след Лусии, которая в это время продолжала с трудом двигаться по пояс в снегу, но до нее самой свет еще не дотягивался.

Я потихоньку переполз за ствол дерева — шум и треск, производимый Лусией, был прекрасной звукомаскировкой для моих действий — и извлек из патронной коробки ГВЭП.

Поставил тумблер на «вкл.». Лампочка загорелась. Гудение в тишине показалось очень громким, прямо как у мощного трансформатора. Но на самом деле его и в двух метрах от меня не было слышно.

Те двое уже встали на лыжи и двинулись следом за Лусией. Я без долгих раздумий хотел было поставить ГВЭП в режим «О», чтобы ликвидировать их двумя нажатиями кнопки, но тут лампочка внезапно погасла. А в голове появилось знакомое ощущение апатии. Такой же, какую я испытывал на паралете, когда стал забывать, какое нынче время года, а потом даже потерял представление о том, что нахожусь в воздухе. Тогда это состояние прервалось после крика Чуда-юда, долетевшего по радио: «Проснись! Проснись, идиот! Отвернись от ГВЭПа! Немедленно!»

Не знаю, каким уж усилием воли я заставил себя отбросить ГВЭП. Причем сделал это, еще не имея какого-либо рационального обоснования. Только приказ, отданный Чудом-юдом полдня назад, который я, кстати, тогда не выполнил...

Когда ГВЭП оказался в полуметре от меня, апатия сразу же исчезла. Но я заметил, что лампочка на его корпусе горит по-прежнему.

Лыжники в этот момент находились всего в пяти метрах от меня. Они оказались очень наблюдательными и с хорошей реакцией.

Та-та! Короткая очередь вспорола снег совсем рядом с деревом, за которым я укрывался. Дзанг! Одна из пуль угодила в ГВЭП. Лампочка погасла, и теперь этим оружием можно было разве что гвозди забивать. «Дрель» я выдернул из кармана очень вовремя. Бах! Куда палил — фиг его знает, но тем господам, что шмаляли из автоматов на звук, стало ясно, что им следует быть поосмотрительней. Конечно, этот выстрел меня засветил, и оба субчика начали поливать огнем дерево. Но прошибить его пули не могли — слишком толстое и промерзшее было. Те пули, что задевали дерево по касательной, отсекали от него щепки и куски коры.

Но тут в тархтение «калашей» вплелся иной звук. С той стороны, где ворочалась в снегу Лусия, простучала очередь из «ПП-90». И хотя пальба эта велась, как мне показалось, наугад, там, откуда в меня строчили, послышался сдавленный вопль:

— Ой, ма!

Похоже, кого-то из тех двоих зацепило, и они с яростью обрушили весь огонь в ту сторону, откуда получили пулю. Я рискнул чуть-чуть выглянуть из-за дерева и половиной зрачка увидел чуть озаренные автоматными вспышками фигуры в маскахалатах, прикинувшие к снегу, но все-таки отличающиеся цветом от сугробов. Ах вы, сучары, под снеговиков косить вздумали?

Они были бы плохо видны, но их светили трассеры, которые они гнали в ночь, откуда кто-то — у меня и в мыслях не было, что это Лусия! — экономно стучал по ним короткими очередями. Другого момента мне могло и не представиться.

Выставив фонарь с левой стороны дерева и высунувшись с «дрелью» справа, я нажал сперва кнопку фонаря, осветив одного стрелка и заставив его дернуться от неожиданности, а затем — спусковой крючок «дрели»... Бах!

Тот, кому пуля угодила в правый бок, аж подпрыгнул. 5,45 есть 5,45. С пяти метров она, должно быть, ударила в ребро, прошибла его, изменила направление и пошла гулять в грудной клетке, мелко шинкуя фарш из сердца и легких... Второй сделал совсем не то, что ему надо было сделать, а очевидную глупость. Привскочил и попытался на карачках переползти за другое дерево. С перепугу даже не попытался дать очередь по моему фонарю. По его освещенной фигуре я и выстрелил еще два раза из «дрели».

Попал не очень кучно — в голову и в бок, чуть пониже плеча, — но этого хватило. Клиент плашмя лег на снег. Некоторое время я выжидал, чтоб кто случайно не ожил, прислушивался. Потом подумал, что уже можно идти смотреть, но вовремя вспомнил, что у меня помощник объявился. Перемещаться, зная, что есть еще какой-то вооруженный товарищ, не хотелось. Вдруг перепутает и долбанет? Мы ведь тут все в белых штанах, как в Рио-де-Жанейро.

Почему-то мне казалось, что в дело вмешался Сарториус. Не очень верилось в пальбу сеньориты Рохас. Поэтому я осторожно позвал:

— Компаньерос!

— Я одна, — ответила Лусия по-испански. — Это ты стреляла?

— Да.

— Не стреляй, я сейчас посмотрю, что с этими... Я гнал из головы дурную мысль, что там может быть какой-то «третий неучтенный», и подбирался к покойникам кружным путем, чтоб не попасть в конус света от моего фонарика. Второй фонарик, доставшийся от Трофима, я взял с собой и осветил им лишь тогда, когда убедился, что поблизости, кроме успокоенных стрелков, никого нет.

От убиенных мне прежде всего требовались лыжи и жратва. Не стал отказываться и от одного «АКС-74» (второй был мне на фиг не нужен), а также от всех восьми магазинов (два были наполовину опустошены), которыми располагали бойцы. Личных документов у них, само собой, не оказалось, зато имелась чуть замаранная кровью карта-полукилометровка. Такой у меня не было даже на заимке, перед началом экспедиции. Что касается жратвы, то у покойных был один малоразмерный рюкзачок типа тех, что носят за спиной юные тусовщики, шляющиеся по Руси в поисках рок-концертов и приятной компании. В рюкзачке обнаружилась банка тушенки, кусок соленого сала, ржаные сухари и солдатская фляга со спиртом.

Можно было перекусить, даже хлебнуть — хотя последнее лучше на морозе не делать! — наконец, попробовать сориентироваться по карте. Компас тут не помог бы, но звезды были видны неплохо, если смотреть от края кратера, где не мешали верхушки деревьев. Но оказалось, что времени у меня на это нет.

Должно быть, пальбу на вершине «Котловины» было слышно очень издаля. Четыре ствола работало, из них три — автоматическим огнем. Два теперешних покойника были не то разведкой, не то дозорной группой соловьевцев. Сорокинцев я бы узнал в лицо. И, как видно, основная команда находилась не так уж и далеко, потому что довольно близко хлопнул выстрел и красная ракета прочертила небосклон.

Какой ответ должны были дать убиенные, спросить я не мог. А рация «Тамагава», висевшая на задку у одного из них, пищала:

— Ку-ку, Гриня! Отвечай, биомать!

Карту и магазины — в карманы, рюкзак — на грудь, автомат — на шею, одну пару лыж — на ноги, вместо снегоступов. Благодать! Это были настоящие сибирские охотничьи лыжи, широченные, не меньше двадцать сантиметров в ширину, снизу подклеенные каким-то мехом. Когда катишь вперед, мех прижимается, и скользишь не хуже, чем на мази, а когда лезешь в горку, мех оттопыривается и держит на склоне, не давая, как говорят лыжники, «отдачи». Крепления — простейшие, брезентовый ремешок, чтоб пропихнуть носок валенка, а задник — из резиновой трубки.

Последнее оказалось очень полезным, когда я поставил на лыжи Лусию. Несмотря на то что ножки у научной мышки были примерно 34-го размера, крепления ей вполне подошли — валенки ей выдали на шесть размеров больше, а внутри, как позже выяснилось, было накручено немало всяких носков и портянок, так что держалась обувь плотно.

Только тут я обнаружил, что Лусия тащит с собой рюкзачок, и довольно тяжеленький.

— Это что? — спросил я.

— Приборы, — вздохнула сеньорита Рохас, — это нельзя бросать! Без них нельзя будет понять здешних аномалий.

Именно поэтому, устыдившись, я задержался ненадолго, чтоб разыскать ГВЭП и уложить его в коробку из-под пулеметной ленты. Я подумал, что Чуду-юду будет интересно разобраться с тем, что вытворяла эта машинка.

Шелест лыж был намного тише, чем скрип снега, когда мы с Лусией двигались без оных. Но где-то позади нас на таких же лыжах шли соловьевцы. Вряд ли они были хуже подготовлены для лыжной ходьбы, чем моя тропическая спутница. И наверняка не были так перегружены, как я. Так что оставалось рассчитывать, что они нас не сразу найдут. Хотя надежда была слабая. След Лусии, проломанный в снегу, потерять невозможно. Он выведет их к месту перестрелки, а оттуда они попрут за нами по лыжне, которую мы же для них и проторим. Но делать было нечего, оставалось тащиться вперед, «вдоль обрыва, по-над пропастью», как пел когда-то Высоцкий.

На сам обрыв я Лусию не повел — свалилась бы. Если она имела когда-то дело с лыжами, то только с водными. К тому же она была на пределе сил еще после того, как сумела по глубокому снегу влезть на горку. В том, что соловьевцы нас догонят, я не сомневался, только мог прикинуть наудачу, когда они это сделают; через пять минут или через пятнадцать.

После того как мы прошли метров сто, Лусия упала в пятый раз и сказала:

— Я не могу идти, Деметрио.

Пришлось применять жесткие методы воздействия.

— Лусия, — прошептал я, — ты понимаешь, что будет, если они тебя найдут? Это очень злые и страшные люди. Замерзнуть до их подхода ты не успеешь, застрелиться — не хватит воли.

Они сцапают тебя живьем и будут насиловать минимум вшестером.

— Господи, — прошептала Лусия, — какая разница? У меня вообще еще не было мужчины. Узнаю хоть перед смертью, как это бывает.

— Идиотка! — прошипел я, нервно посматривая назад, где вот-вот могли появиться преследователи. — А как насчет пыток? Ты много знаешь. Не боишься, что они тебе всадят еловый кол в задницу?

— Нет... — Лусия, похоже, была полностью безразлична к собственной судьбе. Напугать ее чем-то никто не сумел бы.

— Хорошо, — сказал я, выйдя из себя, — оставайся. Я пошел. Если у тебя приступ мазохизма, я умываю руки. Но не забудь, что Господь и Дева Мария не примут тебя, ибо ты поддалась искушению!

С каких это рыжиков у меня прорвалось? Сам не пойму. Но сработало! Некие шарики-ролики в умной головешке Лусии заворочались, закрутились и подсказали ей, что Высшая небесная инстанция может признать ее поведение аморальным и не соответствующим тому, к чему призывает святая апостольская римско-католическая церковь.

— Я попробую... — пробормотала хайдийская девственница и с Божьей, а также моей посильной помощью приняла вертикальное положение.

Возможно, Господь прибавил Лусии сил, и она потащилась за мной с хорошим, злым упрямством. Но все-таки, конечно, медленно. А тут еще и луна откуда-то выползла. То ли она за какой-то сопкой пряталась, то ли облачка были — фиг поймешь. Но тут косые лучи серебристого, мертвенного, малость жутковатого света заструились с небес и заиграли на голубом снегу. Синие длинные тени деревьев легли на сугробы, лыжню, все стало отчетливо видно. Теперь соловьевцы могли нас разглядеть и за полета метров, даже не прибегая к фонарям.

Мне уже временами казалось, будто я слышу за спиной шелест лыж, быстро, в отличие от наших, скользящих по снегу, а также невнятный говор преследователей. А у бедняжки Лусии лыжи упрямо не хотели катить по пробитой мной лыжне, то разъезжались в стороны, то утыкались в деревья, то скрещивались...

И тут еще один сюрприз. Какая-то нечистая сила вынесла нас очень близко к краю обрыва. Конечно, нечистая сила была ни при чем, просто надо было лучше помнить конфигурацию сопки. Я уже задним числом вспомнил о седловине между «Котловиной» и «Контрольной». Здесь, с южной стороны «Котловины», внешний склон почти вплотную подходил к обрыву кратера. Тут и деревьев почти не было, не случайно ведь на вершине «Контрольной» чекисты Савельева оборудовали НП.

В общем, мы оказались на открытом, хорошо освещенном, просматривающемся и простреливающемся спуске в седловину между двумя вершинами двугорбой сопки. К тому же уклон у этого спуска был градусов 45, а в самом начале — верных 60. Во влипpli! По узкому ребру между кратером и склоном — полтора метра, самое большее два, я бы и сам не поперся ни за какие коврижки, а тащить туда Лусию было и вовсе безумием. Мигом свалилась бы в кратер или закувыркалась по склону. Не приходилось надеяться на то, что она, прокатившись кубарем, не свернет себе шею и не поломает спину. К тому же, идя по ребру, мы были отлично видны и ничем не прикрыты — мишени, как в тире.

А сзади прослушивалось яростное сопение и шорох снега под лыжами преследователей. Они уже побывали на месте перестрелки, убедились, что те двое выведены за скобки, и теперь жаждали мести. Пожалуй, эти ребята, если достаться им живьем, могли бы от души

поразвлекаться.

Поэтому я, присев на лыжах, махнул вниз по склону. Все горнолыжные навыки, которые у меня имелись, были накоплены в далеком детстве, на снежных горках Филевского парка, где наш физрук проводил занятия. Ну, еще была пара спусков в Парамоновом овраге на станции «Турист», куда детдом как-то раз выезжал на День здоровья. У Лусии и того не было.

Затормозить и остановиться на этом спуске было весьма трудно. Уже через секунду после того, как беспощадная сила тяготения понесла меня вниз с очень хорошей скоростью, мне стало ясно: это самая настоящая хана. Одного пулемета, висящего у меня за спиной, хватит, чтоб я переломил себе хребет. А есть еще автомат, коробка с ГВЭПом, рюкзак с банкой тушенки, штурмовой нож, магазины и фонарики, рассованные по карманам. Все это железо, которое казалось мне полезным и необходимым, теперь могло стать роковым.

Какая там Лусия, с ее секретными приборами и ценнейшими научными данными, в этих приборах записанными! Я о ней и думать забыл. Одно было на уме: не влететь лбом в дерево, не запнуться о пень, скрытый под снегом, не напороться на сук упавшего и запорошенного ствола, наконец, просто не закувыркаться по этому чертовому склону... Особливый ужас на меня напал, когда я обнаружил, что меня понесло не поперек седловины, а отвернуло вправо, на узкую полосу безлесного пространства между двумя стенами тайги, покрывающей склоны сопки. Если б поперек, то я, наверно, сумел бы затормозить на середине седловины и полез бы вверх по склону «Контрольной». Правда, скорее всего не успел бы пройти сотню метров, отделяющую меня от ближайших деревьев, так как выскочившие на склон «Котловины» соловьевцы расстреляли бы меня сверху: при свете луны на чистом месте я был бы очень хорошей мишенью.

Тем не менее, когда меня понесло вниз по седловине, я очень жалел, что мне выпало это направление. Поджилки тряслись самым натуральным образом. Особенно в четырех местах этой слаломно-головоломной трассы. Первый раз — когда меня пронесло всего в трех шагах от массивного валуна размером с микроавтобус, после столкновения с которым меня ни один морг не принял бы. Второй — когда меня потащило прямо на суковатое дерево, вывороченное с корнем и лежащее поперек дороги. Само оно, слава Богу, было под снегом, но сучья торчали наружу. Объехать его я не смог бы, даже если б был мастером горнолыжного спорта. То, что лыжи провезли меня точно между двумя острыми, как пики, сучьями, способными проткнуть насквозь, — это их заслуга и больше ничья. Третий момент, может, и не был столь чреват летальным исходом, как те два, но дух захватил о-го-го как. То, что сверху выглядело малорослым бугорком, при ближайшем рассмотрении оказалось естественным трамплинчиком, который поднял меня метра на три в воздух и заставил пролететь метров двадцать. Как ни странно, я приземлился на обе лыжи и в вертикальном положении. Более того, сразу после этого сумел вывернуть вправо, а не впаялся лбом в отдельно стоящую сосну. Это и был как раз четвертый момент, после которого седловина плавно перешла в пологий склон, скорость упала, и я смог наконец остановиться.

Минуты две я пытался открыть молнию заветного кармана, где лежали сигареты и зажигалка, — руки тряслись. От меня валил пар. Когда я все-таки

закурил, то не поверил своим глазам. Точно на том же месте, где и я, от сосны отвернула Лусия! Научная мышка совершила нечто невероятное! Не знаю уж, чего она натерпелась, но только, подъехав ко мне, озаренная лунным светом, она напоминала привидение. Я даже взял ее за руку, чтоб убедиться — это не призрак!

— Они были совсем рядом! — пробормотала она, и мне стало ясно, что девочка на грани помешательства. — Почти десять метров от меня! Я закрыла глаза и поехала. Открыла только сейчас...

Это надо же, карибская девочка с закрытыми глазами прошла такую трассу, да еще на охотничьих лыжах... Такие везения бывают только при определенном расположении планет, наверно.

Тем не менее стоило подумать о том, что если нам удалось проскочить, то и преследователи рискнут. Я прислушался. Нет, дураков и психов в рядах соловьевцев не имелось. Никто не скользил следом за нами, все было тихо.

Теперь надо было двигаться дальше. Это был единственный шанс не замерзнуть в тайге и не угодить к соловьевцам. Если они не отвязались от нас окончательно — а такие редко отвязываются! — то взялись спускаться по склону «Котловины», медленно приближаясь к нам. Конечно, мы отыграли у них около часа, но при Лусиной скорости на более-менее ровном месте — это не запас. Так что расслаживаться нечего.

— Передохнула? — спросил я.

— Немножко...

— Пошли не спеша.

Мы вступили под прикрытие деревьев. Лусия потянулась сзади, я взял курс наискось по склону. При этом вспоминал все, что удалось узнать о здешних местах от старшего Лисова. Например, вспомнилось, что мой тезка говорил о ручье, протекающем у подножия сопки. О том, что перейти его можно только по мосткам, проложенным Дмитрием Петровичем, а в других местах — нельзя. Почему? Что мешает? — этого Лисов не сказал. И всякие рассказы о том, что где-то можно по сторонам смотреть, а где-то нельзя, о «Черном камне», который старому деду Кислову всякие глюки показывал... Страшно! Тем более что уже точно знаешь — все это не досужие враки.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ РУЧЕЙ

Не знаю точно, сколько времени мы шли, протискиваясь через густо растущий лес, но наконец вышли на берег ручья. Ничего ужасного с нами не произошло. Ничто нам не мерещилось, никакие НЛО в небе не барражировали, да и трехметровые пришельцы поперек дороги не становились.

Ручей по зимнему времени выглядел просто канавой, замеченной снегом. Не больше полутора метров в ширину, а в глубину около полуметра. По-моему, он вообще вымерз до дна. Тут торчали какие-то кусты, а больших деревьев видно не было, они начинались гораздо дальше. Должно быть, весной здесь все капитально заливало. Действительно, самое дно распада.

— Может быть, перейдем на ту сторону? — предложила Лусия. У нее после скоростного спуска с горы, похоже, открылось второе дыхание.

— Давай пройдем немного вправо, — не торопясь смущать Лусию непроверенными легендами, сказал я. — Тут где-то мостик должен быть...

Я вовсе не был уверен, что мостик, о котором говорил Лисов, находится именно правее, а не левее нас, но помнил, что Дмитрий Петрович говорил о тропе, которая ведет от мостика прямо к «Черному камню». Если б мы выбрались из леса выше мостика по течению ручья, то уже должны были бы пересечь эту тропу. Но никаких троп, по крайней мере заметных, мы не пересекали.

— Зачем мостик? — удивилась Лусия. — Тут один снег и лед, воды нет. А там будет безопаснее...

— Откуда ты это знаешь? — удивился я, пытаюсь припомнить, когда же это Лусия успела переговорить с Петровичем. Нет, вроде за столом он только насчет «запрета зоны для баб» успел рассказать, да и то анекдот. Нет, про ручей он ничего не говорил...

— Во время полета, — сказала Лусия, — приборы показали серьезные изменения по многим параметрам, влияющим на психическое состояние человека. Причем скачкообразные. Хочешь, покажу?

Она вытащила из рюкзака что-то похожее на ноутбук, открыла крышку с плоским экранчиком на внутренней стороне, пощелкала клавиатурой при лунном свете.

— Вот это — карта здешней зоны, — пояснила она, показав мне изображение на экране. — Сейчас увидишь сплошные линии: красную, синюю, зеленую — они отмечают напряженность вихревых электромагнитных полей в зоне. А вот — данные по инфразвуку. Это пунктирные линии — совпадают почти точно! Точечный пунктир — земной магнетизм — опять совпадение. И примерно одинаковые скачки показателей на границах зон. Ровно на порядок. То есть если между зеленой и синей линиями какой-то показатель равен единице, то между синей и красной — десяти, а внутри красной — ста.

— Понятно, — сказал я, припомнив, что Лисов без всяких приборов примерно там же проводил границы подзон.

— Вот и надо перейти на ту сторону ручья, — закрывая свой ноутбук, заявила Лусия. — Мы здесь получаем негативные факторы в максимальном количестве, а там будет на порядок меньше.

— Я думаю, лучше дойти до мостика. Вдруг ты лыжу поломаешь, когда будешь перелезть через ручей.

Лусия без долгих раздумий направилась в сторону ручья. Я подумал, что, если она сейчас взлетит на воздух или испарится, мне будет ее очень жалко. Но соваться самому на роковой рубеж не хотелось. Я только сказал:

— Не надо ходить...

Но она уже поставила лыжу на край канавы. И тут началось что-то необычное.

Сперва Лусия сделала шаг вперед, но потом почему-то уверенно свернула вправо и, не переходя канаву, двинулась вверх по ручью. Она обернулась ко мне и торжествующе сказала:

— Вот видишь, ничего страшного. Переходи ручей спокойно! Я уже понял. «Черный камень» гнал ей в мозг искусственную реальность. Научная мышка видела, что переходит ручей и идет в направлении леса на том берегу, а на самом деле, покрутившись немного на месте, пошла в сторону леса на этом берегу ручья. Я догнал ее, потряс за плечо и сказал:

— Проснись! Ты идешь в другую сторону!

Она удивленно остановилась, покрутила головой и пробормотала, как бы стряхивая с себя наваждение:

— Невероятно! Я даже не заметила, как произошел переход от естественной реальности к искусственной.

— А что, если я попробую? — Эта шальная мысль могла прийти в мою голову только после того, как я убедился, что ничего трагического с Лусией не произошло.

Я решительно направился к ручью. Мне очень хотелось понять, есть ли хоть какой-то признак, что я перехожу из естественной реальности в искусственную. В конце концов, Чудо-юдо утверждал, что подшлемник с металлической сеткой должен защищать от всяческих враждебных ГВЭПов... Почему же не защищает?

Дошел до края канавы — вроде бы ничего. Повернул голову назад — увидел Лусию и сопку, с которой спускались на лыжах. Все четко. Поглядел вперед — неширокая, засыпанная снегом промерзшая канава, ничего больше. Осторожно опустил в канаву одну ногу, потом другую, после этого поднял правую ногу вверх, поставил на противоположный край канавы, перенес на нее центр тяжести, вытащил из канавы вторую ногу и пошел вперед...

— Стой! Стой! — Лусия уцепилась за пулемет. — Проснись! Меня передернуло. Я ушел метров на двадцать от ручья, но... в обратную сторону.

— Да-а... — протянул я, — вот это имитация!

— Я тебя еле догнала, — воскликнула Лусия. — Ты был так убежден, что перешел ручей... А помчался обратно. Стоп! А что, если обмануть эту систему?

— Как это? — удивился я.

— А так. Подойти к краю, повернуться спиной к ручью и сделать вид, что идешь в сторону той лыжни, по которой мы сюда пришли. Если эта штука работает по определенному принципу, то она развернет нас обратно и отправит за ручей.

Научная мышка — куда ее усталость делась? — снова пошла к ручью. Только теперь она встала спиной к канавке и сделала шаг в направлении меня. Потом другой, третий, четвертый... Пока не подошла ко мне вплотную.

— Не вышло? — спросил я без особого злорадства. — По-моему, эту штуку не надуешь. Пошли к мостику, а то мы и так потеряли много времени.

— Хорошо, — согласилась Лусия, — а ты уверен, что около мостика не получится та же история?

— Во всяком случае, здешний абориген Лисов утверждает, что перейти ручей со стороны «Котловины» можно только через мостик. А войти в эту красную зону можно совершенно спокойно.

— Значит, ты экспериментировал, уже зная результат?

— Я только не знал, как получается, что никто не в силах перейти эту узенькую канавку с внутренней стороны, тогда как в противоположном направлении перейти ее ничего не стоит.

— Значит, я была подопытным кроликом? — без обиды усмехнулась Лусия.

— Не все же мне в этой роли выступать! — хмыкнул я. — Ладно, идем, пока наши друзья с горы не спустились.

И мы двинулись вдоль ручья, условно говоря, вверх по течению, хотя сейчас никакого течения воды в ручье не наблюдалось. Шли по краю леса, не выходя на открытое место, но и не углубляясь в чащу. Постоянно прислушивались, хотя вряд ли соловьевцы сумели бы спуститься с горы раньше чем за полтора часа.

Прошли, наверно, не меньше километра, прежде чем оказались у мостика из двух бревен, переброшенного через ручей. На обоих берегах просматривались тропы. Одна наискось вводила вверх по склону горы, а вторая, на другом берегу, вела к зимовью. Неприятным показалось то, что на мостике и тропах были свежие лыжни. А может, соловьевцы уже проскочили мостик и поджидают нас за ручьем, на «безопасном», так сказать, берегу?

Затески с условными знаками Лисова я обнаружил выбравшись на тропу. Стоя спиной к мостику, увидел на одном из деревьев по правую сторону тропы три горизонтальные зарубки, а повернувшись лицом к ручью, увидел на другой стороне тропы (но опять-таки справа) две горизонтальные и «плюс». Стало быть, можно спокойно идти через мост.

Я двинулся первым, Лусия пошла за мной метрах в пяти. Луна сияла очень ярко. Открытое место, прилегающее к ручью с обеих сторон, выглядело так, будто его освещали прожекторами. Любой мало-мальски обученный стрелок, находишь он на одном из берегов, мог бы уложить меня с первого выстрела. Надо напомнить, что палок у меня не было и можно было только скользить на лыжах.

Нормальные люди, форсируя такой мостик, за которым может быть засада, перекидывают через речку дымовую гранату, под прикрытием которой головные перескакивают на ту сторону. Но у меня такого спецсредства не было. Поэтому на мостике я ощущал себя маленьким голеньким человечком, которого каждый обидеть может. Но Бог не выдал, свинья не съела. Мы благополучно перебрались через открытое пространство и вошли на узкую просеку, по которой пролегла лыжня.

— Передохнем, немножко, — попросила Лусия, — а то я опять упаду...

Присели на поваленное дерево, лежавшее рядом с тропой, даже лыжи сняли. Я достал аварийный паек, разорвал целлофановую оболочку, съели по шоколадке. Хотелось пить, холод, как ни странно, почти не чувствовался. Мне уже подумалось, что хорошо бы развести костер, чтоб согреть чайку, только вот посуды подходящей нет. Имелась банка с тушенкой, которую после оприходования можно было превратить в чайник, фляжка со спиртом, но и то и другое надо было приберечь. Хрен его знает, сколько нам еще плутать по этим сопкам-распадкам.

В общем, это сыграло свою положительную роль. То, что у меня не было посуды и я не стал разводить костер. Потому что тогда скорее всего нас загодя заметили бы с противоположного берега ручья.

Тишина донесла до моих ушей знакомый скрип лыж. Он шел со стороны «Котловины», но не прямо от мостика, а чуточку ниже по ручью.

— Это они, — шепнул я Лусии, — не сиди здесь без толку. Вот рюкзачок с продуктами, вот карта. Я схожу гляну, а ты иди по тропе так быстро, как сможешь. Постарайся добраться до заимки, отец тебе поможет. Я догоню, если повезет. Может, и без стрельбы обойдется.

Лусия тяжело вздохнула, надела второй рюкзачок спереди, встала на лыжи и в прогулочном темпе двинулась по лыжне.

Осторожно, стараясь не брякнуть, я снял пулемет, отвязал стропу, размотал ленту и, держа пулемет на весу, подобрался к крайним деревьям, за которыми начиналось открытое пространство.

Как раз в это время — секунды не прождал! — на противоположный берег ручья выкатил лыжник. Показался — и тут же назад. Меня он вряд ли заметил, мой берег был в тени, а их хорошо высвечен луной. Но наверняка его, очутившегося на свету, охватили те же сомнения, что и меня. Интересно, что они будут делать дальше. Ведь следы наших лыж там остались, и

этот дозорный-разведчик не мог их не заметить.

Минут пять никто на берег не высовывался. Я перевел взгляд на мостик. Там тоже никого не просматривалось. Конечно, они уже разобрались, что мы перешли через мостик. И теперь размышляют, догонять нас или нет. Мне тоже поразмыслить следовало.

Если они уже пробовали переходить ручей в неполюженном месте, то знают, что этого сделать нельзя. Но и мостик, словно специально предназначенный для того, чтобы валить тех, кто по нему движется, место не лучшее. С Лисовым они не беседовали, не знают, какие тут тонкости. А время идет. Морозец усилится. Так что, убедившись в нашем отходе за мостик, скорее всего уйдут куда-нибудь на горку. Вообще-то мне и так не очень ясно, зачем они на «Котловину» полезли. «Черный камень», что ли, собрались увозить? Или им «Джеммини-Брендан» с «G&K» пообещали какие-нибудь денежки за образцы инопланетных материалов? Очень все это странно. Ведь понятно, что с возвращением Ванечки к папочке вышел облом, а Сурен, должно быть, по жизни соскучился, дела ждут. Чего ему тут торчать, в самом деле?

Я уже начал жалеть, что не стреканул из пулемета по разведчику. Была мысль дать им выйти на мостик, подпустить поближе и положить всех, сколько их там осталось, из «ПК». Полная лента, на десяток хватит с избытком. А их человек шесть, не больше. Но раз не лезут, сколько ждать? Сам тут в ледышку превратишься. К тому же пулемет может подмерзнуть. Черт его знает, какой смазкой пользовались. «Дрель» я сам смазывал зимней, минус полста держит. А кто «ПК» готовил? Трофим покойный? С него не спросишь...

Открыл крышку ствольной коробки, поглядел, подышал даже. Конечно, лучшего прогрева, чем при стрельбе, не придумаешь, но стрелять-то не в кого.

Еще минут десять прошло. Я подумал, что пора и мне уходить, раз воевать никто не хочет. В конце концов, эта работа тоже дураков любит. Опять же за Лусию беспокоино. Куда эта антильская мышка по нашей тайге забредет? Да еще такой хитрой, как эта, здешняя.

Но тут с другого берега послышался прямо-таки дикий, истошный вопль. Так бабы орут, если змею или лягушку увидят. Однако орали мужики, сразу несколько и явно не дурачась.

Ребята, которых Соловьев нанимал, наверняка были не слишком пугливые. И он им не за то деньги платил, чтоб они пугались. Они имели кое-какую подготовку и даже, надо думать, военный опыт. Во всяком случае, при встрече с танком или боевым вертолетом они не стали бы визжать как резаные, а прикинули бы наскоро, есть ли у них силы и средства, чтоб данную технику раздолбать, или надо организованно делать ноги.

Затем в лесу, примерно там, где по склону котловины проходила тропа, поднялась до идиотизма беспорядочная пальба. Трассеры вылетали пучком, уносясь в осветленные луной небеса. Строчили, судя по всему, вдоль тропы, куда-то вверх по склону, не жалея пуль. При этом заметно было, что стрелки, продолжая молотить в кого-то невидимого, торопливо удирают вниз, приближаясь к мостику. Каждая новая нитка зеленовато-оранжевых пунктиров вылетала из мест, располагавшихся все ближе к подножию сопки.

Они появились в поле моего зрения сразу кучей, вшестером. Двое замыкающих еще продолжали лупить по невидимой цели, прочерчивая небо кривыми светящимися строчками, а остальные, толкаясь и наступая друг другу на лыжи, кинулись на мостик.

Я думал недолго. Что бы этих чуваков ни напугало, мне они на моем берегу ручья были без надобности. То, что именно на них выползло нечто страшное, — их проблемы. Тем более что в здешних местах, как мне подумалось, ничего особо страшного и не бывает, окромя всякого рода имитаций, которые я и сам бы мог изобразить, если б получше умел работать с ГВЭПом и если б здешняя пакость не оказывала на ГВЭП вредного влияния.

Передернув рукоятку «ПК» — уже по лязгу догадался, что ничего не примерзло и все работает, — я поймал на мушку тех, кто пытался удрать через мостик. Как раз в это время и последние двое, израсходовав, должно быть, все рожки, прекратили свое бесполезное занятие и тоже дали деру.

Бу-бу-бу! «ПК» разговаривал до ужаса солидно. Первая же недлинная очередь свалила сразу двоих. Они уже перебежали мостик и к моменту открытия огня были от меня меньше чем в шестидесяти метрах. Еще двое, поспешавшие за ними, попадали с мостика после второй очереди. Наконец, последние — единственные из всей компании успевшие сообразить, что попали между двух огней, — дернулись было под прикрытие деревьев, но не тут-то было. Трасса пуль из «ПК» пересекла им дорожку, и порезанные молодцы легли один на другого таким занятным способом, что в другое время я бы даже посмеялся.

Так воевать, конечно, приятно. Меньше чем за минуту все проблемы с соловьевцами были разрешены к обоюдному удовольствию. Я избавился от их назойливых приставаний, они — от своих страхов, причем навсегда.

Зато сразу после этого страх почувствовал я. Еще ничего не видя и не слыша. Страх был знакомый, безотчетный. Такой, какой я испытывал несколько месяцев назад, когда, заснув в резиновой лодке, болтающейся на волнах Карибского моря, ощущал себя американским мальчишкой Майком Атвудом... Все вспомнилось как наяву, только вот из натуральной таежной реальности я не мог никуда выпрыгнуть и вынужден ждать, что будет дальше.

Страх приближался. Он как бы натекал сюда, на дно распадка, по той самой тропе, которая выводила к мосту. Словно бы там, наверху (около «Черного камня», должно быть), прорвало некую плотину, и поток страха устремился вниз, затопляя всю долину. Мне стало понятно, отчего так запаниковали соловьевцы. У меня самого появилось горячее желание драпануть... или стрелять. Но стрелять пока было не в кого, а на месте удерживало опасение, что я могу угодить в ситуацию, схожую с той, в какую попали они. Вдруг где-то впереди — ребята Сарториуса? Мы расставались вроде бы не как враги, но ведь времена меняются...

Способности соображать я все же не потерял. Страх, уже однажды пережитый, преодолеть проще. А через пару минут я увидел тех, кого в общем-то и ожидал увидеть.

Их было двое. Ни скрипа снега, ни хруста веток, ни малейшего шороха не слышалось, когда из-за поворота тропы выступили огромные черные фигуры. Луна положила мертвенно-серебристые блики на их гладкие, как очищенное крутое яйцо, выпуклые и черные, словно маска фехтовальщика, лица, на покрывавшую их с ног до головы иссиня-черную кожу. С расстояния в сотню метров их размеры не производили такого сильного впечатления, какое могли бы произвести вблизи, но я еще раньше заметил трехметровую березку, стоявшую поблизости от моста, и сейчас различал, что головы гигантов находились намного выше ее. Казалось бы, при таком росте они должны были продавливать снег до самого грунта. Однако они ни на сантиметр не погрузались в него, будто их тела были невесомы.

В абсолютной тишине оба черных великана вступили на мостик. Как ни странно, именно в этот момент захлестывавшая меня с головой волна страха начала убывать. Я вдруг понял, что гиганты подчиняются тому же «закону», что и люди, то есть не могут выходить из зоны там, где им вздумается.

Шагали они не торопясь, почти так, как те трое, которых я видел на пленке, снятой сержантом Кулеминым. Или как те, которые привиделись мне во сне, доставшемся в наследство от Майка Атвуда.

Что же делать-то, е-мое? Ведь они сюда идут. А я для них, можно сказать, преступник: из ГВЭПа расстрелял их корабль, может быть, со всем экипажем. И они, заразы, ищут вовсе не тех вшивых соловьевцев, которых я уже перещелкал, а именно меня. Для ареста и предания

суду по каким-нибудь межгалактическим законам. Мне даже в родное сов... российское СИЗО не к спеху, а уж в инопланетянской — на фиг, на фиг! Хрен его знает, какие их УК меры наказания предусматривает. Может, запрессовку в пластик сроком на 25 их инопланетных лет (каждый из которых равен ста земным) с насильственным поддержанием жизнедеятельности до полного отбытия срока наказания? Или ссылку на какую-нибудь планету с обязательным привлечением к общественно-полезному труду по уборке помета за тамошними динозаврами — то, что динозавр за день

наложит, полгода разгребать будешь. Хорошо им, верзилам, шаги мерить: три раза ноги переставили — и мостик миновали. Еще чуток — и будут рядышком. ГВЭПом, что ли, долбануть? Страшно. Уже два раза из-за ГВЭПа со мной начинала какая-то фигня твориться. И потом, если они уже знают про ГВЭП, то просто нейтрализуют его. Как нейтрализовали на заимке.

Но ведь, когда я стрелял по «дирижаблю», ГВЭП сработал... Мысли путались, страх опять начал нарастать, несмотря на все мои попытки отделаться юморком.

Грозный «ПК» оказался мне слишком хиленьким. Эх, сюда бы БМД с пушкой и ПТУРСом! Но все-таки надо было показать, что я протестую против нарушения этими инопланетными захватчиками земной независимости и суверенитета.

Для начала я дал очередь впереди них. Короткую, веером поперек хода. Снежные фонтанчики порскнули всего в полуметре от ступней «длинных-черных». Именно таких, следы которых, отпечатанные на камне, Парамон Лисов показывал чекистам. Трехпалых с перепонками, немного похожих на лапы.

Они и внимания не обратили. Так, будто ветерком подуло. А ну-ка вам еще! Фых! Фых! Фых! Тот же эффект, никакой реакции.

Я поднял прицел, но на сей раз заведомо выше голов. Может быть, хоть это поймут? Трассеры прочиркали в полуметре над головами. Потом пониже — почти впритирку. Ноль внимания — даже не пригнулись. А шаги-то огромные, еще два десятка — и будут около меня. Ну ладно, вы на «мимо» не отреагировали. А ежели на поражение?

Пулемет затрясся, гильзы вылетали наружу, вплавлялись в наст, лента неумолимо переползала на правую сторону, я бил точно в середину идущего впереди, на уровне груди. Будь это люди, обоих бы пронизало насквозь раз по двадцать. Оба были бы трупами. С двадцати пяти метров «ПК» прошибет любой бронезилет. Эти даже не заметили. И вот что удивительно: ни рикошетных взвизгов, ни лязга от ударов по металлу не слышалось. И черная блестящая кожа пришельцев оставалась нетронутой. Ни пробоин, ни царапин, никаких отметин вообще. Крупные пули образца 1908 года, попадая в цель, дают приличный останавливающий импульс. Они способны отбросить далеко назад попавшего под удар человека. Эти не пошатнулись. Еще очередь, еще одна, еще! И тут я заметил, что трассеры гаснут, упираясь в грудь первого, а затем, пролетев насквозь через великанов, взбивают снежную пыль далеко за спиной второго, чуть ли не у начала тропы, ведущей на сопку.

Это что ж такое, биомать? А как вам, господа, если по лбу?

Я дал длинную очередь по головам. С десяти метров! Того количества пуль, которые угодили в обе головы, вполне хватило бы на то, чтоб расшибить десять человеческих черепов. Лязгнула железка, пулемет, выплюнув последнюю пулю, заткнулся.

На меня, однако, не обратили внимания. В то время как я, оставив раскаленный пулемет, вертел в руках «АКС-74», четко зная, что палить из него бесполезно, великаны уже ступали на просеку, по которой пролегал лыжня, и прошли мимо меня, даже не посмотрев под ноги. Я их, видимо, нисколечко не интересовал. Ну подумаешь, копошится на обочине собачонка

какая-то...

Страх, катившийся впереди них, стал постепенно угасать. Я, почти заледеневший в тот самый момент, когда мимо меня (как выяснилось, вообще не касаясь снега) проплыли ступни-ласты гигантов, кое-как оттаял. Меня колотила крутая дрожь, но было не холодно, а жарко, будто я только что пробежал на лыжах километров тридцать. И пить хотелось, как в пустыне. Рискую простудиться, нагнулся, набрал горсть снега и сунул в рот.

Когда нагибался, что-то кольнуло в бок. Это «что-то» лежало в моем кармане. Полез туда, вытащил пять патронов образца 1908 года с крестообразными пропилами на пулях. Те самые, что ни с того ни с сего взялся заготавливать Сарториус перед самым началом боя с соловьевцами. Почему? Лисов сказал, что это разрывные пули. В том смысле, что, попав в цель, пуля разворачивается и наносит пораженному жуткие рваные раны. Однако ни одной из этих пуль ни он, ни я не стреляли. Я-то понятно почему: у меня был автомат 5,45, к которому эти патроны не подходят. К тому же я не знал, что на уме у Сорокина и зачем ему нужны эти пули. А он-то наверняка знал, зачем их делал! У него тоже был «АК-74», но он мог бы дать эти пули кому-нибудь из своих людей, у которых были и «ПК», и «СВД», к которым эти патроны подходят. Тем не менее Сарториус тоже не стал их никому отдавать. Забыл? Или, может, не нашел нужным? Допустим, потому, что для этих пуль не было подходящей цели.

Тут я вспомнил, что идея распилить пули проклюнулась у Сергея Николаевича сразу после того, как выяснилось, что отказали ГВЭПы. То есть проявилось нечто неожиданное, связанное с особенностями зоны. Зоны, которую, как теперь уже точно известно, контролируют эти, «трехметровые».

Значит, скорее всего Сарториус готовил их против пришельцев, только вот они не соизволили явиться. И, возможно, он знал, что по ним, «длинным-черным», надо стрелять именно такими пулями. Попробовать, что ли, пока не ушли далеко? А что потом будет? Предположим, одного завалю, а второй меня чем-то типа ГВЭПа угостит. Деструктурирует в пыль — и хана. Или ухватит лучом, превратит в огненную «морковку» и выбросит за атмосферу.

Но все-таки русский человек, ежели захотел чего-то попробовать — непременно попробует. «Ведь если я чего решил, то выпью обязательно...» — Высоцкий.

Я вынул ленту из приемника и снарядил пятью патронами. Сейчас, наверно, обычный трехлинейный мосинский карабин был бы удобнее. Ну а об «СВД» и говорить не приходится. Одиночным из ротного пулемета стрелять не очень ловко.

Идиотизм задуманного дошел до меня только после того, как я, встав на лыжи и повесив пулемет за спину, погнался за пришельцами.

СИМ ПОБЕДИША...

Мысль догнать черных великанов была идиотской по двум причинам. Во-первых, каждый шаг у них был где-то около двух метров. Они не касались лыжни и не оставляли на ней следов. Два метра в секунду проходили равномерно, ритмично, как машина. Вне зависимости от того, в гору шли или с горы. Что же касается меня, то я гнался за ними на лыжах без палок, тяжелых, широченных, вовсе не предназначенных для гонок на скорость. К тому же после нескольких часов хождений по тайге с лыжами и без лыж сил у меня вовсе не прибыло.

Во-вторых, мне надо было благодарить Господа Бога за то, что пришельцы, после того как я высадил в них без малого двести патронов — минимум четверть попала в цель! — не

обратили на меня внимания. Должно быть, хорошо понимали безвредность для них моего оружия. Не будет же взрослый дядя баскетбольного роста всерьез сердиться на двухгодовалого пацаненка, который в него песочком кидается. Однако, если четырнадцатилетний оболтус запустит ледышкой, да еще попадет больно, этот дядя может обидеться и надавать по ушам. Отправляясь в погоню, я был вовсе не уверен, что мои надпиленные пули могут уничтожить «длинных-черных». Но вот то, что они могут их разозлить, представлялось мне более чем вероятным.

Тем не менее я все-таки взялся их преследовать, как говорится, с упорством, достойным лучшего применения.

Самое начало погони ознаменовалось тем, что мне пришлось лезть на пологий подъем, длинный-предлинный тягун. Такие и у профессиональных гонщиков силы вытягивают, в том числе и у тех, кто рассчитывает свой график гонки, хорошо знает трассу, блюдет специально разработанную диету, кушает в строго отведенное режимом время... А я, между прочим, кроме утренней каши, сваренной Лисовым, да шоколадки, ничего целый день не ел. Это само по себе плохо, а при том расходе энергии, которую мороз отнюдь не помогал восполнять, — совсем хреново.

Около километра я тащился по этому тягуну, удивляясь не тому, что не настиг пришельцев, а тому, что еще не догнал Лусию. Она-то и вовсе ничем не могла привлечь к себе внимание великанов. В лес, что ли, драпанула сдуру? Или...

Вспомнилось, как Лисов рассказывал о местах, где нельзя по сторонам смотреть. Может, тоже, упаси Господь, где не надо глянула и на сучок глазом накололась? Тьфу!

Плюнул я потому, что непроизвольно начал глазеть по сторонам. Не дай Бог, и сам еще влипнешь! Нет, только вперед!

Тягун кончился, начался длинный спуск, я разогнался, и теперь лыжи несли меня довольно быстро. Если эти типы не прибавили скорость, а идут в том же темпе, то я должен был начать их догонять. Правда, на сколько они за это время оторвались, я не знал.

Луна продолжала ярко светить, хотя и заметно изменила свое положение на небе. Теперь она светила под каким-то другим углом. А может, я въехал куда-то в тень от сопки — короче, хрен поймешь, но только стало темнее.

Но самое занятное ждало меня после того, как я оказался на развилке.

Лыжня разделилась на две, и обе были накатанные. Можно было определенно сказать, что здесь катались после пурги. И по правой, и по левой. Но одна из них уходила вверх и вправо, а другая вниз и влево. Куда теперь? Ни на одной, конечно, следов верзил не было, но и Лусия никак не отметилась. Зато на правой была лисовская затеска: «минус-плюс», а на левой: — «минус». Получалось, что ехать вниз намного опаснее. Но я поехал. Потому что вниз было проще.

Вот тут и началось.

Сначала я просто почувствовал, будто скорость нарастает слишком быстро для такого небольшого уклона — по-моему, даже пяти градусов не было. Лыжи несли меня гораздо быстрее, чем на предыдущем спуске, где уклон был круче. Я даже начал вспоминать о сумасшедшем спуске по седловине между «Котловиной» и «Контрольной», потому что деревья вокруг замелькали примерно с той же скоростью. У меня зарябило в глазах.

Попробовал притормозить, сдвинул лыжи носками вместе, пятками врозь. Но от этого получилось совершенно обратное, скорость возросла! Мне стало ясно: меня опять дурит

искусственная реальность, индуцируемая «Черным камнем». Как-то непроизвольно вспомнив о том приеме, который Лусия безуспешно пыталась применить на заколдованном ручье, я решил попробовать ускорить ход. И тоже не угадал, лыжи покатили еще быстрее.

Определить, с какой скоростью я ехал на самом деле, было невозможно. Кроме того, движение по лыжне казалось не прямолинейным. Сперва ощущались некие не очень крутые изгибы трассы, затем последовал (неизвестно, был ли он в реальности) поворот на девяносто градусов, потом еще несколько подобных поворотов, резко менявших направление движения, причем я даже не успевал заметить, изменяла ли направление сама лыжня или же я сворачивал в какие-то ответвления. Точнее, «меня сворачивали», ибо, как мне представлялось, никакого влияния на свое перемещение в пространстве я оказать не мог.

Наконец вся эта фантазмагория закончилась. Не могу с уверенностью сказать: «Я остановился». Просто воздействие некой силы — главным образом на мои мозги, как мне теперь кажется, — прекратилось.

И когда мелькание деревьев в глазах исчезло, я обнаружил, что стою вновь на той же самой развилке, откуда поехал «налево и вниз». Как я сюда попал, куда ехал на самом деле и ехал ли куда-нибудь вообще — эти вещи остались для меня тайной. Но факт есть факт, ровно полчаса было потеряно.

При этом я ощущал примерно такую усталость, какую должен был испытывать после получасового лыжного пробега с приличной скоростью по сильно пересеченной местности. И дыхание сбилось, и ноги побаливали от напряжения. Сильно захотелось сесть на снег и передохнуть.

Теперь я не сомневаюсь, что, поддавшись этому искушению, не дожил бы до утра. Меня нашли бы в свежемороженом виде, точно так же, как многих других, расставшихся с жизнью в этой проклятой зоне. Сел бы, ощутил комфорт, провалился бы в сон... и, конечно, не проснулся бы.

Тогда, непосредственно на развилке, у меня время от времени появлялось ощущение, что, если я присяду отдохнуть, ничего страшного не случится. Но я все-таки сумел запретить себе это расслабление. И повернул на сей раз на другую лыжню, ведущую «вправо и вверх».

Здесь все было по-иному, не так, как на первой лыжне. Я угодил на тяжелейший подъем. Причем временами мне казалось, будто там, впереди, куда смотрели мои глаза, лыжня поднимается чуть ли не отвесно в гору и двигаться по ней будет бесполезно — съеду обратно, никакой мех, приклеенный снизу на лыжу, не удержит. Когда я в первый раз увидел этот обман (скорее опять-таки обман мозга, а не зрения), мне очень захотелось повернуть обратно. Наверно, если б я это сделал и вернулся на развилку, то неведомой силе, морочившей мне голову, было бы легче «уговорить» меня присесть, отдохнуть, поразмыслить... С последующим плавным превращением в окоченевший труп. Но я, глядя на этот невероятный уклон подъема, все же нашел время посмотреть себе под ноги. И увидел, что там, где я сейчас иду, уклон совсем небольшой. Решив из чисто спортивного интереса дойти до того места, где лыжня якобы круто уходила в гору, я прошел сперва десять, потом двадцать, после еще пятьдесят метров без остановок и обнаружил, что никакой кручи впереди нет. Еще раза три возникала эта наведенная галлюцинация, но с каждым разом эффект ее воздействия был все слабее.

Более того. Постепенно, по мере того как я начинал понимать, что искаженная картина навязана мне кем-то извне, что какая-то сволочь иноземная... то есть — тьфу ты! — инопланетная целенаправленно заполаскивает мне мозги, дабы я видел то, чего нет, и не видел того, что есть на самом деле, сила этого внешнего воздействия ослабла. Через полчаса я уже перестал видеть впереди сверхкрутые подъемы. Мой мозг, вероятно,

самостоятельно перенастроился и стал активно противодействовать внушаемым галлюцинациям. Он словно бы острой шашкой разрубал накатывавшее наваждение, разметывал дурь и муть, лезущие в голову, и заставлял меня видеть мир таким как есть.

Конечно, погань, ползущая от «Черного камня», вовсе не собиралась сдаваться без боя. Судя по всему, этот super-Black Vox имел в своем заглавнике еще не один прикол, предназначенный для давления на мою психику. После того как ему стало ясно, что на искажение восприятия рельефа местности (типа подъема лыжни на отвесную кручу) наполнитель моей черепушки больше не реагирует, «Черный камень» стал показывать мне тупики. Два раза с интервалом в десять минут у меня проскальзывало ощущение, что просека с лыжной обрывается, упершись в сплошную стену деревьев, и дальше пути нет.

Но мозг, приспособившийся работать не хуже дешифратора Лопухина, уверенно говорил: «Лаж! Туфта! Чуть собачья! Толай, как топал». И подъехав туда, где якобы заканчивалась лыжня, я обнаруживал, что она продолжается.

После провала второй попытки начались обманки с боковыми ответвлениями. Причем очень соблазнительными. Первое боковое ответвление, которое обозначилось слева, меня чуть-чуть не сбilo с толку. Оно вроде бы выводило на удобный пологий спуск, а где-то в самом конце этого спуска будто бы просматривались какие-то красноватые огоньки Каюсь, но мне показалось, что этот спуск может вывести к заимке.

Однако большего, чем повернуть носки моих лыж в сторону этого спуска, брехологической силе не удалось. Мозг мгновенно вспомнил, что во время пребывания на заимке ничего похожего на этот спуск я не видел. И лжеответвление моментально исчезло.

Вторая обманка промельтешила справа. Там даже привиделось что-то вроде контуров избушки. Но мозг и здесь безукоризненно точно определил «липу»: «Иди мимо и не майся дурью!» Я прошел мимо совершенно спокойно, даже не замедлив шага.

Еще один фокус был показан через двести метров. Откуда-то из чащи на меня глянули два светящихся зеленых глаза. Рысь? Волк? Но голова опять же распознала надувательство, и я даже не стал хвататься за автомат.

Все это происходило во время подъема. Он продолжался полчаса, не больше. Как ни странно, но я намного меньше устал, чем после того самого «спуска», который привел меня в исходную точку на развилку. Более того, сил у меня даже прибыло.

Когда кончился подъем, около километра я шел по ровному месту. И потому смог немного прибавить ходу. На самом деле, без всякого прибалдения. Мозг уже не ошибался, наваждения его не брали. А потому, когда впереди меня, из-за поворота тропы, показалась белая фигурка, еле-еле плетущаяся на лыжах и вот-вот готовая упасть от усталости, я понял, это не привидение, это настоящая Лусия Рохас.

Догнать ее оказалось просто. Пожалуй, можно было даже объяснить, почему она при такой скорости смогла оторваться от меня на столь дальнее расстояние. Но вот понять, как она разминулась с «длинными-черными» и не выпала при этом в осадок, я сразу не смог.

— Сантиссима Тринидад! — пробормотала она, перекрестившись по-католически, то есть обмахнувшись ладошкой в варежке. — Ты жив? Я так боялась, такая стрельба была...

— Это как раз не самое страшное, — заметил я, ничуть не покривив душой. — Ты видела ИХ?

— Нет, — сказала Лусия, — я никого не видела. Я прошла метров двести, когда начали стрелять, а потом свернула в лес.

— В лес? — переспросил я. — И куда же ты пошла?

— Не знаю, — пожала плечами эта наивная девочка, — куда-то подальше от тропы. Куда деревья пускали...

— И далеко ты так прошла?

— Наверно, не очень. Шла час или больше, может быть. Мне очень хочется спать. И тогда хотелось, но я знала, что это нельзя, и шла. Потом вышла вот на эту тропу.

Таким образом, мое предположение подтвердилось. Лусия свернула в тайгу, и черные великаны прошли мимо, а я — тем более, поскольку эта бедняжка была уже далеко от тропы. Но, конечно, то, что она поперлась с тропы в лес, не представляя себе, что заплутать там и замерзнуть можно в два счета, восторга у меня не вызвало. «Куда деревья пускали» шла, видите ли! Дурдом! Тут можно такой маршрут себе обеспечить, что и до весны не выйдешь... Впрочем, может, оно и к лучшему? Если б она этих ластоногих увидела, то могла бы и копыта откинуть.

— Ты идти еще можешь? — спросил я, прекрасно зная ответ. Передо мной было совершенно сонное существо. Возможно, Лусия смогла бы пройти еще с десятков метров, но на большее рассчитывать не приходилось.

В своих силах я тоже не был уверен. Лусия, при всей своей миниатюрности, в валенках и прочем снаряжении весила не меньше полета килограммов, и о том, чтоб я, в умотанном состоянии, смог бы протащить ее хоть сотню метров, можно было спокойно забыть.

Я встал впереди нее на лыжню, отстегнул ремень пулемета от верхней антабки, взял пулемет под мышку, стволом вперед, свободный конец ремня подал научной мышке.

— Держи и старайся не отпускать. На буксире поедешь.

— Хорошо, — ответила сеньорита Рохас голосом дистрофика. — Я попробую...

Я двинул лыжи вперед, потянул Лусию за собой. Но не проехали мы и десяти метров, как знакомая волна удушающего страха накатила на меня из-за поворота лыжни. Две огромные черные тени легли на снег поперек просеки, точнее — наискось. Трехметровые чудовища появились передо мной в каких-нибудь десяти метрах.

— А! — коротко вскрикнула Лусия и повалилась набок, будто в нее попала пуля. Конечно, пулеметный ремень она выпустила из рук.

На сей раз у меня было слишком мало патронов, чтобы экспериментировать с предупредительными выстрелами. Я прицелился в чудовищ из «ПК».

Та-та! Та-та! — получились две короткие очереди, на два патрона каждая. С интервалом в пару секунд, не больше.

То, что произошло потом, было достойно какого-нибудь супербоевика типа «Звездных войн» или «Дня независимости». Советских или российских фильмов с такими эффектами я и вовсе не припомню.

На непроглядном иссиня-черном фоне двух гигантских фигур ослепительно-ярким, бело-голубым светом вспыхнули и погасли четыре огромных идеально правильных креста-плюса. Затем черные контуры пришельцев мгновенно и беззвучно распались на какие-то бесформенные обломки. Послышался треск, напоминающий звук сильного электрического разряда, полыхнуло нечто вроде зеленого пламени, и в разные стороны, по каким-то невероятно причудливым траекториям — кривым, спиральным, ломаным,

закрученным, зигзагообразным — понесли не менее полутора десятка искрящихся зеленоватых образований. Точнее не скажешь, именно «образований», потому что определить более-менее конкретно, на что эти самые «разлетайки» походили, было очень трудно. Не то шарики, не то ежики, не то скомканные мочалки из каких-то зеленых искроподобных зеленых нитей. Две штуки, как мне показалось, вонзились в снег и бесследно ушли в землю. Остальные уносились так быстро, что разглядеть, куда какой полетел, мне не удалось. Тем более три подобные фигулины прошуршали над головой всего в полуметре, обдав на мгновение жаром. Я думаю, если б один такой шарик долбанул меня в брюхо, то прожег бы насквозь вместе с бронжилетом и одеждой, потому что позже я обнаружил на шлеме термически проплавленную борозду.

Обломки пришельцев, мягко и бесшумно упавшие на снег поперек лыжни (будто были сделаны из ваты или губчатой резины), тут же с шипением запылали синим пламенем. Шипел, должно быть, таявший и тут же испарявшийся снег. Секунд десять — и они начисто исчезли.

Сказать, что я обалдел — значит, ничего не сказать. Я от всех этих фейерверков впал в самое натуральное оцепенение. Рукой-ногой пошевелить не мог, глазами моргнуть, языком пошевелить. Не от страха, а от неожиданности. Ничего подобного я не мог предвидеть. Мне ведь не очень верилось, что надпиленные пули лучше обычных. Обычных я извел больше двух сотен и ничего не добился, а тут р-раз — и вдрызг!

Когда оцепенение сошло, я первым делом посмотрел назад, где все еще лежала в отключке Лусия. Даже забеспокоился — не пришибло ли ее чем-нибудь, хотя помнил, что «ежики зеленые» пролетели выше меня и никак не могли ее зацепить. Кстати, вспомнил, что и «ежиков», и «кресты белые» видел в том самом сне, где Майк Атвуд попал на борт «летающей тарелки».

Никаких внешних повреждений на Лусии я не обнаружил, а после того, как похлопал ее варежкой по щекам и приложил снег ко лбу, окончательно убедился, что она жива. Просто сомлела с перепугу.

— Где эти, страшные? — спросила она, едва открыв глаза. На этот вопрос ответить было не так-то просто. Я не мог бодренько доложить, что, мол, благодаря моим решительным и умелым действиям успешно пресечена попытка нарушения суверенитета России и мирового сообщества со стороны проклятых инопланетных агрессоров. Во-первых, у меня еще язык толком не ворочался. Во-вторых, я был вовсе не уверен, что «агрессоры» уничтожены. В-третьих, не считал возможным назвать их «агрессорами». И правда ведь, ни одного враждебного действия против землян эти два трехметровых типа не предприняли.

— Там. — Я указал на лужу, которая быстро остывала и с краев уже стала затягиваться ледком.

И это был весьма оптимистический ответ. То, что лужа образовалась на месте сгоревших без остатка обломков, сомнению не подлежало. Но разлетевшиеся в разные стороны «ежики зеленые» запросто могли быть самими пришельцами в чистом виде, тогда как черные человекообразные фигуры — всего лишь защитными скафандрами.

— Сантиссима Тринидад! — пробормотала Лусия. — Это было так ужасно... У меня почти остановилось сердце.

Я на всякий случай снял с ее руки перчатку, пощупал запястье: нет, до остановки сердца еще далеко. Пульс был учащенный.

Лусия встала на ноги, и я помог ей нацепить свалившиеся лыжи. Потом сказал:

— Надо идти.

Лусия изобразила что-то похожее на утвердительный кивок. Она напоминала человека, которого только что вынули из-под развалин разбомбленного дома или откопали из-под снежной лавины. На ее лице проглядывала некая отстраненность от жизни, точнее, невозвращенность к жизни. Должно быть, не имея возможности в отличие от меня хоть как-то повлиять на события» она перепугалась намного сильнее и уверовала в неизбежную гибель, а потому уже чувствовала себя одной ногой на том свете. Теперь же, когда выяснилось, что гибель отодвинулась на неопределенный срок, Лусия медленно возвращалась во вменяемое состояние. Тем не менее это оказалось очень полезным. На какое-то время она полностью потеряла волю и, точь-в-точь как те, кому вкалывали «Зомби-7», стала абсолютно исполнительным субъектом.

Именно вследствие этого она, не сказав ни слова против, послушно зашаркала по снегу, обходя лужу. И позже, когда мы, миновав проталину, пошли в прежнем направлении по лыжне, ни разу не пискнула насчет своей усталости, а сосредоточенно передвигала ноги, хотя ей это стоило немалых усилий.

Я не был убежден, что мы сможем пройти несколько километров, которые оставались до заимки. Хотя и не в такой степени, как Лусия, но я тоже сильно устал. И мало было шансов, что появится какое-нибудь третье или четвертое дыхание.

Однако километр мы с ней прошли. А потом еще сто пятьдесят девять метров. Почему так точно? Потому что именно через 1159 метров мы оказались рядом с охотничьей избушкой.

ИЗБУШКА, ИЗБУШКА...

В отличие от той липовой избушки, которая мне привиделась по милости «Черного камня» и которая показалась именно избушкой, эту мы едва разглядели. То, что мы увидели, было похоже на большущий сугроб, наметенный на кучу бурелома.

Лыжня, проторенная уже после пурги, шла мимо нее. И никаких следов, свидетельствовавших о том, что кто-либо эту избушку посещал, по крайней мере в последние несколько недель. Полянка, на которой располагалась избушка, была совсем маленькая и являлась скорее расширением тропы-просеки, чем самостоятельным образованием.

Найти тут людей было нереально. Ясно, что ни Генка, ни Женька, ни Максим, ни тем более сам старший Лисов давненько тут не бывали, если бывали вообще. Тем не менее, если тут имелась печка и хоть небольшой запас дров, можно было дожить до утра.

Для начала мы попробовали вычислить, где же тут дверь. Избушка была так заметена снегом, что лишь с одной стороны из-под сугробов проглядывали бревна. Со всех прочих сугробы, наметенные у стен, и пласты снега на крыше полностью срослись.

На той стороне, где из-под сугробов просматривались бревна, двери не оказалось, только застекленное малюсенькое окошко. Эта стена была торцевая. Чтобы добраться до длинной стены, мне пришлось забрать у Лусии одну лыжу и поработать ей как лопатой. Сил было немного, работалось медленно, зато я неплохо согрелся. На наше счастье, дверь оказалась не так далеко от угла, и прокопал я не больше двух метров, прежде чем до нее добрался.

Дверь крепко примерзла, и мне пришлось немало поколотить по ней прикладом, чтобы вышибить лед из пазов, щелей и из-под петель. Конечно, никто эту дверь не запирали на ключ.

Ее просто заложили деревянным брусом снаружи, чтоб медведь не пролез.

— Это чье? — спросила Лусия. — Мы нарушаем частное владение?

Все-таки трудно объяснить западному человеку (а бабе тем более), что в России встречаются неприватизированные жилые площади. Даже замерзая и валясь с ног от усталости, воспитанная на традициях правовой демократии дама беспокоилась, не посадят ли ее за покушение на частную собственность.

— У нас форс-мажорные обстоятельства. — Сам не понимаю, как я припомнил сей юридический термин, не говоря уже о том, к месту ли его употребил. Но Лусию это, кажется, убедило в правомерности наших действий.

Мне же уголовно-правовые аспекты сейчас были до лампочки. Меня больше интересовало, есть ли в избе исправная печка и хоть что-нибудь горючее, кроме стен и потолка. В противном случае изба из убежища от холода превращалась в холодильник, где останавливаться на ночлег было не менее опасно, чем на свежем воздухе.

Выбив брус, которым была заложена дверь, я отворил ее и осветил фонариком. Впереди оказалось нечто вроде маленького тамбура площадью в половину квадратного метра, за которым оказалась еще одна дверь, задвинутая на железный засов, кованный, должно быть, деревенским кузнецом. Засов немного проржавел, но, постучав по нему прикладом, удалось его разболтать и отодвинуть. И внешняя, и внутренняя двери были обиты войлоком. Внешняя со стороны тамбура, а внутренняя с обеих сторон.

Луч моего фонарика озарил мрачноватое и тесное помещение, четверть которого занимала кирпичная печка с чугунной плитой о двух конфорках. Жестяная труба была накрепко вмазана в кирпичи и, судя по всему, выходила куда-то на крышу. Дрова были сложены у глухой стены, сразу за печкой, их там было, на мой непросвещенный взгляд, примерно два кубометра.

На плите стояли черный от копоти, но вполне пригодный к употреблению жестяной чайник и вместительная кастрюля, тоже вся закопченная с внешней стороны, но внутри чистая и не ржавая. В кастрюле лежало пять алюминиевых мисок, столько же ложек и кружек, а также половник.

В простенках по обе стороны от того самого окошка, которое мы откопали на торцевой стене избышки, висели самодельные шкафчики. Один из них содержал два увесистых, по два кило примерно, мешочка с крупой. На одном было химическим карандашом написано «Пшено», на другом — «Рис». В облупленной жестяной банке лежало двадцать кубиков пиленого сахара, а в другой, поменьше, находилось граммов сто чая. В другом шкафчике съестного не оказалось, тут хранился охотничий НЗ: штук двадцать гильз 16-го и 12-го

калибров, плотно закупоренная банка с черным порохом и мешочки с надписями все тем же химическим карандашом: «8», «3», «00», «Жаканы».

Остальную обстановку избышки составляли одноярусные дощатые нары три на два метра, застланные сенными тюфяками, сшитыми из брезента, и настоящей медвежьей шкурой, некрашенный, но крепко сколоченный стол и пара табуреток.

В общем, если как следует натопить, то до утра условия жизни можно было назвать комфортными. Но вот в том, что удастся растопить печку, у меня были немалые сомнения.

Я сомневался насчет трубы. Пласт снега на крыше избышки был очень толстый, и труба на его поверхности не просматривалась. Ее могло наглухо забить спрессовавшимся снегом, а то и льдом, который очень трудно будет пробить. Его и не растопишь. Если просто разжечь огонь в топке, тяги не будет и весь дым поперет в комнату. И тепла не прибудет, и от угара

сдохнуть можно.

Поэтому я, усадив Лусию на нары, вновь вышел на воздух и попробовал взобраться на крышу. Это удалось, хотя и не сразу. По крыше я не ходил, а ползал, потому что не знал, насколько прочны доски. Продавить их мне не хотелось, на них и так лежала немалая снежная тяжесть. Все, однако, обошлось благополучно. И крышу я не продавил, и трубу нашел, и она оказалась незабитой. На ее верхний обрез был приклепан жестяной конус-искрогаситель, благодаря которому снег только облепил трубу со всех сторон, но внутрь почти не попал. Во всяком случае, никакой плотной пробки в трубе не было. Очистив верх трубы от снега, я слез вниз, вернулся в избу и стал штурмовым ножом колотить лучинки для растопки.

Печка не подвела. Дым пошел туда, куда надо, то есть в трубу, а не в щели между кольцами конфорок и не через заслонку топки. Кирпичи нагрелись, плита тоже, и температура в избушке начала помаленьку подниматься. Уже через полчаса стало чувствоваться, что мы находимся в тепле, а не в холодильнике.

Пора было подумать и об ужине. Хотя, пожалуй, наш поздний ужин можно было считать ранним завтраком — был уже второй час ночи. Вскрыв трофейную тушенку, я прямо в банке поставил ее на плиту, сало стало таять, и по избе поплыл довольно вкусный духан. Чайник я набил снегом, на плите он быстро растопился, и образовавшаяся водичка закипела, долго ждать не заставила. Чай я заваривал прямо в кружках, засыпав в обе по щепоточке. Не хотелось быть щедрым на халяву. Нам ведь тут и оставить взамен нечего...

Лусия, пока я возился, находилась в состоянии полудремы. Теперь ей можно было дать поспать, но я предпочел ее разбудить и пригласить к столу. Блюдо было занятное, немного экзотическое: тушенка с крошками и размоченными в кипятке ржаными сухарями. На второе — по бутерброду из пайкового печенья с салом. На третье — чай с шоколадом из наших аварийных запасов. Сахара, предназначенного для посетителей, решили пока не касаться. Шоколад портится быстрее.

Спирт я покамест трогать не стал, хотя соблазн слегка согреться изнутри был. Однако я решил, что слишком взбадриваться не стоит. И не хотелось дурить себе голову — мало ли какие еще сюрпризы преподнесет «Черный камень». Они, эти сюрпризы, и на трезвую башку меня едва не умучили, а уж на пьяную голову и вовсе без крыши останешься. Наконец, стояла чисто техническая проблема — разбавлять или не разбавлять. Разбавишь кипяченой водой — бурда получится, не разбавишь — глотку сжечь можно. Ну его к бесу! Трезвость — норма жизни.

После того как трапеза была завершена, встал вопрос о ночлеге. Я пощупал тюфяки, лежащие на нарах: они были сыроваты. Их следовало чуточку подсушить. У меня в хозяйстве остался довольно длинный кусок стропы от паралета, который удалось привязать к двум полусогнутым гвоздям-крючкам. Они, видимо, и прежде служили для бельевой веревки. Пять тюфяков сразу стропа не выдержала бы, но два — вполне потянула. Конечно, запах от просыхающих тюфяков пошел не лучший. Однако на разморенную Лусию он не производил впечатления.

По мере того как прогревалась печка, в избе становилось тепло, даже жарко.

— Лучше маленький Ташкент, чем большая Сибирь, — сказал я, стаскивая комбинезон вместе с валенками. Валенки я надел обратно — температура пола не располагала к ходьбе босиком. Но бушлат и ватные штаны снял — упревать не хотелось. Остался в свитере и джинсах — для спанья на тюфяке без простыни этого было вполне достаточно. Лусия готова была заснуть в чем была, но комбинезон и верхнюю одежду, то есть стеганое утепление, я ее заставил снять.

Тюфяки высохли, и мы постелили их. Улеглись не головой к стене, как предусматривалось конструкцией нар, рассчитанных на пятерых мужиков среднего роста, а ногами к печке, вдоль длинной стороны. Из стеганок соорудили изголовья, а укрылись шкурой медведя.

Перед тем как заснуть, я развесил на веревку комбезы, пододвинул валенки к печке. Убедился, что дровишки прогорели и угарных головешек не имеется, открыл заслонку и задвинул вьюшку печи. Внешнюю дверь заложил брусом, а для туалетных надобностей между двумя дверьми поставил помойное ведро — ничего удобнее не нашлось.

Лишь после этого, уже в третьем часу ночи, я залез под шкуру, где мирно посапывала, улегшись на бочок, Лусия. Никаких гнусных мыслей в отношении научной мышки у меня не было и не могло быть. Голова как бухнулась на подушку, так и прилипла к ней намертво. Организм не собирался мучиться дурью и пренебрегать своим правом на отдых. Я заснул без задних ног.

Сколько времени мне удалось продряхать без сновидений — черт его знает. Скорее всего часа три-четыре. Все это время вырезано из памяти начисто. Но ближе к рассвету в моей голове принялись бродить сперва не очень ясные тени, потом стали проглядывать какие-то конкретные, не всегда узнаваемые физиономии, предметы и ландшафты. Все это перетасовывалось по нескольку раз. После чего промелькнули знакомые по прежним снам и пограничным состояниям отрывки из жизни людей, волею судеб оставивших куски своей памяти у меня в голове. Браун все никак не мог получить свой парашют от разгильдяя Суинга, негритенок Мануэль нырял с горящего фрегата, чтобы подогнать к его борту перевернутую шлюпку, капитан О`Брайен держал на ладони четыре перстня Аль-Мохадов, донья Мерседес каялась в грехах, Майкл Атвуд переживал кошмар подземного потопа, Вася Лопухин размышлял о возможности приема Петра I в члены ВЛКСМ. Все это быстро проскакивало перед глазами и исчезало. Но вот мельтешня образов и смена декораций закончилась.

СИБИРСКИЙ СОН ДМИТРИЯ БАРИНОВА

В качестве основного места действия установился странно знакомый интерьер

— некое помещение, похожее на церковь, переделанную в концертный зал. Без стульев и без публики. Два года назад, на Хайди, я увидел три «дурацких сна», которые одновременно со мной смотрела Таня-Кармела-Вик.

Теперь, правда, зал выглядел немного по-иному. Например, по краям его появились сводчатые арки, которые раньше были как бы заложены кирпичом, заштукатурены и побелены. Теперь в этих арках была загадочная темнота, и поначалу было непонятно, то ли проемы этих арок все-таки заделаны, но не освещены, то ли они открыты и за ними открываются дороги в какую-то космическую беспредельность.

Судя по всему, я вышел в этот зал через один из таких проемов. Логично было подумать, что сюда придет еще кто-то и, естественно, появится откуда-то из арок.

Почему-то мне казалось, будто опять явится Таня, точнее, Вик Мэллори, хотя и неизвестно с какой начинкой. Но на сей раз я ошибся.

Из двух диаметрально противоположных проемов, находившихся справа и слева от меня, вышли Чудо-юдо и Сарториус. Разумеется, виртуальность этих фигур для меня секретом не была. Оба бывших чекиста напоминали анимированные плоскостные фотографии. Это настраивало на какой-то несерьезный лад, тем не менее я не сомневался, что они имели

более чем серьезный повод для встречи. Я был убежден, что им необходимо было срочно провести свои переговоры «на высшем уровне». Разыскивать друг друга в зоне, встречаться наяву, вызывая подозрения подчиненных, они не хотели. Им необходимо было пообщаться с полной откровенностью, и лучшего места, чем моя черепушка, они, конечно, подобрать не смогли.

Они понимали, что эта встреча на «моей» территории не может остаться абсолютно конфиденциальной. Но в данном случае их заботила не полнота секретности, а желание оказать на меня воздействие.

В чем это воздействие должно было заключаться, я понял довольно быстро. Но начало общения было неожиданным. На меня, то правлениям. Я прекрасно помню, как докладывал через три разных канала и все попусту.

— Ладно. Это не вернешь, это ушло. И мы ушли, понимаешь? Каждый в свои дела. Я здесь, а ты — там. Каждый понимал, что произошел чудовищный крах, и... не верил в то, что это всерьез. Вот ты говорил, будто не веришь, что я

— враг. Да, мне поначалу казалось, что мы все успокоимся, помиримся, найдем свои ниши. Но их оказалось мало, меньше, чем хотелось бы.

— И вы не догадывались, что на всех не хватит?

— Видишь ли, Сережа, тогда я думал, как занять свою нишу. И оказалось, что она многим приглянулась. То, что я оказался при козырях, а другие — в пролете, всего лишь удачная потеря. Я боролся за выживание и вынужден был принять криминальные правила. У тебя же, после того как ты рубанул Чалмерса, особых проблем не было. Ты дружишь с хорошими людьми, твоя клиника процветает. И никто тебя не трогает, между прочим, хотя наверняка на тебя есть много всякого и в Интерполе, и в ФБР, и в ЦРУ, и в АНБ. Странно? Не то слово. Ты сам суешься в разные дела и делишки, мочишь направо и налево, вербуешь людей, носишься через границы, а тебя практически не тормозят. Даже из Грозного усвистал. Конечно, ГВЭП и прочие средства имитации ты применяешь артистически. «Прибор переселения душ», который ты невзначай «подарил» нам в прошлом году, — вообще шедевр. И все же, Серега, ты регулярно прокалываешься, а остаешься целым.

— Ну да, — теперь уже Сорокин ехидничал, — двойной агент, перевербованный провокатор. Это мне уже шили. Даже штатники. В этом-то и трагедия, Сергей Сергеевич. Я тоже держусь на криминалах. Мне приходится заниматься тем же, чем и вам. Поэтому вы правы, мне есть над чем подумать. Хотя стержня я не потерял. Поторопились вы с выводом.

— Выводов, скажем так, я еще не делал. Я только анализирую. На твоём месте, если б уж я взялся решать ту задачу, которую ты перед собой ставишь, то не разменивался бы на мелочи. Не лез бы в каждую дыру, а сосредоточился бы на главных направлениях. Возможно, перенес бы центр тяжести операций из России на тот берег Тихого океана. Или Атлантического, например. Присмотрелся бы к сепаратистским устремлениям в Штатах. Там такие прослеживаются. Тебе, конечно, на месте виднее, но мог бы поиграть с латинос

— их нынче в Штатах пруд пруди, а любят их англосаксы и иные европеиды чуть больше, чем в России кавказцев. Искал бы тех, кто мечтает отделаться от ФБР, от Пентагона, который ограничивает продажу разных технологий тем, кто не нравится Белому дому. Пригляделся бы к фрицам — там вскоре опять пожелают быть «юбер аллес». Поискал бы корешков среди бывших «варшавян», ведь многие просто до поры попритихли. А когда увидят НАТО поближе и узнают, что атлантисты не только деньгами сорят, но и на шею садятся, — задрыгают ножками. На Балканах завел бы друзей — там тоже не разучились по-македонски шмалять. Наконец, если уж знаться с исламистами, то не с теми, которые нам поперек горла кинжал пристраивают, а с теми, которые его для янки приберегают. Пощупал бы «третий мир»,

негров, китайцев, всякие притухшие очаги. В России исходил бы не из желаемого, а из действительного. Не тряс бы пыльными знаменами, не вспоминал бы, как вчера было хорошо, а напирал бы на то, как сегодня хреново, и убеждал бы, что ты не во вчера зовешь, а в завтра. И уж только потом, когда разобрался бы, кому чего надо, а кому чего не надо, начал бы дело. Не спеша бы проанализировал все возможные заморочки из вышеперечисленных, прикинул, пару раз все процедил и взвесил. А потом уж с осторожностью выбрал два-три перспективных направления и взялся их разрабатывать. Причем так, чтоб поначалу ни пальбы, ни большого шума не было. И все свои краснознаменные причиндалы убрал бы в долгий ящик.

— Знаете, Сергей Сергеевич, — усмехнулся Сарториус, — по-моему, вы на эту тему кое-что практически готовили.

— Да, я много что готовил. И поверь мне, у меня немало хороших аналитиков, которые тем, что имеются у правительства России, сто очков форы дадут. Да и забугорные исследования мы помаленьку посматриваем. Есть очень много перспективных направлений. Которые, кстати, для получения искомых результатов даже не потребуют от тебя беготни по горам с автоматом, захватов заложников и прочих эффектных хулиганств. Не забудь, Сережа, тебе пятьдесят, а не тридцать, как было Фиделю в 1959-м. И Россия — это не Куба, где можно с двенадцатью молодцами поднять бучу. Я, если хочешь знать, как раз в это время в институте учился и мечтал куда-нибудь добровольцем записаться. Хорошо, что вовремя умные люди на дороге попались и растолковали, что добровольцем надо вызываться, когда прикажут. Иначе поехал бы английский язык чукчам преподавать, а не туда, куда послали.

— В общем, все понятно, — посуровел Сорокин, — двойку вы мне ставите и профнепригодность шьете.

— На правах бывшего преподавателя — да. Во всяком случае, если б ты сейчас работал на Комитет, то был бы отозван без долгих раздумий. Причем я еще не знаю, как это мотивировали бы. Лично я бы отозвал тебя по мотивам недоверия. Даже если бы ты не нарушал всех канонов, не действовал партизанскими методами и не водился с криминалом. Ну а уж если рассматривать твою нынешнюю деятельность по классическим гэпэушным меркам — это полный маразм.

— Сергей Сергеевич, — хмыкнул Сорокин, — если б я мог, то работал как положено. То есть законсервировался, как мне было приказано, и ждал ЦУ. Но меня бы точно отозвали, если не в августе, то в ноябре — наверняка. Конечно, трудно сочетать и силовые акции, и агентурную работу. И нормальные люди в нормальной обстановке так не делают. Но я-то был в ненормальной обстановке...

— И не был нормальным человеком, — добавил Чудо-юдо. — Да, согласен. Тебе захотелось поиграть в самостоятельности. В амплу романтического героя. Не верю!

— Вот видите, Сергей Сергеевич, — заметил Сарториус, — вы так толково мне объяснили, что и как следовало делать, а потом бьете себя в грудь и цитируете Станиславского. Почему вы не идете на сотрудничество?! У нас резко вырастут возможности. Особенно в научно-технической сфере. Мне во много раз легче устроить вас в Оклахоме, чем вам — открутиться от ваших «друзей» в Москве. И будьте покойны, там вас не достанут.

— Достанут, если очень захотят, — усмехнулся Чудо-юдо. — И быстрее, чем в Москве. Вообще-то, Сережа, мои российские трудности преувеличивать не надо. Пробьемся, не девяносто первый. Я понимаю, что тебе очень хотелось бы видеть меня припертым к стенке, но до этого еще надо дожить. Боюсь, многие до этого дня не доживут.

— Будем резюмировать дискуссию по первому вопросу? Соглашение недостижимо?

— Пока такая формулировка возражений не вызывает. Будем переходить ко второму вопросу, если таковой имеется.

— Согласен. Вы сознаете, что ваша миссия здесь закончилась провалом?

— До определенной степени. Хотя я не слишком пессимистично настроен. Вертолет жалко, Лукьяна с Трофимом. Хорошо хоть Димка с Лусией уцелели и соловьевцы накрылись. Но я сейчас сам себе удивляюсь — замахнуться на такое!

— А я вот ничуть не удивляюсь. — Сарториус неожиданно начал меняться и через пару секунд из плоскостной фигуры превратился в объемную и выглядел вполне натурально. То же через несколько мгновений произошло и с отцом.

— Видишь ли, — не отказываясь от менторского тона, произнес Чудо-юдо, — я ждал твоего появления здесь, тем более, что у тебя тут поблизости база, которую ты уже несколько лет эксплуатируешь. Ты превратился почти в аборигена, если иметь в виду твои знания здешних мест. Мне уже известно, что ты был осведомлен о странностях этого района! И даже знал о том, что в 1936 году здесь побывала экспедиция НКВД.

— Да, — сказал Сорокин, — знал. Только слишком долго искал ее материалы. А твоему Диме по дурацкой случайности, как это у него бывает в 99 случаях из 100, удалось заполучить то, за чем я третий год гоняюсь.

— Слышал, оболтус? — сказал Чудо-юдо, повернув свою виртуальную бородищу в мою сторону.

— Слышал, — кивнул я. — Извините, Сергей Николаевич. Я больше не буду.

— Не зарекайся, Дима, — теперь и Сарториус обратил внимание на мое присутствие, — еще не вечер. А вообще-то, господа Бариновы, у меня для вас есть одно пренеприятное сообщение.

— А я-то думал, после того как Димуля сбил «Ми-26» и нагрел меня на кругленькую сумму, ничего неприятного быть уже не может, — саркастически проскрипел Чудо-юдо.

— Я?! «Ми-26»?! — Наверно, более оскорбленного тона даже Пресвятая Дева не могла себе позволить. — Вы чего, в натуре?

— В натуре, братан, в натуре! — покривлялся Сарториус. — А ты небось

думал, что НЛО рубанул? — Блин... — только и выдавилось из меня. Я уже понял, что «Черный ящик» показал мне вместо «Ми-26» дирижаблеобразный НЛО. А я его сдуру ГВЭПом...

— Именно так, — кивнул Сарториус, который и во сне умел читать мои мысли.

— На режиме «О», ГВЭПом. Ребята уже застроповали «Черный камень», подняли его в воздух и понесли в «Котловину». А он возьми да и заработай...

— Да, — смущенно пробормотал Чудо-юдо, — этого я не предусмотрел. Он засек мой канал связи с Димкой через микросхему, вошел туда и дал команду на уничтожение НЛО. Я и не догадывался, что он на это способен.

— Правильно, — сказал Сарториус, — и я бы не догадался. Потому что у всех нас стереотипное мышление. Мы привыкли, что мыслящее существо должно быть с руками, ногами или хотя бы со щупальцами. Оно должно двигаться, ползать и так далее. А то, что неподвижно, — камень, ящик или, на худой конец, компьютер. Нормальная человеческая

тупость — судить о других по себе.

— Выходит, — пробормотал я подавленно, — это я весь кайф поломал?

— Любой другой на твоём месте поступил бы так же, — ободрил Сарториус. — Ты честно выполнил приказ родителя, за которого говорил «Чёрный ящик». Теперь он лежит на дне кратера, под обломками вертолёта.

— Ладно, — сказал Чудо-юдо, — не переживай. Ну, вычту у тебя из зарплаты, по линии «Rodriguez AnSo incorporated», куплю новый, выплачу компенсации за двенадцать трупов. Ещё на комиссию по расследованию причин катастрофы, чтоб всё было в ажуре. Сколько миллионов долларов в общей сумме — пока не посчитано, но прилично. А сейчас нам синьор Умберто подбросит парудохлых кошек.

— Ну, насчётдохлых кошек, — усмехнулся Сарториус, — это несколько преувеличено. А вот кое-какими результатами исследований могу поделиться. Лусия вчера в полёте, наверно, много интересного намерила, но у меня есть статистика за три года. Хорошие физики всё это обсчитали и провели корреляции по ряду моментов. А я сопоставил всё это дело с фактами наблюдений за НЛО над «Котловиной». И теперь по изменениям в магнитосфере можно почти точно предсказать, когда тут появится очередной корабль.

— Даже так? — недоверчиво переспросил Чудо-юдо. — Кто же у тебя такими

исследованиями занимался? — Лисовы, — усмехнулся Сарториус. — Максим и Генка. Им всё равно по капканам ходить надо, на «Буране» семь верст — не крюк. С Дмитрием Петровичем и Женькой я в контакт не входил, они слишком далеко от «Котловины» промышляли. А с теми — столковались. Конечно, не за бесплатно. За двести долларов в месяц. Расставили приборы, показал им, как менять записывающие системы, рассказал, когда это нужно делать, — вот и всё. На сопке «Контрольная» установил видеокамеру, продублированную ГВЭПом, и дешифратор Лопухина. Там они тоже кассеты и магнитооптические диски меняли.

— Может, ты и с «Чёрным камнем» в контакт вошёл? — прищурился Чудо-юдо.

— Мы все с ним в контакт вошли. — Сергей Николаевич был очень доволен тем, что может чуть-чуть сбить спесь с Чудо-юда. — Все, кто переходит на эту сторону Порченной, вступают с ним в контакт, даже если и не подозревают об этом.

— Но у тебя-то, конечно, особые отношения?

— Видите ли, Сергей Сергеевич, это между равными интеллектами могут быть «особые» отношения. А какие могут быть особые отношения между человеком и букашкой? У человека напряжённая мозговая деятельность, много всяких дел, трудов, забот, а у букашки на каждый день жизни две основные задачи: сожрать что-нибудь и постараться, чтоб самое никто не сожрал. Ну и, конечно, потомство после себя оставить.

— Если по большому счёту, — хмыкнул отец, — то у человека эти задачи тоже не на последнем месте.

— Согласен. Но человек вокруг этих своих основных жизненных задач накрутил ещё немало всякой всячины, а букашка — ничего. Поэтому человек полагает, будто он намного лучше и умнее её. И считает себя вправе походя решать судьбу попавшейся на глаза букашки. Придавить или нет, например. Посадить живьём в коробку или уморить эфиром, а потом наколоть на булавку и поместить в коллекцию. Или, что бывает намного реже, наблюдать за букашкой в естественных условиях. Ставить ей разные тестовые задачи, чтоб выяснить, какие у неё физические и интеллектуальные возможности, — вот это всё и есть, по-моему, те особые отношения, в которые могут вступать человек и насекомое. А в остальное время, если

эти насекомые не кусачие, человек на них внимания не обращает.

— Но мы, естественно, насекомые кусачие... — задумчиво произнес Чудо-юдо.

— Да, и похуже клопов. В принципе что-то вроде диких африканских пчел-убийц. Они и человека, и даже слона, говорят, могут зажалить до смерти. И этот самый «человек», то есть «Черный камень», отдает себе в этом отчет. Конечно, он бы, наверно, мог и всерьез взяться за дело, перетравить, например, всех кусачих к чертовой матери, но боится экологическое равновесие нарушить. Поэтому старается регулировать численность, отпугивающими средствами пользоваться, репеллентами всякими. Ну а если уж припечет какая-нибудь особь, тогда и прихлопнуть может.

Мне, слушавшему Сорокина, стало ужасно неприятно. Хотя я уже знал, что в этой зоне всем заправляет «Черный камень», мне как-то не думалось, что он — мыслящее существо. А эти, «длинные-черные», которые хоть и без лиц, но с головами, они кто?

— Периферийные устройства, — ответил Сарториус на мой мысленный вопрос. — Их основное назначение — психологическое воздействие. Самое примитивное — служить пугалом. Во-первых, они чисто внешне производят устрашающее впечатление — три с лишним метра рост, непроглядно черные, безликие. А во-вторых, на них установлено оборудование, позволяющее генерировать импульсы, внушающие безотчетный страх. Это оборудование работает как наш ГВЭП, только оно намного совершеннее.

Вот это мне уже совсем не понравилось. Я прекрасно помнил наш разговор с Сорокиным сразу после пурги. Тогда он считал, что «Черный камень» — это ГВЭП плюс какой-то аналог универсального регенератора, созданного в том «почтовом ящике», где начинал свою трудовую деятельность Вася Лопухин, а «длинные-черные» — управляющие этой машиной, разумные существа. Неужели за сутки у него так поменялись представления? Или он прошлой ночью врал, не желая со мной откровенничать? С какой стати? Что он от этого выигрывал? В душе зародилось неясное подозрение...

— Ладно, — вмешался Чудо-юдо, — это уже детали. Димулю, как всякого мелкого хулигана, беспокоит вопрос, что ему будет за тех трехметровых, которых он поломал этой ночью.

— Этого я не знаю, — помрачнел Сарториус. — То, что этих «длинных-черных» можно валить пулей с крестообразным пропилом, я знаю только по рассказу Антонины Кисловой. Есть такая дама средних лет в поселке Нижнелыжье, она Леонтию Кислову доводится, если так можно выразиться, «внучатной невесткой», то есть женой его внука. Ей где-то около полтинника, муж постарше был, уже умер. Зачем мы с ней знакомимся, вам знать не интересно, да и рассказывать долго. Но у нее от мужа осталась тетрадка, в которую сам дед Леонтий Савельевич внуку поучения надиктовывал, поскольку думал, что он тоже на промысел пойдет. Внук вместо этого всю жизнь на трелевке проработал в Нижнелыженском леспромхозе, пока от цирроза не умер. А записи остались. И там много интересных подробностей насчет поведения в зоне. В частности, написано такое: «На Порченой, бывает, в тайге черные кажутся. Страх нагоняют. От них не бегай! Побегись — либо сам со страху помрешь, либо на смерть наскочишь. Крестом Святым спасайся, нечистая его не любит. Но не всякий крест свят. Главню дело, после лба прикладывай щепоть к пупу, а не на грудь. Плечи если попутаешь — не беда, а вот если руку шибко высоко приложишь, то еще на себя страху нагонишь. И руку может паралик разобрать. Когда так будет, тут же левой крестись по-правильному, до пупа. Иначе помрешь или дураком останешься. А от правильного креста черные спиной поворачиваются, и у тебя страху убывает. Трижды покрестись — уйдут и страх унесут.

Но можно черных и вовсе расшибить. Сам один раз стрелял, а Парамон Лисов, если не врет, уже аж пятерых развалил. Ему они теперь и не кажутся вовсе, и к «Черному камню» он без

опаски ходит. Распили пуле острие крестом, держи патрон от других отдельно, на ерунду не трать, берега и, как увидишь черного, — бей цельно. Он враз рассыплется, на искры разлетится, а куски синим пламенем погорят — углей-пепла не найдешь. Если хоть одного черного разбил, то они хоть и кажутся, но уже не пугают».

— Все это хорошо, — сказал Чудо-юдо, — но отчего так происходит, объяснений нет. Человек, которому насекомые испортили какую-то вещь, не мстит им. Он сыплет нафталин, чтобы защитить свою шапку от моли.

— А мне вообще непонятно, что этот самый «Черный камень» делает у нас на Земле, — произнес я с некоторой осторожностью. — Лежит тут не один десяток лет после какой-то катастрофы, морочит всем головы. А корабли, как я понял, сюда уже много раз прилетали. Что ж они его не заберут отсюда?

Сарториус усмехнулся. Должно быть, ему мой вопрос показался до жути наивным, детским.

— Да, — сказал он, — в 1936 году тут действительно разбился космический корабль. Но здесь и раньше летали всякие «тарелки» с «огурцами». И я не уверен, что «Черный камень» не находился здесь и до катастрофы. Это раз. А во-вторых, задача, которую он выполняет, может быть просто непостижимой для нашего сознания. Понимаешь? Так же, как таракан, который живет в караулке, не может понять, зачем там находятся солдаты.

— Я помню, Сергей Николаевич, как вы, сравнивая нас с этими пришельцами, говорили, что мы перед ними — как обезьяны перед людьми, — заметил я, — а теперь вы нас уже до букашек и тараканов понизили?

— Ну, это просто сравнения, — отмахнулся Сарториус, — не надо придавать им большого значения, тем более, что мы действительно не знаем точно, на каком уровне развития по сравнению с ними находимся. Может быть, на обезьяньем, а может — и на тараканьем. Это они могут оценивать, а не мы... Мы можем только предполагать.

— Конечно, — поддержал его Чудо-юдо. — Хотя вообще-то это бесполезное занятие. Предполагать можно что угодно. А к истине так и не приблизиться ни на шаг. Наоборот, удалиться от нее так далеко, что и обратной дороги не

найдешь. — Нет, — мотнул головой Сорокин, — предположения не обязательно приводят к постижению истины, но бесполезными я бы их не называл. Например, вы, господа Барановы, предполагали, что в «Котловине» находится какая-то база НЛО, посещающих Землю. Рассуждая по земному стереотипу: если сюда десятки лет прилетают инопланетные корабли, значит, тут их порт, причал, космодром. Потому что считаете, будто пришельцы стартуют в космос примерно так, как наши космонавты: «Ключ на старт!» Или «на дренаж», уже не помню, что там раньше, давно по телевизору не смотрел. «Протяжка-один... Продувка... Промежуточная... Главная... Подъем!» И для всего этого им нужен космодром с пусковой установкой, монтажно-испытательным комплексом, складами, подъездными путями. Когда вы этого не обнаруживаете, начинаете думать, что ошиблись. Делаете новое предположение. Дескать это аварийная площадка для посадки тех кораблей, у которых, допустим, движок забарахлил. Резонно? А в качестве ночного сторожа на этой аварийной площадке, с берданкой и в тулупе, сидит старик «Черный камень» и трубочку покуривает...

— Вполне толковое объяснение, кстати, — заметил отец. — Отсюда, между прочим, и катастрофа, которая произошла в 1936-м. «А он чуть-чуть не долетел, совсем немного! Не дотянул он до посадочных огней...»

— Как версия — приемлемо. — Сорокин снисходительно улыбнулся. — Но если б вы изучали этот район так же плотно, как я, то отказались бы от нее. За три года наблюдений в

«Котловину» опустилось шесть кораблей, а взлетело оттуда только два. На дне ее, это я вам гарантирую, кроме обломков своего «Ми-26», вы ничего не найдете. Что можно предположить?

— Гм, — сказал Чудо-юдо, — ну, например, что «Черный камень» маскировал взлеты.

— Но почему он тогда не маскировал посадки? И почему два взлета он нам показал?

— Могу ответить тебе твоими же словами, Сережа: «Нам, тараканам, этого не понять».

Тут виртуальный Сорокин, как это всегда бывало в «дурацких снах», из пустоты достал восемь фотографий и подвесил их в воздухе вопреки всем законам физики. Шесть фото Сорокин «повесил» слева, а два — справа. Я догадался, что шесть были сфотографированы при посадке, а два — при взлете. На всех были изображены некие мутно обрисованные НЛО. Почти все были разных форм и, видимо, размеров. Одни были действительно похожи на тарелки, другие на огурцы, третьи вообще не поймешь на что. Но лишь два фото — одно справа и одно слева — были, похоже, сделаны с одного и того же объекта.

— Между «посадкой» и «взлетом» этого аппарата, — похоже фото приобрели красную окантовку, — прошло почти три года, — объявил Сорокин. — Его линейные размеры таковы, что если б он, все это время оставался в «Котловине», то туда не смог бы опуститься ни один из последующих пяти аппаратов. А вот этот, — Сарториус ткнул пальцем во второй правый снимок, — не сумел бы оттуда взлететь. Правда, все это верно с точки зрения обычной человеческой логики.

— Ну да, — сказал Чудо-юдо, рассматривая фотографии. — С точки зрения нечеловеческой логики этот гигант мог уменьшиться до размеров песчинки, и ваша камера его не разглядела.

— Неплохо, — порадовался Сорокин, — но могло быть и намного проще. Или сложнее, не знаю уж, как сказать... Словом, эти корабли не садились в «Котловину», а проходили через нее куда-то...

— К центру Земли? — скептически прищурился Чудо-юдо.

— Насквозь пролетали? — вырвалось у меня.

— Нет, конечно. А вот входить в какой-то канал, уводящий в иное измерение, в гиперпространство, подпространство или подпространство — фантасты много чего навывдумывали! — они вполне могли.

— Понятно, — сказал отец, — нырнули здесь, а выскочили в другой галактике. Занятно...

Что касается меня, то я сразу вспомнил Киску, перстни Аль-Мохадов с выпуклыми и вогнутыми «плюсами» и «минусами» на руках Биргит Андерсон по кличке Сан, Луизы Чанг по кличке Мун и Элеоноры Мвамбо по кличке Стар, погибшего на шоссе профессора Милтона Роджерса, «Боинг-737», исчезнувший в районе Бермудского треугольника, и картинки на экране монитора, которые

Роджерс показывал Майклу Атвуду, считавшему себя Ричардом Брауном. И тут — что для «дурацкого сна» вполне обычное дело — через одну из темных арок в нашу «концертную церковь» вошел некий смутный, расплывчатый призрак. Голубоватый, полупрозрачный, но вполне узнаваемый Милтон Роджерс. После чего, не открывая рта и не моргая — покойник все-таки! — он стал произносить знакомые мне по давнишнему «Хэппи-энду для Брауна» фразы:

«Я провел кое-какие расчеты и попытался смоделировать ситуацию, хотя все это, конечно, очень гипотетично. Это только условная модель, которую я построил с огромными

допущениями в сторону от известных представлений о природе пространства и времени. С точки зрения строгой науки — все это фикция, фантазия. Все мои коллеги, будь они здесь, разнесли бы мои построения в пух и прах, а в лучшем случае приняли бы все это за академическую шутку. Поэтому им я никогда не покажу эту программу. Я спрячу ее подальше, а может быть, даже сотру. Вы будете вторым человеком после меня, который ее увидит, и скорее всего последним.

Итак, я допустил, что существует некая возможность воздействовать на основные составляющие материи — пространство и время — с помощью духовной силы, разума. Это требует второго допущения — что есть некая среда, способная передавать духовную силу материи и вызывать ее трансформации. Подобную среду признает только религия — это Бог как Дух Святой. Я предположил, что эта среда есть и генерируется биологическими объектами Земли. Всеми, не только людьми. За многие миллионы лет пространство вокруг Земли должно было насытиться элементарными частицами разума, а возможно, и распространиться за пределы солнечной системы. Я исхожу из того, что эти частицы неуничтожимы и обладают свойством не терять энергию, — жуткая нелепость с точки зрения второго закона термодинамики! Но только так можно объяснить то, что три усиленных интеллекта, соединившись в некую цепь, могли инициировать некий «пространственно-временной смерч». Вот я его изобразил на дисплее (возникло изображение — довольно размытое, впрочем — той картинке, которую Браун-Атвуд видел на компьютере Милтона Роджерса, тут же появились цветные портреты Сан, Мун и Стар). Три женщины — вероятно, могли быть и мужчины! — состыковав разъемы на перстнях, образовали как бы отрезок спирали. И от них, по спирально-силовой линии, закрутился этот «смерч». Конечно, даже если бы вся их масса перешла в энергию, этого вряд ли хватило бы. Скорее всего, они вызвали какой-то процесс в той среде, которую я выдумал. И этот процесс, словно цепная реакция ядерного взрыва, пошел с колоссальным выделением энергии. Воздействие на магнитное поле Земли провернуло в пространстве-времени узкую, не более мили в диаметре, «дыру» и унесло «Боинг» со всеми пассажирами и экипажем в такие глубины космоса, о каких мы и представления не имеем. Очень важно, что дело произошло в Бермудском треугольнике. Тут много всяких не слишком хорошо объясненных аномалий, и весьма возможно, что какие-то факторы удачно совпали для того, чтобы выбросить «Боинг» с Земли. Я даже слышал рассказы, будто в Бермудском треугольнике некие инопланетяне соорудили нечто вроде пункта для телепортации через пространство и время. Может быть, цепь из трех девушек включила какой-то механизм...»

Сделав свое краткое сообщение, призрак Роджерса удалился, оставив нас, виртуальных, но, в общем-то, живых, наедине со своими проблемами.

— Роджерс — это тот самый, из NASA? — спросил Чудо-юдо, хотя профессор не представлялся вслух. — Знакомый мисс Тины Уильямс? Неужели он не узнал Атвуда?

— «За время пути собака могла подрасти...» — хмыкнул я. — Тем более что Майк уже считал себя Брауном.

— Жаль, жаль Атвуда... — произнес Сарториус. — Не понял он меня в 1994-м. А я, возможно, поторопился. Не было нужды его рубить. Ну, что сделано, то сделано.

— Снявши голову, по волосам не плачут, — согласился отец. — Давайте глянем поближе, что тут Роджерс намоделировал...

Не знаю, что произошло. Каким ветром мне дунуло в голову, каким клеем склеило кусочки неясных подозрений в единое целое. Возможно, это была реакция на ключевое слово, заложенное мне в мозг настоящим Чудом-юдом или настоящим Сарториусом. Могу только предполагать, что это было слово «намоделировал». А может, все как-то само по себе раскрутилось. И черт дернул меня за язык:

— А вы сами-то, случайно, не «Черным камнем» смоделированы?

Сверкнула яркая вспышка — точь-в-точь такая, как те, что сверкали при срабатывании Black Box` а в снах, где я был Майком Атвудом.

Но меня не выбросило в реальный мир.

После вспышки я оставался все в том же помещении, только Чудо-юдо и Сарториус оттуда исчезли. В одиночестве, однако, я пребывал недолго. В одном из темных проемов-арок появился очередной гость. Точнее, гостья.

— Привет, — послышался полудетский голосок Тани-Вики. — Это я. Ты мне рад?

— Рад, — ответил я, хотя был убежден, что и она смоделирована «Черным камнем»

— Ой ли? — Вика с явно Хрюшкиным ехидством посмотрела на меня, кокетливо прищулив левый глаз. — А я думала, тебе с Лусией в постельке уютней.

Она была одета в длинное черное платье с закрытым воротом, которое облегалo фигуру в бедрах. Ничего похожего в Ленкином гардеробе не было, да и Таня вряд ли носила что-нибудь похожее. Но в сочетании с короткой стрижечкой и сережками в открытых ушках оно уж больно симпатично смотрелось. А вообще мне и личико нравилось — давно не видел.

— Ты сейчас где вообще-то?

— Уже в Москве. В Швейцарии сейчас не до нас. Прокуроры разные катаются, всех чужие деньги интересуют. Чудо-юдо велел там не маячить. Лучше повременить немножко.

— Хорошо там?

— Прекрасно. Горы, снег, лес, солнце.

— Прямо как у нас тут, в Сибири. Только там горы повыше.

— И мороз поменьше.

— Как ребята? По-прежнему не признают?

— Почему? Признают. Бабушка им сказала, что я их новая гувернантка. Зинка ведь уехала, а сидеть с ними кому-то надо. Я их теперь в тир вожу, бегаю кругами, в хоккей играю. Я с Колькой на пару, а Катька, Ирка и Сережка против нас. У нас в воротах Винюшка стоит, а у них Зейнабка. Когда шайбу кидают, они сразу задницей поворачиваются и визжат.

— Весело!

— А как ты думал? Связи с вами неделю не было, никто толком не знал, то ли вас соловьевцы постреляли, то ли Сарториус, то ли просто пургой замело. Вот и носилась как угорелая, чтоб голову всякой дурью не забивать. А как ты тут?

— На лыжах катаюсь. На паралете летаю. Нервы успокаиваю, понемножку за Лусией ухаживаю.

— Понятно-понятно! Нашли, значит, уютную избушечку и развлекаются. Ты не думай, я все знаю.

— Да я чего? Я ничего.

— Сама знаю, что ничего. Тебя сейчас надо автокраном поднимать, чтоб было «чего».

— Между прочим, у меня все в норме. Если б на месте Лусии была ты...

— Скажите пожалуйста, какие мы благородные! Ну а как насчет того, чтоб провести ночь с законной женой?

— Да здесь, что ли? Тут и не устроиться нигде... Я понимал, что «Черный камень» полощет мне мозги. Четко понимал, хотя и не знал, как мне от него отделаться.

— Идем... — позвала Вика томным голосом. До этого момента она была все в том же черном платье, то есть была похожа на темный и плоский силуэт с более-менее четким лицом. Теперь платье приобрело голубой цвет, глубокий вырез, и в нем Вика стала ужас какой соблазнительной.

— Куда? — спросил я, чтобы выиграть хоть пару лишних секунд. Поскольку уже знал, что потащусь за ней. Сбросить с себя этот чарующий дурман мне никак не удавалось.

— Идем, идем... Не пожалеешь! — проворковало это наваждение в юбке и ухватило меня за руку. Никакого ощущения искусственности не было: теплая, добрая, ласковая женская ладошка. Вполне живая, хотя я прекрасно понимал, что это ненастоящий мир.

И я пошел. Потопал туда, в один из черных таинственных арочных проемов.

Оттуда, из этого проема, повеяло теплом, влажным таким, не то тропическим, не то банным.

— Раздевайся... — прошептал из темноты голос Вики. — Там жуткая жарница...

Самое странное, что я не помнил, как был одет в начале сна, когда присутствовал при диалоге отца с Сарториусом. А тут оказалось, я одет в те самые шмотки, что были на мне перед тем, как я улегся на нары.

— Не бойся... — жарко бормотала Вика откуда-то из темноты. — Потрогай — я уже голенькая...

И ее ладошка приложила мою пятерню к нежной и гладкой грудке... Мозги затуманило еще больше. Если до этого момента я отдавал себе отчет, что все это имитация, очередная подлянка «Черного камня», то после прикосновения к груди виртуальной Вики, ощущавшегося совершенно натурально, настороженность почти пропала. Я начал быстро скидывать одежду, а темнота, в которой скрывалась невидимая, но вполне осязаемая Вика, все время поторапливала:

— Ну скорее, скорее, что ты возишься...

И я торопился, хотя в голове еще сигналило с отчаянной назойливостью: «Опасно! Опасно!» Эти сигналы были слышны не сильнее, чем звук будильника, накрытого подушкой.

Когда я остался в чем мать родила, Викины руки притянули меня к себе, обхватили, прижали к теплой и влажной коже...

— Я так ждала... Так ждала... — прошелестело из тьмы. — Идем...

Обнимая ее за талию, но вместе с тем ясно ощущая себя ведомым, я сделал несколько шагов вперед.

— Там дверь, ее надо открыть... — последовала инструкция, сопровождавшаяся новыми игривыми пробегами ее ладошек по моему освобожденному от одежды телу.

Я послушно взялся за металлическую ручку, которую мне помогла нащупать Вика, почуял под

рукой холодный металл, коснулся войлока. Что-то знакомое было в этой двери, хорошо знакомое... но я уже забыл, что именно.

Когда дверь открылась, на меня накатил поток влажного жара, будто я выходил из самолета, прилетевшего из прохладной Европы на тропический остров. На Хайди, например. Даже повеяло какими-то ароматами цветов, моря, буйной зелени...

— Все это там... — прошептал из непроглядной тьмы голос Вики. — Впереди. Надо открыть еще одну дверь — и мы будем счастливы...

Последние тревожные звонки сознания угасли. Я был полностью во власти этой темноты, этих запахов, этой тропической жары, возбуждающей необузданную страсть. Даже то, что вторую дверь пришлось открывать, выдергивая откуда-то деревянный брус, не навело меня на здравую мысль.

Дверь открылась, и жаркое солнце ослепило меня. Я услышал гул прибоя, крики чаек, шелест пальмовых листьев. Впереди был просторный пляж, усыпанный горячим белым песком, гибкие пальмы стояли невдалеке от прибоя, дальше ярусами поднимались в гору буйно-зеленые джунгли... Вика, выскользнув из двери на пляж, смуглая, вольная, легконогая, побежала по песку к морю, крича на бегу:

— Догоняй!

И я рванул за ней. Полностью утратив понимание того, что происходит.

Но тут моя левая нога — слава ей, зачастую несправедливо ругаемой! — зацепилась за что-то жестяное и брякающее, вдобавок больно ткнув по жести нестриженным ногтем большого пальца.

Острая боль пронизала тело и разбудила одурманенный мозг.

ПОГОНЯ

Наваждение как рукой сняло. Я очнулся так же быстро, как, помнится, просыпался в армейской учебке, услышав грозный рык прапорщика Кузьева: «Подъем! Тридцать пять секунд, последнего — убиваю!»

Я действительно был в чем мама родила, но никаких тропиков, конечно, не наблюдалось. Да, было солнце, но не горячее, как у теплого Карибского моря, а холодное, красноватое, окутанное морозной дымкой. И, разумеется, не просматривалось никакого моря, кроме «зеленого моря тайги», да и то зеленым его можно было назвать с большой долей условности, потому что вся эта зелень была покрыта толстыми снежными шапками. А вместо накаленного солнцем белого песка имелся белый холодный снег. Вот на этом снегу я и очутился в момент пробуждения. Рядом со мной валялось опрокинутое помойное ведро, которое я установил между внутренней и внешней дверями избушки, извиняюсь, для сортирных нужд. Хорошо, что обновить его еще не успели.

Загорать на снегу я не собирался и, вскочив на ноги, юркнул в избу, которая после снежной ванны показалась мне протопленной баней.

Помнится, первой мыслью было побыстрее одеться, пока Лусия не проснулась и не подумала, что я сексуальный маньяк или идиот, жаждущий заполучить простуду. Но когда я, захлопнув за собой обе двери, повернулся, у меня екнуло сердце.

Нары были пусгы. Шкура, под которой мы спали, оказалась сброшенной на пол, а по всей избе валялись вперемешку предметы обмундирования. И моего, и ее. Проклятый «Черный камень»!

Это означало, что он работал не только против меня, но и против Лусии. Что она видела во сне, я еще не знал, но ясно, что бедной научной мышке, как и мне, грешному, тоже привиделось нечто сексуально-тропическое, ибо она стянула с себя все, вплоть до трусиков. И это не виртуальная Вика убегала от меня по горячему тропическому песку, а натуральная Лусия, охмуренная злодейским инопланетным интеллектом, голышом рванула в тайгу, без лыж, по снегу, при морозе под тридцать градусов!

Первая мысль была не менее идиотской, чем мое поведение во сне: я хотел тут же, как был, выскочить за ней и отловить. Позже, оценивая, что бы случилось, поддайся я этой мысли, я иногда думал, что поймал бы невольную беглянку, прежде чем она успела бы удалиться от избушки. Но нет, боюсь, это ничем хорошим не кончилось бы. Лусия бежала во сне, ощущая кайф от внушенного ей «Камнем» тропического жара и всех прочих иллюзий. Пока «Черный камень» нагонял на нее свои заморочки, ей было море по колено. А я-то, если б решился ее ловить, не одевшись и не взяв лыжи, заоченел бы очень быстро. Мне кстати вспомнился рассказ старшего Лисова о том, как он ловил в новогоднюю ночь деда Лешку — Леонтия Савельевича Кислова. Старик, разбросав по дороге всю одежду, пробежал восемь километров и не замерз, гонясь за призраком своей ожившей якобы Ксюшки...

Поэтому я не стал пороть горячку, а принялся подбирать с пола свою разбросанную одежду. Заодно прихватывал и Лусиины Шмотки, сваливал в кучку.

Напялив поверх всего паралетный комбез, подшлемник, который вроде бы должен был защищать от воздействия «Черного камня», но, судя по вчерашнему опыту, ни фига не защищал, и даже нахлобучив шлем, я обнаружил, что потратил аж полчаса. Мне казалось, это не слишком много, и я извел еще пять минут на то, чтобы запихать все Лусиино обмундирование внутрь ее паралетного комбинезона. Связав правую штанину с левым рукавом, а левую — с правым, я получил нечто вроде ранца, похожего на те, с какими солдаты Кутузова ходили защищать Отечество от Бонапарта. Поверх всего засунул в комбинезон флягу с трофейным спиртом.

Потом встал вопрос о лыжах для Лусии. Сперва я не хотел их брать, решив, что отдам ей свои, а себе из подручного материала сделаю снегоступы. Но, посомневавшись пару минут, решил, что, пока я буду мастерить, чертов «Камень» может ей еще какое-нибудь наваждение придумать, а то и меня заморочить.

Разорвав один из перевязочных пакетов, я сложил лыжи, связал спереди и сзади. Не скажу, что был рад этой дополнительной навьючке, потому как прихватил с собой все оружие, которое мы вчера приволокли, в том числе и тяжеленный «ПК» с одним-единственным, но очень ценным крестообразно надпиленным патроном. Кроме «ПК» был еще и автомат, взятый у соловьевцев, моя личная «дрель», а также «ПП-90», который Лусия, должно быть, получила в наследство от Лукьяна. Да еще семь магазинов к автомату — жадность, жадность проклятая! — и запасная обойма к «дрели». Плюс нож. Его надо было в зубы взять, чтоб быть воистину до зубов вооруженным.

Я прособирался почти час. Вполне достаточно, чтоб Лусия, убежавшая голышом на мороз, успела замерзнуть. Но мне что-то подсказывало, что еще не поздно и я сумею спасти непутевую мышку.

С лыжами, притороченными поперек спины к ранцу, сварганенному из комбеза, я, наверно — да простит меня Господь! — был похож на гражданина Иисуса из Назарета, тащившего свой крест на Голгофу. Ему было проще, поскольку он знал, что страдает за грехи человеческие,

является искупительной жертвой и вообще сыном Божиим, которого папа в беде не оставит. У меня тоже был папа, и довольно серьезный, но надеяться на то, что он вот-вот появится, я не мог. Хотя в памяти еще были свежи впечатления от сна, где он демонстрировал неплохую осведомленность в моих делах, было бы ошибкой безоглядно в это поверить. «Черный камень», судя по всему, мог выдать любую дезу на мою микросхему, и самое правильное, что я должен был сейчас делать, это ни в коем случае не влезать ни в какую виртуальность. ГВЭП — его начисто разбило пулей — я бросил в избе и не боялся, что меня потянет его применять.

Анализируя сон, я пытался понять, когда в него пролез «Черный камень», с самого начала или попозже? Потом плюнул и решил не загружать башку. Слишком уж легко было запутаться. Смущало только одно. В некоторых местах мне вроде бы давали пояснения, как бороться с этими пришельцами. Либо это «Черный камень» специально подсказывал разные глупости, либо то была верная информация, которую давали Сарториус с Чудом-юдом. Но факт есть факт: от

попадания пуль с крестообразными пропилами «длинные-черные» развалились и сгорели синим пламенем.

Но тут, как-то сам по себе, напросился весьма неожиданный вывод. Это кто ж крестов не любит? Согласно ненаучным данным, исключительно граждане с рогами и хвостами. Помнится, представитель сельского пролетариата кузнец Вакула именно с помощью крестного знамения превратил одного такого в удобное транспортное средство и совершил скоростной беспосадочный перелет по маршруту Полтавская губерния — Петербург, а также своевременно доставил потребителю ценный груз в объеме одной пары эксклюзивной женской обуви.

Хохмить в нашем государстве уже не запрещается. Кроме того, объявлена свобода совести, а потому верить в потустороннее никого не заставляют. Правда, раньше антирелигиозную пропаганду вели лекторы, пытавшиеся всем доказать, что Бога нет, а теперь ее ведут попы, пытающиеся опять же всех убедить, что Бог есть.

Вопрос о том, есть ли Бог, меня изредка волновал, но сегодня о Боге я думал мало. Гораздо серьезнее меня беспокоило, есть ли черт.

Действительно, ежели я имею дело с чем-либо естественным, то есть с высокоразвитой цивилизацией, пусть даже вредной и пакостной, то это не так страшно. Во-первых, эти господа тоже смертны, а во-вторых, с ними можно найти общий язык. Хотя и сложно, если мы для них обезьяны или, того хуже, букашки.

Но если речь идет о контакте со сверхъестественным — с Сатаной и его ведомством — то тут дела плохи. Во-первых, они неуничтожимы, раз сам Господь не может с ними справиться, а во-вторых, основной целью их существования является сотворение Зла, что исключает возможность заключения более-менее приемлемого соглашения. Насчет того, что бывают и неприемлемые лично для меня соглашения типа продажи души, я был наслышан и знал, что заключать такие сделки даже более опасно, чем договора о продаже квартир в Москве.

В общем, было над чем подумать, пока я, пытаясь под тяжестью всего, что по доброй воле взвалил себе на хребтину, шел по лыжне вдоль цепочки следов, оставленных босыми пятками Лусии на прикатанном снегу. Проваливалась она неглубоко, лишь по щиколотки, и бежала довольно быстро. Это показалось мне очень странным. Я попробовал в одном месте, сняв лыжу, стать ногой на снег — ушел по колено.

Ну, допустим, она полегче, без одежды, без навьючки, но все-таки... Нечистая сила ее поддерживает, что ли?

Следы уводили все дальше. Я уже прошел мимо замерзшей лужи, образовавшейся после уничтожения «длинных-черных», иными словами, те самые 1159 метров, которые мы с Лусией еле проползли прошлой ночью. Надо сказать, меня поразила скорость, которую развила Лусия. По идее она должна была уже утомиться, упасть на снег в полубездыханном состоянии и начать замерзать, быть может, видя напоследок, что загорает на пляже где-нибудь в «Касабланке де Лос-Панчос». Однако вовсе не спортивная научная мышка, судя по следам, мчалась со скоростью весьма приличной, причем ни разу не остановилась, чтобы перевести дух.

Самое любопытное, что я, хоть и катился на лыжах довольно быстро, благо все те подъемы, которые я преодолевал ночью, теперь превратились в спуски, но все равно отчего-то ощущал, будто отстаю от этой тропической «моржихи» — как еще назвать бабу, которая голышом бегаёт по промерзшей тайге, я не знаю.

Через час или чуть больше я добрался до того места, где была развилка. Та самая, на которой я сперва избрал дорогу вниз и в результате вернулся на исходную точку.

Именно тут я услышал отдаленный рокот мотора. Похоже, кто-то приближался ко мне на «Буране». Поначалу я даже не понял, с какой дороги ждать его появления. Кроме того, было трудно определить, насколько далеко он находится. Наконец, было совсем непонятно, кто это. Соловьевцев вроде бы ожидать не следовало, но и к Сарториусу мне как-то не хотелось попадать. Дружеские беседы в виртуальном мире — одно, а суровая правда жизни — другое. Тем более что вся эта дружеская беседа могла быть изображена «Черным камнем» и не иметь никакого касательства к реальным взаимоотношениям Сергея Сергеевича с Сергеем Николаевичем. Угодить в заложники и послужить причиной лишних расходов родного отца мне не улыбалось. Впрочем, и вести безнадежную перестрелку с головорезами Сорокина мне тоже не мастило.

Поэтому я на всякий случай прибавил ходу. Вовсе не потому, что рассчитывал оторваться от моторизованных товарищей, просто хотел точно знать, с какой стороны их ждать. На развилке было два направления, а дальше, на длинном подъеме, я, по крайней мере, буду уверен, что снегоход может появиться только сзади. При этом я надеялся успеть свернуть с лыжни в чашу, где меня будет не так-то просто разыскать.

Тут еще оказалось, что на лыжню, по которой я двигался вслед за одуревшей бегуньей, с разных сторон выходит еще несколько троп и просек. Правда, на них не было свежих следов от лыж и гусениц, многие вообще были давно не хожены, но черт его знает, может, тот, кто едет за мной на снегоходе, лучше знает здешние тропы и выскочит откуда-то сбоку? В общем, уверенности у меня не прибавило.

Однако я благополучно прошел весь подъем, который вчера был для меня спуском и перешел на спуск, который вчера был тягуном. Как ни странно, тарыхтение «Бурана», временами различавшееся очень отчетливо, постепенно куда-то потерялось. То ли ветер изменил направление, то ли гора отразила звук в другую сторону. Короче говоря, добраться до мостика через ручей я сумел, так и не увидев, кто ж там катается на технике.

Приятно было посмотреть на результаты своей ночной деятельности и убедиться, что это не было ни имитацией, ни кошмарным сном. Покошенные из «ПК» соловьевцы лежали на своих местах, заледеневшие и заметенные поземкой. Все шестеро, лишних не прибавилось и прежних не ubyло. Это я смог рассмотреть примерно от того места, откуда вел огонь сперва по соловьевцам, а потом по «длинным-черным». Там был примят снег и вокруг валялось множество гильз.

А следы Лусии вели на мостик. Поехал.

Вблизи вчерашние мишени выглядели не больно аппетитно. Некоторым мозги по снегу

раскидало, а крови на обледенелых бревнышках попримерзло тоже немало. Ничего, прошел, выкатил в начало просеки, ведущей на склон «Котловины».

Тут я решил отделаться от «ПК», который меня явно перегружал. Рядом с теми двумя, которых я подсек последними, лежал трехлинейный карабин. Он немного замерз, но его вполне можно было отогреть. Подергав затвор туда-сюда, я обнаружил, что дедовская техника все еще пригодна к стрельбе, хотя и без патронов. Это даже хорошо, потому что обычных патронов у меня было навалом. А вот с пулей, имеющей крестообразный распил, — только один. Тащить из-за него «ПК»? Загнав свой суперпатрон и ствол нетленного творения генерал-майора Мосина, я оставил детище другого русского оружейного гения лежать рядом с убиенными из него соловьевцами, а карабин повесил за спину прикладом вверх. И не пожалел об этом.

Следы Лусии вели вверх, должно быть, она даже не обратила внимания на убитых, хотя, будь я на ее месте — в смысле, если б уже пробежал к этому времени километров пять по морозу и голышом, — наверняка бы позаимствовал у жмуриков хотя бы валенки.

На эту узкую дорожку, ведущую наверх, я вступил без большого оптимизма. У меня была только одна надежда: может быть, успею догнать Лусию раньше, чем она добежит до края пропасти, то есть кратера сопки «Котловина», и прыгнет с высоты ста метров на зов «Черного камня».

Почему мне пришло в голову, что все будет именно так? Да потому, что если б я имел такие возможности морочить людям голову, то придумал бы что-нибудь в этом роде. Во всяком случае, замораживать бедняжку я бы не стал, постарался бы угробить ее как-нибудь по-быстрому.

Поднимаясь помаленьку, я вспоминал все ту же рассказку Лисова-старшего, как он отлавливал старика Кислова. Правда, там дело было ночью, а сейчас до заката было еще далеко. Но вверх по склону я поднимался медленно, вовсе не уверенный, что успею обернуться туда и обратно до темноты. Перспектива еще одну ночь пошляться по этому чертовому месту меня не очень устраивала. И вообще мне уже надоела вся эта экзотика. Несколько месяцев назад, вольно или невольно перемещаясь по теплым островам Карибского бассейна, я немножко скучал по снегу и прочей российской атрибутике. Сейчас мне очень хотелось хоть на часок смотаться на Хайди, чтобы чуточку отогреться. Следы пяток вели все дальше и дальше. Мне, правда, показалось, что бегунья сбавила шаг. Потом я заметил в одном из следов капельку крови. То ли Лусия порезала ногу о твердый наст, то ли рассадила ее о какую-то ветку. Стало заметно, что она прихрамывает, так как следы левой, здоровой ноги стали заметно глубже. Стало быть, она ощущала боль, но продолжала бежать. Это немного противоречило тому, что было со мной. Я-то сразу вышел из забытья, когда ударился ногтем большого пальца ноги, хотя ни капельки крови не пролил, не сорвал и даже не обломал этот ноготь. А порезавшая ногу Лусия, чувствуя, что ей больно наступать на пятку, тем не менее продолжала бег. Неужели ее даже боль не может разбудить?

Лыжня была хорошо накатана. Должно быть, вчера по ней ездили несколько человек. Видимо, соловьевцы все-таки добрались до поляны, а может, и провели там кое-какие поиски. Потом, вероятно, появились «длинные-черные», которые их напугали и заставили драпануть прямо под огонь моего пулемета. Чуть позже я увидел лыжню, уводящую с тропы в лес. Возможно, именно по этой лыжне отправились те двое, что ночью преследовали Лусию.

В этих размышлениях я продолжал свой путь и примерно через час выбрался на ту самую «проплезину», где до вчерашнего дня лежал «Черный камень». Вид у этой поляны, был не совсем такой, как я представлял себе по фильму Кулемина и рассказу Лисова.

Поляна была запечатлена на пленку 60 с лишним лет назад и с тех пор заросла кустами,

елочками, и не только маленькими. Размеры ее заметно сократились, и теперь следовало бы говорить не об одной, а о нескольких полянках. К тому же съемка была сделана летом, а сейчас стояла зима. Сугробы тут были приличные, и лыжня здорово петляла между ними.

Место, где располагался «Черный камень», я обнаружил на третьей по счету мини-полянке из тех, на которые разделилась прежняя большая. На снегу оставался отпечаток огромного правильного параллелепипеда. Около него виднелись следы вертолетчиков. Тут я невольно почувствовал себя преступником. Ребята, которых Чудо-юдо прислал сюда с «Ми-26», немало поработали, а я все их труды пустил прахом, хотя и не по своей воле, а по злему умыслу гнусного «Черного камня».

Сесть на такой пятачок огромная машина не могла. Скорее всего винтокрылый гигант завис метрах в тридцати над поляной — зависать ниже, как мне представлялось, было опасно, так как можно было невзначай зацепиться за какие-нибудь елки-палки. С него по тросу съехала вниз десантная группа, главной задачей которой было застроповать «Черный камень». По-видимому, ее высадили загодя, до посадки вертолета в кратер. Они отчистили снег с краев, горным перфоратором наискось продолбили две дыры под «Камнем» и протащили через них стальные тросы с петлями. Потом вернулся вертолет, спустил крюк и потащил «Черный камень» в кратер. Наверно, для того, чтобы на время положить его туда, а затем перетащить в грузовой отсек. И возможно, это было уже осуществлено, и вертолет вернулся за стропальщиками, поднял их на борт, но тут появился паралет «Троди», с которого невменяемый Баринов открыл огонь из ГВЭПа...

Срамота! Вспоминать о том, как легко я угодил на крючок к super-Black Vox`у, было тошно. Ну и, конечно, ощущалась жуткая вина перед теми, кто ни за понюх табаку гробанулся там, в кратере. Вот так меня пробило на покаяние при виде их следов.

Однако на той же полянке я обнаружил и другие следы.

Похоже, сюда еще до прилета «Ми-26» наведывались соловьевцы. Но «Черный камень» оказался им не по зубам. Появление большого вертолета их спугнуло, и они взялись за работу уже после того, как «Ми-26» был сбит.

Должно быть, они что-то искали. Причем надеялись найти это с помощью взрыва. Поскольку я этого взрыва не слышал, он мог быть произведен тогда, когда я находился в отключке после взрыва вертолета и падения на дерево.

Эти козлы — другого слова не придумаю! — забурились чем-то в мерзлую землю, зарядили взрывчатку, шарахнули и выворотили несколько тонн грунта.

О том, что они взорвали «могилу», где некогда дед Кислов схоронил двух «длинных-черных», найденных среди обломков корабля, погибшего в августе 1936 года, я догадался, увидев обломки подгнившего деревянного креста.

Взрыв отрыл неправильной формы яму, в которой просматривались отпечатки двух огромных человекоподобных тел. Даже пресловутой трехпалой ступни с перепонками. Конечно, эти тела не разлагались. Просто лежали себе в земле, не получая приказа. Дождаясь, пока «Черный камень» сочтет нужным его отдать. А тот, возможно, и не мог его отдать, ему что-то мешало. Скажем, крест, стоявший над этой «могилой». Но когда взрывом крест своротило — у «Камня» появилась возможность командовать своими «периферийными устройствами».

Мне было не очень ясно, что они тут искали и откуда вообще узнали про нашу экспедицию. Разбираться с утечкой информации — проблема Чуда-юда. Я мог только подозревать, что раз утечка была — о ней и Сарториус говорил, — то соловьевцы могли знать о просмоленном мешочке с какими-то особо ценными мелкими предметами, найденными в 1936 году на месте катастрофы некоего инопланетного корабля.

Впрочем, любоваться раскученной полянкой мне было некогда. Босые следы Лусии вели дальше, туда, где уже не было лыжни. Там, как я помнил по карте, находилось «ребро» между северным и восточным склонами сопки, а на «ребре» — воронка, оставшаяся после катастрофы НЛО.

В самом начале подъема, ведущего на это самое «ребро», я обратил внимание на необычный сугроб, явно накиданный лопатами. У меня лопаты не было, и я торопился. Тем не менее, срубив штурмовым ножом небольшое деревце и сделав из него длинную палку, я пошуровал ею в этом сугробе. Оказалось — и я, как ни странно, воспринял это очень спокойно, — что под снегом лежит труп. Несмотря на то что смерть сильно меняет людей, признаки кавказской, а точнее, армянской внешности, безусловно, просматривались. Похоже, именно здесь встретил свою кончину Сурен. В его широкую грудь было всажено минимум четыре пули, да еще одна оставила круглую дырочку в середине лба.

Когда и зачем его почикали — мне было неинтересно. Ясно, что до того, как полегли остальные, спасаясь от «длинных-черных».

Но гораздо интереснее было то, что в набросанной на Сурена куче снега обнаружился пожелтевший листок бумаги, судя по всему, из общей тетради в клетку. На листке были какие-то каракули. Мне не без труда удалось разобрать размазанную снегом надпись, сделанную перьевой авторучкой: «Тетрадь для разных записей ученика 9-го класса Нижнелыженской средней школы Кислова Анатолия».

Мне припомнилось, как Сарториус цитировал то, что внук Леонтия Кислова записывал в какую-то тетрадь, которую «компаньеро Умберто» видел у Антонины Кисловой, вдовы этого внука. Может, Анатолий Кислов и есть тот самый внук? А тетрадка, которую вспоминал виртуальный Сорокин, была в руках у Сурена? Может, и грохнули Сурена из-за этой тетрадки?

Только вот как она к нему попала? Ведь в Нижнелыжье Сурен по пурге вряд ли сумел бы смотаться. Да если б и дошел, то скорее всего обратно уже не захотел бы. Опять же малограмотные нижнелыженские менты, не зная, что имеют дело с крутым авторитетом, могли бы его там отловить, сунуть пару раз мордой об снег, упаковать в свой районный ИВС, а потом вызвать бойцов из Улунайска. Сомневаюсь, что тамошние вертухаи, учитывая, что при побеге Сурен замочил их коллег, понадеялись бы на правосудие. Закон тайги суров и в ней хозяин — медведь. Да и Улунайский «папа» вряд ли захотел бы раскрывать свои маленькие профессиональные секреты. Сурен и тех, кто вместе с ним угодил бы в нижнелыженскую ментуру, ждала «попытка к бегству».

А вот Сорокин со своей «красной бригадой» вполне мог еще до нападения на заимку прибрать сию ценную рукопись. И в то время, когда мы неделю дожидались окончания пурги, тетрадка могла лежать у него в полевой сумке. Но тогда, извините, Сурен мог взять эту тетрадь только из рук погибшего Сарториуса. А это могло случиться лишь в том случае, если вся команда сорокинцев пала бы смертью храбрых.

Получалась полная ахиня. Если прикинуть время, то с виртуальным Сарториусом я беседовал максимум четыре часа назад. Сурена грохнули намного раньше. Либо вообще вся беседа Сорокина с Чудом-юдом была плодом фантазии «Черного камня», либо Сарториус просто потерял свою тетрадку и ее подобрал Сурен. В первое верилось легче, чем во второе. Я не так уж хорошо знал Сергея Николаевича, но все-таки не считал его растеряхой и разгильдяем.

Но тут был только листок. Самой тетрадки не было. То ли ее следовало искать при трупах, валявшихся у ручья, то ли еще где-то. А мне надо было побыстрее найти беглянку.

Странно, но и на снежной целине, где я даже на лыжах погружался по щиколотку, босая

Лусия, по-прежнему бежавшая, в снег не проваливалась. Оставались только неглубокие отпечатки ступней. Это было против нормальных законов физики. Не иначе чертов «Камень» имел возможность облегчать вес избранных им субъектов. Впрочем, мне тут же пришло в голову, что он может просто-напросто заставлять меня видеть следы, которых нет... Я решительно отмел эту очень даже трезвую мысль и продолжал катить дальше.

Цепочка следов вела меня вверх, по восточному склону сопки, через невысокий, но частый ельник. Само собой, пришлось повторять все те кренделя, которые Лусия выписывала по снегу, обегая елки. Мне даже казалось временами, а не запетляла ли она меня, как заяц лису? Ведь ее ногами управлял «Черный камень», а у него не было в отношении нас особо добрых намерений.

Но все-таки Лусия хоть и зигзагами, но неуклонно двигалась в сторону «ребра». Точнее, в сторону воронки от упавшего и взорвавшегося НЛО. От того места, где раньше размещался «Черный камень», до воронки по прямой было метров 250, но и я, и бежавшая впереди Лусия наверняка преодолели вдвое большее расстояние.

Воронка показалась как-то незаметно. Она была совсем не похожа на кратер, до края которого от нее было совсем немного — метров 40-50.

Это была именно воронка, то есть коническое углубление. В нее легко было спуститься по пологим внутренним склонам, на которых уже выросли солидные елки и пихты. Ее можно было принять за карстовый провал, не исключено, что нижняя часть воронки летом была заболочена. Сейчас определить это было невозможно. Все было занесено снегом, выглядело очень обыденно. Деревья под снежными шапками, сугробы, подкрашенные солнцем в розоватый цвет, синие тени. Но именно тут, на спуске в воронку, я увидел первый предмет внеземного происхождения.

Собственно, о его происхождении можно было догадаться лишь в том случае, если знать заранее, как это знал я, что здесь шестьдесят лет назад разбился НЛО. Потому что обломки некой металлоконструкции серебристого цвета, торчащие из-под снега, могли принадлежать обычному самолету, вертолету, какой-нибудь ступени от ракеты, свалившейся сюда, в тайгу, после старта с Байконура. Две или три погнутые, даже витые, балки двутаврового сечения, а

между ними — некие трубчатые искривленные хреновины, напоминающие шпангоуты стрингеры, на которых висели куски обшивки, оплавленные и рваные.

Лусия пробежала мимо, даже не остановившись. Возможно, «Черный камень» показал ей что-нибудь другое, более соответствующее той иллюзии, которая внушалась несчастной мышке.

Еще через двадцать метров между двумя елками я обнаружил второй обломок — оплавленный кусок обшивки, скрученный в широкую спираль. Больше всего он был похож на колоссально увеличенную токарную стружку синевато-стального цвета.

Долго я и эту штуку не разглядывал. Мне показалось, что следы Лусии изменились. Похоже, она перешла на шаг. Отпечатки ног стали заметно ближе друг к другу. Мне захотелось прислушаться — а нет ли ее поблизости?

Но нет, скрипа шагов я не услышал. Пришлось идти дальше, по следу. Обогнул группу елок, потом еще одну, перевалил через небольшой бугор... И тут след пропал.

Нет, он не свернул куда-то в сторону и не исчез за елками. Впереди была трехметровой ширины полоса чистого пространства, протянувшаяся метров на двадцать. И где-то в пятнадцати метрах от меня цепочка следов обрывалась. Начисто. Будто с последним шагом Лусия оторвалась от земли и воспарила как ангел.

Конечно, можно было представить себе и такой финт. Если «Черный камень» был способен облегчить вес Лусии, чтоб она не проваливалась в снег, то вполне мог И вовсе лишиться ее веса. Но еще проще было подумать, что весь след Лусии, а может быть, и сам ее побег был чистой галлюцинацией, наведенной на меня этой гадской штуковиной.

На всякий случай я пригляделся к окружающим деревьям, к снегу. Никаких примет, дающих более реальное объяснение исчезновению следов Лусии.

Поблизости не имелось никаких деревьев, на которые, допустим, Лусия могла бы запрыгнуть. И след не возобновлялся, скажем, метрах в пяти справа или слева от последнего отпечатка. Такие фокусы проделывают зайцы: запутают петлями преследующую их лису, а потом, отпрыгнув далеко в сторону от собственных следов, сбивают рыжую с толку.

Нет, никуда в сторону Лусия не прыгала. Я сделал на лыжах петлю диаметром метров тридцать, даже заглянул под елки, словно рассчитывал увидеть ее, укрывшуюся, как зайчика. Но научная мышка была слишком крупным зверьком, чтоб найти там убежище. Вертолетом ее сняли, что ли? Но даже самую маленькую винтокрылую тарактелку в небе не спрячешь, я бы увидел ее или хотя бы услышал. Даже паралет или дельталет не унес бы Лусию незаметно.

Я вернулся на то место, где остановился, увидев обрыв следа. Еще разок присмотрелся. Нет, ничто не подсказывало, куда могла деться Лусия. Вспомнился рассказ Дмитрия Петровича насчет «запрета» для баб на прогулки по зоне. О ведунье Агафье, исчезнувшей без следа.

И тут мне показалось, будто там, где обрывается след, воздух чуть-чуть струится. Сперва думал — почудилось. Потом убедился, что нет, действительно прозрачная полоска воздуха, в метр шириной, отчетливо колебалась, двигалась, искажала контуры теней, отброшенных на снег, деревьев, находившихся ниже по откосу воронки. Точь-в-точь как над трубой прогоревшей печи.

Опять пришлось обратиться к собственной памяти и выкопать оттуда то, что слышал из уст Гриши Середенко, Вовика, Славика и остальных «военнопленных». Такую же штуку они видели на какой-то полянке неподалеку от сопки Сохатской, когда шли по следу Женькиного снегохода... Стоп! Но ведь Женька-то проехал эту полянку нормальным образом. И добрался до заимки самым обычным способом. Значит, этот «струящийся воздух», через который прокатились на лыжах соловьевцы, действовал не все время. В обычное время это была простая полянка, а по заказу «Черного камня» могла превратиться в некий «телепорт», или что там еще бывает, для ускоренного перемещения людей туда, куда это надо проклятому параллелепипеду. Зачем-то ему понадобилось перебросить весь отряд Сурена прямо на заимку — он взял и перебросил их. Даже Сарториуса смутил при этом, тот стал поспешно «крещеные» пули делать.

Правда, соловьевцы никаких особенных выгод от этой самой «телепортации» не приобрели. Но и не проиграли, впрочем, тоже. Просто этот гадский «Камень» ускорил столкновение между нами и ими. Ему, видимо, было бы очень неприятно, если б Сурен и другие, проплутав на лыжах по тайге, не успели выйти к заимке до начала пурги. Тогда бы побоище могло и не состояться.

Значит, этой черной погани все равно, кому помогать, лишь бы вредить роду человеческому. Такой вывод я сделал неожиданно для самого себя. И одновременно ощутил большое желание приблизиться к полосе струящегося воздуха. Если я туда сунусь, возможно, попаду туда же, куда и Лусия. Однако полного убеждения в этом не было. С чего я решил, будто «Черному камню» хочется, чтоб мы с Лусией поскорее встретились? Может, ему угодно распахать нас в разные концы зоны или в разные районы земного шара. Никто не мог бы дать и гарантии, что, сунувшись в «телепорт» или как его там, я не окажусь вообще в другой

галактике. Середенко и его балбесам было проще. Они едва успели перепугаться, когда их силой потащило в этот самый «телепорт», а потом р-раз! — и оказались на подступах к заимке. И подумать не успели, куда их может вынести. А я успел подумать, отчего мне стало еще страшнее и... еще больше захотелось испытать судьбу. Невзирая на то, что мой горький опыт, приобретенный в этой чертовой зоне, мне подсказывал: «Куда ты лезешь, осел! Это же „Черный камень“ тебя соблазняет! Да он может запросто выкинуть тебя без скафандра в открытый космос или на планету с атмосферой из сероводорода. Сдохнешь от запаха дерьма!»

Самым простым решением было дернуть отсюда по своим собственным следам, наплевав и на Лусию, и на «Черный камень». Ведь шансов, что научную мышку удастся спасти, не было никаких. Я сознавал, что с «Черным камнем» мне не справиться. Прав был виртуальный Сарториус: мы по сравнению с этой хреновиной — жалкие букашки. Он вертит нами как хочет, представляет нашему сознанию всякие фантастические картинки. Заставляет делать то, что он хочет. Против него наши ГВЭПы — техника, сама по себе кажущаяся невероятной! — что жалкие шарманки против симфонического оркестра. Он их легко подавляет или обращает против нас. Да, его периферийные устройства вроде бы не выдерживают «крещеных пуль». Но кто поручится, что это тоже не имитация? И вообще, что я сейчас вижу, реальность или очередную галлюцинацию?

Странно, но от этого мне стало даже как-то проще. А что я, собственно,

потеряю, если попробую? Ну, допустим, жизнь. Так она ж все равно не вечная.

Рано или поздно сдохнешь. Райское блаженство ни у какого Бога и никакими молитвами не вымолить. Еще созная себя Ричардом Брауном, давным-давно, думал над этим и мечтал лишь об одном: чтоб после смерти НИЧЕГО не было. Потому что если попы правы, то жариться мне на сковородке. Впрочем, вечная жизнь, по-моему, пытка в любом варианте. Даже в раю.

В общем, помирать мне было не страшно. Гораздо хуже представить себе какую-нибудь идиотскую ситуацию. Например, прибегу я на заимку перепутанный и начну бубнить насчет «Черного камня» и его злодейских шуточек, а Чудо-юдо, похехивая в бородищу, будет слушать не перебивая. А потом, когда я со скорбью в голосе доложу о пропаже Лусии, хмыкнет и заметит: «Надо же, а мы и не знали! Выходит, Зинуля в бане какое-то привидение отпаривает!» Может быть такое? Запросто!

И хотя здравый голос подсказывал, что эта хохма специально изобретена super-Black Vox`ом, чтоб затащить меня в свои гнусные сети, я его слушать не стал. Меня словно бы за ноги кто потянул и заставил двинуть лыжу вперед. Цап-царап! — и я уже перестал быть сам себе хозяином.

Все было точно так, как рассказывал Гриша. Теперь уже там, где я до этого видел только струящийся воздух, у самого последнего следа сеньориты Рохас, виделась некая прямоугольная полупрозрачная-полузеркальная «стенка» высотой метра два и шириной около метра. Она и впрямь была похожа на пласт желе или заливного, поставленный вертикально. Я назвал «стенку» прямоугольной, но это, строго говоря, было не совсем верно. Резких линий и граней, отделяющих ее от окружающего воздуха, не просматривалось. Гелеобразное, колышущееся образование постепенно переходило в самый обычный воздух.

Наверно, если б эта самая «стенка» была из кирпича или бетона, я легко сумел бы ее объехать. Размером она была с обыкновенную дверь. Собственно, она и являлась дверью по своему назначению.

Я испытал то же, что и Гриша Середенко со товарищи: потерю чувства собственного веса, легкое головокружение и утрату ориентировки в пространстве. Мне довелось увидеть свое

тело зыбким, как кисель, и ощутить полное бессилие перед той таинственной мощью, которая втянула меня в этот «кисель», точнее, в воздух, равный по плотности воде.

Казалось бы, я должен был захлебнуться или задохнуться, но не случилось ни того, ни другого. Сверкнула вспышка!

КОНТАКТ

Поморгав глазами после временной слепоты, вызванной вспышкой, я убедился, что ко мне «Черный камень» отнесся намного хуже, чем к середенковцам-соловьевцам. Он не выкинул меня в открытый космос и не перенес в другую галактику, но и на заимку не возвратил. Я очутился там, где меньше всего хотел очутиться — на дне кратера сопки «Котловина». Что это далеко не лучшее место на Земле, догадаться нетрудно.

Я, как был на лыжах, вместе со всем вооружением и снаряжением оказался на «самом дне дна». Super-Black Box затащил меня не только на дно «Котловины», но и на дно относительно небольшой воронки, похожей на лунный кратер, которых, как я помнил по кинокадрам из фильма, снятого сержантом Кулеминым, в «Котловине» было полно. Эта имела десять метров в поперечнике и не менее трех в глубину. Такую могла оставить неплохая авиационная фугаска или приличных размеров болид.

Будь дело летом, мне пришлось бы попытаться намного больше, прежде чем я сумел бы выбраться. Весной и осенью я наверняка бы вымок и измазюкался — талый снег и дожди заполнили бы воронку водой. Но сейчас была зима, воронку до половины занесло снегом и с одной стороны намело пологий «мостик», по которому я «лесенкой» вылез из ямы.

Однако, когда я огляделся и увидел стометровые, отвесные, почти без выступов, скалы, у меня появилось нехорошее чувство, что в этот каменный мешок я угодил надолго, если не до конца дней. Без веревок, крюков, карабинов, горных ботинок и прочего даже думать о подъеме не стоило.

Вчера ночью, стоя на краю обрыва и глядя в темный провал, освещенный лишь мелкими костерчиками догоравших обломков, разбросанных взрывом на не очень большой площади, я мог разглядеть — да и то еле-еле — не больше четверти кратера. Остальная территория была погружена в кромешный мрак. Теперь, при дневном свете, я смог в полной мере осознать, в какое гиблое место попал по собственной дурачности и злой воле «Черного камня».

Здесь не было ни одного деревца или самого дохлого кустика, а только снег и камни да еще обгорелые обломки вертолета. Я с тоской подумал о маленьком запасе провизии, оставшейся в избушке. Тут ни хвоей, ни шишками не пропитаешься. Может, в вертолете что-нибудь осталось?

Груда обломков, почерневших от огня, громоздилась в полусотне метров от меня, а отдельные куски металла, непонятные ошметки и головешки валялись повсюду. Конечно, уже ничего не горело и не дымилось, однако во многих местах обломки валялись посреди проталин, заполненных льдом.

Там, где располагалась основная куча металлолома, где топливо сразу после взрыва полыхало вовсю (этого фейерверка я вчера уже не застал), снег стоял совсем и даже успел испариться. Так что непосредственно вокруг места падения больших обломков мрачно чернела выжженная земля. Надеяться, что там уцелело что-то съестное, было наивно.

Кроме того, я вовремя вспомнил, что где-то под кучей обломков должен находиться «Черный камень». Что он затеял? Уморить меня голодом или заморозить можно было, и не затаскивая сюда. Можно было заставить покончить с собой самыми разнообразными способами, начиная от прыжка с обрыва в кратер

— ста метров с лихвой хватило бы, чтоб разбиться всмятку — и кончая банальным выстрелом в лоб той самой «крещеной» пулей, которая, строго говоря, была моей единственной надеждой хоть как-то воздействовать на поведение «Камня». Значит, гадский параллелепипед замыслил нечто иное. Может, вывезти куда-нибудь и, как говорил почтальон Печкин, «в поликлинику сдать, для опытов»? А что? Запросто. Посижу тут маленько, глядишь, и дождусь какой-нибудь «тарелки» или «огурца». Выйдут оттуда «длинные-черные» ростом под три метра, возьмут под белы руки — и унесут как младенчика. А потом ищи-свищи — в другой галактике. Посадят в виварий как мыша, начнут проверять, что на меня действует, а что нет. Хорошо, если сразу цианистый калий на мне попробуют — быстро и без хлопот, все, кто травились, так говорят. А если касторку? Или фенолфталеин?

Впрочем, инопланетяне, говорят, народ образованный. Может, повезет, посадят в питомник, будут смотреть, как я в неволе размножаюсь. Если не заставят это делать почкованием или еще как-нибудь вегетативно, для чего от меня будут руки-ноги на черенки отпиливать, то еще ничего, вытерпеть можно. Но если у этих ребят наука ударилась в мичуринскую биологию и начнут из меня гибрид с акулой или крокодилом сооружать, то тут призадумаетесь. Или мозги в кого-нибудь пересадят, ради эксперимента. В того же крокодила, например. А потом выпустят куда-нибудь в Лимпопо и будут интересоваться тем, как у меня образ жизни изменился.

Фигня, лезшая в голову, могла происходить от «Черного камня». Если он действительно там, под обломками вертолета, то может достать меня элементарно, раз за пять километров отсюда в избушке достал.

Я уже понимал, что мне от него никуда не деться. Либо это он мне внушил, либо я сам себя уговорил, что упираться бесполезно. Поэтому я решил подойти поближе к обломкам вертолета, чтобы хоть поглядеть на эту пакость в натуре. Параллелепипед, мать его так!

И я пошел. Страх, по крайней мере такого, как вчера ночью, когда мимо меня проходили «длинные-черные», не чувствовалось. Веселого настроения тоже не возникало, не тянуло на обычный в таких случаях висельный юмор. Была глухая апатия — полный дофенизм или пофигизм. Мне сейчас было все равно, долбанет ли меня «Черный камень» ГВЭПом в режиме «Д» или «О», наведет на меня очередную галлюцинацию или расцелует в обе щеки. Он — хозяин, а я — раб.

Но когда я подошел ближе к выпотрошенному вертолету, то ощутил, что воздух впереди меня стал заметно плотнее. Это было совсем не то, что

наверху, где оборвался след Лусии Рохас. Тут никакого «холодца» не было,

воздух оставался равномерно прозрачным, никаких колебаний и струений не просматривалось. И если там меня втягивало в эту «дверь», то теперь совсем наоборот — отпихивало. Точнее, лишь пыталось отпихнуть, так как едва я подумал, что это очередная имитация, уплотнение исчезло, и мне удалось пройти еще пару шагов. Потом преграда возникла вновь. Я опять подумал, ничего не произнося вслух: «Ерунда, мозги пудрит» — и воздушный щит отодвинулся назад. Правда, недалеко. Еще на два шага. Когда он почувствовался в третий раз, я понял, что «Камень» не желает подпускать меня ближе. Бойтся, что ли? «Щит» отодвинулся на шаг, но нажимать дальше я не решился. Ясно, если «Черный камень» запрещает, лезть дальше не нужно. Коли он не хочет пускать, то все равно не пустит, и если сейчас просто уплотняет воздух, то потом, увидя мою настырность, может

применить чего покрепче. Да и возможно, что super-Black Vox действует в интересах сохранения моей жизни или моего здоровья. Мало ли какие излучения идут от «Черного камня»! Может, если я ближе подойду, меня какая-нибудь болезнь одолеет, типа лучевки.

Я остановился и стал ждать дальнейших указаний. Ждать, чего это чудище еще придумает, какие еще охмурения найдет на мои бедные мозги, в которых я уже полностью разуверился. Я даже не был уверен в том, что нахожусь именно в «Котловине», а не где-то еще. Практически все, что меня окружало сейчас, могло быть иллюзорным, придуманным. Даже я сам, например. Что, если я — Коротков-Баринов — вообще не существую, а только придуман этим чертовым «Камнем»?

Прямых указаний от «Камня» — в смысле «Кр-ругом! Бегом! Об стенку лбом!»

— не поступило. Вместо этого я почувствовал легкое, поначалу почти незаметное, но постепенно усиливающееся «щекотание» где-то в области затылка. Чуть позже это «щекотание» стало ощущаться как жжение. Примерно такое, какое я испытал в детдомовские времена, когда мой лучший друг Саша Половинке, раздобыв где-то лупу, сфокусировал солнечные лучи у меня на макушке. Мы тогда в пятом классе учились. Серьезного ожога я не получил, дело завершилось беззлобно-дружеской потасовкой, но воспоминание осталось. Прежде всего, как ощущается жжение, причиняемое не поднесенной к голове спичкой или накаленным гвоздем, а пучком солнечных лучей, собранных в одну точку. И вот сейчас, много лет спустя, я испытывал нечто похожее.

Я обернулся. Ни Саши Половинке, ни лупы, разумеется, не увидел, да и солнце светило с другой стороны. Но жжение не проходило. Я почесал затылок, покрутил головой — нет, ни фиги не прошло. Даже усилилось. Мне вдруг почудилось, будто некий злодей, имея на вооружении «винторез» с лазерным прицелом, перемещается там, наверху, вдоль края обрыва, и красная точка уже поставлена мне на затылок. Реально такого быть, естественно, не могло. Моя голова меняла положения намного быстрее, чем сумел бы перебежать по обрыву самый прыткий снайпер. Однако жжение ощущалось в одной и той же точке затылка, куда бы я ни поворачивал голову.

Когда я положил ладонь на затылок, вроде бы прикрыв голову от воздействия «лазера», то должен был бы ощутить жжение на тыльной стороне кисти руки. Ан нет, по-прежнему припекало затылок. Только тут я вспомнил, что у меня на голове паралетный шлем, а под ним — подшлемник с металлической сеткой. В голове что-то щелкнуло, в глазах мигнуло. Жжение разом прекратилось, я ощутил, что и шлем, и подшлемник с моей головы никуда не исчезали.

Правда, вместо этого появилось точно такое же жжение на переносице. Почти инстинктивно я опустил со шлема на лицо защитные очки. Теперь почти все лицо было закрыто, даже нос я упрятал под защиту подшлемника.

И тут неожиданно заговорила рация, о существовании которой я стал уже забывать. Последними словами, долетевшими до моих ушей по радиосвязи, были отчаянные крики Чуда-юда:

«Проснись! Проснись, идиот! Отвернись от ГВЭПа! Немедленно!» Это произошло за несколько секунд до того, как, подчиняясь отцовскому же приказу, но уже пришедшему через мозговую микросхему, я ударил из ГВЭПа по НЛО... Тогда эти радиовопли на какое-то время вывели меня из сумеречного состояния, в которое я погрузился на последнем этапе полета. А команда через микросхему, по-видимому, опять усыпила или, точнее, заморозила, раз я увидел вместо родного «Ми-26» какой-то «огурец». Тогда «Чудо-юдо» (а на самом деле «Черный камень», если верить «дурацкому сну») легко убедил меня, что радиоприказы — это имитация. Иными словами, вор кричал: «Держи вора!»

После этого о рации я вспомнил только один раз, сразу после того, как слез с разбитого

паралета. Но воспользоваться ею побоялся. Потому что по лесу еще бродили соловьевцы. А позже мне казалось, что посреди сопки ее не услышит никто. «Тамагаву», которая была у двоих соловьевцев, коих я уделал недалеко от обрыва, я не стал брать по той же причине, тем более что по ней было гораздо удобнее связываться с Суреном, чем с Чудом-юдом.

В общем, о рации я забыл и даже не стал ее вынимать из кармана комбинезона, когда вешал его сушиться, укладываясь спать в избушке. То, что она включена и работает на прием, было для меня большим открытием. Мне казалось, будто я ее все-таки выключил, прежде чем начал подниматься от места падения пара-лета на сопку. Если же мне это померещилось и рация на самом деле оставалась включенной восемнадцать часов подряд, то питание у нее должно было прилично подсесть...

Тем не менее она отчетливо захрюкала:

— «Троди-2», «Троди-2», ответь «Папе»!

Я нажал на резиновый колпачок, прикрывавший кнопку передачи, и отозвался: — Я — «Троди-2», слышу тебя, «Папа». Прием. Как ни странно, я отдавал себе отчет в том, что «Черный камень» может оседлать и этот канал. Но все-таки ответил, так как захотел поверить в то, что на связь действительно вышел Чудо-юдо.

— Дима, — произнес он, — будь внимателен и осторожен. Старайся не смотреть в сторону обломков вертолета. Не снимай очков. Не слушай ничего по РНС. Не убирай со спины лыжи. Не выполняй никаких команд на остановку. Иди вперед и ничего не бойся. Все, что будет появляться в поле зрения, — игнорируй. Иди вперед! Я наверху, на обрыве, мы тебя видим. Рацию оставь на приеме. Жди сигнала. Вперед!

В принципе, все то же мог бы сказать и «Черный камень». «Иди вперед!», правда, противоречило действиям «Камня», который меня притормозил своим уплотненным воздухом. Но я ж не знал, зачем он меня притормаживал. Может, у него в тот момент еще аппетита не было, а теперь он уже морально подготовился, чтоб меня схавать?! «Не слушай ничего по РНС». Гм! Легко сказать, не слушай, когда РНС, как правило, действовала мгновенным импульсом, который тут же заставлял исполнять приказания, причем во многих случаях мышцы тела работали как бы независимо от центральной нервной системы. А почему нельзя убирать со спины лыжи? Они, между прочим, тяжеленькие, не один килограмм весят. Я ими уже по горло сыт. А шансов отыскать здесь Лусию нет никаких. Если б она была тут, я ее уже приметил бы. Может, она лежит в какой-нибудь воронке, вроде той, из которой я вылез? Но если это и так, то Чудо-юдо ее уже заметил бы с обрыва.

Тем не менее я еще раз решил поверить своим ушам и сделал шаг к вертолетным обломкам, стараясь смотреть под ноги. Воздух вновь уплотнился, напыжился, но я опять проломился через него, подумав, что мне все это только кажется. И после этого смог беспрепятственно пройти пять шагов на лыжах.

— Вперед! Вперед! Не останавливайся! — подбадривал Чудо-юдо из эфира. — Ни шагу назад! И быстрее, быстрее иди!

И тут меня остро ужалила РНС. Она не просто скомандовала: «Стой!», но еще и добавила: «Ложись!» И это было не просто так сказано. К этому приказу добавилось подтверждение по первой сигнальной системе. Той самой, когда человеку ничего не говорят, но он сам все понимает.

От вертолета, из воронок, даже, по-моему, с обрывов затарахтели автоматы и пулеметы. Я услышал именно те звуки, которые должен был услышать в этом окруженном со всех сторон скалами «каменном мешке», — сплошной грохот, помноженный на эхо, катившееся от скалы к скале, накладывавшееся одно на другое... И вокруг — справа, спереди, сзади, со всех сторон

— противно засвистели пули. Трассеры от них сверкали вокруг меня — иные в двадцати-тридцати сантиметрах от морды.

Мне никакой РНС не надо было, чтоб сразу исполнить команду «ложись». Рядом вдруг оказалась очень удобная воронка, где можно было укрыться от пуль. В эту воронку я поспешил плюхнуться, но чертовы лыжи, висевшие поперек спины, уперлись в края воронки, и, как я ни ворочался, голова и плечи не могли опуститься ниже. На ногах у меня тоже были лыжи, и в воронке я «укрылся» с большой долей условности. Торчал, а не прятался. Между тем чертовы пули сверкали трассерами совсем близко, чиркали по снегу в пятнадцати, в десяти сантиметра от меня. Только почему-то не попадали, хотя любой ребенок, сдавший нормы на значок «Юный стрелок», давным-давно впаял бы мне пулю промеж глаз.

«Имитация!» — догадка возникла сама собой, тоже будто бы через РНС. Вот и думай, чему верить: тому, что тебе подсказывают с разных сторон (причем кто-то один — или оба сразу? — врет), или собственным органам чувств, которые уже столько раз подводили за эти сутки.

Тем не менее вставать под пули мне очень не хотелось, а вот отвязать лыжи, а заодно и мешок с тряпьем Лусии — захотелось ужас как. Я уже заворочался, пытаюсь что-то такое сделать, но тут хрипло зашипела рация.

— Что ты лег? — сквозь завывание помех прорвался голос Чудо-юда. — Отвечай, Дима! Что ты видишь?

— Да стреляют же! — отозвался я раздосадованным, почти плаксивым голосом.

— Никто в тебя не стреляет! — рявкнул Чудо-юдо. — Я сказал: игнорируй все, что будешь видеть! Запомни, этот «Камень» только морочит голову! Он не убьет тебя, если ты сам себя не убьешь! Вставай! Иди! Верь только рации!

Надо сказать, от этих криков стрельба заметно усилилась. Бац! Я отчетливо ощутил удар пули по шлему. Голову дернуло, в позвонках чего-то хрупнуло. На секунду даже почудилось, будто начинаю терять сознание.

— Димка-а! — взревел Чудо-юдо. — Вставай! Сдохнешь! Почему-то последнее слово сработало. Я стал выпрастываться из воронки. Вот смех! Оказывается, никакой воронки не было! Я лежал на ровном месте — и вскочил на ноги. Все еще тархтели невидимые стрелки, но трассеры теперь пролетали гораздо дальше, хотя пристрелявшиеся «супостаты» должны были сделать из меня решето сразу же, едва только я поднялся.

Мозг ясно все определил, грозно утвердив: «Лаж!» И мои ноги сделали, хоть и не очень уверенно, первый шаг вперед. Потом другой, третий... И стрельба разом стихла.

— Молодец! Нормально! — радостно заорал Чудо-юдо из рации. — Толай! И не останавливайся! Что бы тебе ни мерещилось!

И-и-у-у! Бух! — «Черный камень» решил имитировать артиллерийский огонь. Но быстро бросил эту затею, поскольку три близких разрыва подряд хоть и трянули землю, выкинув вверх столбы огня и дыма, но... не оставили на снегу ни воронок, ни даже следов копоти.

— Он теряет энергию! — азартно, словно тренер, бегающий вокруг футбольного поля, орал Чудо-юдо. — Дожимай его! Ты уже рядом, совсем рядом!

Действительно, я оказался рядом с грудой мятого дюрала, в которой очень трудно было узнать «Ми-26». Где там прячется «Черный камень», фиг поймешь. Само собой, разгребать эти обломки было лучше всего бульдозером или подъемным краном, а не голыми руками, чего я, кстати, и не собирался делать.

— Обойди вокруг обломков, — распорядился Чудо-юдо, — посмотри, не торчит ли он откуда-то.

Я, ожидая новых подлянок, неторопливо обошел вокруг вертолета. Замыкая колечко, подивился тому, что ничего особенного не приключилось. Конечно, закопченный, местами оплавленный металл, весь в лохматой коросте из потрескавшегося от жара лакокрасочного покрытия, не вызывал светлых ассоциаций. Обломанные и скрученные лопасти смотрелись как щупальца чудовищного осьминога. Их, кстати, было именно восемь. Особенно неприятно было глядеть на некоторые фрагменты, явно принадлежавшие людям. Например, на обгоревший унт, из которого торчал обломок кости или полурасплавленный пилотский шлем с чем-то черным внутри, видный через выбитые окна кабины. Ну и относительно целый, хотя и дочерна обжаренный труп, лежавший метрах в пяти от носовой части вертолета, тоже наводил на размышления о бренности всего живого.

— Нигде он не просматривается, — доложил я Чудо-юду, — надо весь этот завал растаскивать, а уж тогда глядеть.

— Ты тросы видел где-нибудь? — спросил Чудо-юдо.

— Видел, кажется, где-то со стороны брюха.

— Иди туда. Где тросы, там и камень. Его несли на внешней подвеске.

Я пошел обратно, поглядеть, что там за тросы, потому что на первом круге не обратил на них внимания.

Действительно, тросы были. Правда, спутанные, местами расплавленные и полопавшиеся. Разобраться, какой конец к чему был прицеплен и осталось ли это прицепленное на подвеске к моменту падения вертолета, а не оторвалось намного раньше, было сложно. Поскольку снега вокруг вертолета фактически не осталось, а был только ледок, намерзший на месте того, что потаяло во время взрыва и пожара, то провалиться в сугроб «Черный камень» не мог. Во всяком случае, поблизости от обломков ему было негде спрятаться. Конечно, если он оторвался от подвески еще загодя, до падения, то мог лежать вовсе не у вертолета, а, скажем, в северо-восточном углу кратера. Но тогда бы и все воздействия «Камня» исходили оттуда... А они шли именно от вертолета.

— Дима, что ты видишь? — напомнил о себе Чудо-юдо.

— Тросы рассматриваю. Перепутаны — хрен поймешь.

— Лебедку видишь?

— Она отдельно лежит, ее выворотило. Вокруг нее целый клубок троса напутан.

— Ты посмотри, где тросы уходят под обломки. Там по идее и надо его искать.

— Есть такое место. У правой гондолы шасси.

— Гондола сильно смята?

— Да уж не целенькая. Вертолет на правый борт лег, всей массой, а он не один десяток тонн весит... А «Черный камень» — очень твердый. Если на него вертолет бортом улегся, то «Камень» внутрь вдавился.

— А ты все-таки подойди поближе и загляни, может быть, рассмотришь его между гондолой и бортом?

— Сейчас, только лыжи сниму...

— Не вздумай! — резко изменил тон отец.

— Да ведь туда и не пролезть иначе. А тут и снега нет, кстати, один лед. Коньки нужны, а не лыжи.

— Те, что на ногах, — можешь снять. Но те, что на спине, — не трогай ни в коем случае.

— Не понял... — пробормотал я, но отец ничего объяснять не стал.

Я снял с ног лыжи и, поскользывая слегка по шероховатому ледку — в него вмерзло много пепла и мелких обломков, — подошел к тому месту, где несколько тросов тянулись куда-то под правый борт вертолета. Точнее, под смятую и исковерканную гондолу шасси.

Нельзя сказать, что, заметив небольшой просвет между землей и бортом вертолета, я сильно обрадовался. Да и подходил я к этому месту без энтузиазма. Если эта штука вытворяла со мной все что хотела с дистанции в несколько километров, то могла и вблизи оказаться опасной. Вряд ли она заманила меня сюда, в кратер, для того, чтоб добровольно сдаться Чуду-юду. И все поведение «Черного камня» с момента моего появления в кратере тоже не говорило о его гостеприимстве.

И все же когда я приблизился и увидел через щели между обломками странное зеленоватое свечение, исходившее из-под правого борта вертолета, у меня как-то отлегло от сердца. По крайней мере теперь я точно знал, что super-Black Vox именно тут. И даже светится точно так, как описывал старый Лисов. Это свечение было подозрительно похоже на то, которое испускают радиоактивные изотопы. Такое, говорят, над чернобыльским реактором стояло, пока его свинцово-доломитовой смесью не засыпали.

Приборов радиационной разведки при мне не имелось. Правда, Дмитрий Петрович Лисов, подходивший к «Камню» так же близко, как я, был жив-здоров, да и дед Кислов, который голышом валялся на снегу в нескольких метрах от светящегося параллелепипеда, тоже не от лучевой болезни помер, а от старости. Но все-таки, когда я докладывал Чуду-юду, голос мой был не шибко твердый:

— Он там... Зеленое свечение вижу. Это не радиация случайно?

— Нет. Это его защитное поле. Оно видно только в темноте. Наши ребята, которые строповали «Камень» на полянке, замеряли радиоактивность с воздуха. Здесь скалы больше излучают. Сильный источник мы бы тоже зарегистрировали отсюда. Сейчас соберись и слушай внимательно. «Камень» надо освободить от обломков. Крана у нас нет, да и спустить его сюда невозможно. «Ми-8» до нас еще не долетел. И то не знаю, согласится ли сюда добираться, если узнает, что «Ми-26» разбился. Поэтому разбирать будем самым простым способом, хотя и очень рискованным. С помощью взрыва. Взрывчатку мы тебе попробуем опустить на шнуре. Отдельно передадим детонатор с часовым механизмом. Соберешь все там, у себя внизу.

— А вы мне кого-нибудь в помощь не можете спустить? — поинтересовался я.

— Пока не можем. Нет подходящей веревки, да и против этого второго «Камню» будет легче работать. У тебя уже набран высокий уровень контрсуггестии, понимаешь? Ты не поддаешься этой дряни. А свежему парню «Камень» в два счета заморочит голову.

— Ладно. А почему бы вам не попробовать убрать обломки ГВЭПом?

— Потому что еще не сошли с ума. Если работать в режиме «Д», то есть на плюсе, он нам может влить самые крутые галлюцинации, которые мы же и усилим через ГВЭП. А если

работать на режиме «О», на минусе, то он всосет эту энергию и даст нам прикурить.

— А энергию взрыва ему не удастся использовать?

— Думаю, не удастся.

— Думаешь или уверен? — довольно нахально спросил я, поскольку это был вопрос для меня лично далеко не праздный.

— Уверен, — проворчал Чудо-юдо. Тон был такой, что мне стало ясно: ни хрена он не уверен, и даже больше того, почти убежден, что «Камень» заберет эту энергию.

— Тогда еще один вопрос: он сам, этот «Камешек» не сдетонирует случайно? Например, из вредности, чтоб врагу не достаться? — Меня бесило, что человек, имеющий какое-то отношение к моему появлению на свет, ни фига не представляя себе всех последствий, отправляет меня играть в такие игрушки.

— Дима, — успокаивающе сказал Чудо-юдо, — делай, что говорят, и не мудри. У нас не так много времени, как может показаться. Если Сарториус правильно проанализировал изменения в энергетике этого района, то не позже чем через два часа через этот кратер пройдет очередной корабль. Я не знаю, что может быть, если мы не успеем.

— А почему бы просто не плюнуть и не оставить все как было? — резонно спросил я. — На фиг нужна хреновина, с которой нам все равно не управиться?

— Короче, — строго произнес отец, — ты будешь работать или нет?

Голос был такой, что отвечать «нет» не хотелось. У меня не было ни малейшего желания оставаться тут одному. Ясно ведь, что Чудо-юдо не будет сидеть на краю кратера и дожидаться, когда в «Котловину» припаркуется очередной «огурец» или «тарелка», а «Черный камень» наябедничает им, как по-хамски с ним обращались эти дикие и некультурные земляне. А потому отец, потратив лимит времени на то, чтоб уговорить меня подорвать вертолет, просто слиняет отсюда, чтоб не угодить на разборку с пришельцами. Правда, нет никакой гарантии, что они его и в Москве не достанут, но все-таки... Во всяком случае, если он успеет добежать хотя бы до заимки, ему будет как-то спокойнее, чем мне.

— Ладно, — спросил я по-деловому, — куда подходить?

— Стань точно напротив носа вертолета и повернись к нему спиной. Можешь лыжи надеть. Те, которые снял с ног.

Я все выполнил в точности. Даже лыжи надел на ноги.

— Теперь погляди прямо перед собой, — прохрипела рация. — Там, на обрыве, метрах в двадцати от дна, есть выступ, а на нем что-то вроде дождевой выбоины в форме буквы V. Видишь?

— Вижу.

— Иди точно под этот выступ.

Я пошел. Странно, чем дальше я отходил от вертолета, тем больше ощущал дискомфорт. Мне словно бы кто-то не то смотрел в спину, не то даже целился в нее. Началось это не сразу, а лишь после того, как я отошел метров на десять от носа вертолета. Мне удалось отметить место, поскольку как раз там торчал из-под снега небольшой валун. Сразу за валуном начались первые неприятные ощущения, а пика эти ощущения достигли, когда я добрался до подножия обрыва. Отсюда до вертолета было метров семьдесят по прямой.

— Молодец, — похвалил Чудо-юдо, — вышел точно куда надо. А то этот гад начал набирать энергию и пытался ставить тебе помехи. Порядок работы такой: сначала тебе спустят детонатор. Он в резиновой упаковке, вряд ли сработает от удара, но все-таки старайся его не ронять. Отнесешь его метров на полсотни от скалы, вернешься, и мы передадим тебе заряд. Готов?

— Как юный пионер. Там камней на обрыве нет? Таких, чтоб мне на голову чухнулись?

— Подойди вплотную к скале, тогда ничего не чухнется. Начали!

Кое-какая мелочь с обрыва посыпалась, несколько камешков даже тюкнули по шлему, но не сильно. Ничего такого, чтоб могло вдавить мне башку в плечи, с обрыва не сорвалось. И шнур, к которому была привязана коробка с детонатором, до меня минут за пять доехал.

— Не распаковывай! — предупредил Чудо-юдо — Отвязывай и неси от скалы. Осторожнее!

Я знал, что мальчики, которые плохо обращаются с детонаторами, обычно теряют пальчики, поэтому прошел полета метров в наивысшей собранности. Когда вернулся, под скалой на том же шнурке висела упаковка весом в три-четыре кило. Что там такое, тол или пластит, Чудо-юдо не объяснил. Он сказал так.

— Видишь, как коробка перевязана бечевкой? Крестом. Так вот, неси ее перед грудью этим самым крестом в направлении камня.

— Надо было еще икону прилепить и святой водичкой покропить, — заметил я.

— Как сказано, так и делай! Это не шутки! Понял? Ну-ну! Что крест рубит «длинных-черных», это я знал. А вот насколько он может помочь против «Камня», тем более что просто обозначен бечевкой? Если сейчас этот инопланетный или вовсе потусторонний товарищ вмажет по моему свертку из ГВЭПа, то оставшееся от меня можно будет в спичечный коробок собрать. Это не детонатор, который мог меня пришибить только в том случае, если б я его нежно прижал к груди. А тут — четыре кило. Людей двухсотграммовыми шашками в ошметки превращают.

Тем не менее я подчинился. Покамест по радио я еще не получал дурных советов. Выставил перед собой пакет со взрывчаткой и попер с ним, как с иконой, благословлять «Черный камень». Все время было тихое ощущение грядущей подставы. То ли «Камень» действительно очухался и поднабрал энергии, чтобы капать мне на мозги, то ли я сам себя завел, но только нервишки у меня здорово поиграли, прежде чем дошел до коробки с детонатором.

— Не останавливайся! — приказал Чудо-юдо. — Тащи прямо к вертолету!

Сказано — сделано. Останавливаться я не стал и добрался до носа вертолета. Интересно, что когда я миновал валунчик, от которого начался дискомфорт на пути к обрыву, то почувствовал себя намного уютнее. словно бы перебежал открытое пространство и укрылся в «мертвой зоне».

— Положи пакет у правой гондолы шасси!

Это была, наверно, самая жуткая команда, которую я получал за всю свою жизнь. Мое кратковременное успокоение тут же сошло на нет. И, по-моему, на сей раз «Камень» был ни при чем. Просто мой собственный мозг начал паниковать, узнав, что придется приблизиться на вытянутую руку к такой жуткой хреновине. А вдруг он эту самую руку ко мне протянет и утащит к себе под вертолет? После чего начнет, допустим, торговаться с Сергеем Сергеевичем. «Слышь, братан! Ты вообще оборзел, в натуре? Гони бабки, а то я твоего

сынка на хрен на такую планету зафинделю, что фиг найдешь!»

Свечение все так же озаряло промежуток между грунтом, бортом и гондолой шасси. Осторожно положив сверток на землю, я медленно отправился восвояси. И чувство беспокойства вновь исчезло, чтобы возникнуть опять после выхода из «мертвой зоны» за валуном.

— Нож есть? — спросил Чудо-юдо из эфира.

— Есть.

— Сейчас подойдешь к коробке с детонатором, откроешь ее и увидишь две штуковины. Первая — обрезиненный цилиндрик размером с тюбик губной помады. Вторая штука похожа на сотовый телефон.

Я открыл коробку и обнаружил обе штуковины, обложенные поролоном.

— Нашел, что дальше?

— Ту, что похожа на телефон, не трогай, а похожую на губную помаду положи в карман и иди обратно к заряду. Пока не вскрывай!

На сей раз все прошло гораздо спокойнее, и я не опасался, что из-под вертолета выскочат трехметровые ребята и утащат меня в тартарары.

— Пакет с ВВ как у тебя лежит? — спросил Чудо-юдо. — Узлом вверх?

— Ага.

— Не «ага», а «так точно». Достань нож.

— Достал, товарищ генерал.

— Осторожненько проколи обертку пакета под узлом, в самой середине.

По рукоятке бить не надо, не консервы открываешь. Главное, чтоб открылось гнездо для детонатора. Проколешь ножиком, расширишь пальцем. Перчатку лучше сними при этом.

Так и сделал, проколол кончиком ножа крафт-бумагу, провертел дырку. Гнездо, должно быть, было нестандартное, слишком широкое и располагалось не в торце толовой шашки, а в боку.

— Все, нашел.

— Отлично. Доставай «губную помаду».

— Достал.

— Примерно посередине «тюбика» на резине проведена красная риска. Сделай по ней надрез ножом. Только пополам не перерубай, ладно?

Оказывается, шуточки шутить в ответственные моменты у нас семейная традиция.

— Надрез сделан. Что дальше?

— Дальше аккуратно отвинчиваешь верхний колпачок. Должен открыться маленький металлический шарик, торчащий из металлического цилиндрика.

— Вижу шарик.

— Теперь осторожно тянешь за шарик и вытягиваешь телескопический штырек из трех колен на общую длину десять сантиметров.

— Сделал.

— Теперь вставляешь цилиндрик в гнездо, так чтоб антенна торчала вверх, а сам мирно идешь туда, где остался «телефон».

От сознания, что за моей спиной стоит мина с радиовзрывателем, в то время как Чудо-юдо треплется по УКВ-связи, мне было как-то неуютно. А вдруг «Камень», вылежавшись и отдохнув, возьмет да и пошутит в своем духе? Покажет, к примеру, Чуду-юду на рации, что у него волна сбилась, и заставит его невзначай перевести передатчик на ту рабочую частоту, которая приводит радиовзрыватель в действие?

Если он и хотел так сделать, то не сделал. До коробки с «телефоном» я дошел без приключений.

— Так, — сказал Чудо-юдо, должно быть, переводя дух от волнения. — Повернись спиной к вертолету. Теперь посмотри вправо, метрах в сорока от тебя есть приличная воронка. За сколько времени можешь там оказаться?

— Реально? Ну, секунд за десять-пятнадцать.

— Ладно, значит, надо думать, двух минут тебе хватит. Бери «телефон», передвинь рычажок на «вкл.». Когда засветится табло и появится ноль, нажимай кнопки и набирай такую комбинацию: «2х60». После этого выдерни булавочку из-под красной кнопки, нажимай на нее и сразу быстро беги к воронке.

— А может, лучше прямо из воронки нажать? — спросил я скромно.

— Димуля, не умничай! Делай, как сказано. Набирай, нажимай, бросай пульт на землю и беги в воронку!

На табло светился одинокий нулик. Я не торопясь нажал «2», потом знак умножения, потом «60». Затем вытащил булавку-чеку, просунув ее насквозь через красную кнопку с буквой F, и, бросив пульт, заспешил к воронке. Добрался я туда с большим запасом по времени. Даже с учетом того, что пришлось опять снять лыжи с ног. Те, что были на спине, я снимать не решил. С нами крестная сила!

— Залег? — спросил Чудо-юдо.

— Так точно. Только еще полторы минуты мерзнуть.

— Ничего, лучше немного померзнуть, чем перегреться. Жди и не высовывай нос, а то оторвет.

Я догадывался, что, если не вовремя высунуться, можно и без башки остаться, не то что без носа. Взрыв, конечно, не ядерный, но все-таки — четыре кило. Еще тридцать секунд прошло...

Бу-бух! — грохнуло секунда в секунду. Землю ощутимо потрянуло. Обломки вертолета и мерзлая земля полетели в противоположную от меня сторону и в воронку ничего не залетело. Воздушная волна, правда, пронесшись над воронкой, толкнулась в обрыв и, отразившись от него, покатила обратно, потом ударила в противоположную стену «Котловины» и еще немного полетала туда-сюда вместе с затухающим эхом взрыва.

КРУЧЕ КРУТОГО

— Отлично! — гаркнул Чудо-юдо из эфира. — Как на ладони теперь!

Убедившись, что все вроде бы улеглось, я высунул нос из-за «бруствера» воронки и обнаружил, что обломки вертолета отброшены в сторону метров на двадцать, причем в заметно измельченном состоянии, а черный параллелепипед, похожий на надгробие из черного мрамора лежит на совершенно открытом месте. Никакого его свечения видно не было — на свету, оно, вероятно, не просматривалось.

— Дима! — позвал Чудо-юдо. — Осталось совсем немного потерпеть. «Ми-8» уже взлетает с Порченой. Будет здесь самое позднее через десять минут. Погрузим и тебя, и «Камень». Он теперь смирный. У него энергии осталось только для поддержания собственной стабильности...

— А «Ми-8» его потянет?

— Потянет. По прикидке, сейчас у этого «Камня» масса не более двух тонн. Весит как два кубометра воды без тары. Пока довезем до Москвы, конечно, потяжелеет, но не больше чем вдвое. Даже на посадке самолет не перегрузим...

Чудо-юдо аж захлебывался от счастья. Я лично предпочел бы оставить эту фигулину в тайге — пусть пугает местных и заезжих всякими видениями и

сторожит свой космический шлюз, — а не тащить ее в столицу нашей сократившейся Родины. У Государства российского и без того проблем до хрена. Тем зарплату, тем пенсию, тем компенсацию за то, что их когда-то кто-то сажал. Кому-то культурные ценности вертай, кому-то северные территории, некоторым выкуп за заложников подавай. А ежели еще и инопланетяне предъявят претензии за порчу такого важного транспортного узла, как на «Котловине», нам вообще тысячу лет не рассчитаться будет...

Но тут над «Котловиной» раскатисто ударил одиночный выстрел.

Было еще совсем светло, стреляли без трассера, и определить, откуда грохнули, особенно со дна «каменного мешка», где я находился, никто бы не сумел. Зато яркую вспышку и крестообразный всплеск на фоне «Черного камня» заметили все. С обрыва, примерно оттуда, где должны были находиться Чудо-юдо со товарищи, тут же поднялась пальба. Видимо, они лучше меня разглядели место, откуда стрельнули, и в ответ ударили из автоматов и пулеметов по северо-восточной стороне обрыва. Там засверкали искорки от ударов пуль по скалам, поднялись пылевые «дымки» от разбитых пулями камней, взвихрился снег...

То, что в «Черный камень» пальнули «крещеной» пулей, было ясно как Божий день. В отличие от «длинных-черных», он не стал распадаться на куски, выпускать огненные шары и гореть синим пламенем. Но он стал заметно меньше! Сжался!

С северо-восточной стороны «Котловины» тоже поднялась автоматная стрельба. Меня, слава Богу, это никак не касалось, поскольку оттуда молотили поперек кратера, по противоположному гребню обрыва. Я был никому из стрелков не нужен. Даже рикошеты от скал меня не затрагивали.

Однако следующую вспышку и ослепительно белый крестообразный всплеск я мимо своего сознания не пропустил, хотя одиночный выстрел начисто потерялся в грохоте многочисленных автоматических стволов. И то, что после этого «Черный камень» сжался ровно вдвое, я заметил.

— А-а-а! — истошно взвыл кто-то на юго-западной, чудо-юдовской стороне обрыва, и нечто похожее на человеческую фигуру с шелестом сверзилось вниз, с противным костоломным хрустом ударившись о дно кратера.

— Что за пальба? — позвал я в рацию, наконец-то додумавшись поинтересоваться. Чудо-юдо не ответил, и мне на секунду стало страшно...

Впрочем, за отца я зря волновался, ему было просто не до меня.

— «Вертушка», «вертушка»! — бубнил он. — Ты взлетел. Валя?

— Нет еще, Сергей Сергеевич.

— Вот и хорошо. Посиди маленько у Лисова, чайку лишний стакан выпей. У нас тут кое-какие сложности. Я скажу, когда понадобится. Моторы не застынут?

— Сколько сидеть... Чего у вас там за тарыхтение такое?

— Да перфораторы работают, бурим...

— Только совсем-то не бурейте, ладно?

— Постараемся. До связи.

Как раз в это время невидимый снайпер с северо-восточного обрыва снова ударил по «Черному камню». Вспышка была еще ярче, чем прежние. А объем «Черного камня» уменьшился еще сильнее.

Теперь я с некоторым опозданием вспомнил, что «крещеные» патроны были у Сорокина. Я четыре своих извел, лишь один был в стволе карабина. А у Сарториуса, если он не напилит еще сотню, могло оставаться около десятка. Должно быть, он и пулял по «Камню», за что-то на него обидевшись или желая подложить свинью Чуду-юду.

Интенсивность пальбы с краев «Котловины» заметно повысилась. Какой-то доброжелатель на северо-восточной стороне, должно быть, приметив, что я изредка показываюсь из воронки, чесанул очередью и чуть-чуть не сделал мне больно. Пара-тройка пуль чиркнули снег так близко, что я постарался теснее прижаться к земле и носа не казать наружу. Пять-десять минут, пока длилась перестрелка, я не высовывался и не глядел в сторону «Черного камня», хотя несколько раз видел отсветы вспышек, свидетельствовавшие о том, что прицельная стрельба по нему продолжалась. По-моему, в него попали еще раза три или четыре, прежде чем произошло то, что явно никем не ожидалось.

Случилось это, видимо, после очередного попадания, хотя какой-либо отчетливой вспышки я на этот раз не заметил. Зато стрельба разом оборвалась. Будто она была записана на магнитофон, который внезапно выключили. Я даже подумал, что все это побоище было такой же галлюцинацией, как тот «обстрел», который устроил мне «Черный камень» при начале нашего знакомства.

Поскольку стояла полная тишина, я рискнул поднять башку над краем воронки.

Там, где совсем недавно мирно лежал черный параллелепипед, точнее, над тем самым местом, метрах в трех над дном кратера, висел зловеще светящийся зеленоватый «еж». Такие же, только намного меньшего размера, разлетелись, помнится, в разные стороны, когда я расстрелял «длинных-черных». Но этот, похоже, никуда улетать не собирался.

Я схватился за рацию, однако это был пустой номер: ничего, кроме гудения и многочисленных разрядных тресков, слышно не было, и можно было с уверенностью сказать, что меня тоже никто не услышит.

Острые зеленовато-искрящиеся иглы «ежа» угрожающе шевелились. Вспомнился

один из снов, доставшийся от Майкла Атвуда. Там была какая-то перестрелка или космический бой, при котором этими самыми иглами «ежи» активно стреляли...

Едва я успел об этом подумать, как несколько десятков игл вырвались из оболочки «ежа» и наискось, снизу вверх, ударили по северо-восточной стороне кратера. Адский грохот потряс всю сопку. Ни разу, слава Богу, не сподобился

видеть вблизи извержение вулкана, но тут было что-то похожее. Там, куда втыкались иглы, скалы мгновенно раскалялись докрасна, плавились, вздувались пузырями, лопались, с громоподобным треском разлетаясь на тысячи кусков. Эти куски, словно ракеты, неслись в разные стороны, оставляя за собой дымные хвосты, с бомбовым свистом вонзались в снег, шипя и вздымая столбы пара. Местами вниз обрушивались целые плиты и глыбы в десятки тонн весом, от падения которых меня, находившегося в воронке на расстоянии нескольких сот метров, подбрасывало как при землетрясении. Облако дыма, пыли и пара закрыло небо.

Хотя все это сумасшествие творилось на относительно безопасной дистанции от меня, не было никакой гарантии, что «еж», расстреляв северо-восточный край «Котловины», не начнет обстреливать юго-западный. Если у Чуда-юда и его людей была возможность драпануть куда-нибудь в сторону «Контрольной» или попробовать себя на той слаломной трассе, которую проложили мы с Лусией, то у меня в случае такого обстрела никаких шансов не было. Скалы просто похоронили бы меня под собой.

В это самое время «еж» поднялся метров на сорок выше, а внизу, там, где еще громоздились обломки «Ми-26», стало происходить что-то совсем странное.

Сперва мне показалось, будто на дне «Котловины» конденсируется пар, образовавшийся от раскаленных осколков скал, угодивших в снег. Но это было не так. Нечто клубящееся, бело-голубоватое как бы выплеснулось в «Котловину» из какой-то точки, располагавшейся на перпендикуляре между «ежом», заметно уменьшившимся в объеме и поблекшим после своего «залпа», и дном. Этот перпендикуляр был поначалу прочерчен неким полупрозрачным расплывчатым контуром, походившим не то на тонкую трубу, не то на стебель, не то на хобот. Уже потом я смог дать более точное определение — больше всего это походило на смерч. Однако в отличие от обычного смерча, воронка которого затягивает в себя все и вся, эта, напротив, раскручиваясь, заполняла дно кратера белесым туманом, который быстро уплотнялся и сгущался... Опять вырисовывались очертания не то «сигары», не то «огурца». Знакомая картина! Я видел что-то такое перед тем, как ударить из ГВЭПа по вертолету. Тогда это была имитация, а сейчас? Или, может быть, это уже настоящий НЛО проходит шлюзование? И никто из землян не должен этого видеть...

Не знаю, что заставило меня сдернуть со спины карабин, снять с предохранителя и навести на «ежа»... Его иглы уже повернулись в сторону юго-западной части «Котловины». Оставались буквально доли секунды до залпа, который снес бы ее и завалил бы меня многими тоннами скальной породы. Ну нет! Жди-ка! Чтоб я себя каким-то жлобам бесформенным за так подарил? На хрен!

Выстрела я не услышал, его звук был тоньше комариного писка в сравнении с чудовищным грохотом, доносившимся от скал, все еще взрывающихся и рушившихся на северо-восточном краю кратера. Мне на секунду даже показалось, будто карабин дал осечку, хотя плечо ощутило крепенькую отдачу неавтоматического оружия. Но пуля образца 1908 года с крестообразным пропилом на острие все-таки унеслась к цели.

Ярчайшая крестообразная вспышка рассекла ошетилившийся иглами контур «ежа», послышался чудовищный треск, словно двадцать молний сразу разрядили миллионы вольт! Сознание этого выдержать уже не смогло...

БРЕД СИВОЙ КОБЫЛЫ ДЛЯ ДМИТРИЯ БАРИНОВА

Нет, наверно, все-таки Суинг не дотянулся. Я не получил тот парашют,

который он должен был мне передать. А может, это я не дотянулся? Ведь это мне нужен был парашют. Теперь можно спокойно падать в черную пустоту. Там ничего нет, и я не разобьюсь. Может, я вообще не падаю, а поднимаюсь? Вон вроде звездочки какие-то... Точно, возношусь. Ну что ж, и это неплохо. Сейчас, по крайней мере, станет ясно, есть Бог или нет.

Кажется, есть. Что-то такое просматривается, светящееся, постепенно увеличивающееся в размерах. Чертог, что ли, Господень? Странно, больше на станцию «Мир» похоже.

Ладно, и на том спасибо. Люк открыт, милости просим, стало быть? И разгерметизации не боятся. А мне-то наплевать, я все равно без скафандра.

Что-то внутри больно просторно. Не так, как по телевизору показывают. Стоп! По-моему, я тут уже бывал когда-то. Не то церковь, не то концертный зал. Арки по бокам все те же. Кто-то появиться должен.

Мать честная! Это же Вася Лопухин! Весь в белом, один галстук черный. А на поводочке у него... Гм! Белый волк! Но тихий такой, к тому же в наморднике.

— Привет! — сказал Вася. — Есть разговор. Раз уж так получилось. Правда, это не совсем я говорю, но так тебе понятней будет и общаться удобнее.

— Волка-то зачем привел? — спросил я. — Еще покусает...

— Не покусает, — усмехнулся Вася, потрепав волка по загривку, — он теперь дрессированный, и намордник у него крепкий. Пригодится в необходимых случаях. Я тебя научу, как его на вредных людей науськивать — первым другом тебе будет.

— Лишь бы меня не сожрал.

— Нет, теперь это исключено. Теперь он — одна из защитных систем твоего мозга, верный страж, так сказать.

— А ты кто, кинолог при нем?

— Я теперь твой личный тайный советник по общим вопросам. Хошь не хошь, а придется терпеть.

— А кто тебя назначил?

— Условно говоря — вышестоящая инстанция. А конкретно — хрен его знает. Мое дело доводить до тебя информацию по системе БСК.

— Это еще что за фигня? То РНС была, теперь БСК придумали...

— БСК — это в точной расшифровке «Бред Сивой Кобылы». Иными словами время от времени будешь получать через меня нечто кажущееся полной белибердой, которое будет нести серьезную и конкретную информацию.

— Непонятно, но красиво.

— Ладно, это преамбула, ее пора заканчивать. Тебе надо много узнать, но так, чтоб не знать ничего.

— Еще лучше...

— Ничего не поделаешь, так надо. После того что вы натворили в «Котловине», выбор зависит не от тебя.

— А от кого?

— От тех, кто меня прислал. Я не говорю, что ты должен им подчиняться, я констатирую, что ты будешь им подчиняться, хочешь ты этого или не хочешь. У тебя даже не будет выбора между жизнью и смертью. Ты не сможешь умереть, как бы тебе этого не хотелось, без санкции тех, кого будешь называть хозяевами.

— Стало быть, я теперь раб?

— Все люди — рабы. Одни — добровольно, другие — по принуждению. Добровольное рабство приятнее. Если ты почувствуешь себя рабом-добровольцем, то будешь более счастлив. Все верующие считают себя рабами Божиими и от этого не страдают. Они верят в то, что сами для себя придумали, понятия не имея о том, что есть на самом деле. А ты будешь верить, когда прикажут. И не верить тоже по приказу. И даже тогда, когда ты не будешь ощущать приказа, ты будешь действовать по приказу.

— И на фи́га это нужно?

— А это тебе никто объяснять не будет. Представь себе, что ты просто маленькая компьютерная программа. Она включается, если клавиши нажаты в определенной последовательности. И не включается, если клавиши не нажаты или нажаты неправильно. Конечно, ты сложнее, ты сможешь думать, ты будешь ощущать внутреннюю борьбу, но все равно подчинишься команде. Теперь перехожу к изложению ситуации. Ибо ты вернешься отсюда не совсем туда, откуда уходил. Хозяева могли бы стереть твою память или внести в нее нужные коррективы, но это не входит в их планы. Ты будешь помнить все целиком, от и до. Тебе никто не запретит рассказать об этом где угодно и кому угодно, потому что ни один факт твоего рассказа не подтвердится. Тебя сочтут либо талантливым фантастом, либо психом, если ты будешь настаивать, что все это не БСК, а суровая реальность.

— Вы меня что, в параллельное время перетащите? — Эта догадка пришла сама по себе. — Как Майкла Атвуда и Тину?

— Понимай как хочешь. Тебе будет позволено самому оценивать свое положение, строить свои догадки и версии. Ты будешь знать все и не знать ничего. Ты вернешься в октябрь 1996-го и проживешь эти несколько месяцев заново. Так, как надо хозяевам. Говорят, это несложно. Ты будешь помнить о том, что уже прожил однажды этот период времени, а те, кто будет тебя окружать, — нет». Это будет очень занятно. Порадуешься даже, может быть, что кое-кого из тех, кого вроде бы потерял, живым встретишь. В общем, вернешься на исходную.

— То есть я снова попадусь «залетным»? А потом от них сбегу, спрячусь на даче у Родиона, зацапаю документы «Пихты»?

— Там увидишь, что будет. Прощай! Оставляю тебе волка. Если очень нужно будет, скажи: «Белый, фас!»

Вася плавно перешел в какое-то облакообразное состояние и медленно растворился в окружающей среде. Волк тоже трансформировался во что-то бесплотное, похожее на струйку сигаретного дыма, и втянулся ко мне в ноздри. Закрутилась знакомая по прежним снам золотистая спираль, сворачивая в ничто интерьер «концертной церкви». Вспышка!

ВОЗВРАТ НА ИСХОДНУЮ

— Дима! Проснись! — Эти слова сопровождалась легкой оплеухой по щеке, а может, и не одной. Вика (или Таня-Лена), растрепанная, в поплывшем от слез макияже, трясла меня за плечи.

— А? — Я хлопал глазами, вертел головой, отлично помня и БСК, и предшествовавшую вроде бы явь, но с превеликим трудом врубаясь в окружающую обстановку.

— Мы прилетели, — шмыгнула носом Вика. — Москва. Мне очень хотелось спросить, откуда мы прилетели, но память торопливо просыпалась, подсказывая, что я в самолете, на котором нас отправлял из Эмиратов великий и мудрый шейх Абу Рустем. То есть Кубик-Рубик. И, соответственно, из января 1997-го я вернулся на три с лишним месяца назад, в октябрь 1996-го. На исходную. Все, как объяснял мне Вася. Который, кстати, должно быть, еще жив?! А что, я тогда тоже заснул и меня будили после посадки?

Нет, в прошлый раз я не засыпал в самолете. Мне тогда было не до этого. Я хорошо помню, что Ленка-Танька, силясь спасти Васю, задержала меня работой на подхвате. И я здорово устал. Но спать мне не дали — это точно.

— Вставай, вставай, — утирая глаза, пробормотала Вика. — Дома отоспишься.

— С Лопухиным что-то? — спросил я, помня, что тогда он умер не в самолете, до ЦТМО его довели живым.

— Да, — вздохнула она тоскливо, — ничего я не смогла...

— Есть такие случаи, когда медицина бессильна, — сказал смуглый гражданин из-за спины Ленки. Его я тоже вспомнил: это был бывший «лумумбовец», личный лекарь Абу Рустема, доктор Сулейман.

Да, если эти самые «хозяева» смогли переиграть все так, как им требовалось, то мне не грозила опасность умереть со скуки, по новой проживая одни и те же дни и загодя зная, что с кем будет.

Я оглядывал себя, Вику, Сулеймана и узнавал одежду, которая была на нас тогда, в октябре. И когда выходил из самолета то ни за что не спутал бы осень с зимой, да и Москву с Сибирью тоже. Нет, все было в натуре, и многие детали, подсознательно бросившиеся в глаза тогда и за три месяца полустершиеся из памяти, вспоминались и подтверждали: да, это октябрь 1996-го!

Странно, но некоторое время меня еще донимали непрошенные мысли обо всем, что я пережил в том прошлом, которое теперь стало будущим. Там осталось много непонятного, загадочного, недоговоренного. Я так и не узнал, куда делась Лусия Рохас, чьи следы оборвались на прогалине, будто она, оттолкнувшись от снега, воспарила в небеса. Может быть, студневидная «дверь» вывела ее совсем в иной мир? Но здесь-то, по идее, она должна существовать? Кто застрелил Сурена, откуда рядом с ним взялся листок из школьной тетрадки Анатолия Кислова? Нашел ли кто-нибудь жестяную коробку в просмоленном мешочке, и почему группа «Пихта» не повезла ее к своему высшему начальству? А что там, в том варианте этого самого «прошлого-будущего», случилось с Чудом-юдом и Сарториусом? Или там вообще ВСЕ прекратилось? Может, после того моего выстрела по «ежу» произошла какая-нибудь космическая катастрофа? С ума сойти! Нет, ежели об этом начать трепаться, то точно отправят в дурдом! Даже Чудо-юдо, возможно, подумает, будто он довел родного сынка до ручки своими экспериментами. И ничего никому не докажешь. Особенно в нашем родном

государстве, где и более реальные факты объявляют враньем, а очевидное вранье умудряются переделывать в истину.

Пребывая в этих размышлениях, я наверняка выглядел если не полным идиотом, то каким-то сомнамбулическим типом. Хотя и прошел контроль, даже паспорт сам предъявил.

О том, что все будет совсем не так, как в «первом варианте», можно было догадаться уже по тому, что, согласно «новому сценарию», Вася умер на несколько часов раньше. Но я тут же понял, что, вероятнее всего, так и планировалось неведомыми хозяевами. Потому что уже это обстоятельство внесло серьезные изменения в течение последующих событий. Тех, которые должны были произойти согласно «первому варианту».

Поскольку Вася уже не нуждался ни в чьей помощи, то в «скорую» с эмблемами ЦТМО уселись только доктор Сулейман и врач с медсестрой, которые с этой «скорой» приехали. А Вика, то есть Таня-Лена, все еще пошмыгивая носом и промакивая глазки, уселась вместе со мной в целый и невредимый джип «Чероки», за рулем которого восседал живой и здоровый Юрка Лосенок... И те два парня-охранника, что погибли вместе с ним, тоже сидели тут. Как в сказке! Или мне вообще, может быть, приснилась вся эта кутерьма, произошедшая за последние три месяца? И все-таки это было не так...

Когда «Чероки» выезжал из аэропорта, запищал телефон:

— Ал,,! — отозвался Лосенок, и я вспомнил, что у него были точно такие же интонации в тот раз. — Здравствуй, Игорь Иванович! У нас ничего, а как у вас? Нет, нету времени, Игорек. Шибко занят, правда. Босса везу. Только-только с Шереметьева едем. Ясно, что близко, но не могу. И после вряд ли получится. Как кого, ты чего, в натуре? А ты думал, не того?! Не, как раз того... Само собой, того, который тебе родня. Могу дать его к трубке. А без него — ни за что. Работа дороже, жутко извиняюсь.

Все, что произнес Лосенок, было точным повторением сказанного им тогда, то есть для меня — три месяца назад. Сейчас развитие событий подтягивалось к тому месту, которое послужило отправным пунктом для всего, что потом привело Лосенка и эсбэшников к гибели, а меня — черт знает к чему.

— Привет, Игорек, — ответил я, забирая трубку у Лосенка. — Рад тебя слышать... К сожалению, нам сейчас некогда. В другой раз заедем, или в «Олимпиец», или на дачу...

— Слушай, — с легким обалдением произнес Чебаков, — а я Лосю не говорил, что мы в «Олимпийце» квасим... Как ты догадался, а?

— Да так как-то... — вяло ответил я. — Знаешь, старый, у нас один товарищ умер. Так что извини, ладно?

— Я его не знаю? Товарища вашего?

— Нет, не знаешь! — Вика вырвала у меня трубку. — Тебе сказано, Игоряшка,

— и не настырничай! Вот брата Бог послал, блин! Отдыхай!

«Чероки» выкатил на Ленинградское шоссе. Мне показалось, будто мимо нас к Шереметьеву проехала серая «Волга» в которой промелькнуло на секунду какое-то знакомое лицо. Кого-то из «залетных» — то ли «майора», то ли Лузы... Счастливо доехать, ребятки! На этот раз нам с вами повезло.